

720896

*с приложе-
нием*

А. Г. СЛЮСАРСКИЙ

СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ
СЛОБОЖАНЩИНЫ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЛОБОЖАНЩИНЫ

А. Г. СЛЮСАРСКИЙ

СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ
СЛОБОЖАНЩИНЫ

XVII - XVIII вв.

1964

ХАРЬКОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВВЕДЕНИЕ

Слобожанщина — ныне Харьковская область и многие районы Сумской, Луганской, Донецкой, Воронежской, Белгородской и Курской областей—до XVII в. являлась «диким полем», южной окраиной Русского государства. На этой земле русское правительство разрешило селиться украинским переселенцам. В истории края ярко отражена вековая братская дружба русского и украинского народов.

На широком документальном материале автором исследуются землевладение разных социальных групп, развитие земледелия и скотоводства; освещается развитие промышленности края по отраслям: ткацкой, швейной, кожевенной, солеварения, селитроварения и др.; показывается рост торговли; рассматриваются процессы закрепощения казацко-крестьянских масс, зарождения капиталистических отношений в недрах крепостничества, социальная эволюция населения и классовая борьба на Слободской Украине.

Книга рассчитана на историков и экономистов, учителей истории, студентов исторических и экономических факультетов вузов, краеведов и всех, кто интересуется историей родного края.

Социально-экономическое развитие общества является одной из центральных проблем истории народов. Весьма важное значение имеет изучение процесса перехода одной общественной формации в другую. Советские историки, вооруженные марксистско-ленинской методологией, изучили широкий круг вопросов социально-экономического развития народов СССР, в частности периодов феодализма и капитализма, а также переходного этапа от первого ко второму. Тем не менее многие коренные вопросы исследованы недостаточно и служат предметом дискуссий среди ученых по ряду проблем, в том числе о генезисе капитализма.

Советским историкам предстоит еще многое сделать для изучения истории отдельных областей и районов страны. В частности, необходимо продолжать исследование истории социально-экономического развития украинского народа и его связей с великим братским русским народом. Этой цели посвящена и настоящая монография, в которой рассматривается социально-экономическое развитие Слободской Украины (Слобожанщины) XVII—XVIII вв.

Слободской Украиной называлась южная окраина Русского государства в XVII—XVIII вв. Эту территорию теперь составляют Харьковская область, часть Сумской, Донецкой и Луганской областей УССР, часть Воронежской, Белгородской и Курской областей РСФСР.

Название края складывалось постепенно. В древнерусских летописях и документах XVI—XVII вв. эта местность называется «полем», «польской украиной» или южной степной окраиной русских земель, впоследствии Русского государства. Украинцы, селившиеся здесь, получали от русского правительства временные льготы на промыслы и торговлю, их села назывались слободами, а они сами — слобожанами. Образовавшиеся военно-

административные округа, по казацкой традиции Поднепровья, были названы Слободско-Украинскими полками (Сумской, Ахтырский, Харьковский, Острогжский (Рыбинский) и Изюмский).

Границы Слобожанщины известны по карте Слободско-Украинских полков, составленной в 60-х годах XVIII в. Они не определялись естественными рубежами или однородным, скажем только украинским, населением и постепенно изменялись, передвигаясь на юго-восток.

К более раннему времени относится установление западной границы Слобожанщины. В результате войн между Русским государством и Литвой в конце XV и начале XVI в. между ними установилась граница, проходившая по западной окраине Черниговщины, не доходя р. Сейм в 50 верстах западнее Путивля, отсюда она шла в юго-восточном направлении через верхнее течение р. Сула, среднее течение рек Псел и Ворскла, верховья рек Орчик и Берестовая, до истоков рек Орель и Самара¹.

В XVI и начале XVII в. эти границы неоднократно изменялись. После русско-польской войны 1632—1634 гг. и Поляновского мира, а затем длительных дополнительных переговоров в 1638 г. была установлена граница по линии: вверх по р. Сухой Ромен к Дехановскому и Недригайловскому городищам, по р. Терн до р. Бобрик; перейдя Бобрик и р. Сула до Городицкого городища, которое отходило к России, до р. Псел; по этой реке вниз до Каменного городища, отошедшего к Речи Посполитой; перейдя Псел по притоку его Олешница до р. Ворскла, далее по реке до Скельского городища, отходившего к России; возле Бельского городища через р. Ворскла к р. Мерло, перейдя р. Мерло к р. Коломак и далее к р. Орчик, вверх по этой реке к Муравскому шляху². После воссоединения Украины с Россией описанная граница превратилась в административную между Левобережно-Украинскими и Слободско-Украинскими полками. Эта граница Слобожанщины была наиболее стабильной и лишь г. Котельва, расположенный на левом берегу р. Ворскла и издавна тяготевший к Слобожанщине, в начале XVIII в. также был присоединен к Ахтырскому полку³.

Северная граница начиналась в 40—50 верстах юго-западнее Путивля и шла на восток, пройдя севернее Ворожбы и Искриковщины, до речек Локня и Ивница, северо-восточнее Суджи резко поворачивала на юг, по р. Псел и устьям речек Илек и

¹ М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. Исторический очерк. М., 1892. См. приложенную карту.

² Н. П. Василенко. Очерки по истории Западной Руси и Украины. К., 1916, стр. 574; АЮ и ЗР, т. III, 1862, № 105, 119, 156.

³ Н. А. Маркевич. История Малороссии, т. 2, 1842, стр. 519, 512; т. 3, 1843, стр. 342—343, 528—529.

Бобровка, описав дугу к юго-востоку, шла к Хотмыжску. Отсюда на восток она проходила вдоль Белгородской черты¹.

Белгородская черта начиналась на западе Ахтырской крепостью и шла через Вольный до Хотмыжска. Здесь она пересекала Слобожанщину, защищая территорию Сумского и часть Ахтырского полков от «поля». От Хотмыжска Белгородская черта проходила через Карпов, Белгород, Корочу, Усерд, Коротяк — до Урыва.

Эта граница была весьма условной с самого начала своего существования. Севернее нее было в основном русское население, но в городах жило много украинцев, которые находились в административном ведении Слободских полков. В некоторых районах граница, особенно в XVIII в., заметно изменилась. В северо-западной части Слобожанщины селения Глушково, Корыж, Суджа, например, входили в Путивльский уезд, их украинское население относилось к Сумскому полку. Украинцы, жившие в Вольновском и Хотмыжском уездах Белгородского полка, были подчинены Ахтырскому полку.

Восточная граница, начиная от острога Урыва, шла по правой стороне Дона к устью р. Игорец, затем поворачивала к югу, пересекала в среднем течении р. Калитва и верховья р. Богучар, а отсюда спускалась по р. Айдар и ее притокам на юг. Здесь украинские уходники встретились с донскими казаками еще в 1642 г. Восточная граница значительно изменилась в XVIII в. Украинское население, жившее в русских городах и селах по Белгородской черте, а также к северу от нее, в окрестностях Воронежа, входившее в состав Острогжского полка, было переселено на реки Айдар, Богучар, Битюг и Игорец². В результате этого граница Острогжского полка в бассейне р. Тулушовка пересекла р. Дон и дугой вытянулась на восток до теперешних поселений Меловой, Ширяева и Калача.

Южная граница, отделявшая Слобожанщину от донских степей и начинавшаяся у Торских соляных озер, в начале XVIII в. переместилась на 30 верст южнее до р. Бахмутка. Отсюда она шла на северо-запад по Изюмской, а затем по Новоукраинской линии — через Спеваковку, Алексеевку, Ефремовку и Белевск (ныне Красноград). Внутри этих обширных границ Слобожанщины в Старооскольском, Валуйском и Чугуевском уездах преобладало русское население, украинцы этих уездов были подчинены смежным Слободским полкам.

Рассматриваемая нами тема требует хотя бы кратко остано-

¹ Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства, М., 1887, стр. 197—200; А. И. Яковлев. Засечная черта Московского государства в XVII в., М., 1916.

² Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курьской и Воронежской губерний, т. II, X., 1890, стр. 155.

виться на местных естественных условиях, о которых подробно говорится в литературе¹.

Территория бывшей Слобожанщины лежит в пределах двух водных систем. Северо-западная часть — по притокам Днестра: Сейму, Пслу, Ворскле и Орели; юго-восточная часть — по притокам Дона: Северскому Донцу² с Осколом и другими притоками, Богучару, Черной Калитве, Тихой Сосне и др. Реки имели большое значение для заселения края: вода и рыба, леса, покрывавшие их берега, привлекали переселенцев. Однако эти мелководные реки, на которых очень быстро выросло множество водяных мельниц, не играли сколько-нибудь заметной роли в качестве торговых путей.

Днепровский и Донской водные бассейны разделены незначительной возвышенностью. Территория, постепенно понижающаяся к югу, представляет собой слегка холмистую равнину, пересеченную небольшими реками, ручьями и оврагами. Это характерный лесостепной край, за исключением юго-восточной части (нынешние Славянский, Старобельский и другие районы), являющейся типичной степью.

Леса в XVII в. занимали почти половину всей территории края³. Они росли относительно небольшими полосами длиной 10—15 и шириной 2—5 верст, преимущественно по правому берегу рек. Много было и лесных участков (буераков), росших в степных балках. Породы этих лесов сохранились до настоящего времени: сосна, дуб, ольха, липа, клен, ясень, осина, береза. Из кустарниковых: терн, смородина, крыжовник, калина и др. Дикорастущие фруктовые деревья как бы образовывали во многих местах большие естественные «сады».

Заметное сокращение лесов началось со второй половины XVII в. Массовое заселение края, естественно, вызвало массовую порубку леса для хозяйственных потребностей, строительства многочисленных укреплений. Особенно много леса уничтожалось для нужд винокурения, селитроварения, солеварения, при гонке дегтя, смольчуги и на других промыслах. К концу XVIII в. лесные богатства края намного сократились.

Местные почвы были разные в различных местах — они состояли из чернозема, глины, суглинка, мела, ила и песка. Источники говорят, что площадь песков постепенно расширялась вследствие низкого уровня земледелия. Автор «Топографического

описания» в общем положительно оценивал качество почв Слобожанщины. Он писал: «Грунт земли составляют большей частью мягкие и удобно нагреваемые роды земель: чернозем, глина, наглинок, мел, ил и песок, а твердой, каменистой почвы почти здесь не находится, кроме малого количества мергеля». В то же время он отмечал, что обрабатывать местные почвы было тяжело, так как они «по большей части сухи, тверды и вязки, зарастают толстым былием и крепкими кореньями». Болота здесь занимали небольшую площадь¹.

Мир диких животных и птиц на Слобожанщине был весьма разнообразным. Об этом говорят как сведения XVIII в., так и более раннего времени. В описаниях Харьковского, Курского и Воронежского наместничеств указывается, что здесь водились медведи, волки, лоси, козы, зайцы, дикие свиньи. Было также много диких птиц: орлов, ястребов, гусей, уток и др.².

Климат края умеренный. Местные жители давно заметили зависимость погоды от направления ветра, а также неровный стук западных и восточных, северных и южных ветров, вследствие чего времена года отличаются неровностью³. «В январе и феврале иногда продолжается дождливая погода, в апреле и мае холодные ветры с морозами; осень иногда до ноября месяца холодом переисполнена, а с ноября и декабря дождями»⁴. При наличии значительной площади лесов в XVII и первой половине XVIII в. местный климат был влажнее, чем в последующее время. Тем не менее заморозки поздней весной и засухи в летнюю пору были в крае нередким явлением.

В общем естественные климатические условия края благоприятны для жизни людей, развития земледелия, скотоводства и промыслов.

Письменные сведения о крае известны со времен Киевской Руси. Летописец, рассказывая о славянских племенах, живших на Восточно-Европейской равнине, писал, что племя северян «седоша по Десне, по Семе, по Суле». Они жили также по рекам Ворскле, Пслу, Северскому Донцу и их притокам. Название последней реки, между прочим, указывает на северян как на коренных жителей ее побережья. Северяне временно находились под властью Хазарского каганата. В 884 г. киевский князь Олег подчинил их своей власти⁵. С тех пор земля северян

¹ Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации..., стр. 1—19; Картограмма лесистости Европейской части СССР, издание Управления лесами НКЗ РСФСР, 1926; Г. Г. Мохов. Мапа ґрунтів України в 25-верст. масштабі. Х., 1927; Воронежский край. Схематическая карта почв. Воронеж, 1926; В. Юркевич. Еміґрація на схід і залюднення Слобожанщини за Б. Хмельницького. К., 1932, стр. 21—25.

² Далее будет: Донец.

³ Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации..., стр. 10.

¹ Топографическое описание Харьковского наместничества. М., 1788, стр. 72, 94, 114. (Переиздано в Харькове, 1888 г.).

² ПСРЛ, т. XI, 1885, стр. 98; Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. Спб., 1908, стр. 106; Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 99.

³ Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 95.

⁴ Описание Слободско-Украинской губернии 1802 г., переиздано в «Харьковском сборнике» за 1889 г., стр. 4.

⁵ Повесть временных лет. М.—Л., Изд-во АН СССР, ч. I, 1950, стр. 11, 20, 217.

входила в состав Киевской Руси, а затем Переяславского княжества.

В летописных рассказах о событиях XII в. называется ряд славянских городов. В 1113 г. упомянут город Вирь, стоявший на одноименной реке, левом притоке р. Сейм, на месте нынешнего Белополья. В 1147 г. известны города Вьехань и Попаш, расположенные юго-западнее Вири. Юго-восточнее этих городов, на берегу р. Уды, был г. Донец. В нем новгород-северский князь Игорь Святославич, герой «Слова о полку Игореве», останавливался, возвращаясь в 1186 г. из половецкого плена¹. Археологические памятники свидетельствуют, что на территории Острожского полка жили славяне племени вятичей, входившего в состав Древнерусского государства, а затем Рязанского княжества.

Монгольское нашествие в XIII в. опустошило край. В период феодальной раздробленности, в тяжелое время татарского ига здесь лишь кое-где теплилась жизнь людей. В XIV—XV вв. изредка стали появляться русские военные сторожи. С образованием централизованного Русского государства эти земли вошли в его состав. В XVII в. они заселяются русскими и украинцами и превращаются в Слободскую Украину.

Слобожанщина являлась исконно славянской землей, русский и украинский народы по-братски пользовались этой землей и ее богатствами, делили опасность и невзгоды при освоении «дикого поля», в течение долгого времени совместно боролись против турецко-татарской агрессии. Социально-экономическое развитие Слобожанщины отличалось некоторыми особенностями, вместе с тем оно находилось в неразрывной связи с развитием Украины и всей России.

История Слобожанщины посвящена довольно обширная литература. В дореволюционное время буржуазными историками написано более 20 книг, а также несколько десятков статей. Вся эта литература, за незначительным исключением, касается вопросов заселения края, устройства Слободских полков и их военной деятельности. Социально-экономическая жизнь края не исследовалась, сообщались лишь отдельные сведения о хозяйственной деятельности и сословиях слобожан.

Видным историком, сделавшим большой вклад в изучение истории Слобожанщины, был Д. И. Багалея². Он принадлежал к буржуазному направлению позитивизма, господствовавшему

¹ Летопись по Ипатьевскому списку. Спб., 1871, стр. 198, а в связи с другими событиями упоминается под 1147, 1160 гг.; в Никоновской летописи под 1127, 1148, 1159 гг.; по Московскому летописному своду под 1160 г.

² Д. И. Багалея после Великой Октябрьской социалистической революции отнесся к Советской власти лояльно, был избран членом Академии наук УССР и до конца своей жизни готовил кадры советских историков.

в исторической науке на рубеже XIX—XX вв., и считал необходимым изучать только эмпирические явления истории, избегая обобщений и выводов.

Д. И. Багалея одним из первых среди историков утверждал, что на территории Слобожанщины встретились два потока колонизации: с севера — русского народа и с запада — украинского, что отрицал буржуазный националист М. С. Грушевский и его последователи, признававшие только колонизацию украинцев.

Перу Д. И. Багалея принадлежит большая монография «Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства» (Москва, 1887), много статей и предисловий к сборникам, документам, содержащим, правда, лишь разрозненные сведения о социально-экономической истории края.

В 1918 г. Д. И. Багалея выпустил популярную книгу «Історія Слободської України», в которой имеются главы о социальном строе и сословиях, о промыслах, ремеслах и торговле, о землевладении, написанные с позиций буржуазной методологии. Собранные материалы не дают представления об эволюции социально-экономической жизни края, а свидетельствуют лишь о наличии некоторых промыслов, ремесел и количестве земли у владельцев.

Значительная работа по изучению и освещению истории Слобожанщины проделана в советские годы.

В книге В. Юркевича «Еміграція на схід і залюднення Слобожанщини за Б. Хмельницького» приведен большой фактический материал. Однако автор истолковал его с буржуазно-националистических позиций. Юркевич отрицал дружественные братские отношения русских и украинцев при заселении Слобожанщины. Тенденциозно подобрав факты мелких стычек, происходивших между русскими и украинцами на разных промыслах, он в националистическом духе пытался доказать, что украинцы колонизовали Слобожанщину в острой борьбе против русских. Он неверно утверждал, что эти столкновения выражали собой борьбу украинского ухажничества, мещанского торгового капитала против русского помещичьего землевладения¹.

С позиций буржуазной методологии написана на весьма ценных материалах статья Е. П. Овчаренко «Земельна власність у Слобідській Україні у XVII—XVIII вв., її походження і форми»².

В послевоенные годы многие советские историки в той или иной мере занимались изучением и освещением отдельных вопросов истории Слобожанщины.

¹ В. Юркевич. Еміграція на схід..., стр. IV.

² «Записки Історично-філологічного відділу». Українська академія наук, кн. XI, 1927, стр. 41—102.

В работе Е. М. Апанович «Переселение украинцев в Россию накануне освободительной войны 1648—1654 гг.»¹ пересмотрены и правильно, с марксистско-ленинских позиций освещены причины переселения украинцев на Слобожанщину и братские отношения между русскими и украинцами. Заселению края в XVII—XVIII вв. уделено внимание в работах автора².

В исторической литературе высказаны противоречивые мнения о государственной принадлежности территории Слободской Украины.

Русский историк XVII в. Андрей Лызлов³ в книге «Скифская история», ссылаясь на сочинение польского историка XVI в. Александра Гвагнина⁴, указывал, что со времен Батая «все дикие поля от Волги до Днепра татарова обладаша». Для преграждения нападений татар на Москву, писал А. Лызлов, царь Федор Иванович приказал воеводам снарядить экспедиции в южные окраинные степи, «иде же едва тогда не бяше кочевья поганых татар», и там «на путях и на переходах рек, иде же хождяху погани», построить города. Этими экспедициями «в пустых полях татарских» были построены «Белгород, Оскёл, Валуйтка и прочие; а прежде того в тех странах поставлены быша грады: Ливны, Куреск, Кромы»⁵. Следовательно, Лызлов считал, что не только Слобожанщина, но и территория значительно севернее в XIII—XV вв. была безлюдной, по ней рыскали татарские отряды, и только в XVI в. здесь стала распространяться и укрепляться власть Русского государства.

Когда в 1586 г. умер король Стефан Баторий, в кругах мелкой польско-литовской шляхты и русского правительства возникли планы избрания царя Федора Ивановича королем и создания федеративного объединения Речи Посполитой с Россией. Во время переговоров по этому вопросу представители русского правительства, между прочим, предлагали польским панам поместья и даже целые уезды в «новых русских владениях... на

¹ «Воссоединение Украины с Россией». Сборник статей. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 78—104.

² А. Слюсарський. Слобідська Україна. Харківське обласне вид-во, 1954, стр. 12—70; Его же. «Заселення Слобідської України у зв'язку з боротьбою українського народу проти іноземної неволі» в кн. «Збірник наукових робіт, присвячених 300-річчю воз'єднання України з Росією». Вид-во Харківського державного університету ім. О. М. Горького, Х., 1954, стр. 73—94.

³ А. Лызлов, стольник, уроженец г. Смоленска, написал в 1692 г. книгу в 3 частях: «Скифская история», Спб., 1779, 2-е изд. М., 1787.

⁴ А. Гвагнин (1538—1614 гг.) — польский историк, по происхождению итальянец. Служил в польской армии инженером Витебского гарнизона. Написал книгу, на которую ссылается А. Лызлов, «Sarmatiae Europaeae descriptio etc», Kraków, 1578, 2 wyd., Spira, 1581.

⁵ А. Лызлов. Скифская история, ч. II, М., 1787, стр. 6, 77—78.

берегах Днепра, Дона и Донца»¹. Украинский летописец Самовидец (как и Григорий Грабянка и Самуил Величко), рассказывая о переселении украинцев в этот край, указывал, что переселенцы из-за Днепра, не разместясь на Левобережье, «далее в Великую Россию пошедши, пустые земли великими городами и селами густо осадили»; заселяемый край «царское величество указал разделить на пять полков и поставил полководцев в Сумах, Ахтырке, Харькове, Изюме и Рыбном и позволил судиться им своим правом и дал вольности, как и Войску Запорожскому»².

По сведениям русских и украинских источников XVI—XVII вв., не вызывающих сомнений, земля Слобожанщины до массового заселения украинцами принадлежала Русскому государству. Другого мнения долгое время не существовало, оно возникло лишь во второй половине XVIII в., когда в 1765 г. Слободские полки были упразднены и украинскую казацкую старшину формально уравнивали в правах с русским дворянством. Ликвидация казацкого полкового управления и введение губернского управления на Слобожанщине предоставили более широкие возможности русским помещикам и чиновникам захватывать земли и получать должности. Борьба за землю и рабочие руки между русскими, украинскими и польскими помещиками нашла свое отражение в том, что вопрос о государственной принадлежности Слобожанщины до второй половины XVII в. стал затрагиваться все чаще и при этом толковался весьма различно.

А. Ригельман в «Летописном повествовании о Малой России», автор «Топографического описания Харьковского наместничества», Д. Бантыш-Каменский в «Истории Малой России» отмечали в духе украинских летописей XVII в., что украинцы с согласия русского правительства селились на Слобожанщине в пределах России³. Эта точка зрения по существу была правильной. Таким обстоятельством воспользовался царизм в целях оправдания своей колонизаторской политики и русские помещики, стремившиеся захватить земли крестьян.

С иным мнением выступил С. Зарульский⁴ в интересах польских помещиков. В книге «Описание о Малой России и Украине», ссылаясь на упомянутое сочинение А. Лызлова, он писал, что

¹ ПСРЛ, т. XIV, 1910, стр. 37—38; Л. Шабельский. Историческое описание реки Северского Донца, близ Святых гор. «Записки ООИДР», т. II, 1848, стр. 292; Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации..., стр. 39—40.

² Летопись Самовидца. К., 1878, стр. 234—256.

³ А. Ригельман. Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще..., кн. 3, стр. 163; кн. 4, стр. 48; Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 25; Д. Бантыш-Каменский. История Малой России, Спб., 1903, стр. 181.

⁴ Станислав Зарульский, поляк, служил капитаном в русской армии во второй половине XVIII в.

украинские переселенцы, прибывая на территорию будущих Слободских полков, селились «на пустых, вне границ Русского государства, татарских местах»¹. Как видим, С. Зарульский искажил смысл высказываний А. Лызлова, который не касался вопроса заселения Слобожанщины в XVII в., а говорил лишь о постройке русским правительством городов на территории Курско-Белгородского и Воронежского краев в конце XVI в. С. Зарульский пытался обосновать притязания польских магнатов, господствовавших на Правобережной Украине, на слободско-украинские земли и крестьян.

Аналогичной точки зрения придерживались выразители интересов слободско-украинских помещиков, отстаивавших свои исключительные права на земли и крестьян Слобожанщины.

В последней трети XVIII в. в «Записках о Слободских полках» Илья Квитка², говоря о заселении Слобожанщины в середине XVII в., называет эту местность «пустыми землями, вне границ Российского государства»³.

С отрицанием принадлежности данных земель Русскому государству выступил анонимный автор «Истории Русов»⁴. Он говорил, что территория Слобожанщины принадлежала к «булавинским землям» и якобы была заселена по указанию Богдана Хмельницкого, в результате чего образовались Сумской, Ахтырский и Харьковский Слободские полки, подчинившиеся вместе с другими украинскими полками гетманам «до времен приключения гетмана Самойловича» (1672—1687 гг.). Затем местные полковники, «пожелав,— по выражению автора,— лучше быть маленькими самовластными гетманами», добились у царя отделения Слободских полков от гетманщины и подчинения их непосредственно царскому правительству⁵. Такое надуманное утверждение ничем не обосновано. Обе точки зрения поддерживались историками и юристами XIX в.

¹ С. Зарульский. Описание о Малой России и Украине. В кн.: «Чтения МОИДР», М., 1848, № 8, стр. 17.

² Записки о Слободских полках с начала их поселения до 1766 года. Х., 1812. Записки были опубликованы без указания автора. Д. И. Багалей сначала их авторство приписывал Г. Ф. Квитке, считая, что именно они были переизданы в «Современнике», 1840, т. XVII. Позже выяснилось, однако, что «Записки», изданные в 1812 г., принадлежали Илье Квитке, а вторые — Г. Ф. Квитке. См. «Харьковский календарь на 1886 г.»; Д. И. Багалей. Очерки из русской истории, т. 2, Х., 1913, стр. 261; Д. И. Багалей и Д. П. Миллер. История города Харькова за 250 лет, т. 2, 1912, стр. 807.

³ Записки о Слободских полках с начала их поселения до 1766 года, стр. 17.

⁴ Л. А. Коваленко. Историография Украины. В кн.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. 1, М., 1955, стр. 602—603.

⁵ История Русов или Малой России. Сочинение Георгия Конисского. М., 1846, стр. 108.

В «Историко-статистическом описании Харьковской губернии» В. Пасек отметил, что на территории будущей Слобожанщины еще при Иване Грозном был построен Чугуев, а позже — Цареборисов. За исключением этих укрепленных мест, «вся страна была пустыней, не принадлежавшей, собственно, ни русским, ни татарам, хотя Белгородский приказ и считал ее землею царя московского»¹. Слова Пасека буквально повторили Н. Гербель², П. Кулиш³ и Е. Альбовский⁴.

Когда между казной и крестьянами Харьковской губернии возникли судебные конфликты из-за так называемых «старозаимочных» земель, представители казны доказывали, что земля до заселения края украинцами принадлежала Русскому государству⁵. Поверенные крестьян В. В. Гуров и другие юристы в своих апелляциях⁶ доказывали обратное, что до заселения украинцами земля Слобожанщины была «дикой», безлюдной и никому не принадлежала. Подобное утверждение понадобилось крестьянским поверенным для того, чтоб доказать, что земля, занятая слобожанами в XVII в., является собственностью не казны, а крестьян. Представители обеих сторон в большинстве случаев пользовались одними и теми же источниками, толкуя их в своих интересах. Неопределенно и сбивчиво высказывались по поводу государственной принадлежности данных земель Н. Маркевич и П. Головинский⁷.

Д. И. Багалей коснулся этого вопроса лишь мимоходом. В своей ранней работе «Очерки из истории колонизации» он рассказал о русских сторожах, находившихся здесь в последней трети XVI в., о строительстве Цареборисова в 1600 г., о пожалованных поместий на Слобожанщине русским служилым людям в первой половине XVII в. Изложение этих фактов подводило к выводу о том, что здесь осуществляло свои права Русское

¹ Материалы для статистики Российской империи. Спб., 1839, стр. 125, 126.

² Н. Гербель. Изюмский Слободской полк. Спб., 1852, стр. 4.

³ П. А. Кулиш. История воссоединения Руси. Спб., 1874, стр. 29—30.

⁴ Е. Альбовский. История Харьковского Слободского казачьего полка (1651—1765 гг.), 1895, стр. 4, 14.

⁵ О старозаимочном крестьянском землевладении в местности бывших Слободских полков. Спб., 1904, стр. 1—4; Старозаимочные земли. Решения Харьковского окружного суда по искам крестьянских обществ и Харьковской казенной палаты о старозаимочных землях. С приложением жалованных Слободским полкам грамот и других документов. Издание Н. Чижевского, присяжного поверенного Харьковской судебной палаты. Х., 1893.

⁶ Сборник судебных решений, состязательных бумаг, грамот, указов и других документов, относящихся к вопросу о старозаимочном землевладении в местности бывшей Слободской Украины. Составил В. В. Гуров при участии Е. К. Бродского. Х., 1884, стр. 9—11, 12—65, 66—348.

⁷ Н. А. Маркевич. История Малороссии, т. 1, М., 1842, стр. 264—265, 277; П. Головинский. Слободские казачьи полки. Спб., 1864, стр. 24, 55, 64.

государство, но сам автор такого вывода не делал¹. Надо полагать, что Багалея, учитывая политику царизма, считал нецелесообразным высказывать свое мнение по этому вопросу.

В 1917 году, когда на Украине действовала контрреволюционная буржуазно-националистическая Центральная рада, политика которой была направлена на отрыв Украины от Советской России, Багалея в своей новой книге высказался в националистическом духе. Он писал, что Слобожанщина в XI—XIII вв. была заселена «прадедами слобожан — древними русичами Чернигово-Переяславской земли» и что она являлась дединой («дідиною») украинцев XVII в. Далее он говорил, что Слобожанщина возникла в дикой степи, которую русское правительство ошибочно считало своей территорией, в действительности же, по мнению Багалея, она была «древнерусской украинской»². Таким образом, эти земли он считал достоянием только украинцев.

Затрагивая вопрос о переселении украинцев на Слобожанщину, М. С. Грушевский сначала считал, что переселенцы с Правобережья шли за Днепр, все далее и далее, даже за «Московскую границу», на Слобожанщину. В другом месте он говорит, что считает земли Слобожанщины украинскими «под властью московских приказов»³.

Такое объяснение также является тенденциозным, националистическим. Следует помнить, что северяне были предками не только украинцев, но и русских. Кроме северян, в пределах части Слобожанщины — Острогжского полка — жили вятичи, тоже предки русских. Следовательно, земли Слобожанщины являлись в одинаковой мере достоянием как русского, так и украинского народов. С образованием централизованного Русского государства эти земли в XVI в. вошли в его состав и были совместно заселены украинцами и русскими при содействии русского правительства. Освещать эти исторические факты означало говорить об исконной братской дружбе русского и украинского народов, показывать прогрессивную роль Русского государства на определенном этапе исторического развития Украины, что не входило в планы не только буржуазного националиста Грушевского, но также и буржуазного историка Багалея.

Исследователем, специально уделившим внимание этому вопросу, был Е. Овчаренко. Полностью поддержав мнение о том, что данная земля принадлежала Русскому государству уже в первой половине XVII в., он показал несостоятельность

¹ Д. И. Багалея. Очерки из истории колонизации..., стр. 43—51, 91—102, 121—126.

² Д. И. Багалея. Історія Слободської України. Х., 1918, стр. 5, 102.

³ М. С. Грушевський. Історія України-Русі, т. VIII, ч. 2, стр. 369, 385, 391. Его же. Ілюстрована історія України, К., 1918, стр. 352, 354.

взглядов В. Гурова и отметил, что последний в своих доводах опирался на необоснованные утверждения П. Головинского, Н. Гербеля, Е. Альбовского, С. Зарульского, а также автора «Записок о Слободских полках» и искаженно представил мнение И. И. Срезневского.

Однако в своем обзоре Овчаренко не указал на националистические тенденции в высказываниях Багалея и Грушевского. Он лишь отметил, что Багалея «приблизительно так же», как Миклашевский и другие историки, решил вопрос о принадлежности Слобожанщины к Русскому государству. Грушевский, по его словам, «тоже, очевидно, относил Слобожанщину к Московскому государству»¹.

Правильно утверждая, что Слобожанщина принадлежала Русскому государству до середины XVII в., Овчаренко исторически не обосновал права Русского государства на эти земли. Между тем известно, что русский народ в своем социально-экономическом и политическом развитии XIV—XV вв. стал на путь объединения в централизованное государство, в состав которого с XVI в. вошла и территория будущей Слобожанщины.

Исторические судьбы потомков древнерусской народности, населявшей юго-западные и западные земли Киевской Руси, сложились так, что украинский и белорусский народы оказались в неволе у польских, литовских, венгерских и молдавских феодалов.

Украинский и белорусский народы вели вековую борьбу против иноземного господства. В положительном исходе этой борьбы большая роль принадлежала Русскому централизованному государству. «Русское централизованное государство,— говорится в «Тезисах о 300-летию воссоединения Украины с Россией», одобренных ЦК КПСС,— сыграло огромнейшую роль в исторических судьбах русского, украинского, белорусского и других народов нашей страны. С самого начала своего возникновения оно явилось притягательным центром и опорой для братских народов, боровшихся против иноземных поработителей»².

Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII—XVIII вв. историками еще не исследовано. Тем не менее в исторической литературе сообщены некоторые факты и освещены отдельные события, относящиеся к этой проблеме. В частности, написано несколько работ по истории городов Суджа, Котельва, Сумы, Изюм, Валки, наиболее солидно исследована история

¹ «Записки Исторично-філологічного відділу», УАН, кн. XI, стр. 43.

² Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.). Одобрены Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза, М., Госполитиздат, 1954, стр. 6.

Харькова¹. Хотя поставленные в этих сочинениях вопросы освещались с позиций буржуазной методологии, в них содержится много фактов из истории местной экономики и быта населения.

По вопросам землевладения имеются отдельные сведения об испомещении русских служилых людей, о наделении землей украинских поселенцев, о земельных пожалованиях и приобретениях казацкой старшины, русских сановников и духовенства в названных книгах Н. Гербеля, Гумилевского (Филарета), П. Головинского и др.

В 1860 г. появилась первая статья, посвященная «старозаимочному» землевладению в Харьковской губернии. В ней юрист Т. И. Селиванов, ссылаясь на царские грамоты и указы Слободским полкам, с позиций буржуазно-дворянского правоведа объясняет лишь законодательные источники права владельцев на «старозаимочные» земли².

После отмены крепостного права в Харьковской губернии возникло 272 судебных дела сельских обществ (145) и отдельных крестьян (127). Крестьяне судились за свои земли с Харьковской казенной палатой, которая не признавала права собственности на землю сельских обществ и отдельных крестьян, владевших этой землей с XVII—XVIII вв.³

В связи с этими процессами в печати появились статьи крестьянского поверенного по Ахтырскому уезду А. Л. Шиманова «Главнейшие моменты в истории землевладения Харьковской губернии» и «Предсмертная поземельная борьба Запорожья»⁴.

В первой из этих работ автор осветил происхождение «старозаимочного» землевладения на Слобожанщине и затронул вопрос о возникновении «однодворческого» и «четвертного» землевладения по Белгородской черте. Шиманов правильно утверждал, что землевладение на Слобожанщине, его происхождение и характер тесно связаны с историей землевладения

¹ А. Дмитриков. Краткая история города Суджи и его уезда. «Историко-статистический журнал», 1827, август, стр. 126—148; сентябрь, стр. 233—246; декабрь, стр. 223—235; А. Д. Твердохлебов. Котельва. «Харьковский сборник», 1888, отд. II, стр. 113—130; И. Левитский. Историческое прошлое г. Сум, Харьковской губернии. В кн.: «Труды XIII Археологического съезда», т. II, М., 1907; Н. В. Сибилев. Очерки по истории Изюмского края. Изюм, 1928; Е. Альбовский. Валки, украинский город Московского государства. «Сборник ХИФО», т. 16, X., 1905, стр. 9—53; Д. И. Багалея и Д. П. Миллер. История города Харькова за 250 лет его существования, т. I, X., 1905.

² Т. И. Селиванов. Старозаимочные земли. См. «Прибавления к Харьковским губернским ведомостям», 1863, № 1, 2.

³ О старозаимочном крестьянском землевладении в местности бывших Слободских полков, стр. 1—4.

⁴ «Киевская старина», 1882, ноябрь, стр. 191—228; декабрь, стр. 401—419; 1883, январь, стр. 67—88; май, стр. 555—594; июнь, стр. 248—267; декабрь, стр. 248—267.

в России и на Украине¹, однако обосновал свою точку зрения неверно. Опираясь на взгляды дворянско-буржуазных правоведов К. А. Неволина и К. П. Победоносцева, он полагал, что «юридический характер и внутренняя организация землевладения в России сложились под влиянием татарского ига». Право личной собственности на землю дано дворянству якобы только «жалованной грамотой дворянству в 1785 г.», а право приобретения незаселенных земель всем русским подданным, за исключением крепостных крестьян, предоставлено указом 1801 г. Неверно Шиманов объяснял и происхождение землевладения на Украине. Заявив, что землевладение здесь образовалось под влиянием Литовского государственного права, он утверждал, что «право полной собственности на землю принадлежало единственно только великому князю, и в этом отношении была, по видимому, как бы полная параллель с юридическим положением землевладения и в Московском государстве». Но эта параллель «не шла дальше схождения основных государственных воззрений на землевладение». В середине XVII в., по его мнению, землевладение на Украине претерпело коренное изменение в результате восстания украинского народа под руководством Б. Хмельницкого, вся земля якобы стала собственностью занимавшего ее народа².

Известно, что поднявшийся на борьбу народ изгнал с Украины польских панов и украинских магнатов Вишневецких, Киселей и им подобных. Часть их земель перешла в руки восставших казацко-крестьянских масс, а другая осталась во владении органов гетманской власти — полковых канцелярий. Сохранилось также землевладение украинской казацкой старшины и православного духовенства.

Утверждение Шиманова о возникновении «народного» землевладения на Украине связано было с либерально-народнической терминологией, существовавшей в пореформенное время. «По установившейся в нашей либерально-народнической печати терминологии, — писал В. И. Ленин, — слово «народный» означает такой, который исключает эксплуатацию трудящегося»³. Это слово понадобилось Шиманову для обоснования преемственной связи землевладения на Слобожанщине, сложившегося путем так называемых «вольных заимок».

Шиманов писал, что, хотя здесь было немало случаев приобретения земель путем пожалований, дарений, покупок, а также отвода земли поселенцам русским правительством⁴, основной способ приобретения земли представлял собою «вольную заимку». Отрицая участие русского правительства в образовании

¹ «Киевская старина», 1882, ноябрь, стр. 194.

² Там же, стр. 194—195.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 345.

⁴ «Киевская старина», 1882, ноябрь, стр. 203, 204, 206.

землевладения на территории Харьковского и Ахтырского полков, он утверждал, «что первоначальное заселение Харьковско-го Слободского полка, а следовательно, и его древнейшая по-земельная организация (так же, как и Ахтырского полка) стояли вне всякого официального влияния Московского правительства»¹. Таким образом, Шиманов, идеализируя «вольные займки», не понимал феодального характера образования землевладения.

Поверенный по крестьянским делам В. В. Гуров в сборнике судебных решений поместил историческую справку «Объяснение на апелляционную жалобу Харьковской казенной палаты», где на значительном материале показал возникновение «старо-займочного» землевладения. Он утверждал, что «вольная займка» земли была первоначальной основой землевладения массы слобожан². Автор, рассматривая возникновение землевладения с позиций буржуазно-либерального юриста, все внимание уделит формальному обоснованию владельческих прав крестьян на землю. Гуров, как и Шиманов, не понимал феодального характера происхождения землевладения на Слобожанщине.

Вопросам возникновения и характера землевладения на Слобожанщине уделено внимание в работах Д. И. Багалея. В 1887 г. он писал: «Все пустые земли, входившие мало-помалу в состав Московского государства, считались государственными и могли отчуждаться в чью-либо собственность или владение только с согласия правительства». Следовательно, земли на Слобожанщине принадлежали Русскому государству еще до заселения их украинцами, они заселялись, переходили во владение к поселенцам по воле правительства. Автор обосновывает свое мнение сведениями о наделении земель украинских поселенцев в Чугуеве, Ворожбе, Лебедине, Цареборисове и других местах³.

Эта правильная точка зрения не нашла своего развития в вопросах признания казенного землевладения феодальным. Повторяя далее мысли Селиванова и Шиманова, Багалея в 1918 г. особенно подчеркивал и идеализировал «займочное» происхождение землевладения. Он писал, что в основе землевладения слобожан, как и жителей «гетманщины», была «их займка, как земельное право, вместо великороссийского поместного землевладения». Путем «свободной займки», по его мнению, приобретали свои «грунты» не только рядовые казаки, но и казацкие старшины. Этот способ приобретения земли якобы был узаконен правительством⁴.

Багалея подчеркивал, что существовала принципиальная разница между поместным землевладением русских людей

и «займочным» — украинцев, так как первое жаловалось правительством, второе — приобреталось займками в облюбованных местах с последующим узаконением этого акта правительством. Эти формы внешне отличались, но по существу они находились в зависимости от царского правительства, следовательно, их происхождение имело феодальный характер, чего в силу своих взглядов Багалея не хотел признать. Касаясь землевладения помещиков и духовенства, Багалея отметил лишь отдельные случаи роста крупного землевладения путем покупок и захватов казацко-крестьянских земель.

В 1927 г. появилась упомянутая статья Е. П. Овчаренко, специально посвященная землевладению на Слобожанщине. В ней рассказывается о «юртах», как об одной из форм местного землевладения, о земельных владениях русских служилых людей и казаков. Овчаренко поддержал мнение Шиманова и Багалея о том, что основная масса украинских слобожан «владела землями по праву займки», заметив, что «были случаи» приобретения земель путем пожалований. Он так же, как Шиманов и Багалея, не связывал происхождение землевладения с феодальными отношениями.

Таким образом, в отечественной исторической литературе была сделана попытка (с позиций буржуазной историографии) осветить происхождение некоторых форм землевладения на Слобожанщине, но вопросы эволюции землевладения оказались совершенно не затронутыми.

Развитие земледелия, скотоводства, пчеловодства, рыбных, мельничных и винокуренных промыслов на Слобожанщине отражено в исторической литературе очень слабо, о них сообщаются лишь разрозненные сведения. И только казенное хозяйство в Чугуеве освещено в одной статье¹, в которой представляют интерес конкретные материалы.

О соляных промыслах, существовавших на Торских озерах и на р. Бахмутка, обстоятельных работ также нет, отмечены лишь эпизоды их деятельности. Подробнее сообщил о них А. Скальковский в статье «Соляная промышленность в Новороссийском крае 1715—1847 гг.»².

В исторической литературе говорится о двух мануфактурных предприятиях на Слобожанщине — Ахтырской табачной мануфактуре и Глушковской (Путивльской) суконной мануфактуре.

В статье «Табачная промышленность в России», напечатанной в «Отечественных записках» в 1843 г., говорилось, что первая табачная фабрика в России была открыта в Ахтырке. Время

¹ Н. Белявский. Государевы арбузные огороды и виноградники в Чугуеве. «Сборник ХИФО», т. 16, 1905, стр. 54—105.

² «Журнал Министерства внутренних дел», ч. 25, 1849, о том же см. его книгу «Опыт статистического описания Новороссийского края», ч. II, Одесса, 1853.

¹ «Киевская старина», 1882, ноябрь, стр. 201.

² В. В. Гуров. Сборник судебных решений..., стр. 90.

³ Д. И. Багалея. Очерки по истории колонизации..., стр. 183—184, 436.

⁴ Д. И. Багалея. История Слободської України, стр. 170—182.

ее открытия автор ошибочно относил к 1714—1715 гг. Рассказав о переработке на мануфактуре табака, поступавшего с «десятичного сбора» на «гетманщине», автор вовсе не коснулся основной сырьевой базы — посевов табака на «заводских» полях. В статье идеализировалось положение рабочих людей на мануфактуре¹. Вскользь упоминается об этой мануфактуре и в ряде работ, посвященных истории промышленности в России и на Украине². Специальная статья написана А. Твердохлебовым, в ней использовано два документа «Выписка из дневных записок генерального подскарбия Якова Маркевича» от 17 марта 1727 г. и письмо сенатора Т. Теплова слободско-украинскому губернатору 6 февраля 1766 г. о перевозке технического оборудования предприятия в Петербург³. В статье представляет интерес фактический материал.

Правильная характеристика Ахтырской табачной мануфактуры дана в книге А. А. Нестеренко⁴. Автор отметил время и предпосылки возникновения предприятия, состав рабочей силы, сырьевую базу и рост его продукции. Но, к сожалению, в книге не говорится о причинах закрытия мануфактуры.

Глушковской суконной мануфактуре, являвшейся крупнейшим предприятием страны XVIII в., уделено незначительное внимание в историко-экономической литературе дореволюционного времени. Узкий круг источников и буржуазная методология освещения затронутых вопросов в этих работах не могут нас удовлетворить.

О Глушковской мануфактуре писали советские историки и экономисты. П. Г. Любомиров отметил ее в ряду крупных предприятий страны в XVIII—XIX вв. Ф. Я. Полянский верно подчеркнул особенности Глушковской мануфактуры, заключавшиеся в ярком сочетании «централизованной мануфактуры с рассеянной». А. А. Нестеренко остановился на составе владельцев и тех условиях, на которых они эксплуатировали предприятие. Он также отметил основные моменты роста мануфактуры⁵.

¹ «Отечественные записки», 1843, т. XXVIII, отд. IV, стр. 12.

² Грум-Гржимайло. Табачная промышленность, т. II, 1863, стр. 229; И. М. Кулишер. Очерки истории русской промышленности, Петроград, 1922, стр. 104—105, и др.

³ А. Твердохлебов. Судьба табачной мануфактуры при Петре I в Ахтырке. «Киевская старина», 1886, сентябрь, стр. 178—182.

⁴ О. О. Нестеренко. Развитие промышленности на Украине, ч. I, К., Вид-во АН УРСР, 1959, стр. 325—326.

⁵ П. Г. Любомиров. Очерки из истории русской промышленности. М., 1947, стр. 31, 46, 50; Ф. Я. Полянский. Экономический строй мануфактуры в России XVIII века. М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 355; О. О. Нестеренко. Развитие промышленности на Украине, ч. I, стр. 258—264.

Заслуживает внимания статья историка-экономиста Т. И. Деревянкина¹. В ней автор на основании обстоятельных архивных материалов, собранных в Ленинграде и Харькове, дал ясную картину структуры Глушковской мануфактуры, технологию производства, показал состав рабочей силы и положение рабочих людей. Автор правильно характеризует предприятие (в руках Дубровского) как помещичье, а затем как посессионное с ростками капиталистических отношений.

В исторической литературе затронуты вопросы селитроварения на Слобожанщине. Еще В. Зуев обратил внимание на курганы около с. Песочин, представлявшие собою «остатки бывших некогда здесь селитряных заводов»². Отдельные факты селитроварения сообщены рядом авторов³. Е. Трифилев посетил специальную брошюру этой отрасли промышленности⁴. Тем не менее и он не дал ясного представления о начале и росте данной отрасли промышленности.

О торговле на Слобожанщине до середины XVIII в. известны лишь незначительные сведения. И. С. Аксаков в своей книге⁵ исследовал ярмарочную торговлю в Харькове, Сумах, Ромнах, Полтаве, Кролевце, Елисаветграде и на Коренной ярмарке на материалах главным образом 1850—1854 гг. В введении сообщены отдельные сведения о торговле здесь во второй половине XVIII в.

Д. И. Багалеи в статьях, посвященных торговле на Слобожанщине⁶, основное внимание сосредоточил на второй половине XVIII в., о торговле предыдущего времени он сделал несколько общих замечаний. Приведенный в этих работах материал имеет фрагментарный характер и написан с позиций буржуазной методологии.

Вопрос о закреплении казацко-крестьянских масс и других групп населения на Слобожанщине не освещался в исторической литературе, хотя о социальном составе переселенцев иногда сообщалось.

¹ Т. И. Деревянкин. До історії посесійної мануфактури на Україні у XVIII столітті (Глушківська суконна мануфактура). «Труди історичного факультету Харківського ордену Трудового Червоного Прапора державного університету ім. О. М. Горького», т. 7, 1959.

² Путешественные заметки Василия Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году, стр. 199.

³ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. IV, стр. 54, 308; Д. И. Багалеи. Історія Слободської України, стр. 166; Федоровський. Майдани Харківщини та майданні теорії. В кн. «Записки Всеукраїнського археологічного комітету», т. I, К., 1931.

⁴ Е. Трифилев. Очерк из истории промышленности Слободской Украины, вып. I. Селитроварение XVII—XVIII вв., X., 1894.

⁵ И. С. Аксаков. Исследование о торговле на украинских ярмарках. Спб., 1858.

⁶ Д. И. Багалеи. Очерки из русской истории, т. 2, X., 1913, стр. 50—79.

И. И. Срезневский писал, что в числе переселенцев, пришедших на Слобожанщину в 1645—1647 гг., «были и дворянские фамилии, как-то: Квитки, Шидловские, Захаржевские, Кондратьевы, Лесевицкие и пр.». Он утверждал, что эти семьи, как и вообще большинство дворян, выходцев из Польши (т. е. Поднепровской Украины), были «шляхтичами» украинского происхождения, а не польского¹. В сообщении И. И. Срезневского вызывает сомнение только дата переселения украинских феодалов. Его мнение о том, что в числе переселенцев были и украинские паны, подтверждается другими сведениями. Украинский писатель Г. Ф. Квитка в повести «Татарские набеги», рассказывая по преданиям о переселении украинцев на Слобожанщину, писал, что «не один простой народ переселялся, но вместе с ним пришли и «паны» также с семействами, имуществом и крестьянами своими»². Утверждение, высказанное Г. Ф. Квиткой в художественном произведении, естественно, не является документальным обоснованием, но оно заслуживает внимания, поскольку в нем отражено правильное традиционное представление местных помещиков о том, что ядро слобожанского дворянства появилось вместе с переселенцами. Такого же мнения придерживался в своей статье И. Теличенко³.

Признание факта прихода дворян с Поднепровской Украины на Слобожанщину влекло за собой и признание перенесения ими крепостничества. И. И. Срезневский и И. Теличенко этого вопроса не касались, но Г. Ф. Квитка не преминул рассказать легенду о том, что на Слобожанщину шли не только помещики со своими крепостными, но якобы были случаи, когда крепостные крестьяне привозили малолетних сирот своих господ, на которых продолжали здесь работать.

Филарет Гумилевский, стараясь обелить практику закрепощения старшинами-помещиками казаков-крестьян, писал, что не каждый украинец мог быть казаком, так как не всякий имел нужные материальные средства и обладал необходимыми физическими данными. «Полковник,— продолжал Филарет,— заняв земли пустопорожние, населял их теми, которые хотели жить на них с пользой себе и пану»⁴. Филарет, извращая историческую действительность, обошел молчанием такие средства закрепощения, как прямое принуждение и экономическое закабаление крестьян господствующим классом при содействии правитель-

ства, и представил этот процесс как мирный, добровольный переход свободных людей на положение крепостных.

Характеристику социального состава украинских переселенцев и условия появления крепостничества на Слобожанщине сознательно извращали буржуазно-либеральные историки конца XIX и начала XX в.

Краевед Е. Максимов, например, писал, что крепостное право среди украинского населения появилось, с одной стороны, путем законодательства Анны Ивановны, «а с другой, объяснялось материальной зависимостью, в которую могли попадать казаки и казацкие подсоседки от местных служилых людей и своих же войсковых старшин»¹. Вопрос о приходе украинских помещиков с Поднепровья и перенесении ими крепостничества на Слобожанщину автор обошел, появление крепостничества здесь он относит к XVIII в. и связывает его в первую очередь с царским законодательством.

Это неверное утверждение нашло свое отражение в брошюре В. А. Барвинского² и в работах Д. И. Багалея. Вся масса украинских переселенцев, приходивших на Слобожанщину, писал Д. И. Багалея, «в социальном отношении представлялась еще довольно однородной. Только впоследствии под влиянием разных условий происходит здесь дифференцирование; из массы казачества выделяется старшина, которая выдвигает теорию белой дворянской кости с целью санкционировать свое фактическое господство»³.

Багалея не признавал в казацкой старшине, переселившейся с Украины на Слобожанщину, украинских феодалов. Это свое мнение он ничем не подтверждает, но его позднейшие высказывания о характере восстания украинского народа под руководством Б. Хмельницкого дают возможность понять смысл его утверждения. Главная цель восстания, по мнению Багалея, заключалась в том, чтобы упразднить привилегии сословий, ликвидировать «бездну, которая тогда отделяла шляхту от посполитых, панов от крепостных». Это восстание «казацкой саблей отменило социальную неправду»⁴. Следует понимать мысль автора так, что, поскольку на Украине было ликвидировано социальное неравенство, то переселенцы, приходившие оттуда на Слобожанщину, в социальном отношении были однородными. Здесь украинские старшины-помещики якобы под влиянием крепостнических порядков в России начали формироваться из каза-

¹ И. И. Срезневский. Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины. Х., 1839, стр. 5.

² Г. Ф. Квитка. Соч., т. III, Х., 1889, стр. 78.

³ «Киевская старина», 1888, ноябрь, стр. 244—270.

⁴ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 155.

¹ «Киевская старина», 1886, март, стр. 480.

² В. А. Барвинский. Исторический очерк Харьковской губернии. Х., 1918, стр. 14.

³ Д. И. Багалея. Очерки из истории колонизации..., стр. 109—110.

⁴ Д. И. Багалея. Історія Слободської України, стр. 110—113.

ков позже, в конце XVII и начале XVIII в. С того же времени, мол, началось закрепощение казацко-крестьянских масс.

Эти утверждения противоречат фактам, приводимым в работах самого Багалея, и не отвечают исторической действительности. Известно, что в 50-х годах XVII в. на Слобожанщину пришел ряд украинских шляхетных, или дворянских, фамилий (Квитки, Ковалевские, Кондратьевы, Донцы, Захаржевские, Дзиковские, Лесевички и др.) со всеми крепостническими традициями. Они и стали ядром местных крепостников. Несомненно, что многие помещичьи семьи этого края вышли из разбогатевших и выдвинувшихся по службе местных казаков, но они лишь умножили и укрепили класс феодалов на Слобожанщине.

Следует отметить статью З. К. Звездина «К вопросу о социальных отношениях на Слободской Украине в конце XVII и начале XVIII в.», напечатанную в «Исторических записках», выпускаемых Академией наук СССР. Автор, выступая против буржуазно-националистических утверждений М. С. Грушевского и др. о бесклассовости украинского общества и о перенесении крепостного права на Украину из России, с марксистско-ленинских позиций показывает слободско-украинскую старшину как класс украинских феодалов, в общем правильно освещает социальные отношения на Слобожанщине на этом этапе. Тем не менее некоторые вопросы, поставленные в статье, освещены неудачно. Деление старшины на «старую», относившуюся отрицательно к России, и «новую», приверженную к России, не убедительно¹. Известно, например, что харьковский полковник Репка, принадлежавший к старшему поколению, был убит сторонниками Брюховецкого за приверженность к России, а молодой полковник И. Дзиковский казнен царскими палачами за связь со Степаном Разиным. Кроме того, казаки и подпомощники в статье рассматриваются как разные социальные группы населения, ничего не сказано о подсоседках, основная масса которых ютилась в казацких дворах. Несмотря на эти пробелы, статья З. К. Звездина является первой попыткой специального рассмотрения социальных отношений на Слобожанщине и заслуживает одобрения.

Вопросы о классах и классовой борьбе на Украине, как известно, впервые на основе марксистско-ленинского учения правильно начали ставить и освещать советские историки. В работах К. Г. Гуслисто², Е. М. Апанович³, В. А. Голобуцкого⁴,

¹ Исторические записки. Изд-во АН СССР, т. 39, 1952, стр. 181—203.

² К. Г. Гуслистый. Коліївщина, К., 1947; Его же. Турбаївське повстання, К., 1947.

³ Е. М. Апанович. Переселение украинцев в Россию накануне освободительной войны 1648—1654 гг. В кн.: «Воссоединение Украины с Россией. Сборник статей», стр. 78—104.

⁴ В. А. Голобуцкий. Запорожское казачество. К., 1957.

И. А. Гуржия¹ отмечаются антикрепостнические выступления на Слобожанщине XVIII в. в связи с обострением классовой борьбы в стране.

В ряде исследований некоторые события рассматриваются специально. Е. И. Стецюк в своих работах² значительное внимание уделила социально-экономическому и политическому положению в 60—70-х годах XVII в. и крестьянско-казацкому восстанию в 1670—1671 гг. на Слобожанщине, его связям с крестьянской войной в России. Следует отметить, что первая ее работа «Вплив повстання Степана Разіна на Україну» названа неудачно, это название не отвечает действительности и содержанию книги. Слобожанщина и Левобережная Украина были составными частями России. Крестьянская война называлась по всей стране, а следовательно на Левобережье и Слобожанщине, что хорошо показано в обеих книгах. Крестьянское движение под предводительством С. Разина началось на Дону, развернулось на Поволжье, Слобожанщине и в других районах страны. Отряды и посланцы Разина состояли из русских и украинцев, они спешили с Дона в родные места, на помощь восставшим землякам.

А. С. Черевань в статье «Совместная борьба украинских и русских крестьян против феодального гнета в 60—70 годах XVIII века»³ осветил, как он пишет, «ряд отдельных событий, свидетельствующих об исторической связи украинского и великорусского народов в борьбе с общими классовыми врагами». Содержательна по материалам кандидатская диссертация И. Л. Бутича «Крестьянское движение на Слободской Украине во второй половине XVIII века»⁴, но, к сожалению, она представлена в печати только авторефератом. П. Е. Матвиевский в популярной брошюре остановился на выступлении рабочих людей Глушковской суконной мануфактуры в 1797 г. Верно освещая ход событий, автор допустил неправильное утверждение, будто восстание началось стихийно, а позже, когда руководитель движения Слюсарев объявил себя управителем предприятия, приобрело организованный характер⁵. Такое мнение неверно, ибо общеизвестно, что выступление глушковцев с самого начала и до его подавления было стихийным.

¹ І. О. Гуржій. Боротьба селян і робітників України проти феодально-кріпосницького гніту. К., 1958. Его же. Семен Гаркуша. К., 1960.

² Катерина Стецюк. Вплив повстання Степана Разіна на Україну. К., 1947; К. І. Стецюк. Народні рухи на Лівобережній і Слобідській Україні в 50—70-х роках XVII ст. К., 1960.

³ «Вопросы истории», 1953, № 12, стр. 29—41.

⁴ И. Л. Бутич. Автореферат диссертации. К., 1950.

⁵ П. Е. Матвиевский. Бунтари Глушковской мануфактуры. Курск, 1949.

Как видим, в исторической литературе затронуты и освещены многие вопросы данной темы. Однако обобщающей работы, в которой бы изучались основные вопросы социально-экономического развития Слобожанщины XVII—XVIII вв., нет.

В данной монографии исследуются заселение края, казацко-крестьянское и старшинско-помещичье землевладение, развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли, социальная эволюция основных групп населения и классовая борьба с середины XVII до конца XVIII в. Чтобы полнее представить историю социально-экономического развития Слобожанщины, в первой главе дается обзор начала заселения края и складывания хозяйства до середины XVII в. В хронологических рамках работы прослеживается процесс переселения на эту территорию в основном свободного казацко-крестьянского населения и дальнейшее закрепощение более половины крестьян из общего количества один миллион человек, рост крепостного хозяйства, зарождение и развитие капиталистических отношений.

* * *

Источники по истории социально-экономического развития Слободской Украины сохранились неполные, по некоторым вопросам они вовсе отсутствуют. Тем не менее материалов имеется очень много, особенно со второй половины XVIII в.

Основная часть документов XVII в. находится в Москве в Центральном государственном архиве древних актов СССР, в фонде Разрядного приказа. Разрядный приказ делился на отделы, или столы, среди которых был Белгородский стол, ведавший военно-административными и хозяйственно-финансовыми делами Белгородского полка, в который входила Слобожанщина.

В книгах, а особенно в столбцах Белгородского стола, содержатся документы о заселении края украинцами и русскими, о наделении их землей, выполняемых ими обязанностях, о предоставлении украинцам казацких льгот. Из переписки Разрядного приказа с воеводскими избами и полковыми канцеляриями Слобожанщины можно почерпнуть разнообразные сведения о земледелии, мельничных и винокуренных промыслах, о пчеловодстве, рыболовстве, селитроварении, солеварении и других видах хозяйства слобожан. Ценный материал о составе населения содержится в описных книгах крепостей по Белгородской черте, в списках и реестрах людей и их имущества, в описаниях городов края в 70—80-х годах XVII в.

Часть материалов имеется в делах Московского, Севского, Владимирского, Новгородского, Денежного и Поместного столов Разрядного приказа, в делах Посольского, Малороссийского приказов, а также Приказа Великой России.

В делах Сената, Военной и Адмиралтейской коллегий, Мануфактур-коллегии и других органов государственного управле-

ния XVIII в. хранятся сведения о селитроварении, об Ахтырской табачной мануфактуре, о Глушковской суконной мануфактуре. В фондах Межевого отдела Сената большой интерес представляют «Экономические примечания» и «табели» к ним по уездам края.

В фондах местных учреждений сохранилась незначительная часть документов Миропольской и Острогожской разрядных изб, Слободско-Украинской губернской канцелярии, Острогожской и Сумской воеводских канцелярий и др.

Ряд материалов находится в фондах Малороссийской коллегии Центрального государственного исторического архива УССР в Киеве. Основная масса документов местных учреждений края, особенно XVIII в., хранится в фондах Харьковского филиала ЦГИА УССР: в фондах канцелярий Ахтырского, Изюмского, Острогожского, Сумского и Харьковского Слободских полков, Чугуевской приказной избы, Слободско-Украинской губернской канцелярии (1765—1780 гг. и с 1796 г.), Воронежской губернской канцелярии (1716—1755 гг.), Харьковского наместнического правления (1780—1796 гг.), канцелярии Харьковского и Воронежского генерал-губернатора, Бахмутской заводской соляной конторы (1750—1780 гг.), Комиссии Торских соляных «заводов» (1748—1778 гг.). Много материалов содержат дела фондов Ахтырской, Изюмской, Острогожской, Сумской и Харьковской провинциальных канцелярий, уездных судов и других местных учреждений.

В Харьковском областном государственном архиве хранятся копии поездных книг «Экономических примечаний к генеральному межеванию» 1785 и 1807 гг.

В литературе опубликовано около 400 документов из фондов центральных, местных органов власти и из частных архивов, содержащих многочисленные сведения по вопросам темы. Много законодательных актов напечатано в «Полном собрании законов» в 1—25 томах; в сборниках: «Собрание государственных грамот и договоров» (т. IV, 1828), «Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии» (кн. 1, 1851; кн. 2, 1850; кн. 3, 1853), «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России» (т. III, 1862) и др.

Среди множества документов, напечатанных в различных изданиях, следует отметить «Ответы на экономические вопросы» по Харьковской, Сумской, Ахтырской, Изюмской и Острогожской провинциям в «Трудах Вольного экономического общества» (ч. VIII, Спб., 1768), Описание для Академии наук промыслов населения в 1781 г. (см. в сб.: «Материалы по истории Воронежской и соседних губерний», вып. XVI), «Путешествие академика Гильденштедта по Слободско-Украинской губернии» (X, 1892), «Путешественные записки Василия Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 гг.» (Спб., 1787), «Топографи-

ческое описание Харьковского наместничества» (М., 1788), «Описание Слободско-Украинской губернии 1802 г.» (приложение к «Харьковскому календарю» на 1889 г.).

Особенно много документов (около 230) с ценными сведениями о социально-экономической жизни края издано Д. И. Багалеем в сборниках: «Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства», т. I (X., 1886), «Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний», т. II (X., 1890), «Новые материалы для истории Слободской Украины», т. III («Сборник Харьковского историко-филологического общества», т. 5, X., 1893), «Материалы для истории г. Харькова в XVII веке» (тот же сборник, т. 16, X., 1905).

Большую ценность представляют документы и материалы в трех томах, изданные совместно Академией наук СССР и Академией наук УССР к 300-летию воссоединения Украины с Россией, а также 2-я часть второго тома сборника документов «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». Эти документы восполнили пробелы (правда, на отдельных этапах истории края) по вопросам братских отношений русского и украинского народов и их совместной борьбы против крепостничества.

Глава I

НАСЕЛЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВО КРАЯ В XVI—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Начало заселения края русскими

В России усиление феодально-крепостнического гнета, захваты крестьянских общинных земель помещиками создавали тяжелые условия жизни крестьян. На Украине, входившей в Польско-Литовское государство, крестьяне и городские низы все больше страдали от феодального гнета, религиозных притеснений, что толкало массу русских и украинских крестьян на побеги в южные степи. В результате на Дону и на Днепре, как и на Тереке и Яике, возникло казачество.

Беглых людей в середине XVI в. было уже довольно много и в Донецком крае. В сообщении путивльского воеводы М. Троекурова в Москву правительству в 1546 г. говорилось: «Ныне, государь, казаков на поле много, и черкасцев, и киян, и твоих государевых»¹. О пребывании людей в долине Донца в первой половине XVI в. свидетельствует появление известий о Святогорском монастыре. «Святые горы» упоминаются в «Записках» С. Герберштейна², а затем в Никоновской летописи³. Заметнее росло население края со второй половины XVI в. На северо-западе края в районе Суджи появились села Рибица, Хотеж Колодезь, Касторная и др.

Русское правительство в оборонительных целях содействовало мирному населению в заселении «дикого поля» и усиливало здесь военно-сторожевую службу, укрепляя свою власть. С. Герберштейн писал, что правительство ежегодно держит

¹ Историческое описание земли Войска Донского. Изд. 2-е, 1903, стр. 3.

² Сигизмунд Герберштейн. Записки о московских делах, стр. 106.

³ ПСРЛ (Никоновская летопись), т. XIII, 1904, стр. 137, 256.

сторожи на среднем и нижнем Дону, по Донцу «с целью разведок и удержания татарских набегов»¹.

Еще в 1513 г. князь Василий III, кроме сторож, расположил значительную военную силу в степи около Тулы. В связи с большим походом татар на русские города и села в 1521 г. количество полков в степи за Окой было значительно увеличено². По линии расположения войск сооружались земляные валы, устраивались лесные засеки. В результате образовалась первая укрепленная линия, названная Тульской чертой. С укреплением государства в середине XVI в. появилась южнее новая черта по линии от Путивля до Алатыря³.

Нападения татар на русские земли не прекращались, в 1570 г., например, они совершили опустошительный набег на Рязанщину, а в следующем году — на Москву. Это обстоятельство заставило русское правительство принять особые меры: был разработан военный устав о сторожевой и станичной службе.

По приказу Ивана IV 1 января 1571 г. князя М. И. Воротынского назначили начальником русской сторожевой и станичной службы⁴. В Москве провели совещание станичных голов, вожей и других служилых людей, на котором был принят ряд важных решений и составлены росписи мест нахождения стоялых голов, сторож и маршруты станичников. Эти приговоры и росписи представляют собой первый устав русских вооруженных сил XVI в.

По росписям 1571 г. насчитывалось 73 сторожи, делившиеся на 12 групп, или разрядов. Из них группы — Донецкая, Путивльская и Рыльская, в которые входило 16 сторож, и несколько сторож Рязанской группы несли сторожевую службу на Слобожанщине.

Таким образом, сторожевая служба Русского государства распространялась далеко на юг. В состав ее территории входила р. Ворскла до Днепра, по Днепру до р. Самара, по Самаре до верховьев р. Тор и Миусс, оттуда к Дону при впадении Долгого Колодезя и до Азова.

Для контроля сторожей и станиц по росписи было предусмотрено 5 стоялых голов, назначенных из Путивля и Рыльска. Им предписывалось стоять по одному на верховьях Ворсклы около Водолаги, на Мерле, у верховьев Тора и Миусса⁵.

¹ Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах, стр. 106.

² В. И. Пичета. История Московского государства. М., 1917.

³ И. Беляев. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича, М., 1846, стр. 6.

⁴ АМГ, т. I, Спб., 1890, № 1, 6—8.

⁵ Там же, № 10—12; И. Беляев. О сторожевой, станичной и полевой службе..., стр. 19.

При составлении общего устава сторожевой и станичной службы приговором Боярской думы 18 февраля 1571 г. внесены изменения в состав сторож и порядок их материального снабжения. Каждый караул должен был состоять из 6 чел. вместо четырех, «чтоб им разъезжать направо и налево, переменяясь беспрестанно, по два человека»¹. Рязанские сторожи, высланные ежемесячно и располагавшиеся по рекам Тихая и Быстрая Сосна и по Дону, заменены сторожами из казаков других окраинных городов. Наем путивльских севрюков на сторожевую службу в Донецких, Путивльских и Рыльских сторожах был отменен. Вместо них привлекались дети боярские и казаки за земельное жалованье в окрестностях Путивля и Рыльска.

Созданная таким образом стройная и прочная для того времени военно-сторожевая и станичная служба на южной окраине Русского государства по уставу 1571 г. с течением времени расширялась и перестраивалась. За годы польско-шведской интервенции в начале XVII в. она пришла в упадок, но затем была восстановлена. Эта сторожевая служба существовала на протяжении почти всего XVII в. и сыграла большую роль в обороне и укреплении юга страны, а также в заселении Слобожанщины. Вместе с тем она представляла собой начальные формы утверждения позиций Русского государства в «диком поле».

Другим правительственным мероприятием, сыгравшим важную роль в укреплении государственной власти и в заселении края, являлось строительство городов, размещение в них воинских гарнизонов и воеводских органов управления. Этот процесс начался, как уже отмечалось, еще в первой половине XVI в. постройкой Тульской засечной черты.

Города в южных степях строились в тех местах, где были выгодные естественные условия для защиты от врагов и где было удобно вести наблюдение за движением людей «по сакмам татарским». Еще И. Беляев, а затем и другие историки XIX — начала XX в. отмечали военную целенаправленность в строительстве городов на южной окраине России в XVI—XVII вв.²

Когда возник вопрос об усилении охраны Калмиусской дороги, правительство в апреле 1579 г., расспросив станичных голов, вынесло решение: «на Осколе усть Убли и на Дону усть Богатого затону головам стояти по-прежнему, а посылати на Оскол Тульских станичных голов» и с ними станичников 50 чел.

Спустя 7 лет, правительство сочло такую охрану недостаточной, «потому что крымские и нагайские люди ходят на государевы Украины новою Калмиускою дорогою». Поэтому 1 марта

¹ АМГ, т. I, № 3.

² И. Беляев. О сторожевой, станичной и полевой службе..., стр. 7—8. И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта Московского государства, М., 1894, стр. 22—23; Д. И. Багалея. Очерки из истории колонизации..., стр. 52—53.

1586 г. Боярская дума приговорила: на р. Сосна, «не доезжая Оскола два днища, поставить велено город Ливны; а на Дону на Воронеже, не доезжая Богатого затону два днища, велено поставить город Воронеж», что и было сделано к зиме того же года¹.

В 1591 г. набег татар, достигших Подмосковья, вынудил правительство, по словам «Нового летописца», построить «по сакмам татарским» города Белгород и Оскол в 1593 г., Елец в 1592 г. и Кромы в 1595 г., Курск в 1597 г., Цареборисов и Валуйки в 1600 г.² Татары считали для себя эту систему городов арканом. Крымский хан Казимир в 1602 г. говорил русскому послу Г. Волконскому: «Вы хотите задушить нас в ограде» выстроенных городов³.

Прежде чем вынести решение о строительстве какого-либо города, правительство посылало туда сведущих людей для осмотра местности, составления топографических чертежей и планов сооружений. В качестве примера возьмем строительство Цареборисова (ныне с. Красный Оскол, Изюмского района), первого города на Слобожанщине.

В устье р. Оскол были посланы знающие местность и чертежное дело станичные головы Ф. Чулков и И. Михнев. Они осмотрели местность и составили карту. 5 июля 1599 г. был дан наказ царя Бориса Годунова о назначении воевод Б. Е. Бельского и С. Р. Алферьева руководителями постройки города.

В состав строительной экспедиции входило свыше 3 тыс. чел., в том числе дворяне, дети боярские, стрельцы, донские и украинских городов казаки; запорожские казаки и поднепровские украинцы, называвшиеся черкасами, и даже небольшая группа наемных иностранцев. Техническими руководителями строительства были назначены городской мастер М. Кердешев, а также Ф. Чулков и И. Михнев. Погрузив инструменты и продовольствие, вооружение и боеприпасы на судна в г. Ливнах, экспедиция под охраной служилых людей на лошадях, двигавшихся по обоим берегам в предусмотренном порядке, направилась по Осколу к месту назначения.

В течение нескольких месяцев, к началу зимы 1600 г., на правом берегу Оскола, недалеко от его впадения в Донец, строительство города Цареборисова было закончено. Отсюда по Донцу Цареборисов был связан с Белгородом, а по Осколу через Валуйки с г. Осколом — важными военно-опорными пунктами. В этом районе Русское государство как бы клином врезалось в глубь южных степей.

¹ АМГ, т. I, № 50, 57, 59; И. Беляев. О сторожевой, станичной и левой службе..., стр. 33—35.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 5—13, т. II, стр. 1—2.

³ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. XI, стр. 18.

Гарнизон города, личный состав которого ежегодно частично обновляли, оставался довольно многочисленным. Обязанности гарнизона определялись царским наказом и были типичны для украинских городов. Служилые люди по росписи знали обязанности как сторожевой службы, так и на случай нападения врагов. Сторожевую службу несли посменно днем и ночью, «чтоб татаровья и большие люди на государевы украинны безвестно не пришли... всякие вести писать» царю, передавая их воеводам в Белгород и Оскол¹.

Русское правительство с целью укрепления своей власти на территории Слободской Украины в конце XVI в. соорудило Перекопский вал. В «Книге Большому Чертежу» указывается, что Перекоп существовал издавна. Он представлял собой широкий и глубокий ров с земляным валом на Муравской дороге, между реками Мжой и Коломаком; «рву версты с 3, а ров в ширину сажени с полторы, а в глубину сажень, а инже и больше. А по сторонам того рву обойти нельзя: пришли леса и болота»². Время сооружения Перекопа неизвестно. Можно предположить, что он построен до 1601 г.

В начале XVII в. Русское государство, напрягая все силы в борьбе против польско-шведской интервенции, не вело строительства новых городов на юге, а города, ранее построенные, как, например, Цареборисов, пришли в запустение. Однако уход населения в степи и в те годы не прекращался, особенно после поражения крестьянского восстания под руководством И. И. Болотникова. Многие крестьяне, стремясь избежать насилия и террора интервентов, правительства Шуйского и помещиков, переселялись в степи. В это время вокруг Воронежа, Оскола и Белгорода возникло более 130 поселений³.

На территории будущих Ахтырского и Сумского Слободских полков возникли села Сенное в 1601 г. и Городище около 1609 г.⁴ В переговорах между Россией и Польшей в 1638 г. с. Городище называлось Лехановским, или Дехановским, городищем, представлявшим собою остатки древнего города. Предполагают, что это остатки древнерусского города Вьехань. В 1624 г. упоминается Святогорский монастырь⁵.

Рост населения во второй четверти XVII в. в Курско-Белгородском и Оскольско-Воронежском краях вызвал необходимость постройки новой линии укреплений, названной Белгородской чертой. Для этого в конце 1636 г. была произведена разведка местности. В следующем году началось строительство городов.

¹ Д. И. Багалея. Очерки из истории колонизации..., стр. 49—50.

² «Книга Большому Чертежу». М., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 64.

³ И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. I, стр. 111—112.

⁴ Материалы для истории колонизации..., т. II, стр. 148.

⁵ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 65—67; отд. I, стр. 148—154.

С 1637 г. в течение 10—12 лет было построено более 20 городов: западнее Белгорода — Болхов, Карпов, Хотмыжск, Вольный, Олешня и Ахтырка; восточнее Белгорода — Короча, Яблонов, Новый Оскол, Верхососенск, Усерд и др.¹

Правое крыло Белгородской черты от Ахтырки до Хотмыжска прикрывало с юга от внезапных нападений татар территорию будущих Сумского и части Ахтырского Слободских полков, что способствовало быстрому массовому заселению этой части края. Укрепленная Белгородская черта давала возможность строить новые города к югу от нее. Так, в 1638 г. был построен Чугуев, в следующем десятилетии русские служилые люди построили города Валки, Колонтаев и Лосицкий острог.

В 1645 г. появился небольшой Валковский острожок, и одновременно велась подготовительные работы к постройке города, сооруженного уже через год. Вскоре в Валках поселились украинцы, с их приходом крепость значительно усилилась. По описанию 1651—1653 гг. Валки состояли из острога и города. Острожная стена была четырехугольная с 7 башнями. Город и острог окружались рвом и «честиком». Кроме основных городских укреплений вокруг Валок, в лесах были засеки шириною от 10 до 12 сажень, длиной 16 верст 110 сажень. «Проходы» между лесами укреплены были надолбами общей длиной 1 верста 241 сажень. На дальних подступах несли службу 7 сторож: на Муравженъ. На дальних подступах несли службу 7 сторож: на Муравженской сакме в «стоялом острожке» и «под яругою меж двух проходов», вблизи Коломака «под яругою на дубу», около источника р. Орчик, на реках Болгир и Турушка и на Московской дороге².

В 1646 г. между Муравским и старым Бакаевым шляхом на р. Мерло московские городские дворяне и жильцы, дети боярские и люди солдатского строя построили г. Колонтаев. В городе были приказная изба и воеводский двор, казенный погреб и житницы, тюрьма с острогом. За рублеными стенами выкопали ров 3 сажени ширины и 1 сажень глубины, за которым поставили в 2 ряда надолбы, с одной стороны стена прикрывалась рекой и ее болотистыми берегами. Вверх по левому берегу р. Мерло построили стрелецкую, казачью и пушкарскую слободы, а по другую сторону города, вниз по Мерлу, намечалось построить черкасскую слободу, торговые лавки и гостиный двор для купцов³. В окрестностях города была выстроена система укреплений.

¹ Опись городов. «Дополнения к актам историческим», т. IX, Спб., 1875, № 106.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 268, лл. 1—6; «Сборник ХИФО», т. 16, стр. 21—23, 32—33.

³ Строезная города Колонтаева. «Чтения МОИДР», 1885, кн. 2, стр. 34—37.

Южнее Белгородской черты находились и старые поселения — г. Валуйки, Святогорский монастырь и Савинская пустынь. Наличие монастырей свидетельствует о том, что здесь жило мирное население. Надо полагать, что оно состояло из русских и украинцев, занимавшихся промыслами (уходами).

В Воронежской писцовой книге 1615 г. указывается на 17 уходов, отданных правительством за денежный откуп разным лицам. Уходы представляли собой обширные участки с различными промыслами: пчеловодством, рыбной ловлей и охотой. Они размещались по Дону и его притокам от рек Хворостань и Тихая Сосна до р. Богучар. Значительная часть этой территории впоследствии составляла земли Острогжского Слободского полка¹.

В Донецкой волости, Белгородского уезда, вошедшей впоследствии в состав Харьковского и Изюмского Слободских полков, а также в Чугуевском уезде в первой четверти XVII в. имелось 20 промысловых владений, называвшихся «юртами»². Были промысловые угодья разных лиц в пределах Сумского и Ахтырского полков³.

Кроме фамилий владельцев «юртов», документы ничего не сообщают о людях, работавших в этих хозяйствах. Однако невозможно представить, чтобы бобровые гоны, рыбные, пчелиные и другие промыслы на территории, простиравшейся на сотни квадратных верст, могли обходиться без хотя бы немногочисленной рабочей силы. Эти люди вместе с уходниками играли большую роль в начале заселения края и в его хозяйственном освоении.

В эти места с севера прибывали русские поселенцы, а с запада — украинцы. В конце XVI в. появляются города по среднему течению р. Сула, а в начале XVII в. также и по ее нижнему течению. В 20-х годах того же века известны на р. Псел м. Голтва, г. Миргород с окружавшими его 25 хуторами. К 1630 г. возникла Полтава, в 1633 г. было много слобод в окрестности Гадяча.

Приток украинского населения

Переход украинцев в пределы русских земель имеет глубокие исторические корни. Украинский, русский и белорусский народы происходят от одного корня — древнерусской народности. Не будучи разделены какими-либо естественными рубежами, они постоянно поддерживали экономические связи между собой. У них была общность интересов в вековой борьбе против монгольского нашествия, а затем турецко-татарской агрессии, литовско-польских феодалов и немецких рыцарей.

¹ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, т. II, Воронеж, 1891, стр. 139—140.

² Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации..., стр. 121—123.

³ ЦГАДА, Севский стол, стб. 179, л. 374; В. Юркевич. Емиграція на схід..., стр. 123.

В. И. Ленин отмечал близость русского и украинского народов «и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»¹. Об исторических связях братских народов много написано в советской литературе, поэтому здесь нет надобности повторяться.

Во второй половине XVI и первой XVII в. переселение украинцев в Россию с каждым десятилетием увеличивалось. Рост переселения, как известно, объяснялся ухудшением положения украинских народных масс. Феодално-крепостнический гнет на Украине был тяжелым с давнего времени, особенно он усилился с середины XVI в. С ростом товарно-денежных отношений польско-литовская и украинская феодальная шляхта всячески стремилась к овладению землями и к использованию рабочих рук украинских крестьян. Для этого, в частности, крепостники пошли на укрепление Польско-Литовского государства. Польские феодалы, будучи поддержаны значительной частью литовской, белорусской и украинской феодальной шляхты, на Люблинском сейме в 1569 г. добились объединения Польского королевства и княжества Литовского в Речь Посполитую, в которую вошли и украинские земли. С этого времени польские магнаты — Потоцкие, Конецпольские, Калиновские, Жолкевские и др. захватили массу крестьянских земель на Киевщине, Волыни, Подолии и Левобережье. Вместе с ними увеличили свои владения и украинские феодалы Острожские, Вишневецкие, Сангушки, Заславские и др.

Увеличилась эксплуатация украинского крестьянства в магнатских имениях: в Галиции барщина достигала 4—5 дней от ланового и 3 дней от полуланового хозяйства в неделю; на Волыни 2—3 дня от молочного хозяйства в неделю. Кроме того, крестьяне несли разные натуральные и денежные повинности. Усиливалось угнетение ремесленников, мелких торговцев и других низших слоев городского населения. Если в XVI в. в южных районах Киевщины, Брацлавщины и на Левобережье, подвергавшихся чаще, чем другие районы, татарским набегам, населения было мало, и оно эксплуатировалось феодалами в меньшей мере, то в первой половине и особенно во второй четверти XVII в. здесь происходил открытый захват крестьянских земель и шло усиление феодално-крепостнического гнета крестьян и городских низов. Правительство Речи Посполитой узаконивало захваты земель и закрепощение крестьян как польскими, так и украинскими магнатами. Третий Литовский статут, например, в 1588 г. окончательно превратил основную массу крестьян в крепостных².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 74.

² История Украинской ССР, т. I, К., Изд-во АН УССР, 1953, стр. 167.

Кроме того, стремясь ослабить связи украинского народа с русским народом, польские паны в сговоре с верхушкой украинских светских и духовных феодалов в Бресте в 1596 г. провозгласили унию православной церкви с католической. Католическая церковь, поддерживаемая королевской властью, принялась насильно закрывать украинские школы, православные церкви, монастыри и госпитали при них. Иезуиты устраивали погромы украинского населения, отвергавшего унию. В Луцке, например, 24 мая 1634 г. воспитанники местного иезуитского коллегиума разгромили и разграбили монастырскую церковь, школу, госпиталь и ряд частных домов. Избивали и калечили всех украинцев, попадавших им в руки, в том числе престарелых и больных, находившихся в госпитале. «Также тыж и убогих уломных, в шпиталю будучих и при шпиталю зас мешкающих, также небожат павперов школьных и кого одно напали, абы только был русин, без вшелякого политованя шаблями, киями и цеглами, альбо рачей каменями побили, потовкли и помордовали...»¹, — говорилось в жалобе пострадавших.

Классовые и национальные противоречия на Украине все более обострялись, участились побегі украинских крестьян и мещан на Запорожье и в пределы России.

Путивльский воевода Г. Борисов писал царю в 1589 г., что в уезде живет много «нововыезжих» черкас². Среди первых поселенцев Воронежа³, Ливен⁴ и других городов было много украинцев. В 1570 г. 5 тыс. запорожских казаков переселилось на Дон. Одна из групп этих переселенцев построила городок в 60 верстах от Азова, назвав его Черкасск⁵. В 1589 г. группа украинских казаков около 700 чел. во главе с атаманом Матвеем Федоровым поселилась на Донце и несла там сторожевую службу для Русского государства. Вообще на военной службе в России в то время находилось много украинцев. Англичанин Дж. Флетчер, посетивший Россию в 1588 г., писал, что из 4300 чел. наемной пехоты русского войска было 4 тыс. украинцев⁶.

Украинский народ не раз поднимался на борьбу против угнетателей. В 1591—1596 гг. происходили казацко-крестьянские восстания под руководством Криштофа Косинского, Григория Лободы, Северина Наливайко; восставало городское украинское население Брацлава, Белой Церкви. Казаки, возглавленные

¹ «Воссоединение Украины с Россией». Документы и материалы в трех томах, т. I, М., Изд-во АН СССР, 1953, № 80.

² И. Беляев. О сторожевой, станичной и полевой службе..., стр. 31.

³ Грамота царя Михаила Федоровича 1640 г. См. «Воронежские губернские ведомости», 1848, стр. 120.

⁴ В. Юркевич. Еміграція на схід..., стр. 84.

⁵ В. Броневский. История Донского войска, т. I, Спб., 1834, стр. 57.

⁶ Дж. Флетчер. О государстве Русском, изд. 3-е, Спб., 1905, стр. 64.

К. Косинским, обращались к правительству царя Федора Ивановича с просьбой принять их в русское подданство. Украинский феодал А. Вишневецкий в мае 1593 г. писал польскому правительству, что Косинский присягнул «великому князю московскому со всем своим войском и поддал ему уже все пограничье больше чем на 100 миль на тех границах, и в письме своем к нему великий князь писал себя уже царем запорожским, черкасским и низовским и послал на Запорожье сукно и деньги»¹.

Народные массы Украины упорно боролись против Брестской унии. Эта борьба носила политический характер, она была направлена против феодально-крепостнического гнета. В. И. Ленин указывал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития...»². В ходе этих выступлений усиливалось стремление украинского народа к воссоединению с русским народом.

Русское правительство внимательно и сочувственно относилось к просьбам и планам украинских представителей о воссоединении, однако долгое время уклонялось от оказания военной помощи украинскому народу в его борьбе против польских феодалов. Надо полагать, что оно учитывало соотношение сил Речи Посполитой и России, внешнее положение своей страны, неблагоприятствовавшие военному вмешательству в украинско-польские дела до 1654 г. Зато русское правительство постоянно поддерживало связи с Запорожской Сечью, оказывало казакам материальную помощь, помогало украинскому православному духовенству, предоставляя денежные субсидии и различную церковную утварь монастырям и церквям. Границы Русского государства для украинских переселенцев были широко открыты.

Переселение украинцев в Россию стало заметно расти с конца второго и в третьем десятилетии XVII в.

Путивльские воеводы В. Г. Ромодановский и Г. А. Олябьев сообщали в Разрядный приказ, что 20 апреля 1623 г. из д. Шелигиной, Новгород-Северского уезда, в Путивль пришло 16 чел. с женами, детьми и с разными своими пожитками. Переселенцы просили разрешения поселиться в поместьях детей боярских. В «помете» на отписке было сказано, чтобы украинцев жить в Путивле не принуждать, им разрешалось «жить от рубежа в дальних местах, а в ближних местах от рубежа одиночно не жить (чтоб) в том ссора не учинилась»³. В отписке севских воевод П. Воейкова и Н. Власьева в Разрядный приказ в конце мая 1625 г., например, говорилось о приходе крестьян с. Зноби,

Новгород-Северского уезда, Я. Н. Деменина и И. Г. Збитнева с семьями на постоянную жизнь в России¹.

Из отряда запорожских казаков Петра Конашевича-Сагайдачного, принимавшего участие в походе королевича Владислава на Москву, при отступлении после Деуленского перемирия в 1618 г. осталось в России 609 чел. во главе с полковником Жданом Коншиным. Правительство Михаила Романова охотно их приняло и разместило по разным городам на гарнизонную службу².

23 октября 1632 г. пришло в Путивль «на государево имя» 3 работных человека: Р. П. Махненко, И. Д. Оксютенко и Ф. Л. Кривоножка. В отписке ыльского воеводы В. Ромодановского 29 ноября в Разрядный приказ сообщалось, что в течение этого месяца из сел и деревень Новгород-Северского уезда: Грунца, Гириной, Стариковой и Кучуровки пришли в ыльск, в русское подданство, крестьяне со своими женами и детьми, всех мужского пола крестьян 174 и церковного клира 4 чел.³.

В связи с восстанием Павлюка и его неудачей в 1637 г. поднялась новая волна переселения украинцев в Россию. С января по 9 марта 1638 г., писал севский воевода Н. Булгаков в Разрядный приказ, прибыло из разных мест Поднепровья в Севск 73 казака и мещанина. В феврале переселенцы в количестве 101 чел. пришли в Белгород. В марте прибыла группа переселенцев в Курск, состоявшая из белорусских крестьян, а также казаков, крестьян и мещан Голтвы, Гадяча и других мест Левобережья. Путивльский воевода Н. Плещеев в донесении в Москву о приходе новых групп переселенцев писал: «Да и многие, государь, литовские люди приходят в Путивль на твое государево имя ежеден женатые и холостые»⁴.

Особенно много украинцев переселилось в Россию летом 1638 г. Путивльский воевода в июне писал в Разрядный приказ, что крепостные князя Иеремии Вишневецкого, «поднявша в нынешнюю свою казацкую войну, от места Гадяцкого, несколько тысяч ушли в Путивль». Всего летом пришло в Путивль «черкас и всяких служилых людей 10 000»⁵.

В июне этого года в Белгород прибыла большая группа переселенцев во главе с гетманом Я. Остряниным. «А по сказке гет-

¹ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 26.

² Сведения о количестве казаков, оставшихся в России, противоречивы. Д. И. Багалей, основываясь на «Летописи о многих мятежах», изд. 2-е, М., 1788, стр. 226, и «Никоновской летописи», т. XIII, 1910, говорил о переходе на русскую службу 300 чел. В. Юркевич в кн.: «Эмиграция на сѣд...», стр. 85, на основании архивных данных, упоминал о 609 чел. Последнюю цифру принял К. Г. Гуслистый в своей статье «Исторические связи Украины с Россией» в кн.: «Воссоединение Украины с Россией. Сборник статей», стр. 36.

³ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 73, 75, 113, 119.

⁴ Там же, № 116, 117, 118, 121, 124.

⁵ Там же, № 167.

¹ История Украинской ССР, т. I, стр. 178.

² В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 223.

³ АМГ, т. I, № 162.

мана Яцека Остренина, — говорилось в докладной выписи из Разрядного приказа, — черкасов войска будет з женами и з детьми с 3000 человек и больши. А пошли де они на государево имя на вечную службу из Литовские стороны от изгнанья папезжан». Эту группу поселили на Чугуевом городище.

Украинцы продолжали переселяться и в последующие годы. В 1639 г. поселились в Ливнах 59 чел., в дворцовых селах Комарицкой волости — 22 семьи, в Черни — 15 семей, в Кромах — 21 семья и 11 чел. одиноких, в с. Костенки — 130 чел., в Новосиле — 40 чел., в Воронеже — 140 чел. В 1646 г. в Белгород пришло 18 чел. и т. д.

Русский народ по-братски принимал украинских переселенцев. Царское правительство же рассматривало их с позиции интересов господствующего феодально-крепостнического класса, так как оно получало дополнительные рабочие руки, а также военную силу для укрепления южной окраины государства. Однако, учитывая дипломатические отношения с Речью Посполитой, оно иногда создавало видимость ограничения или запрета украинцам переселяться в Россию.

В отписке путивльского воеводы Н. Плещеева, полученной в Разрядном приказе 15 июня 1638 г., говорилось, что ему в апреле 1636 г. была прислана царская грамота, в которой предписывалось не принимать украинских выходцев по 50, 100, 200 и более чел., так как между Русским и Польско-Литовским государствами «учинено мирное постановление и вечное dokonчание» и чтобы между царем и королем «за то ссоры не учинилось». Но если «из Литовской стороны», говорилось в этой грамоте, будут приходить переселенцы «порозно» по 1, 2, 3, по 5—6 или 10 чел. с «женами, семейные и прожиточные люди», таких людей принимать, давать им приют и продовольствие в Путивле «до государева указу» об их устройстве на постоянную жизнь и службу в России¹. В то же время царское правительство осторожно относилось к одиноким выходцам с Украины. Оно считало таких людей не надежными, которые легко могут нарушить свои обязательства, оставить службу, возвратиться домой, уйти на Дон или в Запорожье. Поэтому некоторое время воеводы получали указания одиноких переселенцев не принимать, а возвращать их «в Литву».

Однако в переписке русского правительства с воеводами окраинных городов после 1638 г. указания о запрещении приема одиноких украинских переселенцев уже не встречаются и в дипломатических сношениях с Польшей оно открыто становилось на защиту переселенцев.

Послы Речи Посполитой М. Стахоровский и Х. Раецкий в

¹ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 135, 145, 153—160, 162, 164, 165, 167, 178.

Посольском приказе в Москве требовали возврата 20 тыс. украинцев, переселившихся в Россию после поражения восстания в 1637—1638 гг. Такие же требования предъявлял польский посол А. Кисель русскому правительству в 1647 г.¹ В сентябре следующего года, как явствует из письма путивльского воеводы Н. Плещеева, гадячский староста М. Длуский требовал возвратить бежавших в Путивль И. Оскерко с товарищами. Путивльский воевода Н. Плещеев писал М. Длускому: «А в посольском договоре и в государском вечном dokonчание о перебешиках, что их назад отдавать, и о сносных животах ничево не написано. А чего в посольском договоре и в вечном dokonчание не написано, о том и вспоминать непригоже»².

Русское правительство вначале перебежчиков поселяло небольшими группами по разным городам в глубине страны. Такое размещение приносило переселенцам немало неудобств, но было выгодно правительству: небольшие группы переселенцев быстрее подчинялись местным порядкам; поселение украинцев вдали от русско-польской границы предупреждало пограничные конфликты с Польшей и ограждало их от мести польских феодалов.

В «помете» на отписке великолуцкого воеводы в 1628 г. было сказано, чтобы пришлых из-за границы людей помещики «тайно б у себя не держали и близко рубежа за собою во крестьяне не сажали, а сажали бы охочих людей за собою от рубежа в дальних местах..., чтобы смуты и задору с зарубежными людьми не было»³. О том же говорилось в грамоте путивльскому воеводе Н. Плещееву в июле 1649 г. в ответ на его отписку правительству. «Которые черкасы из литовские стороны, — писал Н. Плещеев, — придут в Путивль на твое государево имя, на вечную службу, и мне б, холопу твоему, тем черкасом сказывать, что ты, великий государь, пожаловал их принять в свою государеву сторону и велел их устроить в службе от крымские стороны. А которые города в твоей государеве стороне от литовские стороны, и в тех городех быть им не мочно для ссоры, да и им, черкасом, в тех порубежных городех жить от поляков опасно»⁴.

Все вопросы приема и устройства переселенцев в каждом отдельном случае решались только правительством. Делалось это путем переписки воевод с Разрядным приказом или направления представителей от переселенцев в Москву. Эта процедура занимала по меньшей мере месяц — полтора. Не обходилось и без боярской волокиты, вследствие чего тяжелая участь постигла, например, 10 тыс. переселенцев под Путивлем в 1638 г. Их руководитель В. Ф. Иванкиев спустя год писал царю Михаилу

¹ Е. М. Апанович. Переселение украинцев в Россию. В кн.: «Воссоединение Украины с Россией. Сборник статей», стр. 88.

² «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 147.

³ АМГ, т. I, 1890, № 204.

⁴ «Воссоединение Украины с Россией», т. II, № 104.

Федоровичу: «И мы, холопы твои, будучи многое время, ожидая твоего государского указа, хлеб покупали дорогою ценою, испроелися и все оскудели»¹.

Принимая украинских переселенцев, правительство устраивало их на службу на одинаковых условиях с русскими. Когда яблоновский воевода Д. Львов сообщил в Разрядный приказ в июле 1638 г. о том, что ожидается прибытие 4 тыс. украинцев, то из Москвы последовало указание принимать их на службу в стрельцы, казаки и пушкари, выдавая им жалование наравне с русскими казаками и стрельцами².

Все украинцы, переселявшиеся в Россию, обязаны были принять русское подданство путем церковной присяги. Кроме того, переселенцы, принимаемые на службу, получавшие оружие и другие материальные средства, должны были давать правительству так называемые поручные записи. Поручные записи давались местными служилыми людьми, которые брали на себя ответственность за исправное несение службы вновь прибывшими. Бывали случаи, когда брались взаимные поручные записи от переселенцев, посредством чего устанавливалась их круговая порука. Таких поручных записей сохранилось много³.

Украинских переселенцев размещали в городах и селах, им оказывали материальную помощь и помогали обзавестись своим хозяйством, как это было в Новосиле, Старом Осколе, Курске, Белгороде, Костенках, Воронеже, Усерде, Валуйках⁴ и др.

Вскоре правительство признало нецелесообразным селить украинцев в глубине страны. Сочтено было более выгодным поселять их вблизи границ Польши. Следует учесть, что перемещение украинского населения с Правобережья на Левобережье, в пределы будущей Полтавщины развернулось в XVI в. и достигло Слобожанщины в первые десятилетия XVII в. В 30—40-х годах возникли города Чупаховка, Олешня, Бобрик, Недригайлов с деревнями Камышевка, Цыбулина, Каменный и г. Ахтырка; слободы Будилка, Боровенка, Межирич и др. на земле, принадлежавшей Русскому государству⁵. В результате между Россией и Польшей были проведены переговоры по поводу границы в этом районе. В соответствии с русско-польским соглашением 1647 г. названные города остались за Россией, а их жители должны были возвратиться в Польшу.

Украинское население рассчитывало остаться в Русском государстве. Войт г. Олешни И. Батурин, бежавший от преследо-

ваний из Польши в Россию в 1646 г., говорил в Разрядном приказе: «А олешинские и охтырские жильцы с радостью хотят тово, чтоб им быти в государеве стороне и с тех мест идти не хотят»¹ в Польшу. Однако польское правительство организовало принудительный перевод их жителей в глубь своей страны². Русскому правительству пришлось прислать сюда русских служилых людей. Спустя 3—4 года эти города и местность заселяются новыми украинскими переселенцами. 13 февраля 1648 г. путивльский воевода Г. Зюзин сообщил царю Алексею Михайловичу, что из с. Рудчины Пруды, Лохвицкого уезда, пришли в Бобрик на постоянное жительство украинцы Степан, Леонтий и Иван Прудники³. В конце 30-х годов XVII в. группа запорожских казаков во главе с Кондратием Сулимою перешла в русскую сторожевую службу на территории будущих Харьковского и Изюмского Слободских полков. В 1640 г. этот отряд напал на татар, рыскавших у рек Мжа и Мерло, разгромил их и остатки прогнал за Дон, после чего украинские казаки на месте Змиева городища построили укрепление, в котором находилась их сторожа. Это укрепление вскоре превратилось в большое украинское поселение Змиев с одной из сильных крепостей Слободской Украины⁴.

Самым крупным фактом в истории начала заселения украинцами Слобожанщины в 30—40 годах XVII в. явилось основание Чугуева в 1638 г.

Восставшие под руководством Якова Острянина украинские крестьяне и казаки в битве с польско-шляхетским войском около Жолнина, на Лубенщине, 3 июня 1638 г. потерпели поражение.

В Посольском приказе в Москве из отписки путивльского воеводы Н. Плещеева 15 июня 1638 г. стало известно, что гетман Я. Острянин с небольшим отрядом казаков вырвался из окружения шляхетского войска, соединился с группой восставших около Миргородка и собирается прийти в Курск или Белгород в русское подданство.

Из царской грамоты, полученной тульским воеводой И. Черкасским 10 августа того же года, явствует, что «черкасы с черкасским гетманом Яцком Острениным из Литовские стороны пришли в Белгород». А в докладной выписи из Разрядного приказа по поводу их устройства М. Ладыжинским, говорилось, что переселенцы во главе с Я. Остряниным пришли в Белгород 12 июня, о чем курский воевода П. Д. Пожарский сообщал в Москву 3 июля⁵.

¹ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 167.

² Там же, т. I, № 136.

³ Там же, № 155.

⁴ Там же, № 99, 117, 164, 165, 172, 194, 231, 249, 256, 261.

⁵ «Чтения МОИДР», 1885, кн. 2, стр. 2—5; Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 9—10, 473—474, 497, 530.

¹ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 252.

² АЮ и ЗР, т. III, 1862, № 108, 115.

³ Там же, № 132.

⁴ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. IV, стр. 179.

⁵ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 135, 145, 178.

В грамоте тульскому воеводе сообщалось, что переселенцы прислали в Москву с челобитной полковников В. Богонцева и О. Попова, священника М. Гаврилова, а также сотников и рядовых людей. В челобитной царю они говорили, «что гетман Яцко Остренин и они, полковники, и черкасы, и мешане, и пашенные люди из Литовские стороны пошли» в Русское государство на вечную жизнь, что они ушли «от жестокого гонения и смертного убийства папежан»¹. Более подробно говорилось об этих причинах в грамоте из Разрядного приказа воронежскому воеводе А. И. Солнцеву-Засекину в мае 1641 г.: «Польские и литовские люди их христианскую веру нарушили и церкви божии разоряют, а их побивают и жон и детей, збирая в хоромы, пожигают и пищальное зелье, насыпав им в пазухи, зажигают, и сосцы у жон их резали, и дворы их и всякое строение разорили и пограбили»².

Правительство, согласившись принять переселенцев, вначале решило поселить их на строившейся Белгородской черте, на «Карповом сторожевье», северо-западнее Белгорода. Однако Я. Острянин и другие украинцы заявили, «что Карпово сторожевье близко к литовскому рубежу и им на Карпове сторожевье на житье никак селиться нельзя». Они просили поселить их всех на Чугуевом городище.

Просьбы и доводы переселенцев были учтены. Белгородскому воеводе П. Д. Пожарскому приказано привести их к присяге и поселить на Чугуевом городище. «Пожаловал велел их принять,— говорилось в «памяти» Разрядного приказа в Поместный приказ от 11 марта 1639 г.,— в свою государеву державу, в московское государство, и пожаловал их по их челобитью устроить на Чугуеве на вечное житье».

По сведениям этой «памяти», состав прибывших был следующим: гетман Я. Острянин с сыном, 1 войсковой есаул, 1 войсковой писарь, 10 сотников, 9 пятидесятников, 102 десятника, 2 священника, 887 рядовых казаков, крестьян и мещан, всего насчитывалось 1014 чел., а с женами и детьми — более 3 тыс. чел.

Для обзаведения хозяйством и обеспечения переселенцев питанием им назначили пособие: гетману и его сыну — 40 руб. и 20 четей ржи, есаулу — 15 руб. и 10 четей ржи, писарю — 10 руб. и 8 четей ржи, сотникам по 8 руб. и 8 четей ржи, пятидесятникам по 7 руб. и 7 четей ржи, десятникам по 6,5 руб. и 6 четей ржи, рядовым по 5 руб. и 5 четей ржи. Причем вместо положенного хлеба решено было выдать деньгами за четь ржи по 13 алтын и 2 деньги. Денежное жалованье в таком же раз-

мере предусматривалось выдать и в 1640—1641 гг. Между прочим, денежное жалованье, в большинстве случаев выдававшееся всем украинским переселенцам, превышало жалованье, которое выдавалось русским служилым людям, на 3—5 руб.¹.

Об устройстве переселенцев и основании города Чугуева довольно подробно говорится в докладной выписи из Разрядного приказа, составленной в декабре 1639 г. в связи с челобитной М. Ладыжинского². По указу от 28 июля 1638 г. М. Ладыжинский вместе с подьячим М. Ключаревым выехал из Москвы в Белгород, где получил в свое распоряжение вооруженный отряд из 202 чел. и отправился вместе с переселенцами на Чугуевое городище. Ему было приказано описать местные земли и угодья, свободные и находящиеся в поместье и на откупе у белгородцев. Он должен был определить, «которым землям и всяким угодьям быти к Чугуеву и которым к Белгороду», чугуевские земли отмежевать от белгородских, оскольских и валуйских, наделить переселенцев землей, угодьями, дворовыми участками, а также руководить строительством г. Чугуева.

Переселенцы при участии русских служилых людей, соорудив временные острожные и земляные укрепления, занялись постройкой острога, жилых и хозяйственных дворов, законченной в основном к концу 1639 г. Стена крепости вместе с башнями имела около 500 саженей, башен проезжих было 3, а глухих 6; с трех сторон острога, за исключением стороны от Донца, выкопали ров 232 сажени длины. На дне рва и около него устроили «честики» и другие препятствия. Из города к Донцу прорыли тайник длиной 23 сажени для снабжения водой в случае осады. В остроге были построены «зеленый» погреб, служебные помещения³ и 710 дворов для большинства переселенцев, в соответствии с их сословным положением даны пахотные земли и другие угодья.

Население Слобожанщины до середины XVII в. было весьма малочисленным и состояло из русских и украинцев. Среди них были представители господствующих сословий — дворяне (воеводы и другие служилые люди), казацкие старшины и духовенство. Основную часть населения составляли русские служилые люди, русские и украинские уходники и переселенцы.

Русские служилые люди состояли из детей боярских, стрельцов, казаков, пушкарей, кузнецов, плотников и др. По предписанию правительства русские служилые люди издавна приходили из Путивля, Севска, Рязани и других мест на будущую

¹ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 145.

² Воронежские акты, Воронеж, 1851, кн. I, стр. 100—104.

¹ Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации..., стр. 180—181.

² «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 178.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 61.

Слобожанщину для несения сторожевой службы. Они продолжали нести службу по росписям 1571 г. и последующих лет. В Цареборисове, в частности, в 1600 г. их было 2301 чел. и в 1601 г. — 1242 чел.¹. Правительство привлекало на службу и запорожских казаков. Так, в 1589 г. в районе будущего Змиева находился отряд из 600 запорожских казаков с атаманом М. Федоровым².

С 30—40 годов XVII в. правительство поселяет служилых людей в строящихся городах, превращая их в постоянных жителей, и возлагает на них служебные обязанности. После оставления украинцами Чугуева в 1641 г., о чем будет сказано позже, правительство немедленно направило в опустевший город на временную службу сводный отряд в 450 чел., набранный из детей боярских, казаков и стрельцов в Москве, Белгороде, Курске, Осколе, Мценске и других городах³. Царская грамота обязывала чугуевского воеводу подбирать охотников среди московских стрельцов, находившихся на службе в Чугуеве, и оставлять их здесь на постоянное жительство, отдать им дворы и имущество ушедших украинцев. Оставшимся людям обещано прибавить жалование. Такие предложения делались служилым людям и в других городах, однако охотников оставаться здесь было мало. Поэтому правительство прибегало к административным средствам заселения городов Слобожанщины. В том же году из Смоленска сюда была прислана группа кормовых детей боярских, им выдали денежное жалование и скот. Правительство предложило воеводе дать им дворы, землю и сенокосы⁴.

В Усерде, построенном в 1638 г., предполагалось поселить на постоянное жительство 500 казаков, 500 стрельцов и 25 пушкаррей. Сначала удалось с трудом набрать и поселить здесь 229 казаков, 27 стрельцов, 1 сотника, 1 пятидесятника, 23 пушкаря⁵. На недостаточное пополнение «жилецких» людей в Усерде жаловался воевода правительству в 1641—1642 гг.⁶.

В г. Хотмыжске в 1640 г. поселено из соседних городов 753 человека, из них 254 детей боярских, 350 казаков, 125 стрельцов, 23 пушкаря и 1 кузнец⁷. В г. Вольном поселили более 200 служилых людей. В 1642 г. прислано пополнение в Усерд детей боярских 50, казаков 90 и стрельцов 200 чел.; в Хотмыжск —

детей боярских 60, казаков 40 и стрельцов 200 чел.; в Вольный — детей боярских 50 и казаков 232 чел.¹.

Во всех городах недоставало намеченного правительством количества людей. Приходилось иногда из некомплектованных гарнизонов брать по нескольку человек для составления гарнизона нового города. Для г. Колонтаева в 1646 г. набрано 84 чел. из служилых людей Белгорода, Карпова и Хотмыжска².

Поселялись в городах и зачислялись на службу «вольные люди», приходившие с Дона, как это было в 1648 г. в Ольшанске³. Пополнялось местное население и за счет ссыльных. В 1646—1649 гг. сосланы в Валки люди «разных чинов» за «много воровство»⁴: из Курска убийцы и другие преступники, из Новосилья ямщик В. Бочка за распространение им слухов о том, что царь якобы «указал по городам приказных людей побивать камнем», а также некий Ислеев⁵. Убегая от крепостного гнета, переселялись на Слобожанщину русские крестьяне. Дети боярские, станичники и другие служилые люди Оскола жаловались правительству, что их крестьяне, бабыли и половинщики со своими семьями «пократчи животы их», бегут в г. Усерд, где записываются в стрельцы и казаки⁶. Из царских грамот 1641 г. чугуевскому воеводе Г. И. Кокареву известно, что в Чугуев прибыли крестьяне курских детей боярских Ч. Чаплыгина и О. Крамского, крестьяне белевского и козельского помещиков Г. Южакова и М. Кириевского⁷. В 1641—1642 гг. бежали русские крестьяне из разных городов и селений в Усерд, Хотмыжск и Вольный⁸. Воеводы нередко назначали таких беглецов в низшие разряды местных служилых людей.

Привилегированную часть служилых людей низших разрядов составляли дети боярские. Долгое время они были кормовыми, получая за службу «корм» — продовольствие и денежное содержание. С заселением новых городов по Белгородской черте и на Слобожанщине в 30—40 гг. XVII в. власти попытались создать здесь ряды детей боярских путем переселения их из старых городов страны, дав им вместо «корма» поместные земли.

Тяжелые условия службы не привлекали на Слобожанщину детей боярских из старых городов, многие из них бежали обрат-

¹ Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации..., стр. 49—50.

² «Чтения МОИДР», 1898, кн. 3, стр. 249, 252—255.

³ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 7, док. I; Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. IV, стр. 41—42.

⁴ Там же, док. 2, 3.

⁵ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 19, 23—25.

⁶ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 152, лл. 302, 320—323, 350, 406—408, 413, 421, 431.

⁷ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 30.

¹ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 35, док. 6; И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта..., стр. 143—144.

² «Чтения МОИДР», 1885, кн. 2, стр. 36—37.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 219, л. 263.

⁴ Там же, стб. 268, лл. 494—496.

⁵ Там же, стб. 269, лл. 290—418, 421—462, 472—480; стб. 268, лл. 457—460, 468—469, 473—475; стб. 317, л. 324.

⁶ И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта..., стр. 157.

⁷ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 7, док. 7—9.

⁸ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 133, лл. 44—45; стб. 151, лл. 409—451; стб. 190, лл. 489—495.

но. Правительству приходилось создавать группы служилых людей из «вольных людей» низших разрядов.

В Хотмыжске в 1640 г. дети боярские были набраны из жителей Чернигова, Новгород-Северского, Белгорода, Рыльска, Стародуба и других русских и украинских городов. Поручные записи они составили «сами меж себя, друг по друге все по одном человеке да по нихже». За них также поручились дети боярские, уже жившие в городе. «Новоприборные» дети боярские ранее земли и денежных окладов не имели, поэтому они обращались с просьбой к царю дать им поместное и денежное жалование. Положение этих служилых людей особенно в начале их устройства было тяжелым. Составитель хотмыжской строельной книги писал: «У тех детей боярских... лошадишки худы», а многие дети боярские «пеши, для промыслу воинских людей из Хотмыжского в походы посылать их не на чем»¹. Тем не менее численность детей боярских постепенно росла: в 1643 г. их насчитывалось, например, в Хотмыжске 252 и в Чугуеве 132 чел.².

Среди служилых людей были русские и украинские казаки. Они происходили из русских и украинских беглых крепостных крестьян и мещан. Нет необходимости останавливаться на общей истории возникновения казачества с его специфическим строем. Этому вопросу посвящена большая историческая литература. В частности, история Черноморского и Запорожского казачества замечательно представлена в новейших исследованиях советского ученого В. А. Голобуцкого³. Мы считаем необходимым отметить лишь некоторые моменты местной специфики возникновения и роста казачества.

Царское правительство стало привлекать в «диком поле» казаков к сторожевой службе. Власти не только использовали стихийно возникавшие казацкие отряды, но и с конца XVI в. стали заниматься формированием казацких отрядов из «вольных людей» как определенного рода войск во многих южных городах для сторожевой службы и военных походов. В первое время казаки делились на городских, несших преимущественно службу по охране города, и на полковых, служивших в «поле» и принимавших участие в походах.

В казаки набирались «вольные люди» по их согласию. Первый такой набор известен из приговора от 18 февраля 1571 г., по которому производилась замена казаками рязанских сторожей и путивльских севрюков на реках Сосна, Донец и в других местах. Приговор предписывал в Путивле и Рыльске «учинити

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 33—37.

² И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта..., стр. 140—141.

³ В. А. Голобуцкий. Черноморское казачество, К., 1955; Запорожское казачество, К., 1957.

тысяча человек казаков, конных, или сколько пригоже, посмотри по землям, сколько где будет земля», то есть столько набирать казаков в данном городе, на сколько человек хватит необходимой земли под усадьбы и пахоту по «статьям» (служебному положению).

В приговоре определялись служебные обязанности и главные условия службы: «А служить им посылки польские и сторожи с земли без денег». Набранным казакам предоставлялись льготные условия для обзаведения дворами и посевами. В приговоре о формировании отряда казаков в Данкове говорилось: данковским казакам не ездить на сторожи, «докуды уселятца и пашню учнут пахати и лготу отсидят, на сколько им дано, а как лготу отсидят, и тогда им стеречи»¹. Казаки освобождались от службы только в случае увечья или по старости².

Имущественное положение русских казаков было неодинаковым. По сведениям строельной книги г. Хотмыжска известно, что из 400 казаков было вооружено казенными пищалями 214 и собственными 186 чел. У многих казаков «лошадишки худы», а некоторые из них совсем не имели лошадей. Казаки-украинцы также были по-разному обеспечены. Из каждых 10 чел. только трое имели свои пищаля, а остальные были без оружия. Одни имели лошадей хороших, другие «худых», а некоторые были вовсе безлошадные³. Неравное имущественное положение как среди русских, так и среди украинских казаков представляло собой обычное явление. Отличительная особенность возникновения казачества на Слобожанщине заключалась в том, что здесь оно выросло преимущественно из украинских переселенцев, о чем будет говорить позже.

Стрельцы принадлежали к низшему разряду непривилегированных служилых людей. Их присылали на Слобожанщину из северных городов России или набирали из местных жителей. Стрельцы, присланные на временную сторожевую службу, получали «корм», прибывшим на жительство давалось земельное жалование. В общем их было относительно мало. Так, в 1643 г. в Вольном числилось 46, в Чугуеве 103 и в Хотмыжске 136 чел.

К низшему разряду служилых людей также принадлежали немногочисленные пушкари (артиллеристы), кузнецы, плотники, воротники (караульные у городских ворот) и затинщики.

На Слобожанщине имелась прослойка гулящих людей. Они не владели собственными дворами и землей, поэтому их не вносили в писцовые книги и не облагали какими-либо повинностями. Жили они работой по найму. В отписках чугуевского воеводы И. Волконского в апреле 1648 г. говорилось об ограблении

¹ АМГ, т. I, № 3; И. Беляев. О сторожевой, станичной и полевой службе, стр. 2—3.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 219, лл. 205—207.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 35—37.

чугуевцев, находившихся на промыслах в окрестностях города. В числе потерпевших были гулящие люди С. Малшин, С. Пузиков, Т. Каторгин, А. Каторгин, С. Трубченинов, М. Колыхалин, Е. Лукьянов и неслужилые люди И. Раздобаров, М. Костин, Р. Лошкарев¹. В 1641 г. «гулящие черкасы», например, писали царю: «Бьют челом хоголю твои государевы чугуевские гулящие черкасы: Екимка Шаглов, Яшка Сидоров, Петрушка Андреев. Крест мы тебе, государю, на Чугуева целовали, а в службе твоей, государевой, не бывали, жалованья твоего, государева, хлебного и денежного и ружья не брали». Челобитчики просили принять их на службу «по Чугуеву городу с своею братьею с черкасы в ряд»². Однако численность гулящих людей, по сохранившимся сведениям, на Слобожанщине была незначительной. Это объясняется тем, что в местных условиях неимущие люди могли относительно легко заняться самостоятельно промыслами или быть принятыми на службу.

В начале заселения края весьма важную роль играли севрюки, как называли людей, приходивших сюда на промыслы. Они знакомились с местными естественными богатствами и первыми осваивали их хозяйственное использование. В донесении путивльского воеводы правительству в 1546 г.³ и в наказе Бориса Годунова воеводам Бельскому и Алферьеву в 1600 г.⁴ об этих людях говорилось, что на «диком поле», по Донцу и Осколу были русские и украинцы, занимавшиеся разными промыслами. К ним принадлежали севрюки.

В Никоновской летописи отмечено, что в Новгород-Северском княжестве были люди, которых называли северскими и украинскими казаками, или севрюками. Они жили в Новгород-Северском, Чернигове, Стародубе, Рыльске, Путивле и в других селениях⁵. В 1549 г. ногайский князь Юсуф сообщал Ивану IV, что находящиеся на Дону севрюки нападают на купцов и мешают им ездить по Дону из Ногаев в Москву и обратно⁶.

Можно предположить, что севрюки являлись такими же по положению и роду занятий людьми, какими были казаки. Они носили имя своей родины — Северской земли. Севрюки издавна приходили на Донец, Оскол и Дон, где занимались рыболовством, охотой, бортничеством и другими промыслами⁷, а иногда

и грабили проезжих купцов. Они хорошо знали «дикое поле», сакмы и тропы татарских ватаг. Русское правительство во второй половине XVI в. использовало севрюков на сторожевой службе в «диком поле», однако вскоре признало их «неусторожливими» и непригодными для этого¹. Надо полагать, что «неусторожливость» севрюков объяснялась их увлечением промыслами, которые они рассматривали как главный источник своего существования.

В переписке белгородского и чугуевского воевод в июне 1639 г. по поводу появления татарских ватаг упоминается севрюк — путивльский житель и белгородский севрюк, владевший «вотчиной» на Ворскле, т. е. имевший там свое промысловое хозяйство². В акте по русско-польскому межеванию в 1647 г. упоминается о промыслах севрюков между Змиевом и Валками³. О севрюках говорится в челобитной белгородского попа в 1657 г. Во владении белгородской Николаевской церкви по рекам Лопани и Харькову издавна были звериные промыслы, рыбные ловли и бортные уходы. Поселившиеся здесь украинские переселенцы «в Николаевской вотчине, — жаловался челобитчик, — и станы и пасеки завели и зверь и рыбу ловят и со пчелами деревья секут дельные и севрюков наших грабят»⁴. По-видимому, севрюки были в этом хозяйстве в качестве сторожей и рабочей силы.

С середины XVII в., т. е. со времени массового заселения края, упоминание о севрюках в документах исчезает. Надо полагать, что это было связано с переходом севрюков в казачество.

Наряду с мелкими уходниками, или промысловыми людьми, с начала XVII в. на Слобожанщине появляются крупные «предприниматели», владевшие так называемыми юртовыми хозяйствами (угодьями).

Владельцами таких крупных промысловых хозяйств в пределах Острогжского полка были: стрелец И. С. Шемаев, крестьянин воронежского Успенского монастыря Ю. Перегудов, затищик С. Мещеряков, Ф. М. Жеребятьев и Я. К. Киселев⁵, по рекам Нежеголь и Донец до устья р. Волчьи Воды — атаман М. Стариков и белгородец Ф. Аргамаков⁶; по левой стороне р. Сейм — С. Золотарев, есаул Г. Спицын совместно с 36 путивльскими казаками⁷; на р. Ворскле — вож Б. Черных⁸.

¹ АЮ и ЗР, т. III, № 190.

² «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 207.

³ Историческое описание земли Войска Донского, изд. 2-е, 1903, стр. 3.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 10.

⁵ ПСРЛ, т. VIII, стр. 176, 215; Г. Щербатов. История России, т. VIII, стр. 23, 75; Н. М. Карамзин. История Российского государства, т. VII, стр. 301; Историческое описание земли Войска Донского, стр. 4.

⁶ Собрание государственных грамот и договоров, т. III, стр. 227—233; Историческое описание земли Войска Донского, стр. 8.

⁷ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 146, л. 1.

¹ АМГ, т. I, № 3.

² ХФЦГИА, ф. 353, стб. 1 (17), док. 5.

³ В. Юркевич. Эмиграция на сѣд., стр. 8 (примечание).

⁴ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке. X., 1905, стр. 9.

⁵ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, т. II, Воронеж, 1891, стр. 139—140.

⁶ Д. И. Багалей. Очерки по истории колонизации..., стр. 123.

⁷ Н. А. Благовещенский. Четвертное право. М., 1899, стр. 426—427.

⁸ Описание документов и бумаг..., кн. IV, стр. 386.

По Донцу от Бурлука до Уд, по Харькову, Лопани и другим речкам владели угодьями, или «юртами», причт белгородской Троицкой церкви, монахи Савинской пустыни и путивльского Молчановского монастыря, белгородец М. И. Маслов со своими сыновьями и племянниками, казацкий атаман О. Федоров¹.

Как видим, разбогатевшие стрелец И. С. Шемаев, крепостной крестьянин Ю. Перегудов и затынщик С. Мещеряков стали оброчными владельцами крупных угодьев. Одновременно стали втягиваться в промысловое хозяйство, связанное с рынком, атаманы и духовенство, т. е. светские и духовные феодалы.

«Вольное» население, занимавшееся промыслами, играло основную роль в начале заселения и хозяйственного освоения Слобожанщины. Как известно, с 30-х годов XVII в. население края стало пополняться украинскими переселенцами, социально-имущественное положение которых было типично крестьянским.

В царской грамоте путивльскому воеводе Г. Пушкину 18 июля 1639 г. приказывалось освободить нескольких арестованных переселенцев и вернуть им имущество:

Л. Григорьеву и его детям—500 овец, 4 лошади с телегами, 4 вола, наволочку и скатерть турецкие, 12 наметок коленских холстов, 80 локтей холста льняного, 3 топора литовских, 3 лемеха плужных, 2 коца, 2 шубы, 25 локтей белого сукна, шлык лисий, 3 копы грошей литовских, всего имущества на 500 руб.;

Ф. Григорьеву—3 коровы, 5 волов, лошадь, 20 овец, 2 завивки турецкие, 13 наметок и 5 рубашек женских коленского полотна, 2 шлыка лисьих, 6 ширинок шелковых, всего имущества на 200 руб.;

Ф. Гаврилову—2 коровы, 4 вола, 2 подтелка, лошадь, скатерть турецкую, 2 ширинки шелковых, лисицу, 2 пласти, 1 аршин сукна настрафильного, 60 овец, 2 самопала, 2 седла с войлоком, 5 руб. денег, всего имущества на 150 руб.;

И. Доритцкому—300 овец, 2 коровы, 3 вола, 2 полотна коленских 24 аршина, 2 поневы шелковые, 2 рубашки женских коленского полотна и такая же мужская, шлык лисий, 2 подушки и полог, всего имущества на 90 руб.;

Сеньке, портному мастеру—2 лошади, 2 вола, корову, кафтан польский, штаны лазаревы, шлык лисий, 6 рубашек мужских и женских, 4 поневы, всего имущества на 30 руб.²

Однако не следует думать, что среди переселенцев не было бедных. В приведенном документе сказано лишь о людях, у которых отобрано имущество, а о неимущих не было оснований даже упоминать.

Как уже говорилось, в 1638 г. в Чугуеве поселилось более

¹ ХФЦГИА, ф. 355, стб. 10, док. 13; Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации..., стр. 121—123.

² «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 166.

3 тыс. украинцев. Переселенцы писали правительству, что «они-де люди вольные и знатные, многие люди в них мастеровые. и лошадей, и коров, и овец, и всякие животные в них много»¹.

Эта характеристика их имущественного положения была общей. Некоторые переселенцы были настолько бедны, что помощи, выданной правительством, им едва хватило на пропитание во время работы на постройке острога. Дворы себе построили: гетман, есаул, 10 сотников, 7 пятидесятников, 83 десятника и 608 рядовых, всего 710 чел. Дворов не построили «по бедности» 12 десятников и 198 рядовых людей. По неизвестным причинам не говорится о постройке дворов 94 чел.: дьячка или войскового писаря, 2 пятидесятников, 7 десятников, 2 попов и 82 рядовых людей. Хотя приводимые сведения не точны, тем не менее из них явствует, что 210 чел. не сумели обзавестись дворами вследствие своей бедности.

В России и на Украине существовало крепостничество и, естественно, что с переселением русских и украинцев на Слобожанщину сюда переносились и крепостнические отношения. Прибывавшие из России воеводы и другие приказные люди приводили с собою крепостных людей и так же, как и возникавшие здесь монастыри, закабалляли и закрепощали местных крестьян.

В отписке валуйского воеводы И. Бойкова от 27 января 1635 г. говорилось, что Святогорский монастырь «от воинских людей разорен, стоит пуст без пенья, братьи и служб и крестьян нет»². Следовательно, этот монастырь уже давно имел своих крестьян. Из отписки чугуевского воеводы в 1643 г. известно, что татары убили П. Васильева, принадлежавшего местному подьячему³. Были крепостные крестьяне и у верхушки русских служилых людей в Хотмыжске⁴, Усерде, Вольном и других городах, владели крепостными и старшины украинских переселенцев⁵.

Украинские крестьяне бежали от польско-литовской и украинской шляхты в Россию, на Слобожанщину, где они становились свободными. Но некоторые крепостные крестьяне оставались подневольными переселявшихся владельцев. Когда духовенство прилужского Густынского монастыря 14 июня 1638 г. пришло в Путивль, оно привело с собою служек и монастырских крестьян. «А пришло, государь, с ним, игуменом, старцов ис того Густынского монастыря черных попов 5 человек, да дьяконов черных 4 человека, да старцов соборных и рядовых 57 человек»

¹ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 145.

² АМГ, т. II, № 6.

³ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. IV, стр. 52.

⁴ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 161, лл. 178—180.

⁵ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 35, док. 7.

да крестьян их монастырских 11 человек з женами и з детьми». В то же время переселившиеся монахи Подгорье-Ладинского женского монастыря, из Прилуцкого уезда, также пришли со своими «работники»¹.

В царской грамоте от 17 января 1641 г. говорится, что крепостные крестьяне детей боярских Д. Чаплыгина и О. Крамско-го, бежавшие из Курского уезда, «живут на Чугуеве за гетманом за Яцком Острияниным»². Неизвестно, на каком положении эти беглецы находились у Остриянина, возможно, на положении наемных или кабальных.

Когда украинские поселенцы в Чугуеве «изменили», оставили город и ушли в Полтаву, часть беглецов была поймана русской сторожей. Царское правительство некоторых из них отправило в северные города, а их жен и детей «пожаловало отдать в работу» хотмыжским служилым людям³.

Следует сказать, что закрепощение крестьян на Слобожанщине до середины XVII в. было явлением редким. В начале заселения «дикого поля» применять крепостной труд было делом очень сложным и в силу военных соображений для правительства не выгодным. Поэтому наряду с постепенным и малозаметным закрепощением низов русских служилых людей и украинских переселенцев применялось использование наемного труда с денежной оплатой.

Долгое время служилые люди получали от правительства за несение службы только деньги. Так, еще в XVI в. правительство нанимало на сторожевую службу по Донцу путивльских севрюков ежегодно на 6 месяцев. Плата выдавалась им частично перед выходом на сторож — весной, а остальная часть осенью, после возвращения со сторож. Боярским приговором 18 февраля 1571 г. выдача постоянной денежной платы была отменена и с этого времени служилым людям на Слобожанщине, как и в других местах, власти все чаще стали давать поместную землю⁴. «Новоприборным» служилым людям, кроме того, выдавали годовое жалованье на постройку двора и обзаведение хозяйством.

Правительство практиковало денежную выплату людям за работу на десятинной пашне. В отписке яблоновского воеводы Д. Т. Сентова говорится, что по царскому указу ему велено произвести посев десятинной пашни «под ярь также и под рожь ко 151 (1643 г.) вовремя, не испустя поры, охочими наемными людьми с поденным кормом, а твоего государева жалованья поденного корму велено мне, холопу твоему, выдавать за работу пахарям и жнецам и от молотбы по 10 денег, а бороноволок... по 6 денег на день человеку... а яблоновским, государь, служи-

лым людям твоей государевы десятинной пашни в неволю пахать не велено». Но в Яблонове «охочих» людей для этой работы не оказалось, поэтому воеводе пришлось произвести обработку десятинной пашни силами яблоновских стрельцов, казаков и пушкарей «в неволю», выдавая им поденное жалование кормом: «пахарем и жнецом и молотильщиком по 10 денег, а бороново-локом... по 6 денег на день человеку»¹.

К сожалению, сохранилось очень мало сведений об условиях найма работных людей, их правах и обязанностях в хозяйстве разных владельцев. В «Записке Адама Киселя», составленной в 1647 г. по поводу условий, на которых русское правительство предоставляло ему участки для добычи поташа и смольчуги в Трубчевском и Недригайловском уездах, по этому вопросу имеются некоторые данные. Они касаются условий найма русских работных людей на предприятии иностранца. А. Кисель обязался выполнять целый ряд условий, поставленных ему русской стороной: «а которые царского величества люди похотят у того моего будного дела быть по найму, и мне и моим людям тех... людей в неволю у себя не держать и своими не называть и в найму их не обидеть и ничем не теснить»². В связи с начавшейся весной 1648 г. войной украинского народа против польского панского гнета это соглашение не было осуществлено.

Из сказанного видно, что хозяева нередко держали у себя наймитов насильно, называли их своими холопами, всячески их «обижали и теснили». В договоре царского правительства и Киселя лишь для видимости даны «гарантии» соблюдения человеческого отношения к работным людям.

Рассматривая социально-имущественное положение русских и украинских слобожан, мы не находим среди них бояр, дворян и казацких старшин, которые бы владели большим хозяйством. Это объясняется тем, что в начале освоения «дикого поля» при малочисленности населения еще не было условий для создания крупных крепостнических владений. Тем не менее на Слобожанщине складывались такие же феодально-крепостнические отношения, какими они были в России и на Украине.

Жизнь русских и украинских рядовых переселенцев с самого начала была тяжелой. Военно-сторожевое бремя, феодально-крепостнический гнет, произвол воевод — все это порождало недовольство среди слобожан и приводило к классовым столкновениям. Многие казаки, стрельцы и другие рядовые люди оставляли свое имущество и бежали отсюда на старые места или на Дон в казачество. Много «сведенцев» бежало из Чугуева в «прежние города» в 1640 г.³ Правительство приказало

¹ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 137.

² ХФЦГИА, ф. 353, стб. 35, док. 7.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 161, лл. 113—117.

⁴ АМГ, т. I, № 3.

¹ И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта..., стр. 285.

² АЮ и ЗР, т. III, № 158.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 115, л. 129.

воеводам разыскивать беглецов, наказывать и возвращать на службу в Чугуев. Белгородский воевода сообщал, что дети боярские, стрельцы и казаки белгородцы, бежавшие из Чугуева, «сысканы» и после наказания высланы обратно. Курский воевода получил указ поступить так же с 4 пушкарями, бежавшими из Чугуева в Курск¹. Разыскивались беглые чугуевские станичники «Ивашка Казанцов с товарищи» в 1648 г.², пушкарь — в 1650 г.³. Бежали служилые люди из Валок в 1648 г., из Ольшанска в 1646 г.⁴, из Усерда в 1643 г.⁵ и т. д.

В 1641 г. в Курске из-за произвола воеводы произошло выступление украинцев (300 чел.), в результате значительная группа украинцев оставила город⁶. В том же году много украинцев ушло из Воронежа, Белгорода, Валук, Хотмыжска, Вольного и Усерда⁷. Наибольшее выступление произошло в Чугуеве.

В Чугуеве, находившемся в глубине «дикого поля», условия жизни поселенцев были особенно тяжелые, им приходилось строить и держать наготове сложную оборонительную систему. Днем и ночью по несколько десятков человек несли сторожевую службу в Чугуевской крепости и на ее подступах. Часто приходилось защищать город и имущество вне его стен от нападения татарских ватаг и от украинских степных «добычников».

Царские воеводы не оказывали необходимого содействия в несении тяжелой службы и облегчении материального положения как украинцев, так и русских служилых людей. Чугуевцы, например, писали царю, что белгородскому воеводе было велено дать им 5 пушек, пороху и свинца, но воевода П. Д. Пожарский выдал лишь вестовую пушку, и то дырявую, непригодную для стрельбы. Они просили царя: «Пожалуй нас, холопей твоих, хлебом и солью, пушками и пушечною казною и всякими пушечными запасами, литаврами и барабаны и знамены»⁸.

Белгородскому воеводе П. Д. Пожарскому в апреле 1639 г. было приказано отпустить чугуевцам на посев 2622 чети овса⁹. Но воевода не организовал вовремя отправку семян в Чугуев. В челобитной царю в мае чугуевцы по этому поводу писали, что они построили жилища, острожную стену и 6 башен, на что израсходовали все свои средства. С большим трудом переживали, «иной с бедности лошадь продает, а иные лошади и съели, иные многие траву ели и из тое травы и от украинной

болезни от цынги много нас померло». С наступлением весны поселенцы из последних сил приготовили под посев землю, надеясь получить из Белгорода семена, но до 17 мая не дождались их¹. Когда пришла посевная пора, воевода предложил чугуевцам самим приехать в Белгород за овсом, но они отказались ехать, сославшись на то, что не имеют лошадей и не на чем перевозить семена. При таких обстоятельствах яровые посевы провели только старшины и зажиточные казаки, беднота оказалась в безвыходном положении.

Не лучшим образом относился к нуждам поселенцев чугуевский воевода П. И. Щетинин. Он присваивал себе денежное жалованье, выдаваемое за службу украинцам и русским служилым людям. На его произвол и самодурство жаловались все жители города. Правительству пришлось сместить Щетинина и назначить на его место Г. И. Кокарева².

В начале 1641 г. «сотники и пятидесятники и десятники, и все черкасы» обратились к царю с челобитной, в которой говорилось, что гетман Я. Острянин их «обидел и укривдил». Они писали, что гетман с их жен и дочерей, собирающих грибы в лесу по р. Тетлег, снимает «паневу» и «наметки», а также «иным им многим», которые в своей челобитной «имяни не написали, кривду чинил»: И. Пузика и Ф. Ведерко с пчельников «согнал», у Федорки избу и пчельник отнял. Крестьяне Острянина забрали 20 возов сена у Ф. Чучина. «И хто меж нас, холопей твоих, — писали далее челобитчики, — хлебом ся журит и гетман Яцко Остренин велит нам дети продавати и хлеб покупати»³. Чугуевцы просили защитить их от гетманского произвола. Гетману пришлось поехать в Москву с объяснениями по поводу поданной на него жалобы. Он был «милостиво» принят царем. Отпуская Я. Острянина домой, царь в грамоте к чугуевскому воеводе подтвердил его право быть гетманом и приказал передать чугуевцам, «чтоб они гетмана Яцка Остренина во всяких... делех слушали»⁴.

Рост переселения украинцев в Россию, появление украинских поселений на русской земле весьма беспокоило польских феодалов. По указанию польского правительства, полтавский «державец» в августе 1638 г. передал белгородскому воеводе П. Д. Пожарскому письмо, в котором требовал возвращения в Польшу чугуевских украинцев вместе с Я. Остряниным⁵. Когда же в Полтаве был получен отказ, польские феодалы сделали попытку вторгнуться в пределы России, Чугуев разорить, а его поселенцев возвратить в Польское государство.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 13—14.

² Д. И. Бага лей. Очерки из истории колонизации..., стр. 181.

³ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 195.

⁴ Там же, № 196.

⁵ Там же, № 146.

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 21, лл. 160—161, 305.

² ХФЦГИА, ф. 353, стб. 13, док. 50.

³ Там же, стб. 23, док. 10.

⁴ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 211, лл. 140—144.

⁵ Там же, стб. 158, лл. 769—773.

⁶ «Киевская старина», 1890, сентябрь, стр. 497—503.

⁷ В. Юркевич. Еміграція на схід..., стр. 94.

⁸ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 13, 14.

⁹ Д. И. Бага лей. Очерки из истории колонизации..., стр. 181.

В феврале 1639 г. приехал из Миргорода в Чугуев торговый человек С. Сергеев. Он сообщил чугуевскому воеводе М. Ладжинскому, «что в литовских украинских городах в сборе гусар 2000 человек да 4000 немец, а хотя те же гусары и немцы приходят к Чугуеву, чтоб Чугуев разорить и гетмана и казаков побить»¹. Это сообщение подтверждалось рассказами рыльских посадских людей и чугуевских украинцев, побывавших в Полтаве. К концу мая 1639 г. польское войско, в котором насчитывалось 6 тыс. чел., под командованием Потоцкого стояло на русско-польской границе и готово было напасть на Чугуев. Русское правительство потребовало от Польши выполнения мирных условий, заключенных в 1634 г. Военное столкновение было предотвращено².

Потерпев неудачу, польские паны, пользуясь трудными условиями жизни чугуевцев, стали на путь организации провокаций. Миргородский староста С. Гульчевский натравливал бродячие казацкие отряды на чугуевцев, и те нападали на их пасеки, захватывали скот, терроризировали население, подолгу держали в осаде город. Тот же Гульчевский прислал чугуевскому воеводе письмо, в котором провокационно сообщал, что Я. Остриянин собирается вместе с украинскими поселенцами перебить чугуевских служилых людей и возвратиться в Польшу. Однако русское правительство ему не поверило. Не остановившись на этом, провокаторы начали распространять слухи, будто бы русское правительство готовится расселить чугуевских поселенцев небольшими группами по разным городам. Слухи вызвали беспокойство среди казаков и старшин. Вслед за тем С. Гульчевский и С. Гурский обратились с письмом к сотнику Росохе. Гульчевский писал, что Росоху в Польше никто не винит за бегство в Россию, что его имущество сохраняется в целости, и он в любое время может возвратиться беспрепятственно в оставленное им хозяйство. Участились перебежки отдельных казаков из Чугуева на Поднепровье. В сентябре 1641 г. бежал и Росоха с семьей и группой казаков.

Под влиянием провокаторов С. Гульчевского и др. 26 апреля 1641 г. чугуевские поселенцы восстали, убили гетмана Я. Остриянина и ушли на Полтавщину. Это весьма обеспокоило русское правительство. Оно разослало грамоту воеводам окраинных городов, в которой вина в известной степени возлагалась на чугуевского воеводу. Так, в грамоте воронежскому воеводе предписывалось: «а к черкасам держал бы еси береженье и ласку, чтоб черкас от жесточи в сумненья не вести»³.

¹ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 1, док. 2.

² Там же, док. 3; Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. IV, стр. 25, 26, 39.

³ Воронежские акты, кн. I, Воронеж, 1851, стр. 101—103.

Нет оснований утверждать, что эта грамота, как и другие подобные правительственные акты, внесла существенное улучшение в отношении воевод-крепостников в украинским переселенцам. Но несомненно, что в целом в России украинцам жилось лучше, чем в Польше, где высокомерные паны смотрели на украинцев как на «хамов» и «быдло» (скот). Поэтому провокации польских феодалов не смогли приостановить рост переселения украинцев в Россию. По сведениям И. И. Срезневского, в 1640—1645 гг. из-за Днепра пришло 8—10 тыс. чел., а в последующие 2 года прибыла еще 1241 семья переселенцев, расселившихся слободами по рекам Мерло, Мжа, Уды, Донец, у верховьев Сулы до рек Оскол и Берека¹.

С распространением и укреплением власти Русского государства в «диком поле», все более утвердилось понятие о том, что здесь единым обладателем земли и всех естественных богатств является государство в лице царя. Такое понятие сложилось под влиянием самовольного установления монополии феодалов на землю со времени возникновения феодализма. Подобное явление не было какой-то особенностью исторического развития нашей страны, оно было присуще и другим странам мира. К. Маркс писал по этому поводу в «Капитале»: «Земельная собственность предполагает монополию известных лиц распоряжаться определенными участками земли как исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли»².

От царского имени и по его воле осуществлялись так называемые займки и раздача земли на определенных условиях селившимся здесь людям, а также закреплялись сделки купли и продажи, обмена, завещаний и другие операции по приобретению земли во владение или собственность.

Основное содержание эволюции феодального землевладения на Слобожанщине в XVII—XVIII вв., как и в России и на Украине, заключалось в превращении поместного землевладения в вотчинное или наследственное. Однако формы землевладения обладали здесь рядом своеобразных черт, обусловленных характером заселения и ролью края в борьбе против турецко-татарской агрессии.

Возникновение казацко-крестьянского землевладения

Вследствие скудных сведений весьма трудно со всей полнотой показать начало складывания казацко-крестьянского землевладения на Слобожанщине.

Надо полагать, что одними из первых обладателей угодий в крае были русские и украинцы, о которых говорил путивль-

¹ И. И. Срезневский. Историческое обозрение..., стр. 15—17.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 165.

ский воевода М. Троекуров в отписке правительству в 1546 г.¹ Их «заимки» состояли из полей, лугов, лесных участков и водоемов. «Заимщики» занимались охотой на зверя, рыбной ловлей, бортничеством, сбором дикорастущих фруктов, пасли скот, а возможно, и выращивали некоторые овощи на небольших участках. Из-за постоянных татарских набегов в начальный период освоения края хлебные культуры здесь, видимо, не выращивались.

Немного больше известно о землевладении казаков и бежавших от крепостников крестьян, упомянутых в наказе царя Бориса Федоровича воеводам Б. Бельскому и С. Алферьеву о постройке г. Царевборисова (1600 г.). Царь предписывал воеводам, чтобы они, когда экспедиция прибывает на место и укрепится, послали служилых людей в окрестности строительства города и находящимся здесь атаманам и казакам «лутчим», т. е. зажиточным, живущим в своих угодьях по Донцу, Осколу и их притокам, повелели «быти к себе в город» и сказали им, что царь «всёя Руссии пожаловал теми реками Донцом и Осколом и со всеми речками, которые впали в Донец и Оскол, велел отдать им, донецким и оскольским атаманам и казакам, безданно и безоброчно, а государю б донецкие и оскольские атаманы служили и вестей проводывали». В наказе предлагалось составить роспись атаманов и казаков, в которой поименно было бы указано, кто из них где живет, какими угодьями владеет и прислать ту роспись в Москву².

Из документа следует, что еще до прихода экспедиции для строительства Царевборисова в этих местах жили русские казаки и на свободной занятой угодьях занимались разными промыслами. Правительство, стремясь привлечь их на службу, объявило, что признает за ними право на владение угодьями.

В 1646 г. на «заимках» у верховьев рек Мжа и Коломак, в окрестностях строившегося валковского острога, по словам пасечников, приходивших к строителям Валок, насчитывалось 150 пасек³. В ответ на угрозу русских служилых людей силой выслать пасечников «за литовскую границу» пасечники отвечали: «И только вышлют ныне нас ис пасек, и от нас... городку Можскому и караульному острожку не стоять»⁴. В документах нет сведений о выселении самовольных украинских пасечников из-под Валок. Надо полагать, что русское правительство сочло более целесообразным этих своеобразных поселенцев оставить на месте, признать за ними их «заимки» и привлечь на службу государству.

¹ Историческое описание земли Войска Донского, изд. 2-е, стр. 3.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 10.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 268, лл. 23—26; «Сборник ХИФО», т. 16, стр. 27.

⁴ АЮ и ЗР, т. III, стр. 182.

Весной 1647 г. группа украинских переселенцев пришла в район р. Балаклея. Прибывшие стали заниматься разными промыслами. В связи с этим царской грамотой от 15 мая 1647 г. чугуевскому воеводе было приказано послать конный отряд служилых людей и сказать поселенцам, «что чугуевские земли и всякие угодья исконно принадлежат Русскому государству, и они б с той чугуевской земли со всяких угодий сошли в литовскую сторону тотчас добровольно, без всякого дурна», а если не сойдут, то выслать «неволею в литовскую землю». Результаты этих предупреждений неизвестны, надо полагать, что и здесь русское правительство позаботилось о переходе украинцев в русское подданство.

Путивльский воевода Н. Плещеев писал в Посольский приказ в конце июня 1649 г., что «литовские люди», т. е. украинцы из-за русско-польского рубежа, посеяли «всякой яровой хлеб» на недригайловских полях. На вопрос служилого человека Д. Киреева, зачем они «самовольством хлеб сеяли», «заимщики» ответили, что сделали это по нужде, что земля «государева» и он «волен-де в хлебе» их. Этим они давали понять, что хотя и действуют самовольно, но подчиняются царской власти. На запрос воеводы правительству, как поступить с «заимщиками», в «помете» на отписке по приговору бояр было сказано: «подожждать, как у черкас с поляки что учинитца»¹.

Нерешительные действия правительства в отношении самовольных поселенцев способствовали расширению «заимок» пахотных земель и угодий украинцами. Путивльские воеводы С. Прозоровский и И. Ляпунов писали в Посольский приказ в начале сентября 1649 г., что около Недригайлова по рекам Сула и Терн на русской стороне «литовские люди» разных городов завладели землями и разными угодьями, «пчелиные многие пасеки поставили и всякой пасечной завод завели». Поселенцам «без бою и без задору» было предложено оставить занятые земли и возвратиться на «литовскую сторону», часть из них послушалась и стала переезжать «со всем заводом», а часть оставалась на месте. Те же воеводы писали в Москву, что украинцы из Константинова на недригайловских полях продолжают устраивать дворы, основали с. Кулешовку, обрабатывают землю, косят сено и т. д. На прсьбу воевод к правительству дать указание, что делать с «заимщиками», на отписке поставлена «помета»: «Государю чтена и боярам: подождать того, как к нему о том Хмельницкий отпишет»².

С началом освободительной войны украинского народа против польских феодалов, в частности с июля 1649 г., царское

¹ АЮ и ЗР, т. III, дополнения, стр. 68—69; «Воссоединение Украины с Россией», т. II, № 94.

² АЮ и ЗР, т. III, дополнения, № 76; «Воссоединение Украины с Россией», т. II, № 113, 122.

правительство стало разрешать переселение украинцев в пределы России, время от времени обмениваясь мнением по данному вопросу с Богданом Хмельницким. При этом правительство предусматривало так называемые «вольные заимки» земель переселенцами на Слобожанщину. Таким образом, наметившаяся тенденция возникновения свободного крестьянско-казацкого землевладения на Слобожанщине превращалась в землевладение, зависимое от русского правительства.

Возникновение помещичьего землевладения

Наряду с этим складывалось землевладение русских и украинских служилых людей путем прямых пожалований царского правительства.

Малочисленность населения и наличие свободных плодородных земель обусловили возникновение и кратковременное существование на Слобожанщине больших владений с примитивным промысловым хозяйством. Одни из них были на оброке у разных лиц, другие в поместном владении служилых людей.

В Воронежской писцовой книге 1615 г. такие земли с угодьями назывались «откупными вотчинами» или уходами. Всего в Воронежском уезде их насчитывалось 17. Некоторые из них располагались на территории, позже составившей основную часть Острогского Слободского полка, как, например, уходы: Калитвянский, принадлежавший Ф. М. Жеребятеву и Я. К. Киселеву, Богучарский — стрельцу И. С. Шемаеву, Тулучевский — крестьянину воронежского Успенского монастыря Ю. Перегудову, Марковский — затинщику С. Мещерякову¹.

Нежегольский лес был на оброке у атамана М. Старикова, а угодья по обоим берегам Донца от Нежеголи до р. Волчьих Воды — у белгородца Ф. Аргамакова².

В северо-западном углу будущей Слобожанщины, южнее р. Сейм, против перевоза Белые Берега, был на оброке лес с разными угодьями. До 1626 г. этими угодьями владел С. Золотарев, затем они перешли в руки 36 путивльских казаков во главе с есаулом Г. Спицыным³. В оброчной книге Белгородского уезда за 1628 г. отмечено, что «за станичным вожем Б. Черным вотчина на р. Ворскла»⁴. Вопреки мнению Е. П. Овчаренко⁵, откупные владения подобного типа были и в Донецкой волости. В отписке белгородского воеводы в Москву (1638 г.) говорилось об отдаче на откуп разным лицам Балаклейского и Тюндиков-

¹ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, т. II, стр. 139—140.

² Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации..., стр. 123.

³ Н. А. Благовещенский. Четвертное право, М., 1899, стр. 426—427.

⁴ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, кн. IV, стр. 386.

⁵ «Записки Исторично-філологічного відділу», УАН, кн. XI, стр. 50—51.

ского «юртов с угодьями», а также Калитвянского «юрта»¹, о котором уже упоминалось в Воронежской писцовой книге в 1615 г.

Такие угодья в Донецкой волости, сдаваемые в поместья, в источниках XVII в. назывались по-татарски «юртами» или по-русски «угодьями», рыбными и звериными «ловлями».

О размерах «юртов» достаточно подробно говорится у Д. И. Багалей и у И. Н. Миклашевского². Последний писал, что «юрт» представлял собою «более или менее обширную территорию с очень неопределенными границами, но составляющую все-таки одно хозяйственное целое».

В 1599 г. духовенству белгородского Троицкого собора даны были угодья по рекам Нежеголь, Корень, Короча, в Бурлуках, по озерам Лебяжье, Константиновское, Печенеги и по обоим берегам Донца от устья р. Нежеголь до устья р. Волчьих Воды. В челобитной причта белгородской Николаевской церкви, поданной царю в 1657 г., о землях говорилось, что вместо «руги» на содержание церкви дано было жалование — «в Белгородском уезде вотчину река Уды да по Донцу озерки да Мартовет да Опаковский лесок да Становой затон да речки Харьков да Лопань, что впала в реку Уды, с рыбными и звериными ловлями и с бортными уходом и со всякими угодьями»³.

Путивльский Молчанский монастырь получил большие земельные наделы на территории будущих Сумского и Ахтырского полков. В 1617 г. правительство дало Савинской пустыни на содержание Чепельский «юрт», простиравшийся по Донцу от Савинского перевоза до р. Чепель⁴.

В 1616 г. правительство пожаловало причту белгородской Троицкой церкви Мохначевский и Гниловский «юрты», находившиеся в районе теперешнего с. Мохначи, по речкам Гнилица, Мжа и Гомольша. Прежние владения причта, расположенные около Белгорода, были забраны и небольшими участками розданы служилым людям: Нежегольский лес атаману М. Старикову, обе стороны Донца от р. Нежеголь до р. Волчьих Воды Ф. Аргамакову, Котковский «юрт» с озерками Лебяжье, Константиновское и Печенеги М. И. Маслову.

По царской грамоте 1622 г. тому же М. И. Маслову и его племянникам пожаловано 2 «юрта» — Салтовский и Котковский с озерками Амартоветь, Печенеги и Константиновским затоном с угодьями. Все это было дано им взамен 150 четей пашни. Бабкинский и Тетлегский «юрты» по притокам Донца речкам Бабка-

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 104, лл. 150—154; стб. 330, л. 247.

² Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации..., стр. 121—126; И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта..., стр. 106.

³ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 8.

⁴ Д. И. Багалей. Очерки по истории колонизации..., стр. 122.

и Тетлег пожалованы белгородскому «черкашенину» Я. Зарубину вместо 150 четей пахотной земли.

«Юрт», граница которого проходила от Чугуева по Донцу до устья р. Уды, затем по этой реке до устья р. Харьков и устья колодезя Угрюм со всеми «упалыми колодезями» в 1620 г., дан вместо 100 четей пахотной земли казацкому атаману О. Федорову. Жерейсанский «юрт», охватывавший территорию по обеим сторонам р. Уды до устья р. Харьков, а затем по ее правой стороне до Донца, в 1625 г. отдан атаману М. Старикову вместо 80 четей пахотной земли. Талдиковский и Булыклейский «юрты», находившиеся по р. Балаклея, в 1620 г. были даны М. Рогову и его племяннику вместо 50 четей пахотной земли.

Таким образом, в первой четверти XVII в. на основной части Слобожанщины по Донцу и его притокам насчитывалось по меньшей мере 14 уходов. Из них 6 принадлежало монастырям и церковным причтам, а 8—казацким атаманам и другим служилым людям. Эти уходы, возможно, с некоторыми изменениями границ находились во владении тех же лиц и во второй четверти века. В докладной выписи Разрядного приказа о наделении земель поселившихся в Чугуеве украинцев в 1638 г. говорилось: «А та Донецкая волость была в поместье за белгородцы: за Микулю Масловым да за его племянники за Иваном, да за Микифором, да за Засимою, да за беломесными атаманы — за Орехом Федоровым, да за Михайлом Стариковым, да за Михайлом Роговым, да за племянником ево Сенькою, да за Яцком Зарубиным»¹.

Жалую в поместье или давая на оброк земельные участки с угодьями, правительство налагало определенные повинности на тех, кто их получал. В упоминавшемся наказе Бориса Годунова Б. Бельскому и С. Алферьеву в 1600 г. говорилось, что атаманы и «лутчие» казаки, живущие по Донцу, Осколу и их притокам, за пожалованные им в беспошлинное владение «юрты» должны будут проводить о татарах и «воровских черках» и вести передавать правительству². Д. И. Багалея правильно замечает, что такие же обязанности — несение сторожевой службы — лежали на владельцах «юртов» в первой половине XVII в.

Обязанности же оброчных владельцев «юртов» были иными. Они заключались главным образом во взносе в казну преимущественно денежных оброков. В Воронежской писцовой книге 1615 г. указывается, что владельцы перечисленных 17 «откупных вотчин» платили в соответствии с правительственной оценкой от 6 до 50 руб. За владения на территории будущего Острогжского полка платили: за Калитвянские угодья Ф. М. Жеребятьев

¹ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 178.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 10—11.

и К. Л. Поздоровко — 6 руб., за Иловское угодье с речками те же владельцы — 9 руб. 50 коп., за Сосенский угодье Ф. М. Жеребятьев — 20 руб., за Богучарский стрелец И. С. Шемаев — 9 руб., за Тулучеевский крестьянин воронежского монастыря Ю. Перегудов — 6 руб.¹.

Иногда за полученные угодья их владельцы выполняли различные виды обязанностей. В грамоте царя Алексея Михайловича по поводу челобитной об одном из оброчных владений говорилось, что 36 путивльским казакам во главе с есаулом Г. Спицыным за службу в 1626 г. дано поместье в Кротовой Дубраве, с левой стороны Сейма. Они за это поместье несли казацкую службу и давали оброк по 3,5 п. меда и 1 кунице в год². Станичный вож Б. Черный за такую же «вотчину» на р. Ворскла давал в казну, как значится в белгородской оброчной книге, 5 п. меда и 1 куницу³.

Уходнические владения на Слобожанщине были временным явлением. По мере притока переселенцев правительство охотно передавало земли уходов под заселение, наделяя прибывших в основном небольшими поместными участками. Наряду с временно существовавшими крупными уходническими поместьями на Слобожанщине складывались владения небольших и средних размеров. Это было землевладение русских служилых людей и украинских поселенцев. Поместные наделы часто исчислялись в четвертях, отсюда получило свое название так называемое четвертное землевладение⁴.

В наделенную земельную площадь входила пахота, перелог и «дикое», т. е. целинное, поле.

¹ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, т. II, стр. 139—140.

² Н. А. Благовещенский. Четвертное право, стр. 426.

³ Описание документов и бумаг..., кн. IV, стр. 386.

⁴ Поскольку этим измерением приходится пользоваться в данной работе, о нем необходимо кратко сказать. Четверть, или четь, в старину являлась мерой земли и сыпучего хлеба. Она имела 40 сажень длины и 30 сажень ширины, т. е. площадь ее равнялась 1200 кв. сажен, или 0,5 дес. Четью сыпучего хлеба считалось такое его количество, которое требовалось, чтобы засеять четь земли. Если, например, при определении количества земли говорилось: «четверть в поле» — это означало 0,5 дес.; если же говорилось: «дано 6 четей в поле, а в дву потому ж» — это значило 18 четей или 9 дес. земли.

Измерение земли производилось также саженьми и десятинами. Эта мера изредка употреблялась на Руси в XIV—XV вв., шире — в XVI в., и стала единственным измерением в XVIII в. Десятина представляла собой площадь 2400 кв. сажен. Линейная сажень, по утверждению В. Н. Татищева, равнялась 0,1 византийской линейной меры — версты.

Сенокосная площадь измерялась количеством копен накошенного сена, причем считалось, что 10 копен снимается с 1 дес. Лесные площади измерялись десятинами и кв. верстами.

Наделяя служилых людей землей в новых городах, правительство учитывало ряд обстоятельств: являются ли «верстаемые» «старыми» служилыми людьми или «новиками», имели ли они и в каком размере поместья прежде. «Старым» служилым, переводимым на новое место службы, давали поместья большие, а «новикам» — меньшие.

С постройкой Усерда в 1637—1638 гг. в городском остроге отвели участки земли под «осадные» дворы, в которых жители укрывались во время осады города: казакам дали по 17,5, стрельцам и пушкарям — по 12 кв. сажен каждому. Вне города, в слободах были выделены участки под хозяйственные дворы: станичным головам по 195, атаманам по 180, ездокам по 165 и вожам по 150 кв. сажен, казацким пятидесятникам и рядовым, а также пушкарям по 120 кв. сажен, стрелецким сотникам по 150, пятидесятникам, десятникам и рядовым по 60 кв. сажен. Пахотной земли дано казацким пятидесятникам по 40 четей (60 дес.), десятникам по 30 четей (45 дес.), рядовым по 20 четей (30 дес.), пушкарям, как и рядовым казакам, по 20 четей (30 дес.), станичным пятидесятникам по 10 четей (15 дес.), десятникам по 9 четей (13,5 дес.) и рядовым по 8 четей (12 дес.).

В Чугуевской писцовой книге 1647 г. приводятся такие данные о наделении землей: детям боярским, головам и стрелецким сотникам по 25 четей (37,5 дес.), сенокоса на 70 копен (7 дес.), казакам по 20 четей (30 дес.) земли и сенокоса на 40 копен (4 дес.), станичникам, стрельцам и пушкарям по 8 четей (12 дес.) земли и сенокоса на 15 копен (1,5 дес.) на человека¹.

Земли в поместное владение давались также и украинским поселенцам. В конце лета и осенью 1638 г. в Чугуеве первыми были наделены землей под дворы поселенцы: гетман Я. Острянин — 80 кв. сажен, сотники, пятидесятники, десятники и рядовые — по 42 кв. сажени. Затем по царскому указу от 11 марта 1639 г.² наделено под пахоту в 3 полях: гетману 360 четей (180 дес.), его сыну 120 четей (60 дес.), войсковому есаулу 150 четей (75 дес.), войсковому дьячку 120 четей (60 дес.), сотникам по 105 четей (52,5 дес.), пятидесятникам по 90 четей (45 дес.), десятникам по 75 четей (37,5 дес.) и рядовым по 60 четей (30 дес.). Под пасаки и пастбища для скота отведено в разных местах 293 дес. лесных участков³.

Из сказанного видно, что наделы земли под дворы в городах и для начальников, и рядовых людей были небольшими и значительно различались между собой. Это объясняется условиями

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. IV, стр. 71—72; Е. П. Овчаренко. Земельна власність у Слобідській Україні у XVII—XVIII вв. «Записки Исторично-філологічного відділу», УАН, кн. XI, стр. 55.

² ЦГАДА, Поместный стол, стб. 140, лл. 2, 3, 5, 6.

³ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 178.

постройки городов. Когда строился тот или иной город, то в соответствии с местностью правительство устанавливало его размеры и количественный состав гарнизона, в зависимости от чего определялись и размеры дворов. Все жители города, за небольшим исключением, имели хозяйственные дворы за городом, где они селились отдельными слободами по роду службы.

Пахотные и сенокосные земли, как показывают приведенные выше сведения, давались дифференцированно. Каждому роду служилых людей: станичникам, казакам, стрельцам, пушкарям, кузнецам, плотникам и т. п. жаловались разные по количеству четей наделы земли в зависимости от важности выполняемой службы. Начальствующим лицам всех родов служилых людей, как представителям господствующего феодального класса, давались несравнимо большие земельные участки, чем рядовым. Вместе с тем служилые люди одной и той же «статьи» в различных городах наделались поместьями по-разному. Так, в Усерде казаки получали земли больше, чем станичники, а кузнец и плотник в Валуяхах в 3 с лишним раза больше, чем такие же служилые люди в Хотмыжске.

«Испомещение» украинских поселенцев ничем особо не отличалось от «испомещения» русских служилых людей. В Чугуеве гетману Я. Острянину, который по служебному положению может быть приравнен к боярину, занимавшему пост воеводы небольшого города, дано было 120 четей (180 дес.), войсковому есаулу — 50 четей (75 дес.), т. е. немного больше, чем валуйским станичным атаманам. Сыну Острянина и войсковому писарю дано наравне с усердскими пятидесятниками по 40 четей (60 дес.). Украинские казацкие сотники в Чугуеве получили каждый на 5 четей земли меньше, чем усердские пятидесятники, а чугуевские пятидесятники на 10 и десятники на 5 четей земли меньше, чем усердские. Только рядовые украинские казаки в Чугуеве и русские в Усерде получили одинаково — по 20 четей (30 дес.) земли на человека.

Наделение большим количеством земли начальствующих лиц ясно указывает на классовый подход правительства, на его стремление с самого начала экономически укрепить социально-политическую основу самодержавия на Слобожанщине. Различия в размерах поместий, даваемых людям одинаковых классовых прослоек, объяснялось главным образом разными земельными фондами.

Земли наделали исходя из расчета на каждого служилого, но давали ее не каждому в отдельности, а по несколько наделов вместе — для группы людей, объединенных в данном случае по роду службы.

В строевой книге г. Усерда указывается, что в остроге предусматривалось разместить 500 казаков, 500 стрельцов и 25 пушкарей. И хотя вначале было лишь 229 казаков и 27 стрельцов,

земля им была наделена из установленного расчета на 1025 чел. Затем эту землю делили по нормам каждому служилому в личное поместное владение. Валуйские писцы, например, говоря о наделении станичных ездовых 600 четями (900 дес.) земли, указывали: «А делить им земли меж себя самим». Леса, сенокосные угодья, рыбные промыслы давались в общинное пользование всем без исключения служилым людям или жителям данного селения. Об этом, в частности, в Усердской писцовой книге записано: «А по реке по Сосне от города вверх и вниз рыбные ловли и за рекою за Сосою сennie покосы и всякие угодья усердским жителям людям, стрельцам и казакам и пушкарям всем вообще, а лес хоромный и дровяной сечь им в сосенском да в усердском лесу»¹.

Следует, однако, отметить, что пользование этими угодьями не было для всех одинаковым. Сено, например, косили сообща и делили копнами в соответствии с предусмотренным «верстаньем» поместья. Рыбу ловили в водоемах индивидуально и коллективно с последующим делением улова между участниками ловли. Общим лесом пользовались индивидуально. Пастбища также были общими в каждом селении.

В эти же годы складывалось и церковно-монастырское землевладение. При постройке г. Усерда в 1637—1638 гг. под церковную усадьбу выделено 600 кв. сажен, для пашни и других угодий 20 четей (30 дес.)². В Чугуеве 2 попам, прибывшим с украинскими переселенцами в 1638 г., намерено по 30 четей (45 дес.)³. В Чугуевской писцовой книге 1647 г. сказано, что причту чугуевской Никольской церкви дано: попу под усадьбу 500 кв. сажен, пахотной земли 25 четей (37,5 дес.) и сенокоса на 70 копен (7 дес.); дякону под усадьбу 80 кв. сажен, пахотной земли 25 четей (37,5 дес.) и сенокоса на 35 копен (3,5 дес.); дячкам и пономарю под усадьбу по 48 сажен, пахотной земли по 12,5 чети (18,5 дес.) и сенокоса по 35 копен (3,5 дес.)⁴. В таких же размерах даны пахотная земля и сенокосы причту новой церкви на Ольшанском посаде в 1647 г.⁵.

Надо полагать, что в то время на Слобожанщине уже было личное землевладение духовенства, однако до второй половины XVII в. мы не имеем о нем определенных сведений.

Таким образом, землевладение казацко-крестьянское, помещичье и церковно-монастырское начало складываться на Слобо-

¹ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, т. II, стр. 168; Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 22—27.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 24—25.

³ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 178.

⁴ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. IV, стр. 21.

⁵ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 219, лл. 111—113.

жанщине путем так называемых «заимок» свободных земель поселенцами, а также правительственных пожалований служилым людям и церквам как мелкое феодальное землевладение.

Отрицательное влияние татарских набегов

Развитие хозяйства на южной окраине России — в Воронежско-Тамбовском и Белгородско-Курском краях, а также в южных районах Левобережной и Правобережной Украины в XVI и первой половине XVII в. проходило в обстановке, которая существенно отличалась от условий, сложившихся в северных районах страны. Частые вторжения татар весьма осложняли хозяйственную жизнь Юга. Слободская Украина, представлявшая собою часть этой окраины, лежала на путях нападений татарских орд. Причины этих разбойных походов коренились в социально-экономическом и политическом строе Крымского ханства.

Польский посланник М. Броневский, посетивший Крым в 1578 г., так описывал свои впечатления о татарах: «Народ этот хищный и голодный, не дорожит ни своими клятвами, ни союзами, ни дружбой, а заботится только о своих выгодах и живет грабежами и постоянной изменнической войной»¹. Французский инженер Боплан, находившийся на Украине во второй четверти XVII в., писал, что татары «нередко в числе 80 тыс. всадников вторгаются в Польшу и Московию, жгут, грабят, уводят в плен от 50 до 60 тыс. россиян и продают их в неволю: татары живут одним только грабежом».

Конечно, в рассказах писателей-иностранцев XVI—XVII вв. о татарах немало фантастических и неверных утверждений. Достаточно вспомнить утверждение Боплана, будто татары «подобно собакам и другим животным рождаются слепые»². Несмотря на это в их свидетельствах правильно определен грабительский характер татарских походов на русские и украинские земли. Позднее отечественные историки обосновали такую оценку на широком документальном материале³. Однако в до-революционной исторической литературе отсутствовало объяснение основной причины грабительских татарских нападений. Этот существенный вопрос был подробно освещен в трудах советских историков.

Н. А. Смирнов в своем исследовании «Россия и Турция в XVI—XVII вв.» показал тесную связь татарских походов с агрессивной политикой Турецкого султаната⁴. Более обстоя-

¹ Marcin Broniewski. Tartariae descriptio, Köln, 1595.

² Боплан. Описание Украины. Спб., 1832, стр. 36, 41.

³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен; Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации...; В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. Спб., 1887.

⁴ «Ученые записки Московского ордена Ленина государственного университета им. М. В. Ломоносова», вып. 94.

ятельно этот вопрос исследован в работе А. А. Новосельского¹. Основная причина многолетних нападений татар на русские и украинские земли заключалась в социально-экономическом положении татар, чем широко пользовались татарская феодальная верхушка, Турецкий султанат и даже польские феодалы.

Татары осуществляли свои походы из Крыма по определенным путям. Территория Слобожанщины издавна пересекалась дорогами, называвшимися шляхами и сакмами. Среди них был основной так называемый Муравский шлях. Он начинался от Крымского перекопа и проходил между верховьями рек Молочные Воды, впадающей в Азовское море, и Конские Воды, притока Самары, впадающей в Днепр. Далее Муравский шлях шел по водоразделу притоков Днепра и Донца, затем через Ливны по водоразделу Дона и Оки подходил к Туле.

У верховьев р. Орель от Муравского шляха отделилась так называемая Изюмская сакма. Она пересекала Донец по Изюмскому перевозу, затем шла по водоразделу Донца и Оскола и верстах в 30 севернее Корочи, у истоков р. Котлубана, верхнего притока Сейма, соединялась с Муравским шляхом.

У верховьев Молочных Вод от Муравского шляха отделилась так называемая Калмиусская сакма. Отсюда она шла в восточном направлении по верховьям впадающих в Азовское море рек Берло, Караташ, Елкуваты, Крымка и Миусс, поворачивала северо-восточнее, немного южнее устья р. Боровая, пересекала Донец, обойдя левые притоки р. Бобровая, поворачивала на север. Далее она шла с незначительными отклонениями по водоразделу Оскола и правых притоков Дона и, дойдя до Ливен, также соединялась с Муравским шляхом².

Северо-западную Слобожанщину пересекали так называемые Бакаев, Залокомский, Сагайдачный и Ромодановский шляхи. Первые два были проложены татарами, нападавшими на русские города в XVI в., третий — запорожскими казаками, совершившими во главе с гетманом Сагайдачным поход в Россию в 1618 г., четвертый — военными отрядами русского воеводы Г. Ромодановского, в 1658 г. выступавшими из Путивля на Гадяч для подавления восстаний Выговского, а затем Брюховецкого в 1669 г.³

Эти шляхи не были дорогами в буквальном смысле слова, они являлись путями движения татарских отрядов из Крыма

¹ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948.

² Книга Большому Чертежу, М., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 59—69; Д. И. Багалея. Очерки из истории колонизации..., стр. 20—29; Его же. История Слободської України, см. приложенные карты.

³ Книга Большому Чертежу, стр. 69—77; Д. И. Багалея. Очерки из истории колонизации..., стр. 21—23; Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 1—4.

в Россию и обратно, на которых не встречалось трудных водных и других естественных препятствий. Было здесь также много троп, которыми пробирались татарские отряды. Об этом свидетельствуют многочисленные названия бродов и перелазов на реках Донец, Оскол, Сосна, Сейм, Ворскла, Коломак, Волчья, Торец и др.

В «Росписи реке Донцу», помещенной в «Книге Большому Чертежу», указывается 11 перевозов на этой реке: Каганский около Чугуева, Абашкин около с. Бишкин, Шебелинский около нынешнего с. Шебелинка, Ляхов ниже р. Бакин Колодезь, Савинский около нынешнего поселка Савинцы, Каменный в 6 верстах от устья р. Изюмец, Изюмский около кургана, Малый ниже устья р. Нетрус, Большой между устьями рек Тор и Жеребец, Боровской в 15 верстах южнее устья р. Бахмут, Татарский южнее р. Лугань. Д. И. Багалея отмечал, что, кроме перевозов, на Донце имелись и так называемые перелазы. Много бродов было и на других реках, так, на р. Тихая Сосна их насчитывалось 14.

По этим шляхам и тропам с давних времен проходили отряды татар, вторгались в глубь русских земель, разыскивая в степях, лесах и зарослях у рек местных уходников, занимавшихся пчеловодством, охотой и рыбным промыслом. Они нападали на проезжих торговых людей, «охотились» за посольскими представителями, проезжавшими из Москвы к татарам и обратно¹. Набеги татар в пределы Русского государства происходили в течение всего XVI в., иногда достигая Москвы.

В первой половине XVII в. нападения татар на Россию продолжались. Но уже в 40-х годах наступил перелом — количество татарских набегов на русские земли стало уменьшаться. Серьезным препятствием продвижению татар являлась Белгородская черта. В ее полосе русские служилые люди завязывали упорные бои с татарами, которым лишь изредка удавалось прорываться в Курский, Карачаевский и другие уезды севернее «черты». С этого времени Слобожанщина превращается из «торной» дороги татарских ватаг, нападавших на Русь, в арену столетней борьбы русского и украинского народов против турецко-татарской агрессии.

Остановимся на некоторых фактах нападений татар в 30—40-х годах XVII в.

С ранней весны и до поздней осени 1639 г. татарские ватаги рыскали по Муравскому, Изюмскому и Калмиусскому шляхам и их окрестностям, нападая на сторожи, людей, занятых хозяйством, поселения. 26 апреля татарский отряд в 100 чел. подошел к Валуйкам и захватил на полях 14 слобожан. В июне группа в 40 татар проходила у вершин р. Волчья и группа в 300 чел.

¹ «Сборник РИО», т. 41, Спб., 1884, стр. 52, 53, 79, 147.

у р. Бурлук. В июле в разных местах края было замечено 13 разбойничьих отрядов¹.

В мае 1640 г. татарский отряд, насчитывавший 3 тыс. чел., прошел по Муравскому шляху в Россию, но на переправе через Ворсклу его встретили русские служилые люди и заставили уйти в степь². Небольшой отряд татар бродил в районе Изюмской переправы и нападал на Чугуев³. В течение лета того же года татары трижды осаждали г. Вольный⁴.

Сколько тревог и бедствий приносили жителям этого края рыскавшие повсюду ватаги татар, видно из таких, например, сведений. Татары, появившиеся в окрестностях Чугуева 16 октября 1641 г., схватили Ф. Лелекова с товарищем, стоявших на стороже, затем забрали группу чугуевцев, приехавших за сеном и дровами на р. Таганка, в 3 верстах от города пытались поймать пушкаря, и ему с трудом удалось спастись вплавь через Донец. В следующем году пришедший под Чугуев татарский отряд в 150 чел. также пытался ловить людей, находившихся на разных работах вне стен города. Навстречу татарам вышли вооруженные чугуевцы, дали бой и заставили их бежать в степь.

В отписке чугуевского воеводы И. Бестужева говорилось, что в июне 1643 г. в уезд пришла группа татар. В 7 верстах от города по р. Бабка они захватили караульных и других служилых и «гулящих» людей, угнали много лошадей. В августе того же года к Чугуеву подошла группа в 500 татар. Они захватили караульных, взяли в плен 87 чел., работавших на полях, угнали стадо животных. Затем они попытались ворваться в чугуевские слободы, но получили отпор. В следующем, 1644 г., походы татар в русские земли повторились. На этот раз они проводились по указанию турецкого султана с целью захвата русского «полону» для использования на военных кораблях Турции в войне с Венецией за остров Крит⁵. 31 июля татарский отряд в 500 чел. напал на селитроварни в 5 верстах от Чугуева, захватив 11 служилых и 30 работных людей и угнав 102 вола и 50 лошадей⁶.

С весны 1645 г. набеги татарских ватаг участились. В этом году татары неоднократно появлялись в разных местах края. Отряд в 7 тыс. татар прошел между Мерчиком и Мерлом по Муравскому шляху, грабил население и ловил «полон» в Курском

¹ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 1, лл. 1—2, 15—16.

² А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами..., стр. 270.

³ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 4, док. 5, 6.

⁴ И. Беляев. О сторожевой, станичной и полевой службе..., стр. 77—78; Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. III, М., 1857, стр. 195.

⁵ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами..., стр. 327.

⁶ АМГ, т. II, № 220.

и смежных уездах. Татарские ватаги действовали в районах Курска, Валук, Корочи, Усерда. 38 украинских семей, поселившихся в с. Костенки, под Воронежом, в январе того же года писали царю, что в результате нападения татар они лишились всего имущества¹.

Русские люди, находившиеся на сторожевой службе в Валках, жаловались, что из-за постоянной татарской опасности не могут заниматься хозяйством и терпят большую нужду: «Мы — бедные, без всякого харчу помираем голодною смертью». Они обращались к царю с просьбой освободить их от несения службы в Валках, так как вследствие непрерывной службы зимой и летом потеряли лошадей, «отбыли от пашенной поры», а их «бобылишки» разбежались по другим городам. Правительство приняло просьбу во внимание, белгородскому воеводе Пронскому было приказано заменить русских служилых людей белгородскими украинцами «с переменою по десять человек, покамест они в той службе все обойдутся»².

Меры, принимавшиеся русским правительством для защиты от татарских набегов, нередко становились тормозом хозяйственного развития края. Во многих местах леса объявлялись заповедными, людям запрещалось заготавливать там дрова, строевой материал, делать просеки, дороги и тропы; ограничивалась возможность заведения пасек и других промыслов.

В Иловском заповедном лесу в 1647 г. служилым людям был отведен небольшой участок — «отхожий рог», а также разрешено устраивать пасеки с условием «дорог многих не прокладывать»³. В Иловском и Терновском лесах ольшанским служилым людям в 1651 г. было запрещено рубить лес вблизи пчельников сльшанских черкас, а черкасам, владельцам пасек, в 1639 г. запрещено делать просеки в лесу⁴. Привлекался к ответственности рыльский осадный голова Люшин за устройство перевоза через р. Сейм, которым пользовались люди для доставки «заповедных товаров», т. е. вина и табака⁵. По царскому указу в 1647 г. хотмыжский воевода С. Н. Волховской разрушил 3 моста через Ворсклу и завалил 3 дороги, прорубленные в лесу с обеих сторон Ворсклы, проходившие в Вольновском уезде с севера в степь к селитроварням М. Горбунова и М. Лымарева. Этот же воевода приказал завалить просеки и разрушить мосты через Ворсклу около Ахтырки⁶.

¹ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 237.

² «Сборник ХИФО», т. 16, стр. 39—41.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 23, лл. 29—30, 48—57.

⁴ Там же, стб. 314, лл. 212—214, 231.

⁵ Там же, стб. 142, столпик I, лл. 1—53.

⁶ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 48—49.

Складывание земледельческого хозяйства

Земледелие издавна являлось главной отраслью хозяйства русского и украинского народов, поэтому, естественно, русские и украинские поселенцы занимались им и на Слобожанщине. Между тем,

Д. И. Багалея, ссылаясь на частный факт, отмеченный чугуевским воеводой П. Щетининым, сделал неверный, тенденциозный вывод, якобы русские люди, поселившиеся в Чугуеве, «неохотно брались за земледелие, украинцы — охотно брались за это дело, так как они на Заднепровье были истинными земледельцами, «щирими землеробами»¹. Однако общеизвестно, что русские являлись такими же умелыми земледельцами, как и украинцы.

Украинские жители слобод Котельва, Бобрин², а также украинцы, пришедшие из Поднепровья и поселившиеся слободами в Волковой, Войтовке, Пустовойтовке, Охмылевой по р. Терн еще в 20-х годах XVII в., наряду с разными промыслами занимались земледелием³. Земледелием занимались крепостные крестьяне Святогорского монастыря еще до 1635 г.⁴, русские в Колонтаеве и Валках, украинцы в Олешне, Будилке, Боровенке, Каменном, Недригайлове, Межириче и Ахтырке, украинцы и русские, поселившиеся в Чугуеве в 30—40-х годах XVII в.

Весьма важным показателем состояния земледельческого хозяйства является система обработки земли, те приемы и способы, посредством которых выращивались сельскохозяйственные культуры на Слобожанщине. С древних времен на Руси известны подсечная и переложная системы земледелия, постепенно сменившиеся более производительной трехпольной системой.

Подсечная, или огневая, система представляет собой такую форму земледелия, при которой подготовка земли для посева производится путем выкорчевывания леса и кустарника, а также выжигания деревьев и дерна. Эта система развилась и долго существовала в лесных местностях.

Со временем все большее место в земледелии стала занимать трехпольная система. Н. Рожков отмечал, что на южной окраине Русского государства, до среднего течения р. Сейм, существовали трехполье, перелог, частично подсека в лесистых местах. «Здесь были значительные размеры «дикого поля» и так называемые «пашни наездом». В другом исследовании он замечает, что в «степи и Поднепровье преобладала в XVI в. переложная система земледелия, лишь местами сменяющаяся паровой-зерновой, причем по мере приближения к концу века

¹ Д. И. Багалея. История Слободської України, стр. 160.

² Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. III, стр. 57, 65.

³ И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта..., стр. 125.

⁴ АМГ, т. II, 1894, № 6.

земледелие в этих областях постепенно улучшалось»¹, т. е. переходило к трехпольной системе.

К сожалению, мы не имеем нужных сведений о системе земледелия на Слобожанщине. Однако очевидно, что русские и украинские поселенцы края в соответствии с местными условиями вели земледелие по традициям своих предков. В основном здесь применялась переложная система, хотя исчисление земельных наделов велось по принципу трехполья. Можно согласиться с мнением И. Н. Миклашевского, что трехпольное исчисление землевладения в XVII в. по своему происхождению было связано с трехпольной землеобработкой, а по назначению — с установившейся системой обложения хозяйства повинностями².

Весьма вероятно, что в начальный период заселения края слобожане занимали лучшие земли, имевшиеся в изобилии и использовали их не по трехпольной, а по переложной системе. В Валуцкой писцовой книге 1626 г. есть запись о наделении разных категорий служилых людей землей в 1616 и 1626 гг., в ней говорится о пашне пахотной и перелог³. О переложном земледелии свидетельствует также переписка по делу усердского воеводы И. Ф. Волконского, который в 1639 г. был на службе в Усерде «и государю служил, десятинную пашню вспахал и яровым хлебом посеял, а, пожав яровой хлеб, ту ж десятинную пашню ко 148 (1640) году посеял рожью».

Поселенцам трудно было поднимать целинные земли. Карповский воевода И. Г. Вердеревский писал в Разрядный приказ, что для государевой десятины в 1647 г. было вспахано 50 дес. «ковыля» (целины) драгунскими лошадьми из Комарицкой волости и что при этом многие лошади «попадали». Землю пахали под озимые культуры — рожь и пшеницу — в летнее время; под яровые — пшеницу, ячмень, овес — ранней весной, а несколько позже — под гречиху и просо. В отписке яблоновского воеводы говорилось, что ему было предписано «пахать государеву пашню под ярь», а также под рожь к 1643 г. вовремя, «не упусти поры»⁴.

Что же касается времени посева, то, по данным И. Н. Миклашевского, ранние яровые культуры в Яблонове засеивались в период от 15 апреля до середины мая, а озимые, например, в Усерде в 1631 г. — с 6 августа по 3 сентября. Упомянутый автор приводит пример вспашки земли в 1640 г. в Яблонове, длившейся до 15 августа. По этому поводу он заключает: «Быть может, это

¹ Н. Рожков. Исторические и социологические очерки. Сборник статей, ч. I, М., 1906, стр. 53.

² И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта..., стр. 39.

³ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, т. II, стр. 169.

⁴ И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта..., приложение № 6, стр. 293, приложение № 5, стр. 220, 285.

осенняя вспашка под яровое «на зябрь», или «зябло», как тогда выражались». И. Н. Миклашевский указывает, что вспашка под яровые посеы «на зябрь» известна в России с начала XVII в.¹ Сев производили вручную. Засеянную пахоту бороновали, чтобы закрыть семена землей.

В исторических документах сохранились сведения о земледельческих орудиях, употреблявшихся в России и на Украине XVI—XVII вв. Для обработки земли применялись сохи, плуги и бороны; для уборки урожая зерновых и сена служили серпы и косы. Сохи были с палицами и без них. В одном документе говорится о сошниках трех размеров: «большой руки, средней и меньшей»².

Яблоновский воевода покупал для «государевой пашни» косы, серпы, веревки к сохам. А в росписи казенного имущества г. Карпова, составленной воеводой А. Еропкиным, значится 22 сошника с палицами, 4 сошника без палиц, 20 сох, 20 борон, 89 кос, 20 серпов. В приемной книге хотмыжского воеводы отмечено, что из Москвы присланы сошники, а из Хотмыжска отпущено в Вольный для «десятиной пашни» 2 сошника³.

В казенном хозяйстве «десятиной пашни» в Белгороде и Осколе на рубеже XVI—XVII вв. были сохи и серпы⁴. В описке чугуевского воеводы 1640 г. указывается, что грабители выпрягли у чугуевца на поле лошадь из плуга. Известно также, что правительство, помогая валковским служилым людям завести «государеву пашню», дало в 1647 г. указание белгородскому воеводе посеять рожь, для чего в Валки были присланы «сошник с палицами» и семена⁵.

На южной окраине России, а следовательно, и на Слобожанщине, выращивались все те земледельческие культуры, которые издавна возделывались в России и на Украине. Итальянский историк Павел Иовий Новокомский писал со слов своего русского собеседника Дмитрия Герасимова, что в России выращивали озимые рожь и пшеницу; яровые — просо и гречиху; из огородных культур — дыни и всякого рода овощи; в садах — вишни⁶. Павел Алеппский отмечал, что на Украине «каждый дом окружен садиком, изгородь которого состоит из вишни, слив и иных деревьев. Земля в них засажена капустой, морковью, репой,

петрушкой, лотуком и прочим»¹. Из описи имущества украинцев, бежавших в 1641 г. из Чугуева в Полтаву, явствует, что на чугуевских полях сеяли рожь, пшеницу, овес, просо, гречиху и горох².

Слобожане занимались огородничеством и бахчеводством. Документы о поселении русских и украинцев на южной окраине России свидетельствуют о наделении их приусадебными и огородными участками. Украинские поселенцы во главе с Я. Остриным и М. Карповым³ в 1638—1640 гг. в Чугуеве были наделены огородной землей. Наделялись огородными землями и поселенные в Чугуеве русские служилые люди: стрельцы, пушкари, кузнец, плотник и др.⁴. Хотя сведения о том, какие огородные культуры разводили слобожане в то время, не сохранились, можно с уверенностью сказать, что среди них были капуста, репа, лук, чеснок и другие овощи, широко известные на Украине и в России с древнейших времен. В челобитной М. Болдышева по поводу кражи у него овец, датированной 1644 г., указывается, что челобитчик являлся «чугуевским арбузным садовником»⁵.

Поселенцы принесли на Слобожанщину и опыт садоводства. Этому способствовало и то обстоятельство, что в здешних лесах были целые рощи дикорастущих фруктовых деревьев. Ольшанский черкашенин в челобитной, поданной в 1649 г., просил правительство о разрешении ему владеть садом, который он завел около заповедного леса⁶.

Животноводство, как и земледелие, было исконным занятием русских и украинцев, о чем свидетельствуют многочисленные вещественные и письменные памятники с древних времен. Павел Алеппский, например, писал в 1648 г., что в селах на Украине он видел множество домашних животных: лошадей, коров, овец, свиней⁷. Этим же животным разводили издавна и русские. Естественно, что эта традиционная отрасль хозяйства поддерживалась русскими и украинцами и на Слобожанщине.

Большое значение животноводства в хозяйственной жизни края подтверждается тем, что при наделении поселенцев землей им отводились также сенокосные луга и поля, как, например, было в Чугуеве в 1638—1639 гг.⁸.

¹ И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта..., стр. 223, 224.

² Акты исторические, т. II, № 81.

³ И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта..., стр. 220, 221, 223.

⁴ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 5, док. 1, 2.

⁵ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 268, лл. 23—26; «Сборник ХИФО», т. 16, стр. 33.

⁶ Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах..., стр. 266.

¹ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидьяконом Павлом Алеппским, вып. II, М., 1897, стр. 42.

² «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 178.

³ Там же, № 189.

⁴ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 7, док. 2—4.

⁵ Там же, стб. 15, док. 6.

⁶ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 317, л. 145.

⁷ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию..., вып. II, стр. 30—32.

⁸ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 153, 178.

Сохранилось немало сведений о наличии скота у слобожан. Чугуевский воевода П. Щетинин, сообщая в Москву о ликвидации воровской шайки в окрестностях города в 1639 г., писал, что грабители пытались угнать у «стадников» скот, принадлежавший чугуевским жителям¹. Воевода И. Бестужев докладывал правительству, что татары в 1643 г. захватили у чугуевцев 140 лошадей и «стада»². В сообщении не говорится, что это были за «стада», должно быть, речь шла о стадах овец и рогатого скота.

В описи имущества бежавших в 1641 г. чугуевских украинцев указывается на наличие животноводства. В оставленных 11 дворах было 11 волов, 20 коров, 25 телят и 16 свиней³. В 2 дворах казаков, бежавших из сл. Черной под Белгородом, была 1 лошадь, 2 коровы, 4 телят, 9 свиней и 5 овец⁴. Не касаясь здесь вопроса о неравном распределении скота по дворам, отметим, что животноводство на Слобожанщине складывалось не как самостоятельная отрасль, а как важная составная часть хозяйства местных жителей.

Промыслы различными промыслами. Так, в тесной связи с земледелием находился мельничный промысел (помол муки и круп). При мельницах устраивались толчеи — для толчения проса на пшено, ячменя на перловую крупу и ступы — для обработки сукна.

Мельницы строились преимущественно водяные, хотя были известны и ветряные мельницы. Это объяснялось тем, что первые поселения располагались у рек, где было удобно устраивать плотины и мельницы. Ветряки здесь стали строить позже вблизи сел, вырвавшихся у маловодных ручьев, вдали от рек.

Первые сведения о мельницах на Слобожанщине, которыми мы располагаем, относятся к 30—40-м годам XVII в. С ведома и разрешения правительства в 1640—1643 гг. около Усерда построено 3 мельницы⁵. На р. Ворскла возле Хотмыжска в 1640—1643 гг. работали 5 мельниц. На Дону под Чугуевом в 1640—1641 гг. также были мельницы. Чугуевский воевода в отписке в Разрядный приказ сообщал, что построенные около Чугуева мельницы мешают судоходству по Донцу⁶. В 30-х годах XVII в. в Олешне имелось 3 мельницы с толчеями, в Бобрике — мельница, толчея и 4 ступы, в Недригайлове — «мельница не-

¹ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 5, док. 1, 2.

² Там же, стб. 12, док. 5.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 17.

⁴ АМГ, т. I, № 153.

⁵ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 128, лл. 353, 354, 450—451; стб. 158, лл. 791—793; стб. 160, л. 145; стб. 219, лл. 277—278, 281—289; стб. 161, лл. 130—133, 353—362; стб. 191, лл. 29—30, 430.

⁶ Там же, стб. 139, лл. 180—187; стб. 159, лл. 184—206; стб. 161, лл. 16—20, 168—169, 190—191, 208; стб. 133, лл. 20, 411—414.

мецкая» в 2 амбарах, в каждом по 2 жернова, 1 толчея и 5 ступ. В Каменном было 2 мельницы — по 2 жернова и 5 ступ в каждой¹. Как видим, в 40-х годах XVII в. в крае насчитывалось, по неполным сведениям, около 20 мельниц.

Некоторые мельницы принадлежали общинам поселенцев, другие находились в частном владении феодалов, духовных лиц, зажиточных мещан и служилых людей.

С ростом земледелия возник винокуренный промысел. В описаниях пограничных сел 1647 г. указывается, что в Олешне было 3 винокурни и пивоварня, в Бобрике — 2 винокурни, 2 пивоварни и 1 солодовня, в Каменном — 1 винокурня. К сожалению, нам неизвестно, кому они принадлежали и сколько давали продукции.

На Слобожанщине рано появилось пчеловодство. Им занимались ухонники и жители возникавших городов и сел. О многочисленных ухонниках говорится в донесении путивльского воеводы Троекурова правительству в 1546 г., в наказе царя Федора Ивановича голове А. Зиновьеву в 1589 г., в наказе царя Бориса Годунова воеводам Б. Бельскому и С. Алферьеву в 1600 г.

Пчеловодство с древних времен известно в форме «бортных ухоньев», или «бортничества». «Бортные ухонья» отдельных владельцев иногда были довольно обширными. И. Н. Миклашевский, ссылаясь на Путивльские писцовые книги 1628 и 1629 гг., указывает, что «ухонья» казаков Рыбкина и Воропаева занимали территорию «на реке на Псле и вверх по Пслу в урочище по Прилипы и по Биринскую волость и по речке Упе да по Смердице, и по речке по Судже, и на проходах». Значительные размеры «бортных ухоньев» зависели от того, что к ним почти всегда примыкали бобровые гоны, перевесища, рыбные ловли и другие угодья, «которые изстари к тем ухоньям потягли».

Известны сведения из писцовых книг 1628 и 1629 гг. о «бортных ухоньях» Путивльского уезда, находившихся на оброке у разных лиц. Из 266 «ухоньев» 80 находились в лесах Городетской, Нищанской, Хотмыжской, Тешковской, Лосицкой волостей, позже вошедших в состав Сумского и Ахтырского Слободских полков². В 80 «ухоньях» числилось 251 дерево с пчелами и 2537 деревьев без пчел. И. Н. Миклашевский резонно заметил, «что в описываемое время многие волости Путивльского уезда были совершенно пусты, так как не оправились от литовского разорения». Кроме того, приведенные данные лишь частично отражают действительную картину распространения бортничества в северо-западной части Слобожанщины. Сообщая эти сведения, ухонники

¹ «Чтения МОИДР», 1885, кн. 2, стр. 2—5; Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 9—10, 473—474, 497, 530.

² И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта..., стр. 123—125.

могли кое-что утаить от представителей власти с целью сокращения размера оброка. К тому же в списки не входили «бортные ухозя», не облагавшиеся оброком — принадлежавшие монастырям или отданные служилым людям «в поместья за четвертную пашню». Эти данные позволяют сделать вывод о том, что «бортные ухозя» имели здесь еще значительное распространение в первой трети XVII в. Нет оснований также считать, что бортничество было менее распространено в лесах остальной части Слобожанщины. Так, в 40-х годах XVII в. группа хотмыжских казаков обращалась с просьбой к правительству дать им на оброк «бортные ухозя»¹.

Однако верх брала более прогрессивная форма пчеловодства — пасечничество. Трудно определить, с какого времени оно началось на Слобожанщине. В Валульской писцовой книге 1626 г. отмечено 5 пасек, принадлежавших русским в лесах по р. Оскол. По 1 пасеке было у конных стрельцов Л. Миневского, С. Москвитина и И. Масловского; сообщая пасеку имели конный стрелец С. Уланов, пешие стрельцы О. Шишлов и В. Карпов, а другой пасекой сообщала владелица С. Шацкий, стрельцы И. Смирнов и К. Хохлов².

С постройкой городов Хотмыжска и Вольного поселенцы, служилые люди стали обзаводиться своим хозяйством и разрушать «бортные ухозя» путивльских оброчников³. Эти люди, писал воевода в Москву, «пчелы дерут и из бортей в ульи пчел выгоняют, а дельное деревье со пчелами и без пчел на корень подсекают и выжигают и подсушивают»⁴. В грамоте из Разрядного приказа воеводе предписывалось жестоко наказывать разорителей бортей⁵. Строгие меры не могли помешать росту новых форм пчеловодства.

Много пасек было в лесах по Донцу: под Донецким лесом — 4, от устья Липового Донца, вверх по Донцу, на Крымской стороне — 3, «на Донцу ж, на Ногайской стороне» — 1, ниже Белгорода вниз по Донцу, на Ногайской стороне — 20, «под Разуменским лесом» — 3, за р. Разумная, под Коренским лесом — 14 пасек⁶.

В 1641 г. С. Д. Сухотин по поручению белгородского воеводы описывал пасеки. Он отметил по р. Мерло 10 пасек, принадлежавших жителям городков Подолок, Сенча, Чернух, Гадяч и Миргород; у р. Рабинь — 6 пасек жителей Хорола, Сенчи,

Подолка, Гадяча, 5 пасечных мест около устья р. Рабинь и Лосицкого острожка¹. В списке «Межевых книг границ Путивля и Городища, Чернигова и Черкас» 1647 г. указывалось на множество пасек, находившихся около Каменного, Ахтырки, по рекам Терн, Сула, Ольшанка, Псел, Братеница, Рабинь и др.². В книге осмотра и постройки укреплений по рекам Мерло и Ворскла в том же году отмечено много пасек в лесах по берегам этих рек, а также речек Братеница и Уды³. Между городами Вольный, Хотмыжск, Белгород и Чугуев насчитывалось более 300 пасек⁴. На год раньше в верховьях рек Мжа и Коломак, в окрестностях строившегося валковского острога, по подсчетам самих пасечников имелось 150 пасек⁵. Были пасеки в лесах по верхнему течению Псла, по Терну и другим рекам в окрестностях слобод Пристайлово, Ольшаное, Межирич, Сумино городище. Из приведенных данных, относящихся к 1646—1647 гг., здесь известно 450 пасек, но совершенно очевидно, что их было значительно больше.

О размерах пасек имеются разрозненные сведения. По р. Сула в упоминавшихся пасеках И. Гмыри, Т. Рудого, И. Таркмыша и И. Обыхоры насчитывалось 30 ульев. По той же реке, выше Пещанского острожка, на общей пасеке Л. Григорьева, Морчки и И. Рандаря было 100 ульев, на пасеке Р. Рутковского — 30 ульев, Ф. Алексева — 60 ульев⁶. Некоторое представление о пасечном хозяйстве дает сообщение ольшанского воеводы в Разрядный приказ (1650 г.) по поводу пасек в Иловском лесу. Воевода писал, что на пасеке Калинкина устроена винокурня, делают деревянные бочки и жбаны, пчелиные кадки, лубье снимают «на всякое дело». Во время посещения пасеки воеводой там было «кадей пчелиных с 200 и больше, да во многих местах стопы дубового леса на бочарное дело»⁷.

Социальный состав владельцев пасек уже в первой половине XVII в. был неоднороден. Из русских служилых людей и поселенцев пасеки заводили рядовые и «начальные» люди. Неодинаковое социальное положение занимали и уходники, приходившие сюда на промыслы с Левобережья. На пасеках по р. Коломак, описанных В. Суворовым, пасечники являлись крепостными польских феодалов Потоцкого и Сокольского⁸. На пасеках по

¹ В. Юркевич. Емиграція на схід..., стр. 55.

² «Чтения МОИДР», кн. 2, 1885, стр. 11.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 49.

⁴ И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта..., стр. 127.

⁵ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 268, лл. 23—26; «Сборник ХИФО», т. 16, стр. 27.

⁶ АЮ и ЗР, т. III, дополнения, № 13.

⁷ И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта..., стр. 129.

⁸ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 268, л. 320.

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 139, лл. 474—475.

² Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, т. II, стр. 164—165.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 161, лл. 209—242.

⁴ И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта..., стр. 126.

⁵ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 256, лл. 52—57.

⁶ Описание документов и бумаг..., кн. 4, стр. 386, 387.

р. Мжа, у белгородского «праворотья», пасечниками были «подданные» пана Сокольского Ф. Гергель со своими товарищами Гришкой и Радкой и с наймитами П. Романовым и В. Самойловым. На Турушковском колодце имела пасека, принадлежавшая лубенскому монаху Сильвестру, зависимому от магната Вишневецкого, и «подданным» того же Сокольского, жителям Полтавы: один из них был с сыном и наймитом, другой только с наймитом и 3 одиноких пасечника¹. По р. Ворскла на пасеках «сидели» крепостные пана Потоцкого².

Приведенные сведения дают основание считать, что много пасек принадлежало крепостным людям феодалов Потоцких, Сокольских, Вишневецких и др. Среди этих пасечников встречались зажиточные люди, которые пользовались трудом наймитов и на свои средства заводили пасеки, давая определенный «медвяный» оброк панам. Большая часть владельцев пасек состояла из казаков, мещан и других незакрепощенных слоев населения. В верховьях Пресветлого колодезя, например, были пасеки Г. Чугуевца, жившего в Полтаве, на которых находились полтавские «жилыцы» С. Сергеев со своими наймитами О. Федоровым, М. Игнатьевым и О. Григорьевым. Около Бедринской и Белгородской вершин были пасеки неких Петроша, С. Яковлева и киевского «старца» Гермогена. На этих пасеках «сидели» наймиты. По р. Мерло было 4 пасеки, принадлежавшие мещанам³.

В заключение отметим, что пасеки на Слобожанщине нередко служили хозяйственной основой для перехода сезонных уходников на постоянное жительство в данном месте. Этот процесс прежде всего стал заметен на Ахтырщине, в окрестностях Межирича и Недригайлова. С. Сухотин в описании городов говорил, что многие люди живут на своих пасеках «беспременно». Вместо временных шалашей пасечники стали строить постоянные жилища, в результате постепенно вырастали селения с земледельческим хозяйством⁴.

Пчеловодство в крае появилось как традиционный промысел русских и украинцев, поселившихся здесь или приходивших на летние промыслы. В основном оно имело натуральный характер, но часть угодий, особенно пришлых уходников, была связана с товарно-денежными отношениями. Пчеловодство здесь было представлено главным образом бортным промыслом, однако в первой половине XVII в. бортничество стало перерастать в пасечничество.

На реках Слобожанщины очень рано возникли рыбные промыслы. Хотя эти реки и невелики, но в то отдаленное время они

¹ В. Юркевич. Еміграція на схід..., стр. 57.

² АЮ и ЗР, т. III, № 116, 156.

³ В. Юркевич. Еміграція на схід..., стр. 55, 57.

⁴ АЮ и ЗР, т. III, дополнения, № 18.

были полноводнее и значительно богаче рыбой. О рыболовных местах, или песах, на разных реках края известно издавна. В львовской летописи, например, говорилось, что татары, напад на русские селения в 1559 г. на р. Меча, «взяли рыболовий пять человека»¹. В переписке воронежского и белгородского воевод, в оброчных и других документах 30—40-х годов XVII в. указывается много мест рыбных промыслов: на озере Рыбное, на реках Тихая Сосна, Битюг, Осеред, Калитва, Дон, Донец и Оскол².

В царском указе 11 марта 1639 г. чугуевскому воеводе М. Ладжинскому предлагалось переписать наряду с разными промыслами также рыбные ловли с целью отдать их на оброк. В 1640 г. рыбные ловли по Донцу, выше Чугуева, были отданы в безоброчное пользование причту белгородской Николаевской церкви³. На реках Битюг и Осеред в 1638 г. такие промыслы находились на оброке у воронежцев. В 1638—1639 гг. жители Усерда хлопотали о получении рыболовных мест по рекам Калитва и Сосна⁴ и т. д.

В связи с ростом рыночных отношений некоторые уходники-рыболовы направлялись в низовья Дона и Донца, где была рыба лучших сортов и в большем количестве. В 1639—1641 гг. белгородская воеводская канцелярия выдала много разрешений украинцам на право заниматься рыбной ловлей, как и другими промыслами, на Дону и Донце⁵. Из переписки чугуевского воеводы известно, что в 1642 г. направлялись на рыбную ловлю в низовье Дона белгородские «гулячие» люди, в 1648 г.— 4 группы белгородцев, которые возглавлялись пушкарем А. Толкаченковым, И. Путятиним, стрельцом А. Плотниковым, Л. Калачниковым, в 1650 г.— группа белгородцев во главе с Р. Осиповым⁶ и т. д.

Сохранились скудные сведения о том, что местные и приходящие на промыслы люди занимались охотой на пушных зверей. В лесах возле Чугуева и других мест были «бобровые гоны», «перевесы». Известно также, что охотники украинского магната И. Вишневецкого ловили кречетов в Чугуевском уезде в 1644 г.

В первой половине XVII в. на Слобожанщине добывалась соль и вырабатывалась селитра, но об этом речь пойдет дальше.

Основные виды промыслов, как и земледелие, до середины XVII в. были тесно связаны с натуральным хозяйством, в то же время в крае развивались товарно-денежные отношения.

¹ ПСРЛ, т. XX, 1914, стр. 609.

² АЮ и ЗР, т. VIII, стр. 273.

³ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 153, 178.

⁴ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 104, лл. 579—584; стб. 115, лл. 59—70; стб. 133, лл. 334—335, 396—401.

⁵ Там же, стб. 140, лл. 297—298.

⁶ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 10, док. 9; стб. 20, док. 24—26, 28; стб. 26, док. 5.

Налаживание торговли

Вовлечение слобожан в рыночные отношения происходило с первых дней их поселения. Украинцам и русским, селившимся в Чугуеве, как и в других местах, правительство выдавало денежную помощь на постройку дворов, покупку продовольствия, семян, скота и оружия, что свидетельствует о появлении здесь рынка.

Некоторые чугуевцы еще во время постройки острога оказались в таком тяжелом положении, что вынуждены были продавать лошадей и оружие, чтобы купить продовольствие. Эти люди, как видим, вовлекались в рынок не с товарной продукцией. Приведем другой пример. После сооружения в 1646 г. валковского острога в соседнем лесу стали собираться украинцы с хлебом, водкой, табаком и другим продовольствием и изделиями для продажи. Трудно определить, кто из этих людей сбывал излишки, а кто продавал товары, приготовленные специально для рынка, но можно утверждать, что здесь были и те и другие продукты.

Развитие товарно-денежных отношений на Слобожанщине находилось в тесной связи с таким же процессом, происходившим в России и на Украине, что являлось началом больших социально-экономических изменений в стране. «Важно отметить поэтому, — писал В. И. Ленин, — что уже самое мелкое товарное производство в крестьянских промыслах начинает отделять промышленность от земледелия, хотя промышленник от земледельца на этой стадии развития в большинстве случаев еще не отделяется»¹.

В каждом новом городе края возникали торги, устраивались торговые места. В строевой книге Нежегольска, например, указывается, что при сооружении города около Московских ворот предусматривалось поставить лавки. При постройке г. Колонтаева за главными воротами было выделено место для сооружения лавок и гостиного двора². Двор для приезжих торговцев построен и в Чугуеве в 1639 г.³

Местные торговые связи росли по мере притока переселенцев и развития их хозяйства. Этому благоприятствовала, по крайней мере в начальный период заселения края, политика правительства. Переселенцам едва хватало средств для устройства дворов, поэтому они обращались к правительству за разрешением заниматься промыслами, ходить на заработки в соседние населенные пункты. Такие разрешения они обычно получали.

В грамоте из Разрядного приказа усердскому воеводе И. Волконскому говорилось, что украинские поселенцы, получив

жалование, «дворами и огородами, и пашнею построены», но «впредь прокормитца нечем». Предписывалось их «для звериные добычи и рыбные ловли» отпускать по столько человек, «чтоб на Усерде безлюдно не было», а жен и детей переселенцев отпускать «для работы в города»¹. По просьбе тех же усердских жителей им разрешено было беспошлинно покупать хлеб, продавать скот и продукты своих промыслов².

Атаман Р. Михайлов, сотники и рядовые украинские казаки, всего 500 чел., поселившиеся в г. Короче, обратились с челобитной к царю, в которой писали: «По твоему государеву указу дана нам, холопам твоим, твоя государева грамота на Дон и на поля ходить для добычи с ведома воевоцкого, и сыгить канун, и воск збирать... И та, государь, грамота утерялась». Челобитчики просили выдать им «другую грамоту с первого отпуску». 5 февраля 1641 г. эта челобитная рассматривалась в Разрядном приказе, было решено «дать им государева грамота с прежнем отпуску»³.

Чугуевцы просили разрешить им приобретать хлеб и другие продукты в Курске⁴. 26 ноября 1638 г. курскому воеводе И. Бутурлину была послана царская грамота с разрешением украинцам Чугуева и Корочи беспошлинно покупать на курском рынке продовольствие, одежду и прочие хозяйственные товары, а русским торговым людям беспошлинно продавать эти товары. «А которые черкасы приедут в Курск с Чюгуева и с Корочи, и ты бы, — говорилось в указанной грамоте, — тем черкасом в Курску хлебные всякие запасы, и всякое съесное, и животину, и на одежду платье, деланное и неделанное, велел покупати повольною ценою беспошлинно. Да и на Чюгуеве с русских со всяких людей с продажного хлеба и со всяких товаров таможенные пошлины имати по нашему указу им не велено». Такой же указ был объявлен и в Чугуеве⁵.

Воеводе предлагалось: «Бирючим в торговые дни велеть покликать не по один день, чтобы всякие торговые люди для всякого торгового промысла ездили на Чюгуев и торговали товарами...»⁶. В отписке И. Бутурлин сообщил, что украинские люди из Чугуева и Корочи приезжают в Курск и свободно, беспошлинно торгуют⁷.

Торговля слобожан тесно переплеталась с торговлей населения Левобережной Украины и Белгородско-Воронежского краев.

¹ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 179.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 170, лл. 332—333.

³ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 194.

⁴ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 115, лл. 125—126; стб. 110, лл. 349—352.

⁵ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 148.

⁶ АМГ, т. II, № 152.

⁷ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, стр. 501 (примечание 179).

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 289.

² «Чтения МОИДР», 1885, кн. 2, стр. 31, 85.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 133, лл. 27—28.

Пока местное земледелие не поднялось до уровня, удовлетворявшего потребности населения, хлеб привозили из Курского, Путивльского и других уездов. Соль доставляли со Строгановских заводов через Путивль и Рыльск в Валуйки, Хотмыжск¹ и другие города. Привозили также тульское оружие, боеприпасы и пр. С Левобережной Украины на Слобожанщину везли хлеб, водку, табак и другие продукты. В 1648—1649 гг. в связи с неурожаем и голодом на Украине слобожане в свою очередь вывозили туда хлеб и продовольствие.

В 1648 г. белгородский и путивльский воеводы писали в Москву, чтобы в Валках и Бобрике поставить заставы с целью преградить вывоз хлеба и меда за границу, так как иначе это может привести к ухудшению продовольственного положения местного населения². В отписке хотмыжского воеводы в 1649 г. правительству говорилось, что вследствие голода на Украине украинские и хотмыжские торговые люди закупают и вывозят на Украину много хлеба, «а хотмышаня, государь, всяких чинов служилые люди, дети боярские, и станичники, и стрельцы, и казаки, и пушкари, и воротники били челом... чтоб ты, государь, пожаловал, хотмышаном торговым людем хлеба и соли литовским людем продавать не велел»³, поскольку этих продуктов не хватает для местных нужд. Однако, учитывая политическую обстановку, когда украинский народ боролся против гнета польских панов и стремился к воссоединению с Россией, правительство такого запрета не давало. Оно разрешало украинцам, приезжавшим из Поднепровья, покупать, как например в Усерде⁴, хлеб и соль по вольным ценам с уплатой таможенных пошлин.

С хозяйственным развитием края и ростом торговли возникала необходимость в качестве торговых путей использовать не только реки, но и другие средства сообщения. Прокладывались грунтовые дороги, строились мосты и паромы, устраивались гати через болота, делались просеки в лесах. Эти мероприятия проводились в основном по инициативе поселенцев при определенном содействии правительства, особенно они усилились с конца 30-х и в 40-х годах XVII в., т. е. совпали с притоком населения и строительством городов Белгородской черты, Чугуева и других поселений.

Рыльские жители построили перевоз (паром) через р. Сейм, способствуя приезду украинских торговых людей «с заповедными товарами»⁵. Селитровары проложили дорогу около Вольного

и в других местах¹, была построена переправа через р. Тихая Сосна². Около Недригайлова через р. Сула и около Колонтаева через р. Мерло в 1646 г. построены мосты. В Олешне в 1647 г. был мост, о котором в описании города говорилось: «а через речку Олешну меж острогов на столбах устроен мост, а по тому мосту ездят из острогу в острог»³.

С постройкой городов по Белгородской черте правительство в оборонительных целях стало более систематически заниматься устройством дорог. Это видно на примере росписи новых дорог, построенных от Хотмыжска. От города шла дорога вверх по правой стороне р. Ворскла, через устье Мелового Колодезя построен мост длиной 5 сажень. От Мелового Колодезя до Красного клина через лес «в версту» сделана просека, а через р. Готня — мост длины 130 сажень и т. д. Всего по этой дороге сделано мостов и гатей на 180 сажень, прорублен лес на 6 с лишним верст.

По другой дороге в направлении г. Вольного с правой стороны р. Ворскла, на р. Рогозня построен мост 90 сажень длины, от этой речки к степи через лес прорублена просека 6,5 версты, ниже большего моста через ту ж речку поставлен мост длиной 72 сажени и от него через лес к Пробойной горе сделана просека «спол версты», на р. Ольшанка — мост 60 сажень длины. Всего по дороге от Хотмыжска до Вольного было сделано мостов 222 сажени и лесных просек более 6 верст. А в целом по этой белгородской дороге сооружено мостов и гатей 402 сажени и лесных просек более 20 верст⁴. Строительство дорог и мостов благоприятствовало развитию торговли и росту товарно-денежных отношений в крае.

Как видим, русские и украинцы начали заселять и хозяйственно осваивать земли Слобожанщины задолго до массового прихода украинцев. Основные черты социально-экономической жизни края уже наметились до середины XVII в.

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 259, лл. 258—264.

² Там же, стб. 160, л. 144.

³ «Чтения МОИДР», 1885, кн. 4—6, стр. 3, 4, 35.

⁴ Материалы по истории колонизации и быта..., т. II, стр. 30; ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 132, лл. 11—19.

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 137, лл. 168—169, 271—272, 302—303, 350; стб. 139, лл. 242—247, 248—251.

² Там же, стб. 269, лл. 426—427.

³ АЮ и ЗР, т. III, дополнения, № 36.

⁴ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 288, лл. 124—127.

⁵ Там же, стб. 142, столпик 1, лл. 1—53.

Глава II

МАССОВОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ СЛОБОЖАНЩИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Причины массового переселения украинцев с Поднепровья С середины XVII в. социально-экономическая жизнь Слобожанщины активизируется. Это объясняется происходившим в то время массовым заселением края украинским народом. В основе причин, вызвавших волну такого переселения украинцев, лежало усиление феодального и национального гнета на Украине. Переход населения с Поднепровья на Слобожанщину происходил ежегодно вплоть до XVIII в. Особенно широкий размах переселение приняло в 50—70-х годах. Последняя волна массового прихода украинцев с Правобережной Украины была в 1711—1715 гг.¹

В русской дворянской и буржуазной исторической литературе о заселении Слобожанщины делались попытки периодизировать переселение украинского народа в Россию. За основу этой периодизации авторы взяли приход наиболее многочисленных групп украинцев в отдельные годы. Кроме того, в целом его делили на «этапы» по времени царствований: «переселение в Московское государство малороссиян до Алексея Михайловича» и «Малорусская колонизация со времен Алексея Михайловича»². Если «волны» переселения в отдельные годы объясняются в упомянутой литературе частично верно, то деление на «этапы» в

¹ В кн.: История Русов или Малой России, стр. 152, 223; А. Ригельман. Летописное повествование о Малой России, стр. 48, 99; И. И. Срезневский. Историческое обозрение..., стр. 5; Списки населенных мест Российской империи, т. 46, Харьковская губерния, Спб., 1869; «Труды статистического комитета Харьковской губернии за 1872 г.», стр. 126—127, указывается, что наиболее многочисленные группы украинцев переселились в Россию в 1617, 1638, 1645—1647, 1650—1651, 1659, 1675, 1711—1715 гг.

² И. И. Срезневский. Историческое обозрение..., стр. 5; Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации..., стр. 135—196, 378—571.

соответствии с дворянско-буржуазной концепцией не отвечает действительности.

Массовое переселение украинского народа в Россию и, следовательно, заселение Слобожанщины в отдельные годы определялось внутренним и внешним положением Украины, находившейся до 1648 г. во власти польских феодалов. В 1648—1667 гг. шла с переменным успехом освободительная война украинского народа и война России с Польшей. Украина в это время была то свободной от иноземного ига, то подвергалась жестоким нападениям польских феодалов, татарских орд. По Андрусовскому перемирию Левобережная часть Украины навсегда отошла к России, Правобережная — осталась еще на 100 с лишним лет под властью Речи Посполитой. В 70-х годах XVII в. Правобережная Украина дважды испытала разрушительное нашествие турок на Подолию и Киевщину, вновь усилившее переселение украинцев в Россию.

До начала освободительной войны украинского народа заселение Левобережной и Правобережной Украины переселялось в Россию, гонимое социальным и национально-религиозным гнетом феодально-крепостнической Польши. Борьба крестьянских масс против социального гнета польских и украинских феодалов, тесно переплетавшаяся с освободительной борьбой против национального гнета, с новой силой развернулась на Украине в конце 40-х годов XVII в. Освободительная война 1648—1654 гг. являлась одним из выдающихся событий в истории украинского народа. «Главной и решающей силой этой войны, — говорится в «Тезисах о 300-летию воссоединения Украины с Россией», — было крестьянство, боровшееся против социального гнета польских и украинских феодалов-крепостников и иноземного порабощения. Вместе с крестьянством в освободительной войне выступали широкие массы казачества и городского населения, а также и казацкая старшина»¹. Украинские феодалы, принимая участие в освободительной войне, стремились к сохранению и укреплению феодально-крепостнических отношений на Украине.

Украинский народ одновременно боролся за освобождение от гнета панской Польши и за воссоединение с братским русским народом в едином Русском государстве. Руководителем этой борьбы стал выдающийся государственный деятель и полководец Богдан Хмельницкий.

Вначале, когда крестьянско-казацкие повстанцы под руководством Б. Хмельницкого добились ряда побед над польскими войсками около р. Желтые Воды, под Корсуном и Пилявцами

¹ Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.), Одобрены ЦК КПСС, стр. 8.

в 1648 г., затем под Зборовом в 1649 г., переселение украинцев в Россию заметно сократилось, но не прекратилось.

Известен случай перехода нескольких крестьянских семей из Стародубщины в 1648 г. Шли в Россию «многия литовские пашенныя крестьяне женатые и холостые со всеми своими жivotы и статки». В начале 1649 г. пришли в Недригайлов украинцы И. Андреев с Волыни и К. Васильев из Пирятина, а в декабре того же года пришел в Белгород Григорий Хмельницкий с семьей, заявив, что он является братом по матери Б. Хмельницкого¹. Были случаи переселения украинцев в Россию и в последующие годы. Весной 1651 г., должно быть, в связи с готовившимся походом польских феодалов на Украину случаи прихода украинцев участились. Игумен Батуринского монастыря Исихей говорил в Посольском приказе в Москве 30 апреля 1651 г.: «А из-за Днепра де которые люди погромлены, иные от татар, а иные от ляхов, и те де идут многие на государеву сторону»².

В 1651 г. казацко-крестьянская армия Б. Хмельницкого в битве с новыми силами польских феодалов под Берестечком потерпела поражение. Польские паны, поддерживаемые украинскими магнатами, восстанавливали свое господство на Украине. Массы украинцев двинулись в пределы Русского государства.

Русское правительство, предвидя новую волну массового переселения украинцев в Россию, еще в июле 1651 г. разслало грамоты воеводам окраинных городов, в которых говорилось о порядке приема и устройстве переселенцев на постоянную жизнь: «Которые черкасы придут на государево имя з женами и з детьми на вечное житье человек по 20, и по 30, и по 50, и по 100, и по 200, и больши, и тех черкас з женами и з детьми, велено отсылать» в распоряжение яблоновского воеводы Б. Репнина. Далее указывалось, чтобы переселенцев селить в Коротояке, Воронеже и Козлове. В случае же, если украинцы будут приходиться значительными группами, то «тем людям велено говорить, чтоб они шли степью в Синбирской и в иные украинные города к Волге, а в ближних городех жить им для ссоры нельзя»³.

Ожидаемый массовый приход переселенцев из Украины в Россию наступил. Именно в первой половине 50-х годов XVII в., как подтверждают многочисленные документы, возникло много городов и слобод в крае⁴ и от этих слобод, основанных

переселенцами, названных еще Самовидцем «Слободскими местами», край получил название «Слободская Украина»¹.

Переселение не прекращалось и после воссоединения Украины с Россией. После переговоров украинских представителей с русским правительством Земский собор осенью 1653 г., учитывая значительное укрепление внутреннего и международного положения Русского государства, дал согласие на воссоединение Украины с Россией и оказание помощи украинскому народу в его освободительной войне. 8 января 1654 г. на состоявшейся в Переяславе Раде казацких старшин, массы казаков и крестьян Богдан Хмельницкий торжественно сообщил о решении Земского собора и призвал присутствующих поддержать это решение. Участники Переяславской рады от имени всего украинского народа единодушно заявили, «чтоб есми веки вси едино были»². Воссоединение Украины с Россией сыграло важную роль и имело огромное прогрессивное значение для всей последующей истории двух братских народов.

В годы войны Украины совместно с Россией против агрессии польских феодалов в 1654 г. много украинцев переселилось на Слобожанщину и поселилось в Харькове, Чугуеве, Цареборисове и в других местах. Б. Хмельницкий жаловался царю на переселенцев, называя их беглецами и просил возвращать их на Украину. По указанию правительства, воеводы предлагали украинцам в Цареборисове и на Торе возвратиться в полки Б. Хмельницкого³. Однако вопрос возвращения массы переселенцев был настолько сложен, что Русское правительство не принимало серьезных мер в этом отношении, а Б. Хмельницкий не настаивал на их возвращении.

Летописец Самовидец, отмечая массовое переселение украинцев в Россию в годы войны, писал: когда начали войны утихать, то все же «люди бесчисленные из-за Днепра, ради бывающих там неспокойств» шли в русские «пустые земли великими городами и селами густо оседали»⁴. К числу городов, построенных в это время на Слобожанщине, принадлежит Ахтырка. Ее острог впервые построен украинцами, являвшимися польскими подданными, летом 1641 г. При русско-польском межевании в 1647 г. она отошла к России, а украинское население, жившее в городе и окрестностях, королевской властью было выселено в Польшу. Русское правительство поставило здесь небольшой отряд пограничной стражи.

¹ Слободами, или слободскими, назывались поселения, в которых крестьяне были не закрепощены, имели определенные льготы, были «слободны».

² «Воссоединение Украины с Россией», т. III, № 205.

³ АЮ и ЗР, т. XIV, № 3.

⁴ Летопись Самовидца, стр. 256.

¹ «Воссоединение Украины с Россией», т. II, № 37, 62, 124, 128, 129.

² Там же, т. III, № 15.

³ Там же, № 50.

⁴ Летопись Самовидца, 1878, стр. 233—234; Летопись Г. Грабянки, 1854, стр. 111—112.

Ахтырка вновь заселяется украинцами в 1653—начале 1654 г. Во всяком случае, есть сообщение, датированное ноябрем 1654 г., от сотника «нового Ахтырского городка» И. Аристова¹. Известна челобитная оleshнянского воеводы от 12 апреля 1654 г., в которой говорилось, что «черкасы зделали в нашем заповедном лесу, на речке Охтырке новой острог Ахтырский»². В городе в 1655 г. насчитывалось жителей 1339 чел. во главе с атаманом Дмитрием Ивановым³. В окрестностях Ахтырки возникали и другие украинские поселения, впоследствии входившие в состав Ахтырского Слободского полка.

Значительная группа казаков, крестьян и мещан из Корсуня (на Киевщине) прибыла на Слобожанщину в 1651 г. и с разрешения правительства поселилась около р. Мерло, на месте будущего Краснокутска, где в 1652 г. построила Краснокутский острог⁴. Известно также, что в 1655 г. в Колонтаеве жили 218 украинские переселенцев с атаманом Яковом Котляренко⁵. В это же время украинцы заселили Городню, Хухру.

В марте 1652 г. в Путивль пришло около 2 тыс. чел. с семьями, во главе их стоял черниговский полковник Иван Дзика, или, как он себя записал, Дзиковский. В отписке путивльских воевод Ф. Хилкова и П. Протасьева правительству говорилось: «А с полковником и с ними, с сотники, пришли к Путивлю ис Чернигова, из Батурина, из Борзны, ис Нежина, из Сосницы, из Нового Песочина, с Конотопу, з Бахмача, из Ивангородища и тех городов и з деревень... и з детьми, и со всеми своими животы»⁶. Переселенцы просили, чтобы их поместили на Заводицком городище — на месте будущей Ворожбы. Правительство, исходя из своих планов укрепления в первую очередь более важных пунктов южной окраины, разрешило им поселиться у слияния речек Острогжска и Тихая Сосна⁷.

Еще до прихода переселенцев сюда по царскому указу был назначен воевода Ф. Арсенев, который с отрядом русских служилых людей начал строить крепость и жилые дома. В выстроенном в этом же году городе он поселил тысячу семей украинцев во главе с полковником И. Дзиковским, составивших в скором времени Острогжский Слободской полк. Так возник г. Острогжск, который называли еще Рыбным по имени соседнего озера, изобиловавшего рыбой, а также потому, что в город привозили с Дона на продажу много рыбы.

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. III, стр. 110.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 258, л. 18.

³ Там же, стб. 392, д. 5, лл. 143—192.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 72.

⁵ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 392, д. 6, лл. 215—221.

⁶ «Воссоединение Украины с Россией», т. III, № 100.

⁷ Там же, № 100, 104, 187.

С постройкой Острогжска в его окрестностях возникли украинские поселения Новая Сотня, Тростянка, Евдаково, Дальняя Полубянка, Кривая Поляна и др. О появлении этих селений старожилы рассказывали Ф. Щербине, что, например, сл. Евдаково заложил 3 семьи украинцев, вышедшие из Острогжска. Таким же образом возникли слободы Пухова и Ближняя Полубянка, хутора Большой Прокопец и Малый Прокопец. По поводу сл. Лыски говорилось, что ее заселили выходцы из Сум и сл. Красная (около Коротояка)¹.

Город Сумы построен недалеко от старославянского городища, названного в описании сторож 1576 г. «Липецким», по словам первого сумского воеводы К. Афанасьева, «на диком шляховом поле», по которому проходили татары, нападая на селения Путивльского, Рыльского и других уездов². Возникновение Сум, как и Харькова, в исторической литературе датируется противоречиво. Филарет считал, что в 1652 г., Д. И. Багалея—1653 г.³, И. Левитский присоединялся к мнению Филарета⁴, В. Юркевич относил это событие к 1655 г.⁵.

В отписке путивльского воеводы указывается, что в начале 1655 г. 100 чел. жителей м. Ставищи, Белоцерковского полка, во главе с Г. Кондратьевым, «покиня отцов и детей и жен, помираячи голодною смертью от разорения и гонения ляхов и от татар крымских», пришли в Путивльский уезд и просили поселить их на древнеславянском Берлицком, или Сумском, городище на речке Сумке. Переселенцы, по совету воеводы, послали с челобитной своих ходоков в Москву. В их просьбе говорилось: «Быют челом... бедныя и разоренныя от ляхов и от татар города Ставища черкасы атаман Герасимка Кондратьев и редовые казаки, всех сто человек. В нынешнем, государь, в 163 году в великие говейны пришли мы... из-за Днепра... з женишками и детишками и пришед стоим на Псле реки подле речки Сум на Берлицком городище». Челобитчики 25 июня 1655 г. получили царский указ на право поселения на Сумино городище с условием не делать дорог в заповедных лесах и не портить деревьев в бортных уходах⁶.

В начале июля 1656 г. в Сумы назначили воеводой К. Афанасьева, ему было дано служилых людей 52 чел. и приказано организовать постройку сумского острога. Об этом в царском

¹ Ф. Щербина. Крестьянское хозяйство по Острогжскому уезду. Воронеж, 1887, стр. 20.

² Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. III, стр. 20, 279—280.

³ Д. И. Багалея. Очерки из истории колонизации..., стр. 421.

⁴ И. Левитский. Историческое прошлое г. Сум. «Труды XIII Археологического съезда», т. II, стр. 79—114.

⁵ В. Юркевич. Еміграція на схід..., стр. 126—137.

⁶ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 405, лл. 735—736.

указе говорилось: «По нашему указу Кирилу Арсеньеву сыну Афанасьеву велено от татарские Украины на Сумине городище город вновь устроить и в том городе быть до нашего указа...»¹. В следующем году К. Афанасьев писал царю: «И город, государь, со всеми крепостями я, холоп твой, отдал в дубовом лесу, башни и стены и бойницы и тайник зделал и черкас дворами и гумнами и огородами устроил»².

Название свое город берет от р. Сумка, на берегу которой он построен. Предание гласит, что в старину царский гонец потерял здесь 3 охотничьих сумки с «казною». В другом варианте говорится, что эти сумки были якобы утеряны полковником Кондратьевым. Предание это вымышленное, так как, по словам П. Головинского, если верить, что «потерявший найденные сумы был полковник, то его полк, в котором Сумы были главным городом, уже существовал, и город до наименования его Сумами от найденных сум должен был носить иное имя, но об этом предание ничего не говорит»³.

В 1654 г. была заселена Ворожба. В челобитной атамана поселенцев Е. Якимова, поданной правительству в 1658 г., говорилось, что они поселились на р. Псел на Заводничком городище между Каменным и Суминым городищами. Приведенная дата возникновения Ворожбы подтверждается памятной записью в Разрядном приказе о донесении путивльского воеводы М. Зюзина в 1656 г. по поводу переписи украинцев, пришедших на Заводничкое городище в 1654 г. Сколько было первых поселенцев, в документах не говорится, но в 1656 г. их насчитывалось 139 семей.

Жители сл. Терновская атаман И. Хомейко, Е. Омельненко, М. Яковлев, Г. Васильев, И. Штокольский со всею «громадою» сказали: «пришли де они все терновские слободы черкасы на государскую милость на вечное житье в 7160 (1652) году». Далее в описании слободы говорится, что терновские жители в 50-х годах и позже прибыли с Черниговщины, Полтавщины и Киевщины. Были также выходцы из Волыни — Житомира, Луцка, Звягеля, Дубна, Заславля, Корца, Полонного; из Подолии — Каменца, Межибожа, Немирова; из Львова, Замостья, Черткова⁴.

Верхняя Сыроватка, до конца XVIII в. называвшаяся Злодеевкой, была заселена сразу большой группой переселенцев, пришедших в 1660 г. из с. Злодеевка (на Киевщине).

В 1652—1660 гг. возникли Лебедин, Червлена, Старая Рабинь, Журавное, Тростянец, Пожня, Будылка и Стецковка.

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 394, д. 6. л. 136; стб. 339, л. 79.

² Там же, стб. 389, д. 11, л. 22; Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 19—20.

³ П. Головинский. Слободские казацкие полки, стр. 233.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 76, 77—80.

Между прочим, предание гласит, что с. Стецковку в 1659 г. заселили украинцы Стецко, Рудень, Чугуев, Чайкин и Переяславец и названо оно именем старшего из них.

В начале 50-х годов XVII в. украинские переселенцы основали Харьков. О времени и инициаторе основания города начали появляться сведения, причем самые противоречивые, во второй половине XVIII в.¹.

В «Описании Слободско-Украинских городов и местечек» 1767 г. говорится: «Сколько известно, той город Харьков населен в середине прошедшего века» людьми, пришедшими «из заднепровских и малороссийских городов»². Это утверждение позаимствовал автор «Описания Слободско-Украинской губернии 1802 г.», отметив, что «город Харьков начало свое имеет около 1650 г. и заселен выходцами из Волыни, Подолии и Поднепровья»³.

Академику В. Зуеву, посетившему Харьков в 1781 г., рассказали предание, которое гласило, что некий украинский переселенец Харитон или Харько, будучи пасечником, поселился на месте Харькова около 1680 г., затем здесь возник хутор, а потом город, названный именем первого поселенца Харька — Харьков⁴. Эта легенда упоминается и в «Топографическом описании Харьковского наместничества» в 1785 г.

Иной вариант легенды в 30-х годах XIX в. рассказал Е. Топчиеву 104-летний харьковский старожил. Он говорил, что при его прапрадеде, пришедшем из Поднепровья, первым жителем, построившим здесь хутор, был Харько. «Хутор его, как первое поселение, дал название сему месту, потом реке и уже впоследствии городу»⁵.

Бытовала еще одна легенда. Известный украинский писатель первой половины XIX в. Г. Ф. Квитка-Основьяненко опубликовал рассказ, что его прадед Андрей Квитка заселил вначале сл. Основу, а позже (в 1646 г.) и г. Харьков⁶.

Таким образом, в легендах и «Описаниях» высказаны противоречивые суждения по поводу времени возникновения Харькова.

¹ Д. И. Багалей. Очерки из русской истории, т. 2, стр. 22—36; А. Г. Слюсарский. До питання виникнення Харкова. «Труди історичного факультету Харківського державного університету», т. 5, X., 1957, стр. 115—126.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 214.

³ Атлас Слободско-Украинской губернии 1802 г. См. рукопись в Государственной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

⁴ Путешественные записки Василия Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781—1782 году, Слб., 1787, стр. 187.

⁵ Е. Топчиев. Словесное предание о начальном населении города Харькова. Прибавление к «Харьковским губернским ведомостям», 1838, № 4, стр. 39—41.

⁶ Г. Квитка. Основание Харькова. «Молодик», X., 1843, ч. I, стр. 69—71.

Однако все они сходятся на том, что город возник в 20—80-х годах XVII в. Что же касается инициатора заселения города, то мнение в легендах раздвоилось. Следует иметь в виду, что легенда о казаке Харьке возникла в среде народных, казацко-крестьянских масс, легенда об А. Квитке вышла из казацко-старшинских кругов и является панегириком старшинской семье Квиток.

Легенды по поводу основания Харькова казаком Харьковом и А. Квиткой были поставлены под сомнение в XVIII в. В «Топографическом описании Харьковского наместничества» указывалось, что Харьков «называется по речке Харьковке», при этом не связывая названия речки с именем Харька¹. Авторы «Хроно-географического описания городов и знатных местечек...»², «Описания Слободско-Украинских городов и местечек» для комиссии по составлению Уложения при Екатерине II отмечали, что атаманом первых поселенцев и, следовательно, основателем г. Харькова был Иван Каркач³. Эти легенды были подвергнуты основательной критике в книге Филарета Гумилевского⁴, затем еще более убедительно показали их несостоятельность Д. И. Багалея⁵ и Е. Альбовский⁶. Отрицая связь названия р. Харьков, давшей название городу, с именем мифического Харька, и правильно ссылаясь на «Книгу Большому Чертежу», написанную в 1627 г. на основании более ранних сведений, эти историки указывают на древнее происхождение названия р. Харьков⁷.

Если эти сведения убедительно говорят о том, что легенда о происхождении названия г. Харькова по имени Харька является неверной, то документальные данные, сохранившиеся до нашего времени, свидетельствуют, что предки Квиток сл. Основа не построили, а купили у казацко-старшинской семьи Донцов-Захаржевских в 1713 г.⁸.

Можно считать установленным, что Харько и А. Квитка не были основателями Харькова и что не от имени Харька происходит название города, однако вопрос о названии Харькова в исторической литературе все еще остается не решенным.

Н. Я. Аристов писал, что древнее городище, на месте которо-

го вырос Харьков, представляло собою остатки половецкого города Шаруканя (по имени хана Шарука). Именем этого города, позже исчезнувшего, будто бы была названа местная река, называвшаяся по-славянски Харкова. Отсюда, по мнению Н. Я. Аристова, и произошло название города, основанного украинскими переселенцами¹.

Однако это предположение вызывает серьезные возражения. Д. И. Багалея, например, на основании археологических данных указывал, что древний город, существовавший на месте Харькова во времена Древнерусского государства, принадлежал славянам². Большинство отечественных историков и исследователей в области исторической географии, отмечал К. В. Кудряшев, основываясь на летописных сведениях, полагают, что г. Шаруканя находился на Донце, немного выше Маяка³, а по данным Б. А. Рыбакова, — на месте Донецкого городища на берегу р. Уды⁴. Таким образом, происхождение названия г. Харьков от Шаруканя не доказано. Но можно утверждать, что название г. Харькова происходит от р. Харьков, как и городов Острогожска — от р. Острогожка, Оскола — от р. Оскол, Волчанска — от р. Волчья, Олешни — от р. Олешня, Суджи — от р. Суджа, Лебедина — от озера Лебедин, сел Коломак — от р. Коломак, Мерчик — от р. Мерчик, Уды — от р. Уды и т. д.

В исторической литературе не установлено, в каком году поселились первые жители на месте теперешнего Харькова и с какого времени данное поселение называется Харьковом. Это объясняется тем, что первая группа людей была небольшая и ничем не отличалась среди многочисленных групп украинцев, приходивших на Слобожанщину, заселяя здесь десятки и сотни слобод. Вместе с тем по этому поводу высказаны различные соображения.

И. И. Срезневский⁵ и П. Головинский⁶, ссылаясь на утверждение «Экстракта о Слободских полках», поддержали мнение автора «Топографического описания Харьковского наместничества», что Харьков был «построен» в 1653 г.⁷ С. И. Кованько сначала относил возникновение Харькова к 1643 г., а затем

¹ Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 106.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, 1890, стр. 216.

³ Там же, стр. 214.

⁴ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 5—6, 126.

⁵ Д. И. Багалея и Д. П. Миллер. История города Харькова..., т. I, стр. 7—26.

⁶ Е. Альбовский. История Харьковского Слободского полка, 1895, стр. 25—32; Его же. Когда основан г. Харьков. «Южный край», 1903, 11 марта.

⁷ Книга Большому Чертежу, стр. 62, 71.

⁸ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 129.

¹ Н. Я. Аристов. О земле половецкой. Историко-географический очерк. «Известия историко-филологического института в Нежине», 1877, стр. 219.

² Д. И. Багалея. Очерки из русской истории, т. 2, стр. 35.

³ К. В. Кудряшев. Половецкая степь. М., 1948, стр. 119—120.

⁴ Б. А. Рыбаков. Русская земля по карте Идриси 1154 года. «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК», т. XXIII, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 40—41.

⁵ И. И. Срезневский. Историческое обозрение..., стр. 3.

⁶ П. Головинский. Слободские казацкие полки, стр. 69—71.

⁷ Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 107.

к 1653 г.¹. Филарет Гумилевский считал, что Харьков был основан в 1650 г.², что подтверждал К. П. Щелков³ и др.

В статье «Основание города Харькова», опубликованной в «Харьковском календаре на 1886 год» и затем напечатанной в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т. 73), а также в специальной главе книги «История города Харькова»⁴, Д. И. Багалеи критически пересмотрел все известные материалы по вопросу об основании Харькова.

Д. И. Багалеи, ссылаясь на жалобы на харьковчан, направленные в 1656 г. царю первым харьковским воеводой В. Селифонтовым и белгородским духовенством, полагал, что украинские поселенцы появились на Харьковском городище в 1654 г. и через год начали строить здесь острог. По его мнению, датой возникновения г. Харькова надо считать не время прибытия первых переселенцев, а начало строительства здесь острога, т. е. 1655 г. Отрицая мифических Харька и Андрея Квитку как основателей Харькова, Д. И. Багалеи считал атаманом первых харьковчан, а следовательно, и основателем города казака Ивана Каркача.

Утверждение Д. И. Багалея подверг сомнению Е. Альбовский. Он писал, что поселенцы не могли в течение нескольких месяцев 1654 г. построить дворы, произвести сельскохозяйственные работы, соорудить защитные укрепления и проложить дорогу до Торских соляных промыслов. Очевидно, они пришли раньше, обзавелись хозяйством, а в этом году только построили дорогу на Тор. Появление первых поселенцев на Харьковском городище он относил к 1651 г., ссылаясь на то, что на знамени Харьковского Слободского полка значится эта дата как год образования полка и что такое же объяснение дано в летописи Самовидца.

Оба аргумента вызывают сомнение, поскольку не известно, когда и кто написал дату на знамени. Между прочим, эта же дата стояла и на знамени Изюмского полка, хотя документально известно, что последний выделился из состава Харьковского в начале 80-х годов XVII в. Что же касается ссылки на Самовидца, то следует напомнить, что этот летописец указывает на появление городов Сум, Лебедина, Харькова, Ахтырки и других селений после битвы под Берестечком⁵. Однако известно, что

¹ С. И. Кованько. Описание Харьковской губернии. Х., 1857, стр. 3—14; Историко-статистическое описание города Харькова. «Харьковские губернские ведомости», 1859, № 7.

² Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 6.

³ К. П. Щелков. Историческая хронология Харьковской губернии. Х., 1882, стр. 17.

⁴ Д. И. Багалеи и Д. П. Миллер. История города Харькова..., т. I, стр. 7—26.

⁵ Летопись Самовидца, стр. 233—234.

Ахтырка существовала и до этого события, Лебедин возник в 1654 г., а Сумы в следующем году. Следовательно, по такому источнику трудно установить правильную дату возникновения Харькова.

Е. Альбовский, высказывая сомнение о роли И. Каркача, писал, что в списке жителей Харькова 1655 г. числился казак Яков Каркачев, а среди посланцев харьковчан в Москву в 1661 г. упоминался Иван Каркач. Между тем, в списке харьковчан 1655 г. первым стоит не И. Каркач, а атаман Иван Кривошлык¹, который, возможно, и явился руководителем заселения Харькова. Следует сказать, что если сомнение Е. Альбовского по поводу И. Каркача внушает доверие, то роль, приписываемая им И. Кривошлыку, не обоснована. Ведь не известно, был ли он атаманом первых поселенцев, пришедших до 1654 г., или, быть может, он возглавлял одну из групп переселенцев, пришедших в Харьков в 1654—1655 гг.

Вопрос о времени основания Харькова пытался уточнить В. Юркевич. Он подтвердил известный факт, что первые поселенцы города составляли 37 семей и что они прибыли в конце 1653 или в начале 1654 г., позже их численность увеличилась, и в 1655 г. ими был построен первоначальный острог. По поводу мнения Д. И. Багалея о роли осадчего И. Каркача В. Юркевич высказался отрицательно, но он необоснованно стал приписывать эту роль Максиму Тимофееву, атаману прибывшей в конце 1654 г. группы переселенцев.

Разноречивость мнений по поводу возникновения Харькова объясняется различными взглядами на то, какое событие следует считать началом основания города: первое заселение данного места или начало постройки острога, а также отсутствием точных сведений о прибытии в Харьков первых переселенцев.

Документы, известные до настоящего времени, не позволяют точно датировать возникновение Харькова. Но можно с уверенностью считать, что первые поселенцы появились на Харьковском городище до 1654 г., вероятнее всего, в 1652—1653 гг. Сведения, заслуживающие доверия, говорят, что Харьковская слобода с значительным населением была уже в 1654 г.²; сохранились именной список жителей Харькова в 1655 г.³ и царская грамота от 28 марта 1656 г. о назначении в Харьков первого воеводы Воина Селифонтова с указанием строить здесь новую крепость⁴.

¹ Д. И. Багалеи и Д. П. Миллер. История города Харькова..., т. I, стр. 528—530.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 508, л. 17; стб. 504, лл. 201—203; стб. 394, лл. 149—153; Материалы для истории колонизации и быта..., т. III, стр. 4—6, 8—9.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 392, лл. 205—214.

⁴ ПСЗ, № 175.

В эти же годы группа переселенцев с атаманом Семеном Ковалевским из Богуславской Ольшаны (на Киевщине) заселила сл. Ольшану на р. Ольшанка, впадающей в р. Уды. В 1656 г., как видно из царской грамоты от 29 мая 1705 г., построен острог между р. Ольшанка и колодезем Лосика¹.

Село Печенеги возникло в 1646 г. В грамоте от 23 ноября этого года на имя чугуевского воеводы Я. Волконского говорилось, что из Опощи прибыл «Федотко Легонов с товарищи 205 человек, а в распросе сказал: пошли они из Литовские стороны от гоненья папезан, да и многие белорусцы от гоненья хотят идти на наше царское имя на вечное житье». В 50-х годах Печенеги пополнились новыми переселенцами из Поднепровья. В отписке чугуевскому воеводе Ф. Пушкину в 1653 г. предписывалось дать пришедшим переселенцам денежное жалованье «для их новые селидьбы», устроить их на «вечное житье в Чугуевском уезде на Донце... на печенежском и котковском поле»². В царской грамоте тому же воеводе от 20 мая 1654 г. говорилось, что вновь прибывших 45 семей украинцев надо «устроить» в Печенегах так же, как устроены ранее поселенные³. Чугуевский воевода И. Бунаков писал царю: «В нынешнем во 167 (1659) году пришли из твоих государевых украинских черкасских городов в Чугуев черкасы с женами из детьми и на вечное житье 143 человека. И я, холоп твой, по твоему, великого государя, указу в Чугуевском уезде на Печенеги поселил»⁴. Что же касается происхождения названия села, то Ф. Гумилевский, а за ним Д. И. Багалеи высказали правдоподобное предположение, что на этом месте, по-видимому, было кочевье или стан древних печенегов.

В описании г. Мерёфы в 1773 г. говорится, что город первоначально заселили украинцы из Поднепровья в 1684 г. Эту версию подверг сомнению Д. И. Эварницкий, он высказал мысль о том, что кошевой атаман Запорожской Сечи И. Сирко родился в Мерёфе. Поскольку из документов известно, что И. Сирко уже в 1654 г. являлся казацким полковником, то ему в то время могло быть не менее 20—25 лет, следовательно, он родился около 1630 г.⁵ По этим данным получается, что Мерёфа возникла по меньшей мере в 20-х годах XVII в.

Однако о существовании Мерёфы до второй половины XVII в. сведений нет, а время и место рождения И. Сирко неизвестны. Первое упоминание о Мерёфе встречается в описании г. Харь-

кова 1670 г., где указывается, что с постройкой Харькова в 50-х годах в 10 верстах от города в направлении Муравского шляха был построен сторожевой острожок, в котором стояла сторожа, «потому что от Муравского шляха поселилась слобода Мерёфа». Таким образом, эти сведения подтверждают, что Мерёфа возникла после постройки Харьковского острога, надо полагать в 60-х годах XVII в. Документы, а также народная песня о «Иванихе Сирчихе» свидетельствуют, что в Мерёфе жила семья И. Сирко, он сам периодически здесь жил. Можно согласиться с мнением Е. Альбовского, что И. Сирко во время массового переселения пришел с группой украинцев из Поднепровья и основал Мерёфу, «подобно тому, как после Мерёфы принял участие в заселении по соседству слободки Артемовки»¹.

В 1652 г. из м. Грунь (на Полтавщине) в Чугуев пришло 5 семей. Правительство разрешило им поселиться недалеко от Чугуева за Донцом около Малинового Колодезя. Осенью того же года прибыли из Полтавы в Чугуев 3 «прудника» и по соседству с первой группой построили мельницу. В скором времени сюда пришли новые переселенцы, всех их расселили рядом с предыдущими 2 поселками. Около 1660 г. эти поселения объединились в с. Малиновку².

Урочище Хорошево упоминается впервые в росписи сторож и станиц в 1571 г. В ней говорится, что рыльскому голове надлежало, наблюдая за татарами, ехать «вниз по р. Удам через Павлово селище к Донецкому городищу, да к Хорошеву городищу через Хорошево Колодезь». Хорошево как украинское поселение известно с 1654 г.³.

Тогда же, в 50-е годы XVII в., на территории будущих Харьковского и Изюмского полков, а также Чугуевского уезда возникли селения: Старо-Покровское, Пересечное, Гавриловка, Люботин, Огульцы, Островерховка, Липцы, Змиев, Борки, Безлюдовка, Деркачи (Дергачи), Боровая, Борщевая, Рубежная и др.

Ввиду того, что в отдельных городах население очень быстро увеличивалось, русское правительство уже в конце 50-х годов стало на путь постройки новых сел путем отселения части жителей из больших городов.

По указанию правительства 2 декабря 1659 г. Сумская городская ратуша дала инструкцию М. И. Малишевскому, в которой говорилось: «Приняв сию инструкцию, ехать тебе в Сумскую округу, по ту сторону реки Псла... на усть речки Сыроватки и Крупица, где велено по указу его царского величества, по

¹ Памятная книжка Харькова. Х., 1865, стр. 174; Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. III, стр. 111—113; отд. IV, стр. 98.

² ХФЦГИА, ф. 353, стб. 28, док. 7.

³ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. IV, стр. 98.

⁴ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 481, д. 25, л. 495а.

⁵ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 221.

¹ Д. И. Эварницкий. Иван Дмитриевич Серко. Спб., 1894, стр. 5—9.

² «Сборник ХИФО», т. 16, стр. 49.

³ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. IV, стр. 89; отд. III, стр. 159.

лебединскому пути, новое поселение поселять, для учреждения Слободского Сумского полку войсковой службы казаков, а приехав, взять тамошних жителей или самих хозяев, коих в хуторах застать можешь, для отводу по общему приговору всех ворожбянских или других казаков, то ж и сумских граждан с товарищи, что одногласно приговорили, при которых по жилым урочищам отвести земли и лесов и сенокосов и во всяких угодьях к тому новому поселению, а село иное назвать по речке Низшою Сироваткою». В инструкции указывалось, что по царскому указу в с. Нижняя Сыроватка поселяются украинцы, отселенные из Сум 197 семей и из Ворожбы 87 семей, т. е. 284 семьи¹. Так возникло с. Нижняя Сыроватка.

Около 1660 г. обратились к царю с челобитной «атаман Ивашка Семенов сын Андрейка с товарищи 670 человек», поселившиеся на Верхне-Салтовском городище «во 167 году (1659 г.) из разных черкасских городов». Они просили денежной помощи на постройку дворов, выделения им земли и содействия в постройке острога. Просьбу салтовцев правительство удовлетворило². Между прочим, Верхне-Салтовское городище с примыкавшими угодьями было отдано чугуевским украинским поселенцам еще в 1639 г., где они устроили пасеки и дворы³.

В 50-е годы XVII в. возникали на Слобожанщине и русские поселения, например, Пристайлово на р. Псел, Большие Проходы около Харькова. Заселяются одновременно русскими и украинцами села Тополи на р. Оскол, Тор на Торских соляных озерах. Украинцы селились также в городах, ранее заселенных русскими, — среди них назовем Каменное, Олешню, Бобрик, Балки, Маяк, Цареборисов, Скрипай (Мохнач), Чугуев и др.

Возьмем, например, сведения о новом заселении украинцами Чугуева. В 1653 г. сюда прибыла группа переселенцев — 25 семей во главе с Федором Дмитриевым. Из Москвы чугуевскому воеводе Ф. В. Пушкину было приказано устроить их дворами, «где пригож в крепких местах, чтоб они были к городу к заступе и к ним бы воинские люди не пришли и их не побили и в полон не поймали», и дать им под дворы, огороды и пашню землю, сенные покосы и другие угодья⁴. В 1654 г. пришла новая группа переселенцев — 58 семей под руководством Ивана Федорова и Федора Кондратьева. Им также разрешили поселиться в Чугуеве и выдали «денежно жалованья на дворовое строение с семья-

ми тым по осми рублей и иным по семи по шести и по пяти рублей»¹.

Переселение украинцев продолжалось в 60-х годах. После смерти Б. Хмельницкого (1657 г.) возобновились агрессивные действия польской шляхты, турецкого султана и зависимого от него крымского хана. Они всячески разжигали вражду между группировками казацких старшин, борющихся за власть. Группа украинских феодалов во главе с гетманом И. Выговским пыталась оторвать Украину от России и подчинить ее Речи Посполитой. Население Правобережной Украины, находившееся в наиболее тяжелых условиях, массами уходило на Слобожанщину. В летописи Самовидца говорилось об этом: «да ис того ж времени, как и при старом было Хмельничком, люди бесчисленные из-за Днепра, ради бывающих там беспокойств, под царскую державу пущены, которые не вмещаются в Малой России и далее в Великую Россию пошедши, пустые земли великими городами и селами густо осаждали...»². То же самое отмечал и летописец Г. Грабянка³.

Белгородский воевода Г. Ромодановский писал царю, что в июле 1663 г. к нему обратился Яков Черниговец, атаман прибывшей в количестве 200 чел. группы переселенцев, с просьбой разрешить им поселиться на Донце. Просителям выделили участок в 2 верстах от Донца около устья р. Балаклея. В следующем году Я. Черниговец докладывал в Белгороде, что украинские переселенцы уже построили город на р. Балаклея и назвали его Балаклея⁴.

На Донце издавна был известен Бишкинский перевоз. По росписи русских сторож 1571 г. он охранялся вначале путивльскими, потом ливенскими станичниками. Около этого перевоза по инициативе балаклеянского полковника Я. Черниговца в 1663 г. была поселена группа украинских переселенцев. Поселение, укрепленное острогом, стало называться именем перевоза — Бишкин⁵.

Б. Иванов, И. Хмельниченко, Л. Семченко, В. Лазаренко «с товарищи 157 человек» в 1666 г. с разрешения правительства поселились на Донце около Мартовецкого «затону». Село стали называть Мартоветы, а позже Мартовое⁶.

Атаман К. Васильев «с товарищи 424 человек» в 1659 г. построили город между Вольным и Олешней на р. Боровня. Это селение сначала называлось Боровня или Боровля, а позднее и

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 363—368.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 34—35.

³ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. IV, стр. 280—281.

⁴ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 29, док. 4, 5.

¹ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 28, док. 6.

² Летопись Самовидца, стр. 256.

³ Летопись Григория Грабянки, стр. 171.

⁴ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 599, д. 2, лл. 38—39; Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. IV, стр. 118.

⁵ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 37, док. 12.

⁶ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 194—195.

до настоящего времени — Боромля, указом от 1 марта следующего года сюда был назначен воевода Е. Дуров.

В описании г. Суджи 1665 г. говорится, что в 1664 г. подана челобитная «нового города Суджи черкас атамана Иева Федорова с товарищи 1100 человек», следовательно, этот город заселен не позже 1664 г. Острог был поставлен на берегу р. Суджа, между р. Ольшанка и Гусиным болотом, на одной из татарских сакм, и назван именем местной речки. В следующем году в окрестностях Суджи возникло 11 «починков»: украинских поселенцев на р. Вдова; совместные русских и украинцев на р. Псел в 3 верстах от города и на речках Олка и Короткая; русских поселенцев Плехово около «Сухова долу», на р. Псел около устья р. Белица, на р. Смердица, а по р. Ворожба было 4 выселка по 10 дворов¹. Все эти «починки» с течением времени выросли в села.

В 60-х годах небольшая группа украинцев заселила Мурафу. Из описания слободы 1673 г. известно, что вокруг Мурафы были построены примитивные земляные оборонительные сооружения. Вскоре после прихода первых поселенцев сюда прибыло 260 семей из Уманского полка во главе с полковником Н. Сененко. Город, естественно, был расширен².

В ответ на челобитную ахтырского жителя украинца К. Барзилова 9 января 1666 г. дана царская грамота на имя белгородского воеводы Б. Репина о том, что челобитчику разрешается «прибрать вновь слободу на Мерел на Богодухове»³ (на месте Дьяковского острога, известного еще в 1571 г.). В результате в 1667 г. построен г. Богодухов с значительной группой украинских поселенцев.

В 60-е годы возникли селения: на территории Сумского полка — Большая Писаревка, Мирополье, Марковка, Низы, Речки, Штеповка, Тимофеевка; Ахтырского полка — Тарасовка, Коломак, Синолицовка; Харьковского полка — Черкасские Тишки, Черкасская Лозовая, Циркуны, Андреевы Лозы (Андреевка), Старый Мерчик, Хотомля; на территории позже выделенного Изюмского полка — Купчинка (Купецкое), переименованное в 1685 г. в Купенку, Радьковка, Студенок, Райгород, Ямполь; Острогожского полка — сл. Сончина, которую заселили выходцы «из-под Киева» совместно с русскими казаками из Коротояка, сл. Михнева, заселенная выходцами из Ольшанска (Бирючинского) и с. Ямского (под Москвой), Верхние Марки заселили «московские выходцы» и выходцы из Коротояка.

¹ ПСЗ, № 268; Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 44—49.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 72; Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. III, стр. 202—203.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 599, л. 337.

Тогда же возникли села с русским населением: Кромчатка, заселенная выходцами из г. Кром, в Ахтырском полку, Русские Тишки и Русская Лозовая — недалеко от Харьковова, Люджа — на Ахтырщине. В 1662 г. русские дети боярские с разрешения правительства построили с. Краснополье на р. Сыроватка. Позже они продали эти земли сумскому полковнику Андрею Кондратьеву, который поселил здесь украинцев¹. В 1665 г. из Чугуева отселили часть русских и украинцев и заселили ими с. Маяк². Донские казаки построили Трехизбянск, в котором в скором времени стали жить украинские поселенцы.

Переселение украинцев на Слобожанщину вновь приобрело широкий размах в 70-е годы XVII в. К этому времени относятся подписание в Андрусове договора (1667 г.) о перемирии между Россией и Польшей, по которому Правобережная Украина оставалась за Польшей; выступления гетманов Брюховецкого и Дорошенко (1668 г.), направленные на передачу Украины Турецкому султанату; походы турецких полчищ и польских панов, которые принесли неисчислимые страдания украинскому народу.

Во время нашествия турок, страшным смерчем обрушившихся на Украину в 1677—1678 гг., «оставшийся народ,— писал С. Величко, — ни от кого не надеясь ни милости, ни обороны себе, многими таборами и толпами собрался со всех поветов и с скорбью сердечною... перебрался на сию сторону Днепра. Многи удалились в московские Слободские полки и наполнили их собою»³.

Следует остановиться подробнее на заселении Изюма, происходившем в это время.

Известно, что в 1650 г. на Изюмской сакме стояли чугуевские станицники. В 60-х годах здесь жили царские охотники, которые ловили в лесах и степях зверей, содержали их и по мере надобности отправляли в столицу. В 1673 г. на этом месте была поселена группа украинцев. Под руководством балаклейского полковника Я. Черниговца они построили острог, назвав его именем местной речки Изюмец (приток Донца) и древнего брода — Изюм⁴. Сюда стали прибывать новые поселенцы, росло население в окрестностях. Поскольку опасность нападения татар не уменьшалась, возникла необходимость построить здесь большую и мощную крепость. Новый Изюм был сооружен в 1681—1682 гг. по инициативе харьковского полковника Григория Донца на правом берегу Донца.

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. III, стр. 153.

² ХФЦГИА, ф. 353, стб. 53, док. 7—10.

³ Самуил Величко. Сказание о войне казацкой с поляками через Зинovieя Богдана Хмельницкого, т. II, К., 1864, стр. 355—356.

⁴ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. V, стр. 3—5.

Генерал Г. Косоков, производивший осмотр и описание «новой черте от Цареборисова города вверх по реке Северском Донцу»¹, а позже принимавший участие со своим полком в строительстве Изюма, 25 апреля 1681 г. писал царю, что 6 марта русские вместе с казаками Харьковского полка начали постройку города «на Изюмском перелазе с Крымской стороны р. Северского Донца в самом крепком и пристойном месте».

В жалованной грамоте царя Федора Алексеевича от 17 февраля 1682 г., данной харьковскому полковнику Г. Донцу, «веле-но ему, полковнику, жить в новопостроенном городе Изюме и писатца по прежнему харьковским полковником», а в соседние урочища Пришиб, Спеваковка и др. «призывать на вечное жительство белгородского разряда и с черкасских Сумского, Харьковского полков из городов неслуживших черкас»².

Происхождение названия города и местной речки в исторической литературе обычно объяснялось татарским словом «узун», что значит «виноград». Однако следует заметить, что еще И. Сухоруков³, а за ним Н. Гербель писали, что р. Изюмец должна быть известна под этим именем с древних времен, так как Изюмская дорога, ответвлявшаяся от Муравского шляха и проходившая по правой стороне Донца «по Изюмским землям, уже в 1185 году называлась Изюмским шляхом». По этой дороге северский князь Игорь Святославич вел свою дружину на половцев до Изюмского кургана, около которого переправился через Донец и пошел далее на юг, «где земля Изюмская одна была»⁴.

В 1670 г. заселена украинцами Гороховатка. Она расположена около р. Оскол в 5 глубоких оврагах. Предание гласит, что название селения произошло от слов «в горах ховатися» (прятаться).

По царскому указу воевода Г. Ромодановский на древнем Виірском городище, при впадении р. Крыга в р. Вир, в 1672 г. построил г. Белополье и заселил его украинцами, пришедшими из-за Днепра. Жившие около Паволоча люди, не желавшие подчиняться гетману Дорошенко, в 1675 г. оставили родные места и переселились на Слобожанщину, где их поселили несколькими селами по р. Коломак⁵.

В 1680 г. представители переселенцев звенигородский протопоп Мировицкий, осадчий П. Тимофеев, атаманы М. Григорьев, А. Павлов и Ф. Коротич подали царю челобитную. Они писали, что пришли из-за Днепра: из Умани, Звенигорода, Богуслава, Межибожа, Збаража, Заслава, Тернополя и других городов, бе-

жали «от войны турецкого султана и крымского хана» в 1675 г., затем ютились в селениях на Левобережной Украине. Челобитчики просили разрешения пойти за Дон и поселиться около устья р. Битюг.

Русское правительство, контролируя заселение края, сосредоточивало переселенцев по линии от Сум на юго-восток до Изюма, Тора и по правым притокам Дона до Острогжоска, поэтому в его планы не входило заселять земли восточнее Дона. В Разрядном приказе челобитчикам ответили, что р. Битюг «степная и место полевое, крепостей никаких учинить не мочно, а воинских людей калмыков и ногайцев прихсды по ту реку безпрестанные и если они по той реке селиться учнут и им от воинских людей уселиться будет не мочно и государевым людям оборонять их будет нельзя, что то место от городов отдалено». Просителям разрешили поселиться поблизости от существовавших укреплений по обе стороны рек Тихая Сосна, Оскол и Донец между Цареборисовом и Усердом.

Из документов чугуевского воеводы 1674 г. известно, что жители сл. Савинская Г. Могилка «с товарищи 100 человек» в челобитной, поданной балаклеюскому полковнику Я. Черниговцу, писали: «В прошлом де 179 (1671) году пришли они из малороссийских городов и построились слободою на татарском броду в Савинском перелазе»¹.

Сватова Лучка, или, как ее еще называли, Сватова Пристень, возникла на месте пасек. В грамоте Петра I в 1704 г. указывалось, что около Сватовой Пристени были пасеки радьковского жителя П. Дядченко на протяжении более 40 лет, сеньковских жителей И. Константиненко и И. Степаненко — более 30 лет, С. Осипова — более 20 лет. О наличии пасек в этих местах до возникновения с. Сватова Лучка писал и Я. Долгорукий. Местное предание гласило, что якобы одна семья поселилась при впадении р. Сваха в р. Красная, другая семья поселилась на версту выше по р. Красная. Главы этих семей были между собою сватьями, от этого получила название местная речка, а затем и село, образовавшееся преимущественно вокруг второго поселения. Легенда ничем не подтверждается, происхождение наименования местной речки неизвестно².

По поводу возникновения г. Волчанска говорится в письме белгородского воеводы чугуевскому воеводе. В 1674 г. по указу царя «велено нежегольскому черкашенину Мартыну на р. Волчьей Воды строить слободу, а на жительство призывать свою братью черкас, из малороссийских и заднепровских городов, а других людей огню не принимать». В том же году Мартын начал за-

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. V, стр. 73.

² Там же, стр. 291—293.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 81—84.

² Там же, т. II, стр. 168.

³ В. Броневский. История Донского войска, ч. I, стр. 18.

⁴ Н. Гербель. Изюмский Слободской казачий полк, стр. 19.

⁵ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. V, стр. 227; отд. I, стр. 4; отд. III, стр. 407.

селять Волчанск, строить острог силами украинских переселенцев и русских нежегольских служилых людей¹.

Возникали также селения людей, самовольно ушедших из городов и сел Левобережья, Слобожанщины и разных русских городов. В описании г. Мирополья 1671 г. говорится, что жителей насчитывается 909 чел., в том числе пришедших из Ромен — 147 чел., из Сум — 140 чел., из Конотопа — 65 чел., из Борзны — 49 чел., из Глинска — 39 чел., из Срибного — 59 чел., из Хотмыжска — 38 чел., из Лютенки (около Гадяча) — 28 чел., из Недригайлова — 26 чел., из Гадяча — 21 чел., из Зенькова, Глухова и Новых Млынов — по 14 чел., из Нежина и Коропа — по 13 чел., из Ольшанска, Ивангорода и Кролевца — по 8 чел., из Ахтырки, Лебедина и Красного — по 7 чел., из Могилева (Белоруссия) — 2 чел., из Витебска, Слуцка — по 1 чел., из Киевщины и других мест Правобережья — 21 чел., из Белгорода, Кром, Обояни, Путивля — по 2—3 чел. и из многих других мест — по 1—2 чел. и более².

Жители Азака в 1681 г. называли себя лебединскими украинцами, возможно, что это селение основано выходцами из Лебедина³. Появление с. Бишкин на р. Псел в 1678 г. объясняли отселением части жителей из Бишкина около Змиева⁴.

Кроме названных, в 1668—1686 гг. возникло много новых сел на территории полков: Сумского — Могрица, Проруб, Белка, Истороп, Климовка, Михайловка, Васильевка, Локия, Беловодье, Ястребное, Бакировка, Литовка, Боголюбовка и Кириковка; Ахтырского — Губаревка, Озерянка, Никитовка Полковная, Никитовка Хрущевая, Лобовка, Дерновое, Жигайловка, Высокополье, Козеевка, Поповка, Лужище, Славгород, Перекоп, Водолажка, Грайворон, Рублевка, Лихачевка, Кручик, Павловка, Ковяги, Огульцы, Черемушное, Демяновка, Рясное и Ямное; Харьковского — Большая Даниловка, Базелевка, Большая Бабка, Песчаное, Старая Водолага, Новая Водолага, Береки, Большой Бурлук, Золочев, Полевое, Гинеевка, Основа, Уды, Вертевка, Хатня, Одринка, Должик, Шебелинка, Гуляй-Поле, Соколов, Пришиб; Изюмского — Двуречное, Щенячье, Спеваковка, Заводы, Райгород, Каменка, Краснянка и Кабанье; Острогожского — Старобельск, Беловодск и Закотное.

Продолжали возникать также отдельные русские села. На р. Берестовая на месте сторожевого острожка в 1686 г. поселилась группа детей боярских и образовала сл. Охочая. Около 1685 г. у верховья р. Уды поселилась группа русских из г. Бол-

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. IV, стр. 275.

² «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 185.

³ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. III, стр. 536.

⁴ Там же, стр. 463.

хова, среди них были С. Губин, Е. Лихин, они основали здесь с. Уды, Краснополье, Пушкарное и Мезеновку¹.

С заключением так называемого «вечного мира» между Россией и Речью Посполитой 26 апреля 1686 г. и началом наступательной борьбы России против Турции и Крыма жизнь на Украине нормализовалась, особенно на Левобережье, входившем в состав Русского государства. Однако на Правобережье, которое осталось еще на 100 лет в составе Польши, народные массы продолжали страдать от гнета польских панов и католической церкви. Современники свидетельствовали о необычайно тяжелом положении Правобережной Украины в конце XVII и начале XVIII в.

Летописец С. Величко, побывав в этом крае в 1705 г., писал: «Поглянувши паки, видех пространные тогобочные Украино-Малороссийские поля и разлеглые долины, леса и обширные садовы, и красные дубравы, реки, ставы, озера, запустелые, мхом, тростием и непотребною лядиною зарослые, — видех же к тому на разных там местах много костей человеческих, сухих и нагих, тильки небо покров себе имущих, и рекох в уме: кто суть сия?»².

Московский священник Лукьянов, путешествуя на Ближний Восток по Правобережью в 1702 г., отмечал: «Бысть нам сие путное шестие печально и уныливо, бяше бо видети ни града, ни села; аще бо и быша прежде сего грады красны и нарочиты селы видением — но ныне точию пусто место... Пустыня велия и зверей множество: козы дикия, и волцы, лиси, медведи; ныне же все развоевано да разорено... и идохом тою пустынею пять дней, ни что не видехом»³.

Польский проповедник Ф. Млодзяновский, упрекая польскую шляхту и магнатов за междоусобные распри, за произвол и жестокий гнет на Украине, что привело к распаду Речи Посполитой, говорил: «Я думаю, что если бы господь бог собрал в одно место все слезы бедного народа, пролитые и до настоящего времени проливаемые из-за утеснений, то человек утонул бы в них»⁴. Естественно, что оставшиеся там люди не упускали случая бежать на Левобережье и Слобожанщину. В 80—90-х годах прибыли группы украинцев из-за Днепра в Недригайлов и другие места.

С оставлением русскими войсками Правобережья Петр I объявил манифест от 11 сентября 1711 г. на имя полковника Правобережной Украины с призывом ко всем украинцам пересе-

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. IV, стр. 251—252; отд. II, стр. 145—146; отд. III, стр. 153—154.

² Самуил Величко. Сказание..., т. I, стр. 5; т. II, стр. 394.

³ Лукьянов. Путешествие в святую землю 1711 г. «Русский архив», вып. I, М., 1863, стр. 47.

⁴ Л. Мациевич. Польский проповедник XVII в., «Труды Киевской духовной Академии», К., т. 3, 1870, стр. 248.

ляться в Россию. Много крестьян, казаков, мещан, духовенства и шляхты в 1711—1715 гг. перешло на Слобожанщину.

Заселение свободных земель в крае, возникновение новых сел, как и раньше, происходило за счет отселения жителей больших городов и селений, естественного роста населения, прихода украинских переселенцев, а также русских из соседних губерний, которые пользовались правом перехода на жительство с одного места в другое.

По грамоте Петра I от 12 февраля 1705 г. из Верхнего Салтова было отселено 670 украинцев. Они поселились ниже по Донцу, основав Нижний Салтов, и были зачислены в подпомощники казаков¹. А в 1715 г. из Салтова многих украинцев переселили в Трехизбянск². В результате отселения салтовских жителей возникли под городом хутора Дьяченковы и Рашковы. Жители Хотомли были выселены на хутора Дудоладов, Читов, Лазарев, Томахов. Люди, отселенные из Ольховатки, построили около 30 хуторов³.

В начале XVIII в. росло население по рекам Жеребец, Красная, Айдар, Богучар и Калитва. Около 1700 г. группа полтавских казаков во главе с Андреем Катрухиным и Иваном Бугаевым (150 семей) заселила Меловатку на р. Красная⁴, а 4 года спустя по этой же реке украинцы заселили с. Красное, а на р. Жеребец — с. Ямполь⁵. В 1702 г. по распоряжению правительства переведены украинцы из городов Землянска, Талецка и с. Ендовищи в Калитву⁶. В то же время идет заселение по притокам Дона — Икорцу, Битюгу и Осереду. Между прочим, здесь были издавна оброчные уходы. На Битюге, например, бобровые гоны, рыбные ловли и другие промыслы долгое время находились на откупе у козловского Троицкого монастыря, в 1697 г. их взял на откуп за 202 руб. в год острогожский полковник П. Буларт⁷.

Заселение данной местности санкционировано было указом царя 1697 г. В этом году поселенцы Битюга — осадчий И. Серков и с ним украинцы Ф. Голубов, И. Колонтаевский, М. Островерхов, П. Голубок, В. Сторожев, А. Григорьев, А. Бутов от имени 800 чел. обратились с челобитной к царю, в которой писали: «В нынешнем, государь, 205 году пришли мы, холопы твои, из Малороссийских городов на реку Дон от Азова не в дальнем расстоянии на реку усть Битюка с женишки и детишки своими

на вечное житье». Они просили прислать им отряд служилых людей для охраны от нападений татар и калмыков до постройки острога, а также выдать им оружие. Как выяснилось из рассказа поселенцев, на р. Битюг в с. Красный Остров пришли Е. Чаленко и с ним 50 чел. из Полтавского полка, М. Островерхов и с ним также 50 чел. из Харьковского полка. Вслед за ними пришли в 1698 г. из разных городов Левобережной Украины и Слобожанщины группы по 30—50 чел.¹ Группа украинцев во главе с С. Поповым прибыла в 1702 г. на Битюг и заселила сл. Лосева. В то же время здесь у Красного Острова поселилось около 200 семей украинцев из Красного Кута, Бурлука и из Будищ (Полтавского полка). Темпы стихийного заселения данной местности не удовлетворяли правительство. По указу Петра I от 17 ноября 1698 г. предлагалось битюгскому приказному человеку П. Лосеву описать все земли по Битюгу и Икорцу и свободные из них заселить дворцовыми крестьянами. Согласно этому указу в 1701 г. вывезено на Битюг дворцовых крестьян из Великосельской волости, Ростовского уезда, 226 дворов; из Юхоцкой волости, Ярославского уезда, 235 дворов; из Даниловской волости, Костромского уезда, 226 дворов, из сел Пошехонского уезда 334 двора. Всего из 4 уездов 1021 двор, в которых насчитывалось мужчин 4919 чел.²

Местные условия для переселенцев оказались очень суровыми. Большинство украинцев, приходивших сюда добровольно, побыв недолгое время, уходили в другие места, не могли свыкнуться с этой местностью многие русские люди. Достаточно сказать, что из переселенных 4919 чел. (1021 двор) в 1701—1703 гг. сбежало 1141 чел., умерло 3409 чел., осталось жить на Битюге 369 чел. В 1703 г. русское и украинское население на Битюге и Икорце составляло всего 601 двор³.

В 1704 г. правительство вновь переселило сюда из сел Балахонского, Костромского, Суздальского, Владимирского и Переяслав-Залесского уездов крестьян 999 дворов, или, как можно предположить, более 4500 чел. Из них, по отписке битюгского приказного человека Е. Данилова от 3 ноября 1705 г., бежало 410 чел. и умерло 1062 чел.⁴ Как видим, заселение восточного Подонья проходило с большими затруднениями.

Кроме названных, в 1687—1725 гг. возникли украинские поселения: на территории Сумского полка — Николаевка, Хотень, Терешковка, Будки, Яблочное, Шпилевка, Гниловка, Каменецкое,

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 104, 105, 120—121; т. I, стр. 126; Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XV, стр. 1658—1667.

² Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XV, стр. 1658, 1667.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 114, 115, 125.

⁴ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XV, стр. 1653—1654.

¹ Списки населенных мест Российской империи, т. 46, стр. XXXVI.

² Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. IV, стр. 289—290.

³ В. Пасек. Очерк Харьковской губернии, стр. 38.

⁴ Списки населенных мест Российской империи, т. 46, стр. XXXVI.

⁵ «Записки ООИДР», т. I, стр. 369.

⁶ Материалы для географии и статистики Российской империи. Воронежская губерния, 1862, стр. 408.

⁷ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 112.

Павловка, Лосевка, Бобровое, Луциковка, Степановка, Бездрик, Бережки, Протопоповка, Гринцево, Толстое, Луки; Ахтырско-го — Бранцовка, Ивановка, Семеренки, Камянка, Каплуновка, Малыгин, Матвеевка, Люджа, Шаровка, Купьеваха, Добренское, Пархомовка, Яблочное, Радомля, Криничное, Станичное, Чернетчина; Харьковского полка и Чугуевского уезда — Дудковка, Константиновка, Черкасское, Шелудковка, Нижний Бурлук, Водяная, Высочинька, Ефремовка, Высокополье, Рогозянка, Рубежная, Ракитное, Петровская, Шиповатая, Ольховатка, Охочая, Масловка, Кицевка; Изюмского полка — Шендриглова, Кунье, Шиповатое, Кременная, Протопоповка, Юрьевка, Сеньково, Боровенька, Косаровка, Шабельковка, Петропавловка, Гусинки, Новомлинское, Нижняя Дуванка, Пески, Лиман; Острогжского — Новобеленская, Александровка, Комаровка, Белогорье, Карабут, Колодежное, Костомарова, Марковка, Курячевка, Сагуны, Березово, Новый Айдар, Шульгинка, Белолуцк, Осинова, Муратова и др.

Продолжали появляться и русские села. Например, на Ахтырщине — с. Солдатское, на Харьковщине — с. Стрелечное, на Изюмщине — села Козинка и Кабанье, в Острогжском крае — села Ельчанское, Веретье, Шубино.

По неполным сведениям, на Слобожанщине насчитывалось в 1648 г. — 29, в 1657 г. — 64, в 1667 г. — 146 и в 1686 г. — 232 поселения. Эти цифры не являются исчерпывающими. Напомню приведенные факты из описания Суджи, в нем вскользь упомянуты 11 небольших поселений, находившихся в окрестностях города. Известно возникновение хуторов в окрестностях многих селений. Большинство этих хуторов выросло в значительные села, как, например, х. Томахов, выделившийся из Хотомли, превратился в с. Томаховка и т. д. Следует учитывать и то обстоятельство, что данные второй четверти XVIII в. по территории Острогжского полка говорят только о возникновении поселений в южной его части. Между тем, несомненно, что в то время появлялись селения и в средней, и северной частях, составлявших 75% всей площади полка.

Относительно численности населения на Слобожанщине, особенно в XVII в., в исторической литературе также нет полных сведений. В некоторых печатных работах говорится, что в 1654 г. здесь насчитывалось 80—100 тыс. жителей¹. К сожалению, авторы не указывают источников этих данных.

Источники говорят, что заселение края происходило по всем 5 полкам одновременно, но с различной интенсивностью в разных районах. Сначала были заселены северные районы Сумско-

¹ «Труды Харьковского статистического комитета», 1872, стр. 127; С. И. Кованько. Описание Харьковской губернии, стр. 15; К. П. Щелков. Историческая хронология Харьковской губернии. X., 1882, стр. 21.

го, Ахтырского, Харьковского и Острогжского полков, затем их южные и юго-восточные районы. Земли Изюмского полка в основном заселялись в последней четверти XVII в., а южные районы Острогжского полка — в XVIII в. Преимущественно росло украинское население, изредка возникали и русские села. В ряде городов, как в Чугуеве, Хотмыжске, Вольном, Нежеголи, основная часть населения состояла из русских служилых людей, ставших впоследствии постоянными жителями. Русское население увеличивалось в 30-х годах XVIII в. в городах так называемой Новоукраинской линии: Константинограде, Алексеевке и др.

Незначительные группы поселенцев на Слобожанщине были представителями других народностей. В XVII в. была поселена группа служилых калмыков в Чугуеве. В начале XVIII в. на территории Харьковского и Изюмского полков поселились молдаване, волахи во главе с Кантемиром и Куликовским, сербы во главе с Хорватом¹. Во второй половине XVIII в. в с. Крутец, Острогжского полка, поселено 5 семей латышей, а в 1766 г. поселена группа немцев недалеко от Острогжска, где они основали с. Рыбендорф².

Анализ имеющихся сведений дает основание полагать, что количественный рост населения Слобожанщины происходил следующим образом. В 1657 г. насчитывалось городов и сел 64, в них жителей около 100 тыс. чел. В 1686 г. городов и сел было 232, в них жителей около 250 тыс. чел. В 1732 г. городов, сел, деревень и хуторов числилось 469, в них жителей около 370 тыс. чел. По сведениям «Экономических примечаний к генеральному межеванию», к концу XVIII в. в крае насчитывалось 19 городов, 630 сел и слобод, 406 деревень, 3 погоста и 2111 хуторов, в которых проживало около 1 млн. чел.

Украинские переселенцы принесли с собой традиции казачьего самоуправления. Русское правительство сохранило эту систему военно-административного устройства, так как она была удобным и испытанным средством против татарских нападений. В 50-е годы XVII в. здесь образовалось 4 Слободских казачьих полка: Острогжский (Рыбинский), Сумской, Ахтырский и Харьковский. В 1681 г. из Харьковского выделился Изюмский полк. Полки являлись военно-административными округами с делением на сотни, представлявшие собою нечто вроде волостей. В 1734 г., например, числилось сотен в полках: Сумском — 20, Ахтырском — 20, Харьковском — 18, Изюмском — 22 и Острогжском — 18, т. е. всего 98 сотен³.

Органы полковой власти находились в руках полковника и старшин. Полковник был командиром военных сил и главным

¹ И. И. Срезневский. Историческое обозрение..., стр. 229.

² Ф. Щербина. Крестьянское хозяйство по Острогжскому уезду, стр. 21—22.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 159.

административно-судебным лицом полка. К полковым старшинам относились полковой обозный, судья, есаул, хорунжий, 2 писаря. Полковые старшины вместе с полковником составляли полковую раду, собиравшуюся на совещания по текущим делам, на которых полковник имел два голоса. Сотенная старшина состояла из сотника, есаула, хорунжего и писаря и ведала сотенными военными и административно-судебными делами. В каждом селении сотни был атаман, исполнявший административно-полицейские функции. Мещанское население имело своего войта. Атаманы и войты избирались населением. Старшины вначале избирались в кругу старшин, в XVIII в. они в большинстве случаев назначались.

Слободские полки сначала подчинялись белгородскому воеводе, с 1668 г. — Посольскому приказу в Москве. В 1700 г. по военным вопросам полки были подчинены начальнику Украинской дивизии, в финансовом отношении оставались подведомственными белгородскому воеводе. С разделением России на губернии в 1708 г. Сумской, Ахтырский и Харьковский полки вошли в Киевскую, а Острогожский и Изюмский полки включены в Азовскую губернию. В 1718 г. военные дела полков были изъяты из ведения обеих губерний и вновь переданы начальнику Украинской дивизии. В 1719 г. судебные дела полков правительство передало белгородскому воеводе с правом апелляции в Курский надворный суд. В 1732 г. Слободские полки были преобразованы в бригаду и подчинены бригадному командиру и его «Канцелярии комиссии учреждения Слободских полков» в Сумах, подведомственной Военной коллегии. В 1743 г. «Канцелярию комиссии» упразднили, полки были восстановлены в правах и подчинены непосредственно Военной коллегии, судебные дела переданы Белгородской губернской канцелярии с правом апелляции в Юстиц-коллегию, а затем в Сенат. В 1765 г. Слободские полки были реорганизованы в Слободско-Украинскую губернию с центром в г. Харькове. В 1780 г. губернию преобразовали в Харьковское наместничество, последнее в 1796 г. вновь реорганизовано в Слободско-Украинскую, переименованную в 1835 г. в Харьковскую губернию¹.

¹ ПСЗ, № 12440, 15004; ПСЗ, изд. 2-е, № 8654.

Глава III

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII И В XVIII в.

Массовое заселение Слобожанщины совпало с началом нового периода русской истории (примерно с XVII в.), когда, по определению В. И. Ленина, происходило фактическое слияние русских «областей, земель и княжеств в одно целое»¹. В это время происходили изменения в положении господствующего класса крепостников, заключавшиеся главным образом в укреплении феодального землевладения. Этот процесс на Слобожанщине отличался некоторыми особенностями. Здесь до 80-х годов XVII в. образовывалось преимущественно казацко-крестьянское и мелко-среднее старшинско-помещичье землевладение, что же касается крупного феодального землевладения, то оно стало расти примерно с последней четверти XVII в.

Образование казацко-крестьянского землевладения

С середины XVII в. землевладение украинского казацко-крестьянского населения и русских служилых людей на Слобожанщине продолжало складываться и расширяться, как и ранее, путем так называемых «заимок» и правительственных пожалований. Харьковские служилые люди в челобитной 1688 г. писали: «а ныне наша братия землями испомещены по дачам из Разряду и по отпискам из полков бояр и воевод и по воеводским отводам и по заимкам»².

В зависимости от обстоятельств, служилые люди обращались в разные правительственные органы с просьбой о наделении их земельными угодьями. Одни просители получали землю по царским грамотам из Разрядного приказа, другие по отпискам бояр и воевод полков по месту службы, третьим отводили землю вое-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 137.

² Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, X., 1905, стр. 94.

воды городов, где жили просители, в Слободских полках землю поселенцам имели право давать полковники. Просители, которые получили грамоту из Разрядного приказа на поместье, сразу становились юридически полноправными помещиками, те же, кого наделяли землей воеводы и полковники, считались помещиками лишь после получения из Разрядного приказа грамоты, подтверждавшей отписку или «отвод» земли.

Далее в челобитной харьковчан указывается, что у служилых людей были «заимки», но «справок» о них они не брали, так как были заняты «многими беспрестанными службами и походами». Отсюда следует, что русские, как и украинцы, пользовались правом «заимок» земель и также должны были получать подтверждение своего права на владение этими землями из Разрядного приказа, что определяло феодальный характер происхождения такого землевладения.

Так называемая «вольная заимка» земель была распространенным явлением в хозяйственной практике украинских поселенцев. Путем «вольной заимки» в 1653 г. украинцы заняли земли по р. Котельва¹. Перед тем несколько групп украинцев самовольно поселились на землях Олешенского и Вольновского уездов². Одновременно поселилась группа украинцев на Харьковском городище³.

Во время описания земель Ахтырского полка в 1749 г. старожилы с. Козеевка, Городнянской сотни, В. Яцук, Л. Попов, Я. Хмель и другие «сказали сущую правду: принадлежащая к сотне Городнянской местечку и селу Козеевки земляная дача с лесными угодьями и рыбными ловлями по их старинной черкаской заимке состояла начен от устья Вовкового Яру через реку Мерло поза Будянской дачею в бор и на низ по Мерлу бором к речки Мерчику до Бродковой гребли... к реке Мерлу дорогою до Жидковой гребли»⁴.

Случалось иногда, что украинские переселенцы, чувствуя поддержку правительства, селились на землях, используемых русскими служилыми людьми, и добивались их отселения на другие земли, как это было в Вольновском уезде в 1654 г.⁵

Путивльский воевода Ф. Хрущев, говорится в «Описании Терновской волости» 1678 г., доносил царю, что в волости недавно поселились заднепровские украинцы, «отняв у путивльских помещиков» земли. Теперь, писал воевода, в сл. Терны более 700 дворов. Кроме того, в Недригайловском уезде в селах Олешенка и Деркачевка более 1000 дворов украинцев. Они «и землями и всякими многими угодьями владеют, а государевых

податей и никаких доходов не платят и торгуют вином безоборочно, и приказного человека у них никакова нет»¹. Справедливость этого обвинения вызывает сомнение. Сами крестьяне иначе объясняли суть данного дела К. Г. Мезенцеву и Г. Колошину, присланным из Курска для расследования спора. Терновские жители — атаман И. Хомейко, Е. Омеляненко, М. Яковлев, Г. Васильев, И. Штоколинский «со всею громадою сказали», что они пришли «на государскую милость на вечное житье» в 1652 г. и что по указу царя Алексея Михайловича они несли городовую службу с путивльскими служилыми людьми «вряд». Жители с. Деркачевка — атаман И. Васильев «с товарищи всем селом сказали», что они несут казачью службу в Сумском полку. Олешенские поселенцы — сотник М. Пустовойтов, атаман К. Дроботов, войт И. Наливайко «со всеми жителями сказали», что они также служат в Сумском полку².

Исполняя казачью полковую и городовую службу, украинские поселенцы по существовавшему положению не считали себя обязанными выполнять какие-либо другие повинности. Что же касается способа приобретения земли, то об этом в рассматриваемых документах ничего не говорилось. Видимо, это само собою разумелось: поскольку терновцы поселились в Путивльском уезде по царскому указу и несли службу с 1652 г., а жители Деркачевки и Олешенки осели здесь же в последующие годы, то тем самым они считали себя законными обладателями занятых ими земель. Представители власти, расследовавшие этот спор, стали на защиту путивльских дворян. Они предложили жителям названных слобод переселиться на казенные земли «меж Полатова лесу и Усерда». Слобожане отказались переселяться и вновь обратились с челобитной к царю. Подробности дальнейшего разбора этого спора до нас не дошли, но известно, что украинское население отсюда не уходило.

Надо полагать, что терновцы, деркачевцы и олешенцы поселились на «диком поле», формально принадлежавшем путивльским служилым людям. Заселение этой земли могло происходить с ведома и согласия последних. Возможно даже, что путивльские помещики сами предлагали украинцам поселиться на их землях при условии, чтобы по истечении льготных лет поселенцы перешли к ним в «подданство». Но олешенцы и деркачевцы, освоившись с местными порядками, записались на службу в Сумской Слободской полк. Терновцы также обратились к правительству с просьбой перевести их из городской в казачью полковую службу. Путивльские дворяне, потерпев неудачу в закреплении слобожан, решили отобрать у них земли. Так возник этот конфликт 20 с лишним лет спустя после заселения

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 358, лл. 163—164.

² «Воссоединение Украины с Россией», т. II, стр. 186.

³ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 8—9.

⁴ «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 252.

⁵ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 355, л. 134.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 75.

² Там же, стр. 76.

слобод. Правительство, заинтересованное в заселении края казаками, в конечном счете не поддержало путивльских помещиков и удовлетворило просьбу слобожан, оставив за ними занятые земли. По своему характеру происхождение землевладельцев жителей Тернов, Деркачевки и Олешенки похоже на «заимку», но вместе с тем оно переплеталось с «уступкой».

Путем «вольных заимок» землевладение продолжало возникать и в конце XVII — начале XVIII в. в отдельных местах, где еще были свободные земли, например, в юго-восточной части края. Так, украинские и русские переселенцы самовольно поселились в устье р. Битюг, где основали сл. Красная. Правительство в 1698 г. назначило И. Барсукова приказным человеком в эту слободу и предложило ему произвести перепись поселенцев и описать занятые ими земли и разные угодья¹. В грамоте Петра I от 14 октября 1704 г. изюмскому полковнику Ф. Шидловскому по поводу поземельного спора изюмчан и донских казаков говорилось об одной из таких «заимок». В 1701 г., указывалось в грамоте, многие казаки и крестьяне Изюмского и других Слободских полков, а «также и русские всяких чинов служилые люди и беглые помещиковы люди и крестьяне» из разных мест самовольно пришли на речки Бахмут, Красная, Харина, Дуванная и Жеребец. Они построили острожок на р. Бахмут и занялись добычей соли, заселили села Ямполь и Красное, захватили поля и угодья. В царской грамоте белгородскому воеводе И. Кольцову-Мосальскому приказывалось послать «кого пригоже» из Белгорода в эти места с заданием всех «новопоселенных жителей переписать», взять от них «сказки» о том, кто откуда прибыл, какую службу и обязанности ранее нес, какие земли и угодья занял. Предлагалось взять от переселенцев «поручные расписки», что они из новых своих сел без разрешения никуда не уйдут, а также возложить на них определенные служебные и податные обязанности, передать украинцев в ведение изюмского полковника, а русских подчинить торскому приказному человеку. Земли и угодья были отданы поселенцам во владение на условиях царских грамот, данных Слободским полкам в разное время во второй половине XVII в. и начале XVIII в.²

Трудно установить размеры «заимочных» владений в начале их существования. В грамоте царей Ивана Алексеевича и Петра I Г. Шереметьеву указывалось, что в Сумском, Ахтырском и Харьковский полках «всяких чинов люди владели землями и всякими угодья по своим заимкам, хто сколько занял не только малое число, но и по тысячи чети и больши». Далее в грамоте

говорилось, что белопольский казак И. Безрученко «занял по своему черкасскому обыкновению» около речек Студенка, Удава и Псел пашенной земли 120 четей (180 дес.), сенокосов на 250 копен (25 дес.) и леса 51 дес. и эта «заимка» была утверждена за ним и его внуком¹.

В ведомости о землях Соколовской сотни 1749 г. говорится, что змиевский житель М. Грищенко владел по «черкасской заимке» мельничными прудами, рыбными ловлями и лесом, всех угодий было около 150 дес. Г. Юхименко, подданный Захаржевского, имел около 12 дес. сенокосов «по черкасской заимке» на Книшовом Яру возле р. Виловка²

Маяцкие жители сообщили Г. Скурихину, присланному из Белгорода в 1704 г. для выяснения и определения землевладения местных поселенцев: «Стародонские казаки по Дону и по Донцу владеют по своей казацкой обыкновенности всякими угодья, покамест от реки их казацей пищали голос слышат»³. Косвенное подтверждение этого имеется в «Экстракте о Слободских полках 1734 г.». Говоря об общинном наделении землей поселенцев в Изюмском полку, автор писал, что жители владеют землей по жалованным грамотам «в общество, хто что себе распашет по своей заимке через межу», т. е. каждый занимал столько земли, сколько был в состоянии обработать.

Можно предположить на основании имеющихся данных, что земельные владения по «заимкам» были различных размеров, и это, вероятно, находилось в прямой зависимости от имущественного положения заимщиков.

Из-за отсутствия необходимых сведений также трудно осветить вопрос о том, какое место занимали земельные владения, образовавшиеся путем «заимок», во всем землевладении украинских казацко-крестьянских масс и русских служилых людей. Можно считать, что они составляли значительную часть земель поселенцев.

Таким образом, «заимочное» землевладение складывалось по инициативе самих крестьянско-казацких масс, но было обусловлено феодальными порядками. Царское правительство вмешивалось в каждую «заимку» поселенцев, следовательно, по своему характеру это землевладение являлось феодальным. Об этом неопровержимо свидетельствуют официальные документы.

В грамоте царей Ивана Алексеевича и Петра I от 4 ноября 1686 г. харьковскому и изюмскому полковникам Григорию и Константину Донцам говорилось, что старшинам и казакам их полков дается право владения землями и угодьями, которые они «заняли себе по своим заимкам»⁴. В их же грамоте 1695 г.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 173.

² Там же, стр. 315.

³ В. В. Гуров. Сборник судебных решений..., стр. 508—509.

⁴ Н. Чижевский. Старозаимочные земли..., стр. 105—106.

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1667, лл. 42—43.

² В. В. Гуров. Сборник судебных решений..., стр. 497—502; Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 139.

белгородскому воеводе Б. П. Шереметьеву указывалось, что старшинам и казакам Сумского, Ахтырского и Харьковского полков «земляны и всякими угоды велено владеть по их черкасскому обыкновению по заимкам, хто что занял»¹. В наказе и челобитной дворян Острогжского уезда в Комиссию по составлению Уложения 1767 г. говорилось, что в Острогжском полку также разрешалось «землю владеть по заимкам»². Все эти материалы подтверждают, что землевладение по «вольным заимкам» было распространенным во всех Слободских полках. Из документов видно, что путем «заимок» земли приобретались некоторой частью поселенцев не только в XVII в., но и отдельными группами крестьян и казаков, селившихся в южных степях в XVIII в.

«Заимочное» землевладение было распространено не только на Слобожанщине, но и на Левобережной и в южных районах Правобережной Украины, на Дону и на Нижнем Поволжье, а также в Сибири. «Заимки» земель практиковались в тех местностях, которые в XVI—XVII и в XVIII в. сравнительно быстро заселялись украинцами и русскими и где правительство не успевало в момент заселения обеспечить прибывших переселенцев наделенной землей. Когда же правительство имело возможность это сделать, оно запрещало «вольные заимки». В 6-м пункте наказа Анны Ивановны от 31 июля 1734 г. о Слободских полках подводился итог старому примитивному способу приобретения земли и различных угодий на Слобожанщине. В нем говорилось, что существовавшее прежде «право занимать земли и прочие угоды запрещено», а занятые земли до обнародования этой грамоты, «хотя бы на оные и письменных укреплений не было», остаются в наследственном владении их настоящих собственников³.

Одновременно с «заимками» землевладение создавалось и за счет царских пожалований.

По царскому указу от 18 августа 1652 г. группа украинских переселенцев в 1003 чел. во главе с полковником И. Дзиковским была наделена землей в г. Острогжске. Из сохранившейся выписи известно, что рядовым казакам, составлявшим основную массу этой группы, дано земли по 8 четей (12 дес.) на человека⁴.

Украинцы, поселенные на Сумином городище в 1655 г., также получили земли. В межевой выписи, данной жителям г. Сум, указывалось: «и по сей выписки сумским черкасам атаману Герасиму Кондратьеву с товарищи землю и санными покосами

сами и лесом и всякими угодыми в своих межах и урочищах владеть»¹. По грамоте из Разрядного приказа 1659 г. на отведенных землях заселено «сведенцами» из г. Сум и украинцами из других мест с. Нижняя Сыроватка². В том же году были наделены землю вновь прибывшие поселенцы в г. Лебедине и в Городном³.

Жители с. Пены в 1659 г. обращались с челобитной к царю о выдаче им выписи из «строельной книги» на их «поместные» земли, что свидетельствует о наделении их ранее землей⁴. То же было и в Краснополье: около 1686 г. из Разрядного приказа жителям этого города выдана «отказная грамота» на «поместные» земли⁵.

О наделении земель миропольских украинских поселенцев сказано в описании г. Мирополья 1671 г. В нем указывается, что жителям дано под дворы в городе и на посаде земли по 108 кв. сажен. Намерено земли «против иных же таких новопостроенных городов» 5 сотникам казацким по 15 четей (22,5 дес.), 500 казакам по 10 четей (15 дес.), 500 мещанам по 8 четей (12 дес.) каждому⁶. О таких же наделах земель миропольцев говорится в челобитных и грамотах 1689—1690 гг.⁷.

Украинские поселенцы в Ахтырке во главе с сотником И. Ларионовым в 1655 г. обращались к царю с просьбой наделить их пашенной землей и другими угодыми⁸. В том же году последовал указ белгородскому воеводе «послать сведущих людей в Ахтырку для наделения поселенцам земли, леса и сенокосных угодий»⁹.

В царской грамоте от 19 декабря 1659 г. белгородскому воеводе Г. Ромодановскому предписывалось направить из Белгорода «кого пригоже» в Боромлю, где поселились украинцы (725 чел.) во главе с атаманом К. Васильевым. Предлагалось «тем черкасам отвести пашенныя земли и санных покосов и всяких угодий»: атаману 10 четей (15 дес.), есаулам по 9 четей (13,5 дес.), рядовым по 8 четей (12 дес.) из земель, свободных или имеющих в излишке у вольновцев и олешенцев¹⁰.

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 389, л. 22; В. Юркевич. Еміграція на схід..., стр. 129; Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. III, стр. 280, 335—338.

² Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. III, стр. 363.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 480, лл. 27—29.

⁴ Там же, стб. 424, л. 4.

⁵ Там же, Поместный стол, стб. 150, лл. 93—97.

⁶ «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 185—186.

⁷ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1520, лл. 26—38.

⁸ Там же, Дополнительный отдел, стб. 223, лл. 1—2.

⁹ Там же, лл. 44—53; Безгласные, стб. 223, л. 7; Белгородский стол, стб. 1651, л. 83.

¹⁰ ПСЗ, № 268.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 173—174.

² «Сборник РИО», т. 68, стр. 290—291.

³ ПСЗ, № 6610.

⁴ «Воссоединение Украины с Россией», т. III, № 187.

Группа украинцев в 117 семей с атаманом В. Павловым, прибывшая в Вольновский уезд, обратилась с просьбой к правительству поселить их в любом месте. В Разрядном приказе 8 марта 1686 г. решено расселить их в с. Ямное, Вольновского уезда, и отвести им «порозжих» и «диких» земель на пашню: пану Степану 30 четей (45 дес.), атаману В. Павлову и рядовым «черкасам» (117 чел.) по 25 четей (по 37,5 дес. на человека с сенными покосами и со всеми угодьями)¹. Украинцы, прибывшие в 1664 г. в Красный Кут, также обращались к правительству с просьбой дать им земли².

В царском указе 1655 г. чугуевскому воеводе предлагалось устроить 530 украинских переселенцев по их просьбе земель и угодьями в Харьковской слободе³. В грамоте 1660 г. харьковскому воеводе В. Сухотину предписывалось, чтобы он составил «строельную книгу» о том, как «прежние черкасы устроены и по скольку черкасским сотником и атаманом, и есаулом, и рядовым черкасом под дворы и под огороды, и на пашню земли, и лесу, и сенных покосов, и всяких угодий порознь дано...». Среди этих «прежних черкас», надо полагать, были прибывшие в 1655 г. 530 чел. и др. Далее говорилось, чтобы и впредь приходящих украинцев наделять землями: «а которые черкасы семьянистые, а не одинокие, из черкасских городов впредь учнут в Харькове приходить и Василью тех новоприхожих черкас в Харькове принимать и на вечное житье отстроить, а под дворы и под огороды в длину и поперег места, и на пашню земли, и лесу, и сенных покосов, и всяких угодий давати против прежних харьковских черкас всем в меру...»⁴.

В указе о поселении 800 украинцев во главе с М. Тимофеевым «в урочищах меж Лопани и Харькова» предписывалось дать им земли «под дворы и под огороды и под гуменные места» и под пашню, а также сенокосы «против земель в поле»⁵. Украинские жители с. Липцы («атаман Софронка Чижмин с товарищи 300 человек») в 1667 г. получили земли с ведома правительства⁶. Прибывшие в Валки в 1660 г. украинцы обращались с челобитной к правительству об отводе им земли под пашни и сенокосы⁷ и, судя по позднейшим сведениям, их просьбу удовлетворили. По царской грамоте 1656 г. назначены земельные дачи змиевским жителям⁸.

¹ ЦГАДА, Поместный стол, стб. 150, лл. 263—277, 300—306; Н. Чижевский. Старозаимочные земли..., стр. 2, 94.

² ЦГАДА, Дополнительный отдел, стб. 823, лл. 97—110.

³ Там же, стб. 223, лл. 54—56.

⁴ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 33—34.

⁵ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 160—161.

⁶ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 55.

⁷ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 424, лл. 98—99, 102—108.

⁸ Там же, стб. 394, лл. 167—169.

Группе украинцев в 67 семей, поселенной на Салтовском городище в 1659 г., были отведены земли. В указе белгородскому воеводе по этому поводу говорилось, что каждой семье поселенцев были определены «пашенные земли и сенных покосов и всяких угодий атаману и сотникам по 10, есаулам по 9, рядовым черкасам по 8 чети в поле, а в дву потому ж»¹. О наделении поместными землями салтовцев свидетельствуют многочисленные «сказки», поданные ими в 1675 г. думному, дьяку С. Титову², а также указ Петра I от 12 февраля 1705 г.³.

Другой группе украинцев в 157 семей, поселенной в 1666 г. в с. Мартовое, дана земля «дикого поля» под пашню «по осми четвертей (по 12 дес.) на человека»⁴. Печенежские атаман М. Череван и сотник с «товарищи» в 1663 г. обратились к белгородскому воеводе Г. Г. Ромодановскому с челобитной на имя царя о том, что в 1662 г. им для 50 чел. дано «на пашню земли дикова поля» в Чугуевском уезде, за р. Бабка, «на Печенегах». Теперь их стало 500 чел., поэтому челобитчики просили прибавить им соответственно земли. Просьба их была удовлетворена⁵. Из другого документа видно, что в 1659 г. группе украинцев, прибывшей в Чугуев, отведена земля «из дикого поля» по р. Бабка⁶.

Во время заселения украинцами г. Цареборисова в 1654—1657 гг. поселенцам дали земли под усадьбу и пахоту⁷. То же самое происходило в с. Маяк в 1651 г.⁸ О наделении жителей этой местности землей известно также из царского указа от 17 февраля 1682 г. харьковскому полковнику Г. Донцу: в связи с постройкой Изюмской крепости предлагалось призывать из Харьковского, Сумского и Ахтырского полков «неслужилых черкас» в Изюм, Спеваковку, Пришиб и «тем черкасам города строить и селиться в тех городах собою, и пашенные земли пахать, и всякими угодьями владеть по отводу генерала и воеводы Г. Косогова, по их казачьим обыкностям»⁹.

Путем пожалований так называемых четвертных наделов на Слобожанщине приобрели землю почти все русские служилые люди.

Дети боярские — «сведенцы» из разных городов, или «новики», принятые на службу выходцы из разных прослоек населения, испомещались на Слобожанщине в большинстве случаев

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 35.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 907, лл. 1—137.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 140—142.

⁴ Там же, т. I, стр. 195.

⁵ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 36, док. 8.

⁶ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 480, лл. 191—192.

⁷ Там же, стб. 589, лл. 49—50; стб. 409, лл. 118—132.

⁸ Там же, стб. 323, лл. 532—535, 569—574.

⁹ Записки о Слободских полках. См. приложение к «Статистическому листку», X., 1883, стр. 9; ХФЦГИА, ф. 28, д. 1, л. 1.

сразу, некоторые из них вначале получали денежное жалование и продовольствие натурой, а потом уже поместьем.

Группа белгородских детей боярских — И. Якутин, Г. Лихачев, И. Кураксин, С. Рыжков «с товарищи» 20 июня 1652 г. подали чугуевскому воеводе Ф. Пушкину челобитную на имя царя. Челобитчики просили, чтобы их перевели на службу в Чугуевский уезд и пожаловали «дворовыми, и огородными, и гуменными местами, и пашенною землею, и санными покосами в Чугуевском уезде» и по р. Бабка. Они указывали, что «та, де, земля в лишке за их братьями» в количестве 142 чел. Просьбу челобитчиков удовлетворили. Здесь же на оставшихся свободными землях в 1654 г. были испомещены Д. Федосов, С. Кураксин и Г. Глазунов. 27 ноября 1661 г. П. Пасмуров, А. Кураксин, А. Фомин и др. обратились с челобитной к чугуевскому воеводе А. Иевлеву. Они писали, что являются детьми боярскими, служат «Чюгуеву, в ряд чюгуевцы всяких чинов служилыми людьми, а поместья за ними не по единыя четверти» нет, и просили испоместить их в Чугуевском уезде, на р. Бабка, возле поместных дач чугуевцев детей боярских И. Якутина с товарищами, на земле, являющейся «в лишке за дачами у чугуевских казаков». Это, между прочим, свидетельствует о проведенном ранее испомещении последних. А. Иевлев, получив разрешение от белгородского воеводы Г. Ромодановского, «устроил» просителей пашенной землей и сенокосами, владения обозначил «метами» и «гранями» и выдал на них «выпись»¹.

Интересны некоторые подробности испомещения детей боярских в с. Бабан, продолжавшегося в течение ряда лет. В 1653 г. получили наделы Ф. Бабай, Е. Смольянинов, Д. Литвинов, Ф. Суряднов, Е. Журавлев, Ф. Передельский, И. Локутин, А. Трофимов, Ф. Артемьев, А. Васильев, И. Заталокин; в 1654 г. — У. Труфанов, И. Озеров, И. Щуров, И. Шишнев, Ф. Шатихин, Т. Картавий, Т. Грешный, Г. Русанов; в 1655 г. — М. Лукутин, С. Литвинов, С. Шишнев; в 1658 г. — К. Грешный; в 1669 г. — деды и отцы Ф. Щетинина, Д. Харламова, А. Донского, Ю. Кренева, П. Благинина, И. Суконова, Ф. Касьянова, П. Пушина, Ф. Капустина, Г. Дементьева, Ф. Богаева, И. Михайлова, В. Харламова, В. Капустина; в 1672 г. — Г. Становин; в 1678 г. — Г. Грешный; в 1687 г. — И. Онофриев. Все получили земли по 20 четей (30 дес.). И только С. Басманов в 1679 г. и А. Шелехов в 1681 г. получили поместья по 10 четей (15 дес.)².

Чугуевский беспоместный сын боярский И. Н. Поликарпов 15 апреля 1672 г. обратился к воеводе С. Милюкову с просьбой дать ему поместье. Челобитчик был испомещен в д. Песчаная, Верховского стана, «вряд с помещики с Елистратом Головиным

с товарищи». Он получил земли 20 четей (30 дес.), сенокосы на 70 копен (7 дес.), под двор 600 кв. сажен, под огород и гумно 1200 кв. сажен¹.

В царской грамоте от 8 ноября 1690 г. приведена справка из «строельных книг» Змиевского уезда 1657 г. воеводы И. Ржевского. Согласно выписке чугуевский воевода Г. Спешнев дал в с. Боровое земли детям боярским И. Дикову «с товарищи», а также намерил землю тем, кто в будущем будет записан на службу. Им наделили под дворы по 800 кв. сажен, под огороды и гумна по 800 кв. сажен, под пашню «доброй земли по 20 четей (по 30 дес.) и сенокоса на 70 копен (7 дес.) на человека. Рыбу ловить разрешалось в Донце и в других реках и озерах «вопче» с жителями других городов и сел².

Из других данных известно, что сыну боярскому А. Белозерову, поселившемуся в с. Боровое в 1660 г., дано «промеж колодезя Студенка и Борового» пашенной земли 20 четей (30 дес.), сенокоса на 70 копен (7 дес.), а также, как и другие дети боярские, он был устроен «в том селе Боровом дворовым, огородным и гумненным месты»³.

В 1669 г. суджанским детям боярским М. Кудинову, Я. Бобровскому и др. наделена земля «порожня, не владеет ею никто». В грамоте об этом говорилось, что царь пожаловал ее М. Кудинову «с товарищи, велел им на той земле диком поле осадями селиться и дворы строить, а с того поместья и дикого поля службы служить Михаилу Кудинову с товарищи своею братиею»⁴. Так же были устроены поместными землями дети боярские в Хотмыжске в 1650 г., в Недригайлове в 1651 г.⁵, в Бабаях в 50—60-х годах⁶, в Больших Проходах⁷, в Каменном⁸ и в других местах.

Приведем несколько примеров испомещения рейтар, или детей боярских рейтарской службы.

Чугуевский рейтар В. Маслов, обращаясь к царям Ивану Алексеевичу и Петру I с просьбой выдать ему грамоту на поместье, писал, что он получил земли от чугуевского воеводы М. Офросимова в 1667 г. «вряд с Романом Левинцем» и другими рейтарами в с. Дмитровское, Удского стана (по р. Уды). У. Пере-

¹ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 27, док. 17.

² Там же, стб. 152, док. 2.

³ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. IV, стр. 234.

⁴ «Киевская старина», 1886, март, стр. 477—478.

⁵ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 304, лл. 292—304; стб. 322, лл. 298—358.

⁶ Там же, стб. 482, лл. 288—289; стб. 355, лл. 90—91.

⁷ Там же, стб. 424, лл. 319—321; стб. 480, лл. 222—223; стб. 370, лл. 78—82; «Сборник ХИФО», т. 16, стр. 412—413, 419—421.

⁸ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 182.

¹ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 27, лл. 13—15, 18, 19.

² Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 97—100.

дерзкий, выходец из станичников, служил рейтаром в 1660 г. В документах чугуевского воеводы 1675, 1679 и 1687 гг. значится, что земля этого рейтара находилась за р. Чугуевка. По челобитной чугуевского рейтара Т. Леденцова (1688 г.) видно, что он, как и дети боярские, имел, кроме «дальней», еще и 5 четей «подгородной» земли¹.

В челобитной харьковского рейтара Е. Монаева говорится, что он в 1661 г. перешел из детей боярских на рейтарскую службу, а его поместье в с. Тишки, под Харьковом, осталось прежним². В многочисленных документах говорится о «поверстании» в разных местах Слобожанщины поместьями рейтар так же, как и детей боярских³.

Служилые люди «солдатского строя» также испомещались землей.

Чугуевский солдат Т. Новосильцев в челобитной просил, чтобы ему была выдана выпись, вместо сгоревшей, на поместье, полученное в 1682 г.⁴ Харьковский солдат К. Мелехов имел поместье в с. Тишки. В межевой книге 1697 г. указаны границы его владения и сказано, что «с того поместья он, Кузьма, солдатскую службу служит»⁵. В Липцах, под Харьковом, испомещена была группа в 45 солдат: 5 из них получили по 30 четей (по 45 дес.), а остальные — по 20 четей (по 30 дес.) на человека⁶.

Чугуевский солдат А. Крицын обратился к правительству с челобитной⁷ о передаче ему земли. Он писал, что в 1647—1648 гг. его дед Д. Крицын с И. Старым и С. Ганшиным получили поместную землю в Удском стане на Кабановой поляне по 20 и под Чугуевом по 5 четей (по 37 дес.) на человека. Далее челобитчик писал, что он несет солдатскую службу «только с шестого теребя», т. е. владеет 4 четями с осминой. Как свидетельствует «память» из Разрядного приказа и отписка чугуевского воеводы В. П. Вердеревского, просьба челобитчика была удовлетворена⁸.

Из переписки воеводы г. Каменного с Разрядным приказом видно, что и в Каменновском уезде в 1676 г. солдат также наделляли землей⁹.

Русские полковые казаки, находившиеся на службе в Чугуеве и других городах Слобожанщины, тоже были испомещены. В царской грамоте от 8 февраля 1692 г. чугуевскому воеводе по

поводу челобитной местных казаков о землях указывается, что их предкам в 1645 г. дано земли «подгородной» по 5 четей и «дальней за речкою Бабкою» по 15 четей, всего по 20 четей (по 30 дес.)¹. Были случаи, когда на каждого казака приходилось по 25 четей (по 37,5 дес.) и больше², а также по 10—15 четей (по 15—22,5 дес.).

Испомещались здесь также стрельцы и пушкарни. В грамоте царя Алексея Михайловича воронежскому воеводе Д. Астафьеву 8 октября 1653 г. по поводу отправки на службу в Острогжск 150 стрельцов и 20 пушкарей указывалось: «И тех стрельцов и пушкарей устроил бы на порожних землях», дав десятникам по 9 четей (по 13,5 дес.) и рядовым по 7 четей (по 10,5 дес.) на человека³. «Новоприборных» на стрелецкую и пушкарскую службу людей здесь также наделили землей в 1655 г.⁴.

Поместные земли давали и служилым людям воеводских канцелярий. До нас дошли челобитные харьковских подьячих о наделении их поместью землей в 1675 г.⁵, а также грамоты о назначении поместья миропольскому подьячему в 1694 г.⁶ и чугуевскому подьячему в 1658 г.⁷, об испомещении «гулящих людей» в Усерде по их челобитью⁸.

В выписи из дела Поместного приказа от 28 февраля 1686 г. говорится, что в г. Вольном в 1680 г. было 11 рейтар, 203 солдата, 137 чел. городской службы. «По их сказкам земли за ними по 50 и по 40, и по 30, и по 20 чети и ниже»⁹.

В 1693—1696 гг. 83 семьи русских выходцев из Воронежа, Орлова, Усмани, Урыва и других городов поселились в урочище устья р. Икорец. Большинство из них получило земли по грамотам из Поместного приказа, а некоторые — «по своим заимкам» с последующим утверждением в этом же приказе, 29 чел. в слободе на устье р. Икорец имели поместья 580 четей, а в среднем на человека приходилось по 20 четей (30 дес.). В д. Яблочная 23 чел. имели 725 четей, или в среднем на человека по 30 четей (45 дес.)¹⁰.

Т. Сушонов, В. Шевтов и еще 11 чел. из г. Ельца в челобитной, поданной в 1698 г. Петру I, писали, что они уже в «службу поспели», просили зачислить их на службу и дать им поместья

¹ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 27, док. 2.

² «Записки Исторично-філологічного відділу», УАН, кн. XI, стр. 60.

³ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, т. I, 1887, стр. 42.

⁴ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 406, столник 2, лл. 1—2, 31, 32.

⁵ Там же, стб. 752, лл. 404—405.

⁶ Там же, стб. 1393, лл. 109—113.

⁷ Там же, стб. 397, лл. 210—211.

⁸ Там же, стб. 543, лл. 378—379.

⁹ Н. Чижевский. Старозаимочные земли. В сб.: «Решения Харьковского окружного суда», X, 1893, стр. 95.

¹⁰ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 111.

¹ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 135, док. 1; стб. 147, док. 19, 47.

² Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 73—74.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 811, лл. 670—801.

⁴ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 135, док. 8.

⁵ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 176.

⁶ «Записки Исторично-філологічного відділу», УАН, кн. XI, стр. 61.

⁷ Челобитная не датирована.

⁸ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 269, док. 8, 13, 14.

⁹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 821, лл. 789—791, 798—800.

по 20 четей (по 30 дес.) на человека свободной земли по р. Битюг¹.

Елецкие и ефремовские служилые люди Федосеев, Котосонов, Головин и др. в 1691 г. служили в Валуйском уезде с местожительством в с. Тополи. Они просили Петра I дать им на свободной земле около села по 20 четей (по 30 дес.) каждому².

Группа детей боярских, служивших в Олешне, была поселена на Журавной поляне в 1652 г., им дали земли 350 дес.³.

Хотя приведенные факты наделения земель украинских поселенцев и русских служилых людей не исчерпывают многочисленных, хотя и разрозненных материалов по этому вопросу, они убедительно свидетельствуют о том, что основная часть этого вида землевладения на Слобожанщине возникла в результате правительственных пожалований.

Размеры земельных наделов разных социальных групп служилых людей в России издавна определялись законодательными актами, а затем были утверждены Уложением 1649 г. В 40-й статье гл. XVI установлены оклады и размеры поместий, жалуемых детям боярским в южных районах страны: детям боярским с окладом 400 четей давать в поместье 70 четей в поле, с окладом 300 четей — 60, с окладом 250 четей — 50, с окладом 150—200 четей — 40, с окладом 100 четей — 30 и с окладом 70 четей давать в поместье 25 четей в поле⁴.

Вскоре к этому определению был сделан ряд дополнений, направленных на ограничение землевладения служилых людей низших разрядов. В боярском приговоре 25 апреля 1651 г. записано, что дети боярские «украинных городов», переведенные или добровольно перешедшие в новые города и «в новых городах испомещены и землями устроены», лишались прежних своих поместий⁵. Было дано также дополнительное разъяснение о размерах поместных окладов для «нови́ков». В памяти из Разрядного приказа в марте 1657 г., разосланной воеводам городов Белгородской черты и Слобожанщины, указывалось, что «нови́кам» положить оклады земли в Чугуеве и Валках: «1-й статьи — 150 четей, 2-й статьи — 100 четей, наилучшей земли — 70 четей, а лучшей — 50 четей»⁶.

Однако правительство сочло эти оклады большими. В 1660 г. 67 детей боярских — жителей села Жихорь и Бабаи — обратились к царю с просьбой «пожаловати б их велеть их поместными

и денежными оклады поверстать против их братии». В царской грамоте белгородскому воеводе Г. Ромодановскому приказано удовлетворить просьбу челобитчиков в пределах уменьшенных окладов. «Новикам, которые сведены из городов и служили и тем, — 1-й статьи давать 100 четей, 2-й статьи — 80 четей, 3-й статьи — 70 четей. Новикам 1-й статьи, которые пришли из городов и написались в службу собою, — 80 четей, 2-й статьи — 60 четей, 3-й статьи — 40 четей»¹.

Руководствуясь распоряжениями правительства, местные власти наделали землями русских служилых людей и украинских поселенцев. Об этом свидетельствует доклад Разрядного приказа царю по поводу поземельной тяжбы жителей городов Лебедин, Каменной и других поселений в 1680—1681 гг.: «землю на пашню дают бояры и воеводы по рассмотрению и смотря по людям»².

Харьковский сын боярский рейтарской службы Е. Монаев писал в 1675 г., что он служит с 1661 г., его оклад 200 четей в поле, а фактически поместного жалования имеет в с. Тишки 30 четей в поле³ (45 дес.). В документе 1686 г. указывается, что в Вольном дети боярские владели поместьями в 75 дес.⁴ В Липцах из 45 солдат 5 чел. имело по 45 дес.⁵ Таких же размеров поместьями владели некоторые служилые люди в с. Яблочное, Острогожского полка⁶. Часть чугуевских солдат имела по 37,5 дес.⁷.

Подобных фактов можно привести значительно больше. Документы сообщают, что дети боярские разных служб получали поместья по 30 дес. Такие владения имели дети боярские в селах Бабаи и Жихорь. В с. Бабаи, например, из поселенных в 1653—1687 гг. 39 чел. 37 получили по 30 дес. и 2 чел. по неизвестной причине — по 15 дес.⁸ В Липцах из 45 чел. 40 получили по 30 дес. Большинство детей боярских владели такими же поместьями в Чугуевском уезде, в Боровском и Змиевском уездах⁹, в Вольновском уезде и других местах Слобожанщины.

Русские казаки получали меньшие наделы земли, чем дети боярские. В Чугуеве, например, лица из казачьей верхушки имели по 37,5—30 дес. земли, у большинства казаков было по 22,5—15 дес.¹⁰.

¹ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 38—39.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 94.

³ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 73—74.

⁴ Н. Ч и ж е в с к и й. Старозаимочные земли, стр. 95.

⁵ «Записки Исторично-філологічного відділу», УАН, кн. XI, стр. 61.

⁶ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 111, 126—127.

⁷ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 169, лл. 8, 13, 14.

⁸ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 97—100.

⁹ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 169, лл. 8, 13, 14; стб. 27, л. 17; стб. 152, л. 2.

¹⁰ Там же, стб. 27, л. 2.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 126—127.

² Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. IX, стр. 814—817, 822—823.

³ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 104—109.

⁴ ПСЗ, № 1.

⁵ Там же, № 117.

⁶ АМГ, т. II, № 959.

Самые небольшие наделы земли имели стрельцы и пушкари. В Острогожске стрелецким и пушкарским десятникам пожаловано по 13,5 дес. и рядовым по 10,5 дес.¹

Размеры землевладения украинских казаков и других рядовых поселенцев в различных местах также были разные. Например, в с. Ямное, по документам 1686 г., атаману и рядовым людям дано каждой семье по 37,5 дес.² Надо полагать, что такие наделы для рядовых украинских поселенцев были редким явлением.

В г. Мирополье, по описанию 1671 г., украинские казаки имели по 15 дес.³ В 1655 г. из Разрядного приказа предписывалось наделить 800 харьковских поселенцев во главе с атаманом М. Тимофеевым землей — по 15 дес. на человека. Вместе с тем в предписании оговорено: «а буде в тех урочищах скудно», т. е. мало удобной земли, то «черкасам дать по 8 четей человеку в поле» (по 12 дес.)⁴. Земельное жалованье 12 дес., видимо, чаще всего давалось рядовой массе украинских переселенцев. Около 1 тыс. поселенцев Острогожска в 1652 г. получили по 12 дес.⁵. Таких же размеров участки получили казаки в Боромле⁶, в слободах Мартовая, Салтов⁷. В г. Мирополье группа мещан получила также по 12 дес.

По тем же сведениям, низшим начальствующим лицам давали различные земельные владения в разных местах. Атаман ямнинских поселенцев получил земли наравне со своими людьми — 37,5 дес. В Боромле и Салтове атаманам дали по 15 дес., есаулы в этих слободах получили по 13,5 дес. Обращает на себя внимание незначительная разница в размерах земельных владений, жалуемых низшим старшинам и рядовым. Это касается также сотников и полковых старшин, о землевладении которых речь будет идти позже.

Размеры земельных владений внутри какой-нибудь одной социальной группы, например среди казаков, в основном зависели от наличия общего количества пригодной для хозяйства земли в данной конкретной местности. Правительство, поручая служилым людям произвести описание заселяемой территории или окрестностей строящегося города, как правило, требовало выяснить, сколько там есть земли, удобной для пахоты. Такие указания встречаются в грамоте по поводу поселения 800 украинцев в Харькове.

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 406, столпик 2, лл. 1—2, 31, 32.

² Там же, Поместный стол, стб. 150, лл. 263—277.

³ «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 185—186.

⁴ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 160—161.

⁵ «Воссоединение Украины с Россией», т. II, № 187.

⁶ ПСЗ, № 268.

⁷ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 35, 195.

Основная масса украинских поселенцев получала земли в тех же размерах, что и русские служилые люди низших разрядов. Но внутри этих разрядов тоже не было равенства. Дети боярские разных служб получали значительно больше земли, чем стрельцы и казаки. Это объяснялось тем, что дети боярские обладали правами дворян, пользовались привилегированным положением среди служилых людей низших разрядов, занимали низшие начальствующие должности. Вместе с тем их владения не были крупными. Чаще всего они сами обрабатывали свою землю, поэтому такие хозяйства получили название однодворческих. Однодворцев, в число которых вошли бывшие стрельцы и пушкари, как и слободско-украинских казаков, впоследствии зачислили в разряд государственных крестьян. Следовательно, земельные владения всех этих групп представляли собою типичное крестьянское землевладение.

Формы землевладения русских и украинских поселенцев

Русские «приборные» служилые люди, как известно, получали «четвертные» земли на поместных правах.

Украинские поселенцы также получали четвертями землю в поместье. Атаман белопольских украинских поселенцев Ф. Чернявский и казак Оберемок в 1685 г. обратились к царю за разрешением на поселение в Белополье и просили дать им «земли в поместье»¹. Жители с. Пены в 1659 г. обращались с челобитной в Разрядный приказ о выдаче им выписи из «строельной книги» на их «поместные» земли². Краснопольским жителям около 1686 г. Разрядным приказом дана «отказная» грамота на их «поместья». Украинские поселенцы в Острогожске, Сумах, Ахтырке, Вольном, Салтове и в других местах Слобожанщины получали «четвертные» наделы на поместных правах. На таких же правах закреплялись земли, приобретенные поселенцами путем «вольных займок».

«Приборным» служилым людям, в том числе детям боярским, давали в ограниченных размерах поместья, представлявшие собой крестьянские владения. Их владельцы несли рядовую службу, за исключением детей боярских, пользовавшихся некоторыми льготами, на них налагались хлебные и другие оброки, обязанности на десятинной пашне, а затем и подушные подати. В то время «выборные» уездные дворяне, столичные дворяне и жильцы, бояре — служилые люди по «отчеству» — получали много земли и пользовались широкими феодальными правами.

Для служилых людей низших разрядов поместья являлись основным средством их материального обеспечения. Оставление службы лишало права на поместье, как это, например, произо-

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1035, лл. 543—544.

² Там же, стб. 480, л. 27.

шло в Усерде в 1665 г. с одним служилым человеком из украинских поселенцев¹. Но таких случаев было относительно мало, так как основная масса служилых людей оставалась на службе пожизненно, стремясь закрепить за собой поместья в наследственное владение. Служилый человек, получивший на службе увечье или состарившийся, пользовался данными ему землями пожизненно. После его смерти поместье полностью или частично переходило жене и детям, а если семьи не было — родственникам; если же родственников не оказывалось, то оно передавалось какому-либо беспоместному служилому человеку того селения, которому принадлежала эта земля. Такой порядок вошел в практику с начала испомещения служилых людей в стране, затем его стали узаконивать².

В материалах Чугуевской воеводской канцелярии мы находим выписки из царских указов и Соборного уложения о владении поместьями разных приказных людей, присланных сюда на службу³. Есть немало документов, указывающих на конкретное осуществление порядка пользования поместными землями.

Служилые люди, состарившись, передавали свои поместья сыновьям. Например, дети боярские П. Байдунов и М. Халин в 1665 г. обращались к правительству с просьбой освободить их от службы и вместо них записать сыновей с передачей им поместий⁴. Чугуевец И. Дягилев, прослуживший более 30 лет, в челобитной воеводе, поданной в 1672 г., просил уволить его по старости со службы, а его поместье в с. Терновое «справить» за детьми пасынка — Никитой и Андреем Голозубовыми⁵. Подобные челобитные, за редким исключением, правительство удовлетворяло.

Сохранялись поместья и за семьями погибших служилых людей. В царской грамоте чугуевскому воеводе в 1658 г. предписывалось, чтобы землю умерших и взятых в плен служилых людей оставлять их женам и детям⁶. Сохранение поместья за семьей всегда сопровождалось обращением членов семьи с соответствующей просьбой на имя царя и ответной грамотой, по которой земля отписывалась просителям.

Как явствует из челобитной 1685 г. чугуевского боярского сына Е. Реброва о выдаче ему «выписи» взамен пропавшей, челобитчик владел полным отцовским поместьем в с. Дмитровск,

Удского стана¹. Вдова усердского пушкаря в 1688 г. обратилась с просьбой к правительству, чтобы ей разрешили владеть землей умершего мужа до совершеннолетия сыновей. Эта просьба была удовлетворена². Миропольской жительнице вдове сотника Р. Богодуха Марии с сыном Иваном в начале 90-х годов XVII в. по ее просьбе «отказаны» поместье и вотчина ее мужа³. Суджанцам Ивану и Карпу Ельниковым по их просьбе в 1684 г. передано отцовское поместье⁴. Были случаи, когда отцовские владения отбирались у малолетних сирот посторонними лицами. Впоследствии сироты вступали в спор из-за наследства, и такие споры часто заканчивались в их пользу⁵.

Правительство весьма рано предприняло попытки установить на Слобожанщине неделимость поместных владений. Так, в грамоте хотмыжскому воеводе в 1658 г. запрещались разделы поместий в семьях⁶. Этим, по-видимому, оно рассчитывало заставить взрослых сыновей служилых людей поступать на службу, чтобы приобрести отдельные поместья. Судя по многочисленным сведениям об обращении совершеннолетних сыновей, братьев и племянников служилых людей с просьбой об испомещении их и об удовлетворении просьб челобитчиков, эта мера правительства являлась достаточно действенной. Правда, случались и другие решения по этому вопросу. Поместье чугуевского служилого человека П. Баркалова, умершего в 1688 г. и не имевшего сыновей, было разделено между другими наследниками: дочери Акулине «по уложению» отошло 5 четей и брату — 15 четей в поле⁷. Но такого деления поместий между наследниками придерживались не всегда. В с. Шубино, Чугуевского уезда, после смерти сына боярского Ф. Белевцова его брат взял пахотной земли 10 четей и сенокоса на 35 копен (3,5 дес.), дочь умершего — 10 четей и сенокоса на 25 копен (2,5 дес.).

Поземельные права русских служилых людей, названных однодворцами, сохранялись в прежнем виде и после их освобождения в 1711 г. от несения разных служб и обложения в 1719 г. подушной податью. В связи с рассмотрением правительством вопроса о законодательном определении землевладения однодворцев 5 июля 1730 г. Сенат представил «донесение» об этом царице Анне Ивановне. В «донесении» говорилось, что земля однодворцев должна оставаться им в наследство, а после их смерти делиться между детьми «по жеребьям против того, как наперед сего также разделы были». Земля умершего бездетного

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 397, лл. 13—14.

² А. А. Новосельский. Феодалное землевладение. В кн.: «Очерки истории СССР», XVII в., М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 143; К. А. Неволлин. Собрание сочинений, т. IV, Спб. 1858, стр. 201—210; «Указная книга Поместного приказа», М., 1889; ПСЗ, № 1, 117.

³ ХФЦГИА, ф. 147, док. 4.

⁴ Там же, ф. 353, стб. 54, л. 2.

⁵ Там же, стб. 78, л. 14.

⁶ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 397, лл. 207—209.

¹ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 135, док. 12.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 333, лл. 67—72.

³ Там же, стб. 1308, лл. 135—142, 188—205.

⁴ Там же, Поместный стол, стб. 137, лл. 189—198, 199—203.

⁵ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 61, док. 26.

⁶ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 607, л. 271.

⁷ Там же, Поместный стол, стб. 174, лл. 30—50.

переходила во владение близких родственников. Далее предлагалось, чтобы однодворцам «по силе прежних указов тех земель никому не продавать и не закладывать и в иски не отдавать»¹. Однако однодворцы, находясь на положении государственных крестьян, продолжали распоряжаться своими землями по собственному усмотрению.

Поместное право на землю украинских рядовых поселенцев на практике было таким же непостоянным и противоречивым, как и право однодворцев. В царских указах и грамотах права на земли определялись весьма неопределенно. В грамоте от 17 февраля 1682 г. харьковскому полковнику Г. Донцу предписывалось тем украинцам, которые придут на постоянное жительство и построят города в Спеваковке, на Пришибе, разрешить земли пахать, сенокосами и другими «всякими угоды владеть по отводу генерала и воеводы Косогова». В грамоте от 10 июня 1686 г. тому же полковнику вновь указывалось, что поселенцам предоставляется право землями и разными угодыми «владеть по-прежнему вечно». В «памяти» от 4 ноября 1686 г., присланной из Москвы харьковскому и изюмскому полковникам Григорию и Константину Донцам, сообщалось, что слободским казакам «владеть по-прежнему» землями по их «черкасским обычаям». Грамотой от 31 марта 1688 г. ахтырскому полковнику И. Перекрестову подтверждалось, что казакам разрешается землями и угодыми «владеть вечно и безоборочно»².

Такие подтверждения часто встречаются и в других царских грамотах конца XVII — начала XVIII в. Они свидетельствуют о том, что казаки, как и старшины, добивались превращения их земельных владений из поместных в наследственные. Вместе с тем многочисленность подобных грамот говорит также о частом их нарушении.

Украинские поселенцы, как и русские служилые люди, по своему «обычаю» свободно распоряжались своими землями и угодыми — продавали, меняли, передавали по наследству. Такое право при Петре II было временно узаконено. Дворяне Харьковского уезда в «наказе» для «Екатерининской комиссии» 1767 г. писали, что с начала заселения Слободских полков старшины и казаки «занимали себе разные угоды», и как тогда, так и по указу 1728 г., «всему тому недвижимому имению свободная продажа и всякими образы зделки происходили, и как казаки и подпомощники, кои ныне переименованы войсковыми обывателями, у помещиков. Так и помещики, у них недвижимые их имения друг у друга добровольно и покупали и другими свободными образы во владение получали, крепостей же на оные земли не имели, сколь за неучреждением в Слободских полках кре-

постных дел, паче же по-прежнему здешнему обыкновению». Начиная с 1734 г. отмечалось далее в «наказе», когда на Слобожанщине был введен порядок оформления крепостных актов на земельные приобретения, многие владельцы, приобретая землю у казаков и подпомощников, стали брать «купчие» и «крепости». Бывшая комиссия Слободских полков в это время запретила кому бы то ни было покупать землю у казаков и подпомощников. Спустя некоторое время разрешили покупку земли у казаков. В связи с записью многих подпомощников в казаки, последние также продавали свои земли. Все это вносило путаницу в оформление прав на земли. Слободско-украинские помещики добивались признания за ними приобретенных казацких земель¹.

Следует отметить, что поместные земли казаков (войсковых обывателей) и однодворцев находились в значительной мере в общинном землевладении.

На Украине, как и в России вообще, в XVII—XVIII вв. было много пережитков крестьянского общинного землевладения. В то же время укоренилось и личное землевладение. Эти традиции, естественно, переносились на Слобожанщину, где общинное землевладение нашло благоприятную почву. Постоянная опасность нападения врагов заставляла поселенцев не только строить остроги, защитные сооружения вокруг селений, пахотных полей и пастбищ, нести днем и ночью сторожевую службу, но и сообща выполнять многие виды хозяйственных работ. Царское правительство охотно поддерживало общинную традицию в своих целях.

Правительство жаловало земли украинским поселенцам и русским служилым людям на Слобожанщине большей частью на целые города и села. При постройке города определялся количественный состав его служилых людей (обычно 500—1000 чел.) и соответственно этому отводилась определенная площадь земли с обозначением количества четей для каждого служилого человека, как это было в Чугуеве, Валках, Вольном и других городах. Нередко землеустройство начиналось с наделения земли под целые уезды.

С заселением г. Суджи и окрестных сел в царской грамоте белгородскому воеводе в 1665 г. предписывалось отвести им земли от путивльских, рыльских и обоянских «диких» полей. Отведенные земли предлагалось «отмежевать и отграничить, и столбы поставить, и ямы выкопать, и уголья насыпать, и грани насыпать, и всякие признаки учинить»². Из отписки воеводы видно, что такое отмежевание земель было выполнено, а в следую-

¹ ЦГАДА, Госархив, Разряд XVI, д. 3, ч. 1, лл. 90—92.

² В. В. Гуров. Сборник судебных решений..., стр. 26, 27, 100—101.

¹ «Сборник РИО», т. 68, стр. 263—264, 311—312, 297—298.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 44—45.

щем, 1666 г., из Севска прибыли межевщики для отвода земли жителям отдельных поселений г. Суджи и уезда¹.

Этот порядок землеустройства осуществлялся в Миропольском², Харьковском³, Ахтырском⁴, Острогжском, Сумском и всех других уездах Слобожанщины. Помимо общих указаний на общинное владение земель, в архивных материалах сохранились более конкретные сведения. Приведем некоторые из них. При наделении земель поселенцев в г. Белополье в 1675 г. из Разрядного приказа предписано: «черкасам теми землями и всеми угодьями владеть всем вопче»⁵. Жителям г. Мирополя, говорилось в его описании 1671 г., предложено «всем вопче пашню пахать через десятину», пользоваться сообща сенокосами «по лугам и по дубравам меж поль и по речкам» и лесом «хоронным и дровяным во Псельском лугу и по иным речкам и по дубравам», отмежеванным к г. Мирополю⁶. В грамоте правительства белгородскому воеводе Б. П. Шереметьеву говорилось, что около г. Мирополя «учинились рыбные ловли, и теми рыбными ловлями» предписывалось «владеть того же города сотником казаком всем вопче»⁷. В выписи из межевой книги от 27 марта 1681 г. отмечено, что в городах и селах Лебедине, Бишкине, Азаке, Будилке, Селище, Пристайлове, Березке и Червлевом землями, лесами, сенокосами и другими угодьями жители владеют «вообще всем городом через межу»⁸. Автор «Экстракта о Слободских полках 1734 г.» также указывал, что казаки, подпомощники и другие жители Изюмского полка «владеют как сначала, так и поныне всяким угодьем по силе жалованных грамот в общество»⁹.

Приведенные сведения дают достаточно оснований утверждать, что правительство жаловало земли украинским поселенцам в основном в общинное владение. Таким же образом помещались и русские «приборные» служилые люди.

Условия пользования общинной землей и угодьями были разнообразными. Вот несколько характерных примеров.

Суджанцы И. Теренин «с товарищи» в 1686 г. обратились с челобитной в Разрядный приказ, чтобы «справить за ними и положить в четверти» земли, «занятые ими себе в поместье в прошлых годах, как строился город Суджа», в с. Скородное, а И. Теренину и А. Каменеву просили вновь дать поместья из

«примерка» к общему владению¹. В 1648 г. возник спор между хотмыжскими детьми боярскими Ф. Осетровым и В. Леоновым по поводу пользования поместной землей из общего владения. Спор закончился разделом, утвержденным царской грамотой от 25 апреля 1650 г.²

В «памяти», присланной из Разрядного приказа ольшанскому воеводе И. Сухотину по поводу челобитной местного жителя И. Нащенко о наделении его поместной землей, говорилось, что ольшанские «приборные» служилые люди пользовались индивидуально «определенными участками земли из общего владения»³. Когда служилые люди Прокофий и Андрей Белые помещались в с. Русская Лозовая, в грамоте указывалось, что пахотная земля дается им в личное поместное владение, «сенными покосы владеть им, Прокофию и Андрею села Лозового, с товарищи», т. е. с такими же, как и они, служилыми людьми, «вопче по жеребям»⁴.

Советский историк А. А. Новосельский, говоря о землевладении «приборных» людей, правильно отметил, что они получали землю не индивидуально, а целыми группами, в общей меже, как тогда говорили, «в ряд, вопче, в равенстве, через межу, в одних гранях и межах». Отсюда возникал крестьянский порядок землепользования. «Приборные» служилые люди делили отведенную им землю на клинья, загоны и покосы и внутри их распределяли между собой землю «в равенство», т. е. одинаковыми по качеству и размерам участками, как это делали крестьяне. Лес и выгон всегда оставались в общем владении и пользовании. Покосы делили «жеребком»⁵.

Изменения в казацко-крестьянском землевладении

Основная часть земель на Слобожанщине к 80-м годам XVII в. была занята украинскими поселенцами, а в некоторых местах Чугуевского и других уездов — русскими служилыми людьми. Лишь в пределах Изюмского полка, который сформировался уже в 80-х годах, оставались свободные земли, но и они к концу века были заняты. Наделы («грунты») украинских казаков-крестьян, как явствует из приведенных материалов, в большинстве случаев составляли 12 дес. Русские служилые люди низших разрядов — стрельцы, пушкари, воротники и затинщики, кузнецы и плотники имели по 10,5—13,5 дес. Привилегированные служилые люди — дети боярские — в большинстве имели по 30 дес. Все это являлось типичным для крестьянского земле-

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 823, лл. 73—74; стб. 580, лл. 235—236.

² «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 188.

³ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 18—20.

⁴ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 223, л. 7.

⁵ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 186.

⁶ «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 185—186.

⁷ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 154—155.

⁸ В. В. Гуров. Сборник судебных решений..., стр. 540.

⁹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 154.

¹ ЦГАДА, Поместный стол, стб. 143, лл. 33—48.

² АМГ, т. II, № 426.

³ Там же, № 483.

⁴ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 145.

⁵ «Очерки истории СССР, XVII в.», стр. 142.

владения XVII в. При экстенсивном ведении хозяйства такие размеры землевладения нельзя считать большими.

В архивных материалах нередко встречаются челобитные, в которых украинские казаки и русские служилые люди просят правительство добавить земли для удовлетворения минимальных жизненных потребностей. Украинские поселенцы г. Острогжска, например, писали, что отведенной им земли недостаточно даже для того, чтобы прокормиться и нести полковую службу. Они просили добавить им земли из «дикого» поля «по реке Тихой Сосне и промеж речек: Лубянок и по Кринице, и по Ржавцу, и по речке Марку, и по реке Черной Калитве, и по упалых речках». К сожалению, мы не знаем, какой ответ получили просители, но известно, что правительство иногда удовлетворяло такие просьбы. Хотмыжские дети боярские, например, по челобитной в 1649 г. получили «придачи» за устройство оборонительных укреплений¹.

Правительство предпочитало увеличению крестьянских наделов создание новых земельных владений на свободных территориях. Образовавшееся таким образом землевладение крестьянского типа не только не росло, а, наоборот, с конца XVII в. стало сокращаться. Нельзя не отметить, что в сокращении размеров казацко-крестьянских земельных владений определенную роль играл рост населения края.

Так, в направленной из Москвы в 1692 г. чугуевскому воеводе С. Неплюеву грамоте по поводу челобитной полкового казака И. Фурсова «с товарищи» говорится, что в чугуевской «строельной книге» Я. Волконского в 1674 г. за челобитчиками записаны «поместные земли из «дикого» поля — под городом по 5 четей и в дальних полях за р. Бабка — по 15 четей (30 дес.). Спустя несколько лет часть казаков переселилась на дальние земли, оставив подгородные участки чугуевцам; другая часть казаков не покинула города, но пользовалась и дальними землями. Между тем, возле этих дальних участков чугуевцев появились «многие села и деревни печенежских черкас дворов с 700 да Салтовского уезду детей боярских села Молодовое дворов 30 да чугуевцев детей боярских дворов с 40 и больше». Поэтому свободной земли здесь оставалось мало. Челобитчики просили, чтобы царь «не велел бы казакам, которые живут в городе, их дальним казачьим полем на речке Бабке с санными покосами владеть, потому что они подгородней их землею и санными покосами не владеют». В результате разбора дела правительство удовлетворило просьбу челобитчиков².

О дроблении землевладения служилых людей еще более

ясно говорится в челобитной жителей с. Бабаи. В 1688 г. они жаловались, что из их поместий (размером по 20 четей) берут на службу по 2—3, а иногда и по 4 чел. А «иные наши братья, — писали челобитчики, — после дач им разборов многие живут врозне, а служат с одних дач, а полуосминной хлеб платим все безобходно с дворов и с дымов, также и всякия подати даем и тягла платим и подводы возим со всех служб и теми поместными малыми дачами нам холопом вашим многими своими службами и самими прокормиться невмочь и прожить нечем»¹. Рейтар Кутепов и солдат В. Якличев — жители Недригайлова — несли службу с одного двора. Поэтому они просили разрешения по очереди принимать участие в Крымском походе 1689 г.

Большие изменения в землевладении украинских и русских слобожан были связаны не столько с ростом населения, сколько с социально-экономическим развитием края и вовлечением земледелия в товарно-денежные отношения, в общее экономическое развитие страны. Земля на Слобожанщине приобретала все большую ценность, она стала объектом купли-продажи, обмена, скрытых и явных захватов и т. п. При этом многие мелкие землевладельцы и даже целые общины становились жертвой крепостников-феодалов, попадали в крепостную зависимость или, в лучшем случае, разоренные уходили на Дон, в Новороссийский край и другие места. Особенно быстро росло землевладение украинских казацких старшин и привилегированных лиц из среды русских служилых людей, о чем подробно будет говориться дальше.

Прежде всего рассмотрим те изменения, которые происходили внутри казацко-крестьянского и однодворческого землевладения.

Как уже отмечалось, украинские поселенцы и русские «приборные» служилые люди получали землю в общинное владение с правом индивидуального пользования определенным наделом. Но, видимо, не все члены общины пользовались своими наделами. Более зажиточные из них распаивали земли больше, бедные меньше. «А владеют как сначала, так и по ныне, — говорится в «Экстракте о Слободских полках 1734 г.», — всяким угодем по силе жалованных грамот в общество, хто что себе распашет по своей заимке через между»².

В общинном землевладении слобожан происходили выделение и рост личных наделов. Возникновение личного землевладения часто было связано с испомещением казаков или других служилых людей.

Житель г. Ольшанска, Острогжского полка, украинец И. На-

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 877, лл. 142—150.

² ХФЦГИА, ф. 353, стб. 27, док. 1, 5, 6, 8.

¹ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 94—95.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 154.

шенко в 1652 г. обратился к царю с просьбой дать ему поместье. Он жил среди русских служилых людей и пользовался небольшим участком земли общинного владения. Челобитчик просил пожаловать его поместьем сосланного «черкашенина» Л. Лобачкова. В «памяти» от 26 декабря из Разрядного приказа ольшанскому воеводе И. Сухотину было предложено отдать челобитчику поместье¹. В том же году другой ольшанский житель И. Батурин жаловался царю, что острогожские украинцы отнимают пожалованную ему поместную землю, и просил охранную грамоту. Царь в грамоте от 15 ноября «велел ему владеть своею поместною землею и всякими угодьями, что ему дано»².

Миропольский житель казак И. Безрученко, говорится в описании Мирополья 1671 г., получил в личное владение «дикого поля на пашню 15 четей, да сенные покосы на р. Криничной на 500 копен». Его родственник Б. Подсененко наделен 10 четями пашенного поля и 10 дес. сенокоса. Лес «хоромный и дровяной не выделен, а разрешено им «сечь в миропольских межах и урочищах вопче с миропольскими жителями»³. Хотмыжскому сыну боярскому И. Харинovu отведено поместье в «диком поле» Хотмыжского уезда. Таких сведений немало в архивных документах.

Есть указания на то, что многие из рядовых людей создавали личные владения путем «заимок» или прямых захватов вольных или общинных земель и угодий. Из жалобы лебединцев на гадячского полковника М. Васильева в 1681 г. видно, что у многих жителей этого города сенокосы находились в личном владении, они были устроены на вольной земле⁴. Лебединский житель Ю. Тимофеев, владевший участком леса на р. Псел, окопал его ровом⁵. Автор «Экстракта» 1734 г. указывал, что много казаков и русских служилых людей, обладавших личными поместными землями, было в Сумском полку⁶.

В Мурафе ахтырский однодворец П. Борисов имел во владении левяду, огород, сад и «пахотной земли немало»⁷. Чугуевский казак Крупинин в 1658 г. захватил поместье детей боярских Белцевовых⁸. Казак И. Безрученко к своей «даче» присоединил значительную часть земель и угодий миропольцев по так называемой «заимке», «на той земле завел по своему черкасскому обыкновению собою всякие угодья и призвал свободных людей черкасския породы». После смерти И. Безрученко в 1681 г. владение перешло к его вдове Агафье и сыновьям Авраму, Матвею

и Ивану. Агафья оказалась предприимчивой владелицей: она заняла ряд новых участков земли и угодий, принадлежавших общинному владению миропольцев. Накопив средства на эксплуатации зависимых крестьян, вдова построила в Мирополье Успенскую церковь и в ней «поставила» священниками своих сыновей Матвея и Ивана. Землевладение Безрученко увеличилось еще больше, когда престарелый родственник Б. Подсененко отписал им свою «дачу».

Обогащение семьи Безрученко ложилось тяжелым бременем на миропольских казаков, оно затрагивало интересы и старшин. В 1693 г. местный сотник К. Марков и казаки обратились к правительству с жалобой на то, что священники Матвей и Иван Безрученко завладели «города Мирополья грацкими общими землями и лесами и рыбными ловлями и всякими угодьями на речках Рибници, Криничной и Зачерствии», их, миропольцев, «бьют и грабят». Челобитчики просили, чтобы владения семьи Безрученко обмерили и оставили ей лишь землю, пожалованную казаку И. Безрученко, а излишки вместе с «дачей» Б. Подсененко возвратили городу. Челобитчики подчеркивали, что Б. Подсененко не имел права отдавать свою «дачу» священникам, ибо она принадлежала общинным землям.

Агафья Безрученко повернула дело так: по «поступке» третьего сына Аврама, за которым числились земли, она записала владение Безрученко на своего внука Ивана Ивановича и обратилась к правительству с просьбой проверить его владение и оградить от претензий миропольцев.

Правительство стало на сторону семьи Безрученко. В грамоте, таким образом, определялось владение наследников умершего казака И. Безрученко: старой «дачи» поместье 22,5 дес. земли с сенными покосами и со всеми угодьями, поместье 15 дес. земли с сенными покосами и другими угодьями, «поступное» от Б. Подсененко, «заимка» Иваном земли около р. Псел 167 дес., сенокоса на 250 копен (25 дес.), леса за Пслом 36 дес., на горе леса 5 дес., леса за р. Удовая 10 дес. Всего земли с сенокосом 229,5 дес. и леса 51 дес., «чем владел дед его Иван Безрученко, владеть ему ж, Ивану, с бабкою своею, со вдовою Агафьею, вместе по-прежнему».

Сохранились и другие типичные примеры того, как поместные владения самовольно превращались в наследственную собственность.

В ведомость о землях Мерефянской сотни указывается, что около 1680 г. за р. Мжа казак С. Дьяченко занял буерак с пахотной землей. Позже это владение он продал некоему Е. Воробьеву, который устроил здесь хутор. Сам Воробьев во время составления ведомости (в 1749 г.) владел в Мерефе

¹ АМГ, т. II, № 483.

² Там же, № 482.

³ «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 187.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 106.

⁵ В. В. Гуров. Сборник судебных решений..., стр. 540.

⁶ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 153.

⁷ ХФЦГИА, ф. 31, д. 233, л. 54.

⁸ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 397, лл. 195—206.

жилым двором, пахотной и непахотной землей, сенокосами и другими угодьями в полковых «дачах»¹.

Другой казак В. Сидоря, говорится в ведомости 1749 г., в давнее время занял на полковых «дачах» угодья: пахотную и непахотную землю 10 нив, сенокосные луга, яблоневый сад и пасечное место. На р. Мжа он соорудил мельницу и построил хутор. Сыновья В. Сидори продали это владение местным казакам Ивану и Степану Гнипам. В той же ведомости рассказывается, что казак Мерефянской сотни Гузь «в древних годах» построил плотину и мельницу на полковых «дачах» у р. Мжа. В начале XVIII в. Гузь продал это владение И. Захаржевскому. Еще один факт: казак Олешко около 1729 г. занял на полковых «дачах» поле и буерак «за речкою Можью» и устроил там хутор. Через 10 лет при неизвестных обстоятельствах эти угодья перешли во владение мерефянца Анастратова, который продал их харьковскому городничему Голуховичу. Последний перепродал эту землю мерефянскому жителю А. Лукашеву. Новый владелец расширил хутор, захватив вокруг него значительную площадь пахотной и непахотной полковой земли, и владел, как замечает составитель ведомости, «без всяких крепостей землю по смерти свою». Вдова А. Лукашева в 1747 г. все захваченные общинные земли продала в личную собственность местному подпрапорному Г. Рожневу².

Некоторые разбогатевшие казаки, однодворцы и другие крестьяне, приобретали земли кабальным путем. Так, сын боярский Е. Рыжий дал займы деньги солдату И. Бочарову под залог поместья. После окончания условного срока солдат не смог расплатиться, и тогда Е. Рыжий в 1685 г. обратился к властям с просьбой оставить за ним заложенное имение³. Аналогичных случаев было немало, они заканчивались обычно переходом заложенных владений в собственность заимодавцев.

Большие изменения в землевладении казацко-крестьянских масс, в особенности в XVIII в., происходили в связи с ростом товарно-денежных отношений, продажи и купли земли, о чем будет сказано позже.

Приведенные выше сведения не являются полными, вместе с тем они определенным образом свидетельствуют о том, что в земельном фонде слободско-украинского казачества с конца XVII в. происходили заметные изменения: росло личное землевладение незначительной группы казаков-крестьян, вместе с тем этот общий фонд сокращался вследствие сосредоточения земель в руках старшин-помещиков.

Рост старшинско-помещичьего землевладения

В. И. Ленин, разоблачая буржуазно-дворянских публицистов, лстыиво называвших политику царей и службу дворян «бескорыстной службой народу», указывал: «Раздача поместий, пожалование населенных имений, т. е. подарки тысяч десятин земли и тысяч крепостных душ, образование класса крупных землевладельцев, имеющих сотни, тысячи и десятки тысяч десятин земли и доводящих миллионы крестьян своей эксплуатацией до полной нищеты,— вот проявления этого бескорыстия»¹. История помещичьего землевладения на Слобожанщине, как и во всей стране, убедительнейшим образом подтверждает правоту ленинских слов.

Украинские старшины, прибывавшие с массой переселенцев на Слобожанщину, получали от русского правительства земельное жалованье, которое вначале было невелико и давалось в поместное владение. Как уже отмечалось, старшины, поселившиеся в 1652 г. в Острогжске, были пожалованы землями наравне со всеми переселенцами: полковнику И. Дзиковскому «30 четей в поле, а в дву по тому ж» (45 дес.), обозному, писарю, сотникам и есаулам по 22,5 дес., подпрапорным (знаменщикам) и священникам по 18 дес., а рядовым казакам по 12 дес. на человека². Такие поместья давались старшинам в Сумах, Ахтырке, Харькове и в других местах.

Пожалование небольших поместий старшинам на Слобожанщине не было случайным. Оно вытекало из политики правительства в 30—70-х годах XVII в., направленной на обеспечение заселения «дикого поля» казацко-крестьянским населением, как наиболее реальной силой в борьбе против нападений татар, и хозяйственное освоение местных естественных богатств в интересах дворянского государства. В связи с этим правительство распространило на Слобожанщину указ 1637 г., запрещавший «московским чинам» приобретать земли в «украинных и полевых» городах³, что по существу означало ограничение распространения здесь крупного феодального землевладения.

Когда же местное население достаточно выросло, а порубежное положение государства упрочилось, царское правительство сменило политику ограничения на политику содействия росту крупного феодального землевладения на Слобожанщине. Поддерживая украинских старшин, правительство начало щедро раздавать им земли и предоставило право полковникам Слободских полков распоряжаться полковыми землями, являвшимися, в сущности, общинными владениями. В отказной грамоте Куряжскому монастырю харьковский полковник Г. Донец писал:

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 379.

² «Воссоединение Украины с Россией», т. III, № 187.

³ Указная книга Поместного приказа, стр. 121—122.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 297.

² Там же, т. I, стр. 293, 294, 295.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1064, лл. 409—431.

«По указу... царя Алексея Михайловича... нам дана власть раздавать всякие вольные грунты и пасечные угодья всяким людям для жительства»¹. Пользуясь этим правом до 30-х годов XVIII в., полковники занимали сами, раздавали во владение старшинам и монастырям пахотные земли, сенокосы, леса и другие угодья. Правительство широко поддерживало и узаконивало инициативу старшин-помещиков в приобретении земель путем разных сделок, включая и захваты.

Украинские казацкие старшины, как и русские помещики, приобретенные свободные земли заселяли крестьянами, прибывшими из Поднепровья или оставившими казацкую службу в Слободских полках.

Между владельцем земли и крестьянами устанавливались крепостнические производственные отношения. В. И. Ленин указывал: «...помещик давал крестьянину землю, лес для постройки, вообще средства производства (иногда и прямо жизненные средства) для каждого отдельного двора, и, предоставляя крестьянину самому добывать себе пропитание, заставлял *все прибавочное время* работать на себя, на барщине»². Хотя крестьянин при этом получал средства производства как будто для самостоятельного своего хозяйства, на деле, подчеркивал В. И. Ленин, такой «самостоятельности» не было. «Надел», которым «обеспечивал» крестьянина помещик, служил не более как *натуральной заработной платой*, служил всецело и исключительно для эксплуатации крестьянина помещиком, для «обеспечения» помещику рабочих рук, никогда для действительного обеспечения самого крестьянина»³.

Землевладение Ерофея Донца, родоначальника первых харьковских и изюмских полковников, началось с незначительного поместного жалования «для службы». Оно заметно стало расти в руках его сына харьковского полковника Г. Донца. Русские служилые люди с. Бабаи в 1688 г. жаловались правительству, что без их ведома полковник Г. Донец захватил часть земли в их «писцовых дачах», объясняя свои действия тем, якобы эта земля оставлена 5 бежавшими служилыми людьми. Здесь, на р. Уды, он построил мельницы, завел рыбные ловли, пасеки и хутора, заселил с. Березовое. Как явствует из выписи 1672 г., он пользовался занятыми землями как поместными, а сенокосными «вопче» — совместно с бабаевцами.

Не удовлетворившись этим, Г. Донец в 1686 г. добился от правительства «межевания» земель с. Бабаи, в результате чего были выявлены «излишки» в урочищах Березового, Кременного и Людного Колодезей, «в той округе распашной земли 1100 де-

сятин... санных покосов по дубравам и по вершинам 206 десятин». В ответ жители села написали жалобу в Разрядный приказ, на которую, однако, никто не обратил внимания; захваченная у них земля была утверждена царской грамотой как владение семейства Донцов¹.

Таким же образом действовал сын Г. Донца — Константин. В 1686 г. К. Донец обратился к царскому правительству с просьбой пожаловать ему за службу землю из поместий жителей с. Боровое по «поступке» змиевского сотника С. Дьякова 90 дес., «дикого» поля 75 дес. и бывших «воров» С. Халина «с товарищи» (4 чел.) 120 дес., всего 285 дес., и сенокоса 18 дес. «со всеми угодьями». Правительство пожаловало просимые земли К. Донцу, выдав ему соответствующую грамоту, и приказало местному воеводе отмежевать эти земли и угодья.

Дети боярские, жители с. Боровое М. Ватутин «с товарищи», обратились к правительству с жалобой в 1690 г. Они писали, что сотник С. Дьяков отдал К. Донцу по «поступке» 60 дес. не из своего владения, а занятую им землю, ранее принадлежавшую 3 змиевцам — беглым крестьянам М. Толпыгину «с товарищи», и что у них нет «порозжей» земли. Они просили, чтобы в Боровое прислали межевщика, который бы «по стрелецким книгам» воеводы И. Ржевского 1657 г. земли их перемерил, из расчета 30 дес. на человека, а из остальной земли намерил их детям, и братьям, и племянникам, которые «в службу поспели». И если после этого будет свободная земля, намерить из нее С. Дьякову, который «поступился» К. Донцу². Правительство просьбы детей боярских не поддержало, оставив землю во владении К. Донца.

Г. Донец и его сын Константин в 70—80-х годах XVII в. присвоили большие участки земли вблизи Харькова и заселили закрепощенными людьми села Основу, Даниловку, Черкасское (Знаменское), Кременное, Борки, Рогозянку, Старую и Новую Водолагу, Коротич, Жихорь и Гиевку³.

Об открытых и скрытых захватах земель, проводившихся Донцами путем разных сделок, сообщает составитель ведомости о землях Мерефянской сотни в 1749 г. Г. Донец захватил большой участок полковой земли в 1699 г. и заселил на ней с. Ракитное. «Владел он, полковник, тем селом и всякими тамошними занятыми вольными казацкими угодия, яко то пахотною землею, санными покосы и дубровою около того сельца на полверсты». В то же время Г. Донец по фиктивной купчей, составленной с Г. Кривошиным и другими меревяньскими казаками, занял «близ крымских границ», в 6 верстах от Мерефы, лес и пасечные

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 106.

² ХФЦГИА, ф. 353, стб. 152, док. 2.

³ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 129, 103—106, 151, 154, 309, 319; отд. V, стр. 169; Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 289—298.

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. I, стр. 54.

² В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 469.

³ Там же.

места, которыми до этого владели служилые люди Полтавского полка. Он «расчистил оные леса своим коштом» и распахал земли.

Семейства Донцов и Захаржевских, связанные брачными узами, на рубеже XVII—XVIII вв. значительно расширили свои владения: захватили земли мерепянского казака Прядки и заселили на ней с. Каравань; в «дачах» Соколовской сотни присвоили пастбища 62 дес., сенокоса 100 дес. и леса 780 дес.; участок леса около 6 дес. в Салтовской сотне; купили за «малую цену» у внучки И. Сирко Евдокии Сербиной мерепянскую мельничную плотину и большую сенокосную «луку»¹; путем фиктивного обмена с харьковскими служилыми людьми Г. Литвинцовым «с товарищи» в 1699 г. приобрели землю в Змиевском уезде; в следующем году заселили на захваченной полковой земле с. Должик².

Основная часть земель этих семей перешла к зятю Федора Донец-Захаржевского князю Я. Н. Кропоткину, который расширял свои владения такими же методами. По сведениям хорошевского сотника Г. Буцкого, сообщенным в 1763 г. в Харьковскую полковую канцелярию, Я. Кропоткин «в давние годы» захватил в разных местах сотенных «дач», пахотной земли и сенокосов около 220 дес., из них 98 дес. сенокосов забрал «безденежно» у 13 казаков, их свойственников и подпомощников³. Согласно сведениям дергачевских сотников 1-й сотни Ф. Квитки и 2-й — И. Квитки князь захватил мелкие участки земли у 53 дергачевских жителей, создав себе владение в 1600 дес.⁴.

Золочевский сотник П. Ковалевский писал в 1749 г., что Я. Кропоткин «жалованной золочевской сотни казачей земли, сенных покосов и лесов немалое число насильством своим отнял» и на этих землях золочевским казакам и подпомощникам в течение многих лет «чинил немалые грабительства и побои». Князь захватил около р. Рогозянка земли, сенокосов и леса около 3500 дес. и заселил здесь д. Цаповка. Далее он стал владельцем х. Туровский «и к тому хутору немалое число земли жалованной золочевских казаков завладел».

Случалось, что Я. Кропоткин приобретал земли путем покупки. Так, в 1736 г. он купил двор, плотину и землю у мерепянского казака И. Гнипа, на этой земле в следующем году заселил сл. Гниповка и построил стекольный «завод». После смерти Я. Кропоткина, отмечал составитель ведомости Золочевской сотни, его преемник «также грабительства и побои чинит

золочевским обывателям и до их пожалованных земель и прочих угодьев ко владению не допускает»¹.

В 40-х годах XVIII в. большая часть владений Кропоткиных перешла в руки овдовевшей Прасковьи Кропоткиной, которая впоследствии вышла замуж за бригадира Спичинского. П. Спичинская продолжала расширять свои владения. В 1740 г. она захватила в Огульчанской сотне 1040 дес. леса, в 1754 и 1757 гг. в песочинских «дачах» Пересечанской сотни 8 дес. сенокоса, 156 дес. земли и 5616 дес. леса, в Люботинских «дачах» 1560 дес. леса, а также 35 дес. сенокоса у хорошевских казаков. В 1763 г. семейство Кропоткиных имело земли в Рогозянке 3432 дес., в Жихоре, Бабах, Ржеве и Боровеньках 2673 дес., в Долгино и Мироновке 1560 дес., в Ефремовке 800 дес., в Каравани 1560 дес., в Кейтовке 260 дес., в Должике, Цаповке и Журавном 3952 дес., в Песочине и Люботине 7357 дес. и в Харьковских сотнях 37 856 дес. Всего 59 450 дес.². Сведения эти неполны, так как в документах есть указания на владения Кропоткиных в с. Черемушное и в других местах без обозначения количества десятин земли.

Семья слободских помещиков Квиток, в прошлом казацких старшин, также начала свое землевладение с небольшого поместного жалования в середине XVII в. Особенно быстро их владения стали расти с первой четверти XVIII в.

Григорий Семенович Квитка, харьковский полковник, захватил много участков общинной, или так называемой полковой, земли. В «Ведомости о землях Мерепянской сотни» 1749 г. говорится об одном из таких захватов земли будущего с. Гуляй-Поле. Здесь были хутора с пахотными землями, сенокосами, садами и другими угодьями, принадлежавшими казакам М. Григоренко, Т. Тимченко, Я. Пащенко, Т. Денисенко «с товарищи». «И то они, казаки, владели тими полковыми угодии, которые ными заняты еще в древле з вольных дач около того урочища Гуляй Поля верст на четыре» (более 400 дес.). Г. Квитка эти хутора «свел», а землю забрал себе. У казаков В. Сидоренко, Г. Белокура, Г. Богуна, С. Помиляйко «с товарищи» он «выменял» угодья на земли в с. Островерховка. На «приобретенной» таким образом земле Г. Квитка в 1710 г. поселил с. Гуляй-Поле³.

В 20-х годах XVIII в. Г. Квитка занял полковую землю в урочище долины Дегтярной, поселил здесь д. Дегтярная и «поля золочевские с сенокосами немалое число» завладел. На захваченных землях в урочищах Недоводеevo, Гречаное, Бержицкие буераки он поселил д. Рипаловка (Сосновочка). Далее

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 314, 315, 297; ХФЦГИА, ф. 31, д. 233, л. 51; д. 632, лл. 51, 70—71.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1653, лл. 207—213, 222.

³ ХФЦГИА, ф. 31, д. 632, лл. 61—62.

⁴ Там же, лл. 76—78, 85, 88, 90.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 293, 311.

² ХФЦГИА, ф. 31, д. 632, лл. 17, 67; «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 258—259.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 292; ХФЦГИА, ф. 31, д. 632, лл. 88, 90.

он прибрал к своим рукам около 400 дес. пахотной и сенокосной земли и около 160 дес. леса в «дачах» Циркуновской сотни. Г. Квитка завладел землями д. Верещаковка и закрепостил живших там казаков. Сотник 2-й Харьковской сотни Г. Мосцовой в мае 1763 г. писал в Харьковскую полковую канцелярию, что «состоящая близ города Харькова деревня Верещаковка... находилась в ведомстве оной второй сотни и живущие в оной деревне Верещаковке обыватели вряд с прочими» несли казачью службу¹.

Сыновья Г. Квитки следовали примеру отца. В ведомости о землях Золочевской сотни говорится, например, что Роман Квитка в 20-х годах XVIII в. захватил «казацких земель, сенных покосов и прочих угодиев немалое число» и поселил на них села Ореховку, Нехотеевку и Одноробовку (Романовку). В это же время Р. Квитка приобрел по «поступке» землю в Мерефянской сотне у казака Т. Ляховца, занявшего ее «с вольных полковых дач». Здесь Р. Квитка поселил д. Свяченое, а затем «к той деревне завладел насилем с мерефянских дач пахотного и непахотного поля и сенных покосов, лесов и протчих угодий казацких». В с. Синолицовка Квитка купил «насилу» у казацкого свойственника сенокоса 20 дес.²

Алексей Квитка, дергачевский сотник, занял большой участок земли золочевцев и заселил на ней д. Дуванка. Затем, желая прикрыть этот захват, он около 1729 г. «купил» у «золочевских обывателей» участок земли, смежный со своим владением. Роман и Алексей Квитки в 1722 г. и в последующие годы приобрели «покупками» земли около с. Песочин, Люботинской сотни, около м. Дергачи и в других местах Харьковского полка. Около 1729 г. Иван Квитка приобрел д. Аксютовка, он купил дворы и земли у казаков и их подпомощников А. Филоненко, П. Духовенко, С. Каркача, Г. Подленко и Т. Тищенко. Кроме того, он «завладел казацких всяких угодий яко-то жилих же в той деревне» пахотной и непахотной земли, сенокосов, леса и других угодий «в разных урочищах немалое число», оставшихся жить в селе казаков Л. Ничипоренко, Л. Горбана, их свойственников и подпомощников «крайне стеснил».

Скрывая свои вымогательства, Р. Квитка иногда оформлял сделки на других лиц. 12 января 1714 г. в Золочевской ратуше местный голова А. Иванов и казаки Г. Тендетник, П. Хоружий, К. Таран и И. Литвин «с товарищи» составили «поручное письмо» о том, что «добровольно» уступают золочевскому сотнику А. Голуховичу двор, 2 луга, пахотное и непахотное поле и лес золочевского казака П. Сосновского, который оставил

свою службу и ушел в слободу. «Письмо» заканчивается такими словами: «и что в сей купчей написано, владеть Роману Григорьевичу Квитке, хоружему полку Харьковского, в чем я, вышеписанный сотник золочевский Андрей Голухович, власною рукою подписался»¹.

Об этом же свидетельствует и другой факт. В 1723 г. Р. Квитка получил «поступное письмо» от казаков Золочевской сотни на хутор в «дачах» Босовой долины, в котором говорилось, что все жители Золочева «поступились» золочевскому сотнику Р. Квитке «и детям его и свойственникам в своих золочевских дачах зовомой Босовой долины хутор, лес, пахотные и непахотные поля, сенокосы, которыми владеть вечно и безповоротно»². Все выглядело так, будто золочевцы добровольно отдали «излишки» своих земель. На самом деле взятая у золочевцев земля не являлась излишней, и они не были намерены кому-либо ее отдавать. В 1748 г. золочевцы жаловались царице Елизавете, что в прошлые годы в г. Золочеве было до 1040 казаков, теперь же в Золочеве осталось менее 50 казаков и земли вокруг города осталось немного.

Липецкий сотник И. Черняк, владея пожалованной землей в своей сотне, имел также х. Груниновский в урочище Васильцевой долины Золочевской сотни. Затем он купил у валковского сотника В. Чиженкина участок земли и мельницу по р. Мжа, где поселил 10 дворов крепостных. В 1716 г. И. Черняк купил у вдовы Г. Донца с. Ракитное, Мерефянской сотни, и добился от полковой канцелярии отвода ему смежных казацких земель. Во время переписи 1732 г. в его владении было около 1800 дес. земли в Тишках, Липцах и Ракитном³.

Вдова И. Черняка вступила в брак с выходцем из Валахии М. Куликовским, который продолжал расширять эти владения. В 1746 г. он захватил казацкие пахотные и непахотные земли, сенокосы и другие угодья, смежные с его землями. На р. Жгун он занял мельничную плотину с угодьями мерефянского казака К. Назаренко «с товарищи» и устроил при мельнице хутор для скота. М. Куликовский завладел угодьями по этой речке общей площадью около 4 тыс. дес. и «этим своим насильным завладением полковой земли приключил Мерефянской сотне казаком напрасное утеснение и обиды». Его брат Юрий в 1745 г. захватил 180 дес. пахотной земли и сенокосов около Свинарного буерака у Проворотной долины в «дачах» Соколовской сотни, а в следующем году — 52 дес. полковых «дач» в урочище вершины Виловки, яблоневый сад и лесные угодья — всего

¹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 632, л. 62; Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 211, 214, 292, 311.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 200.

³ Там же, стр. 208, 209, 291, 301, 313.

¹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 632, лл. 22, 25—26, 85—86.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 293—294; ХФЦГИА, ф. 31, д. 632, л. 35.

около 400 дес. соколовского казака И. Иваненко. Кроме того, он купил несколько участков земли с сенокосными и лесными угодьями в 1746—1749 гг. у И. Грещенко, Г. Юхименко, К. Жаботинского. Подпомощник Х. Норец продал свою землю Ю. Куликовскому и записался к нему в «подданные»¹.

Показателен рост землевладения П. Бульского. Из рядовых казаков он стал подпрапорным Харьковского полка, затем сотником Мерефянской сотни, капитаном регулярной роты и, наконец, полковником ландмилицкого полка. Будучи еще подпрапорным, в 20-х годах XVIII в. к своему небольшому пожалованному владению в меревфянских «дачах» он прикупил у разных лиц 7 крестьянских дворов с землей. Затем приобрел мельницу у И. Захаржевского, прихватив смежную полковую землю, и заселил на ней сл. Гузенка. Вслед за этим, в 1729 г., он заселил на полковой земле сл. Григоровка, позже купил земли у островерховского казака В. Пашенко «с товарищи» и в 1737 г. с разрешения правительства заселил сл. Тросное². По сведениям меревфянского сотника А. Щербины, сообщенным в полковую канцелярию в 1763 г., П. Бульский и его жена захватили у жителей с. Островерховка 14 небольших участков земли по 200—300 и больше ступеней. Если считать в одной ступени (шаге) третью часть сажени, то в захваченных участках земли насчитывалось около 70 дес. Кроме того, в сл. Камаловка, в соколовских «дачах» и в других местах Бульские захватили 2100 дес. пахотной и сенокосной земли³.

Много казацких земель присвоило семейство Шидловских. Федор Владимирович Шидловский стал выделяться богатством в среде старшин с 90-х годов XVII в. О поместье его, пожалованном «для службы», сведений нет. Известно, что Ф. Шидловский в 1691 г. получил по «поступке» от своего тестя Г. Донца с. Двуречное с землей, лесом, сенокосами и другими угодьями, «что поступил к нему он, Григорий, за дочерью своею приданое, а в нем пашни 40 четей (60 дес.) да на речке Ольшанке две отхожие мельницы со всяким мельничным заводом». Это владение он вскоре расширил. Путем вымогательства Ф. Шидловский добился в 1694 г. и в 1698 г. от Ф. Селитерника «поступки» 37,5 дес. земли в Ольшанском уезде, между речками Мокрый и Сухой Мерчик. Затем он получил от правительства согласие на то, чтобы в тех же «дачах» из земель ольшанских и валковских жителей ему было «примерено» земли 650 четей (975 дес.) с разрешением «лес селидобной и дровяной сечь в ольшанском и люботинском лесу».

Используя полковничье положение, Ф. Шидловский приобрел

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 291, 315.

² Там же, стр. 282, 290—291, 294, 296.

³ ХФЦГИА, ф. 31, д. 632, лл. 54, 88, 89.

у харьковчанина Ф. Осипова, люботинцев В. Логвиненко, И. Капустяненко и ольшанца В. Топчиенко по «уступке» 2 пасечных места в Ольшанском лесу, 50 дес. «дикого» поля и 30 дес. сенокоса, где заселил своими крепостными с. Всесвятское. Он добился от каменных, двуречанских, купянских и бурлукских жителей «отказа» земли в верховье р. Двуречная вблизи Колодезных буераков (1290 дес.), сенокоса от верховья р. Двуречная по обе ее стороны до Городищанского «изрога» (90 дес.) и лесных угодий в тех же урочищах (600 дес.); у сеньковских жителей он забрал путем «поступки» 180 дес. пахотной земли и 20 дес. сенокоса¹.

По купчей 31 апреля 1694 г. Ф. Шидловский приобрел у харьковских жителей казаков Павла и Ивана Крамаровых их «отцовские грунты»: мельницу на Ольховом Колодезе с постройками и рыбным прудом, огороды, сады. В 1695, 1696 и 1697 гг. он купил у Ф. Шляхтичева пруд с греблей на том же Ольховом Колодезе; у И. Зенковского — поле пахотное, сенокос и пасеку с садом в урочище Надолоб; у Ф. Дегтяря — сенокосный луг и поле на р. Лопань; у В. Соляника и Р. Торского — сенокосные луга по этой же речке; у Ивана и Федора Меняйленко «с товарищи» — пахотную и непахотную землю со всякими угодьями в 4 верстах от Харькова². Будучи изюмским полковником, Ф. Шидловский занял 3195 дес. пахотной и сенокосной земли и леса по р. Красная.

Правда, этому вельможе «не повезло», Петр I разжаловал его по службе и большую часть имущества роздал другим крепостникам, часть владений перешла племянникам Лаврентию и Василию Шидловским.

Лаврентий и Василий Шидловские не только унаследовали часть владений своего дяди, но по его примеру продолжали их увеличивать. Харьковский полковник М. Куликовский писал адмиралу Апраксину в сентябре 1712 г., что харьковские старшины, «льстя» Л. Шидловскому, когда он был полковником, отдали ему х. Песчаный с буераками, землями, «немалыми» сенокосами и другими угодьями, «учиня сделку, будто продали». Тот же Куликовский писал, что с. Коротич, находившееся в 1692 г. во владении ахтырского полковника Ф. Осипова, около 1702 г. «неведомо по какому указу» перешло во владение Л. Шидловского³. Последний в 1717 г. купил у И. Донца-Захар-

¹ Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских в Слободской Украине 1696—1727 гг., собранные и изданные С. И. Шидловским. Спб., 1896, стр. 17—18.

² В. В. Гуров. Сборник судебных решений..., стр. 549—550.

³ Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских..., стр. 191, 207.

жевского сл. Кременное в 6 верстах от Мерефы и забрал за долги наследственную землю у чугуевцев Ивана и Федора Долговых¹.

Путем разных сделок Л. Шидловский приобрел землю в Ольшанской сотне и поселил в 1722 г. сл. Кременная, а на земле Бишкинской сотни в 1731 г.— сл. Богуславская. Полковница Шидловская прибрала к рукам сенокосный луг на 3 кв. версты (312 дес.), принадлежавший перекопскому казаку В. Полтавцу. Роман Лаврентьевич Шидловский в 1740 г. присвоил значительный участок полковой земли по р. Мерчик и заселил на ней своими крепостными сл. Новый Мерчик, затем к той слободке присоединил казачьи земли от «первого Мерчика до второго Сухого Мерчика» на 5 верст (520 дес.)². В 1733 г. он захватил в Огульчанской сотне у Е. Волошина 70 ступеней земли, а в 1747 г. у казаков, свойственников и подпомощников около 160 дес.³.

В ведомостях, поданных из сотенных канцелярий в Харьковскую полковую канцелярию в 1763 г., указывалось, что Р. Шидловский в полковых «дачах» Золочевской сотни захватил пахотного поля, сенокосов и леса «немалое число», у казаков, свойственников и подпомощников в Ольшанской сотне отнял земли и леса около 300 дес., у казаков Перекопской сотни — более 200 дес. В 1756—1757, 1760, 1763 гг. он присвоил земли в Огульчанской сотне и в Мохнацах⁴.

В Ахтырском полку Иван Перекрестов, став полковником, за короткое время приобрел много земель. В 1672 и 1682 гг. И. Перекрестов добился от правительства пожалования обширных угодий по р. Тростянка, заселив на них с. Тростянец. Но этими приобретениями он не удовлетворился. В 1686 г. он писал царю, что «вотчинных и поместных земель и всяких угодий пред братьею его» у него мало, в Ахтырском уезде «порозжих земель и диких полей и никаких угодий нигде нет», и просил, чтобы правительство разрешило ему приобрести земли у детей боярских Олешни, Вольного и Хотмыжска. В грамоте по этой челобитной И. Перекрестову разрешалось «в тех городах у детей боярских поместные земли и вотчинные их земли и всякие угодья покупать и менять». И. Перекрестов купил у вольновских и олешнянских русских служилых людей большие участки земли и заселил на них Пархомовку, Люджу, Радомлю, Боромлю, Славгородок, Журавное и Лутище⁵. В те же годы он завладел

землями сел Яблочное, Рабинь, Мартыновка, Ясиновое, Работин, Купьеваха и Добрянское (Гниловка)¹.

В жалобе ахтырских казаков на И. Перекрестова в 1692 г. говорилось, что он захватил имущество бывшего ахтырского полковника Прокофьева, присвоил полковые земли. Он захватил с. Певни и, кроме того, поля, лес и другие угодья «у Ивана Кириллова с товарищи»². И. Перекрестов, говорилось в рапорте сотника Кременецкого о землях Городнянской сотни, насильно «завладел лесною дачею от урочища Гавронца до речки Мерла в длину на 5, поперечнику... на 4 версты, сосновых боров вгори речки Мерла з вершины Будянских дач на низ по Мерлу и через речку Мерчик до Краснокутской дачи в длину на 8, поперечнику... на 4 версты, и оное завладевшее в его перекрестовской описи находится»³. Таким образом, путем захвата в этих местах он приобрел около 5500 дес. земли. Всего в его руках в начале XVIII в. сосредоточилось около 40 тыс. дес.

Однако в 1704 г. Петр I отстранил Перекрестова от полковничества и часть его владений передал другим феодалам: земли сел Мартыновка и Ясиновое были отданы А. Меншикову, а позже князю Юсупову⁴. Потомки И. Перекрестова по переписи 1732 г. владели селами Никитовка, Буймеровка, Работин, Купьеваха, Каплуновка и несколькими крестьянскими дворами с землей в д. Литвиновка⁵. В 1745 г. они купили у ахтырской попадьи двор с приусадебной землей, пахотную землю и другие угодья⁶.

В Сумском полку крупнейшим землевладельцем являлась семья слободско-украинских старшин Кондратьевых. Их родоначальник Герасим Кондратьев, поселившись вместе с другими переселенцами в Сумах в 50-х годах XVII в., как старшина получил немного больше земли, чем рядовые казаки. Став сумским атаманом, а затем полковником, он был пожалован новыми землями. В 1670 г. на пожалованных землях Г. Кондратьев поселил с. Рясное⁷. В описании г. Мирополья 1671 г. указывается, что ему отвели сенокосных лугов по левому берегу р. Псел ниже Мирополья 300 дес.⁸. Немного позже правительство

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 181—183, 491.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 163—167.

³ «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 253.

⁴ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 491.

⁵ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 227, 229, 234, 235.

⁶ ХФЦГИА, ф. 27, д. 141, лл. 3—4.

⁷ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. I, стр. 134.

⁸ «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 186.

¹ ХФЦГИА, ф. 353, д. 111, л. 1.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 296, 297, 302, 319.

³ ХФЦГИА, ф. 31, д. 632, л. 67; д. 233, лл. 44, 48, 50, 59.

⁴ Там же, д. 652, лл. 17, 41, 43, 66—67, 82; ф. 28, д. 41, лл. 2—6.

⁵ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 36—37, 104, 111, 141.

пожаловало его сыну Ивану землю, на которой он заселил с. Глыбинь¹.

Г. Кондратьев со своими сыновьями приобретал земли, кроме пожалований, путем «заимок», «уступок» и покупок, что нашло отражение в грамоте от 1 ноября 1678 г.²

О покупке земли Кондратьевыми в XVII в. сохранился ряд документов. Из описей купленных земель известно, что Г. Кондратьев приобрел земли по 3 купчим в 1683 и 1686 гг.³ По царским грамотам 1688 и 1698 гг., 1700 и 1709 гг.⁴ и отказной грамоте 1696 г.⁵ известно, что Г. Кондратьев и его сын Андрей купили земли краснопольского казака, пахотные земли и сенокосные угодья около Краснополья, хутор, бортный «ухожей» и рыбный пруд в верховье р. Рогозянка, принадлежавшие сумскому казаку К. Селецкому, мельницу, двор и 30 дес. земли И. Руднева в д. Рудневка, земли Ф. Бондаря в с. Бобрин, земли ряда семей русских служилых людей в с. Пушкарное, земли вдовы согника Грибачева в Нижней Сыроватке⁶.

Кондратьевы использовали и обмен землями для увеличения своих владений. В 1689 г., например, А. Кондратьев отдал суджанскому сотнику М. Алексею захваченные им среди общинных земель угодья: «ярок» для пашени (овраг, покрытый зарослями), «выпуск» и «бугор» для сенокоса. Совершенно очевидно, что эти земли в лучшем случае имели второстепенное хозяйственное значение. Зато А. Кондратьев получил взамен у И. Алексева полный «жеребей» хозяйственной земли⁷. Расширяли свои земли Кондратьевы и путем открытых захватов казачьих земель. В 1698 г. Р. Кондратьев захватил земельные угодья сумчанина Г. Данилова⁸. Подобных «случаев» у них, как и у других слободско-украинских феодалов, было много.

Такими же путями создавали землевладение и другие старшины. Назовем некоторых из них. В Харьковском полку: Ковалевские в Ольшанах, Огульцах, Золочеве, Ивановке (Сковородиновке), Ершовке, Вертеевке, Григоровке, Лютовке и др.; Голуховичи в Каравани, Карасевке, Тарановке, Березовке, Залютино и Волошском Куту; Картавые и Андриенковы в салтовских «дачах»⁹; Богуславские в Мартовом; Авксентьевы в Лип-

цах, Тишках, Снежковом Куту¹; Бугаевы в сл. Бугаевка; Боровские в Золочеве; Глинские и Шубины в мерэфянских «дачах»; Ольховские в Ольшанской сотне; Романовские в люботинских «дачах»². В Сумском полку: Алферовы в Маркове; Подлесные в Подлесновке; Штепины в Штеповке³; И. Черныш в Ястребном, Песочном, Хочуни, Большом Бобринке, Малом Бобринке, Олешне, Высшей Сыроватке; А. Полуботко в Михайловке, Гутах, Васильевке; Ф. Куколь в Куяновке, Павловке, Ворожбе, Проруби⁴. В Ахтырском полку: Надаржинские в Тростянце, Новоселовке, Карпиловке, Янковом Роге, Становом, Камennom, Пилевке, а также в Коротиче и Николаевке, Харьковского полка⁵; Шарые в Шаровке, Сенном и Рясном⁶; Лесвицкие и Осиповы в ряде сел⁷. В Изюмском полку: Данилевские в Большом Бурлуке и Пришибе; Задорожные в Хатней и Печенегах; Двигубские в Беспаловке, Дуванской, Змиеве; Быстрицкие в Жуковой, Комаровке (на Осколе) и в Николаевке; Сошальские в Жеребце, Молчановке и Гусинце⁸. В Острожском полку: Куколевские в Малой Россоси, Моженке, Евстратово и во многих хуторах; Синельниковы в хуторах около Таволжанки и в других местах; Тимошенко на х. Нижний Скоролюб и в других местах⁹.

Этот перечень можно было бы увеличить на несколько десятков фамилий по каждому полку. Но и приведенных сведений достаточно, чтобы представить пути образования земельных владений слободско-украинских старшин.

В конце XVII и начале XVIII в. на Слобожанщине возникло крупное землевладение русских помещиков.

По сведениям переписи 1732 г. земли были пожалованы князю Голицыну в с. Большая Писаревка, Богодуховской сотни, полковнику К. Реткину в балаклейских «дачах». Некоторые помещики приобретали земли посредством обмена. Именно таким образом стряпчий Московского сытного двора Ф. Осетров в 1681 г. получил земли И. Уварова в Хотмыжском уезде¹⁰.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 301; ХФЦГИА, ф. 31, д. 632, лл. 2, 5—6.

² ХФЦГИА, ф. 31, д. 632, лл. 13—15, 17, 19, 21, 42, 43, 85, 90.

³ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. III, стр. 381, 593—594, 600.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 256—276.

⁵ ХФЦГИА, ф. 27, д. 141, л. 1.

⁶ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 225—226; Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. III, стр. 226—228.

⁷ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 227—229, 234—235; ХФЦГИА, ф. 27, д. 41, лл. 3—4; ф. 31, д. 632, л. 43; ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1651, лл. 193—208; стб. 1653, лл. 164—186.

⁸ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 238—253.

⁹ ЦГАДА, ф. 1355, Экономические примечания по Воронежской губернии, дд. 129, 130.

¹⁰ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1041, лл. 424—426.

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 302.

² Там же, стр. 322; В. В. Гуров. Сборник судебных решений..., стр. 14.

³ ЦГАДА, Поместный стол, стб. 150, лл. 89—92, 127—128, 153.

⁴ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. III, стр. 153, 157, 373, 398.

⁵ «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 244.

⁶ Там же, стр. 246.

⁷ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 154.

⁸ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1653, лл. 89—127.

⁹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 200, 295—314.

Однако в большинстве случаев русские помещики, как и украинские старшины, создавали свои землевладения путем прямых захватов и покупки казацких земель, прибегая к самым разнообразным сделкам и махинациям.

Помещик В. Корчмин, путивльские дворяне Иван и Федор Вишневские «с товарищи», всего 17 чел., 5 сентября 1707 г. и 8 января 1708 г. жаловались правительству на белопольских украинских поселенцев. В жалобе говорилось, что они «полюбовно» поменялись своими вотчинами: В. Корчмин передал свои вотчинные земли в деревнях Лугово и Городенки, Мценского уезда, И. Вишневскому «с товарищи», за что в обмен получил «в разных селах и деревнях в Путивльском уезде 1066 четей с осминой и четверником в поле да в дву потому ж с санными покосы и со всеми угодья». Однако белопольцы, указывалось в челобитной, препятствуют В. Корчмину пользоваться вымененной землей.

Сотник Т. Яковлев и казаки Корыжской сотни, Белопольского уезда, Сумского полка, в челобитной, поданной в Поместный приказ 27 февраля 1708 г., писали, что земля, которую черниговские и путивльские помещики передают в обмен В. Корчмину, принадлежит им, о чем они имеют царские указы, грамоты и боярские приговоры. Челобитчики просили, «чтоб тем вышеписанным черниговцам и путивльцам меновным челобитным не верить и государевых указов, грамот, которые им даны из Разряда, не нарушать и боярских приговоров не порочить и что то их черниговцов и путивльцов ложной и неправой мене и поступке... буде они путивльцы ему, Василию Корчмину, дали не верить же, чтоб им от такова воровства в конец не разоритца»¹. Документы по данному делу на этом обрываются.

Более поздние сведения говорят о том, что спорные земли принадлежали Глушковской суконной мануфактуре, совладельцем которой был В. Корчмин.

Инициатор постройки Глушковской мануфактуры И. Дубровский в 1720 г. купил у различных помещиков Путивльского уезда несколько небольших участков земли в с. Глушково и окрестных селах. Затем он стал расширять свою собственность путем захватов соседних казацких земель вместе с жившими на них людьми. В 1722 г. казаки Корыжской сотни обратились в Берг-коллегию с жалобой на И. Дубровского, что он захватил их земли и их самих закрепощает. Дубровский выехал в Петербург отстаивать свои захваты, здесь он познакомился с помещиком В. Корчминым, вместе с которым организовал компанию Глушковской суконной мануфактуры.

Корчмин часть своих владений отдал Дубровскому «под заводы». Используя придворные связи, он всячески поддерживал

компаньона. Казакам Корыжской сотни так и не удалось вырваться из цепких рук крепостника Дубровского. Вопрос о судьбе корыжских казаков поднимался и позже. В 1729 г. этим вопросом занимался Верховный тайный совет. Князю М. Голицыну было поручено расследовать, каким образом владелец Глушковской мануфактуры И. Дубровский насильно «завладел» землями и казаками Корыжской сотни¹. На следствии корыжские жители убедительно доказали свою правоту, тем не менее они не были возвращены в казачество и впредь оставались приписанными к мануфактуре.

Предпринимателю И. Дубровскому, пользовавшемуся покровительством жены Петра I Екатерины, удалось сколотить значительное состояние. К 1726 г. он стал владельцем 18 сел и деревень, в которых насчитывалось 1218 дворов (из них купленных значилось 112 дворов)², а «в подушных книгах» числилось мужского пола 9302 чел. Следовательно, всего на землях Дубровского и Корчмина жило 18 тыс. чел. Количество десятин земли определить трудно, поскольку лишь в некоторых «купчих» указано, сколько четей продано, а в других говорится только, что владельцы «продали поместные и вотчинные свои земли, сколько за ними явятся по дачам»³. По позднейшим межевым документам в этих селах числилось земли около 20 тыс. дес.

Граф П. Н. Апраксин, командующий войсками, стоявшими на Слобожанщине в 1713—1714 гг., воспользовался своим положением и прибрал к рукам немало земли. В «Ведомости о землях Салтовской сотни 1749 г.» дается подробное описание захваченных им земель по обе стороны Донца по речкам Кошевая, Бабка, Купьеваха и Хотомля — 9500 дес.⁴

Князь И. Ю. Трубецкой, по сведениям «Экстракта о Слободских полках 1734 г.», отнял земли у казаков сл. Коровина, Острогского полка⁵. Трубецкие, как отмечалось в ведомости 1750 г., приобрели 1461 дес. земли и участок леса в сл. Артемовка, Мерефянской сотни⁶. А. Меншиков «скупил» пахотные земли и разные угодья у казачьих подпомощников Старооскольской сотни⁷.

Член генерального суда, а затем вице-губернатор Белгородской губернии Богдан Пассек приобрел якобы по купчей в 1739 г. около 10 тыс. дес. земли в Салтовской сотне. Состави-

¹ «Сборник РИО», т. 94, стр. 589—598.

² ХФЦГИА, ф. 2, д. 756.

³ Там же, ф. 31, д. 233, л. 4.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 306—307.

⁵ Там же, т. II, стр. 155.

⁶ ХФЦГИА, ф. 31, д. 233, л. 53.

⁷ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1864, лл. 1—80.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 184.

тель ведомости пишет, что Б. Пассек в действительности завладел этими землями, используя «всякие утрашения».

Б. Пассек захватил землю в Волчанской сотне на р. Волчьих Воды, оформив захват фиктивной купчей, а заодно присвоил много казацкой земли без всякого оформления. Он захватил также 12 кв. верст земли (около 1250 дес.) в 1-й Харьковской сотне, «многое число земли и сенокосов» во 2-й Харьковской сотне¹, около 5 тыс. дес. земли у салтовцев и поселил на ней сл. Спасская².

Свои земли в Салтовской сотне Б. Пассек продал местной помещице Софье Матюшкиной. Землевладение генерала М. Матюшкина началось по сведениям переписи 1732 г. с пожалования ему земли в с. Протопоповка, Бишкинской сотни. Вдова генерала проявила незаурядные «способности», захватывая земли казаков. Составитель ведомости писал, что С. Матюшкина «завладела казацкими землями на 10 кв. верст (1040 дес.), сенокосом на 2 тыс. копен (200 дес.) и 5 лесными буераками с разными угодьями. Волчанский сотник Т. Невецкий в 1763 г. сообщал, что ее владения были в 2 верстах от Волчанска — 21 кв. верста и в 5 верстах от города — 32 кв. версты (свыше 5510 дес. пахотной и сенокосной земли)³. На этой земле она заселила д. Шмаровка. Ее крепостные крестьяне сл. Ржевка построили 8 хуторов около Осинового луга, заняв здесь на полковых землях 8 кв. верст (832 дес.) распашного и нераспашного поля. У той же помещицы в 2 верстах ниже м. Волчье была мельница. Вокруг мельницы она заняла сенокосы более чем на 100 копен (свыше 10 дес.)⁴. Таким образом, всего в ее владениях было 7592 дес., не считая 5 буераков.

Генерал И. Косоков, находясь на военной службе на Слобожанщине, в 40-х годах XVIII в. при неизвестных обстоятельствах приобрел у И. Р. Квитки в Золочевской сотне деревни Ореховка и Нехотеевка «со всеми угодьями». В 1744 г. он фиктивно «купил» у гусара П. Роденкова земли золочевских казаков в урочище Одноги и в долине Березовой и здесь поселил д. Петровка. Кроме того, он «купил» у Роденкова 2 мельницы на р. Уды с окружающими их землями и заселил д. Андреевка. Крепостные крестьяне этой деревни, бывшие казаки, не только продолжали владеть своими жалованными землями, «но и сверх того жалованных золочевских казаков и обывателей земель сенных покосов и протчих угодий помянутому генералу неправильно продали многое числом и от таких неправильных

продаж и завладений золочевские казаки, обыватели несут немалые обиды и утеснения».

Не удовлетворившись этим, И. Косоков «сверх той неправильной покупки «жалованной казачьей пахотной и непахотной земли сенных покосов и лесов немало завладел»¹. По сведениям золочевского сотника П. Ковалевского, в 1763 г. И. Косоков в пределах данной сотни захватил около 2 тыс. дес. земли².

Согласно переписи 1732 г., подполковник П. Дунин владел небольшим имением (2 двора и 12 ревизских душ) в с. Ивановка под Харьковом. В 1740 г. он занял полковую землю в Валковской сотне за Новым буераком «к вершине Других Иванов» и поселил сл. Новые Ивановы (Знаменское). Кроме того, он построил хутор со скотным двором на полковой земле в Грушевой долине. Всего П. Дунин захватил около 1 тыс. дес. земли³. В сообщении харьковского и дергачевского сотников в 1763 г. указывалось, например, что Дунин отнял полковой лес на Лысой горе под Харьковом у казаков Я. Новоходского, П. Репки, В. Горбаня, К. Божко, В. Жадана, В. Гарбаря, П. Губенко, С. Сергеенко, А. Алексеенко и В. Кузьмича⁴, а также у ряда казаков под Дергачами⁵.

Вдова Дунина продолжала расширять свои владения, она заняла более 500 дес. полковой земли вололажских казаков около Грушевой и Камышеваховой и устроила здесь хутор со скотным двором⁶. В Валковской сотне, по сведениям ведомости 1750 г., во владении семьи Дуниных находилось 1560 дес. пахотной и сенокосной земли⁷, были у них земли и в «дачах» 1-й Харьковской сотни.

Полковник И. Зибин, говорится в ведомости 1749 г., самовольно занял в Салтовской сотне 6 кв. верст (624 дес.) земли, 30 дес. сенокосного луга и лесной буерак⁸. По сведениям 1763 г., в его владении было 2080 дес. земли и заселенная здесь д. Зибина. Такими же путями образовалось землевладение и других помещиков. В волчанских «дачах» на захваченной земле в первой половине XVIII в. были владения М. Еремкова 1248 дес., Р. Бакшеева 4368 дес., С. Бибилова 425 дес.⁹; в валковских и перекопских «дачах» — помещиков И. Ефимовского, Л. Волкова, Л. Дебринева, Н. Апушкина и др.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 211—212; ХФЦГИА, ф. 31, д. 233, л. 55.

² ХФЦГИА, ф. 31, д. 632, лл. 13—14, 15, 19.

³ Там же, л. 21.

⁴ Там же, л. 33.

⁵ Там же, л. 79.

⁶ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 302.

⁷ ХФЦГИА, ф. 31, д. 233, л. 44.

⁸ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 309.

⁹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 632, лл. 46, 48.

¹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 233, л. 59.

² Там же, д. 632, лл. 70—71.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 303.

⁴ ХФЦГИА, ф. 31, д. 632, л. 46.

Со второго десятилетия XVIII в. на Слобожанщине стали появляться землевладельцы иноземного происхождения — валахи, немцы и т. д. При возвращении русской армии из Прутского похода в 1711 г. валашский князь Д. К. Кантемир с группой феодалов эмигрировал в Россию. Их поселили на Слобожанщине и всем были «даны по пропорции чинов вотчины в Харьковском и Изюмском полках и в Курском уезде». В жалованной грамоте Петра I полковнику Абазе Ворлинку в 1718 г. говорилось, что по грамоте от 9 июня 1712 г. им даны земли, конфискованные у Ф. Шидловского. Владения эти исчислены количеством крестьянских дворов: 633 украинских, 42 русских и 35 польских, а всего 710 дворов¹.

Освоившись на Слобожанщине, валашские феодалы принялись расширять свои владения так же, как это делали украинские и русские феодалы. Евстрат Абаза в 40-х годах XVIII в. захватил в Пересечанской сотне пахотные и сенокосные земли казаков Стреляного, М. Блажко, Ф. Перетятковича около Волковского Кута, владения других казаков около сл. Григоровка, сотни десятин пахотной и огородной земли ольшанских казаков². А. Жиян захватил 208 дес. казацких угодий и рыболовные водоемы около с. Лютовка, Золочевской сотни.

Приобретали здесь владения помещики с немецкими и другими иностранными фамилиями. Земли в Бельцовом буераке Перекопской сотни с давнего времени были во владении перекопского казака А. Бельца. В 1741 г. он продал их за 30 руб. офицеру А. Шарапову. В следующем году при неизвестных обстоятельствах этим именем завладел ландмилицкий офицер фон Циглер, который заселил здесь сл. Бельцовка. Кроме того, «без всякой казачей продажи» Циглер присвоил «дачи» казаков Трофима, Василия и Прокопа Иваненковых, Ивана и Тимофея Дубровых, захватил «дачи» перекопских казаков в урочище Редкодуб на границе земель Перекопской и Коломакской сотен, где устроил хутор³. В 1750 г. в его руках было 416 дес. земли и 7 дес. сенокоса⁴.

По р. Орчик, в Перекопской сотне, самовольно занял участок земли, принадлежавшей казакам, генерал фон Вейсбах и поселил здесь сл. Скелки (Ольховатка). Ко времени составления «Ведомости о землях Перекопской сотни 1749 г.» это владение на неизвестных условиях перешло в руки майора О. Гамера⁵, у которого в 1750 г. было 794 дес. земли⁶.

Вдова полковника ландмилицкого полка Фронбасова в 1734 г. купила у перекопского сотника И. Капустянского х. Росохватый из 5 дворов на р. Мжа. Хутор в 1738 г. перешел в руки зятя полковницы Фонзевальди, от которого он «достался во владение» полковнику Кейту. К этому хутору были «подневольно» прикуплены у перекопского казака Я. Зюбы яблоневый сад, лес и пахотные угодья в разных местах между землями местных казаков. Кейт поселил на хуторе 52 двора вновь прибывших украинских крестьян, превратив его в сл. Кейтовка. В 1748 г. ее купил барон фон Вейдель. Новый владелец продолжал расширять земли Кейтовки, приобретая участки валковских казаков¹. По ведомости 1750 г. он имел около 2600 дес. земли².

Генерал Девиц купил у майора Полубояринова сл. Гузевка в Мерефанской сотне и вместе с ней около 70 дес. земли. Девиц к этому владению присоединил около 800 дес. пахотной земли и сенокоса, захваченных в местных полковых и казацких владениях³.

Граф И. Гендриков в 1743 г. купил землю у И. Аксентьева в сл. Снежков Кут, Валковской сотни. В пределах этой сотни к 1750 г. Гендриков захватил 8944 дес. полковых и казацких земель. Ему принадлежали слободы Шебекино, Таволжанка, Рубежная (2500 дес.), в Колупаевке, Липецкой сотни.—624 дес., много земли в Тишковской сотне. В Волчанской и особенно в Салтовской сотне он имел пахотной земли и других угодий более 7500 дес., приобретенных преимущественно путем захватов⁴.

Князь Кантакузин в 1736 г. купил у валковского казака Ф. Шапошникова хутор в верховьях р. Водопой. Новый владелец, писавший составитель ведомости 1749 г., захватил поблизости земли валковских казаков «верст на 4» (416 дес.) и поселил здесь сл. Кантакузовка⁵.

В 1-й Харьковской сотне граф П. Девиер, владевший сл. Григорьевка, в 1760—1762 гг. отобрал у 8 казаков 25 дес. земли. Кроме того, он присвоил принадлежавшую казакам землю 728 дес. на Холодной Горе под Харьковом и леса 2100 дес. песочинских казаков Павленко и др.⁶

И. С. Хорват, эмигрировавший в 1751 г. из Австрии в Россию, будучи начальником Новой Сербии, постарался приобрести себе владения и на Слобожанщине. В Золочевской сотне он прибрал к рукам 1248 дес. земли и заселил на ней сл. Лютовка, в

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 193—194.

² ХФЦГИА, ф. 31, д. 632, лл. 42, 43; д. 233, л. 55.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 323—324.

⁴ ХФЦГИА, ф. 31, д. 233, л. 49; д. 632, л. 82.

⁵ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 294.

⁶ ХФЦГИА, ф. 31, д. 233, л. 49.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 319—320.

² ХФЦГИА, ф. 31, д. 233, л. 48.

³ Там же, д. 632, л. 88; д. 233, л. 53.

⁴ Там же, д. 233, лл. 46—47; д. 632, лл. 7, 21; Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 301, 304.

⁵ ХФЦГИА, ф. 31, д. 632, лл. 30, 35.

⁶ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 302, 324.

салтовских и хотомлянских «дачах» захватил 10 200 дес. земли и населил здесь д. Анновка и сл. Писаревка (Стретенка), на р. Бабка присвоил 5616 дес. земли и заселил сл. Федоровка. Таким образом, во владении этого крепостника за короткое время оказалось 17 064 дес. земли. Генерал Дуглас захватил казацкой земли 612 дес. в Хорошевской сотне¹ и т. д.

Церковно-монастырское землевладение

Церковное землевладение на Слобожанщине не получило заметного распространения. Церковному причту (служителям) выдавалось на содержание из казны в большинстве случаев «ругу» (денежное и хлебное жалованье)

и землю под двор и огород.

Землевладение духовных феодалов, как и светских, образовалось и росло путем пожалований, захватов и покупок, а также путем так называемых дарений. Образованию этого землевладения были присущи особенности, заключающиеся в том, что сельскому и городскому церковному клиру наделялась земля под усадьбы повсеместно; пахотная земля дана лишь в некоторых местах.

По царскому указу от 20 ноября 1649 г. причту соборной церкви г. Олешни дано под дворы и огороды: попу и дьякону по 300 кв. сажен, дьячку, пономарю и просфорнице по 150 кв. сажен. В описании г. Мирополья 1671 г. указывается, что под дворы и огороды дано 4 попам земли от 286 до 357, одному — 215, а пономарю — 56 кв. сажен². Такими же участками в зависимости от наличия земель в данной местности и духовного сана наделялись церковнослужители и в других селах и городах.

В отдельных местах по просьбе духовных лиц правительство вместо денежного и хлебного жалованья давало земли пахотные и сенокосные. Как известно, в 1652 г. пахотные земли были даны духовенству в Острогжске, в 1686 г. в с. Дергачи, а также в Сумах, Валках, Хотмыжске и в селах Старом, Верхоудах и др.³

Размеры церковных земельных наделов были разные. В Олешне, Валках и Старом попам дано по 30 дес., дьякону в Олешне — 22,5 дес., в Острогжске попу — 18 дес., в Кириковке — 32 дес., Даниловке — 30 дес.

Однако не все церкви были наделены землями. В Сенатском указе от 9 ноября 1775 г. говорилось, что по указу 1736 г. должны быть наделены землей все церкви края, в действитель-

ности же насчитывалось 47 церквей, в которых церковнослужители владели землями «по прежнему бывших Слободских полков черкасскому обыкновению, за коими и состоит неравное количество, а при прочих 429 церквах земель нет»¹. В таком положении церковное землевладение оставалось до конца XVIII в.

Монастырское землевладение на Слобожанщине было довольно значительно. Оно начиналось с правительственных пожалований «строителям» монастырей, а затем росло за счет завещаний, покупок, закладных и нередко путем захватов.

Сумской Успенский монастырь, основанный полковником Г. Кондратьевым в 1658 г., получил от него приусадебную землю, затем правительство «пожаловало» монастырю «из порозжей земли в поместье земли и лесу в всяких угодий по 150 четвертей в поле» (225 дес.) по р. Псел в 5 верстах от Сум². Ахтырскому Троицкому монастырю, который основали в 1654 г. монахи из Лебедина (на Киевщине), по царскому указу была отведена «гора Ахтырь с пахотными полями и санными покосы, лесными дачи и рыбными ловли, яко впусе состоящая и никем не владеема». Вольновскому монастырю в 1684 г. местные стрельцы дали 75 дес. земли, правительство в 1693 г. прибавило 30 дес.³. Сенянский монастырь был основан местным сотником В. Григорьевым в 1682 г. Сотник отдал монастырю 45 дес. своей земли и более 150 дес. из сотенных «дач». Жаловало правительство землями Краснокутский монастырь, чугуевскую Аркадиеву пустынь, затем чугуевскую Владимирскую пустынь⁴.

Харьковский полковник Г. Донец в 1663 г. основал куряжский Преображенский монастырь. Используя полковничью власть, Г. Донец отвел монастырю из полковых владений лес. Кроме того, он отдал землю на месте Куряжа, купленную им у Б. Тенетевского, участок поля около с. Даниловка под Харьковом, «грунт Наполов», купленный у сына боярского И. Туленинова⁵. Не удовлетворившись этими приобретениями, архимандрит Иоасаф «с братией» в 1686 г. обратился к царю с просьбой о «пожаловании на монастырское строение» поселений с жителями сел Синолицовка, Песочин, Гавриловка и Коротич⁶. Нам не известен ответ на челобитную, но из позднейших документов видно, что в этих селах монастырь владел землями и крепостными людьми.

¹ ПСЗ, № 14393.

² Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. I, стр. 170.

³ Там же, отд. I, стр. 144, 213—216; отд. IV, стр. 48—52; «Харьковский сборник», 1887, стр. 81.

⁴ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. I, стр. 204, 207—210, 220, 224, 227—228; отд. IV, стр. 7.

⁵ Там же, отд. I, стр. 55—56; отд. IV, стр. 30—31.

⁶ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1269, лл. 214—219.

¹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 632, лл. 13, 70—71.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 481, лл. 238—239; стб. 504, лл. 169—191 «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 183; Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. III, стр. 147—148, 150—151, 474—475.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 355, лл. 146—152, 209—210; стб. 232, лл. 114—117; стб. 384, лл. 78—79, 213—215.

По инициативе старшин в 1664 г. основан Хорошевский женский монастырь в 20 верстах от Харькова. Игуменья Александра, обращаясь с просьбой к царю Алексею Михайловичу дать грамоту на монастырские владения, писала, что монастырю отведено пахотной земли и сенокосов на Харьковском городище, вниз по р. Уды «позади села Гусиная поляна и около монастыря вверх по той же речке лес хоромной и дровяной и со всеми угодьями и по городищу монастырской выпуск». Далее в челобитной говорилось, что по царской грамоте белгородский воевода Г. Ромодановский «указал» эти земли и угодья «тому монастырю отдать» и что монастырь владеет ими «по подписной челобитной» воеводы¹.

Змиевской Николаевский «казацкий» монастырь был основан в 1668 г. О его начальном земельном наделе сведений нет. Удовлетворяя просьбы монастыря, правительство в 1678 г. дало указание змиевскому приказному М. Авдееву отмежевать монастырю на р. Ольшанка мельницу, а к ней на «крымской стороне» — «пашенную» землю, «дикое» поле и с «русской стороны» — берег р. Ольшанка для сенокосов 40 дес. В следующем году Ф. Скрипицын отмежевал монастырю из «порозжих» земель от «Снетчина городища» до Донца и рыбные ловли по этой реке около монастыря с «ногайской стороны», 3 озера — Белое, Косач и Коробово. Здесь же в урочищах нарезано сенокосного луга 8 дес. В 1681 г. змиевской приказный Л. Толмачев отмежевал монастырю «из порозжей заимочной земли» по обе стороны р. Гомольша «пашенные» земли, сенокосные луга, рыбные ловли и другие угодья. В 1689 г. змиевской воевода С. Дурнов дал на Донце против с. Мохначи мельницу и к ней десятину сенокосного луга; на р. Гнилица — мельницу и к ней пахотной земли и сенокосов 75 дес. «да лесу непашенного то же». Кроме того, на «крымской стороне» Донца по р. Гомольша в лесу отведено пахотной земли и сенокоса 37,5 дес.².

В Изюмском полку, как уже отмечалось, находился Святогорский монастырь. В его владении издавна были обширные земли, леса, рыбные ловли по Донцу от устья р. Оскол до устья рек Жеребец и Бахмут в длину на 50 верст. Монахи владели долгое время паромом на Донце³. Каким путем были приобретены эти богатства, неизвестно. Можно лишь предположить, что монастырь с ведома русского правительства, восстанавливая

свое хозяйство после неоднократных татарских погромов, занимал земли и разные угодья. В начале 60-х годов XVII в. жители городов Цареборисова, Маяка и Тора заняли монастырские угодья и потребовали передать в их руки перевоз через Донец.

Правительство в 1664 г. решило конфликт в пользу цареворисовских и маяцких жителей. В связи с этим монахи просили царя утвердить оставшиеся земли межеванием, а также увеличить им годовое денежное жалованье с 10 до 15 руб. Правительство удовлетворило эту просьбу. По межеванию монастырю оставили 25,5 кв. верст (2700 дес.)⁴.

В Острогжском полку Дивногорскому монастырю, основанному в 1652—1655 гг., пожалованы земли и разные угодья возле устья р. Богучар. Шатрищегорскому монастырю около 1665 г. также отведены смежные с его усадьбой земли⁵. В 90-х годах XVII в. Петр I пожаловал этому монастырю участок земли с мельницей на р. Потудань⁶.

Земельные владения были даны в 1672 г. белгородскому Николаевскому монастырю в миропольских «дачах»⁷ и в Волчанской сотне⁸, в 1676 г. — Хотмыжскому монастырю в «дачах» с. Колотиловка⁹, в 1671 г. — Озерянской и в 1663 г. — Боровской пустыням¹⁰, а также харьковскому Покровскому монастырю, основанному в 1726 г.¹¹ и др.

Приведенные факты красноречиво говорят о том, что царское правительство вкупе с казацкими старшинами усиленно насаждало монастыри на Слобожанщине, обеспечивало их землей и разнообразными лесными и водными угодьями.

Монахов и монахинь в монастырях было немного. Например, в Куряжском монастыре в 1687 г. находилось 40 чел., в Сумском женском в 1739 г. — 44 чел., в харьковском Покровском в 1751 г. — 25 чел., в Хорошевском в 1758 г. — 49 чел., а в чугуевском Успенском в 1712 г. — 20 чел.¹² Количество монахов почти не изменялось в течение десятилетий существования монастырей. Правда, на попечении некоторых из них, как например змиевского Николаевского монастыря, было немного инвалидов и престарелых казаков, а при харьковском Покров-

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. I, стр. 40.

² Д. І. Багалій. Історія Слободської України, стр. 203; Описание Воронежской губернии..., стр. 286.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1117, лл. 115—129.

⁴ Там же, стб. 726, лл. 115—137.

⁵ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 271, 304—305.

⁶ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1104, лл. 141, 147—150, 339—350.

⁷ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. I, стр. 234, 297.

⁸ Д. І. Багалій. Історія Слободської України, стр. 202; ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 599, лл. 27—33.

⁹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. I, стр. 36, 60, 100, 187, 224.

¹ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 44—47.

² Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. I, стр. 197, 199—200; отд. IV, стр. 42, Д. І. Багалій. Історія Слободської України, стр. 204.

³ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. I, стр. 117—118, 132, 135; Д. І. Багалій. Історія Слободської України, стр. 203.

ском монастыре существовал коллегіум, но опекаемые монастырями люди жили главным образом сбором подаяний, основные же средства монастырей шли преимущественно на «благо» верушки монашеской «братии».

Предоставляемые монастырям земли и разные угодья и накопленные в результате «подаяний» большие средства не удовлетворяли монахов, они постоянно стремились все к новым приобретениям богатств и земель. Распространенным источником обогащения монастырей являлись дарения на «поминовение». Прежде всего дарили или завещали имущество на «поминовение» феодалы, стараясь купить себе «загробное блаженство».

Вдова полковника Ф. Захаржевского, говорится в «Ведомости земель Меревянской сотни 1749 г.», отдала Куряжскому монастырю «на помин мужа» меревянскую плотину с мельницей и «сенокосный луг»¹. Жена полкового есаула Рубана после смерти мужа в 1728 г. дала харьковскому Покровскому монастырю 3 слободки: Пески, Замоский Кут и Рубановка. Подпрапорный Г. Дробицкий постригся в монахи в 1735 г. и отдал этому монастырю свои земли около Холодной Горы на окраине Харькова². Краснокутская казачка Невжига подарила местному монастырю мельницу, рыбные ловли и луга. Харьковский и изюмский полковник Г. Донец дал Святогорскому монастырю мельницу с земельным участком на р. Уды. Его сыновья Константин, изюмский полковник, и Федор, харьковский полковник, дали в 1686 г. тому же монастырю несколько участков земли по р. Чепель. Изюмский полковник М. Донец в 1724 г. подарил монастырю «чепельскую дачу» с лесом и сенокосом³. Харьковский городничий Голухович в 1727 г. дал земельные угодья Хорошевскому монастырю. Золочевский поп О. Богданович завещал участок леса Куряжскому монастырю⁴.

Путем «поминовений» расширились земельные владения сумского Успенского монастыря. Сумчанин П. Андреев завещал ему в 1720 г. лесной участок. Краснопольские попы К. Мартынов и И. Треповский отдали монастырю: первый — «свое отчинное», второй — «свое властное» пахотное поле «за поминовение своих родителей»⁵. В книге переписных документов этого монастыря о приобретенных землях до 1762 г. записано 12 «поминовенных»⁶.

Монастыри, выманивая «подаяния» богомольцев, накапливали крупные суммы денег, часть которых «пастыри» превращали в средство ростовщичества¹, а другую использовали на покупку земель.

Сумской Успенский монастырь купил хутор с лесным участком, сенокос и мельничную плотину на р. Бездрик. В купчей об этом записано: «1677 года октября 3 (дня) Кость Бекешенко и Михайло Казаченко продали ему... Варнаве, игумену Сумского монастыря, хутор за 40 талярей — чем мы и отцы наши владели». В то же время по соседству монастырь приобрел другой хутор «со всем оселеньем и к тому хутору сенные покосы». В 1725 г. монастырь купил мельницу и участок земли у краснопольского попа П. Абрамова. До 1762 г. монастырем была приобретена у разных лиц земля по 27 купчим².

Змиевской монастырь в 1673 г. купил у белгородского посадского человека И. Гладкова землю вместе с мельницей и винницей в Мохначах, в 1680 г. у харьковчанина Я. Васильева «грунты» в мохначских «дачах», в 1687—1689 гг. у змиевских жителей С. Ковнеристова 6 распаханых нив, а также пахотную землю, сенокос и хутор, И. Савелова «с товарищи» пахотную землю и сенокосы на р. Ольшаная³.

Ахтырский монастырь в 1732 г. купил у казацкого священника В. Опары лес, а перед тем, в 1729 г., «завлажен ко оному монастырю» ольховой луг 26 дес., принадлежавший казацким подпомощникам Алексею и Максиму Пархоменко⁴. Из документов Святогорского монастыря известно, что он в 1701 г. купил у купянского жителя мельницу с участком земли на р. Оскол, в 1705 г. у другого купянца Г. Степанова — хутор, у цареборисовского казака С. Ситкина — мельничный участок земли на р. Студенка⁵.

Харьковский Покровский монастырь в 1726 и в последующие годы приобрел несколько участков земли и угодий на Холодной Горе и в других местах под Харьковом⁶, Куряжский монастырь в 1687 г. купил у вдовы змиевского казака участок земли с рыбными ловлями и другими угодьями на р. Чепель, а тремя годами ранее у попа с. Безлюдовка И. Богданова — покосы на р. Куряж⁷. В 1711 г. монастырь приобрел секоносный луг зо-

¹ «Чтения МОИДР», 1884, кн. 2, стр. 33—34.

² «Сборник ХИФО», т. 16, стр. 107—108.

³ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. I, стр. 200—201.

⁴ «Харьковский сборник», 1887, стр. 81—82.

⁵ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. I, стр. 122—123.

⁶ ХФЦГИА, ф. 31, д. 15, лл. 3, 4.

⁷ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. I, стр. 96, 174—175.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 297.

² Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. I, стр. 202, 301.

³ Там же, стр. 58—59, 204.

⁴ ХФЦГИА, ф. 31, д. 9, л. 1; Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 134.

⁵ «Чтения МОИДР», 1884, кн. 2, стр. 39.

⁶ «Сборник ХИФО», т. 16, стр. 108.

лочевских жителей¹. Составитель «Ведомости о землях Золочевской сотни 1749 г.» по поводу этой покупки писал, что Куряжский монастырь населил д. Моноровское на землях золочевских казаков, присвоил угодыя в долине Молодижной². В 50-х годах XVIII в. за монастырем числилось земли около 6 тыс. дес.³, из них, по данным сотенных ведомостей 1763 г., большая половина считалась приобретенной путем захватов.

Монастыри, как и светские феодалы, часто прибегали к насильственным захватам казацких земель. Суджанцы жаловались царю Алексею Михайловичу на то, что «черный поп Иосиф» захватил под городом земли и объявил местных крестьян своими подданными⁴. Белопольцы судились с путивльским Молчанским монастырем по поводу захвата их земель⁵. Монахи Озерянской пустыни, говорится в «Ведомости о землях Меревянской сотни 1749 г.», «завладели с полковых дач леса и пахотного и санных покосов, а именно леса по обе стороны той речки Азирянки вгору на полверсты вниз по той же речке Азирянке сенокосных лук на полверсты да за речкою ж Азирянкою пахотного поля пятьдесят сажен да на реке Мже в урочищах вище прозиваемых Гизивских мельниц да ныже Зубашина броду казацких сенокосных лук и протчих угодий болия тридцати сажен без всяких крепостей владеет и по ныне»⁶.

Харьковский Покровский монастырь, по сведениям «Ведомости о землях Золочевской сотни», захватил участок поля и сенокос золочевских казаков в урочище Волноги и Березовой долине. В 1763 г. он прибрал к рукам земли в с. Рубановка, Валковской сотни, в Гринцовом Роге, Перекопской сотни, в Золочеве и в 1-й Харьковской сотне⁷. В 1681 г. жители с. Васищево, рейтары и солдаты Р. Шкалевин, К. Старый, Д. Васищев и др. жаловались на игуменью Хорошевского монастыря, обвиняя ее в захвате их земель⁸. В ведомости мартовецкого сотника говорится, что слободка Троицкой (Аркадиевой) пустыни поселена в 1722 г. на полковой земле (468 дес.) и что монастырские подданные пользуются землей и угодыями мартовецких казаков «безвозмездно»⁹.

Ахтырский монастырь в 1761 г. занял более 100 дес. леса и отдельный участок березняка, принадлежавшие местным жите-

лям¹. В 1763 г. мохначские казаки С. Кравцов, И. Бабиц и др. жаловались в полковую канцелярию, что крепостные люди Змиевского монастыря их грабят, захватили земли и сенокосы на р. Гнилушка из полковых «дач»². Из сообщения волчанского сотника Т. Певецкого от 21 мая 1763 г. явствует, что белгородский Николаевский монастырь захватил 3120 дес. леса волчанских казаков, их свойственников и подпомощников³ и т. д.

По сведениям «Экономических примечаний к генеральному межеванию», в уездах Слобожанщины монастырское землевладение значительно выросло к 80-м годам XVIII в. Острожский Пятницкий и дивногорский Успенский монастыри имели только в слободах Лыски, Селявная и Верхняя Полубянка 17447 дес. земли. Святогорский монастырь в х. Осиновка и в других окрестных селениях по Донцу имел 27 тыс. дес., Змиевской монастырь в х. Гусиновский и с. Гомольша — 9151 дес., Гороховатская пустынь в с. Гороховатка — 2344 дес., Куряжский монастырь только в селах Куряж и Полевое — 3124 дес. Кроме того, в обладании этого монастыря были земли, не выделенные межеванием из земель войсковых обывателей в селах Пересечное, Гавриловка, Синолицовка и Песочин. Харьковский Покровский монастырь имел в селах Песочин, Рубановка, Волковка, Замоский Кут, в хуторах Гринцовый Рог, Гуки, Череватый, Чепельский 3949 дес. Сеннянский монастырь имел в сл. Батенцы и с. Чернетчино 4730 дес. Ахтырский монастырь владел в селах Чернетчина (на р. Братеница) и Малая Писаревка, в хуторах Чернетчин, Климовский, Шандыбовский и в 7 пустошах в разных местах Ахтырского и Краснокутского уездов 5774 дес. 215 сажен земли. Ему принадлежали также земли, не отделенные межеванием от других владельцев в Краснокутском уезде.

Всего согласно этим сведениям монастырской земли на Слобожанщине насчитывалось 84 195 дес. Однако эти данные неполные. Как известно, к концу XVIII в. в крае была проведена сиккуляризация церковно-монастырских земель. Из отчетов межевщиков видно, что у бывших монастырских (после сиккуляризации — экономических) крестьян имелось 84 653 дес. Осталось земли в руках ряда монастырей 30 782 дес. Кроме того, неизвестное количество монастырской земли находилось в числе 26 399 дес., принадлежавших помещикам, войсковым обывателям и однодворцам в Краснокутском, Ахтырском, Чугуевском и Харьковском уездах⁴.

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. I, стр. 151—152; «Сборник ХИФО», т. I, 1887, стр. 81—82.

² ХФЦГИА, ф. 31, д. 41, лл. 2—4.

³ Там же, ф. 31, д. 632, л. 46.

⁴ Там же, ф. 1350, Харьковская губерния, ед. хр. 19, 121, 137-а.

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 136.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 113.

³ ХФЦГИА, ф. 31, д. 233, лл. 35, 54, 55; д. 632, лл. 30, 31, 78—79.

⁴ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 598, лл. 19, 21, 24—27, 337.

⁵ Там же, стб. 1197, лл. 904—913.

⁶ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 297; ХФЦГИА, ф. 31, д. 632, лл. 54, 88.

⁷ ХФЦГИА, ф. 31, д. 233, л. 43; д. 632, лл. 13—14, 21, 31, 82.

⁸ Там же, ф. 353, стб. 111, лл. 43, 44.

⁹ Там же, ф. 31, д. 632, л. 74.

Помимо церковных и монастырских земель, находившихся в безраздельном пользовании духовенства, многие церковники обладали собственными землями. Источники личного землевладения духовенства были аналогичны путям образования земельной собственности светских феодалов.

Одним из таких источников являлось сохранение за собой всего или части владения при переходе в духовное сословие. М. Штепин, подпрапорный Ахтырского полка, постригшись в монахи Краснокутского монастыря, часть своих земель отдал монастырю, а часть оставил за собою. Позже, будучи игуменом монастыря, он передал личное имение по «поручной записи» краснокутскому протоиерею П. Еремееву с условием, чтобы последний принял на воспитание его 2 сыновей и сохранил имение за ними в наследственном владении¹.

В XVII в., когда на Слобожанщине было еще много так называемой «дикой» земли, многие «предприимчивые» духовные лица добивались от правительства личных земельных пожалований. Так, краснопольский поп И. Иванов владел поместьем, после его смерти земля была в 90-х годах XVII в. «отказана» сыну Михаилу «за осадное нежинское сидение»². В том же Краснополье по «поступной записи» землей попа А. Григорьева владели его дети³. В конце 1655 г. царь Алексей Михайлович пожаловал патриарху Никону Цареборисовское городище, реки, озера и земли в его окрестностях и около Святогорска⁴. Названия многих сел «Поповка» и «Протопоповка» в пределах всех Слободских полков края, несомненно, связаны с первыми владельцами их земель и жителей⁵.

При «благоприятных» обстоятельствах духовные лица превращали церковную землю в личную собственность, как это имело место в Недригайлове и Сумах в 1661 г., в с. Тарановка в 1738 г.⁶ и в других местах.

Сохранившиеся документы Каменного (1653 г.), Сум (1685 г.), Мерефы (1696 г.), Золочева (1697 г.), Перекопа, Салтова, Краснополья и других городов, местечек и сел в разные годы свидетельствуют, что «духовные пастыри» нередко приобретали земли путем покупок⁷.

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. III, стр. 204—205.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1398, лл. 208—209.

³ Там же, стб. 1319, лл. 149—160.

⁴ Там же, стб. 384, лл. 300—319.

⁵ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. IV, стр. 119, 141.

⁶ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 465, лл. 265—267; «Чтения МОИДР», 1884, кн. 2, стр. 37.

⁷ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 355, лл. 137—138; стб. 1031, лл. 344—359; Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 32, 299.

Как и светские феодалы, духовные лица приобрели в личное владение немало земель путем насильственных захватов казацких угодий. Суджанской соборной церкви поп Е. Иванов захватил у местных жителей мельницу и угодья на р. Ольшанка¹. Перекопский поп Г. Ханделей прибрал к рукам казацкий сад, луг и лесок под с. Ковяги. Он владел в разных местах между казацкими землями пахотными и непахотными полями (14 загонов) и 3 сенокосными участками. Все эти земли и угодья он продал некоему Волкову.

Мерефанский поп К. Глинский купил у казачки Пятодворной плотину и пасечное место на р. Мерефа и построил там хутор. Затем «к тому хутору завладел не ведомо почему,— отмечает составитель «Ведомости Мерефанской сотни 1749 г.»,— леса и луга и сенных покосов мерою будет саженой округи того хутора на тридцать и больше». Такими же способами приобретали земли в 80-х годах XVII в. поп с. Безлюдовка И. Богданов, сумской протопоп Матвей, имевший владение в с. Сыроватка в 1730 г., поп краснопольской Успенской церкви К. Мартынов в 1746 г., валковские попы С. Ольховский и И. Лукин, перекопский поп И. Зеленицкий, мартовецкий поп А. Щербина² и др.

Правительство, будучи заинтересовано в том, чтобы духовенство сильнее влияло на крестьян и городские низы в интересах помещиков и властей, а также заботясь об укреплении помещичьего землевладения, ограничивало духовных лиц в их стремлении к обогащению землями. Поэтому их личное землевладение было относительно незначительное. По данным «Экономических примечаний к генеральному межеванию», составленным в 1785 г., в 9 уездах³ выявлено лишь 127 попов, дьяконов и дьячков (из общего количества около 900 чел.), имевших личные наделы земли. В Краснокутском уезде 30 духовных лиц владели 867 дес. Кроме того, здесь в х. Волковом ахтырский поп Буцюга имел земли в общей меже (235 дес.) с владениями Ахтырского монастыря и помещика Криницкого. В Сумском уезде — у 26 чел. было 909 дес., в Лебединском у 21 чел. — 745 дес., в Ахтырском у 19 чел. — 455 дес., в Харьковском у 9 чел. — 303 дес., в Недригайловском у 8 чел. — 250 дес., в Богодуховском у 6 чел. — 358 дес., в Валковском у 4 чел. — 260 дес., в Купянском у 2 чел. — 24 дес. Всего же насчитывалось у этих «пастырей» 4566 дес. Следовательно, каждый из них в среднем владел 40 дес. Некоторые церковнослужители имели весьма крупные владения. Так,

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 662, лл. 199—217.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 295—296, 299, 302, 321; «Сборник ХИФО», т. 16, стр. 5; Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. III, стр. 96, отд. I, стр. 187.

³ ХОГА, ф. 24, дд. 1—12; ЦГАДА, ф. 1355, Воронежская губерния, Острогжский уезд, дд. 118, 130.

у лебединского попа П. Джунковского было 255 дес. земли, у межиричского попа И. Пшековского — 220 дес., у попа сл. Сватова Лучка Е. Стаховского — 367 дес. и т. д.

Феодальное землевладение на Слобожанщине начало складываться в XVII в. с так называемых пожалований. Правительство жаловало феодалам сначала свободные земли, а затем и заселенные людьми. В XVIII в. правительственные пожалования земель помещикам становятся редким явлением. Между тем к этому времени относится рост крупного феодального землевладения. Крепостники начиная с последней четверти XVII в. с каждым десятилетием все больше наращивали свои земельные владения путем захватов и покупок казацко-крестьянских земель. Причем торговля землей, нередко носившая фиктивный характер, постепенно росла.

Из дела по доносу липецкого сотенного писаря П. Непышного в Харьковскую полковую канцелярию известно, что бывший полковник Куликовский в 1761 г. приобрел полковую землю у казаков, свойственников, подпомощников и «обывателей» по 110 купчим на 4111 руб., скупая эти угодья «с поднасилия в противность уложения» и указа 1735 г.¹, запрещавших покупать земли у лиц, не имеющих права владеть ими.

Фиктивная покупка земли была распространенным явлением. Украинские и русские дворяне Старооскольского уезда в наказе «Комиссии по составлению Уложения» в 1767 г. писали по этому поводу, что если некоторые крупные помещики захватывают земли своих «собратий», то «другие коварнее еще в сем случае поступают»: покупают землю, людей и крестьян у лиц, которые на такие владения не имеют законных прав, и, пользуясь этими купчими, захватывают земли.

Несмотря на фиктивность многих купчих, все же они представляли собою в условиях крепостничества новый, покупной способ приобретения земли.

В архивных фондах сохранилась часть купчих, составленных в канцеляриях Слободских полков, особенно в Харьковской полковой канцелярии. Из них нами использованы подряд 855 купчих, записанных до 1751 г.² По десятилетиям эти купчие распределяются следующим образом:

1651—1660 — 1	1711—1720 — 51
1661—1680 — 7	1721—1730 — 136
1681—1690 — 14	1731—1740 — 130
1691—1700 — 12	1741—1750 — 484
1701—1710 — 20	

¹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 514, лл. 61—63.

² Там же, дд. 6, 16, 23, 28, 33—36, 42, 43, 233, 745, 748, 773, 778, 785, 793, 800, 807, 816, 818, 828, 834, 844, 845, 858, 865.

Эти сведения далеко не полные, тем не менее они убедительно свидетельствуют о втягивании земельных владений в торговый оборот. Были купчие сделки уже в 50—60-х годах, их количество значительно увеличилось в последней трети XVII в., но все же правильнее будет считать, что в то время покупка земли на Слобожанщине практиковалась редко. Это объяснялось наличием массы свободной земли, ее можно было сравнительно легко получить за службу; опасность татарских нападений удерживала обладателей денег от приобретения недвижимого имущества; следует иметь в виду, что в Русском государстве в это время земля только начинала превращаться в объект торговли.

В первой половине XVIII в. в связи с хозяйственным развитием края продажа и покупка земли, как видим, с каждым десятилетием росла. Торговля землей продолжала расти еще больше во второй половине XVIII в. Сохранилось несколько десятков книг купчих записей в архивных фондах полковых канцелярий, преимущественно Харьковской, до 1765 г.¹ и Слободско-Украинской губернской канцелярии за 1765—1780 гг.²

Из 855 купчих, учтенных до 1751 г., явствует, что по 673 купчим продали земли казаки, их свойственники и подпомощники, однодворцы и люди, названные «жителями» поселений; всех их можно назвать крестьянами. Затем продали помещики по 132, духовные лица по 46 и канцелярские чиновники по 4 купчим. Приобрели землю: помещики по 535, крестьяне по 239, духовенство по 45 и канцелярские чиновники по 36 купчим. В результате лишились земли: крестьяне по 434 купчим и духовенство по 1 купчей. Приобрели: помещики по 403 купчим и чиновники по 32 купчим.

В таком направлении росла торговля землей и во второй половине XVIII в. Из 1458 купчих 1751—1780 гг., например, крестьяне продали по 731 купчей, в том числе крестьянам по 242, помещикам по 449 и чиновникам по 40 купчим. Помещики продали по 601 купчей: помещикам по 517, крестьянам по 69, чиновникам по 14 и духовенству по 1 купчей. Духовенство продало по 111 купчим: духовенству по 2, помещикам по 86, крестьянам по 22 и чиновникам по 1 купчей. Чиновники продали по 12 купчим: чиновникам по 5, помещикам по 5 и крестьянам по 2 купчим. Купцы продали по 3 купчим: тульский купец продал попам селитряные курганы под Харьковом и по 2 купчим чугуевский купец продал земли местному калмыцкому мурзе. По всем этим сделкам увеличилось земли у помещиков по 458 купчим и у чиновников по 45 купчим, уменьшилось земли у крестьян по 393 купчим и у духовенства по 96 купчим.

¹ ХФЦГИА, ф. 27, д. 1; ф. 30, дд. 42—45, 52—55, 59—61; ф. 31, дд. 16, 47, 145, 233, 514, 745, 748, 878, 879, 893, 904, 914, 924, 936, 955, 962, 977, 992, 1018, 1038.

² Там же, ф. 399, дд. 2306, 2351, 2386, 2390, 2391, 2393, 2418, 2451.

Приведенные данные показывают, что земля в XVIII в. довольно быстро превращалась в предмет купли-продажи. Помещики, втягиваясь в рыночную сферу, использовали эти сделки, как одно из существенных средств увеличения своих владений. Что же касается духовенства, то необходимо отметить следующее: в XVII в. духовенство не уступало помещикам в приобретении земли путем покупок. По имеющимся данным, из 34 купчих к 1701 г. монастырям принадлежало 18, попам 2 и светским феодалам 14 купчих. Политика правительства, направленная на ограничение церковно-монастырского землевладения, а затем и секуляризация привели к тому, что во второй половине XVIII в. духовенство больше продавало, чем покупало земли.

Распределение земли между классами и сословиями в конце XVIII в.

Общий рост землевладения помещиков шел за счет казацко-крестьянского землевладения. К концу XVIII в. половина земельного фонда края оказалась в руках 250 семей крепостников, другая половина, продолжавшая сокращаться, оставалась во владении и пользовании 1 млн. крестьян. Распределение всей земли по сведениям «Экономических примечаний к генеральному межеванию» было следующим¹.

Уезд	Всего земли (в дес.)	Помещичьей выделенной земли	Помещичьей совместно с войсковыми обывателями и однодворцами земли	Церковно-монастырской земли	Конюшенной канцелярии и экономической земли	Войсковых обывателей и однодворцев земли	Городской земли
Суджанский . . .	172 635	62 486	89 515	1 083	—	19 047	504
Сумской	186 336	142 421	21 073	4 450	2	17 316	1 074
Белопольский . .	152 007	85 019	61 287	—	3 710	673	1 318
Миропольский . .	183 610	110 632	50 831	—	18 586	2 685	876
Недригайловский	163 443	139 522	22 290	761	116	496	258
Лебединский . . .	144 120	54 892	86 201	—	1 335	382	1 310
Ахтырский	176 202	63 288	72 474	1 566	4 160	31 925	2 789
Краснокутский . .	170 964	71 505	87 440	2 132	—	8 947	940
Богодуховский . .	160 940	62 291	57 754	4 127	7 309	28 152	1 307
Хотмыжский . . .	208 537	94 346	62 587	—	33 488	17 812	304
Харьковский . . .	190 923	48 915	127 532	4 864	—	9 022	590
Валковский . . .	206 443	106 670	86 373	2 440	1 755	8 088	1 117
Золочевский . . .	159 519	92 938	40 655	1 642	—	23 968	316
Волчанский	276 497	143 633	116 756	—	7 317	7 779	1 012
Чугуевский	316 111	115 226	159 829	8 218	579	30 671	1 588
Изюмский	296 418	111 871	183 208	1 339	—	—	—
Купянский	750 910	341 633	143 243	12 831	45 709	205 991	1 503
Беловодский . . .	590 111	25 341	167 879	—	357 119	36 339	3 433
Острогожский . .	746 012	233 600	477 120	160	21 428	9 055	4 649
Итого . . .	5 251 738	2 106 229	2 114 047	45 613	502 613	458 348	24 888

¹ ЦГАДА, ф. 1355, Харьковская губерния, дд. 19, 27, 31, 34, 43, 53, 59, 70, 88, 97, 107, 112, 115, 121, 132, 137а; Воронежская губерния, дд. 55, 118; д. 2, лл. 1—7; ХОГА, ф. 24, Экономические примечания по Слободско-Украинской губернии, дд. 1—12.

Как видим, из всей земельной площади 5 251 738 дес. выделено помещикам 2 106 229 дес., или 40,1%, массе войсковых обывателей и немногочисленным однодворцам—458 348 дес., или 8,72%, войсковым обывателям, однодворцам и помещикам вместе отмежевано 2 114 047 дес., или 40,2%, церквям и монастырям — 45 613 дес., или 0,87%, конюшенной канцелярии и экономической земли было 502 613 дес., или 9,55%, и под застройкой городов и их выгонами 24 888 дес., или 0,53%.

Если допустить, что в общем владении земли (40,2%) помещикам принадлежало лишь 25% площади, то и тогда помещики владели более 50,1% земли, а войсковые обыватели и однодворцы — почти 40% всей земельной площади края. Надо полагать, однако, что из совместного владения земли 2 114 047 дес. помещикам принадлежало более 25% площади.

По сведениям «Экономических примечаний» из выделенной помещичьей земли (1 799 544 дес.) большая часть принадлежала украинским помещикам, меньшая — русским и незначительная — помещикам иностранного происхождения. Это распределение земли представлено следующей таблицей:

Слободской полк	Всего земли (в дес.)	У украинских помещиков	У русских помещиков	У помещиков иностранного происхождения
Сумской	364 683	227 599	126 652	10 432
Ахтырский	144 403	110 798	10 643	22 962
Харьковский	147 002	78 314	39 813	28 875
Изюмский	301 591	205 002	79 357	17 232
Острогожский	214 469	70 051	144 418	—
Итого . . .	1 172 148	691 764	400 883	79 501

Таким образом, на территории бывших Сумского, Ахтырского, Харьковского и Изюмского полков господствующее положение занимали дворяне-украинцы, основная площадь земли принадлежала украинским дворянам. На территории Острогожского полка было в массе своей русское население, здесь образовалась господствующая группа русского дворянства, в руках которого оказалась большая половина земельного фонда.

Что же касается помещиков иностранного происхождения, то значительная их часть, как Каразин, Кигичи, Куликовские и др., была связана брачными узами с местными казацкими старшинами, и по существу их лишь условно можно отнести к группе помещиков иностранного происхождения.

Теперь уместно сказать о размерах владений, образовавшихся к концу XVIII в. Возьмем сведения «Экономических приме-

чаний» о землевладениях, площадь которых превышала 5 тыс. дес.

На территории Сумского уезда помещики Кондратьевы имели около 123 тыс. дес., К. Матвеев лично — 45 201 дес. и совместно с другими помещиками — 9082 дес., К. Голицын — 32 510 дес., Надаржинские — 27 455 дес., Барятинские — около 17 тыс. дес., Савичевы — 17 837 дес., И. Юсупов — 1230 дес., А. Кигич — 9569 дес., Ф. Яцына — 8758 дес., Карповы — 8168 дес., Лизогубы — 8003 дес., Щербатов — 8 тыс. дес., Куколь-Яснопольский — 6872 дес., Штепины — 5192 дес.¹

В Ахтырском уезде Подгоричани владел 13 576 дес., Перекрестовы — 10 842 дес., Богаевские — 9917 дес. Лесевицкие — 8695 дес., Смаковские — 8830 дес. и совместно с Коновницким — 6351 дес., Неплюев — 7837 дес., Боярские — 7776 дес., И. Бунин — 7457 дес., Войновичевы — 6822 дес., Агроновичи — 5295 дес.

В Харьковском уезде Квитки имели во владении 37 011 дес., а также владели землями в поселениях и хуторах Сумского и Изюмского уездов, Дунины — 29 633 дес., Куликовские — 20 386 дес., Шидловские — 14 621 дес.²

В Изюмском уезде Донцы-Захаржевские имели 51 415 дес., а также совместно с другими владельцами — 23 948 дес., в Харьковском уезде и в ряде мест Сумского и Лебединского уездов — 4562 дес., Щербинины — 35 833 дес., а также в Харьковском и Купянском уездах, А. Зарудный — 25 555 дес., Капустянские — 23 771 дес., Писемские — 20 388 дес., Тихоцкие — 8793 дес., Чулков — 8403 дес., Ляшенков — 8332 дес., Данилевские — 8895 дес., Н. Аракчеев — 5634 дес., Краснокутский — 5856 дес., Д. Купчинов — 5574 дес., Мерескуловы — 5611 дес.

В Купянском уезде С. Попов — 6539 дес.³

В Острогожском уезде С. Тевяшов — 53 485 дес., Астафьевы — 18 671 дес., Подколзины — 12 282 дес., А. Чохурский — 10 687 дес., Куколевские — 10 529 дес., В. Бедряга — 9830 дес., Ф. Тимошенко — 9603 дес. и П. Головинский — 8566 дес.

В Беловодском уезде Ф. Бутков — 6639 дес.⁴

Наряду с крупными помещичьими владениями на Слобожанщине, как и по всей стране, были также имения средних и мелких размеров. По материалам генерального межевания нами выявлены размеры земельных владений 323 помещичьих семей, которые владели 1 472 148 дес. земли. Эти сведения представлены в следующей таблице:

Уезд	Владения до 100 дес.		101—1000 дес.		1001—5000 дес.		5001 и более дес.	
	владельцев	у них земли	владельцев	у них земли	владельцев	у них земли	владельцев	у них земли
Сумской	29	1190	43	13 378	7	18 650	14	331 555
Ахтырский	31	1125	33	12 503	12	30 718	12	100 057
Харьковский	22	1041	31	9 797	11	14 507	7	121 657
Изюмский	—	—	9	4 664	16	50 601	17	246 326
Острогожский	2	94	5	2 872	13	30 851	9	180 652
Всего	84	3450	121	43 214	59	145 327	59	980 247

Вся земля распределялась следующим образом: 84 семьи (26%) имели 3450 дес. (0,3%), по 41 дес. на семью; 121 семья (37,4%) имела 43 214 дес. (3,7%), по 357 дес. на семью; 59 семей (18,3%) имели 145 237 дес. (12,4%), по 2478 дес. на семью и самые крупные владельцы — 59 семей (18,3%) имели 980 247 дес. (83,6%), по 16 613 дес. на семью.

О размерах крестьянского землевладения нам известно из тех же «Экономических примечаний». Землевладение войсковых обывателей было выделено в нескольких десятках сел края, по этим сведениям можно установить среднее количество десятин на ревизскую душу. В Сумском уезде: в Стецковке — 3,5, Верхней Сыроватке — 4,5, Нижней Сыроватке — 5 дес. В Ахтырском уезде: в Кириковке — по 3,5, Старой Рабини — 2,9, в Городне и Козеевке — 4,5, Боромле — 4,6, Бакировке — 4,9, Олешне — 5,5, Сенной — 7, Павловке — 7,7 дес. В Изюмском уезде: в Сватовой Лучке — 6,7 и в Лимане — 9,55 дес. В Острогожском уезде: в Ольшанске — 4,2, в Костомаровской, Колодяжной и Сагунах — 13,7, в Подгорной — 18,6, в Белогорье — 24 дес.

Землевладение однодворцев представлено сведениями нескольких селений. В д. Зубовка, Ахтырской провинции, было по 10, в с. Пристайлово по 4,2 и в с. Каменное по 3,1 дес. на человека. Крестьяне дворцовых сел владели также небольшими наделами. В с. Яблочное, Богодуховского уезда, они имели по 5, в с. Новотроицкое, Лебединского уезда, — по 3,9 дес. на ревизскую душу.

О земельных наделах помещичьих крестьян известно очень мало. В документах их земля считалась собственностью помещиков и часто показывалась вместе с помещичьей землей, которой крестьяне не пользовались. Но в некоторых документах земли, используемые крепостными крестьянами, показаны, как их владения. Эти сведения позволяют составить, правда, неполное представление о данном виде землевладения.

¹ ХОГА, ф. 24, дд. 1, 3, 6.

² Там же, д. 4, л. 117.

³ Там же, дд. 2, 5, 7—11.

⁴ ЦГАДА, ф. 1355, Воронежская губерния, Острогожский уезд, д. 129, лл. 1—5; д. 130, лл. 1—6; Беловодский уезд, д. 2, лл. 1—7.

Из материалов генерального межевания явствует, что размеры земельных наделов помещичьих крестьян в различных районах Слобожанщины и даже в разных селах одних и тех же владельцев были не одинаковы. Приведем несколько типичных примеров земельных наделов на ревизскую душу в помещичьих бывших Слободских полках: Сумского — В. Савича в Луговском 2,3, в Беловодье 8, в Приколе 8,3 и в Стецковке 14,25 дес., Лизогуба в Николаевке 11,5 и в Рудневке 4,2 дес., Куколь-Яснопольского в Новопетровском 5,4, в Куяновке 6,3 и в Вороновке 7,8 дес., И. Матвеева в Коровяковке 2,4, в Глушково 2,8, в Теткино 4,3, в Сушиновке 4,3, в Корыже 5,3, в Веселом 5,5, в Глушице 7,9, в Кульбаках 12,5 и в Комаровке 14,8 дес.; Ахтырского — Лесевичих в Староивановке 6, в Ковалевке 13,3 дес., Перекрестовых в Буймеровке 6,5 и в Матвеевке 10,6 дес., Карзинных в Основинцах 4,2 и в Кручице 6,7 дес.; Харьковского — Квиток в Верещаковке 1,9, в Основе 2, в Семеновке 3,2, в Алексеевке 3,3, в Гуляй-Поле 7,2 дес., Куликовских в Кантемировке 6,5, Борках 6,5, Терновом 6,7, в Ракитном 7,2 и в Михайловке 14,9 дес.; Изюмского — Капустянских в Черемушной 14,5, в Ивановке 26 и в Жеребце 24,6 дес., Зарудных в Рогозянке 4,3, в Хатней 14,3 дес.; Острогожского — Тевяшовых в Новомлинском и Писаревке 10,3, в Колыбельке 12,4 дес., Подколзиных в Таволжанке 5,4, в Ольховатке 19,6 и в Россоши 20,2 дес.

Средние размеры этих владений приведены в таблице:

Слободской полк	Помещиков	Сел	Ревизских душ	Общее количество дес.	Количество дес. на ревизскую душу
Сумской	8	32	23 210	155 740	6,8
Ахтырский	12	22	7 147	64 296	9,0
Харьковский	10	26	8 276	62 115	7,5
Изюмский	9	16	3 360	48 400	14,8
Острогожский	2	8	11 866	219 267	18,5
Всего	41	104	53 859	549 818	10,2

Таким образом, помещичьи крестьяне имели в среднем по 10,2 дес. Но за этой цифрой скрывалось, как видим, значительное различие наделов в разных местах края.

Автор «Описания Слободско-Украинской губернии 1802 г.» на основании материалов генерального межевания писал, что среднее количество пригодной пахотной и сенокосной земли, принадлежавшей войсковым обывателям и однодворцам, составляло по всей губернии 8 дес. 955 кв. саженей, а в помещичьих имениях — 9 дес. 1339 кв. саженей на ревизскую душу. В то время, когда в одних «казенных селениях» приходилось меньше

2 дес., то в других по 20—30 дес. на ревизскую душу, «хоть сих последних и весьма мало». Далее автор подчеркивал, что «скудные землями селения находятся больше в Харьковском, Валковском, Богодуховском и Ахтырском уездах»¹, однако объяснения причин различия наделов не давал.

Говоря о крупных владениях войсковых обывателей, необходимо отметить следующее. Известно, что казакам давали земли по 12—15 дес. на человека. Увеличение земельного фонда в Белогорье, Подгорной и в некоторых других селах края произошло за счет приписки бывших полковых земель. В общем казацкое землевладение сократилось в пользу помещиков не менее чем в 3 раза.

Что же касается крупных наделов крепостных крестьян некоторых помещиков, особенно в пределах бывших Изюмского и Острогожского полков, то это объясняется тем, что их помещики слабо втягивались в товарно-денежные отношения и имели очень незначительные свои запашки. В этих имениях большей земельной площадью пользовались крестьяне. Размеры средних наделов крестьянских владений в разных селениях края были различные, в зависимости от того, сколько осталось земли у казаков и однодворцев после экспроприации ее в пользу помещиков, а также степени развития помещичьего хозяйства. В результате появлялось неравное землевладение крестьян внутри их общин.

Как мы видели, уже в XVII в. появлялись отдельные казацкие и однодворческие семьи, которые разными путями сосредоточивали в своих руках большое количество земли. Рост личного крестьянского землевладения, особенно путем покупки, стал заметным с 30-х годов XVIII в. В с. Островецкая казак С. Похмиленко имел не только положенный надел, но и купил в 1740 г. у харьковского полковника И. Г. Квитки значительную площадь пахотной земли².

В сл. Борисовка, Золочевской сотни, С. Бучук, крепостной помещика Шереметьева, в 1750 г. был собственником 208 дес. земли³. Хотмыжские однодворцы М. Стаховский и В. Печенков в 80-х годах XVIII в. владели в Валковской сотне пахотной землей и лесным буераком общей площадью 312 дес.⁴. Недригайловские однодворцы имели собственной земли: Д. Рыжков 101 дес., П. Кияев 138 дес., К. Пошутилков 257 дес.⁵. Можно было бы перечислить десятки фамилий крестьян разных мест

¹ Описание Слободско-Украинской губернии 1802 г., X., 1889, стр. 8.

² ХФЦГИА, ф. 31, д. 773, лл. 25—26.

³ Там же, д. 233, л. 59.

⁴ Там же, л. 44.

⁵ ХОГА, ф. 24, дд. 1, 9—11.

Слобожанщины, владевших земельными участками, которые в десятки раз превышали наделы основной массы крепостных.

С середины XVIII в. отмечается стремление к приобретению земель купеческими и мелкими чиновными элементами, не обладавшими правом на землю. Конечно, запреты правительства ограничивали возможности образования их землевладения. Тем не менее такие владения появлялись. По р. Харьков в урочище Мезеновка участок земли принадлежал харьковскому купцу А. Безкозырному¹. Чугуевский купец С. Любимов владел пахотной землей и другими угодьями на р. Тетлег². Нам неизвестно, какими путями приобрели земли эти владельцы. Можно лишь предположить, что были купцы, выходцы из казаков, владевшие своими казачьими землями, некоторые из них покупали земли, имелись также случаи захвата земель. В 1761 г., например, тульский купец А. Шелепов, обосновавшись в Харькове, захватил у харьковского казака Ф. Стрельника сенокос на 30 ступеней в урочище Студенце. За 15 лет до этого в том же месте Шелепов отнял у казацкого подпомощника И. Коробки сенокосный участок³.

В «Экономических примечаниях к генеральному межеванию» 1785 г. указывается также на приобретение земли служащими губернской, уездных и других канцелярий.

Таким образом, на Слобожанщине образовалось феодальное землевладение с рядом особенностей, присущих местным условиям.

¹ ХФЦГИА, ф. 24, д. 12, л. 11.

² Там же, ф. 31, д. 878, л. 15.

³ Там же, д. 632, л. 30.

Глава IV

РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ЖИВОТНОВОДСТВА

С массовым заселением Слобожанщины развивались производительные силы, росло народное хозяйство. Это хозяйство было в основном натуральным. «При натуральном хозяйстве,— писал В. И. Ленин,— общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, феодальных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению»¹. В недрах этого хозяйства со второй половины XVII в. возникают элементы товарных отношений. Однако следует отметить, что темпы роста хозяйства края до XVIII в. не соответствовали ни благоприятным естественным условиям, ни внутренним потребностям. Это объяснялось тем, что край продолжал подвергаться частым татарским набегам.

Нападения татар на южные районы России продолжались во второй половине XVII в. и даже в первой половине XVIII в. Как и прежде, они происходили по инициативе крымско-ногайских феодалов, в результате агрессивной внешней политики Турецкого султаната. Набеги часто производились одновременно на многие города и села и по несколько раз на одни и те же населенные пункты в течение года. В 1657 г. татары напали одновременно на Цареборисов, Тор, Змиев, Хорошево и Валки², в 1658 г. они нападали на Синолицовку³, Хорошево, Гомольшу, 3 раза на Валки⁴ и 8 раз на Змиев и окрестные поля⁵.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 15—16.

² АМГ, т. II, № 951.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 79, 81—84; ХФЦГИА, ф. 353, стб. 37, док. 32, 39.

⁴ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 37, док. 34, 41, 42, 45, 50.

⁵ Там же, док. 36, 38, 40, 42, 45, 47.

Белгородский воевода Г. Ромодановский в 1659 г. писал в Разрядный приказ, что татары в окраинных городах занимаются грабежом, захватывают людей в плен, в результате у многих жителей «дома разорены без остатку». В следующем году подверглись нападению Валки и соседние села¹.

Терроризируя население края мелкими набегами, татары периодически предпринимали большие опустошительные походы. Об одном из таких нападений, происшедшем в январе 1680 г., в «Летописи Самовидца» говорится: «на початку того года вышел хан с ордами не малыми под слободы московские и стал около Мерли и барзо великую шкоду учинил в слободах московских, миль на тридцать попустошил аж по-за Белгородом»².

В результате по неполным сведениям погибло и было угнано в рабство украинцев и русских 3258 чел., захвачено зерна 21 566 четей, крупного и мелкого скота 24 193 головы, пчел 4828 ульев, сожжено 688 дворов, 4 мельницы и 8 хуторов³.

Большое опустошение принесло татарское нападение 1691 г. Чугуевскому уезду, Змиеву, Бишкину, Лиману, Балаклее, Андреевке и другим селениям. Было убито и сожжено 95 чел., захвачено в рабство 1962 чел., угнано 1358 лошадей, 7174 головы рогатого скота, 2272 головы овец и коз, разграблено и сожжено значительное количество хлеба и т. д.⁴.

Много бедствий приносили татары и в другие годы. Летописец С. Величко рассказывает, что татарские отряды 1698 г. нападали на слободы по Осколу, доходя до Валуек. «Зима была лютая и в снеги обитая, однак волки голодные крымские татары тои не боячися, в последних числах месяца январия в полк Изюмский вторгнувши под Печенеги и под городок Салтов и по иных многих селах тамошних немалую загорненем в полон народа христианского учинили шкоду, и тем же путем восвояси невозбранно повернули, леч для лютости зимной немало полоняников мерзлых на шляху покидали»⁵.

В 1711 г. крымские феодалы при участии изменника Орлика организовали нападение на многие поселения Слобожанщины, особенно пострадали Одринка, Огульцы, Новая Водолага, Мерефа. Спустя 2 года татары угнали весь скот, принадлежавший жителям Старого Мерчика⁶. Татарские набеги были в 1737 г. В 1768 г. угроза нападения татар была настолько реальной, что

в крае повсеместно ремонтировали крепости, заготавливали боеприпасы, подтянули к южным границам гусарские полки¹.

В этих условиях жизнь и хозяйство слобожан в течение многих десятилетий находились в опасности. Много усилий и материальных средств поглощало строительство и ремонт деревянных и земляных укреплений. Поселенцы постоянно несли городовую и полевую службу, принимали участие в походах, перевозили казенные грузы. Все это тормозило развитие хозяйства края.

Пашенное земледелие Главным занятием основной массы слобожан являлось земледелие. Об этом говорится во многих документах XVII в., а также в «Описании городов и сел Слободско-Украинской губернии» 1767 г., в «Топографическом описании Харьковского наместничества» 1788 г., «Описании Слободско-Украинской губернии» 1802 г. и в других документах XVIII в.

Системы земледелия существовали трехпольная и переложная. В грамотах о наделении земель слобожан обычно указывалось: дать земли в поле столько-то четей, «а в дву потому ж». Предусматривалось, таким образом, хозяйственное деление земли на 3 равные части: для яровых и озимых посевов, а также под пар, что отражало установившееся в России, как и на Украине, трехполье.

Однако о практическом применении трехполья на Слобожанщине в XVII в. сведения не сохранились. Возможно, оно существовало кое-где на подгородных землях. Наличие относительно большой площади свободных земель благоприятствовало сохранению в течение долгого времени переложной системы земледелия. В «дозорной» книге г. Каменного 1649 г. говорится, что по дороге от Каменного до Подолок вспаханной земли было 150 дес. и столько же перелога². Подобные сведения о переложной системе, а не о трехполье, содержатся в документах XVIII в. Это привело некоторых авторов к неверному выводу о том, что в крае якобы переложная система господствовала до конца XVIII в.

А. Белевский в статье «Общинное землевладение и землепользование», анализируя ответы на вопросы «Вольного экономического общества» о системе земледелия в Слободско-Украинской и Оренбургской губерниях, писал, что здесь существовала преимущественно переложная система, «причем иногда отдельные участки, эксплуатирующиеся по трехпольной системе, меняются по очереди, поступая поочередно в залежи»³.

«Ответы на экономические вопросы» по Слободско-Украин-

¹ АМГ, т. III, № 89, 242.

² Летопись Самовидца, стр. 149.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 84—93; т. II, стр. 90—101.

⁴ Там же, т. I, стр. 157—163; ХФЦГИА, ф. 353, стб. 158, док. 1, 2, 14, 28, 35; ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1023, лл. 796—798.

⁵ С. Величко. Летопись..., стр. 499, 501.

⁶ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 293, 300, 301, 314.

¹ ХФЦГИА, ф. 399, д. 515.

² Описание документов и бумаг..., кн. 4, стр. 256.

³ «Юридический вестник», т. XIX, М., 1888, стр. 89.

ской губернии не дают основания согласиться с такими выводами. В пункте 14 «Ответов» по Харьковской провинции говорится: «разделение пахотной земли такое же, как в прочих местах Российского государства наблюдается, то есть по всякой трети год дают обыкновенно третьему полю отдыхать, и толоча оное в то время всякою скотиною, тем самым одабривают ее к плодоносию на будущие два года»¹. По Сумской провинции «разделение земли во всяком селении бывает на три части, из коих на одной сеют озимой с осени, а на другой весной яровой хлеб; а третья часть остается до последних чисел июня не пашенная, пасут на ней скотину..., а в последних числах июня и в первых июля пашут и оную под посев озимого хлеба». В Острогожской провинции поля также делились на 3 части, «из которых одно каждое лето переменною остается для толчения скотом». То же самое отмечалось по Изюмской и Ахтырской провинциям.

Академик Гильденштедт, побывав во многих местах Харьковской и Изюмской провинций в 1774 г., писал: «Крестьяне здешних деревень обыкновенно свою пахотную землю делят на три части, из которых каждая после двухлетней обработки оставляется на третий год под пар»².

Данные сведения позволяют сделать вывод, что в крае во второй половине XVIII в. преобладало трехполье, при этом, однако, в разных местах края сохранялось переложное земледелие, в частности на Старобельщине. Управляющий владениями князя А. Б. Куракина Д. Малимонов писал, что в слободах Александровка, Белокуракина и Танюшевка крестьяне, «занимая посевом один год поле, остальные три или четыре года отдыхают»³. Наличие свободных земель, малочисленность населения обуславливали сохранение переложной системы земледелия и в северных районах бывшего Острогожского полка. Ливенские дворяне в наказе 1767 г. писали, что однодворцы часто бросают свои пашни и усадьбы, переходят на новые земли: «по обширности здешних степей усиливаются распашь иметь целиною из года в год, а старые пашни запускают в залежи»⁴.

Слобожане еще в XVII в. знали различные способы навозного удобрения и понимали значение для почвы плодосмены. В Чугуеве, например, на царских арбузных огородах (1661—1666 гг.) садили арбузы через год, а в промежуточные годы сеяли на них коноплю для «строения земли»⁵. Этот способ в XVIII в. распро-

странился на зерновые культуры. «Здесь я заметил,— писал Гильденштедт,— что яровые поля, особенно бывшие под гречихой, засеваются рожью, не будучи перепаханными; посев только заборанивается».

Однако удобрение земли не имело широкого применения и во второй половине XVIII в. В «Ответах на экономические вопросы» по Харьковской провинции говорилось, что «унавожение земель почти не известно», за исключением земли, засеваемой коноплей. По Сумской провинции отмечено, что там удобряют землю, только отводимую под овощи. Повсеместно крестьяне считали, что земля хорошая, для восстановления плодородия после двухлетнего использования достаточно дать ей отдохнуть один год под толокой. В Изюмской провинции «на пашенную землю навоза не возят, а обыкновенно збивается скотом, и где больше скотины, там лучше и урожай хлеба бывает. О навозе же рассуждают, что по здешнему климату, ежели землю унавоживать, то от жарких дней посеянный хлеб весь выгорит»¹.

Следовательно, удобрение навозом земли применялось в основном под коноплю, на огородах и бахчах. Обычный порядок обработки земли под озимые культуры был следующий. Поля, предназначенные под озимую рожь, «перепахиваются уже в последних числах июня. Сеятель разделяет эти перепаханные поля на равные части бороздами, отстоящими друг от друга сажени на две, затем ходит между ними и на каждые два шага сыпит по полной горсти зерна то направо, то налево. Засеянное поле сейчас же перепахивается и заборанивается»².

Земледельческая техника в XVII в. состояла из небольшого плуга, или «косули», сохи простой с одним сошником и сохи двойной с двумя сошниками, а также деревянной бороны. В описании имущества украинских переселенцев неоднократно упоминаются плуги, сошники и полицы. У жителя с. Боровое И. Рыжкова чугуевский пристав Ф. Вязмин в 1653 г. забрал сошник. В описании имущества чугуевского сына боярского Я. Окоорокова числится сошник с полицею³. По «сказке» сторожа И. Крамаря в начале XVIII в. взято из приказной избы 37 сошников с полицами, «которые остались за раздачею крестьянской, что битюцким крестьянам розданы для пахоты десятинной пашни»⁴.

В документах второй половины XVIII в. указывается на применение, кроме названных орудий, большого плуга с тележкой и борон с железными зубьями. С этого же времени коса полу-

¹ «Труды ВЭО», ч. VIII, стр. 80, 108, 141, 165, 192.

² Путешествие академика Гильденштедта по Слободско-Украинской губернии (Август-сентябрь, 1774 г.). Х., 1892 (далее будет: Гильденштедт, Путешествие...).

³ «Киевская старина», 1887, т. 18, стр. 563.

⁴ «Сборник РИО», т. 68, стр. 409.

⁵ Д. И. Багалей. Очерки по истории колонизации..., стр. 354.

¹ «Труды ВЭО», ч. VIII, стр. 107—108.

² Гильденштедт. Путешествие..., стр. 18, 62.

³ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 37, лл. 1—10; стб. 109, док. 23.

⁴ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XV, стр. 1663.

чила дополнительное устройство («гребок») для кошения хлебных культур.

Вначале украинцы пользовались плугами, тогда как русские предпочитали пахать сохами. В XVIII в. плуг стал применяться более широко в хозяйстве русских. «Одноворцы,— писал Гильденштедт,— пашут обыкновенно русской сохой, запряженной в одну лошадь и управляемой одним человеком; человек, запахивающий посев, привязывает к своему поясу повод той лошади, которая тащит борону и, таким образом, заставляет ее подвигаться несколько влево от себя. Благодаря этому один человек в одно и то же время и запахивает и заборанивает посев». Далее ученый-путешественник замечает, что русские одноворцы от украинцев «заимствовали многие обычаи. Они пашут большим плугом, запряженным волами; великорусская же соха уже теперь встречается у них редко»¹. Гильденштедт невольно умалил значение сохи. Тем не менее он правильно заметил тенденцию распространения тяжелого украинского плуга на Слобожанщине во второй половине XVIII в.

Уместно привести объяснение применению плуга при обработке земли, данное автором «Топографического описания Харьковского наместничества 1788 г.». «Земли по большей части сухи, тверды и вязки, заростают толстым былием и крепкими корнями по сей вине для вспахивания земли употребляют хлебопашцы большие плуги, под которые впрягают по четыре, по шести и по осьми волов, смотря по исправности орудия, по качеству грунта земли и по силе рабочего скота. Употребление плугов принято также великороссийскими помещиками и одноворцами, живущими между или в смежности слободских землевладельцев, во всем сообразно. Употребляют здесь и обыкновенные сохи о двух сошниках, да еще одно орудие, называемое рало. Сие рало делается наподобие бороны с одним рядом 5 или 6 больших деревянных зубцов, или клевцов, на которые накладываются железные зубья, но оба сии орудия больше способны к вспахиванию мягких и песчаных земель; также для вторичного перепашивания под озимой хлеб, а иногда по нужде в недостатке работают вместо большого плуга. Для скорейшего вешнего посева обыкновенно вспахивают здесь землевладельцы свои нивы плугами под зиму в октябре (сия пахать называется зябь), а по открытии земли в марте начинают сеять»² как на зяби, так и на вновь вспаханной земле. Хотя плуг являлся лучшим орудием, чем соха, но им пользовались люди, имевшие много рабочего скота, т. е. зажиточные. К концу XVIII в., как известно, количество скота на Слобожанщине

значительно уменьшилось, поэтому «очень много обращает поселян к употреблению сох. Сие наиболее приметно в уездах Сумском, Волчанском и частично в Богодуховском»¹, — писал современник.

Основную производительную силу в сельском хозяйстве составляли крестьяне, состоявшие из помещичьих крепостных и государственных поданных — казаков с их родственниками и подпомощниками, одноворцев и других групп сельского населения. Крестьяне, за некоторым исключением, вели свое хозяйство собственным трудом. Полковые, или выборные, казаки с 90-х годов XVII в. до 1765 г. пользовались трудом казаков-подпомощников. Каждому из полковых казаков приписывалось от 2 до 7 подпомощников. Подпомощники должны были помогать выборным казакам, обеспечивая их в походах лошадьми, повозками, продовольствием, оружием и другим снаряжением. Тем не менее подпомощники в массе своей не обеспечивали стабильного положения казаков, часто их роли менялись: обедневшие казаки становились подпомощниками, хозяйственно окрепшие подпомощники избирались в казаки. Незначительная часть казаков, их свойственников и подпомощников, а также других групп крестьян богатела, эксплуатируя труд зависимых от них людей.

В помещичьем хозяйстве основной производительной силой были крепостные крестьяне.

Местные помещики начинали свое хозяйство, будучи незначительными собственниками движимого и недвижимого имущества, однако в скором времени им удалось сосредоточить в своих руках земли и рабочую силу — крепостных крестьян.

В руках семьи сумских полковников Кондратьевых в 1732 г. числилось 4976 чел., в 1767 г. — 7477 чел. мужского пола. На территории Сумского полка в те же годы у бунчукового товарища А. Полуботко насчитывалось соответственно 1346 и 1532 чел., у белопольского сотника Куколь-Яснопольского — 595 и 1132 чел. В 1767 г. во владениях князя М. Голицына — 4514 чел. и царского духовника Ф. Дубянского — 1792 чел.

В Ахтырском полку в 1732 г. у Лесевичих было 2194 чел., у Перекрестовых — 1421 чел. и вместе с Надаржинскими им принадлежало на территории Сумского и Харьковского полков 3635 чел.

На территории Харьковского полка генерал Дашков в 1722 г. имел владение в Новой и Малой Водолагах, в котором насчитывалось крепостных 1797 чел.² Ко времени переписи 1732 г. оба эти поселения, в которых насчитывалось 3148 ревизских душ,

¹ Гильденштедт. Путешествие..., стр. 18, 64.

² «Харьковский сборник», 1888, стр. 33—34.

¹ Описание Слободско-Украинской губернии 1802 г., стр. 7.

² ХФЦГИА, ф. 31, д. 12, л. 169.

были взяты правительством «к поселению и довольствию украинских полков»¹, т. е. переданы казне. По ведомостям 1747 г. в Новой Водолаге и Малой Водолаге проживало 3572 чел., принадлежавшие царице Елизавете Петровне, которой в 1732 г. принадлежало 576 ревизских душ в с. Веселое. В 1767 г. было во владениях Спичинской 2198 чел., Ковалевских — 1211 чел., Щербинина — 1858 чел., Квиток — 1548 чел., Л. Шидловский имел крепостных в 1722 г. 873 чел. и в 1732 г. — 2264 чел.

В Изюмском полку старшинские семьи имели: Захаржевские — 1886 чел., Даниловские — 827 чел., Сошальские — 667 чел.; монастыри: Святогорский — 879 чел., Змиевской — 702 чел. В Острогжском полку во владении С. Тевяшова было 7013 чел., Ф. Татарчукова — 961 чел., Лисаневича — 331 чел. мужского пола².

Производственные отношения между помещиками и крестьянами заключались в том, указывал В. И. Ленин, что «помещик давал крестьянину землю, лес для постройки, вообще средства производства... для каждого отдельного двора, и, предоставляя крестьянину самому добывать себе пропитание, заставлял *все прибавочное время* работать на себя, на барщине»³.

Крестьяне выполняли различные работы в помещичьем хозяйстве — строили дома, хозяйственные постройки, заготавливали топливо, производили хлеб и т. д. Так, помещик Спичинский в инструкции управляющему Г. Остафьеву в 1751 г. писал, что в селах Бабаи, Жихорь и Уды посев и уборку хлеба должны производить местные жители, крепостные помещика. Следить за их работой должны сельские атаманы, «которые уже издавна тамощние порядки довольно знают». Помещик предписывал своему управляющему принять все меры, чтобы «господские работы могли чинены (быть) по прежнему порядку без всякого послабления»⁴, т. е. требовал от крестьян беспрекословного повиновения и выполнения ими всех крепостных обязанностей.

Помещики закрепощенных крестьян, имевших хозяйство, облагали многочисленными повинностями, принятых переселенцев наделяли средствами производства, предоставляли им льготы на несколько лет, а затем заставляли отрабатывать их.

Вначале размеры повинностей были различные. В сл. Дуванка, Изюмского полка, крестьяне, поселенные здесь в 1732 г., по истечении льгот в 1735 г. должны были работать в хозяйстве своего помещика сотника Ф. Краснокутского 2 дня в неделю.

Жителей сл. Григорашковка по окончании льготных лет обязали платить оброк с одного двора по 1 руб. в год¹.

В некоторых хозяйствах крестьяне давали помещикам натуральные и денежные оброки или выполняли смешанные повинности. В царской грамоте 25 октября 1709 г. по поводу жалобы крестьян в с. Лутище говорилось, что на своего владельца полковника Ахтырского полка И. Перекрестова они «пахали, дрова секли и возили и иную всякую работу делали, а поборов давали ему на всякий год по 12 руб. и на 703 г. вместо денег дали они ему 50 четей ржи да орехов 25 четей должны их давать со всякого двора по мотку ниток да по гусю да по курице русской на год»².

Во время переписи населения 1722 г. в с. Должик, принадлежавшем князю Я. Крапоткину, староста И. Левицкий говорил писцам, что крепостные-украинцы денег и продуктов не дают, а «хлеб сеют, жнут, сено косят и прочие работы работают». То же самое говорили старосты сел и деревень Рогозянка, Бабаи, Жихорь, Ржев, Березово, Гуты и Алексеевка. В имениях бывших харьковских и изюмских полковников Шидловских в Изюме, Печенегах, Мерчике, Ивановке, Люботине, Кременном, Гутах, Богуславовке, Каравани старосты заявляли, что крестьяне, кроме барщины на помещичьих полях, «работают на него, полковника, на дом ево полковничий дрова возят и в городе Харькове в доме ево, Шидловского, на карауле стоят»³.

Крепостная эксплуатация крестьян в помещичьем хозяйстве господствовала и усиливалась в течение всего XVIII в. По неполным данным переписи 4 полков 1732 г. представляется возможность определить размеры барщины в 200 помещичьих хозяйствах: в 10 имениях крестьяне работали по 1 дню, в 88 — по 2 дня, в 6 — по 2—3 дня, в 28 — по 3 дня, в 2 — по 3—4 дня, в 2 — по 4 дня, в д. Подлесновка помещицы Подлесной, в деревнях Бобрик и Истороп семьи Кондратьевых — по 6 дней, в 5 — по 2 дня с дополнительным взносом натуральных и денежных оброков, в 4 — платили денежные оброки, в 3 — работали «по требованию» господ, в 45 — выполняли «всякие работы» без определения времени и в 4 владениях крестьяне пользовались льготами ввиду недавнего поселения; одни из них были на отдельных работах, другие вовсе не несли повинностей.

В «Ответах на экономические вопросы» в 1768 г. сообщалось, что в Харьковской провинции «владельческие подданные на помещиков своих работают... не ровно, а по большей части с каждого двора по одному работнику в неделю два дня». По

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 223.

² ХФЦГИА, ф. 31, д. 12, лл. 111, 117, 120, 122; Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 204—224, 238—256.

³ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 469.

⁴ «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 256—258.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 254, 266.

² Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. III, стр. 106.

³ ХФЦГИА, ф. 31, д. 12, лл. 55—84, 94—95, 101—111, 117, 120, 222.

Острогжской и Сумской провинциям отмечалось: «Которые не на оброке работают по два дня в неделю»¹. Гильденштедт также подтверждает наличие здесь в основном двухдневной барщины². Эти данные следует дополнить одной деталью. Крестьяне с. Павловка, Изюмского уезда, в 1798 г. во время спора с управляющим помещиков Замятиных говорили, что в страдную пору они ходят на барщину каждый день³.

Следовательно, одни помещики эксплуатировали крестьян систематически по 3—4 и даже по 6 дней в неделю, другие большую часть года использовали их по 1—2 дня в неделю, а во время вспашки, посева и уборки урожая крестьяне работали по 6 дней в неделю.

В переписи 1732 г. указывалось, что крестьяне слобод Михайловка, Васильевка, Грунь, Азак и д. Гуты, Лебединского уезда, на своего помещика А. Полуботко работали 2 дня в неделю и давали ему 162 руб. и 101 четв хлеба в год. Племянник гетмана, как видим, умудрялся совмещать 3 формы эксплуатации: отработочную, натуральную и денежную ренты. Крестьяне с. Коротич, под Харьковом, платили своему владельцу сумскому полковнику В. Осипову только денежный оброк: от 44 дворов 100 руб. в год. Жители Балаклейки (45 дворов) платили помещикам Пестичевым 20 руб. в год.

Перевод крепостных крестьян на денежный оброк значительно расширился во второй половине XVIII в. Причем, если в предыдущее время оброк брали со двора, то теперь стали взимать подушный. Помещик Н. Базилевский в с. Ржев, Харьковского уезда, брал за 8 месяцев по 11 руб. с человека⁴. Этот крепостник, стремясь урвать побольше, по-видимому, учитывал связь хозяйства своих крестьян с рынком соседнего Харькова.

В этом отношении интересны суждения о путях увеличения оброков, высказанные управляющим Д. Малимоновым своему помещику А. Куракину в письме по поводу состояния слобод Александровка, Белокуракина и Танюшевка, Валуйского уезда, в конце XVIII в.

Украинские крестьяне платили помещику А. Б. Куракину по 3 руб. 80 коп. «с хаты», т. е. со двора. Д. Малимонов писал, что не все плательщики одинаково состоятельны: одни зажиточны, и в семье имеют несколько человек, им оплатить эту сумму легко, другие бедные и одинокие, с них взыскать оброк удается с трудом. Он предлагал владельцу заменить подворный оброк на подушный, что увеличит общую сумму дохода с 4 тыс. до 6 тыс. руб.

Д. Малимонов также советовал Куракину пересмотреть размер оброка с русских крестьян слобод Тарабаровка и Алексеевка. Вместо натурального обложения «лучше бы было, если их по имуществу каждого обложить денежным оброком, ибо они все, сколько я слышал, согласятся дать по 4 руб., а имущие по 5 руб. с души в год оброку; то на число находящихся там по ревизии 161 душу обойдется годового оброку более 700 руб., следовательно, выгоднее, нежели получать пашню до 700 четв. хлебом, который в тамошних местах и в дорогую пору не свыше 70 коп. четв. обходится, а в дешевое время 60 и 50 коп. четв.»¹. В неурожайные годы от крестьян вовсе нет дохода, а при денежном оброке он будет всегда. Услужливый приказчик понимал, что крестьяне занимаются, помимо земледелия, разными промыслами, скотоводством, за счет чего и можно взыскать с них средства.

Казна в своем хозяйстве также использовала принудительный труд русских служилых людей низших разрядов, чернососных крестьян, украинских казаков. Эти люди, хотя и не находились в личной зависимости от помещиков, фактически были крепостными, зависимыми от казны. В конспекте книги Гакстгаузена «Сельское устройство России» К. Маркс писал: «По своей наивности Гакстгаузен, руководствуясь Сводом, не относит к ним государственных крестьян; фактически они — те же крепостные»². Высказывание К. Маркса находит полное подтверждение и в материалах по истории Слобожанщины.

Русские служилые люди низших разрядов, украинские казаки с их родственниками и подпомощниками выполняли множество повинностей в пользу казны, в частности, по нарядам обрабатывали «государеву» десятинную пашню.

Известно, что десятинная пашня обрабатывалась в 1651—1652 гг. в Каменном и в 1657—1659 гг. в Змиеве³, в 1660 г. в Валках⁴, в 1698 г. в Ольшанске, Острогжске и Хотмыжске⁵, а также на рубеже XVII—XVIII вв. «в Битюцких дворцовых угодьях»⁶.

Казенное десятинное хозяйство вели в большинстве служилые люди, в некоторых местах приписные дворцовые крестьяне. В Каменном обрабатывали землю, убирали урожай, молотили и свозили зерно в казенные амбары поочередно местные служилые люди. В Змиеве в первые годы вели хозяйство по наря-

¹ «Киевская старина», 1887, т. 18, стр. 556.

² Архив Маркса и Энгельса, т. XII, М., Госполитиздат, 1952, стр. 91.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 333, лл. 189, 192—198; стб. 693, лл. 349—350; стб. 480, лл. 177—178.

⁴ АМГ, т. III, стр. 248.

⁵ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1693, лл. 153, 176—178.

⁶ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XV, стр. 1658.

¹ «Труды ВЭО», ч. VIII, стр. 83, 110, 167—168, 195—196.

² Гильденштедт. Путешествие..., стр. 88.

³ ХОГА, ф. 287, л. 1069, лл. 57—59.

⁴ ХФЦГИА, ф. 632, л. 1251, л. 1.

дам чугуевские служилые люди. Например, в апреле 1658 г. из Чугуева воевода посылал в Змиев 40 чел. для проведения яровых посевов¹.

На Битюге 1639—1699 гг. убирали озимую рожь на десятинной пашне ольшанцы городской и полковой служб². Здесь обрабатывали десятинные поля дворцовые крестьяне. По указу Петра I в 1702 г. группу украинцев — С. Попова «с товарищи» 40 чел. с семьями — по их просьбе перевели с р. Серета на р. Битюг, где им приказано пахать «государеву десятинную пашню с волосными крестьяны вместе». Правительство приняло меры для постоянного пополнения рабочей силы.

Битюгский староста М. Старыкин в своей челобитной, содержание которой изложено в грамоте от 22 марта 1709 г., писал, что в 1701 г. по распоряжению Приказа Большого двора «устроена» на Битюге дворцовая волость. Многие люди этой волости «померли, а иные от скорби и от недорода хлеба врозь разбрелись, осталось только 200 семей». Поэтому для обработки десятинной пашни приписаны к ним три села икорецких жителей да село Бобровское, да промеж их сел населились с пришлых дворцовых крестьяне в разных селах из разных городов... Они написаны в тягло и пашут государеву десятинную пашню с ними в ряд»³.

Казенные хозяйства существовали недолго. По мере укрепления хозяйства местных служилых людей и поселенцев взамен работы на десятинной пашне на них накладывался хлебный оброк или налог, называемый «посопным хлебом». В грамоте царя Алексея Михайловича воронежскому воеводе Б. Бухвостову 20 февраля 1671 г. предложено собирать с людей «посопный хлеб» вместо десятинной пашни. Из отписки воеводы в Москву 14 января 1681 г. явствует, что такой хлеб собирался с населения⁴. В Каменном десятинная пашня также заменена на оброк⁵. Со второй четверти XVIII в. с ростом населения во всех районах края казна обеспечивает свои нужды путем хлебных или денежных налогов.

Правительство стало переводить другие служебные повинности на денежные налоги. О таких заменах свидетельствуют многочисленные архивные документы Богодухова, Вольного, Лебедина, Мирополья, Острогожска, Суджи, Сум, Усерда, Харькова, Чугуева⁶. Такие же документы 1701—1702 гг. сохранились в архивных материалах городов: Верхососенска, Волчанска. Воль-

ного, Змиева, Золочева, Изюма, Каменного, Маяка, Мирополья, Педригайлова, Олешни, Ольшанска, Острогожска, Пен, Салтова, Суджи, Тернов, Усерда, Харькова, Чугуева¹. Замена отработок на оброк содействовала развитию хозяйственной деятельности казацко-крестьянских масс.

Крепостной труд использовался и в некоторых зажиточных крестьянских хозяйствах.

По сведениям 40—60-х годов XVIII в. имели своих крепостных однодворцы в х. Гринцовый, около Харькова, М. Стаховский — 17 чел., в Золочеве М. Попов — 15 чел., в с. Мартовое Василий и Ефим Ребровы — 2 чел.², в пределах Ахтырского полка в Вольном И. Гладченко — 13 чел., в д. Печин Григорий и Исай Давыдовы — 11 чел., И. Титаров — 1 чел., в д. Кромчатка Ф. Каменев — 3 чел. и в д. Солдатская И. Очкасов — 3 чел. мужского пола³.

По сотенным ведомостям 1760 и 1764 гг. известно, что в м. Мурафа казак Р. Стороженко имел крепостных 49 чел., в Котелевской сотне казачий подпомощник Н. Гонтарь — 3 чел., в Липцах казачий свойственник Т. Гармаш — 8 чел., в Островерховке казачий подпомощник В. Сергиенко — 1 чел.⁴. В сл. Барашовка, Меревянской сотни, отмечалось в материалах переписи 1732 г., у казака Попова было «подданных» 11 дворов, которые работали в хозяйстве владельца одну неделю в году⁵. В с. Луговое, под Харьковом, по сведениям 1747 г., у крестьянина К. Федотова, принадлежавшего помещику К. Редину, был 1 подданный человек⁶.

Однодворцы и казаки не только эксплуатировали своих крепостных, но, как и помещики, торговали ими. Однодворец В. Карасев в 1754 г. продал своих «крестьян без земли на вывоз» жене ахтырского полкового писаря П. Ефимьевой⁷. Харьковский казак Л. Володин в 1752 г. купил у курских помещиков М. Бредихина крестьянку Д. Никулину с дочерью и девушку А. Афанасьеву за 10 руб., у А. Толмачева — «девку» П. Шошмакову за 5 руб. В 1741—1742 гг. харьковские казаки П. Володимиров купил у донского казака станицы Качаловской Ф. Титова калмычку Харенину 18 лет за 6 руб., Д. Борисенко — у помещика С. Бирева купил «девку» Ф. Волкову за 5 руб.⁸.

Подобных фактов можно привести значительно больше.

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 793, лл. 250—251, 253, 297—346, 347.

² ХФЦГИА, ф. 31, д. 209, л. 112; д. 503, лл. 516, 548.

³ Там же, ф. 27, д. 182, лл. 12, 14, 19, 29, 30, 39.

⁴ Там же, д. 214, лл. 14, 43; ф. 31, д. 503, лл. 629, 489.

⁵ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 216—217.

⁶ ХФЦГИА, ф. 31, д. 209, л. 112.

⁷ Там же, ф. 27, д. 165, л. 1.

⁸ Там же, ф. 31, д. 883, лл. 3—4; д. 778, лл. 14—15, 47—48.

¹ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 38, лл. 58—59.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1729, лл. 102—105.

³ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. IV, стр. 1658, 1666—1667.

⁴ Воронежские акты, кн. 3, стр. 172—173.

⁵ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 333, лл. 256—257, 396—398.

⁶ Там же, Московский стол, стб. 756, лл. 256, 138, 182.

Откуда же брались крепостные люди у однодворцев и казаков? Как известно, в состав однодворцев входили дети боярские, пользовавшиеся помещичьими правами на землю и крестьян. Небольшая часть детей боярских владела крепостными по одной или несколько семей. В ходе социальных преобразований в первой четверти XVIII в. некоторые владельцы крестьян не записались в сословие дворян, а перешли в податное сословие однодворцев. Во владении однодворцев крестьяне оставались до 30-х годов XIX в.

Казаки не имели юридического права на владение крепостными. Однако фактически было немало зажиточных казаков, которые пользовались трудом пленников-татар и соотечественников — обнищавших закабаленных людей. Острогожский казачий подпомощник Ф. Касьянов 23 апреля 1736 г. дал «заемную запись» жителю Острогожска М. Ишунину в том, что он взял взаймы 4 руб., оставив под залог своего сына 14 лет. «А за те деньги,— говорилось в записи,— покамест уплачу, жить сыну моему Захару» в доме М. Ишунина 2 года, «во всем ево слушать и почитать и всякую домовую работу работать». По истечении этого срока Ф. Касьянов обязывался возвратить займодавцу долг, в противном случае заложник должен был работать на займодавца до выплаты взятых взаймы денег. Бежавшего заложника кредитор имел право разыскать и заставить работать на себя по-прежнему¹. Таким образом, подросток, находясь в доме займодавца в качестве заложника, своим трудом возмещал проценты на занятые деньги и до их возвращения кредитору превращался в зависимого человека.

Следует указать на одно обстоятельство, при котором некоторые казаки могли иметь формальное право на крестьян. Когда однодворцы были освобождены от служебных повинностей и обложены подушной податью, часть из них в Харьковском и других полках записались в слободско-украинское казачество. Среди этих казаков были бывшие дети боярские с правом на владение крестьянами.

Что же касается крепостных крестьян, имевших зависимых людей, то, видимо, последние были или кабальные или крепостные, записанные за помещиком.

Важным условием перехода от феодального общества к буржуазному было появление наемных рабочих вместо крепостных людей. В. И. Ленин писал в 1897 г., что нет ни одной книги, выпущенной русскими марксистами, «в которой бы не говорилось и не показывалось, что замена отработок вольнонаемным трудом в земледелии, замена так наз. «кустарной» промышленности фабричною» представляла собой «во всех отношениях явление

прогрессивное...»¹. Использование наемного труда, начавшееся при крепостном строе, было постепенным и сложным, оно имело место и на Слобожанщине в разных отраслях хозяйства.

Наемный труд применялся в старшинском хозяйстве еще в начале заселения края. Это, по-видимому, объяснялось тем, что не всем старшинам удавалось привести с собой подневольных людей или закрепить их в первые годы поселения на новых землях.

В числе острогожских поселенцев упоминается несколько «челядников», т. е. наемных работников, полковника И. Дзиковского и обозного Алексеева². В списке 17 семей, переселившихся в 1652 г. из Гадяча в Колонтаев, указывается, что у атамана К. Шишколоза было 2 наймита³. Из описания татарского нападения 1680 г. известно, что во владении харьковского полковника Г. Донца на р. Уды татары захватили 3 «челядников» Г. Мазника, Ф. Стадника и И. Овчара. Белопольский сотник С. Фомин в 1685 г. в своем хозяйстве имел 12 наемных работников и 58 бобылей, ворожбянский сотник С. Куколь — 6 работников⁴. У балаклейского сотника Г. Могилки на поселке около р. Берека был «челядинец»⁵.

Управляющий хозяйством острогожского полковника П. Буларта писал, что он нанял Прозора «с товарищи» на заготовку в лесу свай и за 150 «палей» оплатил 1 руб. 50 коп.⁶

Наемные люди работали и в хозяйствах духовенства. В описании змиевского Николаевского монастыря 1702 г. указывается, что в его владении находилось наемных слуг 10 чел.⁷. Светские и духовные феодалы часто пользовались трудом вольнонаемных людей в течение всего XVIII в. Дворяне Острогожской провинции в наказе в Комиссию по составлению Уложения в 1767 г. писали: «С начала поселения Слободских полков... бывшие в сем пределе на житьи предки наши, дворяне и старшины, а после их и мы, именованные, следуя древнему обыкновению, каждый по необходимой надобности своей, принимал к себе в услужение по договору за заплату как из черкас, так и из других наций вольных людей без всяких письменных обязательств»⁸.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 500.

² Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации..., стр. 418; И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта..., стр. 176.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 350, лл. 233—234.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 91, 116, 117.

⁵ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. IV, стр. 137.

⁶ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. IX, 1886, стр. 870.

⁷ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 151—152.

⁸ «Сборник РИО», т. 68, стр. 302.

¹ ХФЦГИА, ф. 29, д. 96, л. 13.

Помещики Ковалевские нанимали людей для присмотра за скотом и на другие работы. Между прочим, у Ковалевских в их валковском имении были конфликты с наемными работниками Емцем в 1763 г. и Мяленко в 1764 г. Документы, составленные в ратуше по этому поводу, дают некоторое представление об условиях найма рабочих людей.

В августе 1762 г. И. Ковалевский нанял валковского жителя Г. Мяленко с женой и сыном для присмотра на хуторе за стадом овец и рогатого скота. Плата положена на год всем троим — одежда, обувь и 7 руб. деньгами. «По такому договору,— писал в «доношении» в полковую канцелярию Мяленко,— я з женою и сыном год и выслужил, а другого года шесть месяцев без договору служил». За полтора года работы 3 чел. помещик уплатил только 2 руб., а одежды и обуви совсем не дал. Пастух потребовал полного расчета, но Ковалевский, обвинив Мяленко в плохом присмотре за скотом, что якобы привело к падежу, забрал у него лошадей и другое имущество, а его самого посадил под арест. Самоуправство помещика было настолько вопиющим, что Валковская ратуша решила выступить в защиту пастуха¹.

Помещики нередко нанимали косарей, жнецов и других работников. В годы хорошего урожая трав, например, был большой спрос на косарей, платили им в день по 70 коп., однако в 1794 г. в связи с засухой сена не было, и косарей нанимали за 15 коп. в день².

Применение вольнонаемного труда в хозяйстве зажиточных казаков и крестьян было более распространенным, чем в имениях помещиков.

Среди 1 тыс. острогожских поселенцев в 1652 г. было 125 «челядников», из них большинство принадлежало казакам. В описании городов Белгородской черты 1668 г. указывается, что у цареворисовского жителя Воинкова был «работник» Д. Аристов³. Из переписки белгородского и чугуевского воевод за этот же год известно, что в Печенегах работал наемный овчар, у чугуевцев на разных работах было 11 наймитов⁴.

Из ведомости о татарском погроме 1680 г. известно, что в сл. Дергачи, Харьковского полка, пострадало 35 хозяйств (сотника и 34 казаков), из них у 20 чел. (сотника и 19 казаков) захвачены в плен «челядники». Причем, у казака Бурака взяли 2 челядников, у остальных — по одному. Кроме того, у С. Мельника «мерочника Ивана срубили до смерти», у В. Донца взяли в плен пасечника Харька. В с. Лозовое пострадало 10 казаков, из них у одного татары захватили пасечника, у троих по 1 «че-

ляднику». В с. Липцы пострадали 22 казацких хозяйства, из них в 6 хозяйствах татары взяли по 1 «челяднику» — мерочника, «челядницу и челядника» и 3 овчаров.

Составитель ведомости в заключение пишет, что всех «челядников» захвачено в Харьковском уезде 41 чел.¹.

Приведенные сведения не дают полного представления об удельном весе «челядников» как рабочей силы в казацком хозяйстве. Тем не менее они свидетельствуют о том, что наемные работники в количестве одного, а иногда 2—3 чел. не были редкостью для хозяйства казаков во второй половине XVII в.

По сведениям переписи 1732 г. в Харьковском, Сумском, Ахтырском и Изюмском полках насчитывалось наемных работников 4380 чел. Наемным трудом пользовались больше всего казаки, затем — старшины-помещики и духовенство. В казацком хозяйстве работало 1990, в старшинско-помещичьем — 1523, в монастырском и церковного клира — 867 чел.

В частности, известно, что в Изюмском полку, в Бишкинской сотне, на хуторе казака Р. Любичко работали 9 наемных работников². В материалах переписи Сумского полка говорится: в с. Червленое во дворе казака П. Смеяна работники живут в отдельных избах: в одной — Р. Горлач с 2 сыновьями и К. Ющенко с 3 сыновьями; в другой — Г. Мисков с 2 сыновьями и В. Дьяченко также с 2 сыновьями³.

Применение наемного труда росло еще больше во второй половине XVIII в. По ведомости 1763 г. только в 3 полках — Сумском, Харьковском и Острогожском насчитывалось 2395 чел., работавших по найму⁴.

Из описи подданных казацких старшин и наемных работников разных владельцев 1760 г. поименно известны многие наниматели и наемные люди Харьковского полка. Назовем некоторые фамилии казаков, свойственников и подпомощников, имевших наймитов.

В 1-й Харьковской сотне: К. Ляпушин имел 5 чел., А. Полтораки и И. Сидоренко — по 3 чел., А. Стрельник — 2 чел., Семен и Григорий Семаковы, Г. Харченко и В. Стрельников — по 1 чел. В с. Черемушное: Ф. Тимченко — 4 чел., И. Цибульник и Г. Оленик — по 2 чел., Н. Гончаренко — 1 чел. В с. Перекоп: П. Шапочник — 1 чел. В м. Мерефа: С. Белошапка, М. Кислый, Я. Ошищенко, М. Даниленко — по 1 чел. В с. Островерховка: С. Помелян — 1 чел., Т. Тимченко — 2 чел. В с. Тарановка: О. Крохин — 2 чел., Р. Куцаков, П. Заверзин и Д. Гомонов — по 1 чел. В с. Хорошев: В. Яковенко — 1 чел. В с. Соколов:

¹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 665, лл. 2, 4, 5, 20; д. 617, лл. 1—12.

² «Киевская старина», 1886, т. XIV, стр. 338—361.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 64.

⁴ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 67, док. 9; стб. 16, лл. 36—37.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 84—93.

² Там же, стр. 244.

³ ХФЦГИА, ф. 30, д. 7, л. 1654.

⁴ Там же, ф. 404, д. 95, лл. 72, 74; д. 102, лл. 99—106.

П. Фоменко — 1 чел.¹. В с. Лозовое: А. Катричко — 1 чел. В м. Дергачи: Ф. Гужвий — 4 чел. В с. Пересечное: С. Порожний — 1 чел. В м. Золочев: Ф. Копаненко и Ф. Повторный — по 2 чел., Д. Дорошкин — 7 чел. и другие (5 подпомощников) имели 6 чел. В с. Липцы: Т. Гармаш и В. Канцедол — по 3 чел., Д. Яворовский — 2 чел., С. Жук, О. Гармаш, Е. Зимницкий и Д. Меленко — по 1 чел. В с. Мартовое: А. Черномордов — 3 чел., И. Левченко, Н. Черный и Д. Лукьянов — по 1 чел. В с. Салтов: Д. Чижик и еще 2 казака имели по 2 чел., кроме того, 15 свойственников и подпомощников имели 24 работника². У 78 казаков, свойственников и подпомощников полка было 94 наемных работника.

Появились крепостные крестьяне, пользовавшиеся наемным трудом. Крепостные харьковской помещицы Дуниной — Д. Швидкой, Я. Мищенко, Я. Радченко, М. Коробка, Г. Коробка, Д. Коробка, Г. Горпенец, О. Мина и Г. Зубаненко имели по 1 чел. Крепостной помещика Нестерова П. Клещенко имел 2 работников. Крепостные помещика Ковалевского А. Шпаченко и харьковского попа Александра П. Журавлев имели по 1 работнику. В Волчанске у крепостного князя Трубецкого П. Писаревского был 1 работник. В 1760 г. в переписи рабочей силы, которой пользовались разные имущие люди Харьковского полка, указывалось, что у крепостных князя Трубецкого во дворе П. Писаревского, кроме наемного работника, был сябр В. Маляр, у Т. Гордиенко — «во дворе сябр» М. Олешник, у О. Обуховского — сябр А. Кравец, у О. Кулиша — сябр В. Шаруда, у Е. Сиводелеза — сябр Я. Кушниренко. Всего, по данным переписи, в Харьковском полку насчитывалось 150 наемных работников. Из них: у казацких свойственников — 47, у подпомощников — 27, у казаков — 9, у крепостных крестьян — 10, у цеховых ремесленников — 9, у казацких ремесленников — 9, у купцов — 8, у казацких старшин — 9, у духовенства — 6 и у «разночинцев» — 15 чел.³

Отвечая на вопрос, на каких работах используются наемные работники, писец указывал: «во дворе». В материалах переписи отмечается, что у ремесленников были ученики и подмастерья. В крестьянском и помещичьем хозяйствах наемные люди были в качестве мельников, пастухов и рабочей силы на разных работах. Приведем такой пример. У помещика П. Замятни, владельца с. Павловка, Изюмского уезда, по сведениям 1798 г., был крепостной Г. Шершавый, который имел наемного работника. В страдную пору, чтобы скорее освободиться от барщины и заняться своим хозяйством, Шершавый посылал на пахоту барской

земли своего работника с плугом и нанятого крестьянина с его парой волов¹.

Возникает вопрос, откуда же брались люди, работавшие по найму? Тяжелые местные условия службы, большие поборы в казну, массовая экспроприация казацких земель — вот что приводило к нищете многих казаков. В результате некоторые из них уходили на Дон, Волгу и в Причерноморские степи, другие попадали в крепостное ярмо к помещикам, третьи становились наемными работниками и т. д.

В 1682 г. был объявлен поход Острогожского полка в Курск. На этот смотр должно было явиться 1409 чел., однако прибыло лишь 734 и «нетчиков» оказалось 675 чел. Часть казаков Ливенской, Чернавской и Талецкой сотен не явилась вследствие неполучения «указа». Ендовищане получили неверные указания о месте сбора. Коротоякские казаки (140 чел.) говорили на расследовании, что на службу не явились «за бедностью и за нужею». Старооскольцы (50 чел.) заявляли: «Мы в Курску нынешнего наряду не были за скудостью, потому что многие обезлошадели». Казаки Усердской сотни объясняли свою неявку тем, что были заняты сбором мельничных оброчных денег, работали на казенных стройках в Полатове, «а иные», не выдержав трудностей, «повыходили» на жительство в другие местности.

Приведем еще один пример. Казаки Острогожского полка, присланные для несения сторожевой службы в Изюм, в 1690 г. в челобитной царю писали, что многие из них свое продовольствие израсходовали, «изморились голодом, лошадей и с себя платишки» продали и многие «стали пухнуть, а иные и померли, не перетерпя голоду» и «ис полку с Изюма разбежались»². В то же время хозяйство казаков приходило в упадок, многие из них оказывались не в состоянии нести службу.

Тяжелое положение многих казаков было и в других полках Слободжанщины. Правительство вынуждено было в 90-х годах XVII в. стать на путь официального деления казаков на «полковых» и «подпомощников». Для помощи в несении службы полковым казакам были приписаны подпомощники, однако эта мера не могла предотвратить разорение слободско-украинского казачества. Достаточно указать на сведения, собранные по ведомостям 15 сотенных канцелярий Харьковского полка. В 1761 г. числилось подпомощников 8081 чел.; по неполным данным, из них было зажиточных 10, «средних» 774 и «скудных» 3449 чел.; свойственников 7112 чел., из них «имущественных» 203, «средних» 1714 и «скудных» 2826 чел. О полковых казаках сообщены данные только по Золочевской сотне: из 61 казака — «имущест-

¹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 503, лл. 143, 206, 212, 213, 348, 396, 422, 423.

² Там же, лл. 501, 543, 613, 614, 628—630, 634, 647, 656—658, 664.

³ Там же, лл. 143—147, 370, 372—374.

¹ ХФЦГИА, ф. 287, д. 1069, л. 59.

² Там же, ф. 353, стб. 155, док. 10, 12.

венных» 6, «средних» 24 и «скудных» 31 казак¹. Как видим, обедневшие составляли более трети всего казачества. Такое положение было и в остальных полках.

Многие обедневшие казаки уходили на Дон и в другие места. Автор «Экстракта о Слободских полках 1734 г.» указывал, что те, кто ушли, например, из Ахтырского полка, принадлежат к самым бедным людям². В «Экстракте о изнеможении Слободских полков», составленном в 1761 г. для правительства, подчеркивалось, что «от наложенных на Слободские полки сверх данных им привилегий тягостей приходят оные в вящее изнеможение и чинят беспрестанные побегии»³. Других разоренных людей постигла иная участь. Мерефянский казак Иван Гнип в 1736 г., лишившись имущества, перешел в крепостные князя М. Голицына в сл. Уразово, а его брат Степан пошел нищим «по дворам». Некоторые из обнищавших становились работными людьми. Составитель описания слободско-украинских городов и местечек 1767 г., касаясь хозяйственных занятий населения Валковского комиссарства, писал, что не имеющие «грунтов, торгового промыслу и мастерств обыватели пропитание свое имеют... зарабатыванием, нанимаясь в других»⁴.

Приходили сюда на работу обедневшие казаки-крестьяне из Левобережной Украины. В Бахмутском уезде у помещика Губерта работал по найму крестьянин Терещенко из сл. Капустяницы, Роменского уезда, который пришел по отпускному билету. В наемные работники шли и разорявшиеся русские однодворцы. Несомненно также, что были помещицы крестьяне, отпускаемые на оброк, которые нанимались на работу.

В заключение следует подчеркнуть, что в силу ряда обстоятельств, о которых говорилось выше, предложение наемной рабочей силы было ничтожно мало и не обеспечивало спроса на работных людей.

Весьма существенным показателем уровня земле-

Посевная деля являлись размеры посевной площади. Украинским и русским поселенцам, как уже отмечалось, давали землю рядовым людям в основном по 12 дес. и «начальным» от 18 до 45—60 дес. на хозяйство, кроме сенокосных и лесных угодий. Предполагалось, что одна треть надела должна быть под озимыми, а две другие — под яровыми посевами и под паром. Однако в первое время не только рядовые казаки и служилые люди, но и старшины засевали очень мало.

¹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 546, лл. 1—147.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 154.

³ «Сборник ХИФО», т. II, 1899, стр. 317.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 293—295; т. II, стр. 207.

Острогожским поселенцам в 1652 г., как известно, дано: полковнику земли 45 дес. и ржи на семена 6 четей¹, обозному, писарю, сотникам и есаулам — по 22,5 дес., подпрапорным и попам — по 18 дес. и всем ржи на семена — по 4 чети; рядовым людям дали по 12 дес. и ржи на семена по 2 чети каждому². На 1 дес. высевалось в зависимости от качества земли разное количество семян. По данным ведомости Слободско-Украинской губернской канцелярии, в 5 провинциях края посеяно ржи 105 805 четей на 70 920 дес. и пшеницы 68 167 четей на 44 201 дес. земли. В среднем высеяно ржи 1,49 и пшеницы 1,54 чети на 1 дес.³ Можно считать, что этот высев в XVII—XVIII вв. был в основном неизменный. Следовательно, острогожским поселенцам выдано семян полковнику на 4 дес., другим старшинам на 2,7 дес. и рядовым людям на 1,3 дес. По этим данным трудно судить о размерах посевных площадей, так как не исключена возможность, что старшины и зажиточные казаки имели собственные семена, но в общем посевы были незначительными.

Посевная площадь в старшинском хозяйстве расширялась с каждым годом. Ее рост стал особенно заметным с последней четверти XVII в.

Ахтырский полковник И. Перекрестов в 1681 г. взял у своего предшественника полковника А. Прокофьева 2 тыс. копен и зерном 200 п. ржи, 70 мехов аниса и нежатога «всякого хлеба» на 200 руб. По этим сведениям нельзя определить посевную площадь А. Прокофьева, тем не менее ясно, что она была значительной⁴. Видимо, во владениях самого И. Перекрестова (20 сел) посевная площадь была еще большей. При конфискации имущества харьковского полковника Ф. Шидловского в 1707 г. описано хлеба: ржи 1748 копен, пшеницы 622, овса 150, ячменя 200, гречихи 360, проса 150, гороха 45, льна 14, конопли 33 и аниса 3 копны⁵. Такое количество хлеба, надо полагать, собиралось при хорошем урожае с 300 дес.

Росла посевная площадь и в казацко-крестьянском хозяйстве. Если в 1652 г. острогожские казаки посеяли ржи по 1—1,5 дес., то в конце XVII в. они сеяли по 3—5 и больше десятин. У отдельных казаков посевная площадь состояла из десятков десятин — у казака Алексева с отцом пропало хлеба в 1691 г. около 370 копен, И. Перекрестов захватил у казака Мельниченко 200 копен ржи⁶ и т. д.

Однако общий рост посевной площади в крестьянском хозяй-

¹ С середины XVII в. четь ржи составляла 8 п., четк — 1 п. В. О. Ключевский. Соч., т. VII, М., 1959, стр. 176—177.

² «Воссоединение Украины с Россией», т. III, № 187.

³ ХФЦГИА, ф. 399, д. 1506, лл. 2—6.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 164.

⁵ Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских..., стр. 114.

⁶ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 166.

стве был незначительный, поэтому хлеба не хватало. В царской грамоте харьковскому воеводе в конце 50-х годов XVII в., например, предписывалось: «Харьковским черкасам сказать всем вслух, чтоб они нынешняя весные пашни на себя вспахали и хлеба посеяли нескудно и конской и животной корм готовили, чтоб им в Харькове впредь без хлебных и без конных и без животных кормов не быть»¹. Такие напоминания делались в последующие десятилетия, при Петре I и позже.

В указе Сената от 30 апреля 1737 г. Харьковской полковой канцелярии предлагалось принять меры, чтобы была засеяна вся площадь, отведенная под яровые и озимые культуры; собран урожай, добиться обеспечения продовольствием населения и создания запасов для восполнения возможных «недостатков»². В указе от 13 июня 1738 г. полковой старшине предписывалось «понудить обывателей» к посеву всей принадлежащей им земли. Подобные указания давались и в другие годы³. Эти мероприятия были вызваны войной, происходившей тогда между Россией и Турцией.

Требование правительства об увеличении посевов в определенной степени выполнялось на местах, что подтверждается ведомостями сотенных канцелярий, присланными в Харьковскую полковую канцелярию в 1740 г.⁴. По этим ведомостям рост посева хлебных культур (ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса и гречихи) был следующий (в четях):

Сотня	Год посева	Всего посеяно	Сотня	Год посева	Всего посеяно
Дергачевская	1739	232	Соколовская	1739	174
	1740	327		1740	252
Липецкая	1739	297	1-я Харьковская	1739	735
	1740	701		1740	838
Ольшанская	1739	205	2-я Харьковская	1739	752
	1740	253		1740	1083
Тишковская	1739	41	Перекопская	1739	158
	1740	168		1740	309
Пересечанская	1739	—	Люботинская	1739	—
	1740	222		1740	245
Золочевская	1739	440	Мерефянская	1739	290
	1740	571		1740	418
Огульчанская	1739	77	Валковская	1739	71
	1740	48		1740	157
Итого				1739	3472
				1740	5592

¹ «Сборник ХИФО», т. 16, стр. 427.

² ХФЦГИА, ф. 31, д. 76, л. 1.

³ Там же, д. 86, лл. 15, 26.

⁴ Там же, д. 112, лл. 48, 50, 52, 54, 64, 67, 70, 71, 79, 84, 86—98, 100, 102, 105, 114.

Приведенные сведения относятся только к казацкому хозяйству и не являются полными. По Пересечанской и Люботинской сотням отсутствуют данные за 1739 г. Из Валковской сотни за этот же год сообщены сведения только о посеве ржи и пшеницы. В Огульчанской сотне были сокращены посевы с 77 четей 7 четков до 48 четей. Тем не менее в целом по Харьковскому полку посев всех культур увеличился с 3472 до 5592 четей, т. е. на 2120 четей, или же, считая высев в среднем по 1,5 чети ржи на 1 дес. земли, посевная площадь выросла с 2349 до 3797 дес.— на 1448 дес. В то же время эти цифры показывают, что посевы расширялись медленно. Запашка в большинстве казацких хозяйств была рассчитана на небольшие внутренние потребности.

Посевная площадь стала заметно увеличиваться во второй половине XVIII в., что находилось в тесной связи с ростом внутреннего рынка. Автор описания слободско-украинских городов и местечек 1767 г. отмечал, что в комиссарствах Ольшанском и Липецком, в Хотомле «земля вся находится под хлебопашеством»¹. В. Зуев писал, что на пути из Валок в Коломак «места на сем расстоянии по большей части степные, и хотя селений нигде было не видно, однако не было и такого места, чтоб не было занято пашнею или бахчами»². Но все же не везде засеивалась пригодная к обработке земля. Автор указанного описания, сообщая сведения о Валках, Мерефе и Харькове, в общем отметил, что их земли находились под выгоном, сенокосом и хлебопашеством³. В «Топографическом описании Харьковского наместничества» 1788 г. отмечалось: «Неоспоримо то, что некоторые здешние жильцы меньше разводят хлебопашества, нежели бы можно было по количеству их семейства и земли, объясняя это леностью слобожан»⁴. Автор «Описания Слободско-Украинской губернии» 1802 г., касаясь этого вопроса, попытался дать свое объяснение. Он писал: «Земледелие в губернии соразмерно прокормлению и собственным надобностям обитателей, ибо хлебный торг производится между жителями только и то во внутренности губернии, а отпуска в другие места не бывает, исключая некоторую часть пшена и пшеницы»⁵.

Как бы то ни было, но к концу XVIII в. около половины всего земельного фонда края возделывалось и находилось под разными культурами. По сведениям «Экономических примечаний» распределение земли на территории бывших Слободских полков

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 196, 199, 202.

² В. Зуев. Путешественные записки от С.-Петербурга до Херсона в 1781—1782 году. СПб., 1787.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 205, 209, 211.

⁴ Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 79.

⁵ Описание Слободско-Украинской губернии 1802 г., стр. 7.

к 1785 г. находилось в состоянии, представленном в следующей таблице (в дес.)¹:

Уезд	Под поселениями	Пахотной	Сенокосной	Леса	Непригодной	Всей земли
Харьковский	4 523	95 038	19 558	60 980	10 822	190 921
Волчанский	5 192	180 002	41 314	40 811	9 175	276 494
Валковский	2 778	111 500	34 510	49 638	27 803	226 229
Чугуевский	5 030	126 243	106 222	61 669	16 946	316 110
Золочевский	2 500	110 719	23 956	18 559	3 784	159 518
Богодуховский	2 424	101 284	23 869	27 007	6 376	160 960
Ахтырский	3 738	89 539	21 325	49 533	11 952	176 087
Сумской	3 961	83 440	44 196	45 381	9 359	186 337
Белопольский	4 502	100 957	27 493	11 147	7 908	152 007
Краснокутский	2 498	87 304	35 597	39 148	7 418	171 965
Миропольский	3 259	93 559	30 605	48 479	7 699	183 601
Лебединский	2 988	80 633	13 046	37 018	10 435	149 120
Недригайловский	3 593	120 680	24 656	5 922	8 583	163 434
Купянский	4 150	178 936	517 415	19 427	30 974	750 902
Беловодский	4 086	147 555	412 008	6 371	20 046	590 066
Суджанский	3 900	163 716	25 884	30 551	8 524	232 575
Хотмыжский	3 798	121 719	39 099	33 666	10 256	208 538
Изюмский	2 595	138 467	84 043	54 690	19 638	199 433
Острогожский	5 464	292 024	325 740	58 764	64 021	746 013
Итого	70 979	2 423 315	1 850 536	698 761	291 719	5 335 31

Из таблицы явствует, что в 19 уездах края площадь земли составляла: под поселениями 1,34%, пахотной 45,4%, сенокосной 34,7%, леса 13,1% и непригодной 5,46%. Обращает на себя внимание большая площадь сенокоса, состоявшая в основном из степной земли, удобной для хлебопашества. Это свидетельствует о большой роли местного животноводства и о наличии резерва для дальнейшего расширения посевов.

Сведения об урожаях сохранились в основном за отдельные годы начиная с середины XVIII в. **Урожайность хлебов** Общеизвестно, что урожайность зависит от климатических условий года, от качества почвы и ее обработки. В документе 1773 г. указывается, что в Мерефе урожаем озимых хлебов в лучшие годы собирали в 4-кратном, яровых — в 6-кратном, проса и гороха в 10-кратном размере². В Богодуховском уезде, например, в начале XIX в. считали, что

средний урожай ржи при высеве 1 четь 2 четка на десятину давал в 6-кратном, пшеницы при том же высеве — в 4-кратном размере зерна¹.

В «Ответах на экономические вопросы» в 1767 г. говорилось, что хлеб в урожайные годы собирали в Харьковской и Ахтырской провинциях в 10 раз, в Изюмской и Острогожской в 10 и более раз, в Сумской в 7 раз больше высеянного зерна². Урожайность в разные годы и в различных местностях заметно колебалась. Нам известны сведения об урожае на полях 68 сел Изюмской и Харьковской провинций в 1764—1766 гг.

Приведем сравнительные данные нескольких селений об урожайности ржи и пшеницы³:

Селение	1764 г.				1765 г.				1766 г.			
	Нажато копен с 1 дес.		Намолочено с десятины (четков)		Нажато копен с 1 дес.		Намолочено с десятины (четков)		Нажато копен с 1 дес.		Намолочено с десятины (четков)	
	ржи	пшеницы	ржи	пшеницы	ржи	пшеницы	ржи	пшеницы	ржи	пшеницы	ржи	пшеницы
Боровое	10	7	30	14	10	10	40	30	10	8	20	9
Ямполь	6	8	24	16	8	6	32	6	7	8	21	8
Меловатка	19	18	38	18	2	22	6	22	22	24	44	24
Бурлучок	15	13	60	39	14	12	28	12	14	13	28	13
Маяк	25	15	175	30	20	15	140	60	35	30	140	60
Славянск	20	20	100	30	15	20	75	40	13	18	120	60
Чепель	20	20	100	30	15	20	75	60	20	18	100	60

В течение 3 лет подряд в Ямполье крестьяне собирали рожь в 2—3-кратном размере посеянных семян, а из урожая пшеницы едва возвращали семена. Немногим лучше уродил хлеб в Боровом и в Меловатке. В то же время превосходный урожай собрали крестьяне в Маяке, Славянске и Чепеле. Документы не дают объяснений таким контрастам. Надо полагать, что в Боровом, Ямполье, Меловатке и Бурлучке засеивалась плохая и истощенная почва. В Маяке, Славянске и Чепеле использовалась залежная и целинная земля при благоприятных климатических условиях.

Средний урожай по учтенным 68 селам все же был невысокий. В 1764 г. ржи собрано 56 и пшеницы 35 четков, в 1765 г. ржи — 59 и пшеницы — 27 четков, в 1766 г. ржи — 77 и пшеницы — 39 четков с десятины⁴.

¹ ЦГАДА, ф. 1355, Экономические примечания к генеральному межеванию: Слободско-Украинской губернии, д. 7; Курской губернии, Суджанский уезд, д. 112; Воронежской губернии, Острогожский уезд, д. 118, л. 55.
² Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 223.

¹ ХФЦГИА, ф. 637, д. 388, л. 15.
² «Труды ВЭО», ч. VIII, стр. 76, 101, 134, 160, 187.
³ ХФЦГИА, ф. 399, д. 249, лл. 120—142.
⁴ Там же.

Скудным был урожай и в других местах, в частности, в Острогской и Сумской провинциях¹:

Культура	По Острогской провинции (1766 г.)				По Сумской провинции (1768 г.)			
	Засеяно дес.	Посеяно четей	Намолочено четей	Осталось после вычета семян четей	Засеяно дес.	Посеяно четей	Намолочено четей	Осталось после вычета семян четей
Рожь	10 336	18 633	84 680	66 047	12 706	19 160	30 649	11 489
Пшеница	7 314	13 908	43 505	29 597	5 381	9 746	12 612	2 866
Ячмень	3 992	8 633	38 104	29 471	4 446	7 871	12 336	4 465
Овес	3 596	9 227	35 708	26 481	7 832	18 060	29 753	11 693
Просо	5 575	1 087	27 102	26 015	2 768	1 373	7 540	6 167
Гречиха	2 460	2 713	8 846	6 133	6 808	8 979	16 682	7 703
Горох	717	535	3 028	2 493	764	1 088	1 647	559
Всего	33 990	54 736	240 973	186 237	40 705	66 277	111 219	44 942

Таким образом, урожай в Острогской провинции дал немного больше 4-кратного количества семян ржи, ячменя, овса и немного меньше гречихи, затем немного больше 3-кратного размера семян дала пшеница; горох уродил почти в 6-кратном, а просо в 20-кратном размере. Общий урожай зерна более чем в 3 раза превысил количество посеянных семян.

В Сумской провинции урожай был еще меньший: лишь просо уродило в 7-кратном размере, все остальные культуры дали меньше 2-кратного количества посеянного зерна. Общий прирост хлебов составлял почти столько же, сколько вычиталось на возмещение семян.

Приведем также сведения о посевах и урожайности главных хлебных культур — озимых ржи и пшеницы — во всех 5 провинциях (урожай 1775 г.)².

Провинция	Рожь				Пшеница			
	Засеяно дес.	Посеяно четей	Намолочено четей	Осталось после вычета семян четей	Засеяно дес.	Посеяно четей	Намолочено четей	Осталось после вычета семян четей
Харьковская	9 851	13 947	53 274	39 327	8 667	13 366	36 954	22 088
Ахтырская	7 742	12 954	33 924	20 969	4 965	7 675	15 201	7 526
Сумская	20 820	26 858	65 863	39 004	5 737	7 221	13 338	6 116
Изюмская	14 445	20 834	67 146	46 311	12 641	20 478	65 200	44 722
Острогская	18 062	31 212	91 262	60 050	12 191	19 427	51 865	32 437
Всего	70 920	105 805	311 469	205 661	44 201	68 167	182 558	112 889

¹ ХФЦГИА, ф. 399, л. 397, л. 2; д. 505, лл. 149—150; д. 249, лл. 108—110.

² Там же, д. 1506, лл. 2—6.

В ведомостях комиссарских канцелярий указывается, что в этом году урожай был во многих местностях средний, а в некоторых — даже недород. В целом данные говорят о том, что главная посевная площадь 70 920 дес. из 115 121 дес. была засеяна рожью. В то же время значительно выросла посевная площадь пшеницы. «Нормы» высева зерна были разные и зависели от почвы. Ржи высевалось в среднем в Харьковской провинции 1,4 и в Острогской 1,7 чети, пшеницы в Харьковской — 1,5 и в Острогской — 1,6 чети на 1 дес. Средний урожай ржи и пшеницы в этом году был в 3-кратном размере.

Общие сведения об урожае большинства земледельческих культур в 15 уездах Харьковского наместничества в 1785 г. известны из донесения губернатора Черткова Екатерине II¹, представленные нами следующей таблицей²:

Уезд	Земля под посевами в дес.	Намолочено хлебов в четях							
		ржи	пшеницы		ячменя	овса	проса	гречихи	гороха
			озимой	яровой					
Харьковский	63 358	102 142	2 130	32 404	80 702	113 072	87 703	9 253	2 647
Волчанский	120 000	64 119	1 286	5 620	35 203	23 837	9 592	34 523	1 381
Валковский	81 332	71 227	606	33 616	62 572	67 041	16 735	44 459	1 036
Чугуевский	84 162	257 557	4 192	28 197	43 004	31 617	25 841	59 324	3 190
Золочевский	73 812	54 118	166	22 844	97 177	97 503	28 758	25 294	1 782
Богодуховский	67 522	117 605	4 055	8 792	9 173	35 030	73 988	26 754	1 308
Ахтырский	59 692	87 415	7 361	6 425	13 494	22 686	3 730	32 687	1 313
Сумской	55 627	63 825	—	11 004	21 121	49 778	2 657	30 222	351
Белопольский	67 304	40 553	—	7 541	8 974	38 958	2 623	27 368	152
Краснокутский	58 603	29 313	4 035	6 702	13 375	13 735	5 120	13 350	410
Миропольский	62 373	47 630	5 237	3 677	7 316	32 790	4 160	56 875	68
Лебединский	53 755	121 058	3 293	19 057	12 841	83 882	33 593	111 578	530
Недригайловский	80 453	37 008	—	12 387	9 432	60 981	3 346	21 305	493
Изюмский	92 311	79 162	527	20 665	49 784	20 400	21 769	9 870	462
Хотмыжский	81 146	46 748	10 523	—	13 541	14 301	5 868	20 463	686
Всего	1 101 452	1 219 501	43 411	218 931	477 709	705 611	325 483	523 325	15 804

¹ ЦГАДА, ф. Разряд XVI, д. 1000, лл. 8—9.

² В донесении отсутствуют данные о посевной площади, сведения о ней нами взяты в размере $\frac{2}{3}$ пахотной земли на основании материалов вышеприведенной таблицы. Показанный намолот яровой ржи в уездах Харьковском — 1502, Золочевском — 300, Валковском — 15 205, Богодуховском — 210 и Изюмском — 55 четей включен в общее количество ржи, намолоченной в этих уездах. Опущены данные четков и гарнцев.

Хотя по этой таблице невозможно определить подесятинную урожайность хлебов, все-таки она дает некоторое представление об обеспечении продовольствием населения края и о выходе товарного хлеба. По предположению Черткова намолот всех хлебов, кроме овса, значительная часть которого шла на корм лошадям, должен составить 2 861 989 четей. Населения в это время насчитывалось в крае 774 797 чел. обоего пола¹, следовательно, на 1 чел. приходилось на 1786 г. по 3,7 чети хлеба. Губернатор не учитывал, что много крестьянского хлеба за помол останется в руках помещиков и других владельцев, не учитывалось и то, что масса хлеба находилась у помещиков и небольшой кучки зажиточных крестьян. Следовательно, при таких обстоятельствах сельские и городские низы довольствовались лишь четвертой долей предполагаемого среднего количества хлеба.

Такое общее положение с хлебом было и в последующие годы. Только в отдельных уездах и селах изредка бывали хорошие урожаи. В Ахтырском уезде, например, в 1800 г. урожай всех хлебов составил на душу населения по 6 четей 3 четка². Но в том же году в Купянском уезде на 74 487 чел. было хлеба по 3 чети 2 четка. Такой урожай считался хорошим. В Острогжске на 8281 чел. было хлеба по 1 чети 3 четка 5 гарнцев, в Богучарском уезде на 3 тыс. чел. — по 1 чети 7 гарнцев, в Богодухове на 7738 чел. — по 1 чети 5 четков 3 гарнца³.

По всей Слободско-Украинской губернии в 1800 г. собрано урожай: ржи 978 291 четь, пшеницы 562 987, ячменя — 281 170, овса — 603 197, гречихи — 377 069, проса — 467 976, гороха — 15 595, конопляных семян — 69 920, льняных семян — 19 248, чечевицы — 250, картофеля — 2228 четей, всего 3 377 931 четь. Из них отсчитывалось на посев 542 606 четей и оставалось, по словам составителя ведомости губернской канцелярии, на «народное продовольствие» 2 835 325 четей. Населения тогда числилось 1 084 087 чел. Следовательно, всего «продовольствия» на 1 чел. приходилось по 2 чети 4 четка 7 гарнцев⁴. Этого, конечно, было недостаточно.

Чиновники, составляя ведомости с мест, нередко в примечаниях сообщали высшим властям, как население удовлетворяет свои нужды. Составитель ведомости Золочевской округи в 1796 г. писал: «родилось разного хлеба» 78 839 четей на 36 576 чел. местного населения, что составляет по 2 чети 1 четку 1,5 гарнца на 1 чел. «Пропитания народного посредством бюджет», подчеркивал составитель, лишь при условии «присовокуп-

ления» к данному хлебу собираемых и выращиваемых населением овощей, фруктов, ягод¹. И на этот раз при вычислении среднего количества продовольствия на 1 чел. не учтен тот факт, что около 15 тыс. местных помещиков присваивали львиную долю этой продукции. Поэтому в массе своей население не пользовалось средней нормой хлеба, в результате чего многие испытывали постоянный голод и нищету.

Огородничество Составная часть земледелия — огородничество, являвшееся традиционным занятием украинцев и русских, было перенесено переселенцами на Слобожанщину. Известно, что всем поселенцам наряду с наделением их земель под озимые и яровые посевы давали также огородные участки. В документах указывается на разведение капусты, моркови, репы, лука, чеснока и др.

На Слобожанщине очень рано стали разводить арбузы. Однако в исторической литературе внимание уделено лишь царским арбузным огородам и виноградникам в Чугуеве. О. Н. Оглоблин², Д. И. Багалея³ и И. Н. Миклашевский⁴ сообщили некоторые сведения о них, относящиеся к 60—80 годам XVII в., а Н. Белявский⁵ на вновь найденных материалах сделал довольно подробный обзор истории арбузных огородов с 1662 по 1684 г. и виноградников с 1663 по 1701 г. Авторы, руководствуясь буржуазной методологией, назвали это хозяйство казенным и обошли вопрос о его крепостническом характере.

Выращивание арбузов в Чугуеве было начато в 40-х годах XVII в. Им занимались первые поселенцы. Чугуевец М. Болдышев, обращаясь в 1644 г. с челобитной на имя чугуевского воеводы, называл себя «чугуевским арбузным садовником». Разведение арбузов в Чугуеве и, возможно, в других местах края в скором времени стало довольно распространенным. В 50-х годах арбузы значительными партиями отправляли в Москву для царского двора. В 1653 г. в грамоте чугуевскому воеводе Ф. Пушкину говорилось, что Приказ Большого дворца направил стряпчего М. Ломакова в Чугуев для закупки 500 арбузов, для чего отпущено 50 руб. Воеводе предписывалось предоставить двор для временного жительства закупщика и склада арбузов, а также 2—3 чел. для отбора арбузов хорошего качества — «кому была арбузная покупка за обычай», и необходимое количество подвод для перевозки закупленных арбузов в Москву⁶.

¹ ХФЦГИА, ф. 666, д. 407, л. 24.

² Описание документов и бумаг..., кн. 4, стр. 363—373.

³ Д. И. Багалея. Очерки по истории колонизации..., стр. 353—354.

⁴ И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта..., стр. 235—236.

⁵ «Сборник ХИФО», т. 16, стр. 54—105.

⁶ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 15, док. 6.

¹ ЦГАДА, ф. Разряд XVI, д. 1000, л. 11.

² ХФЦГИА, ф. 665, д. 793, л. 82.

³ Там же, лл. 68, 69, 95, 107, 111.

⁴ Там же, л. 130.

В «памяти» от 11 ноября 1660 г., присланной из Приказа Большого двorca в Разрядный приказ, предложено «построить в Чугуеве 5 огородов или сколько доведется и на тех огородах садить арбузы». На постоянную работу на огородах предписывалось «взять из служилых или жилецких всяких чинов людей охочих 5 человек, которым арбузное строение было за обычаем». Выращенные арбузы предлагалось «присылать к Москве»¹. Требование Разрядного приказа подыскать 5 бахчеводов и завести 5 огородов не является случайным совпадением. Здесь, видимо, имелось в виду выделить такую огородную площадь, которую могли бы обработать 5 чел. и урожай арбузов с которой мог бы обеспечить определенные потребности царского двора.

Основную рабочую силу на арбузных огородах составляли служилые люди. По «памяти» от 11 ноября 1660 г. на эту работу приняли 2 чел. детей боярских и казака В. Блудова. В 1669 г. их было уже 6 чел. Все они работали на бахче совместно со своими родственниками. В грамоте из Разрядного приказа чугуевскому воеводе говорилось по этому поводу: «детям, братьям и племянникам быть с ними в одной службе», их освобождали от других повинностей. Из «сказки» огородника Блудова 1681 г. известно, что после смерти 3 садовников освободившиеся места заняли их сыновья, следовательно, должность огородников была своего рода наследственной, как и служба казаков, стрельцов, детей боярских и других служилых людей.

Материальное обеспечение огородников состояло из земельного, хлебного и денежного жалованья. В 1672—1678 гг., например, 2 огородника имели земли по 75, один 45 и один 24 чети². Правительство, учитывая, что огородникам некогда было заниматься своим хозяйством, до 1678 г. выдавало им хлебное жалованье в размере от 3 до 6 четей ржи и овса в год. Денежное жалованье было установлено по 5 руб. на человека в год, однако выдавалось оно нерегулярно и в большинстве случаев в меньшем размере.

Из документов явствует, что ограду строили вокруг бахчи и лубок для защиты растений от заморозков ежегодно заготавливали многие «чугуевцы градскими и уездными людьми». На перевозку арбузов из Чугуева в Москву осенью каждого года на 1—1,5 месяца посылались крестьяне со своими подводами, например, в 1665 г. — 44, в 1666 г. — 52, 1667 г. — 31, 1668 г. — 21, 1669 г. — 64 подводы и т. д. Все эти люди выполняли повинности без вознаграждения.

В одной из челобитных чугуевцев 1674 г. говорится, что в 1662 г. было 5 огородов и что в царской грамоте чугуевскому

воеводе О. Агибалову осенью того же года указывалось, чтоб «учинить столько ж огородов, сколько было наперед сего»¹.

В описании «арбузных огородов» 1678 г. упоминается 2 огорода. Первый огород, заведенный в 1661 г. около р. Чугуевка, был «в длину 83 сажени, поперек 49 сажений. На том огороде насажено 30 гряд арбузов». Другой огород неподалеку от первого «мерюю длины 93 сажени, поперек 30 сажений». Оказывается, оба огорода использовались под бахчу через год. В челобитной арбузного огородника в 1666 г. о выделении к старому огороду новой площади писалось, что «прежние огороды в то время перележат», т. е. земля будет отдыхать для восстановления ее плодородия. Помимо того, чугуевским бахчеводам был известен более интенсивный способ земледелия. Они не всегда оставляли использованный участок лежать облогом целый год. Тогда как один огород засаживали арбузами, на другом огороде «арбузов не сажено для того, что наперед сего саживали на тех огородах переменяючись погодно и для строения земли сеют коноплями, в который год не сядят арбузов»². Известно, что огородники удобряли землю навозом³.

Чугуевцы занимались улучшением арбузных семян. Разрядный приказ предписывал чугуевскому воеводе: «Арбузные семена заводите новые, добрые, которые были бы годны гораздо как на казенных огородах, так и у всех чугуевцев, «у которых арбузы бывали наперед сего». Давались советы разводить астраханские сорта арбузов. Однако оказалось, что «астраханские семена к чугуевской земле непригодны». К сожалению, нет сведений о местных сортах арбузов, в материалах лишь отмечается, что на бахче садили «арбузы чугуевских семян».

Об урожайности прямых сведений мы не имеем, но об этом дают некоторое представление данные об отправке арбузов в Москву: 1662 г. — 1100 штук, 1663 г. — 1750, 1664 г. — 2000; 1665 г. — 2000, 1666 г. — 2353, 1667 г. — 1507, 1668 г. — 905, 1669 г. — 3705, 1670 г. — 2247, 1671 г. — 3073, 1672 г. — 1545, 1673 г. — уничтожены градом, 1674 г. — 507, 1675 г. — 703, 1676 г. — 422, 1677 г. — 1003, 1678 г. — 303, 1679 г. — 503, 1680 г. — 203, 1681 г. — 503; 1682 г. — 705 штук⁴. Если учесть, что площадь бахчи ежегодно составляла в среднем более 1 дес., то по приведенным данным нельзя признать урожай удовлетворительным. Причем, арбузы «родились дробные и худые..., а внутри в них вода».

Чем же объяснить снижение урожайности и ухудшение качества арбузов? Надо полагать, что местная почва требовала лучшего ухода. Пока земля содержала в себе естественные за-

¹ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 55.

² Описание документов и бумаг..., кн. 4, стр. 369.

³ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 71.

⁴ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 52, док. 51; стб. 88, док. 5, 6; стб. 97; док. 3.

¹ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 70.

² Описание документов и бумаг..., кн. 4, стр. 369.

пасы питания, то достаточно было ее поддерживать годовым «отдыхом», посевом конопли или примитивным удобрением навозом, и она давала более или менее удовлетворительный урожай. Когда лет через 10 питательные запасы иссякли, этот способ обеспечения урожайности стал недостаточным. К тому же крепостной труд в хозяйстве не обеспечивал развития бахчеводства, в результате оно стало нерентабельным для царского двора и по указу от 19 января 1684 г. было упразднено: «В Чугуеве арбузные сады отставить, потому что те арбузы, в который год и родятся и на их, великих государей, обиход не годятся николи».

Об огородничестве слобожан более подробно сообщают источники второй половины XVIII в. В «Географическом описании городов и уездов» 1768—1769 гг., в «Ответах на экономические вопросы Вольного экономического общества» указывается, что почти все жители края имели огороды и выращивали капусту, репу, редьку, лук, чеснок, морковь, свеклу, пастернак, петрушку, сельдерей, салат, огурцы, укроп и тыкву, а многие разводили также дыни и арбузы¹. Ученые Зуев и Гильденштедт подтверждают эти сведения².

Во второй половине XVIII в. население Слобожанщины начало выращивать картофель. В рапорте Ахтырской провинциальной канцелярии 5 мая 1767 г. говорилось, что 1 ноября 1766 г. канцелярия получила из Слободско-Украинской губернской канцелярии картофель («тартуфель» — земляные яблоки) 1 тыс. штук (2 п. 19 ф.) вместе с распоряжением и инструкцией о его разведении с предстоящей весны. 150 штук картофеля были посажены в Ахтырке, остальные розданы для посева в комиссарствах провинции: Ахтырскому — 184, Котелевскому — 174, Краснокутскому — 164, Богодуховскому — 161 и Боровскому — 167 штук³. Из документов явствует, что картофель и предписание в это же время посылались в Сумскую, Изюмскую и в другие провинции губернии. Результаты посадки этой новой культуры в 1767 г. неизвестны. Такие сведения сохранились за последующие годы.

В Изюмской провинции в 1770 г. картофеля было посажено 66 п. 15 ф., а урожая собрано 115 п. 19 ф.⁴, в 1771 г. посажено 31 п. 1 ф., накопано 37 п. 3 ф. В Острогожской провинции в 1770 г. посажено 147 п. 21 ф., накопано 550 п. 17 ф., в 1771 г. посажено 510 п. 32 ф., накопано 680 п. 2 ф., в 1772 г. посажено 527 п. 7 ф., накопано 708 п. 12 ф., в 1773 г. посажено 454 п. 7 ф.,

¹ «Труды ВЭО», ч. VIII, стр. 85, 113, 147, 169, 198; Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 228.

² В. Зуев. Путешественные записки..., стр. 199; Гильденштедт. Путешествие..., стр. 20.

³ ХФЦГИА, ф. 399, д. 397, лл. 102—107.

⁴ Там же, ф. 378, д. 192, лл. 1—5.

накопано 404 п. 2 ф.¹, в 1785 г. было собрано в Лебедине около 50 п., в Валках около 48 и в Ахтырке около 31 п. картофеля².

По ведомостям 1800 г. известно о результатах разведения картофеля за 30 с лишним лет. В этом году в Изюме на 3 дес. посажено 3 четка, накопано 10 четков, в Изюмском уезде на 40 дес. посажено 39 четков, накопано 255 четков, в Сумском посажено 60 четков, накопано 190 четков, в Ахтырском уезде на 16,5 дес. посажено 13 четков, накопано 52 четка. По всей губернии в этом году, говорилось в сводной ведомости, собрано урожая картофеля 228 четков³. Вряд ли нужно добавлять, что эти данные говорят об очень низкой урожайности. Люди, не зная новой культуры и способов выращивания ее, неохотно брались за разведение картофеля. Тем не менее было положено начало разведению на Слободской Украине, как и в других районах страны, этой ценной продовольственной культуры.

По традиции население края занималось садоводством. Для разведения садов здесь были благоприятные почвенные, климатические условия и наличие многих видов дикорастущих фруктовых деревьев. В местных лесах росли яблони, груши, терн, нередко образовывавшие большие естественные сады. Известно, что к началу XIX в. на Слобожанщине исчезло много лесов, все же автор «Описания Слободско-Украинской губернии» в 1802 г. не преминул отметить, что в крае растет «великое множество яблонных и грушевых деревьев дикорастущих в лесах», которые служат «достаточным способом к разведению садов поселянами»⁴.

Если дикорастущие фруктовые деревья играли такую роль в начале XIX в., то они использовались населением не в меньшей мере в XVII в. Многие слобожане заводили сады в лесах и при своих дворах. В документах Чугуевской воеводской канцелярии содержатся указания на наличие садов в усадьбах старшин-помещиков и людей других сословий.

Сумской Успенский монастырь имел 7 фруктовых садов, из них два — по 12 дес., Новый — 6 дес. Камышин и Котов — 3 дес., размеры остальных неизвестны. Ахтырский Троицкий монастырь имел 6 садов, в том числе виноградный, составляющий 8 дес. Святогорский монастырь владел фруктовым садом и виноградником, змиевской Николаевский монастырь — 20 садами⁵.

Особенно много сведений о садоводстве сохранилось со второй половины XVIII в. В «Топографическом описании Харьков-

¹ ХФЦГИА, ф. 374, д. 316, лл. 2—3; д. 1154, лл. 1—23; д. 1455, лл. 1—11; д. 1581, лл. 1—10.

² ЦГАДА, ф. 16, д. 100, лл. 18—91.

³ ХФЦГИА, ф. 665, д. 793, лл. 20, 22, 27, 41, 88, 130.

⁴ Описание Слободско-Украинской губернии, 1802 г., стр. 10.

⁵ «Киевская старина», 1886, февраль, стр. 336; апрель, стр. 757.

ского наместничества» указывается, что украинцы издавна «при обселении жилищ не последним считают долгом разводить сады родючего дерева»¹.

У рядовых слобожан сады были небольшие — несколько десятков яблонь, груш, слив, вишен и кустов смородины и крыжовника, которые в большинстве выращивались примитивно. У отдельных людей были большие сады. Чугуевский служилый С. Борисов в 70-х годах XVII в., например, имел сад, в котором насчитывалось 100 яблонь, много груш, слив, вишен и виноградных кустов.

В «Экономических примечаниях» 1785 г. читаем: «В Белодуцке два господских дома, при них плодовые сады»². В с. Доброселовка, Ахтырского уезда, у помещицы А. Войновичевой «дом господский деревянный, при нем сад регулярный с плодovitыми деревьями»³. Таких записей сделано много. Автор «Топографического описания», как бы обобщая эти сведения, писал: «Ахтырка и уезд изобилён вышневыми и сливными садами»⁴.

О стремлении помещиков к садоводству даёт нам некоторое представление рассказ бывшего слоновского сотника Острожского полка И. Острожского-Лохвицкого. Ещё в 1777 г., видя у других помещиков «прекрасные сады», он «нанял людей и расчистил лес в урочище «Ласковского ярка» и кроме многих разных хороших деревьев, на расчищенной площади оставлено дичек, способных к прививанию более двухсот». Вскоре в этом саду росло много десятков яблонь, груш, слив и других фруктовых деревьев. Спустя 10 лет по соседству был посажен молодой сад⁵.

Помещик П. Щербинин в с. Бабаи имел большой тепличный сад. В письме управляющего Торяникова к своему хозяину в 1786 г. говорится, что в Бабаи приезжали помещики И. Дунин и А. Синельников, «ходили по ранжереям и в ананасной сказывали, что они намерены вместе... всю ранжерею купить». Управляющий спрашивал Щербинина о цене оранжереи, для этого он послал ему список деревьев, подчеркивая, что «в ранжереи есть теперь с фруктами ананасов 197, куда оные употреблять также и со оных ананасов по срезании отростков и по усадке в горшки кои в ранжереях и так уже стоят без парников 92»⁶.

Составитель «Списка населённых мест Харьковской губернии» в XIX в. отозвался о местном садоводстве следующим образом: «Большая половина крестьян вовсе не имеет садов. При Петре Великом и Екатерине II здешние сады славились

фруктами. Покорение Крыма и потом развитие садоводства в Курской губернии сильно подорвали известность садов в Харьковской. Один г. Чугуев с окрестностями поддерживал свою древнюю славу, которая сохранилась до учреждения военного поселения. С тех пор садоводство стало упадать и в настоящее время хорошие фрукты — редкость»¹.

Автор переоценил состояние и значение садов края в XVIII в., как и преувеличил их упадок в XIX в. Тем не менее сады на Слобожанщине широко разводились прежде всего в хозяйствах помещиков, духовенства, зажиточных крестьян и мещан. Фрукты свежие и сушеные продавались на местном рынке и за пределами края.

В середине XVII в. в Чугуеве появилось виноградарство. К сожалению, не найдены сведения о начале заведения чугуевцами виноградников, но можно предполагать, что они возникли вскоре после закладки царских виноградников. В описании виноградников, как и арбузных огородов, сделанном чугуевским воеводой И. Рыхторовым в 1678 г., отмечено, что садовник С. Борисов «из домашнего своего огорода пересадил в царский 25 кустов винограда»². 9 сентября 1690 г. чугуевский житель К. Орлов привел лошадь в съезжую избу и заявил, что лошадь принадлежит дьячку и что она потравила его виноградник. Чугуевский пушкарь К. Иванов осмотрел виноградник К. Орлова и дал «описание не малой потровы»³. Сохранилась с того же года поручная запись чугуевских служилых людей, данная «за виноградного садовника Черникова»⁴. В 1665 г. группа чугуевцев подала челобитную воеводе Вердеровскому по поводу избивания чугуевца, виноградного садовника И. Мединцева⁵. В 1682 г. в с. Пятницкое, Чугуевского уезда, среди жителей были люди, имевшие виноградники и арбузные огороды⁶. Об уходе за виноградниками, о сортах винограда до нас дошли некоторые сведения, относящиеся к царским виноградникам.

Мысль о заведении царских виноградников в Чугуеве возникла в Приказе Большого дворца в начале 60-х годов XVII в. В «помете» А. Зыкова от 2 октября 1663 г. говорится, что царь приказал в предстоящую весну завести виноградники в Тамбове и Чугуеве. Для этого, в частности, Малороссийскому приказу предложено отправить в Чугуев виноградарей. 2 октября 1664 г. в Чугуев приехали из Киева 2 виноградаря — монахи А. Куликовский и И. Митковский. Они привезли 2200 виноградных лоз

¹ Списки населённых мест Российской империи, т. 46, Харьковская губерния, Спб., 1869, стр. 60.

² Описание документов и бумаг..., кн. 4, стр. 372.

³ ХФЦГА, ф. 353, стб. 156, док. 4, 5, 7.

⁴ Там же, док. 119.

⁵ Там же, стб. 171, док. 26.

⁶ «Киевская старина», 1888, май, стр. 48.

¹ Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 64.

² ЦГАДА, ф. 1355, Воронежская губерния, д. 2, л. 5.

³ ХОГА, ф. 24, д. 1, л. 16.

⁴ Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 149.

⁵ «Киевская старина», 1886, февраль, стр. 336; апрель, стр. 757.

⁶ Д. И. Багалей. Очерки из русской истории, т. 2, стр. 6.

для разведения виноградников. 19 декабря в Разрядном приказе было получено об этом сообщение белгородского воеводы Б. Репина, воевода просил указаний о выдаче жалованья виноградарям.

В 1665 г. все привезенные виноградные лозы были высажены. Спустя 3 года А. Куликовский привез из Лубен 800 лоз и посадил в царском винограднике. В связи с морозами в 1670 г. из 3 тыс. кустов осталось 1400. С уходом А. Куликовского со службы виноградаря его место заняли чугуевцы С. Борисов, В. Топин и др. Осенью 1671 г. они писали в Разрядный приказ, что на винограднике насчитывается плодоносящих более 700 лоз и молодых 1500 лоз. На следующий год их общее количество выросло до 3310 лоз¹. В 1675 г. С. Борисов завел второй виноградник на площади 5200 кв. саженей, высадив первоначально 90 кустов. Через 2 года он засадил виноградом третий участок в 400 кв. саженей, но вследствие неудачного выбора земли виноградная лоза не принялась. Площадь виноградников, по сведениям 1683 г., была следующей: виноградник Ф. Ситникова 4000 кв. саженей, виноградник С. Борисова 4200 кв. саженей и второй виноградник 2500 кв. саженей. На этой площади, надо полагать, было около 5 тыс. виноградных кустов².

Рабочая сила на виноградниках состояла из подневольных постоянных работников и свободных людей, используемых на временных работах. Первыми «виноградными мастерами» стали киевские монахи А. Куликовский и И. Митковский. Им были даны в качестве учеников по виноградарству чугуевские служилые люди Ф. Ситников, С. Борисов, В. Кронеv, Е. Веретихин и В. Топин. В челобитной царю с просьбой отпустить его по старости на «покой» в Киев А. Куликовский писал о своих помощниках: «а которых, государь, я учеников научил и те ученики тому винограду саду мастера».

С расширением виноградников росла численность занятых на них работников, преимущественно за счет чугуевских служилых людей, но были служилые люди и из других городов.

В общем на чугуевских виноградниках работали в 1665—1667 гг. — 7 чел., в 1668—1670 гг. — 6 чел., в 1671 г. — 5 чел., в 1675 г. — 17 чел., в 1678 г. — 26 чел., в 1684 г. с присоединением 6 работников после ликвидации арбузных огородов стало 30 чел. Кроме того, на виноградниках было занято еще 34 сезонных работника. Все 64 чел. были разделены на 3 группы и закреплены за 3 виноградными садами. Работу на 2 виноградниках до середины 80-х годов возглавлял С. Борисов, а затем В. Черников, а на третьем винограднике — Ф. Ситников. С начала XVIII в. та-

ких руководителей, называвшихся старостами, было трое, из них в первые десятилетия известны Захаров и Христофор¹.

В доставке подводами винограда в Москву принимали участие, помимо чугуевцев, жители соседних селений. На это тратились большие усилия и средства. По неполным сведениям Н. Белявского, только с 1672 по 1701 г. для перевозки винограда из Чугуева в Москву использовано 669 подвод².

Постоянные работники виноградников по материальному обеспечению делились на 3 группы: одни получали землю, другие — денежное и хлебное жалованье, третьи — ничего не получали.

Так, первые 2 года жалованье А. Куликовскому выдавалось по 2 алтына и 2 деньги, а И. Митковскому — по 10 денег на день, что составляло в год первому 25 руб. 18 алтын 2 деньги и второму — 18 руб. 2 деньги. Кроме того, им выдавали по чети ржи, по чети овса, по полуосмине пшеницы, по полуосмине гречневой крупы в месяц и по 2 п. сала в год. Это жалованье виноградарей считали недостаточным, в челобитной царю в начале 1667 г. они писали, что из получаемого жалованья не могут приобрести платья и обуви. К тому же хлебное и денежное жалованье обоим виноградарям выдавали нерегулярно³.

Жалованье, выдаваемое ученикам-помощникам, набранным из чугуевских служилых людей, как вначале, так и тогда, когда они стали «виноградными мастерами», состояло из поместной земли, у троих из них было по 30 дес. и у двоих по 9 дес. пахотной земли на человека. В предписании из Разрядного приказа в 1678 г. о выдаче хлебного и денежного жалованья за предыдущий год Ф. Ситникову, Е. Веретихину и Г. Давыдову указывалось: «а достальные виноградные садовники работают без жалованья с поместных своих земель, а за ними земель, денежных и хлебных окладов нет». В прошении 24 виноградарей, поданном в Разрядный приказ, говорилось, что четверо из них не имеют поместных земель и не получают хлебного и денежного жалованья.

Об обработке земли под виноградником и уходе за растениями сведения сохранились скудные. По известным нам данным, земля под виноградниками вскапывалась вручную заступами, пропальывалась и рыхлилась мотыгой. Виноградные кусты подчищались ножами. Как видим из сообщений садовника Христофора, в 1727 г. в виноградном хозяйстве были заготовлены рогожи, которыми в случае заморозков или града укутывали виноградные кусты⁴.

¹ ХФЦГИА, ф. 407, д. 65, л. 1; ф. 387, д. 8, лл. 1—2.

² «Сборник ХИФО», т. 16, стр. 95—96.

³ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 67, док. 1.

⁴ Там же, ф. 407, д. 65, л. 1; ф. 363, стб. 66, док. 6; стб. 79, док. 51, 20; стб. 95, док. 18.

¹ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 79, док. 16.

² Описание документов и бумаг..., кн. 4, стр. 372.

Чугуевские виноградники в определенной степени играли роль питомника по распространению виноградарства в других местностях. Так, по решению Приказа Большого двorca виноградники в Тамбове должны были завести царицынские виноградары, но по неизвестным причинам это дело поручили «виноградному садовнику» чугуевцу С. Семенову еще осенью 1665 г.¹

В сентябре 1673 г. последовал указ чугуевскому воеводе Ф. Соковнину о том, чтобы отобрать 2 хороших виноградарей и прислать в Москву для устройства там виноградников. В феврале следующего года «виноградные мастера» Е. Михайлов и Е. Мальцев прибыли в столицу. Они познакомились с качеством почвы в Подмоскowie и высказали мнение, что виноградники возможно заложить в селах Ивановское, Измайлово и др. Вскоре Ф. Соковнин получил из Разрядного приказа указание прислать в Москву виноградные лозы для посадки раннею весной.²

В 1674 г. чугуевскому воеводе приказано отправить 2 виноградарей, а с ними 100 виноградных кустов и 1900 лоз в с. Богородицкое, Тульского уезда, «для заводу там виноградников»³. В 1680 г. с такой же целью виноградаря Г. Давыдова направляли в Курск.

Чугуевские царские виноградники существовали до середины 80-х годов XVIII в. В течение этого времени площадь их (6 дес.) была неизменной⁴. В 1713 г. Петр I приказал в существовавших 3 виноградниках «держать по 20 000 кустов и при них 10 дворов садовников». В какой мере это царское приказание было выполнено, в документе не говорится. Однако видно, что виноградары продолжали выращивать виноград и ежегодно до середины века отправляли его царскому двору. В 1749 г. дворцовая канцелярия сочла невыгодным возить чугуевский виноград в Петербург и распорядилась урожаем винограда, как и вишни, продавать на месте, а деньги сдавать в казну.

Спустя 9 лет дворцовая канцелярия сдала все 3 виноградника на откуп на 10 лет, с оплатой казне 121 руб. в год. По истечении этого срока охотников на откуп садов не нашлось, поэтому они остались в ведении дворцовой канцелярии, виноград и вишня продавались на месте. В 1773 г. дворцовая канцелярия предложила слободско-украинскому губернатору поручить чугуевским виноградарям заниматься выращиванием тутовых, или шелковичных, деревьев и выкармливанием шелкопрядов.

В 1782 г. Харьковская казенная палата в представлении Сенату писала, «что находящиеся в Чугуеве при казенных виноградных садах садовники, коих числом, как в том городе, так и в

уезде 190 человек состоит, управляются единственно только в том, что оные огораживают и очищают, содержат в построенных собственными их коштом сараях шелковичные семена и по оживлении их в червь разделяют в ящики и кормят шелковичным листом...», затем коконы отвозят в Новую Водолагу, «чем почитают себя отягощенными, просят от сей должности увольнения, желая заняться по-прежнему в однодворческом звании».

П. И. Рычков в докладной записке Сенату по этому поводу объяснил экономическую целесообразность перевода данных садовников в прежнее однодворческое состояние¹.

Сенат, рассмотрев представление Харьковской казенной палаты и записку П. И. Рычкова, констатировал, что от чугуевских виноградников «двору пользы нет» и предложил «директору экономии» виноградники сдать желающим на оброк, а приписанных к ним садовников перевести в однодворцы с соответствующим обложением их подушной податью.

Харьковская казенная палата 22 июня 1786 г. сообщила Сенату, что «садовники» переведены в сословие однодворцев. Об отдаче на откуп виноградников, в которых числилось 16 тыс. кустов винограда и 1600 шелковичных деревьев, было объявлено в 1785 и 1786 гг., но желающих взять их не оказалось. В сообщении далее говорилось, что сады, оставленные без присмотра, уничтожаются морозами и превращаются в дикорастущие заросли. Нанимать людей для присмотра за ними нецелесообразно, так как вследствие частых заморозков урожаи бывают низкие и не окупают затрат. К тому же виноградники, занимая 5 дес. земли, находятся между дворами «казенных поселян» и мешают расширению города. Сенат обратился с предложением к Екатерине II: «Не повелено ль будет состоящие Харьковской губернии в городе Чугуеве казенные виноградные сады, так как не приносящие казне никакой пользы уничтожить, а находящиеся под ними места отдать под строение обывательских домов»².

Ответ Екатерины II неизвестен, но об этих виноградниках есть упоминание в книге, напечатанной в 1788 г.³ Надо полагать, что с этого времени они прекратили свое существование. Земля, находившаяся под ними, была застроена дворами.

Кроме казенных виноградников, в Чугуеве виноград выращивали местные жители. У садовника царских виноградников С. Борисова в 70-х годах XVII в., у чугуевца Захарова в 1711 г. были собственные виноградники. Известны виноградники Ахтырского, Змиевского и Святогорского монастырей. Автор «Топографического описания Харьковского наместничества» писал

¹ ХФЦГИА, ф. 383, стб. 61, док. 23.

² Там же, ф. 353, стб. 88, док. 3, 41.

³ Там же, ф. 906, д. 8, лл. 1—2.

⁴ ЦГАДА, ф. Госархив, Разряд XVI, д. 1007, лл. 1—7.

¹ ЦГАДА, ф. Госархив, Разряд XVI, д. 1007, л. 4.

² Там же.

³ Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 141.

в 80-х годах XVIII в., что возле г. Чугуева есть несколько «обыкновенных виноградных садов». Были виноградники у разных лиц в соседних селах. Гильденштедт в своих записках отметил: «Около Каменки на возвышении по левую сторону речки разведен 10 лет тому назад виноградник из нескольких сот виноградных лоз... В 70-х годах XVIII в. росли виноградники в хозяйстве жителя Славянска — 100 кустов, по дороге в Маяки, на возвышенном месте в небольшой балке в лесу из 400 кустов. Плоды их были мелкие и плохого сорта»¹.

Почвенные, а особенно климатические условия на Слобожанщине требовали больших усилий для выращивания винограда. Царский двор, не имея других, более выгодных возможностей, долгое время шел на любые затраты, выращивая виноград в Чугуеве. Когда же в XVIII в. стали поставлять дешевый и лучших сортов виноград из Азова и Астрахани, чугуевские виноградники были заброшены. Тем не менее следует отметить, что появление на Слобожанщине виноградников представляло собою факт развития местного земледелия. Разорение дворцовых крепостнических виноградников на участке 5—6 дес. вовсе не означало упадка виноградарства в крае.

В связи с экономической политикой Петра I в 1716 г. в Ахтырке при табачной мануфактуре была заложена казенная табачная плантация на 50 дес. Земля обрабатывалась местными приписными крестьянами. В течение ряда лет, до закрытия предприятия выращивалось свыше 7 тыс. п. табака². Табачная мануфактура просуществовала недолго, но разведением табака продолжали заниматься многие крестьяне. В Недригайловском уезде, как и в других местах, разводился табак на многих плантациях, который затем продавался внутри страны и вывозился за границу³.

Шелководство Русское правительство предприняло попытку завести на Слобожанщине шелководство.

В 1757 г. Сенат издал указ, в котором разъяснялось, что в России растет спрос на шелковые и парчовые изделия, между тем шелк в стране почти не производится, его приходится по дорогой цене ввозить из Персии. Сенат приказывал местным властям оповестить крестьян «Украинской линии», чтобы они сажали тутовые деревья, разводили шелкопрядов и добывали шелк.

Шелководам из купечества обещано освобождение от служб, постоев и взимания пошлин за продажу шелка в течение 10 лет. Они должны были продавать шелк русским шелковым мануфактурам. Всем желающим приняться за шелководство предла-

галось посетить Белевскую крепость (Константиноград) и ознакомиться с заведенными там шелковичными деревьями, посоветоваться с садовником, где и как разводить шелковицы¹. Несмотря на льготы, охотников заняться шелководством не оказалось.

Спустя 16 лет правительство возвратилось к этому вопросу. По указу 1773 г. слободско-украинскому губернатору Е. Щербинину поручалось поощрять разведение шелкопрядов. По указанию правительства Н. Рычков, смотритель Ахтубинских шелковых «заводов», составил положение «об учреждении» в Слободско-Украинской губернии шелководства по опыту Ахтубинска. Положение было утверждено Екатериной II в 1773 г., по которому жители Новой Водолаги и соседних сел в принудительном порядке привлекались к работам по шелководству². В слободах, отписанных под шелководство в 1774 г., насчитывалось 5058 крестьян мужского пола. Ранее они принадлежали помещику Дашкову, но правительство Елизаветы Петровны выкупило их. Крестьяне платили в казну подушную подать по 60 коп., помещику — по 1 руб. 5 коп., так называемые соседи — по 52,6 коп., не имевшие хозяйства — по 25 коп. и с каждой пары волов — по 20 коп. Затем все помещичьи поборы они вносили вместе с подушной податью в казну. С организацией шелководства приписные крестьяне должны были выращивать шелк и сдавать его в казну вместо причитающейся с них подати³.

На протяжении почти 20 лет правительство умалчивало, кому же принадлежит шелковый «завод». Надо полагать, если бы дело шло успешно и стало прибыльным, то царица не преминула бы считать «завод» казенным предприятием. Затея с разведением шелкопрядов встретила сопротивление местного населения. Екатерина II приняла позу просвещенной благодетельницы — по докладу Сената 20 октября 1775 г. она заявила, что Нововодолажское шелковое «заведение» устроено «не для прибыли казенной, но больше для того, чтоб поблизости того местечка обитатели, воспользовавшись сим случаем, приобыкли к деланию шелка»⁴. Производство шелка налаживалось медленно и было убыточным.

Правительство, пытаясь ускорить разведение шелковиц и оборудование предприятия в Новой Водолаге, в 1789 г. назначило его директором бывшего австрийского капитана графа Ю. де Парма, ведавшего им до 1801 г. Были подготовлены инструкторы по шелководству, которые разъезжали по селам и давали

¹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 406, л. 1; д. 396, лл. 1—2; д. 375, лл. 1—4.

² Там же, ф. 665, д. 1025, лл. 18—20, 66—67, 69—70.

³ «Русская мысль», 1901, кн. VI, стр. 18.

⁴ ПСЗ, № 14411.

¹ Гильденштедт. Путешествие..., стр. 29—30, 34—35, 50.

² ХФЦГИА, ф. 27, д. 11, лл. 320—324; д. 17, лл. 1—977; д. 18, лл. 1—1097.

³ Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 161.

советы жителям, как надо сажать тутовые деревья, как ухаживать за шелкопрядами и т. д.

На шелковом «заводе» большое внимание уделялось созданию сырьевой базы предприятия — разведению шелковиц. В 1792 г. 4300 тутовых деревьев, ранее посаженных на крестьянских огородах в Новой Водолаге, были пересажены на плантации¹. Тутовые деревья выращивались путем высева семян, посадки молодых деревьев из питомников и высаживания корней засохших шелковиц.

В 1797 г. в Водолаге на плантациях Просяной, Шпаковской и Николаевской росло 35 тыс. шелковичных деревьев, от которых отсадили 11 тыс. деревьев. На Михайловской плантации в этом же году пересажено 2 тыс. корней засохших тутовых деревьев. В Константинограде из засохших 3 тыс. тутовых деревьев выращено 5 тыс. деревьев, от которых требовалось отсадить 1 тыс. молодых деревьев². В этом же году на плантации в Валках насчитывалось 440, в Краснокутске — 616 деревьев. В 1799 г. были шелковичные сады в селах Харьковского, Чугуевского, Ахтырского, Богодуховского, Змиевского, Изюмского, Острогожского, Купянского, Сумского и других уездов³.

Помещики Синельников в с. Ведмедовка, Валковского уезда, Бродский в с. Карловское, Константиноградского уезда, волостной голова Григорианский в Богодуховском уезде развели у себя шелковичные сады⁴. Между прочим, первые 2 «шелковода» не разводили шелкопрядов, листья их тутовых деревьев использовались на Водолажском «заводе». Занимались шелководством также ахтырский помещик Лесевецкий и екатеринославский губернатор Бедряга, харьковский аптекарь Пискунов⁵.

Оборудование шелкового «завода» было сравнительно несложное. Возле тутовых плантаций в Водолаге, Валках, Краснокутске и Константинограде находились деревянные сараи, где стояли столы, покрытые рогожами, на которых устраивали шелкопрядов для кормления.

На основном заводском дворе в Водолагах имелся большой сарай для шелкопрядов и помещение с оборудованием для мотания шелка. Здесь стояли деревянные мотальни, на которые наматывался шелк⁶.

Рабочая сила на Водолажском шелковом «заводе» состояла из приписных крестьян. Часть людей — мастеровые, подмастерья и ученики работали постоянно, другие находились на временных работах. Вначале постоянных рабочих людей насчитывалось

70 чел. Это были садовники шелковичных садов в Константинограде, Водолаге, Валках и Краснокутске, затем к ним присоединились садовники чугуевских виноградников. На подсобных работах в качестве гончаров, плотников и др. было занято около 20 человек. Поденные работы на протяжении года поочередно выполняли около 1 тыс. чел. Предприятие охраняли 10 солдат¹.

Водолажский шелковый «завод» представлял собою обыкновенную крепостническую мануфактуру. В 1797 г. здесь работало мастеровых, подмастерьев и учеников 38 чел. Одни из них занимались посадкой и выращиванием тутовых деревьев, другие выращивали шелкопрядов, третьи кормили шелкопрядов, четвертые мотали шелк и т. д. Предприятие обслуживали гончары, кузнецы, плотники, столяры, котельщики².

Положение приписных рабочих людей на «заводе», как и на других казенных предприятиях, было очень тяжелое. Им приходилось с ранней весны и до поздней осени ежедневно работать, не получая никакой оплаты. Кроме того, они должны были давать по нарядам подводы, платить поземельные и другие налоги. Мастера И. Коприенко, И. Горшковозенко, И. Гармашенко, И. Белобровченко, подмастерья Ф. Гурченко, С. Нечипоренко, М. Николаенко, И. Нептоцкой, ученики М. Шевченко, Ф. Карпенко, Я. Кривич и Ф. Пискаленко в 1797 г. в жалобе губернатору писали: «Все больше угнетаемся и приходим в крайнее разорение как чрез такие поношения, так и разные наряды подводами, постоем и прочим... и как мы от работ шелкового производства редко в году, кроме зимнего времени, свободны, а весною в размножении дерева, летом в воспитании червей и мотании шелка, осенью ж в умножении плантации»³. Они просили уменьшить налагаемые на них поборы и постои. В другой жалобе рабочие люди просили выдавать им «жалованье для прокормления». Но больше всего было просьб об увольнении и возвращении к своим прежним крестьянским занятиям. Мастер Н. Кучеренко в 1798 г. писал губернатору, что его взяли «по выбору» в ученики на Водолажский шелковый «завод» в 1774 г., где работает 24 года. Далее он писал: «Я имею жену и детей малолетних, пропитать их нет моей возможности, будучи беспомощным и дохожу до крайней бедности, то сим... осмеливаюсь утруждать о увольнении меня от шелкового завода»⁴.

Крестьяне, работавшие на мануфактуре посменно, были менее обременены повинностями, чем постоянные работники. Но они так же часто надолго отрывались от своего хозяйства. Между прочим, многие местные жители нередко упрекали постоянных

¹ ХФЦГИА, ф. 665, д. 1025, л. 29.

² Там же, лл. 88—93; д. 51, лл. 6—7.

³ Там же, д. 588, л. 20; д. 1025, лл. 30, 33; д. 1006, л. 32.

⁴ Там же, д. 1025, лл. 32, 86, 151, 157.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 14, д. 782, л. 1.

⁶ ХФЦГИА, ф. 665, д. 1025, лл. 5, 32, 43—44, 90, 210; д. 588, лл. 3—4.

¹ ХФЦГИА, ф. 665, д. 1025, лл. 89, 156.

² Там же, лл. 58—93.

³ Там же, д. 51, лл. 1, 6—7.

⁴ Там же, д. 1025, лл. 150, 160.

работников шелкового «завода» в том, что их предприятие приносит страдания всему населению Водолаги и других сел¹.

Несмотря на то, что рабочая сила, состоявшая из государственных крестьян, эксплуатировалась на мануфактуре бесплатно, все же предприятие обходилось казне ежегодно в многие тысячи рублей. Между тем, шелка произведено в 1789 г. 32 ф., 1790 г. 41 ф., 1791 г. 8 ф., 1792 г. 40 ф., 1793 г. 60 ф., 1794 г. 122 ф., 1795 г. 40 ф., 1796 г. 15 ф., 1797 г. 15 ф.², всего с 1789 г. по 1800 г. включительно получено шелка немного больше 11 п. Правительство в 1800 г. Нововодолажский шелковый «завод» упразднило и образовало «инспекцию по развитию частного шелководства в Слободско-Украинской губернии». Возникшее здесь шелководство не принесло положительных результатов, тем не менее его появление свидетельствовало о росте производительных сил края.

Животноводство Сведения о разведении скота на Слобожанщине во второй половине XVII и в XVIII в., дошедшие до нашего времени, разрознены. Они свидетельствуют о наличии скотоводства, но дают лишь приблизительное представление о породах домашних животных и количестве скота у разных социальных групп населения.

В 1658 г. чугуевец Покотилев сторожил стадо овец в 400 голов, принадлежавших, по-видимому, жителям Чугуева³. В том же году татары захватили много скота, принадлежавшего ахтырчанам⁴. В ведомости харьковского воеводы И. Маслова о «татарском погроме» в 1680 г. говорится об угоне татарами скота, захваченного у местных жителей.

В с. Липцы татары угнали лошадь С. Голищева, 2 лошади А. Кислякова, 3 лошади И. Ковякова, 6 лошадей И. Подзолкова, 2 лошади Д. Шашкина, лошадь З. Ливонева, 2 лошади Е. Колесникова. В с. Дергачи грабители угнали 2 вола и 100 овец Р. Сахнова, 4 вола и 100 овец А. Семенова, 100 овец Г. Яковлева, 4 головы скота Г. Федорова, 8 голов скота Г. Федоренко, 5 голов скота Ф. Семенова. В с. Лозовое угнано 5 волов и 300 овец Г. Семенова, 3 лошади В. Ерофеева, 2 вола и 2 козы В. Довбни. В с. Жихорь угнано 4 лошади, 6 волов, 2 коровы и 20 овец Ф. Клименко; 4 вола и 20 овец А. Шевца; 20 овец Я. Степанова; лошадь, вола и 8 овец А. Резника; лошадь и 8 овец М. Книренко; 3 коровы Т. Редько; И. Лихвина и М. Костриченко. В этом селе в имении харьковского полковника Г. Донца забрали 74 лошади, 130 быков и коров и 900 овец. Всего скота

¹ ХФЦГИА, ф. 665, д. 51, л. 1.

² Там же, д. 1025, лл. 88—93.

³ «Киевская старина», 1888, т. XXI, стр. 33.

⁴ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 481, л. 171.

в Харьковском уезде у казаков, русских служилых людей и полковника Донца захвачено 11 294 головы¹.

Не исключена возможность, что часть животных осталась в укрытиях, поэтому приведенные выше данные не могут дать полной картины. Тем не менее эти сведения говорят о том, что животноводство у слобожан имело значительные размеры. Русские служилые люди, украинские казаки и крестьяне имели разное количество скота, что свидетельствует о наличии имущественного неравенства.

В 1680—1681 гг. происходил спор между жителями г. Лебедина и сел Пристайлово, Червленое и Азақ и детьми боярскими г. Каменного. Из перечня спорного имущества явствует, что в хозяйстве поселян было по 1 корове, по 1 лошади, по несколько голов мелкого скота². В описи конфискованного имущества чугуевского сына боярского Я. Огорокова в 1679 г. значилось: 2 коровы, 2 быка, 2 лошади, теленок, 2 свиньи, 9 овец и 4 ягненок³. В конфискованном имуществе бывшего харьковского полковника Ф. Шидловского насчитывалось 9 лошадей, 73 вола, 90 коров, 18 телят, 1770 овец, 42 козы, 213 свиней⁴. В змиевском Николаевском монастыре по описи 1702 г. было 130 лошадей, 36 волов, 12 коров, 300 овец, 115 коз, 103 свиньи и 33 подтелка⁵. Часть населения вовсе не имела скота.

Количество скота в казацко-крестьянских хозяйствах края в XVIII в. уменьшилось по сравнению с XVII в. в связи с расширением посевных площадей и сокращением пастбищ. Этот процесс в первую очередь коснулся Сумского, Ахтырского и Харьковского полков.

Автор «Описания Слободско-Украинской губернии 1802 г.» по поводу состояния животноводства к началу XIX в. писал: «Скотоводство у поселян против прежнего много ограничено. Степи, изобилующие для скотоводства пастбищами, умножившимся народом преобращены в пахотные поля». Далее отмечалось, что овец стали «содержать немногие поселяне и те в невеликом числе, исключая уезды Изюмский, Купянский, Волчанский и часть Змиевского», где еще было значительное поголовье овец⁶. К этим уездам надо отнести территорию бывшего Острогского полка.

Составители «Ответов на экономические вопросы Вольного экономического общества» 1767 г. по Сумской, Харьковской и Изюмской провинциям указывали на неодинаковое количество скота у разных групп крестьян. В Сумской провинции помещицы

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 84—93.

² Там же, стр. 97.

³ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 109, л. 23.

⁴ Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских..., стр. 113.

⁵ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 177—178.

⁶ Описание Слободско-Украинской губернии 1802 г., стр. 9.

крестьяне и зажиточные войсковые обыватели имели лошадей 3—5, крупного рогатого скота 5—10, овец и коз 10—30, свиной 5—10 голов; средние — «против того в полы»; бедные почти не имели скота, а у некоторых (около 10%) его вовсе не было. В Харьковской провинции средний войсковой обыватель имел крупного рогатого скота до 10, овец до 15, свиней до 5 голов; помещичьи крестьяне — крупного рогатого скота до 5, овец до 5 и свиней до 3 голов. Лошади здесь были редкостью потому, что в качестве тягловой и рабочей силы использовались вола.

Наиболее подробные сведения о наличии скота у разных групп крестьян имеются по Изюмской провинции, представляемые в таблице ¹:

Крестьяне	У зажиточных					У средних					У бедных			
	волов	коров	овец	лошадей	свиней	волов	коров	овец	лошадей	свиней	волов	коров	овец	свиней
Войсковые обыватели	16	16	300	60	30	8	6	40	6	5	2	1	5	1
Помещичьи и монастырские	8	6	30	5	6	4	4	10	1	3 ²	2	1	5	1

Затем в «Ответах» указывается, что многие крестьяне имели коз. В Ахтырской, Изюмской и Острогожской провинциях «коз держат не по многому числу», в Харьковской — «не более как по две и по три», в Сумской — «земледелец имущественный держит коз от 5 до 10 голов». Коз содержали вместе с овцами ³.

Составитель «Ответов» по Ахтырской провинции ограничился указанием, что у местных жителей было скота «довольно». По Острогожской провинции в «Ответах» отмечено, что скота, особенно овец, здесь содержат много, однако могли бы разводить его больше «и с лучшею пользою».

В Описании хозяйства для Академии наук 1781 г. также указано, что в Острогожской провинции скот разводят в большом количестве. У среднего крестьянина крупного рогатого скота имеется от 5 до 15 голов и от 50 до 100 овец. У «пожиточнейших»: рогатого скота — от 15 до 50 голов и от 200 до 1000—1500 овец.

Приведенные сведения о количестве скота у крестьян являются средними. Составитель пояснил: «Некоторые ж из сих черкас имеют скота и меньше, а у других и вовсе никакого не

¹ «Труды ВЭО», ч. VIII, стр. 78, 103—104, 136, 162, 189.

² Средние помещичьи крестьяне имели свиней по 3, монастырские — по 2 головы.

³ «Труды ВЭО», ч. VIII, стр. 90, 119, 156, 176, 208.

бывает». Например, в Беловодском уезде насчитывалось всего скота: крупного рогатого 10 тыс., лошадей 5 тыс. и овец 20 тыс. голов. Как известно из материалов генерального межевания, несколькими годами позже в уезде насчитывалось 6860 дворов и около 38 тыс. чел. населения ¹. Совершенно очевидно, что если эти данные взять в среднем на двор или на душу населения, то получится очень незначительное количество животных в каждом хозяйстве ². Между тем составитель «Описания» указывал, что жители Павловского уезда продают животных с хозяйства по одной и несколько голов; жители Купянского уезда продают с хозяйства: лошадей по 8, крупного рогатого скота по 20 и овец по 30 и больше голов ³. Эти сведения говорят о том, что большая часть скота разводилась зажиточными крестьянами, вовлеченными в товарно-денежные отношения.

С начала XVIII в. примитивная форма крестьянского животноводства перестала удовлетворять растущие потребности страны. Возникла необходимость заниматься разведением новых, более лучших пород, в первую очередь овец и лошадей.

Слобожане разводили овец простых грубошерстных пород — короткохвостых и длиннохвостых. В Чугуевском уезде, в Острогожском и Изюмском полках были калмыцкие курдючные овцы. В описных книгах имений Ф. Шидловского в 1707 г., например, указывается, что в Балаклеяке было курдючных 680 овец ⁴.

По инициативе Петра I во втором десятилетии XVIII в. в стране заводятся силезские и испанские тонкорунные овцы. В «Экстракте об овчарных заводах» говорилось, что по указу Петра I в 1716 г. за границей закуплено на казенные деньги 20 тыс. тонкорунных овец. Их распределили по казенным овчарным «заводам» в Киевской, Воронежской, С.-Петербургской и Ярославской губерниях поровну. Затем закуплено еще несколько тысяч овец для «заводов» в Казанской, Симбирской и других губерниях.

Вскоре правительство стало раздавать овец на содержание в помещичьи хозяйства. В указе по этому поводу говорилось: «и тех овец и про них овчаров содержать им во всем против того, как и на овчарных заводах содержаны», заботиться об их умножении и шерсть из них сдавать на «суконные фабрики по достойной цене», а приплод «от тех овец получать помещикам» в свою пользу ⁵. При раздаче овец помещикам в 1723 г. дано,

¹ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний..., вып. XV, стр. 1963, 1979, 2014, 2027.

² ЦГАДА, ф. 1355, Экономические примечания к генеральному межеванию по Воронежской губернии, Беловодский уезд, д. 2, л. 7.

³ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний..., вып. XV, стр. 1979, 2027.

⁴ Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских..., стр. 170.

⁵ ЦГАДА, ф. 1, оп. 3, д. 737, л. 416.

например, харьковскому полковнику и другим старшинам 966 овец¹.

Правительство, создавая «заводы» тонкорунных овец, приобретаемых за границей, в первое время вынуждено было прибегать к использованию иностранных специалистов. Эти овцеводы направлялись в казенные и в частные овчарни и содержались за счет государства². На овчарном «заводе» Глушковской суконной мануфактуры в 1748 г. овчаром был И. Лицман, он получил годовое жалованье: денег 4 руб., хлеба 12 четей, соли 1,5 п. В его подчинении по уходу за овцами в 6 кошарах (около 2800 овец) было 7 работников. Набирали их из казенных подданных людей «по уговору» и в принудительном порядке. Им выдавалось годовое жалованье деньгами по 4 руб., хлеба по 3 чети и соли по 24 ф.³

Правительство не упускало из виду и подготовку отечественных овцеводов. В этих целях использовались иностранные овцеводы, находившиеся в России, а также посылались русские и украинцы на обучение за границу. В 1724 г. был издан указ о посылке на казенный счет людей в Силезию для обучения делу разведения и стрижки тонкорунных овец. Затем в том же году выпущена инструкция о содержании овец⁴.

В указе от 15 июля 1724 г. отмечалось, что некоторые русские помещики и старшины Слободских полков «начали содержать овец и от того прибыль великую против прежнего получают». Однако имеющиеся сведения говорят о том, что овцеводство было малоприбыльным и даже убыточным. В рапортах из сотен в Ахтырскую полковую канцелярию в марте 1723 г. сообщалось о состоянии тонкорунного овцеводства⁵, по которым составлена следующая таблица:

Владелец	Принято на содержание овец	Из них пало	Приплод	Всего осталось овец	Настриг шерсти	
					п.	ф.
Ахтырский полковник В. Танской	150	22	116	244	21	38
Полковои судья М. Бояжский . . .	20	3	3	20	3	30
Подпрапорный И. Кобеляцкий . . .	20	14	18	34	4	1
Богодуховский сотник Ф. Павлов	73	38	60	95	9	—
Всего	263	77	197	393	37	69

¹ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 3, д. 737, лл. 246—253.

² Там же, л. 13.

³ Там же, д. 695, л. 339.

⁴ ПСЗ, № 4459, 4532.

⁵ ХФЦГИА, ф. 27, д. 11, лл. 391, 393, 396.

Таким образом, в 1723 г. 4 владельцам отдано на содержание 263 овцы. Из них менее чем через 2 года по неизвестным причинам «упало» 77 голов (29,3%), приплода было на каждую оставшуюся овцу по 1 ягненку.

В 1722 г. по царскому указу сумскому полковому судье В. Савичеву дано на содержание 100 овец, которые он передал своим крестьянам в с. Писаревка. Весной 1743 г. большинство писаревских жителей разбежалось, сын судьи А. Савичев обратился к правительству с просьбой, что у него «показанных казенных овец смотреть де некому» и чтобы их забрали. В указе предложено сумскому полковнику В. Кондратьеву переписать овец и принять на свое содержание. В ведомости Сумской полковой канцелярии, составленной в 1748 г., говорилось, что в 1723 г. подпрапорный В. Кондратьев и судья В. Савичев получили на содержание от казны по 100 овец, от этих овец до 1743 г. было приплода 2379 голов, из них пало 2305 и осталось в живых 74 овцы, за последующие 5 лет приплод составил 126 голов. Всего осталось 200 овец¹.

В плохом состоянии было тонкорунное овцеводство и у других помещиков. В 1723 г. в овчарных «заводах» П. Шафирова в сл. Рубежное на Донце, графини Апраксиной в сл. Салтов насчитывалось по 270 овец. В 1744 г. на первой овчарне все овцы пали, на второй оставалось 66 голов. У старшины И. Гадяцкого в Писаревке было первоначально 100 овец, все они погибли. Немного в лучшем положении находился овчарный «завод» князя Д. Голицына в той же Писаревке — в его имении было 480 овец, к 1744 г. насчитывалось 433 овцы. Харьковскому полковнику Г. Квитке «с товарищи» дано на «завод» 600 овец и сумскому полковнику И. Кондратьеву 844 овцы, но судьба этих «заводов» неизвестна².

При Глушковской суконной мануфактуре имелся овчарный «завод». Его начало было своеобразное. Владелец мануфактуры И. Дубровский в 1721—1722 гг. собрал с своих крестьян в качестве оброка 916 овец и устроил овчарню вблизи с. Дьяконовка³. Здесь в 1748 г. насчитывалось 2868 овец в 6 кошарах: в 1-й было «шленских старых баранов (волохов)» 568 голов, во 2-й — «старых овец, которые котятца», — 650 голов, в 3-й — «одногодный молодняк (ярки)» — 323 головы, в 4-й — «старых овец, которые будут котитца», — 608 голов, в 5-й — «этого ж году рождения баранов» — 305 голов, в 6-й — «старых баранов для приплода» — 414 голов. Спустя 3 года, овец стало 3068 голов⁴. В 1760 г.

¹ ХФЦГИА, ф. 760, д. 761, л. 1; д. 780, л. 1.

² ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 3, д. 303, лл. 116—117.

³ ЦГИА УССР, ф. 53, д. 579, л. 4, д. 756, лл. 33—46.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 3, д. 695, лл. 339, 362; «Сборник РИО», т. 130, стр. 40, 640.

здесь уже насчитывалось 10 330 голов, а спустя 15 лет — 17 тыс. голов¹. Но успехи этого овчарного «завода» составляли исключение и объяснялись деловыми качествами его руководителя К. Матвеева.

Причины массовой гибели овец и их низкого приплода в помещичьих хозяйствах в документах не объясняются. Надо полагать, что основной причиной являлся плохой уход за животными. Автор описания края 1802 г. говорил, что помещики, которые «обзавелись шленскими овцами», получают немалую прибыль, так как шерсть их продают по цене более 10 руб. за 1 п., но за год ее поступает на рынок не более 1 тыс. п. Это объяснялось тем, что постановления правительства «о размножении оных шленских и гишпанских овец не имеют и до сего времени желанного в сей губернии успеха, что приписать должно частию климату сея страны, в котором они перерождаются в низкие роды, частию худому присмотру в рассуждении одних пастбищ с простыми овцами, а больше всего малому рачению хозяев и знанию за оными в хождении»².

В последней четверти XVII в. казацкие старшины, помещики в своих хозяйствах стали устраивать конные «заводы». В с. Уколово харьковского полковника Ф. Шидловского в начале XVIII в. был конный «завод», в нем насчитывалось 200 быков, жеребцов черкасских и немецких 21, для верховой езды пород персидской, черкасской, волошской, польской, немецкой, рыбенской 48 голов и разных «возовых» меринов 30 голов³. Помещик А. Надаржинский в с. Тростянец имел конный «завод», где насчитывалось 100 лошадей в станках⁴. Помещичьих конных «заводов» стало значительно больше в последующие годы, особенно во второй половине XVIII в. В «Описании Острогожского уезда» в 1781 г. указывалось, что многие помещики разводят лошадей немецких, польских, турецких, датских и английских пород. В «заводах» некоторых помещиков разводили лошадей стоимостью по 100, 200 и 300 руб.⁵ Автор «Описания Слободско-Украинской губернии 1802 г.» писал, что «многие помещики имеют лошадиные заводы» очень хорошие как по количеству разводимых животных, так и по породе⁶. В частности, в с. Хреновое, Бобровского уезда, в 1778 г. переведен из подмосковного с. Лосиный Остров известный конный «завод» А. П. Орлова-Чесменского⁷.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 3, д. 725, л. 98; д. 218, л. 14.

² Описание Слободско-Украинской губернии 1802 г., стр. 10.

³ Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских..., стр. 75.

⁴ «Сборник ХИФО», т. 19, 1913, стр. 435.

⁵ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний..., вып. XV, стр. 1947.

⁶ Описание Слободско-Украинской губернии 1802 г., стр. 9.

⁷ Материалы для географии и статистики в России. Воронежская губерния, 1862, стр. 171.

Правительство долгое время набирало лошадей для нужд армии из крестьянских и помещичьих хозяйств. В связи с этим во второй половине XVII в. в крае возникает казенное «государево» коневодство. В случае войны правительство покупало, а также набирало лошадей у населения. Этих лошадей партиями передавали воеводам разных городов, в том числе на Слобожанщине: в Ольшанске, Острогожске, Усерде, Чугуеве, Змиеве. Воеводы ставили их на корм в казацко-крестьянских хозяйствах¹. Затем для животных стали устраивать казенные пастбища и конюшни.

В 1689 г., например, по настоянию правительства отданы полковые лошади на корм миропольским жителям², в 1696 г. — ольшанским детям боярским³. В 1670 и 1688 гг. производились перегоны лошадей из Чугуева и ряда городов Белгородского полка в другие места, где был заготовлен для них корм⁴.

По указам от 25 октября 1738 г. и 5 сентября 1739 г. предписывалось открыть конные «заводы» на 5 тыс. голов для снабжения кирасирских и драгунских полков⁵. Из них 3334 лошади были размещены в пределах Левобережных полков: в конфискованном имении князя Контакузина, в селах Драбово и Пологи, на х. Великий Денков. На Слобожанщине конные «заводы» в которых размещалось 1666 лошадей, были расположены в Печенегах, Изюмского полка, в Васильевке, Сумского полка, и в Никитовке, Ахтырского полка⁶. По указу 1748 г. конные «заводы», находившиеся на Полтавщине (кроме Контакузинского), были переведены в казенные слободы Деркул, Евсюг, Кременная и в другие места Бахмутской провинции⁷.

Устройство казенных конных «заводов» принесло крестьянско-казацким массам много дополнительных тягот. Полковые казаки, помимо выполнения своих служебных обязанностей, систематически работали на устройстве конюшен, на доставке строительных и других материалов на «заводы», на заготовке сена и т. д.

В ведомости канцелярии начальника конных «заводов» от 16 октября 1758 г. указывалось, что на содержание конных «заводов» на Слобожанщине «употреблено обывательского кошту, яко-то на конюшное строение, солому и прочие потребности и довольствие людей и лошадей... 68 907 рублей 78 копеек». Большие средства слобожан привлекались и в последующие годы.

¹ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 150, док. 4, стб. 151, док. 1—12; стб. 166, док. 1—95.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1273, лл. 258—259.

³ Там же, стб. 1463, лл. 31—33.

⁴ Там же, стб. 1266, лл. 144—162; 179—183, 523—530, 664—665, 674—676, 727—732.

⁵ ПСЗ, № 7889.

⁶ «Сборник ХИФО», т. 12, 1900, стр. 57; ХФЦГИА, ф. 27, д. 76, лл. 1—1227.

⁷ ХФЦГИА, ф. 29, д. 22, лл. 1—126.

Например, в июле 1760 г. на Сумском и Ахтырском «заводах» использовано 1665 лошадей и более 40 волов в повозках. Если считать, что при каждой паре животных находился 1 чел., то в это время здесь на барщине было занято около 800 чел.

Конные «заводы» вначале не отличались хорошими породами животных. Составитель «Экстракта о изнеможении Слободских полков» в 1761 г. отмечал, что лошади казенных конных «заводов» «не только в кирасирской, но и драгунской службе мало годны и многие не стоят корму».

Но, по-видимому, породы лошадей к концу XVIII в. улучшились. По крайней мере, составитель «Экономических примечаний по Беловодскому уезду» отмечал, что на казенном конном «заводе» на хуторе по р. Деркул (где в 1781 г. насчитывалось 800 голов) были лошади «датские, турецкие, аглицкие, политанские и российские»¹.

Несомненно, что в животноводстве на Слободжанщине, как и по всей стране, особенно в XVIII в., произошли сдвиги: стали разводить новые породы рогатого скота, овец, лошадей, улучшился уход за скотом. В «Ответах на экономические вопросы» об этом говорится довольно определенно.

Рогатый скот, лошади, овцы и свиньи большею частью содержались в сараях, построенных при домах. Зажиточные крестьяне и помещики, имея много скота, держали его в скотных дворах на хуторах. Скотные дворы в безлесных местах сараев не имели.

С весны и до поздней осени скот пасли на пастбищах, зимой кормили сеном и соломой обмолоченной ржи, пшеницы, овса и других хлебов. Однако в юго-восточных районах края у многих владельцев скот зимовал на подножном корму. Гильденштедт писал, что украинцы «осенью не стригут овец вследствие того, что у них овцы и зиму проводят в открытом поле»². В наказе изюмских дворян в Комиссию по составлению Уложения 1767 г. также отмечалось, что «в здешних местах лошади, овцы, а иногда и скот рогатый и в зимнее время в степи под снегом добывает ногами корм»³.

Местное животноводство уже в XVII в. было связано с рынком. В документах по сбору торговых пошлин в Чугуеве, Змиеве, Харькове, Острогожске и в других городах фигурируют конские площадки. В ярмарочные и торговые дни во всех городах покупали и продавали скот. Торговля скотом особенно расширилась во второй половине XVIII в. Часть животноводческой продукции слобожан отправлялась в Москву, Петербург и в другие города. В этом отношении особенно преуспевало животноводство Остро-

гожского, Беловодского, Купянского, Изюмского и других юго-восточных уездов края.

В «Описании Острогожского уезда» 1781 г. говорится, что зажиточные жители выкармливали свой и частично купленный рогатый скот бардою и отправляли на продажу в Москву и Петербург. Много скота скупали в разных уездах приезжие русские купцы (гуртовщики)¹.

Слобожане, несмотря на трудности, связанные с татарскими нападениями, освоением «дикого поля», непрерывным несением сторожевой службы и частыми военными походами, а также усиливавшийся феодальный гнет, постепенно развивали местное земледельческое хозяйство.

¹ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XV, стр. 1963, 2014, 2027, 1956; Описание Слободско-Украинской губернии 1802 г., стр. 9—10.

¹ ЦГАДА, ф. 1355, Экономические примечания по Воронежской губернии, д. 2, л. 7; Материалы для истории Воронежской и соседних губерний, вып. XV, стр. 2008.

² Гильденштедт. Путешествие..., стр. 79.

³ «Сборник РИО», т. 68, стр. 318.

Глава V

ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

В своей работе «Проект и объяснение программы с.-д. партии» В. И. Ленин писал: «При старых условиях почти все количество богатств производилось мелкими хозяевами, которые составляли громадное большинство населения. Население жило неподвижно по деревням, производя большую часть продуктов либо на свое собственное потребление, либо на небольшой рынок окрестных селений, мало связанный с другими соседними рынками. На помещиков работали те же мелкие хозяева, и помещики заставляли их производить продукт главным образом на собственное потребление»¹. Эту ленинскую характеристику можно полностью отнести к состояниям производительных сил и производственных отношений на Слобожанщине. В промышленности края, как и всей страны, происходили заметные изменения.

В книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин научно обосновал 3 стадии развития капитализма в промышленности: мелкотоварное производство, мануфактуру и фабрику. В. И. Ленин вскрыл корни мелкотоварного производства в крестьянских промыслах и ремеслах. «Домашние промыслы,— писал В. И. Ленин,— составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство»². Крестьянские промыслы еще не составляли промышленности, как профессионального производства, они были неразрывно связаны с земледелием. Крестьяне занимались промыслами в свободное от земледелия время, изготавливали продукты главным образом для своих домашних нужд.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 83.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 285.

С развитием производительных сил крестьянские домашние промыслы по производству тканей, кожевенных, деревянных, керамических и других изделий выделяются в промышленную отрасль. «Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя»¹. Ремесленники работали в мастерских вместе с членами своих семей, более зажиточные пользовались наемным трудом. Ремесленники производили изделия из сырья заказчика и приобретенного на рынке. С того времени, как ремесленники стали выносить изделия на рынок, они превращаются в мелкотоварных производителей. С развитием ремесла возникает мануфактурное производство.

Под мануфактурой разумеется «кооперация, основанная на разделении труда»². К. Маркс в «Капитале» писал, что мануфактура возникает двояким способом: «С одной стороны, она возникает из комбинации разнородных самостоятельных ремесел, которые утрачивают свою самостоятельность и делаются односторонними в такой степени, что представляют собой лишь друг друга дополняющие частичные операции в процессе производства одного и того же товара. С другой стороны, мануфактура возникает из кооперации однородных ремесленников. разлагает данное индивидуальное ремесло на различные собственные операции, изолирует эти последние и делает самостоятельными в такой степени, что каждая из них становится исключительной функцией особого рабочего. Поэтому, с одной стороны, мануфактура вводит в процесс производства разделение труда или развивает его дальше, с другой стороны — она комбинирует ремесла, бывшие ранее самостоятельными»³.

Если ремесленник сам выполнял весь процесс производства определенного изделия, то в мануфактуре оно изготовлялось многими рабочими, при разделении труда каждый рабочий выполнял по своей специальности определенную операцию.

Разделение труда на мануфактуре повышало его производительность. Но, как известно, рост производительности ручного труда ограничен. В. И. Ленин указывал: «Сохранение ручного производства, как базиса мануфактуры, объясняет ее сравнительную неподвижность... На базисе ручного производства много прогресса техники, кроме как в форме разделения труда, и быть не могло»⁴. Разделение труда создавало условия для введения техники сначала на выполнении простейших, а затем и более сложных производственных операций, а также способствовало подготовке рабочих разных специальностей.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 285—286.

² Там же, стр. 335.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, 1960, стр. 350.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 374, 375.

Мануфактурному производству, как известно, отводится роль среднего звена между мелким товарным производством и машинной фабрикой. В. И. Ленин, говоря о 3 стадиях развития капитализма в промышленности, писал: «В развитии капиталистических форм промышленности мануфактура имеет важное значение, будучи промежуточным звеном между ремеслом и мелким товарным производством с примитивными формами капитала и между крупной машинной индустрией (фабрикой)»¹.

Возникающие мануфактуры по своему характеру в зависимости от конкретных исторических условий были капиталистическими, крепостническими, и с элементами того и другого. На Украине, как и во всей России, они появлялись и развивались долгое время в феодально-крепостнических условиях. В них явно обнаруживались противоречия между новыми производительными силами, нашедшими свое выражение в крупных предприятиях мануфактурного типа, и старыми крепостническими отношениями. Но так как товарно-денежные отношения становились выгодными, крепостники старались приспособиться к этим новым экономическим условиям, в частности, заводили промышленные предприятия, используя крепостной, а иногда и наемный труд.

Первыми ранней ступени мануфактурными предприятиями на Слобожанщине следует считать селитроварни семьи Романовых и других предпринимателей, действовавшие с 20-х годов, а также торские казенные солеварные «заводы» с 60-х годов XVII в.

В ходе экономических сдвигов в стране в первой четверти XVIII в. здесь возникли Чугуевский кожевенный «завод» Ф. В. Шидловского, Ахтырская казенная табачная мануфактура, Глушковская посессионная суконная мануфактура. Рассмотрим развитие местной промышленности по отраслям.

Ткачество: Во всех крестьянских хозяйствах женщины пряли пряжу льняную, конопляную и шерстяную для нижней и верхней одежды, ковров, ряден, мешковины и других тканей. Прядение было ручным, весьма трудоемким, им, пожалуй, было занято женщин больше, чем другими промыслами. Крестьяне, как известно, носили нижнюю и верхнюю одежду, пользовались постельными и другими хозяйственными тканями в основном из своей пряжи, требовавшейся в огромном количестве. Кроме того, крепостным крестьянам приходилось прядь много пряжи для изготовления тканей, необходимых в помещичьем дворе.

В части крестьянских хозяйств были ткацкие станы, на которых хозяйки ткали для себя ткани. Крестьянки, не имевшие

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 336.

своих станов, производили ткани по уговору на чужих станах. Ткачество было распространено на Слобожанщине во второй половине XVII в. и в XVIII в. В «Экономических примечаниях» 1785 г. указывается, что ткацким промыслом занимались во всех селах края. В частности, в Сумском уезде «женщины сверх полевых работ на свое употребление прядут лен, шерсть и коноплю, ткнут из него холсты, сукна разных сортов, кофры для себя и на продажу»¹. В Беловодском уезде женщины также «сверх полевой работы упражняются в рукоделии: прядут лен, посконь и шерсть, ткнут холсты и сукны для своего употребления и на продажу»².

Ткацкие станы были несравненно сложнее и, естественно, дороже примитивных веретен и пряслиц, поэтому большинство крестьян не имело возможности их приобрести. Многие владельцы станов уже в XVII в. становились ремесленниками.

Автор «Топографического описания Харьковского наместничества» указывал: «всякого звания» ремесленники живут здесь с начала своего поселения, они жили не только в городах, но «и в многочисленных селениях»³. Мнение автора «Описания» было вполне обосновано. Достаточно указать на данные ведомости Слободско-Украинской губернской канцелярии 1773 г., по которой цеховых ткачей насчитывалось 2887 чел., из них в провинциях: Харьковской — 227, Сумской — 543, Ахтырской — 597, Изюмской — 739 и Острогжской — 781 чел.⁴. Причем, в провинциальных городах было 349 ткачей. Следовательно, основная часть ремесленников находилась в местечках и селах. Надо полагать также, что в селах было много ткачей-ремесленников, не записанных в цехи, а еще больше крестьян, занимавшихся ткацким промыслом.

В описании слободско-украинских городов и местечек 1767 г. указывается, что в Хотомле работало 25 ткачей из войсковых обывателей, не объединенных в цехи. Такие же ткачи были из войсковых обывателей и помещичьих крестьян в Липцах и в других поселениях, которые «больше» хлебопашеством занимались, а в свободное время ремеслом⁵. Из документов уездных земских судов конца XVIII и начала XIX в. явствует, что ткацкие промыслы повсеместно продолжали расти. Валковский земский суд, например, сообщал в губернскую канцелярию, что в уезде войсковые обыватели и помещичьи крестьяне издавна делают ткани в своих избах, городские жители приносят им

¹ ХОГА, ф. 24, д. 11, л. 18.

² ЦГАДА, ф. 1355, Экономические примечания по Воронежской губернии, Беловодский уезд, д. 2, л. 7.

³ Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 127.

⁴ ХФЦГИА, ф. 399, д. 1112, лл. 131—132.

⁵ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 196, 197, 200, 203.

«готовую и снованную пряжу». Таких ткачей в городе и окрестных хуторах было 75 чел.¹

Рабочую силу в крестьянском и ремесленном ткацком производстве составляли в массе сами хозяева станом и члены их семей. Немногие зажиточные ремесленники имели по 1—2 наемных работника и по 1—2 ученика. Уже в XVII в. были ремесленники, пользующиеся трудом наемных и учеников. У одного из ахтырских ткачей гарусных изделий в 90-х годах был ученик И. Глазуненко, крепостной богодуховского помещика А. Харина². Численность наемных подмастерьев и учеников заметно увеличивается во второй половине XVIII в.

Ткацкое ремесло в некоторых городах приобрело популярность не только на местном рынке, но и за его пределами. Ахтырские ткачи отличались тем, что ткали замечательные разноцветные гарусные ткани «для исподнего женского платья», используемые крестьянками вместо верхних юбок под названием плахты. Скупщики их развозили на продажу по всей Украине. Чугуевские ткачи славились выделкой гарусных поясов³. Широкой известностью пользовались харьковские мастера и мастерицы по производству ковров (коцы).

Царская Конюшенная контора из Петербурга обратилась к харьковским мастерам с предложением выткать 500 попон для дворцовых лошадей по определенным образцам. Требовалось, чтобы попоны были вытканы «из хорошей шерсти, самую добрую работу», ценою не более 2 руб. 50 коп. за одну. Соглашались выполнить заказ харьковские ткачи К. Кочерга, С. Кочерженко, И. Домашенко, Г. Сколоздрин, М. Литвиненко, С. Кравец, О. Поддубная, А. Кирилиха, Ганна и Палашка Котелевские, М. Лапчиха, М. Куприянова, Ф. Плахотникова, П. Польсковна и М. Безистичная⁴. Цена, установленная Конюшенной конторой, оказалась неприемлемой для харьковских ремесленников, и они отказались от выполнения заказа. Тем не менее приведенные сведения говорят о высоком уровне коцарского ремесла в Харькове. Подтверждение этого мнения находим в высказывании автора одного из описаний края: «Ковры сии называются коцы, а мастерицы коцарки. Ткачихи сами составляют из минералов и растений, здесь же собираемых, разных цветов краски, коими приготовленную шерстяную пряжу красят». Торговля харьковскими коврами, заключает автор, производится не только по всей Украине, «многие тысячи оных вывозят торговцы в Великороссийские селения и за границу»⁵.

¹ ХФЦГИА, ф. 665, д. 1081, лл. 108, 119, 120.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1448, лл. 23—52.

³ Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 141—148.

⁴ «Киевская старина», 1886, июнь, стр. 364—365.

⁵ Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 123; Описание Слободско-Украинской губернии 1802 г., стр. 24.

В полковых городах были также шерстобиты (шаповалы), изготовлявшие войлок, епанчи из овечьей шерсти. В материалах переписи 1732 г. указывается, что в Харькове, Сумах, Ахтырке и Изюме насчитывалось по 3—5 шерстобитов. В 1773 г. их насчитывалось в провинциях: Харьковской — 29, Сумской — 32, Ахтырской — 18, Изюмской — 3 и Острогожской — 38 чел., всего 120 чел.¹. О харьковских шерстобитах говорили, что они делают «отличной доброты» войлок и большие хорошие епанчи.

Первая суконная мануфактура на Слобожанщине была основана в 1719 г. в с. Глушково². Ее возникновение тесно связано с общим экономическим развитием России и Украины, с политикой правительства Петра I, рассчитанной на создание отечественной промышленности для обеспечения нужд армии. Возникновению Глушковской мануфактуры способствовало наличие в этом районе крестьянских суконных промыслов и ряда казенных сел, крестьян которых с разрешения правительства можно было использовать в качестве рабочей силы, а также благоприятные условия для разведения овец в целях создания сырьевой базы и возможность приобретать шерсть на рынке края.

Глушковская мануфактура, построенная придворным царского двора И. Дубровским, записана на имя царицы Екатерины I. Царица дала И. Дубровскому деньги на постройку фабрики и указом 2 сентября 1719 г. разрешила ему «построить суконный завод в три года». Дубровский обязался по истечении 3 лет из прибыли «завода» платить в казну царицы «две доли, а третью долею пожалован он»³. В 1722 г. в «компанейство» Дубровского и Екатерины вступил русский помещик В. Корчмин, владевший землями поблизости от строившейся «фабрики».

Предпринимательская «компания» прибрала к своим рукам 18 сел: Корыж, Званое, Кобылки, Комаровку, Кульбаки, Глушково, Сухиновку, Коровяковку, Теткино, Глушец, Дьяковку, Вишневку, Мужичу, Козыревку, Худяковку, Заболотовку и др. В них насчитывалось жителей мужского пола 7873 чел.⁴. Из этой массы крепостных часть составляла постоянные кадры рабочих людей, мастеров разных специальностей, учеников и часть использовалась в подсобных хозяйствах.

Строительство мануфактуры осуществлялось в короткие

¹ ХФЦГИА, ф. 399, д. 1112, лл. 131—132.

² С. Глушково возникло в 1647 г. Сначала оно входило в состав Путивльского уезда, поэтому мануфактура в официальных документах в начальное время называлась Путивльской. С образованием Харьковского наместничества в 1780 г. Глушково отошло к Белопольскому уезду этого наместничества, а суконная мануфактура официально стала называться Глушковской.

³ «Сборник РИО», т. 94, стр. 589—598; ХФЦГИА, ф. 632, д. 2761, лл. 9—10.

⁴ П. Г. Любимов. Очерки по истории русской промышленности. М., 1947, стр. 540; «Сборник РИО», т. 94, стр. 592, 597.

сроки. По описи 1726 г. в Глушково был фабричный двор, обнесенный деревянным забором. В нем стояло 5 производственных светлиц: четыре с ткацкими и сновальными станами, пятая для ворсения и стрижки сукон. Около светлиц стояли на колесах 3 рамы, на которых суконные основы сушили. За пределами фабричного двора стояла светлица, оборудованная печью и другими приспособлениями для окраски сукна. Около «суконных заводов» был другой двор, в котором находился «стаметный завод», состоявший из двух светлиц с ткацкими станами и сновальной и одной светлицы красильной. «Перед оными заводами» стояло 4 ряда рам, общей длины 151 сажень для просушки окрашенных сукон»¹.

Сукновален было 8, они находились на берегах р. Сейм и его притоков. В с. Теткино их было 2 и в селах Козыревке, Мужиче, Кульбаках, Куцовке, Дьяковке и Заболотовке — по одной. Кроме того, в селах Званом и Мужиче было по 2 светлицы и в с. Корыж — светлица, входившие в состав мануфактуры, в которых ткался стамет.

Было несколько кустарных крестьянских предприятий, входивших в состав мануфактуры И. Дубровского. В с. Сухиновка во дворе стаметного ткача К. Кистенко в огороде «стаметный завод». В с. Кобылки «во дворе у жителя стаметного ткача Ивана Ладченко 2 светлицы стаметных». В с. Комаровка у жителя стаметного ткача Е. Савченко на огороде 2 светлицы, в них 6 стаметных станов². О том, что эти крестьянские предприятия входили в состав мануфактуры, свидетельствует тот факт, что они занесены в опись предприятия И. Дубровского.

Основное оборудование мануфактуры состояло из ткацких станов и самопряток. В Глушково насчитывалось сукноткацких станов: «в деле 23, навитых 7, порозжих 20», всего 50; стаметных станов: «в деле 18, порозжих 11», а также в селах Званом, Корыже, Сухиновке, Комаровке и Мужиче 24, всего 53; самопряток было в Глушково и названных селах 287 комплектов³.

Глушковская суконная мануфактура была централизованным предприятием, где сукно изготовлялось полностью в отличие, например, от Ряшковской, сукно которой красилось в Глушково.

Суконная мануфактура, надо полагать, начала работать на покупном сырье. Скупалась шерсть не только на местном, но и на отдаленном, а частично и на заграничном рынке. В 1726 г.,

¹ ЦГИА УССР, ф. 53, д. 579, лл. 7, 10, 17.

² Там же, лл. 36, 38.

³ Самопрятки представляли собою орудие, известное на Руси с XIV в.; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., Изд-во АН СССР, 1948 г., стр. 677

например, на складе предприятия имелось шерсти 14 сортов в количестве 622 п. 1 ф., шленской 4 сорта 58 п. 39 ф., украинской 6 сортов 511 п. 30 ф., русской 2 сортов 9 п. 30 ф., верболовской 48 п. 2 ф. и турецкой 30 ф.¹.

Обеспечение «фабрики» покупным сырьем было делом не легким и дорогостоящим. Поэтому И. Дубровский, собрав с крестьян в качестве оброка 916 овец², устроил овчарный «завод».

В его владениях были запашки и 4 гумна в селах Глушце, Кульбаках, Дьяковке и Сухиновке. Он имел кирпичный и известковый «заводы», винокурни и 6 шинков. У него было 4 двора с садами и огородами, 272 головы крупного рогатого и мелкого скота и разной домашней птицы 644 штуки.

Дубровский создал большой хозяйственный комплекс, в котором основное место занимала суконная «фабрика». Она подготовлена была к выпуску до 100 тыс. аршин тканей в год. Однако Дубровскому не удалось развернуть работу своего предприятия, в 1726 г. он был властями «обвинен в неразмножении» производства сукна и отстранен от управления мануфактурой. Всем конфискованным в казну предприятием вначале руководил поручик А. Вестов, затем поручик С. Арсеньев, а потом ассессор И. Неелов. В их руках дело не спорилось. В 1726 г., как известно, на мануфактуре было около 100 станов, работало 559 чел.; в 1727 г. действовало 60 станов, работало 455 мастеровых³; в 1732 г. оставалось 14 станов и было 450 мастеровых. В 1731—1732 гг. выработано сукна 7700, каразеи 4560 и стамеда 1000, а всего 13 260 аршин⁴; за 5 лет чиновничьего управления казна доложила на это предприятие «из других казенных мануфактур доходов» 4531 руб. 16 коп. Правительство решило передать мануфактуру в частные руки. На нее претендовали И. Дубровский и Елизавета Петровна, как на наследство матери, но им было отказано. В 1732 г. правительство Анны Ивановны передало Глушковскую мануфактуру русскому купцу И. Полуярославцеву⁵.

И. Полуярославцев обязался стараться «не только о размножении той фабрики, но и о делании сукна лучшею добротой против иностранных», добиваться удешевления стоимости тканей, поставлять в казну ежегодно сукна 25 тыс. аршин и каразеи 100 тыс. аршин, а также с 1737 г. платить сукном за доходы, которые должны были поступать ему с приписных сел⁶. Он построил две производственные светлицы и каменную палату

¹ ЦГИА УССР, ф. 53, д. 579, л. 4.

² Там же, д. 756, лл. 33—46.

³ «Сборник РИО», т. 104, стр. 82, 221, 333; т. 130, стр. 640.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 5, д. 23, л. 12.

⁵ «Сборник РИО», т. 130, стр. 40; т. 94, стр. 590—591; т. 104, стр. 82, 506.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 5, д. 266, л. 1; «Сборник РИО», т. 106, стр. 433.

в Глушково, две сукновальных мельницы, ткацких станов с 14 увеличил в 1741 г. до 48¹.

Полуярославцев не выполнял своих обязательств. Комиссия, обследовавшая состояние мануфактуры 14 марта 1741 г., сообщила правительству, что суконная «фабрика» находится «весьма в плохом состоянии»², «фабрикант» был обвинен в поставке сукна «худого» качества не по «указным» образцам, в неуплате положенных налогов в казну, в «самовольных» поборах с приписных крестьян. В октябре 1741 г. правительство отобрало Путивльскую «фабрику» у Полуярославцева³. Мануфактура находилась в ведении казны до 1752 г. Управляющими ее были поочередно 4 чиновника. Обследуя ее в 1743 г., князь Долгорукий писал в Мануфактур-коллегию: «за разобрием старых светлиц и за непостроением еще новых никакой работы при наезде моем не было». Работа «фабрики» возобновлена была в 1746 г. В сообщении осматривавших ее чиновников Мануфактур-коллегии в 1748 г. говорилось, что за ней работало суконных 55 и каразейных 10 станов, на них ткалось сукна ежегодно по 30 тыс. аршин⁴.

Тем не менее мануфактура приносила казне больше забот, чем выгод. В частности, управители не старались преодолевать трудности снабжения «фабрики» сырьем и разными материалами, заботясь только о своей наживе, что препятствовало росту выработки тканей. Это принудило правительство вновь передать предприятие в частные руки. Отказав мастеру фон Аккеру в 1743 г., камергеру К. Жеребцову в 1746 г., камергеру А. Трубецкому в 1749 г., правительство в 1752 г. передало мануфактуру безвозмездно московскому купцу и владельцу сургучной и карточной «фабрик» К. Матвееву с предоставлением ему ряда льгот.

По заключенному соглашению К. Матвеев обязался первых 3 года поставлять в казну сукно установленных образцов ежегодно по 30 тыс. аршин, а впоследствии — по 50 тыс. аршин и из года в год стал «умножать поставку сукна»⁵. В руках К. Матвеева мануфактура была до 1775 г., после его смерти перешла во владение его жены, которая в 1791 г. с разрешения правительства продала ее за 100 тыс. руб. П. Потемкину.

Хозяйственное и техническое оборудование суконной мануфактуры улучшалось медленно и незначительно. Во второй половине XVIII в. кирпичных и складских помещений насчитывалось 17, деревянных 24, т. е. большинство главных зданий оставалось в первоначальном виде. Ткацкие станы, оставаясь неиз-

менными по структуре, количественно увеличивались. Известно, что К. Матвеев в 1752 г. получил «фабрику», на которой было 55 суконных и 10 каразейных станов, 280 самопрядных колес. Спустя 2 года насчитывалось 72 суконных и 10 каразейных станов, 360 самопрядных колес и 82 шпульных. В 1760 г. уже было 100 суконных и 17 каразейных станов, 500 самопрядных колес и 108 шпульных. В 1770 г. уже работало 150 суконных станов¹. В 1800 г.— 430 и в 1802 г.— 463 стана².

Основное сырье суконной мануфактуры — шерсть — частично поставлялось овчарнями предприятия. На них числилось овец в 1722 г.— 916, в 1748 г.— 2868, в 1760 г.— 10 330 голов. Позже в кошарах в селах Вегеровке, Глушце и Кульбаках насчитывалось 17 тыс. голов. Однако эти «заводы» не обеспечивали и половины шерсти, потребляемой на предприятии. Шерсть в большом количестве закупалась на рынке.

В 1726 г., когда на овчарне при мануфактуре насчитывалось 300 с лишним овец, на ее складах было шерсти 622 п. В 1754 г. на глушковских складах лежало 10 800 п. шерсти (тамбовской, черкасской, шленской и турецкой). Такая же шерсть на этих складах в количестве 5490 п. была в 1760 г.³.

Шерсть закупалась у скупщиков, привозивших ее в Глушково, а также скупщиками предприятия на ярмарках и овчарных «заводах» Слобожанщины, Левобережной Украины, в Курско-Белгородском крае, на Воронежчине и в других местах России. Между прочим, в 1763 г. К. Матвеев писал в Мануфактур-коллегию, что шерсть на рынке значительно вздорожала по сравнению с 1750 г. Он считал, что это связано с контрабандным вывозом отечественной шерсти за границу и просил принять меры пресечения контрабанды⁴. Этот факт свидетельствует, что мануфактура работала в основном на отечественном сырье.

Краски, необходимые для окраски сукон, владельцы мануфактуры закупали на рынке в соседних городах, в столицах, а также у купцов-поставщиков. В 1751 г., например, при осмотре «фабрики» членом Мануфактур-коллегии Н. Бутурлиным отмечено, что краски поставлялись на фабрику купцами городов Рыльска, Болхова⁵. На рынке закупалось мыло, конопляное масло, металлические изделия, кожи и другие продукты. Продовольствие для рабочих людей и служащих и фураж для овец и тягловой силы предприятие черпало с крестьянского хозяйства приписных 18 сел⁶.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 10, д. 1261, лл. 4—7.

² Там же.

³ Там же, оп. 5, д. 266, лл. 1—5.

⁴ Там же; оп. 3, д. 695, лл. 24, 337—338, 362.

⁵ Там же, оп. 2, д. 1880, лл. 10, 164.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 3, д. 695, л. 361; д. 714, лл. 51, 240; д. 725, л. 96.

² Там же, оп. 14, д. 1381, лл. 44—45; оп. 16, д. 7, лл. 169—170.

³ Там же, оп. 3, д. 714, л. 51; д. 725, лл. 97—98.

⁴ Там же, оп. 2, д. 1887, л. 68.

⁵ Там же, оп. 3, д. 695, лл. 366—369.

⁶ Там же, оп. 2, д. 1887, л. 176.

Во второй половине XVIII в. заметно росла выработка сукна на мануфактуре. Приведем выборочные сведения поставки в казну только сукна: в 1756 г.— 74 382 аршина, в 1757 г.— 74 381, в 1758 г.— 81 193, в 1759 г.— 85 729, в 1762 г.— 70 472, в 1763 г.— 100 736, в 1792 г.— 105 531, в 1793 г.— 115 786, в 1794 г.— 140 886, в 1795 г.— 108 016 аршин¹. В 1800 г.— 419 826 аршин, в 1802 г.— суровых сукон 15 244 половинки, или 457 320 аршин².

В отдельные годы каждого десятилетия выработка сукна уменьшалась. Неравномерное нарастание выработки было и по отдельным месяцам в течение того или иного года. Например, в 1796 г. соткана сукна в мае 13 737 аршин, в июне — 12 121 аршин, в июле — 10 447 аршин³. Тем не менее общий рост выработки составлял почти 200 тыс. аршин. Это был предел роста производства Глушковской мануфактуры, достигнутый на крепостном труде. Производство сукна росло, как мы видели, за счет простого увеличения числа прядильщиков, ткачей и других рабочих людей, а также количества примитивного оборудования.

Выработанные на мануфактуре ткани поставлялись за личный расчет в казну. Они отвозились в Москву, Петербург. Позже ткани сдавались на склады комиссарских комиссий в Киеве и в Крюкове. Нередко бывало, когда сукна отвозились непосредственно в полки для пошивки обмундирования⁴. Бракованные ткани владелец продавал на частном рынке. В 1761 г. отправлено «в партикулярную продажу» армейских сукон 589 аршин и каразеи 244 аршина⁵ и т. д.

Рабочей силой на Глушковской мануфактуре являлись постоянные рабочие люди или мастеровые и приписные крестьяне. В 1726 г. на ней постоянно работало 559 чел., из них было 508 мастеровых и 51 служащих. Во время неустойчивого положения предприятия в 1728 г. рабочих людей насчитывалось 303 чел. и в 1732 г. 450 чел.⁶ Рост мануфактуры во второй половине XVIII в. прежде всего нашел свое выражение в численном росте рабочих людей. В 1754 г. было 7 мастеров и 921 мастеровой, в 1760 г.— 5 мастеров и 1357 мастеровых⁷. Помимо этого, на мануфактуре было занято много приписных крестьян.

В информации Белопольского земского суда в 1796 г. дано обстоятельное описание организации производства на «фабрике». Здесь в действии находилось 150 сукноткацких станков.

¹ ХФЦГИА, ф. 632, д. 2761, л. 9; ф. 666, д. 117, лл. 5—12.

² ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 8, д. 319, л. 9; ф. 1, оп. 3, д. 319, л. 167.

³ ХФЦГИА, ф. 666, д. 25, лл. 13, 42.

⁴ Там же, ф. 632, д. 1413, лл. 43—44; д. 1754, лл. 7—8.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 2, д. 1880, лл. 165, 179.

⁶ Там же, оп. 5, д. 23, л. 12.

⁷ Там же, оп. 3, д. 714, л. 51; д. 725, л. 97.

Обслуживали каждый из них 2 ткача и 1 шпульник, всех 450 чел. Каждой «артели» из этих 3 чел. придавалась еще «артель» из 7 чел.: 1 скребальщика, 1 кордовщика и 5 прядильщиков, всего 1050 чел. Насчитывалось таким образом 128 «артелей»: в Глушково 20, в Коруше 43, в Теткино 30, в Глушце 35, которые также занимались чесанием и прядением шерсти. В них было 128 скребальщиков, 128 кордовщиков и 640 прядильщиков, всего на чесании, прядении шерсти и на ткацких станках было занято 2396 чел. На обработке шерсти и сукна 200 чел.: 50 на стрижке верхушки шерсти, 30 сновальщиков и бобильщиков, 40 валяльщиков, 40 ворсильников и 40 красильщиков. Изготовление и починкой ткацких снастей и оборудования занималось 243 чел.: 22 изготовлением скребел и кард, 2 изготовлением челноков и 30 — выработкой кирпича. Было 12 бердовщиков и нитовщиков, 15 столяров, 120 плотников, колесников и бондарей, 4 точильщика ножиц, 25 слесарей, кузнецов и клепщиков, 3 коточика, 10 чел. изготавливали печные изразцы и мастерили печи. Мастеров, подмастерьев и учеников разных специальностей насчитывалось 25 чел. Обслуживающего персонала было 176 чел.: 53 дроворуба, водовоза и возчика дров и сукна, 20 истопников, 30 сторожей на фабрике и у магазинов, 73 овчара. Помимо всего, было 56 чел. служащих и 20 казаков. Таким образом, на мануфактуре насчитывалось 3116 постоянных рабочих и служащих¹.

Приведенные сведения дают нам представление не только о численности рабочей силы на данном предприятии, но и техническом разделении труда, типичном для предприятия мануфактурного типа.

В большинстве рабочие люди состояли из украинцев. В 1726 г. на фабрике работало 6 мастеров-иностранцев, 22 чел. русских рабочих людей и служащих, 448 чел. украинцев. Иностранные мастера в скором времени были заменены украинскими и русскими специалистами, приобретшими знания в ученичестве и подмастерье на мануфактуре. В 1760 г., например, суконным мастером был Степан Клецкой, мастером по окраске сукон — Василий Клецкой. Среди мастеровых и рабочих людей тогда числилось 1050 украинцев и 69 русских. Спустя 2 года русских, работавших на предприятиях, было 171 чел., в 1773 г.— 117 чел., украинцев — 1342 чел. В начале XIX в. насчитывалось приписных украинцев 8552, русских 207 чел. и купленных владельцев предприятия украинцев 312 и русских 50 чел. мужского пола², всех обою пола 18 250 чел.

С самого начала на мануфактуре были заняты не только мужчины, но и женщины. Женщины работали ткачихами, ку-

¹ ХФЦГИА, ф. 632, д. 2761, лл. 9—16; ф. 666, д. 117, лл. 5—6.

² ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 3, д. 725, л. 97; оп. 2, д. 1883, л. 19.

харками, обрабатывали шерсть, выполняли другие обязанности. Особенно много среди них было прядильщиц. В документах указывается, что в 1726 г. насчитывалось до 220 прядильщиц «девок черкасских». В начале XIX в., например, на фабрике работало в качестве ткачей мужчин 876, женщин — 50, шпульников мужчин — 227, женщин — 236, прядильщиков — 1032, прядильщиц — 1863, каразейных ткачей — 21 и ткачих — 33, шпульников — 13, шпульниц — 14, на каразейной пряже женщин — 353, стригальщиков ворсы мужчин — 206, женщин — 97. Всего на фабрике было занято мужчин 4120 и женщин 2715¹. На предприятии также эксплуатировался и детский труд. Корыжский казачий сотник писал в полковую канцелярию в 1726 г., что И. Дубровский не только насильно использовал труд казаков, но и их детей принуждал работать на фабрике. Эксплуатация детей продолжалась здесь все время. В 90-х годах XVIII в. на фабрике работало ежегодно в среднем 200 детей на очистке шерсти, наматывании пряжи на шпульки, изготовлении кард, цевок и т. д.

Рабочую силу составляли крепостные люди. Наемных людей использовалось очень мало. В 1752 г. насчитывалось вольнонаемных 100 чел. При детальной описи людей, занятых на производстве в 1760 г., оказалось, что вольнонаемных «по пашпортам» было всего 4 чел.² Затем, по документу начала XIX в. числилось вольнонаемных 6 чел. (главноуправляющий, управляющий селами, лекарь, машинист, комиссионер, смотритель сторожей)³. Наемные мастеровые и руководящий состав были почти на всех казенных, посессионных и помещичьих мануфактурах, были они и на данном предприятии. Использование 100 наемных работников в 1752 г. не находит своего объяснения в документах. Возможно, что в самом начале своей деятельности купец К. Матвеев временно пользовался наемными людьми для налаживания производства. Укрепив свое положение, он перешел на использование более дешевого крепостного труда.

Состав рабочей силы Глушковской суконной мануфактуры определял характер предприятия. В. И. Ленин писал, что «до 1860-х годов включительно суконное производство имело особую, оригинальную организацию: оно было сосредоточено в сравнительно крупных заведениях, которые однако отнюдь не относились к капиталистической фабричной индустрии, а были основаны на труде крепостных или временно-обязанных крестьян»⁴.

Условия, в которых работали мастеровые и подсобные рабочие люди на мануфактуре, были очень тяжелые.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 3, д. 319, л. 166.

² Там же, оп. 2, д. 1883, л. 12; оп. 3, д. 725, л. 97.

³ Там же, оп. 3, д. 319, л. 167.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 410.

Судя по общим сведениям о постройках мануфактуры, можно сказать, что производственные помещения представляли собою обыкновенные деревянные избы. (Малоярославцев построил одно кирпичное помещение). В них окна были маленькие, потолки низкие, полы в большинстве были земляные. Оборудование установлено было в помещениях, сенях и на чердаках очень скученно. С самого начала деятельности предприятия люди работали в невероятной тесноте и грязи, а в осенне-зимнее время добавлялись сырость и холод.

Продолжительность рабочего дня определялась государственным регламентом в 15 час. С 1 марта по 1 октября он длился с 4 час. утра до 9 час. вечера с обеденным перерывом на 2 часа, с 1 октября по 1 марта с 4 час. утра до 8 час. вечера с перерывом на 1 час. Владельцы нередко произвольно увеличивали рабочее время до 16—17 час. В информации Белопольского нижнего земского суда 25 сентября 1796 г. говорилось, что 3115 чел., работающих на мануфактуре, «повсегда, кроме воскресных и праздничных дней, находятся при порученном деле»¹.

Труд ткачей, прядильщиц, людей, занятых обработкой шерсти, изготовлением разных снастей, оплачивался сдельно. Подсобные рабочие люди и служащие получали содержание годовое по «окладу».

Суконным ткачам платили в 1726 г. по 3 коп. за сотканый аршин сукна, в 1802 г.— 6 коп. Скребальщики и кардовщики получали за работу от пуда шерсти в 1726 г. по 40 коп., в 1802 г. по 70—74 коп.

Зарботки подсобных рабочих людей были еще ниже. Плотникам в 1726 г. выдавалось в год по 5 руб., ржи 6 четей, пшеничной муки и круп по 1,5 чети, соли и сала по 1,5 п.; одежды: зипун сермяжный, кафтан, пара сапог, шапка и рукавицы. В 1802 г. им выдано деньгами по 24 руб.².

Реальный заработок мастеровых и подсобных людей был очень низкий. Известно, что прожиточный минимум одного человека в первой четверти XVIII в. составлял 8 руб. в год³. Известно также, что цены на продовольствие в Харькове в 1792 г. были выше в сравнении с 1732 г. в 3—4 раза⁴. Следовательно, во столько же раз повысился и прожиточный минимум. Между тем заработная плата повысилась за это время в два раза.

Материальное положение рабочих людей не шло ни в какое сравнение с положением служащих мануфактуры. Так, например,

¹ ХФЦГИА, ф. 632, д. 2761, л. 16.

² ЦГИА УССР, ф. 53, д. 574, лл. 4—9; ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 3, д. 319, лл. 166—168.

³ Очерки истории СССР, XVIII в., первая четверть. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 16.

⁴ Д. И. Бага лей и Д. П. Миллер. История города Харькова за 250 лет..., т. I, стр. 250—251.

в 1726 г. врач получил на год деньгами 84 руб., муки ржаной 30, пшеничной 10, круп 5 и овса 30 четей, сена 50 возов. По окладам 1802 г. выдано только денежное жалование: главному управляющему 3 тыс. руб., врачу и управляющему селами — по 300 руб., управляющему конторой — 180 руб. и комиссионеру 120 руб.¹ и т. д.

Особенно низко оплачивался женский труд. При И. Дубровском на предприятии работало 220 прядильщиц. Для них не было твердо установленных расценок за определенную работу, «оним давалось от прядения и уточной пряжи за работу жупаны сермяжные, кафтаны, рубашки, юбки, запаски, бастрики, сапоги, серьги, ленты и по праздникам денег по 6 и по 10 копеек». Это предоставляло широкие возможности владельцу для произвола. Таким образом, за сложный и первостепенный в данном производстве труд, каким являлся труд прядильщиц, предприниматель отделялся эпизодическими поощрениями.

Во второй половине XVIII в. женщинам так же, как и мужчинам, платили сдельно по 5—6 коп. за 1 ф. пряжи на основу и по 2,5—3 коп. за 1 ф. пряжи на уток. В течение рабочего дня пряжи пряли первой от 0,75 до 1,5 ф. и второй от 1 до 3 ф. Дневной заработок составлял от 2,5 до 9 коп. в день².

В тяжелом положении находились крестьяне, приписанные к мануфактуре. Как известно, в начале основную массу их составляли казаки Корыжской сотни, Сумского полка. У них были отняты разные промыслы и казацкие привилегии. Оставлены за ними небольшие наделы земли для прокормления. На них возложены барщинная повинность, натуральные и денежные оброки. Например, владелец мануфактуры собрал со своих крестьян в 1720—1726 гг. деньгами 5535 руб., разного хлеба 6401 четь, свец 916 и кабанов 6 голов³. Он использовал крепостной труд в приусадебном хозяйстве, где было скота 583 головы, птицы 644 штуки, пасака, 2 винокурных «завода» и т. д.⁴

Дубровский крестьян физически истязал. Он их «бил дубьем» и держал «за караулом», заставив принять присягу, «чтоб его слушать». Крестьян с. Кобылка он «держал многое время скванных безвинно»⁵. Встречается немало документов, свидетельствующих о грубом отношении владельцев и их приказчиков к работным людям, о наказании их за хождение по улице поселения в нерабочее время, или, как говорилось: «за хождение в неуказные часы»⁶.

Низкий жизненный уровень обуславливал большую смертность

¹ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 3, д. 319, л. 367; ЦГИА УССР, ф. 53, д. 574, лл. 4—9.

² ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 3, д. 319, л. 168.

³ ЦГИА УССР, ф. 53, д. 756, лл. 33—46.

⁴ Там же, д. 579, лл. 1—42; д. 756, лл. 5—31.

⁵ П. Е. М а т в и е в с к и й. Бунтари Глушковской мануфактуры, стр. 7.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 5, д. 531, л. 2.

людей в ранние их годы. В ведомостях о глушковских работных людях 40—60-х годов XVIII в. значится русских мастеровых 131 чел. мужчин. В течение 1745—1763 гг. из них умерло 57 чел. (43,5%). Умершие были в возрасте: 25—39 лет — 12 чел. (21%), 40—49 лет — 18 чел. (31%), 50—59 лет — 10 чел. (18%), 60 и больше лет — 6 чел. (11%) и до 11 лет — 11 чел. (19%)¹.

Положение работных людей и приписных крестьян Глушковской мануфактуры порождало недовольство и толкало их на классовую борьбу.

Во второй половине XVIII в., особенно на рубеже XIX в., на Слобожанщине возникли небольшие помещичьи суконные предприятия. В ведомости Мануфактур-коллегии 1763 г. указывалось, что существовала суконная «фабрика» в с. Рубежное на Донце выше Салтова, принадлежавшая помещику И. Гендрикову². Однако какие-либо подробные сведения об этом предприятии неизвестны. Помещик с. Буймер, Ахтырского уезда, И. Марков в 1798 г. обратился с просьбой к слободско-украинскому губернатору доложить правительству, что он согласен со своей «фабрикой» с 1799 г. поставлять в казну на обмундирование солдат ежегодно сукна 2 тыс. и каразеи 1 тыс. аршин³. Возникли также мануфактуры князя Н. Голицына в с. Писаревка, Ахтырского уезда, и генерала П. Коновницына в с. Никитовка, Лебединского уезда.

Основное оборудование этих предприятий ничем не отличалось от оборудования Глушковской мануфактуры. Рабочая сила также состояла из крепостных людей. У Коновницына работало 11, у Маркова — 80 и у Голицына — 108 чел. Кроме того, на мануфактуре Маркова было 3 чел. наемных⁴, по-видимому, мастера.

Предприятие Маркова вырабатывало ежегодно сукна от 4 до 5 тыс. аршин, поставляло его в казну⁵. «Фабрики» Голицына и Коновницына производили ткани для «своих» нужд и местного рынка. Харьковский губернатор по указанию правительства в 1807 г. дал задание 3 владельцам поставлять сукно в казну: Коновницыну с 4 станов 3680 аршин, Маркову с 6 станов 5521 аршин и Голицыну с 10 станов 9201 аршин. Н. Голицын писал в Мануфактур-коллегию, что на Писаревской «фабрике» нет нужных приспособлений «для отделки сукон», поэтому положенное количество сукна поставить не может. И. Коновницын, получив наряд на поставку сукна, приказал своему управляющему Е. Григорьеву закрыть «фабрику». Он писал министру

¹ «Труди історичного факультету Харківського держуніверситету», т. 7, X., 1959, стр. 101.

² ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 4, д. 732, л. 10.

³ ХФЦГИА, ф. 665, д. 1185, лл. 37, 43.

⁴ Там же, д. 1081, лл. 42, 63, 104.

⁵ Описание Слободско-Украинской губернии 1802 г., стр. 30.

внутренних дел В. Кочубею, что якобы вследствие падежа овец, дороговизны шерсти и ухода по разным случаям ткачей он вынужден был «сие заведение уничтожить»¹.

Задание правительства, видимо, сулило меньше выгод некоторым владельцам суконных мануфактур, чем частный рынок, поэтому они всячески отговаривались от поставок сукна в казну, прибегая к переводу предприятий на изготовление полотняных и хлопчатобумажных тканей или к их закрытию. Тем не менее эти эпизоды не означали упадка ткацкой промышленности края.

Из изложенных фактов явствует: на Слобожанщине в течение XVII—XVIII вв. росли крестьянские ткацкие промыслы, развивалось ремесло, постепенно превращавшееся в мелкотоварное производство. В связи с ростом местной экономики и общим развитием страны появляется Глушковская посессионная суконная мануфактура в первой четверти и ряд помещичьих ткацких мануфактур в конце XVIII в.

Кожевенно-скорняжное производство Со второй половины XVII в. росло кожевенное и скорняжное производство. Приобрела известность продукция чугуевских кожевников и скорняков. Автор «Топографического описания Харьковского наместничества» отмечал, что чугуевские скорняки «всех по Украине одноремесленников превосходят», за шубы из овчин их выработки «покупщики» платили дороже, чем за шубы других скорняков.

На традициях чугуевских скорняков полковник Ф. Шидловский построил кожевенный «завод» еще в начале XVIII в. под Чугуевом. Сохранилась опись 1711 г. «завода», дающая о нем частичное представление. Во дворе, огороженном забором, было две связи амбаров, в них 40 чанов, в которых кожи квасились. Стояло две повари, в них два кирпичных горна и большой железный котел для варки краски и изба, в ней 5 широких досок для глажки кож, а также амбар для хранения кожи. В отдельном сарае стояло 5 ступ для ручного толчения коры. Кроме того, на р. Уды была плотина, на ней мельница на два колеса, приводившая в движение 4 толчеи для толчения коры. На берегу 2 водолива, 4 желоба, 2 карды, на воде 2 плаша для сушки кож. В 1711 г. на «заводе» было 500 красных и черных кож — юфти, 92 кожи подошвенной и 2370 кож сырых². Судя по этим данным, предприятие было немалое. Шидловский заверял представителей власти, что он вложил большие средства в «завод». Руководил им курчанин А. Скорняков. О рабочей силе в документах не говорится, можно лишь предположить, что состояла она из крестьян владельца. Выделанные кожи на «заводе»

Шидловского продавались в Чугуеве, Харькове, Изюме и в других городах края, вывозились в Курско-Белгородский и Воронежский края и на Полтавщину. В 1711 г. власти конфисковали «завод» Шидловского и передали чугуевскому посадскому человеку, дальнейшая участь предприятия неизвестна.

Кожевенное и скорняжное производство росло в течение всего XVIII в., особенно во второй его половине. Это явствует из экономических примечаний и переписки губернской канцелярии. В Ахтырке десятки жителей занимались выделкой черной и белой юфти, а также красной козлиной, подобно сафьяновой, кожи на обувь¹. В Харькове в 1798 г. работало 45 скорняков и несколько сыромятников². В Сумах наряду с наличием десятков кожевников-ремесленников в конце XVIII в. возникло предприятие Ф. Буташевича, на котором изготовлялось 7 тыс. кож в год. Обработкой кожи занимались не только кожевенные ремесленники, но и сапожники, шорники и овчинники. В документе Валковского земского суда, например, сообщалось в губернскую канцелярию: «И они же самые кожевники есть и сапожники»³. Таких «кожевников и сапожников не только в губернском и уездных городах, но и во всех селениях довольно», писал современник⁴.

В кожевенном производстве крестьян и ремесленников работали сами предприниматели и члены их семей, а также наемные люди. По ведомостям земского суда 1807 г. в Богодуховском уезде в кожевенном цеховом ремесле работало хозяев со своими сыновьями 34 и наемных 15 чел., в промыслах войсковых обывателей соответственно — 58 и 20 чел.; в скорняжных цеховых — 30 и 25 чел., войсковых обывателей — 70 и 50 чел. О рабочей силе на Чугуевском кожевенном предприятии Ф. Шидловского сведения отсутствуют. Надо полагать, что кожевенные мастера были у него наемные, рядовую рабочую силу составляли крепостные крестьяне. На Сумском кожевенном «заводе» Ф. Буташевича работало наемных 16 чел.⁵

Кожевенное производство, как видим, состояло в основном из крестьянских промыслов и ремесла. Вместе с тем были предприятия мануфактурного типа: Чугуевский «завод» казацкого старшины Ф. Шидловского и в Сумах «завод» «разночинца» Ф. Буташевича. Основная часть продукции кожевенного производства продавалась на местном краевом рынке, часть купцами вывозилась в разные города Украины и многих губерний России.

¹ ХОГА, ф. 24, д. 1, л. 15.

² «Харьковские губернские ведомости», 1878, № 14.

³ ХФЦГИА, ф. 665, д. 1081, лл. 37, 75, 108, 119—120.

⁴ Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 121.

⁵ ХФЦГИА, ф. 665, д. 1081, лл. 37, 77.

¹ ХФЦГИА, ф. 665, д. 1080, лл. 3, 25—26, 28, 35, 38, 48—50.

² Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских... стр. 145—147.

Швейное производство

В тесной связи с ткацким и кожевенно-скорняжным производством находилось портняжное, сапожное, шорное и другое швейное дело. Пошив нижней одежды, изготовление упряжи представляли собою домашний промысел почти всех крестьян. В то же время выделялись ремесла по этим отраслям. По городам, местечкам и селам портные шили, кафтаны, называвшиеся сермягами или свитами, зипуны, тулупы или кожухи, картузники шили головные уборы и т. д.

О росте портняжного дела на Слобожанщине в XVII в. свидетельствует царская грамота 1671 г. о записи портных в цехи. В ней говорилось: «для покою посполитого (всеобщего) и для всякого порядку городского... всяким людям, обывателям харьковским и всего уезда записываться в цехи. Цеховым людям портняжного ремесла предлагалось: «жебы они себе все одностайно цех держали» и в нем цехмистром быть харьковскому обывателю Д. Давыдову¹. Несомненно, что численность портных в городах росла с каждым десятилетием, но о них сохранились лишь эпизодические сведения.

В переписи 1732 г. указывается, что в Харькове было 2 портных, 1 овчинник и 3 шорника. В то время насчитывалось жителей 7435 чел. Поэтому мало вероятно, чтобы такая горсточка ремесленников, особенно портных и сапожников, могла обслужить такое население. Их было в Харькове и в других городах, безусловно, значительно больше, но писцы, по-видимому, их записывали в мещане и в другие группы жителей.

Более полные сведения сохранились со второй половины XVIII в. Автор «Топографического описания Харьковского наместничества», упоминая о портных-овчинниках, писал, что они с больших овчин шили шубы мелкошерстные и с курчавым волосом, кожи использовали на отделку одежды и на пошивку шапок. «Сих ремесленников как в Харькове и в прочих городах, так и во многих слободах очень довольно»².

В Харькове цеховых портных работало в 1760 г.— 49, в 1773 г.— 50, в 1798 г.— 67 чел. и 11 картузников³. По ведомости губернской канцелярии 1773 г. цеховых портных насчитывалось в провинциях: в Харьковской — 184, Сумской — 352, Ахтырской — 290, Изюмской — 315 и Острогожской — 489 чел. Всего 1630 портных⁴.

Широко было распространено в городах и селах сапожное производство. На Слобожанщине крестьяне, не считая редких случаев, не носили лаптей, как это было в лесистых местностях

¹ «Харьковский сборник», 1887, стр. 194.

² Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 122—123, 141.

³ ХФЦГИА, ф. 31, д. 503, лл. 131, 137, 138.

⁴ Там же, ф. 399, д. 1112, лл. 131—132.

страны; для этого здесь недоставало липовой древесины. Сапожным промыслом занимались многие крестьяне и мещане в XVII и XVIII вв. В упомянутом описании 1767 г. в Хотомле их насчитывалось 16 чел. Во второй половине XVII в. появляются сапожные ремесла. В Харькове и других полковых городах по переписи 1732 г. было по 8—10 цеховых сапожников. Спустя 40 лет в 1773 г. цеховых сапожников уже насчитывалось в провинциях: Харьковской — 242, Изюмской — 385, Ахтырской — 347, Сумской — 458 и Острогожской — 538, а всех 1970 чел.¹. Надо полагать, что вне цехов их было еще больше.

Хорошую мужскую обувь из юфти делали чугуевские, ахтырские и острогожские сапожники, женскую обувь: ботинки, туфли и сапожки — харьковские, сумские и ахтырские мастера.

Шорное, или рымарское, и седельное производство было менее распространено, в сравнении с портняжным и сапожным делом. Седла, как известно, были достоянием более зажиточных людей, большинство крестьян сами изготовляли упряжь. Поэтому шорников, например, в Харькове было в 1732 г.— 3, а в 1798 г.— 17 чел. Надо полагать, их было примерно по столько же в Сумах, Ахтырке, Изюме, Острогожске и Чугуеве, а также по 1—2 ремесленника в некоторых местечках. Особенно отличались своим высоким качеством чугуевские седла и шорные изделия².

Как видим, швейное производство на Слобожанщине значительно выросло, но оставалось в массе своей на уровне крестьянских промыслов и развитого ремесла, переходившего в мелко-товарное производство.

Металло-обработка и производство Важной отраслью металлообработки являлось кузнечное дело. Среди переселенцев кузнецов было очень мало. Правительству приходилось часто направлять в числе служилых людей кузнецов, как и плотников, в строящиеся города. О количестве кузнецов в XVII в. частных и казенных трудно судить вследствие недостатка материалов.

В 1652 г. сообщалось из Ольшанска, что в городе кузнецов не хватает³. В описании городов Белгородской черты 1668 г. указывается, что кузнецов было в Острогожске 6, в Боровне 3, в Чугуеве и Нежегольске по 1 чел., в Валках только перечислены кузнечные снасти (наковальня, 2 молота и 1 мех)⁴. Кажется невероятным, но тем не менее из документов явствует, что в Харькове, Ахтырке, Сумах и даже в Белгороде в то время не было казенных кузнецов. В описании городов в 1678 г. указывается, что кузнецов было в Острогожске 3, в Хотмыжске 2,

¹ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 96, док. 8; ф. 399, д. 1112, лл. 131—132.

² Там же, ф. 353, стб. 96, док. 8.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 348, л. 174.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 58, 61, 67, 74.

в Ольшанске и Чугуеве по 1 чел.¹. По сведениям 1676 г., Г. Ромодановский требовал прислать из Чугуева в Белгород 10 кузнецов, а затем предписал чтобы чугуевские кузнецы сделали для пушек 18 колес, окованных железом². Царским указом 1712 г. затребовано от чугуевского воеводы А. Шидловского прислать в Воронеж «кузнецов трех человек самых добрых к кузнечному делу заобычных», для изготовления «полковых уборов: стремян, шпор, удила и иных надлежащих припасов». Воевода вызвал к себе всех кузнецов г. Чугуева и уезда, которых оказалось 5 чел. Они заявили, что «выше означенных статей делать не умеют». Тем не менее А. Шидловский выбрал из них 3 чел. и отправил на работы в Воронеж³. Казенных кузнецов здесь было очень мало до XIX в. Правительству часто приходилось присылать их по наряду из Тулы, Ельца и других городов на Торские и Бахмутские промыслы для починки и изготовления солеварных сковород и для других дел.

Между тем росло частное кузнечное ремесло. Оно в основном сосредоточивалось в городах и местечках по цехам. В 1773 г. цеховых кузнецов насчитывалось 659 чел. в провинциях: Харьковской — 90, Изюмской — 154, Ахтырской — 104, Сумской — 156 и Острогожской — 155 чел.⁴.

Хорошими ремесленниками были харьковские кузнецы, слесари и медники. Они делали топоры, молоты, серпы, замки и другие предметы, которые продавались на местных ярмарках и за пределами Слобожанщины. Особенно «орудия, к плугу принадлежащие, т. е. большие сошники, по здешнему лемешу и отрезы, или череслы харьковской работы во всей Украине с похвалою покупают»⁵, читаем в «Описании» современника.

О разносторонности кузнечного дела на Слобожанщине, как и во всей стране, свидетельствует перечень кузнечно-токарных и слесарных снастей в хозяйстве Торско-Бахмутских промыслов в 1750 г.: наковальни с носом, без носа и круглые, молоты и молотки разных размеров и весом до 24 ф. Был молот для крупных ковок железа, приводимый в движение водой⁶, и т. п.

На Слобожанщине эпизодически производилось металлургическое литье. В отписке чугуевского воеводы Г. Рогозина в 1668 г. говорится об отправке из Чугуева в Белгород для отливки колоколов дров 200 возов, 300 лубьев, гончаров 9 чел., плотников 18 чел. и «паяльщиков» 2 чел. В переписи Сум 1704 г. зна-

чится 15 пушек, из них было 2 пушки двухаршинной длины, литых в Сумах в 1695 г. по инициативе полковника Ф. Осипова¹.

Здесь еще с XVII в. были медники, котельщики, изготавлившие медную посуду, винокурные котлы и другие предметы. Однако сведения об этом производстве известны более поздние. В 1773 г., например, цеховых котельщиков было в провинциях Харьковской — 24, Сумской — 5, Ахтырской — 2, Острогожской — 80 чел. Всех 111 чел.².

Производство медной посуды и винокурных котлов было весьма прибыльным делом, оно привлекло внимание и дворян. Лебединский земский исправник в 1807 г. сообщал в губернскую канцелярию, что в х. Обоянский у помещика И. Соловьева был «медно-расковочный завод», на котором производилась медная, винокурная и «протчая посуда». На этом «заводе» работало 16 крепостных. Далее сообщалось: «оной завод в действии находится, когда работа посуды случается». Такой «завод» был в старосалтовском владении помещика И. Хорвата, на котором работало 12 чел. из «собственных крестьян», и в тростянецком владении помещицы А. Корсаковой, где работало 30 крепостных³.

Слобожане, развивая хозяйственную деятельность, находили все больше естественных богатств в крае. Белгородский воевода Г. Г. Ромодановский писал царю в 1661 г., что, по сообщению вольновского приказного М. Лутовинова 24 июля, боровенский украинец М. Прунин обнаружил на р. Боровня железную руду, «и они де перепустя ту руду зделали железо». Он посылал из Белгорода в Вольный «для досмотра той руды тульского мастера Павку Петигорца», для проверки количества и качества руды. П. Петигорец доложил ему, что «по досмотру ево той железной руды будет длины на 500 сажень, а поперек на 250». Затем он послал белгородца Ф. Свищева и с ним мастера П. Петигорца и приказал вольновскому воеводе дать работных людей «и истой руды железо делать, потому что к обозному строю и на всякие расходы железа потребно много»⁴.

Сведения на этом сообщении обрываются. Неизвестно, как была налажена и как велась добыча боровенской руды. Но тот факт, что местные люди принимали участие в испытании руды, говорит о том, что они умели добывать и обрабатывать железо. Из «заручной записи» старосты Малого Истороба И. Попова 22 сентября 1746 г. известно, что в Лебедине и в Теремках были «железные заводы»⁵. Возможно, что эти «заводы» и действовали на местных залежах руды, обнаруженной в 1661 г.

¹ Дополнения к актам историческим..., т. IX, Спб. 1875, стр. 119—314, 378.

² «Киевская старина», 1888, июнь, стр. 315.

³ ХФЦГИА, ф. 682, д. 3, лл. 1—2.

⁴ Там же, ф. 399, д. 1112, лл. 131—132.

⁵ Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 125.

⁶ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 66, док. 20, 23, 33.

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. III, стр. 10.

² ХФЦГИА, ф. 399, д. 1112, лл. 131—132.

³ Там же, ф. 665, д. 1081, лл. 62, 105, 124.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 37.

⁵ ХФЦГИА, ф. 27, д. 144, л. 1.

В 1669 г. острогожский воевода сообщал правительству, что украинские казаки обнаружили серебряную руду на дне Дона ниже Коротояка¹. Последствия этого сообщения неизвестны. Затем изюмский полковник Ф. Шидловский писал 10 апреля 1710 г. в Воронеж Ф. Апраксину, что посланы люди на Дон для проверки наличия серебряной руды². По сообщению Гильденштедта, в 40-х годах XVIII в. белгородский купец организовал добычу серебра в горе на правом берегу Донца против станицы Сухаревой. Рудники действовали не долго, они были закрыты вследствие экономической невыгодности³.

Железоделательный «завод» был в середине XVIII в. в пределах Острогожского полка по р. Каменка, между слободами Осиновой и Закотным. Он принадлежал опошнянскому жителю «компанейщику» селитроварных предприятий на Левобережье и Слобожанщине Я. Корюкову. Этот «завод» Корюков продал в сентябре 1753 г. подпрапорному Харьковскому полка «селитерному заводчику» Е. Назаренко. Во время продажи «завода» на нем было готового железа 440 криц весом 1210 п.⁴

Остатки этого завода найдены в урочище «Рудня» в 6 километрах к северо-западу от с. Осиново-II, Ново-Псковского района, Луганской области. В 1962 г. сотрудники Луганского краеведческого музея производили археологические раскопки, вскрыли 2 домницы и землянку металлургов, они обнаружили железную крицу весом более 2 п., которая ныне хранится в музее.

Слобожане прилагали много усилий, чтобы создать сырьевую базу местной металлообрабатывающей промышленности. Но практическое значение этих попыток было небольшое. Документы свидетельствуют, что металлические изделия и металл в качестве сырья поступали на Слобожанщину в большинстве случаев из Тулы, Ельца, Москвы, а позже с Урала.

Дерево- обрабатывающее производство

Добыча строевого леса, постройка из него избы и сарая, изготовление саней-дровней, стола и скамейки, а также других незамысловатых хозяйственно-бытовых предметов было доступнее металлообработки. Поэтому плотницким делом в определенной степени занимались все крестьяне. Из казаков-крестьян выделялись ремесленники-бондари, делавшие бочки, кадушки, ведра, коновки; столяры, мастеровившие оконницы, двери, столы, скамейки, шкафы и множество других предметов, а также мастера, изготавливавшие телеги (колесники) и т. д. Бондари делали бочки и кадушки по заказу, а также на

местный рынок, изготавливали тару для селитряных, поташных и смольчужных предприятий.

В начале заселения края, когда плотницких, например, ремесленников не было, правительство, посылая отряды служилых людей на строительство городов, включало в их состав по 1—2 плотника и столько же кузнецов. В конце XVII в. число местных плотников и столяров настолько увеличилось, что правительство стало прибегать к использованию их на казенных работах.

Во время подготовки русских войск к азовским походам 1695—1696 гг. правительство мобилизовало десятки плотников в Изюмском и Острогожском полках для изготовления разных суден для флота. Кроме того, в Острогожске брали на работы в Воронеж ремесленников столяров-оконщиков и бондарей¹.

О состоянии плотницко-столярного производства свидетельствуют предметы техники, записанные в инвентарных книгах Бахмутско-Торских соляных промыслов 1750 г. Там были разные топоры, тесла, пазники, струги, рубанки, долота, буравы, резцы колесные, циркули, станки для нарезки деревянных винтов, домкраты, пилы продольные и поперечные, ручные и приводимые в движение при помощи водяной или ветряной мельницы².

Во второй половине XVIII в. деревообрабатывающее производство продолжало расти. В 1773 г. только цеховых ремесленников насчитывалось в провинциях: Харьковской плотников — 26, колесников — 68 и бондарей — 42; в Ахтырской плотников — 46, колесников — 26 и бондарей — 31; в Острогожской колесников — 107 и бондарей — 96, в Сумской бондарей — 44 чел. Всех 490 чел.³ Отсутствие каких-либо сведений по Изюмской и частичные данные по Сумской и Острогожской провинциях объясняется тем, что люди, занимавшиеся этим производством, не были записаны в цехи. Надо полагать, что плотницким, бондарным и тележным делом занималось во много раз больше людей, но большинство из них не было записано в цехи.

Деревообрабатывающее производство в значительной степени находилось на ступени промыслов, частично в состоянии ремесла. Отличались своими изделиями харьковские и сумские каретники. Их мастерские представляли собсю в конце XVIII в. мануфактурные предприятия. Все данные отрасли производства обслуживали в основном местный рынок.

Гончарно-керамическое и кирпичное производство

Выделка разной домашней посуды и кафеля для облицовки печей заведена с начала заселения края. Из «памяти» белгородского воеводы, присланной в 1667 г. чугуевскому воеводе Г. Рого-

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 662, лл. 64—68.

² Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских..., стр. 24.

³ Гильденштедт. Путешествие..., стр. 61.

⁴ ХФЦГИА, ф. 31, д. 904, л. 21.

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1415, л. 230.

² ХФЦГИА, ф. 372, д. 2, лл. 179—187.

³ Там же, ф. 399, д. 1112, лл. 131—132.

зину, узнаем, что в сл. Печенеги был гончар Гончаров, делавший «поливанную» посуду и кафельные печи. Ему заказано изготовить кафельную печь для белгородской воеводской избы. Чугуевскому воеводе предлагалось выдать на «поливу» кафеля 1 п. свинца¹. В следующем году, по распоряжению белгородского воеводы из Чугуева в Белгород направлено было 9 гончаров для изготовления литейных форм «колокольного дела»². По указу в 1696 г. из Острогожска в Воронеж надлежало выслать 8 гончаров для устройства и ремонта печек в воинских «мыльницах» (бани)³.

Гончарные и кафельные мастерские были в Харькове, Сумах, Острогожске, Ольшанске, Мурафе, Валках, Краснокутске, Судже и в других местах в XVIII в. Все они принадлежали ремесленникам, выходцам из крестьян. Посуда производилась простая и «помуравленная» (поливанная). Кафели изготовлялись 2 видов: первые с лицевой стороны гладкие, «и обыкновенно зеленого, красного (цвета), помуравленные, а вторые — какими-либо разными фигурами отпечатанные, и сии почти всегда беляют белые»⁴.

Академик Гильденштедт наблюдал гончарное производство в Новых Водолагах. Гончары доставали глину в балке, недалеко от р. Водолаги. Для добывания ее копали ямы 3 сажени глубины и из обнаруженных шести слоев глины брали с третьего слоя синюю горшечную глину с желтыми пятнами с примесью железа и с пятого слоя — синюю горшечную глину, смешанную с песком⁵. Эту глину смешивали в определенной пропорции, разводили водой, замешивали и делали на кругу посуду. Гончары продавали свои изделия на месте потребителям, скупщикам, а также сами на своих или наемных телегах развозили по городам и селам на продажу. Украинцы и русские, населяющие Слобожанщину, умели изготовлять кирпич, но до середины XVIII в. это производство было незначительно. Население по традиции строило жилые и хозяйственные помещения, казенные, церковные здания и крепости из дерева. Выделка кирпича в небольшом количестве началась здесь в городах для устройства домашних печей очень рано. Еще в 50—60-х годах XVII в. возник кирпичный «завод» на Торских соляных промыслах. Он действовал постоянно в летнее время, когда изготовлялся кирпич для солеварных печей. Об этом «заводе» сохранились сведения только с 1750 г. В ведомости соляной конторы говорится, что с 1 июня по 1 июля на нем изготовлено кирпича:

большой руки 700, средней руки 1800 и меньшей руки 6000 штук. Всего 8500 штук. В 1753 г. выделано кирпича 75 490 штук¹.

В 80-х годах XVII в. в Харькове построены были первые кирпичные здания — Успенский собор и Покровская церковь, в Сумах — Преображенский собор. Разумеется, что для возведения зданий в этих городах существовали кирпичные «заводы».

При таких же обстоятельствах возник кирпичный «завод» в 90-х годах в Острогожске², в 1719 г. при Глушковской суконной мануфактуре. В Глушково он состоял из одного сарая, в котором стояла печь для обжига кирпича, в 1726 г., например, в ней находилось на обжиге 7500 штук кирпича³.

Были «заводы» по выжиганию извести. Полковник М. Васильев в своих лебединских владениях в 80-х годах XVII в. открыл производство извести⁴, должно быть, в целях поставки на строительство Сумского собора, местного монастыря и для других надобностей. Такой «завод» построен в 1725 г. в с. Званое при Глушковской суконной «фабрике». На нем выжжено извести в 1725 г. 700 четей, в 1726 г. 300 четей «и оную известь бирали в мануфактурные суконные и стаметные «заводы» и в дом компанейщику Дубровскому в с. Глушково и в другие села и деревни на стаметные ж «заводы», а в продажу оной извести никуда не было»⁵.

Кирпичное производство заметно стало расти во второй половине XVIII в., что вызвано было увеличением строительства кирпичных церквей, казенных зданий и помещичьих домов. В 60-х годах возникло несколько кирпичных «заводов» «партикулярных людей» в Харькове, на которых сначала изготовлялся кирпич для постройки жилого и служебного зданий для губернатора⁶, а затем и для других построек. Стали более постоянно действовать по 1—2 «завода» в Сумах, Ахтырке, Изюме и Острогожске. Появлялись кирпичные «заводы» в селах и местечках.

В описании городов и местечек края для Комиссии по составлению Уложения 1767 г. указывалось, что в Валковском комиссарстве кирпич делается «по надобности особливо, когда церковное каменное строение бывает, как то и ныне оной в Валках на церковь делается». Также действовали «заводы» в Ольшане, в Хотомле⁷. Из «Ответов на экономические вопросы» также известно, что во всех провинциях края кирпичных «заводов» было мало, большинство из них действовало временно. В Сум-

¹ ХФЦГИА, ф. 372, д. 2, л. 952; д. 4, лл. 202—220.

² ЦГАДА, Дополнительный отдел, стб. 167, столпик 1, лл. 88—94.

³ ХФЦГИА, ф. 2, д. 3, л. 77; д. 60, л. 77.

⁴ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1169, лл. 642—654.

⁵ ХФЦГИА, ф. 10, д. 3, л. 77; д. 60, л. 77.

⁶ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 233.

⁷ Там же, стр. 198, 201, 209.

¹ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 68, л. 23.

² Там же, стб. 66, л. 33.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1436, лл. 59—66.

⁴ Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 125—126.

⁵ Гильденштедт. Путешествие..., стр. 81.

ской провинции отмечено отсутствие местных мастеров кирпичного дела, использовались пришедшие русские люди.

Владельцы кирпичных «заводов» были разных сословий: в Харькове, Валках, Ольшане и в других городах владельцами их являлись торгово-промысловые люди из казаков и мещан. В Хотомле кирпичный «завод» построен местным жителем «коштом церковным». Кирпичные «заводы» были в 1799 г. в с. Мезенковка помещика А. Шигарева и в с. Славгородок помещика В. Надаржинского для их хозяйственных надобностей. Действовал «завод» помещика Т. Матушинского около с. Котельва, на нем производилось 30 тыс. штук кирпича в год, большая часть которого продавалась жителям Котельвы и соседних сел на устройство печей¹. В первые годы XIX в. в Сумах действовало 4 кирпичных «завода», из них 3 принадлежало помещикам и 1 — купцу².

К началу XIX в. действовало около 40 кирпичных «заводов» и примерно столько же печей по выжигу извести, половина из них работала посезонно ежегодно.

Рабочая сила на всех кирпичных «заводах», по утверждению составителей «Ответов на экономические вопросы», состояла в основном из вольнонаемных людей³, из помещичьих крестьян и войсковых обывателей.

Стекольное производство

В отписке вольновского воеводы В. Новосильцева в Разрядный приказ, полученной в Москве 11 октября 1653 г., сообщалось, что из Киева в Вольный пришел украинец Т. Юрьев с женой, детьми и братом. Он назвал себя стекольным мастером, просил денег 20 руб., олова, железа и других средств для открытия стекольного «завода» на берегу р. Мерло. Юрьев брался производить разные цветные стеклянные изделия. Воевода послал стекольного мастера в Москву. В Разрядном приказе Юрьеву предложили остаться в Москве и заняться устройством стекольного «завода» около столицы. Вольновскому воеводе предписано семью и брата стекольного мастера отправить на подводе за счет казны в Москву⁴.

Неизвестно, кто положил начало стекольному производству на Слобожанщине, но из упоминаний в разных документах узнаем, что в конце XVII в. стекольные «заводы» были около Ахтырки и Чугуева.

В указе Петра I 1699 г. о конфискации имущества ахтырского полковника И. Перекрестова в пользу казны говорилось: послать «кого пригоже» для описи будных майданов и стекольных

«заводов»¹. О существовании Ахтырского стекольного «завода» узнаем также из переписки канцелярии киевского губернатора. В 1710 г. некий Борисов писал ахтырскому бригадиру В. Осипову о присылке в Петербург образцов стекольной массы и стекла, производимого на Ахтырском, как и на Сумском и Будянском (под Харьковом) «заводах». Киевский губернатор Д. Голицын в письме от 19 декабря 1717 г. тому же ахтырскому бригадиру предложил послать из Ахтырского стекольного «завода» в Петербург 50 горшков и 5 стекол больших размеров для окон из «лучшего стекла»². Нам неизвестны результаты этой переписки, но из нее видим, что Ахтырский стекольный «завод» продолжал работать, выпуская посуду и оконное стекло хорошего качества.

Сохранились упоминания о стекольных «заводах», возникших в разное время на Донце. В 1698 г. белгородский воевода предписывал чугуевскому воеводе Е. Ушакову прислать из Чугуева в Белгород 1 тыс. шпик стекла³. Из описных материалов конфискованного имущества Ф. Шидловского известно, что в конце XVII в. в его с. Рождественском на Донце построен стекольный «завод»⁴. Видимо, в этих 2 документах речь идет об одном и том же «заводе», т. е. о чугуевском. Об этом же «заводе» говорится в царском указе 11 июля 1713 г., в котором предлагалось закупить стекла 40 тыс. «кружков», оплатить «заводчику» 80 руб. из сумм местных доходов⁵.

В первые десятилетия XVIII в. возник ряд новых стекольных «заводов» в пределах Изюмского полка: в 1702 г. в с. Ивановское помещика В. Шидловского, в 1706 г. около с. Великое Е. Данилевского, в 1720 г. в с. Белгородицкое Святогорского монастыря и около Изюма у М. Захаржевского, в 1732 г. в с. Протопоповка М. Матюшкина⁶. Около этого времени возник стекольный «завод» в Змиеве сотника Дунина. «Завод» обыкновенно состоял из деревянного помещения и устроенной в нем печи.

Эти предприятия находились в непосредственном ведении владельцев-крепостников, за исключением «завода» Ф. Шидловского. В 1707 г. во время описи при конфискации имущества в казну его «завод» находился на откупе у «черкашенина стеклянных дел мастера» А. Гутника⁷. Стекольное производство было

¹ «Воссоединение Украины с Россией», т. III, № 207.

² ХФЦГИА, ф. 27, д. 2, лл. 2, 19—20, 37, 55.

³ Там же, ф. 353, стб. 168, док. 4.

⁴ Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских..., стр. 155.

⁵ ХФЦГИА, ф. 682, д. 39, лл. 3—4.

⁶ Материалы для истории колонизации и быта..., т. 1, стр. 247, 240, 252, 246, 243—244; ф. 407, д. 17, л. 5.

⁷ Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских..., стр. 155.

¹ «Сборник ХИФО», т. 19, стр. 430, 431, 446.

² ХФЦГИА, ф. 665, д. 1081, л. 75.

³ «Труды ВЭО», ч. VIII, стр. 89, 117, 150, 175, 204.

⁴ «Воссоединение Украины с Россией», т. III, № 207.

довольно сложным и дорогостоящим. Поэтому оно появляется позже других промыслов на средства разбогатевших старшин.

По тем же сведениям известно, что рабочая сила на стекольных «заводах» состояла из крепостных людей, принадлежащих владельцам этих предприятий. На «заводе» Ф. Шидловского было «подданных черкас» 18 дворов и «русских сходцев из разных городов» 11 дворов. На «заводах» В. Шидловского было 45 подданных, Е. Данилевского — 9 подданных, Святогорского монастыря — 23 подданных и на «заводе» М. Матюшкина было 10 работников. Не исключена возможность, что часть мастеров стекольного дела, как и специалистов других отраслей производства, состояла из вольнонаемных людей.

На местных «заводах» делалось оконное стекло и разная стеклянная посуда, женские украшения. Количество продукции стекольных «заводов» неизвестно. Только в одном случае в переписи 1732 г. указывается, что «завод» В. Шидловского (в с. Ивановское) давал годовой доход в сумме 50 руб. В отношении «завода» М. Матюшкина сказано: «а от гутного стеклянного заводу доходу не имеется, ибо построен в этом году». По тем же сведениям «завод» И. Дунина дал дохода за истекшее, должно быть, начальное, время его работы 90 коп.

Добыча и обработка мельничного камня и кремня для кресал

Самым ранним местом добычи и обработки мельничного камня и кремня для кресал, надо полагать, являлся г. Каменное, Сумского полка. Возникновение и название города обязано

разработке здесь каменных материалов, начавшейся в давние времена. Выделка жернов и кремня производилась в течение XVII—XVIII вв.

В переписке каменовского воеводы с Разрядным приказом в 1652 г. говорится об отправке в Москву денег за добычу кремня¹. Добыванием и обработкой кремня занимались каменщики из служилых, мещан и гулящих людей, сбывая его значительными партиями на Слобожанщине, Левобережной Украине и в смежных русских округах. В 1686 г., например, такая партия каменовских кремней поступила в Ахтырку².

В середине XVII в. слобожане начали разработку мельничного камня в Чугуевском уезде на берегах речек Бабки и Тетлега. Его добывали не только местные жители, за ним приезжали люди из разных мест. Белгородский воевода писал в 1670 г. чугуевскому воеводе о своей просьбе разрешить белгородцу Маслоу добывать мельничные камни под Чугуевом³. В 1685 г. курский воевода обращался к белгородскому воеводе

с просьбой разрешить людям Курского монастыря «выбрать камни» в Чугуевском уезде «для их мельницы»¹.

Правительство, учитывая наличие каменоломен под Чугуевом, считало, что здесь имеются и каменщики, поэтому в 1712 г. предписало чугуевскому полковнику А. Шидловскому прислать в Москву каменотесов. А. Шидловский ответил, что каменщики в Чугуеве и в уезде не найдены². Трудно поверить этой отписке. Надо полагать, что люди, умевшие обрабатывать камень, были, но они являлись крестьянами и мельниками, занимавшимися промыслом по добыче жернов, не считая себя ремесленниками этого дела. Эта мысль находит свое подтверждение в следующем факте. Автор описания городов и уездов Азовской губернии 80-х годов XVIII в. сообщал, что в 15 верстах от Меловой, по р. Чепель, есть камни, «из коих тамошние жители выделывают ручные жернова»³. Следовательно, каменотесное дело здесь оставалось в форме промыслов до XIX в.

Будные промыслы

Слобожанщина не отличалась обилием лесов. Тем не менее выжигание поташа и древесного угля, гонка дегтя и смольчуги были распространены в середине XVII в. довольно широко.

В 1650 г. К. Кисленский, проезжая вдоль р. Ворскла от г. Вольного до устья р. Мерчик, видел заброшенную буды около Немирского городища и Букреевского леса, смольчужно-дегтярные промыслы около Скульских гор и на р. Хухра⁴. Из челобитной братьев Ржищевых в 1654 г. царю о предоставлении им сенокосных лугов для скота известно, что они завели буды на р. Грунь. «По твоему государеву указу,— говорилось в челобитной,— велено нам на Олешне буды заводить, и поташи и смольчуга делать, а на ту поташ и смольчугу положен не малый оброк, а к тем нашим будам никаких сенных покосов нет». Челобитчики просили дать им сенокосные луга р. Грунь, в 7 верстах от Олешни. В помете на челобитной предложено олешенскому воеводе А. Поливанову «сыскать», если просимая земля является свободной, то «дать им на оброк», а оброк положить, «смотря по земле и по угодью»⁵.

Из отписки сумского воеводы К. Афанасьева 1657 г.⁶ известно, что многие украинцы, поселившиеся в Сумах, добывали деготь и смолу в лесах Березкой волости и около Ворожбы⁷. Деготь тнали жители с. Печенеги. Об этом узнаем из предписания

¹ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 135, док. 17.

² Там же, ф. 682, д. 28, л. 1.

³ «Записки ООИДР», т. 3, 1853, стр. 300.

⁴ АЮ и ЗР, т. III, стр. 114.

⁵ АМГ, т. II, № 623.

⁶ Отписка датирована Д. И. Багалеем 1653 г. В. Юркевич правильно ее отнес к 1657 г.

⁷ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 20—21.

¹ ЦГАДА. Белгородский стол, стб. 330, лл. 250—252.

² Там же, стб. 1081, лл. 180—181.

³ ХФЦГИА, ф. 353, оп. 2, д. 76, лл. 42—44.

1667 г. Разрядного приказа ротмистру А. Побединскому взять в Печенегах 25 подвод и 5 бочек дегтя и отправить в Белгород¹. Из справки Разрядного приказа о поместных и вотчинных землях и лесах в Вольновском уезде говорится, что дети боярские обратились с просьбой разрешить им завести в местных лесах буды и добывать деготь, смольчугу и поташ «против рыляни и олещенко»².

Промысловую инициативу казаков и служилых людей низшего разряда подхватывали феодалы. Одним из первых крепостников, стремившихся открыть будные промыслы на Слобожанщине, явился украинский магнат А. Кисель. Работая представителем Речи Посполитой в комиссии по установлению русско-польской границы, он выпросил у русского правительства в аренду на 5 лет три лесных участка в Трубчевском и Недригайловском уездах для добычи поташа и смольчуги³.

Война украинского народа против польских панов помешала А. Киселю приступить к организации промыслов. Окрепшие слободско-украинские старшины принялись за это дело в последней четверти XVII в. В 80-х годах возникли буды во владениях ахтырского полковника И. Перекрестова и харьковского — Г. Донца.

Рост казацких и старшинских будных промыслов приводил к истреблению и без того небольших запасов местных лесов. Правительство Петра I вынуждено было в 90-х годах XVII в. запретить жечь лес на поташ и смольчугу. В указе на имя харьковского полковника Г. Донца читаем: «чтобы он (полковник) теми делами и заводами лесных угодий и крепостей не опустошил»⁴. Запрет был распространен в Ахтырском полку⁵ и в остальных полках.

Это мероприятие правительства не упразднило будных промыслов, а частично сократило за счет казацких хозяйств, способствуя сосредоточению их в руках старшин-помещиков. Известно, что в начале XVIII в. часть конфискованных имений И. Перекрестова передана во владение А. Меншикова. В его владении буды продолжали действовать. Летом 1716 г. М. Захаржевский и Д. Данилевский обращались с челобитной на имя царя, в которой просили разрешить им добывать смольчугу в своих «воскресенских вотчинных лесах». Вице-губернатор С. Кольчев 5 августа 1716 г. рассмотрел их челобитную и на основании указания Апраксина выдал разрешение⁶. По сведениям 1728

1732 г. известно, что князь Крапоткин имел смольчужный «завод» на х. Холин около с. Березовка¹.

Под Чугуевом и в местах, где были сосновые леса в XVII в., добывали «белую смолу», или канифоль². В разных местах выжигали древесный уголь для кузнечных надобностей³.

В середине XVIII в. в связи с уменьшением лесов поташно-смольчужные промыслы почти исчезли. Гонка дегтя и выжигание древесного угля для местных нужд продолжались лишь кое-где промыслово-торговыми людьми. В 50—60-х годах в лесах на Изюмщине этим промыслом занимались спеваковский однодворец Я. Долженков, торский житель П. Смолянский, у последнего даже фамилия возникла от профессионального занятия добычей смолы⁴.

Рабочая сила на будах состояла из крепостных и вольнонаемных людей. На смольчужном «заводе» Крапоткина работали поочередно его крепостные — жители х. Холина, которых насчитывалось 36 дворов (105 ревизских душ)⁵. На будах Донца, Перекрестова, а затем и Меншикова и других феодалов также использовались крепостные и наемные работники. А. Кисель, готовясь к открытию своих буд в недригайловских лесах, рассчитывал использовать крепостных и часть наемных местных людей.

В «Записи Адама Киселя» говорится, что на промыслах должны были быть его «люди», т. е. его крепостные из киевских владений и «русские люди»⁶ — местные наемные работники.

На казацких буртах нередко трудились сами «хозяева». Было немало случаев, когда работали по несколько человек сообща «супрягой», как можно предположить из отписки сумского воеводы К. Афанасьева 1657 г. Он писал, что «с тех дехтярей с ватаги взял по бочке дегтю» в «государеву казну». Под «ватагами» дегтярей надо понимать супряги по несколько человек, которые сообща устраивали бурты, гнали деготь, затем делили его между собой и даже сообща продавали. Но более зажиточные люди индивидуально занимались промыслом, используя в качестве рабочей силы членов своей семьи и наемных людей. В «росписи» дегтярей, с которых взят оброчный деготь в казну, указывается, что взято по бочке дегтю: «с Фильки Черняка с товарищи», «с Алешки с товарищи», «с Васьки с товарищи» и так перечислено 9 групп дегтярей. Затем указывается, что по бочке взято: «с Игнашки Емельянова»,

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 222; «Чтения МОИДР», 1884, кн. 2, стр. 42—43.

² ХФЦГИА, ф. 355, стб. 174, л. 34.

³ Там же, ф. 372, д. 2, л. 393.

⁴ Там же, лл. 311, 312.

⁵ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 222.

⁶ АЮ и ЗР, т. III, № 158.

¹ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 62, док. 3.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1129, лл. 1—10.

³ АЮ и ЗР, т. III, № 158.

⁴ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1224, лл. 1—6.

⁵ Там же, стб. 1637, лл. 216—218.

⁶ ХФЦГИА, ф. 407, д. 1, л. 7.

«с Евтушки», «с Семки» и других 5 единоличных «дегтярей»¹. Таким единоличным промыслом занимался спеваковский житель однодворец Я. Долженков².

Трудно определить количество добываемых буртных продуктов. В известной отписке сумского воеводы К. Афанасьева говорится, что путивльские бортники и севрюки из сумских дегтярей «берут себе пятую бочку дегтю». Сумчане просили царя, чтобы он взял их под защиту от насилий путивльцев «и тот деготь имать» в казну «по сколько бочек ты государь укажешь». Воевода далее писал, что в казну можно собрать оброку 200 «и больше» бочек дегтю. Если считать, что дегтяри должны были давать в казну пятую бочку, то в 1657 г. в сумских лесах предполагалось выгнать дегтю около 1 тыс. бочек, или 40 тыс. ведер. В 1728 г. Я. Крапоткин перевез из березовского «завода» в Орел 500 бочек смольчуги, добытой, по-видимому, за один год³. Рынок сбыта поташа, смольчуги и дегтя уже в XVII в. был довольно широкий. Прежде всего эти продукты сбывались на местном рынке. Особенно в большом количестве в местных городах и селах сбывали деготь для обработки обувной кожи и смазки обуви, упряжи и телег. Будники развозили деготь в бочках по селам, местечкам, городам и продавали.

Важным потребителем будных продуктов являлась казна. В феврале 1696 г. острогожский полковник П. Буларт получил от правительства указание приобрести от местных смольчужников смолу для засмолки стругов, лодок, ушколов и удовлетворения других надобностей армии в Азовском походе. Казна заказывала и закупала смолу, деготь для ландмилицких полков Украинской линии⁴ и других частей армии⁵. Будники поставляли деготь по заказу на Торские и Бахмутские промыслы. Спеваковский однодворец Я. Долженков по контракту с соляной конторой в 1650 г. обязался поставить колесного дегтя 500 ведер по 17 коп. за ведро⁶.

Древесный уголь выжигался на местный рынок, для нужд кузнецов, который и поставлялся заказчиком. В хозяйстве Торско-Бахмутских промыслов летом 1750 г. понадобился кузнечный древесный уголь. Бахмутская соляная контора распорядилась, чтоб солдату «барабанным боем публиковать» о том: кто желает взять подряд на поставку древесного угля «заводу». В ответ на эту публикацию явился торский житель П. Смолян-

ский с предложением поставить «заводу» уголь 1500 четей по 11 коп. за четь. В результате переговоров был подписан контракт, в котором указывалось, что уголь будет заготовлен из дубового дерева в соседних лесах и поставлен к концу того же года¹.

Продукты будных промыслов до середины XVIII в. вывозились на отдаленный рынок и даже за границу. При выдаче разрешения на смольчужный промысел М. Захаржевскому и Д. Данилевскому в 1716 г. было дано указание, чтобы изготовленную смольчугу без разрешения Воронежской губернской канцелярии «не продавать, и в отвоз для продажи никому не возить, и ни на что оной не менять»². Эти указания свидетельствуют о том, что вывоз продукции на внешний рынок практиковался. По словам Ф. Шидловского, в 1711 г. А. Меншиков собирался отправить большую партию бочек смольчуги с ахтырского «завода» в «заморский отпуск», но по неизвестной причине она «удержана»³.

Рыльский купец гостиной сотни В. Мальцев по контракту 1750 г. обязался поставить в Петербург на вывоз за границу смольчуги 570 бочек, считая в каждой бочке по 24 пуда. В предписании из Сената полковым канцеляриям говорилось, что подрядчик В. Мальцев должен делать смольчугу в Белгородской губернии и в Слободских полках «в наемных лесах». На «заводы» ему разрешалось принимать «будников и ремесленников из черкас» Поднепровья. Предлагалось полковым канцеляриям не препятствовать желающим заводить буды или переходить на буды самого Мальцева для выполнения данного контракта⁴.

Во второй половине XVIII в. будные промыслы вследствие убыли лесов резко сократились. В «Ответах на экономические вопросы» отмечалось, что в Сумской и Ахтырской провинциях смолу перестали гнать, уголье выжигали немного «для домашняя надобности». В Харьковской провинции «смолу и уголье жгут токмо в некоторых местах, и то для удовлетворения домашних нужд, а не на продажу». В Изюмской и Острогожской провинциях гнали смолу и выжигали уголье изредка в небольшом количестве. Большая часть внутренних нужд удовлетворялась привозом дегтя, смолы и уголья «от великороссийских поселян»⁵.

Добыча селитры

Первое известное упоминание о селитроварении на Слобожанщине встречается в отписке путивльских воевод В. Туренина и С. Собакина

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 20, 21.

² ХФЦГИА, ф. 372, д. 2, лл. 393, 311, 312.

³ «Чтения МОИДР», 1884, кн. 2, стр. 42—43.

⁴ ХФЦГИА, Библиотека, № 7227, стр. 63 (рукопись «Материалы для истории Острогожского Слободского казачьего полка (1681—1698 гг.)»).

⁵ ХФЦГИА, ф. 31, д. 323, лл. 1—15; д. 486, лл. 1—66; д. 344, лл. 5—14.

⁶ Там же, ф. 372, д. 2, л. 393.

¹ ХФЦГИА, ф. 372, д. 2, лл. 311, 312.

² Там же, ф. 407, д. 1, л. 6.

³ Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских..., стр. 71.

⁴ ХФЦГИА, ф. 31, д. 860, лл. 42—43.

⁵ «Труды ВЭО», ч. VIII, стр. 89, 117, 150, 175, 204.

27 мая 1622 г. В ней говорится, что по царской грамоте 6 апреля 1621 г. «велено селитрянному мастеру Роману Гаврилову за Путивлем, меж Белгорода и Курска (в 40 верстах от Белгорода), селитру варить и отдавать за долг: Деме Меркульеву будет уговор был дать 50 п. селитры, а путивльцу Бориску Колесу велети по запаси платить 500 пуд., а на сторону по заемным новым и старым кабалам и втай бескабально, опричь его, Бориска, ему, Роману, продавать и отдавать не велено, покамест вон сполна селитру Бориску выплатит и в твою государеву казну — тот Бориска отдаст; да над тем же Бориском и над Романом велено того смотрити, чтоб отнюдь Роман и тот Бориска селитру на сторону не отдавали и не продавали»¹.

Роман Гаврилов, «черкашенин», являлся «селитряным мастером», т. е. опытным селитроваром, занимавшимся этим промыслом и раньше. Начиная варить селитру в 1621 г., он одолжил деньги для этого у путивльцев — посадского человека П. Тихонова, Б. Колесова и Д. Меркульева. Предполагалось за сезон выварить не менее 550 п. селитры. Колесов и Меркульев обязались селитру поставить казне. Выварено селитры 200 п. Р. Гаврилов и П. Тихонов отвезли селитру в Москву, сдали в казну и получили по 2 руб. за пуд. Р. Гаврилов получил от правительства аванс 400 руб. и весной 1622 г. возобновил свой промысел, пообещав поставить казне 1 тыс. п. селитры.

Р. Гаврилов, его жена, сыновья Алексей и Иван Романовы занимались селитроварением много лет. Их селитроварницы находились около Хотмыжска, Вольного, на реках Мжа, Балаклея, в верховьях рек Орель и Самара. В отписке тульских воевод Ф. Куракина и И. Шаховского говорилось, что 19 мая 1627 г. Р. Гаврилов посылал приказчика Аношку со своей селитроварницы в урочище Турлук в верховье р. Орель.

Из отписки путивльского воеводы, полученной в Разрядном приказе 15 мая 1629 г., известно, что у А. Романова были варницы около Грайворона и на р. Мжа. Во время поездки с одной варницы на другую 30 апреля того же года его убили «разбойные» татары. Мать убитого обратилась к царю с просьбой, чтобы руководство селитроварением было поручено ее зятю, путивльскому служилому Ю. Сулемишину, с освобождением его от городской службы. 26 мая последовал указ, утверждающий эту просьбу. По неизвестной причине Ю. Сулемишин не приступил к выварке селитры. Мать А. Романова выхлопотала руководящую роль своему младшему сыну Ивану Романову. Иван был молод и неопытен, поэтому энергичная мать (Мария Гаврилова) первое время взяла на себя руководство селитряным производством. В этом году она вместе с сыном вываривала селитру около Грайворона, где работало, кроме охраны, 200 чел., и

на варнице на р. Мжа, на которой работало 100 чел. под призором ее зятя М. Тарасова¹.

К сожалению, материалы о деятельности предприимчивой семьи Романовых обрываются на 1631 г.², но по сохранившимся сведениям селитроварение в крае в последующее время росло. Около Хотмыжска, где в 1621 г. начинал этот промысел Р. Гаврилов, селитроварение, как видно из воеводских отписок, продолжалось и в 1643 г.³ Одновременно русские и украинцы вываривали селитру и в других местах. Из отписки белгородского воеводы мы узнаем, что около Изюмской сакмы селитроварница была разгромлена татарами 11 августа 1632 г. В челобитной С. Ступишина сказано, что в том же году он вываривал селитру на Норовчатом городище⁴. По сообщениям воронежского воеводы М. Измайлова, в 1634 г. в Воронежском уезде были селитроварницы М. Лиморова и Г. Ярцева⁵. Известно также, что при содействии правительства украинские мастера добывали селитру в Путивльском уезде в 1630 и 1638 гг., в Белгороде и Воронежском (1639 г.), Вольновском (1645 г.), Курском (1637 г.) и в других уездах⁶.

Приведенные факты о селитроварении не являются исчерпывающими. О них говорится в документах по разным частным случаям. Следовательно, можно с уверенностью сказать, что они касаются части местного селитроварения. В общем производство селитры было небольшое и потребностей государства не удовлетворяло. В связи с этим в декабре 1638 г. была послана царская грамота воеводам: белгородскому, курскому, воронежскому и другим окраинным городов. В ней предлагалось через бирючих в торговые дни призывать русских и украинцев, знающих селитроварение, разыскивать в Белгородском, Чугуевском и других уездах «селиторные места» и приниматься за вываривание селитры для казны⁷.

В 1639 г. белгородский воевода П. Пожарский в отписке сообщал, что из приезжих украинцев выявился М. Мострюк, ему «селиторное варенья за обычай». Он вместе с белгородскими детьми боярскими А. Почерниным и другими объехал урочища по Муравскому шляху, по рекам Лопань, Липовый Донец, Сажный Донец, Волчьи Воды и по Изюмской сакме. В результате

¹ АМГ, т. I, № 223, 230, 232, 240, 291.

² «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 58.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 43, лл. 279—286; стб. 132, лл. 363—371.

⁴ АМГ, т. I, № 400.

⁵ Там же, № 665.

⁶ ЦГАДА, Московский стол, стб. 134, л. 83; стб. 135, лл. 300—304; Севский стол, стб. 89, лл. 66—67; Приказный стол, стб. 42, лл. 121—123; ф. Польский приказ, Сношения России с Польшей, 1654, л. 1, лл. 302—303; «Воссоединение Украины с Россией», т. I, стр. 501, примечание 182.

⁷ АМГ, т. II, № 154.

¹ АМГ, т. I, 1890, № 223.

в разных местах была обнаружена земля с селитрой, а у верховьев р. Сажный Донец найден курган, называвшийся Желтым, который содержал особенно много селитры. Воронежский и курский воеводы отвечали правительству о согласии русских и украинцев приняться за селитрование¹.

Русское правительство призывало украинских селитроваров, «попельщиков и будников» и впредь заниматься этим промыслом на Слобожанщине, предоставляя им разные льготы². Селитроварение в 40-х годах на южной окраине значительно расширилось. Оно непрерывно велось около Хотмыжска (М. Мострюк, 1640—1641 гг.)³, на р. Бурлук (С. Кистенев, 1644 г.)⁴, на р. Ворскла (М. Горбунов и М. Лиморов, 1647 г.)⁵, на р. Балаклея у Щенячьего и Маяцкого курганов, на Вольном кургане⁶. Селитроварением на Слобожанщине занимались люди с Левобережной Украины. В 1641—1643 гг. такие селитроварни были около Ахтырки⁷. В 1648 г. 100 запорожских казаков устроили селитроварню в 20 верстах от Валока для нужд армии Б. Хмельницкого⁸.

Сведения о селитроварении второй половины XVII в. весьма скудные, тем не менее они определенно говорят о росте этого промысла. С. Тевяшов вместе с хотмыжским жителем Ф. Ситниковым в 1658 г., изъявив желание вываривать селитру, послал челобитную правительству. Просителю выдано из казны 400 руб. на устройство селитряного «завода» и предложено: «варить селитру в степи за Чугуевом на речке Бурлуках»⁹.

В 70—80-х годах XVII в. вываривал селитру ольшанский житель Ф. Иванов. Используя естественные залежи селитры в окрестностях Ольшаны, предприимчивый Ф. Иванов в 1685 г. просил у правительства разрешения на выварку селитры в районе р. Оскол — ниже р. Валуйки. Из Разрядного приказа писали, что в указанных местах беспрестанно «бывают приходы» татар и поэтому «селитряные заводы» здесь «заводить» опасно, и было отказано в удовлетворении просьбы¹⁰. В 90-х годах на территории Изюмского полка, в ряде мест по р. Оскол действуют селитроварницы полковых старшин Ф. Шидловского¹¹ и, по-видимому, Г. Донца.

Сдвиги в хозяйственной жизни страны в первой четверти XVIII в. коснулись и селитроварения на Слобожанщине. Прави-

тельство Петра I, заботясь об обеспечении боеприпасами большой регулярной армии, в частности, в период многолетней Северной войны, энергично занималось вопросом поступления в казну селитры.

В указе Сената от 19 июня 1711 г. губернаторам предписывалось объявить царский указ «по всем городам, чтоб явились подрядчики всяких чинов люди» в Сенат «и уговоры б свои записывали», кто сможет изготовлять порох. Приказано всем селитроварам везти селитру в Москву или же на местах разрешалось ее продавать «повольною ценою» развезжавшим по губерниям «порохового дела» подрядчикам. В следующем году Сенат дал указание губернаторам Киевской, Азовской¹ и Казанской губерний, чтобы они энергичнее заботились об увеличении селитряных предприятий «и на тех заводах селитру велеть делать с поспешением» и немедленно ее доставлять в Москву. Сенат 18 июня 1714 г. вновь обратился с указом к киевскому губернатору, чтобы он принял меры к увеличению добычи селитры².

Предприниматели селитроварения, их дети и приказчики освобождались от несения городской службы, от участия в военных походах, а их дворы, в которых сами жили, и загородные, где жили мастеровые люди, хранились припасы и оборудование, освобождались от постоя солдат³. Правительство, выдавая грамоты на право вываривания селитры, определяло льготные условия пользования лесом. В грамотах говорилось, что если селитровары подыщут «в степях вольные и порозжие еруги или леса на дрова и на зжение золы», то, чтобы города, владевшие ими, отдавали их «во владение» им — селитроварам⁴.

В августе 1716 г. подали челобитные в Воронежскую губернскую канцелярию изюмский полковник М. Захаржевский, судья Д. Данилевский, харьковский полковник Г. Квитка-Афанасьев, обозный В. Ковалевский, полковой писарь Ф. Козьмин и липецкий сотник И. Черняев. Челобитчики просили разрешить им строить «заводы в удобном месте, где мы, рабы ваши, сыщем». Вице-губернатор С. Колычев, рассмотрев челобитные, писал: «селиторные заводы в губернии умножать»⁵. В следующем году начали работать их селитряные «заводы» в разных местах по Осколу и Донцу, под Харьковом и в с. Липцы.

Вываркой селитры занимался с 1712 г. в Валуйках А. Торопов⁶, а на Хотомле Л. Шидловский и с 1716 г. тростянецкий житель И. Гадяченко. Между прочим, в отписке чугуевского

¹ АМГ, т. II, № 163, 165.

² ЦГАДА, Белгородский етод, стб. 298, лл. 52, 53.

³ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 152.

⁴ АМГ, т. II, № 139, 140.

⁵ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 48.

⁶ ЦГАДА, Белгородский етод, стб. 192, лл. 165—180, 335—337, 384, 385.

⁷ Там же, стб. 146, лл. 195—204.

⁸ Там же, Посольский приказ. Польские дела, 1650, стб. 1, л. 558.

⁹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 78, 79.

¹⁰ «Киевская старина», 1888, май, стр. 44—45.

¹¹ ХФЦГИА, ф. 28, д. 1, лл. 3—5.

¹ В состав Киевской и Азовской губерний входила Слобожанщина.

² ПСЗ, № 2379, 2381, 2598, 2829.

³ ХФЦГИА, ф. 31, д. 128, л. 9.

⁴ Там же, ф. 407, д. 1, лл. 3, 23; ф. 31, д. 124, лл. 1, 4, 5, 25; ПСЗ, № 3464.

⁵ ХФЦГИА, ф. 407, д. 1, лл. 1, 3, 21, 23.

⁶ Там же, лл. 1, 2.

воеводы по поводу завода последнего говорилось, что около с. Рубежное, Салтовского уезда, помещичий селитряный «завод» существует «из стари» и в тех урочищах «он де Иван Гадяченко с позволения того села Рубежного помещиков, варил селитру на 2 котла»¹.

В 1725 г. действовал селитряный «завод» в окрестностях Ахтырки полкового писаря С. Кобелянского, который писал в полковую канцелярию: «велено мне на приисканных мною селитерных порозжих землях заводы на свои деньги завести и на них селитру варить»². С 1727 г. в Липцах начал долголетнюю выварку селитры значковой А. Балясный (из Опошни)³.

В донесении Ахтырской полковой канцелярии в Белгород отмечалось, что еще до 1731 г. действовали селитроварни бригадира Слободских полков В. Осипова около Валок и в других местах, судьи Ахтырского полка Боярского в Краснокутске и подпрапорного того же полка П. Яковлева в Корочанском уезде⁴.

В 1731 г. получили «берг-привилегию» ахтырский полковник А. Лесницкий, имевший селитроварни в Ахтырке на 2 котла и в Олешне на 1 котел, и полковник Путивльского ландмилицкого полка А. Дунин, имевший селитроварню под Золочевом⁵. В Валках в 1736 г. вываривали селитру помещица А. Шидловская, сотник Воронков и житель Пещанский. В 1736—1737 гг. действовали «заводы» в Сумском полку В. Осипова, в 1736—1740 гг. — в Золочеве дергачевского жителя А. Краснокутского⁶.

Селитроварение на Слобожанщине заметно стало расти с середины XVIII в. Правительство продолжало выдавать разрешения на условия, разработанных в первой четверти XVIII в., а затем повторенных и дополненных в указе Екатерины II 10 февраля 1788 г.⁷ Селитровары были обязаны поставлять установленное количество селитры в определенные сроки в казну, в противном случае они платили штраф в размере 25 коп. за каждый несданный пуд⁸.

Доходным селитроварным промыслом продолжали заниматься старшины-помещики Шидловские, Осиповы, Крапоткины, Спичинские, Дунины, к ним присоединились Кондратьевы, Капнисты, Милорадовичи и др.⁹

¹ ХФЦГИА, ф. 407, д. 1, лл. 11—12.

² Там же, ф. 27, д. 8, л. 18.

³ Там же, ф. 31, д. 124, лл. 4, 7, 23, 25.

⁴ Там же, ф. 27, д. 21, лл. 117—118; ф. 31, д. 128, лл. 91—92; Описание документов и бумаг..., кн. 4, стр. 385, 387, 390.

⁵ Там же, ф. 27, д. 21, лл. 38, 117—118.

⁶ Там же, ф. 31, д. 128, лл. 97—98; д. 124, л. 21.

⁷ Там же, ф. 632, д. 1309, лл. 1—4.

⁸ Там же, ф. 339, д. 473, л. 10.

⁹ Там же, ф. 760, д. 58, л. 1; д. 57, л. 1; д. 69, лл. 1, 12, 73, 89; ф. 31, д. 128, лл. 14, 16, 84—86, 158, 159, 166, 173—175; ф. 339, д. 401, л. 4.

Новое в росте селитроварения на Слобожанщине с 40-х годов сказалось в возникновении селитроварных компаний. Первую неудавшуюся попытку делали помещики П. Шидловская и В. Осипов. Удачнее это было сделано другими предпринимателями. Подпрапорный, а затем сотник Харьковского полка Е. Назаренко со своим зятем Я. Зашаловским в 1746 г. взяли подряд на выварку селитры в течение 8 лет в Салтове, Соколове, а затем в Усерде, в первый год в 1 котле, а в последующие — в 2 котлах, «завод содержать и селитряное варение производить своим коштом»¹. Осенью того же года Е. Назаренко писал, что вываривал селитру на своей земле в с. Соколов, но что на 1747 г. там земли для выварки селитры не будет. Он просил разрешения на селитроварение в 1 котле в Люботине, где якобы имелась свободная нужная земля и не было селитроваров².

В Усерде был казенный селитряный «завод». О времени и обстоятельствах его возникновения и закрытия сведений нет. Но известно из переписки воеводской канцелярии Верхососенска с «заводской» администрацией, что выварка селитры производилась в 1740 и 1741 гг.³ Предприятие работало в течение десятилетия. В 1748 г. «Канцелярия главной артиллерии и фортификации» объявила о сдаче его частному лицу. И в декабре следующего года «завод» с постройками и необходимым оборудованием взял в эксплуатацию Е. Назаренко.

В 1759 г. он получил указ на продолжение селитроварения в течение 10 лет. Е. Назаренко вываривал на казенных «заводах» в м. Усерд, в с. Покровское и в других местах уезда в 3 котлах, затем совместно с И. Александровым на своем «заводе» вываривал в 2 котлах, в Ольшанске и в уезде совместно с ротмистром Острогожского полка Ф. Татарчуковым также в 2 котлах; в г. Верхососенске вываривал со своим сыном сотником Григорием и своим зятем Я. Зашаловским в 2 котлах⁴.

По инициативе опошнянского жителя значкового А. Балясного, вываривавшего селитру в с. Липцы, в 1741 г. возникла так называемая опошнянская компания из 20 чел. В ее состав первоначально вошли: А. Балясный, его брат Семен, опошнянские сотник И. Корицкий, казаки: Ф. Киряков, Я. Киряков, И. Киряков, А. Киряков, И. Ткаченко и его сыновья Андрей, Даниил и Петр, а также И. Пашенок, Р. Пашенок, Г. Коновалов, Я. Петров, Ф. Чугуевской; других сел Гадячского полка казаки: М. Фомин, М. Тимченко и П. Неженец. Компания подписала контракт на 4 года, до 1745 г., обязавшись вываривать

¹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 128, лл. 28—29.

² Там же, лл. 30—36, 40, 42.

³ ЦГАДА, ф. 594, оп. 1, дд. 3—7.

⁴ ХФЦГИА, ф. 31, д. 128, лл. 8, 79.

селитру в 25 котлах и ежегодно поставлять в казну по 2500 п., а в случае надобности — 8500—11 000 п.¹ Эта компания, временами уменьшаясь до 18 или увеличиваясь до 26 чел., как было в 1762 г., существовала многие десятилетия, периодически продлевая контракт на 5—10 лет. Так, в 1752 г. был подписан контракт на 10 лет с обязательством поставлять в казну селитры ежегодно по 7500 п. В 1762 г. контракт был продлен на следующее десятилетие, в котором говорилось: «И ставят селитры против прежнего с приумножением в каждой год нелитрованной по 15 тыс. п., а если когда нужно востребуется и наряжено будет, то и больше будут поставлять».

По примеру опошнянской возникла и другая селитряная компания. Тульские купцы Григорий и Гавриил Петровы 13 декабря 1743 г. получили от правительства разрешение вываривать селитру на Слобожанщине и в других местах. Они начали выварку со следующего года под Харьковом на Холодной Горе, на кургане около р. Харьков-Нетеча и на Песках по р. Лопань. К Петровым присоединились белгородские купцы Ф. Щедров и С. Аристов. Компания получила царский указ от 18 августа 1750 г. на право вываривания селитры в Харькове и в других местах в течение 7 лет².

В 1757 г. в эту компанию вошли белгородский купец Н. Афанасьев, 3 изюмских казака — братья Иван Большой, Иван Меньшой и Семен Рябинины и подпрапорный Изюмского полка И. Торопов. Компания подрядилась «селитряное варение» производить 10 лет и ежегодно поставлять в казну селитры по 3500 п. Привилегии ей давались те же, что и «опошнянской компании». В первом пункте контракта говорилось: «Вышеозначенным заводчикам компаниею своею, которая имеет почитаться подобная опошнянской селитрянной компании, коя издавна состоит, на основании которой они со вступления их заключенный контрактами и данными привилегиями в Украине в великороссийских местах селитерные заводы довольным своим иждивением распространили, в совершенное действие привели, так что сей оборонительной минерал возможно без всякого недостатка производить в российских местах»³.

Каждый из членов компании занимался вывариванием селитры в определенных местах. Григорий Петров — в Харькове, Изюме, Березовке, Ивановке, Нежегольске, Яблонове, Дмитриеве и Голубином. И. Торопов — в Валуйке, Тополях и в их окрестностях. Семен Рябинин в Острогожске, Коротояке и их уездах, Иван Большой Рябинин — в Полатове и Старом Осколе. Иван Меньшой Рябинин — в Новом Осколе и уезде. Н. Афа-

насьев — в Чугуеве и уезде и в Белгородской губернии — Обояни, Зимовном, Торниной Поляне, Старикове, Барило и Короче. Гавриил Петров — во многих местах Тамбовского и Козловского уездов, Воронежской губернии.

Компания Петровых существовала более 20 лет, а «опошнянцев» 30 лет. О распаде последней документы рассказывают следующее. В 1772 г. представитель опошнянской компании В. Коростовцев писал, что она состоит из 18 чел. и желает заключить новый контракт на 5 лет. Каждый из участников компании обязуется вываривать селитру равной доли (440 п.), а все 8 тыс. п. в год по цене 5 руб. за 1 п. и за доставку в Москву по 25 коп. с пуда, а в Шостку (Черниговщина) по 10 коп. за 1 п., считая «упадка» по 20%. В канцелярии артиллерии сочли требования эти слишком высокими. Поэтому в указе говорилось, «за силою указов принять и по оным в рассмотрение вступить не можно и для того опошнянским компанейщикам за предписанною просимою ими за селитру высокую ценою и требуемый в противность законов от поставки той селитры отказано и более на заводах их варки селитры им чинить не велено...». Предлагалось компании пересмотреть свои требования¹. Но, по-видимому, соглашение не было достигнуто, так как с этого времени сведения о деятельности компании отсутствуют.

Упразднение селитроварных компаний не означало убыли селитроварения на Слобожанщине. Продолжало расти индивидуальное предпринимательство в этой как и в других отраслях. В «Ответах на экономические вопросы Вольного экономического общества», опубликованных в 1768 г., отмечалось, что селитряные «заводы» были во всех 5 провинциях Слободско-Украинской губернии: в Изюмской провинции были селитроварни М. Милорадовича в местечках Балаклея и Лиман, селах Андреевка и Кицовка, вдовы полковника Захаржевского в с. Змиев; подпрапорного Торопова в с. Ловы; в Острогожской провинции насчитывалось 2; в Сумской — 3—5 действующих селитроварных «заводов»². В реестре о беглых людях из селитроварен в том же году указывалось, что в Чугуеве была селитроварня Деева, а в с. Мартовое — Зашаловского³. По сведениям «Географического описания г. Ахтырки и уезда» в 1769 г. в этом уезде во многих слободах войсковых обывателей и в некоторых владельческих селах селитроварение производилось «партикулярными заводчиками»⁴.

По описи 1787 г. в Харьковской, Ахтырской и Сумской про-

¹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 128, лл. 5, 6, 9, 181.

² Там же, лл. 115, 122—127.

³ Там же, лл. 118—120.

¹ ХФЦГИА, ф. 760, д. 100, лл. 1—2.

² «Труды ВЭО», ч. VIII, стр. 89, 118, 175, 205.

³ ХФЦГИА, ф. 399, д. 40, л. 5.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 224.

винциях насчитывалось 21 селитроварня и более 500 буртов¹. По данным земских судов, исправников и городничих, сообщенным в канцелярию Харьковского наместничества в 1791 г., известно, что в этом году на территории бывших Изюмского, Харьковского, Ахтырского и Сумского полков действовало 19 селитроварен. Из них 13 предприятий принадлежало украинским помещикам, выходцам из слободско-украинской казацкой старшины: П. Назаренкову в с. Рубежное, А. Костенскому в с. Печенеги, И. Шидловскому в с. Гнилица, Н. Шидловскому в Чугуевской округе, М. Милорадовичу, Г. Шидловскому и Гиевскому в Изюмской округе, Смагину и Анне Кондратьевой в Сумской округе, М. Могилатовой в Лебединской округе, А. Мячкову в Мирополье², И. Боярскому и А. Тимченко в Ахтырской округе. Остальные — 2 ахтырским торгово-промышленным предпринимателям: сумскому «именитому гражданину» Е. Солодченко в Сумах и опошнянскому казаку М. Пашенко в Котельве, а также русским помещикам: П. Щербинину в Должике, Д. Хрущеву в Верхнем Салтове и в Миропольской округе, В. Надаржинской в Богодуховской округе и украинизированному молдаванину М. Куликовскому в Валках³. Селитроварение продолжало расти и в последующие годы. По сведениям, составленным в земских судах на основании данных волостных правлений, в 1806 г. селитряных «заводов» в уездах действовало: Ахтырском — 12, Валковском — 4, Волчанском — 10, в Змиевском — 9 и Харьковском — 5, а всего насчитывалось 40 «заводов». Из них 5 «заводов» принадлежали сельским обществам (в слободах Белки, Жигаловке, Краснополье и в Дерновом, Ахтырского уезда), остальные 35 — помещикам⁴.

На селитроварнях обычно работало много людей разных специальностей. Количество занятых на варницах людей зависело от количества и размеров котлов, условий добычи топлива и степени опасности нападения татар. М. Мострюк просил дать ему 2 котла емкостью по 100 ведер, 40 чел. и 40 рабочих волов. Следовательно, на котел приходилось по 20 работников. На одной варнице И. Романова было 5 котлов и 200 чел., на другой — 3 котла и 100 чел. В первом случае на котел приходилось по 40 чел., во втором — по 33 чел.⁵ и т. д.

Рабочая сила на селитроварнях состояла из наемных и крепостных людей. Причем, до середины XVII в., когда местное население было малочисленным и в основном свободным, а селитроварением занимались украинские казаки, мещане и

русские служилые люди низших разрядов, им приходилось привлекать работных людей по найму не только из местных людей, но и с Левобережной Украины.

И, Селитренников¹ 16 апреля 1631 г. обращался с челобитной к царю и просил разрешить ему принять на работу украинцев. Он писал, что прежде у его отца и брата Алексея, а также у него самого на варницах и на других работах по царскому разрешению работали украинцы «из Литвы». Из приведенных данных известно, что у них работало одновременно на двух селитроварнях 300—400 и больше наемных работников. И на этот раз на челобитной сделана «помета»: «...государь пожаловал велел у них быти для селитряной работы наемным литовским против прежнего указа»².

Служилые люди С. Тевяшов и Ф. Ситников также использовали наемных людей на селитроварении в 1658 г. Об этом узнаем из их конфликтного дела. Предприниматели не поладили между собой, 12 декабря Ф. Ситников обратился с просьбой к белгородскому воеводе, чтобы бывшего его компаньона С. Тевяшова прислали из Чугуева в Белгород, «для их общева счету и для работники, кому доведетца платить за работу»³, т. е. для расчета с людьми, работавшими по найму на выварке селитры.

Когда начали заниматься селитроварением старшины, они стали применять крепостной труд. Так, надо полагать, поступали на своих селитроварнях ахтырский полковник И. Перекрестов, харьковский и изюмский полковник Донец в 80—90-х годах XVII в. На усердском казенном селитроварном «заводе» в 1741 г. в качестве рабочей силы использовались на положении приписных жители селений Усердской, Верхососенской, Коротоякской и Ольшанской округ⁴.

Казацким старшинам и помещикам, заводившим селитроварение при Петре I, в законодательном порядке предлагалось использовать своих крепостных и наемных людей. В указе Сената от 18 июня 1714 г. киевскому губернатору предписывалось: «селитерные заводы размножать», пользуясь «работники своими и наемными людьми»⁵.

На практике одни помещики пользовались рабочей силой исключительно крепостных, другие использовали подневольный труд казаков, а третьи — крепостных и наемных людей. Например, в Змиевском уезде, даже по сведениям 1806—1807 гг., когда многие помещики заменили крепостной труд на вольнонаемный,

¹ Упомянувшийся ранее Иван Романов.

² «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 58; АМГ, т. I, № 223, 232, 240.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 78—79.

⁴ ЦГАДА, ф. 594, оп. 1, д. 4, лл. 1—2, 5—7, 10—12; д. 5, лл. 1—3, 5—7, 9—10; д. 7, лл. 1—2, 5—6.

⁵ ПСЗ, № 2829.

¹ ХФЦИА, ф. 632, д. 1122, лл. 16—21, 43—47, 50—51, 61, 71—79, 87—90, 104, 110—111, 128.

² Там же, д. 1565, лл. 10, 17, 20, 28—30, 41, 43, 51.

³ Там же, лл. 10—13, 15, 18, 22, 27, 28, 35, 41, 44.

⁴ Там же, ф. 665, д. 1081, лл. 31, 32, 60, 84, 85, 110, 119, 125—127, 136.

⁵ АМГ, т. I, № 240.

использовались «собственные крестьяне» на селитроварнях А. Донца-Захаржевского, М. Куликовского и фон Мейера¹. Торский житель О. Чехарской в 1700 г. в жалобе писал, что полковник Ф. Шидловский варит селитру «невольными людьми и емлет полку своего казаков на тот завод возить дрова на их казачьих лошадях и харчах». Два года спустя Изюмский житель И. Самохвалов также жаловался царю, что Шидловский «варит селитру государевыми людьми без найму»².

В ответном письме ахтырского полковника А. Лесевицкого на запрос из Войсковой генеральной канцелярии по поводу селитроварения в 1738 г. говорилось, что старшины и сам А. Лесевицкий нанимали работников на селитроварни. В письме указывалось, что много людей взято на войну, осталось мало рабочих рук, поэтому «работники нанимаются двойною ценою»³.

Об использовании помещиками вольнонаемных, особенно во второй половине XVIII в., говорят и другие факты. Канцелярия главной артиллерии, настаивая на увеличении выварки селитры «заводчиками», по словам сумского полковника А. Кондратьева, требовала в 1758 г. от них «к будущему варению оной всех тех заводчиков каждому для своих заводов мастеровых и работных людей нанять»⁴. В переписке «канцелярии слободско-украинского губернатора по поводу бежавших работных людей от помещика Милорадовича указывается, что наемные работники были на заводах Деева в Чугуеве, Зашаловского в с. Мартовое, Милорадовича в Лимане и Андреевке⁵. По сведениям змиевского городничего 1807 г. на «заводе» В. Донца-Захаржевского было 20 наемных и собственных 10 крестьян, а в с. Тростянец, Ахтырского уезда, на селитроварне Корсаковой работало 3 крепостных и 3 наемных работника⁶.

По примеру крепостников некоторые казаки пытались использовать крепостной труд на своих селитроварнях. Ольшанский казак Ф. Иванов в 1685 г. обращался с просьбой к правительству, чтобы ему разрешено было ведать «для селитряного заводу» жителями украинских слобод Двуречное, Купенка, Каменское, Сеньково и Гороховатка. Кроме того, он просил разрешения строить и заселять украинскими переселенцами новые слободы «в пристойных местах»⁷. Однако его просьбу правительство не удовлетворило.

Крепостной труд был настолько обычным явлением в то время, что им старались воспользоваться и купцы на своих

селитроварнях. Григорий и Гавриил Петровы, Ф. Щедров и С. Аристов, обращаясь к правительству по делу устройства селитроварен на Слобожанщине, просили разрешения на покупку крепостных крестьян для работы. Царским указом от 28 августа 1750 г. такое разрешение дано, «и означенным же Петровым, Щедрову и Аристову деревни каждому до ста душе по способности к тем заводам купить позволено». Затем губернатору предписывалось взять от купцов письменное обязательство «с крепким подтверждением, что по покупке к помянутому заводу крестьян каждому по сто человек никому ни под каким видом не продавали и не закладывали, но содержали для оных своих селитерных заводов». Этим крестьянам разрешалось продать только вместе с «заводом». В случае закрытия «завода», «тогда тех крестьян продать им таким людям кому по указам деревнями владеть не запрещено». Деревень, видно, купцы не приобрели, так как в документах, относящихся к деятельности «компаний», никаких сведений об этом нет. Пользовались они наемными работными людьми. Спустя 13 лет после начала селитроварения, пополнив свою компанию «изюмскими казаками», купцы в 1757 г. получили указ на право продолжения селитроварения. В указе говорилось, «а работников кои у них имеют быть содержаны не беглые, но верные люди с указными пашпортами ради разъездов давать им»¹. Из этих слов вытекает, что у данных селитроваров были лишь наемные рабочие, и правительство беспокоилось, чтобы среди них не было беглых, беспаспортных людей. Вполне естественно, что мелкие служилые люди, казаки и мещане, не имевшие крепостных, но заводившие селитроварение, пользовались наемными рабочими. На Усердском казенном селитроварном «заводе» в качестве рабочей силы использовались жители Усердской, Верхососенской, Коротоякской и Ольшанской сотен на положении временно приписных².

В работные люди по найму шли крестьяне и горожане из разных неимущих групп населения. Среди них были казенные крестьяне, казаки, помещичьи, оброчные и беглые люди.

В ведомости о количественном составе рабочих на селитроварнях в Змиевском уезде, составленной балаклеиским дворянским заседателем Сумцом в феврале 1807 г., указывалось, что на «заводе» М. Милорадовича было 20 рабочих «с казенных селений»³. Сам владелец в 1768 г. обращался в Слободско-Украинскую губернскую канцелярию за содействием в деле возвращения его беглых 20 рабочих⁴.

¹ ХФЦГИА, ф. 665, д. 1081, л. 85.

² Там же, ф. 28, д. 1, лл. 3—5.

³ ЦГИА УССР, ф. 51, д. 5632, л. 29.

⁴ ХФЦГИА, ф. 760, д. 78, л. 1.

⁵ Там же, ф. 399, д. 401, л. 4.

⁶ Там же, ф. 665, д. 1081, лл. 60, 82.

⁷ ЦГАДА, Поместный стол, стб. 150, лл. 38—46.

¹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 128, лл. 115, 120, 123.

² ЦГАДА, ф. 594, оп. 1, д. 4, лл. 1, 2, 5—7, 10—11; 12, д. 5, лл. 5—7; д. 7, лл. 1—2, 5—6.

³ ХФЦГИА, ф. 399, д. 401, л. 5.

⁴ Там же, ф. 665, д. 1081, л. 85.

Губернская канцелярия предписала местным органам власти разыскать беглых и возвратить их Милорадовичу в села Лиман и Андреевку. Документы о розыске беглых говорят о бедственном положении рабочих людей. Хотомлянская помещица Малцова писала, что разыскиваемый Литвин является ее подданным. В октябре 1767 г. он бежал в Андреевку к Милорадовичу, у которого работал вначале на «домовой работе», а затем на винокуренном «заводе», «и нестерпя, что за работу ничего ему платежа не происходит сшел» в сл. Бурляй, откуда балаклейский комиссар прислал его в Хотомлю. Разысканные в с. Мартовое на селитроварне Я. Зашаловского К. Тупица, И. Колеса и П. Мозковой заявили, что они по нужде оказались в кабале Я. Зашаловского и Милорадовича¹ и т. д.

Форма организации селитроварения в сохранившихся документах не объясняется. По косвенным данным, можно представить, что на мелких селитроварнях производство велось силами 2—6 чел. кустарным способом. На более крупных предприятиях, например семьи Романовых, где в 20-х годах XVII в. работало по 100—200 чел. на одной варнице, на усердской казенной варнице, где в 40-х годах XVIII в. работало по 20—30 и больше человек, А. Донца-Захаржевского и М. Куликовского, у которых в 1806 г. работало по 35—60 чел. и др., организация производства носила мануфактурный характер. Такое представление вытекает из перечня ремесленных специальностей, по которым нанимались люди еще семейством Романовых.

И. Селитренников в 1631 г. просил у царя разрешения, как и прежде бывало, быть у него «на варницах и на прудах для селитренного варенья и промыслу литовским всяким ремесником мастером, и печурем, и попельником, и бондарем, и колесником, и прудником, и котляром»².

Перечень ремесленников по специальности ясно говорит о том, что на селитроварнях был кооперированный труд селитроваров, землекопов, дроворубов, бондарей, колесников, печников и людей, находившихся на других работах производства. Селитроварение начиналось ранней весной и кончалось в октябре или ноябре.

В такое сезонное время помещикам нецелесообразно было отрывать крестьян от сельского хозяйства на выварку селитры. Между тем, поставка селитры в казну давала значительные выгоды. При таких обстоятельствах большинство старшин-помещиков, владевших селитроварнями, использовали в значительной мере наемный труд. Казаки и купцы на своих селитроварнях пользовались исключительно наемными работниками.

Селитряные варницы до середины XVII в. устанавливались

около курганов и валов в безлюдных местах и представляли собою временные станы. После окончания сезонных работ наиболее ценное оборудование перевозили во двор хозяина, там же устраивали на зимовку рабочий скот, а рабочие люди расходились по домам. В последующее время облик хозяйства изменился. Селитровары стали заводить хозяйственные дворы. С. Тевяшов, организовав селитроварню в Бурлуках, купил двор под Чугуевом. Когда же оказалось недостаточно этого двора для лошадей и запасов фуража, то ему отданы по соседству «дворовые места порозжие»¹.

В указах, выдававшихся селитроварам на разрешение устройства «завода», часто говорилось, что предоставляется право в соседних лесах рубить строевое дерево «на строение тех селитренных заводов и на всякие заводские припасы»². Дворы строились как на частных, так и на казенных селитроварнях. В Усерде, например, на казенных «заводах» в 1748—1749 гг. были хозяйственные и жилищные постройки³.

Техническое оборудование селитроварен было несложное и неизменное в течение XVII—XVIII вв. Наиболее ценную часть оборудования составляли медные котлы, обыкновенно больших размеров. Например, М. Мострюк, договариваясь с правительством в 1639 г. об организации селитроварения, просил дать ему два котла емкостью по 100 с лишним ведер каждый. Были котлы и меньших размеров. На двух варницах около Грайворона, принадлежавших И. Романову, в 1629 г. селитру вываривали в 8 котлах разных размеров⁴. По сведениям Гильденштедта, котлы делались из листового меди в виде полушария. Виденные им котлы имели в верхней части ширину в сажень, глубину около 0,5 сажени.

На варницах М. Мострюка, как и других селитроваров, были деревянные кадки, бочки, желобы, жболы, тарелки. Из инструментов были топоры, мотыги, лопаты и заступы. Транспорт состоял из телег в упряжке волов и лошадей. Печи вырывались в земле, в XVII в. их стали делать из кирпича «без тяги», т. е. без дымоходов.

В XVII в. селитру вываривали из земли курганных насыпей, земляных валов и древних городищ. С ростом селитроварения и нехватки земли с естественным скоплением селитры в XVIII в. стали заводить бурты, т. е. специальные земляные насыпи с золой и навозом. Бурты выдерживали в течение 6—7 лет, а затем землю этих куч выщелачивали и щелочную воду вываривали. Этим способом, вываривая поочередно бурты, заложенные

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 78—79.

² ХФЦГИА, ф. 27, д. 1, л. 18; ф. 31, д. 124, лл. 4, 7, 25.

³ Там же, ф. 31, д. 128, л. 78.

⁴ Там же, лл. 5—6, 7.

¹ ХФЦГИА, ф. 399, д. 473, лл. 16—17.

² «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 58.

в определенные годы, обеспечивали селитроварение ежегодно в течение многих лет. Так производили выварку на «заводах» Шидловских в с. Мерчик, Краснокутских в Золочеве, Кондратьевых в с. Самотаевка¹ и др. Процесс выварки селитры весьма подробно описал Гильденштедт, который наблюдал его в начале 80-х годов XVIII в. в м. Голтва, Миргородского полка.

Следует сказать о количестве вывариваемой селитры. С. Ступишин на Норовчатом городище в 1632 г. выварил 577 п., М. Лиморов обещал правительству выварить в 1634 г. 300 п., Г. Ярцев выварил 200 п. М. Мострюк в 1639 г. обещал правительству, что в котлах при наличии рабочей силы 40 чел. будет вываривать 15 п. ежедневно, или за сезон 1800 п. Возможно, первым и самым крупным было предприятие семьи Романовых. В 1621 г. Роман выварил селитры 200 п. В следующем году он обещал правительству изготовить 1 тыс. п. Не знаем, выполнил ли он это обязательство, однако известно, что Романовы занимались этим промыслом в ряде мест. В 1629 г. около Грайворона на их 2 варницах с 8 котлами с марта по 26 июня было выварено 250 п. Обязательства Мострюка и Романова свидетельствуют о том, что уже в 20—30-х годах XVII в. у них была реальная возможность вываривать по 1—2 тыс. п. селитры в сезон. Надо полагать, что такие обязательства в основном они выполняли. Несомненно, что с каждым десятилетием увеличивалось количество селитроварен и росла добыча селитры.

Сведения о выварке селитры на «заводах» А. Шидловской и А. Краснокутского в 30-х годах, Е. Назаренкова в 40-х годах, «опошнянской компании» в 50-х годах, М. Милорадовича в 60-х годах и др. дают основание принять среднее количество выварки селитры с одного котла 250 п.²

Если принять условно это количество селитры с котла, то рост селитроварения на известных нам «заводах» представляется следующим. На селитроварне С. Тевяшова и Ф. Ситникова в 1658 г.— 250 п.; на 3 «заводах» Ф. Иванова, Г. Донца и Ф. Шидловского в 1685 г.— 750 п.; на 8 (13 котлов) «заводах» М. Захаржевского, Д. Данилевского, Е. Ковалевского, Ф. Козмина, И. Черняева, И. Гадяченко (2 котла), Л. Шидловского, А. Лесвицкого (3 котла), Боярского, В. Осипова в 1731 г.— 3250—3700 п.

На селитроварнях П. Осипова, А. Дуниной (2 котла), А. Кондратьева (2 котла), Я. Крапоткина (2 котла), Е. Назаренко и Я. Зашаловского (2 котла), «компаний» русских купцов (2 котла) и «опошнянской компании» (25 котлов), всего в 36 котлах в 1744 г. выварено 9 тыс. п.

В 1759 г. на «заводах» А. Кондратьева (2 котла), П. Спичинской,

М. Милорадовича (2 котла), Е. Назаренко и его компаньонов (8 котлов), Деева, Р. Шидловского, «компаний» русских и украинских купцов (10 котлов), «компаний» опошнянских казаков (25 котлов), всего в 50 котлах выварено 12 500 п.

В 60-х годах выварка селитры продолжала расти. Одна «опошнянская компания» вываривала в год до 15 тыс. п. В указе 1762 г., определявшем новые условия контракта и новый состав (26 чел.) её членов, отмечено, что опошнянцы «ставят селитры против прежнего с приумножением в каждой год нелитрованной» по 15 тыс. п.¹ Кроме того, по сведениям «Вольного экономического общества» в 1767 г., например, действовали 3—5 селитроварни в Сумской провинции, в Острогжской — 2, в Изюмской — 5, а в Харьковской и Ахтырской провинциях, далее отмечается, что селитроварные «заводы» были во многих селах². Всего было не менее 20 селитроварен. Если считать по котлу в каждой, то на них вываривалось не менее 5 тыс. п. Следовательно, в этом десятилетии можно считать годовой выварки селитры в среднем около 20 тыс. п.

Селитроварная «опошнянская компания» в 1773 г. прекратила свое существование, а еще раньше распалась «компания» русских купцов и слободских казаков. Однако селитроварение не сократилось. В это время в Ахтырском уезде, например, «во многих селах» зажиточные казачьи элементы занялись селитроварением объединенными средствами («обществом»), втягивались в него и помещики, стоявшие до сего времени в стороне. В 1803 г. только в Харьковском, Змиевском, Валковском и Волчанском уездах насчитывалось 37 селитроварен, на которых вываривалось 17 850 п.³

Рынок сбыта селитры слобожан был своеобразный: ее закупала казна. Выдавая разрешение на ее выварку, правительство каждому «заводчику» в указе напоминало о том, что он обязан селитру, вываренную по договору, и излишки «продать» казне⁴.

В XVII в. все подрядчики-селитровары обязаны были приготовленную селитру доставлять на пороховые «заводы» в Москву⁵. Эта доставка селитры в столицу составляла если не для всех, то для некоторых «заводчиков» определенную трудность. Поэтому правительство Петра I устроило приемные пункты в Павловске, Усерде, Шостке и в других местах⁶.

Расплачивалось за селитру правительство в большинстве случаев на месте приемки ее в Москве. Но при сдаче ее в других пунктах бывало и иначе. Так, за сдачу селитры А. Тороповым,

¹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 128, л. 181.

² «Труды ВЭО», ч. VIII, стр. 89, 118, 150, 175, 205.

³ ПСЗ, № 23312, 24237.

⁴ ХФЦГИА, ф. 760, д. 74, л. 1.

⁵ ПСЗ, № 2379, 2381.

⁶ ХФЦГИА, ф. 407, д. 1, лл. 19—20; ПСЗ, № 2528.

¹ ХФЦГИА, ф. 760, д. 58, л. 1; д. 808, л. 1.

² Там же, ф. 632, д. 1565, лл. 16, 31; ф. 31, д. 128, лл. 5, 120, 144, 181.

И. Захаржевским, Д. Данилевским в Павловске из Канцелярии главной артиллерии было приказано воронежскому губернатору оплатить им за нее из «губернских доходов» «по той цене почему им станет в истинне, о которой они будут объявлять в заручных доношениях»¹. Не обходилось и без бюрократических проволочек. Ахтырский полковой писарь С. Кобелянский в жалобе на имя Петра I в январе 1725 г. писал, что он вынужден вываренную селитру отдавать в «артиллерию ценою против других селитерных промышленников». Перед приемом у него чиновник взял 10 ф. селитры на пробу, оценил ее по 60 алтын за 1 п., взял десятую часть от вываренной селитры в казну бесплатно и что вообще «разные чиновники чинят волокиту при приеме селитры в казну и при выплате денег за нее из казны»².

Наши сведения о селитроварении на Слобожанщине не являются исчерпывающими. Тем не менее они дают основание утверждать, что селитроварение здесь началось не позже 1621 г. и непрерывно росло, занимая большое место в производстве селитры в стране.

Особенно заметно продолжало расти селитроварение на Слобожанщине во второй половине XVIII в. и, например, в самом начале XIX в. оно давало третью часть селитры, вывариваемой в 6 губерниях России³. По сведениям Е. Зябловского, в начале XIX в. в России насчитывалось 393 селитроварни, поставлявшие казне 90 тыс. п. селитры, из них 159 (40,5%) селитроварен находилось в Слободско-Украинской губернии⁴.

На Слобожанщине росло многообразное производство пищевых продуктов. В нем наибольшее место занимало мельничное производство, тесно связанное с земледелием.

Мельничное производство Многие переселенцы привозили на Слобожанщину ручные жернова и ступы, а некоторые изготавливали эту несложную технику на месте, которой продолжали пользоваться для помола муки и обработки круп и пшена. Древний мукомольный и круподельный домашний ручной способ в XVII в. отживал. Украинцы, как известно, умели строить ветряные и водяные мукомольные мельницы, «просяные» и «суковальные» ступы. Этот опыт занесен переселенцами на Слобожанщину. Люди XVIII в. утверждали, что украинские переселенцы «ввели в употребление» в Белгородской и Воронежской губерниях водяные и ветряные мельницы, «а дотоле мололи там хлеб в жерновах руками»⁵.

¹ ХФЦГИА, ф. 407, д. 1, л. 3.

² Там же, ф. 27, д. 8, л. 18.

³ ПСЗ, № 24237.

⁴ Е. Зябловский. Статистическое описание Российской империи. Спб., 1815, стр. 91—92.

⁵ Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 61.

Правительство, учитывая доходность мельниц, держало под своим контролем их строительство. Застройщики должны были обращаться к правительству за разрешением на постройку и пользование мельницей. Харьковский украинский житель С. Филиппов в 1660 г. обратился к царю с челобитной, в которой писал: «пожалуй меня, холопа твоего, вели, государь, мне построить в Харьковском уезде, в деревне Деркачевке на речке на Полном Колодезе вновь мельницу своим мельничным заводом».

Из Разрядного приказа была направлена грамота харьковскому воеводе Офросимову, в ней предписывалось, чтоб он «велел» С. Филиппову построить в указанном месте мельницу, если «от той мельницы ни у кого пашенных земель и всяких угодий водою не станет топить». В том же году получили разрешение на постройку мельницы на р. Уды, около с. Бабаи харьковские «черкасы» Ю. Васильев и Е. Белоусов¹ и салтовский атаман И. Семенов², в 1672 г. миропольский атаман Л. Рожевец³. В 1670 г. построили мельницы попы в Каменном и Ольшане, в 1699 г. — терновские сотник А. Голубенко и Н. Шабельник⁴ и т. д.

Строили мельницы сообща целые общины людей. В грамоте из Разрядного приказа чугуевскому воеводе Ф. Пушкину в 1651 г. говорилось, что детям боярским (40 чел.), поселившимся в Чугуеве, разрешено построить мельницу на Донце⁵. Такое право предоставлено Острогожским поселенцам в 1652 г. Правительство выдало им грамоту на владение мельницей «безоброчно»⁶. Сохранился «список» с «записи» об условиях устройства и владения мельницей в с. Ендовищи, Острогожского полка. В нем говорится: «Се аз Федор, да Мартин, да Павло Яковлевы, жители села Ендовища, нововыезжие черкасы, подали есми меж тово ж села Ендовищ черкас с атаманом Михайлою Григорьевым да сотником Иваном Шерпало да... с казаками «в том что строить в с. Ендовищи на речки Ведуги мельницу со всем мельничным строем как в ходу быть пополам с ними с черкасом Федоров з братьями жернов ставити отаманову Михайлу Григорьеву с товарищи другие жернова а за плот мельничной сделать Михайле с товарищи и все сту семидесяти человек а колеса мельничные делать мне Федору з братьями, а железа пополам...»⁷.

Правительство давало разрешение на постройку мельниц монастырям и отдельным духовным лицам. Уже в XVII в.

¹ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 39—41.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 424, лл. 342—343.

³ Там же, стб. 726, лл. 71—73.

⁴ Там же, стб. 566, лл. 44—52, 154; стб. 1684, лл. 49—50.

⁵ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 26, л. 2.

⁶ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 348, лл. 324—325.

⁷ Там же, ф. Острогожская приказная изба, стб. 1653, д. 1.

владели мельницами Святогорский и Дивногорский, Змиевский и другие монастыри, а также целый ряд духовных лиц.

Были и казенные мельницы. Из документов известно, что такие мельницы находились в городах Хотмыжске в 1653 г.¹, Вольном в 1654 г., в Каменном в 1669 г.², Тернах в 1686 г., Лебедине в 1689 г.³, Ольшанске в 1671 г., Острогожске в 1672 г.⁴, в Чугуеве⁵. Одни из них строились на казенный счет, например, в Вольном, Чугуеве, другие приобретались казной путем конфискации у разных лиц. Так, в 1671 г. мельница острогожского полковника Дзиковского отписана в казну за его участие в восстании С. Разина. Случалось, что казна покупала мельницы. По распоряжению Петра I, например, куплено в казну 23 мельницы украинского старшины К. Лохвицкого по р. Короча⁶.

Казенные мельницы находились в ведении местных органов власти. В Чугуеве и в Острогожске они были в ведении головы и целовальников, избранных городскими жителями и утвержденных местным воеводой. В Недригайлове⁷, Колонтаеве, Каменном и во многих других местах они находились на откупе или на оброке у зажиточных казаков, мещан, а также старшин и духовных лиц.

Мельницы строились водяные и ветряные. По сохранившимся скудным сведениям известно, что ветряки и водяные мельницы XVII—XVIII вв. своей основной структурой ничем не отличались от тех мельниц, которые сохранились во многих селах до XX в. Были конструкции ветряных мельниц, отличавшиеся от известных нам 4—6-крылых ветряков.

Корнилий де Бруин, побывавший в Воронеже в начале 1703 г., осмотрел ветряную мельницу, построенную украинским мастером и описал ее. «Здание было вроде восьмиугольника. Внутри этого мельничного здания находятся 4 мельницы, которые действуют одновременно, без крыльев и всяких других наружных приспособлений для действия ветром. Но внутри этой главной мельничной постройки устроены 7 парусов, подобных парусам на лодках, и само здание снабжено и закрывается снаружи большими окнами или дверями. Когда подует благоприятный ветер, открывают два или три окна с той стороны, с которой дует ветер, и через эти окна или двери ветер надувает паруса и приводит в быстрое обращение всю машину»⁸.

О водяных мельницах в документах говорится лишь о мельничных постройках или амбарах, о количестве камней или поставов и ступ. В описании г. Мирополья 1671 г. указывается, что на р. Псел около устья р. Удава устроена мельничная плотина, на ней — стояло 2 мельничных амбара сумского полковника Г. Кондратьева, в одном из них 2 жернова и 1 «ступник» и в другом — 3 жернова, 4 амбара миропольских жителей В. Лебединского, К. Мельникова, казака Архипова и сумского попа Михаила. Всего здесь насчитывалось 6 мельниц на 13 жерновов и 4 ступы. От этих мельниц выше по р. Псел на версту находилась также плотина миропольских жителей Шубы, Степанова, Забуги и протоппа Д. Мировицкого, а на ней 3 мельницы на 9 жерновов и 2 ступы¹. В описи имущества острогожского подьячего Михаила и его сына Григория Ивашенцевых 6 июля 1690 г. указывается, что была мельничная плотина, на ней — амбар или «мельница со всем строением, дубовая, покрыта тесом дубовым». В амбаре 1 «камень на ходу», ступы и сукольные валки². В описании г. Недригайлова 1700 г. на р. Сула значилась «государева оброчная мельница, а на той мельнице 2 амбара и в тех амбарах 4 камня, а за амбарами 2 толчеи, в одной 5 толкачей и в другой 5 же толкачов, а между амбаров 6 колес»³. По переписи 1732 г. А. Полуботко в.сл. Михайловка, Сумского полка, владел мельницей «о 16 поставках да при том же на 6 поставках толчен, в которых по 5 и по 6 ступ»⁴. Гороховатский сотник в 1741 г. завещал мельницу «на 12 кол», на р. Гороховатка⁵ и т. д.

Что касается устройства спуска воды, колес, вала, размеров и устройства жерновов, об этом в документах не говорится.

О количестве мельниц сведения сохранились разрозненные. Тем не менее они ясно свидетельствуют о том, что численность мельниц на Слобожанщине росла с каждым десятилетием. В 1651—1660 гг. в Харькове, Сумах, Острогожске, Усерде, Хотмыжске, Чугуеве, Каменном, Дергачах, Салтове и Колонтаеве, по неполным данным, насчитывалось 25 мельниц. Надо полагать, что мельницы были в Ахтырке, в Валках и в других поселениях. В документах указывается, что уже в то время в более крупных поселениях работало по 1—2, а в некоторых и больше мельниц⁶. Значительно увеличилось количество мельниц

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 364, лл. 88—91.

² Там же, стб. 355, лл. 114—115; стб. 593, лл. 423—427.

³ Там же, стб. 1187, лл. 188—202, стб. 1398, лл. 171—175.

⁴ Там же, стб. 673, лл. 76—77; «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 209.

⁵ «Киевская старина», 1888, т. XXI, стр. 45.

⁶ Т. В. Проскурников. Из истории Слободской Украины. Город Короча при первых царях из дома Романовых. Х., 1900, стр. 7—9.

⁷ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1721, лл. 312—318.

⁸ «Чтения МОИДР», кн. 2, М., 1872, отд. IV, стр. 129.

¹ «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 187.

² Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XIII, стр. 1314.

³ «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 224.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 276.

⁵ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. V, стр. 71.

⁶ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 364, лл. 89—91, 117—126; стб. 345, лл. 324—325; стб. 424, лл. 340—341; стб. 469, л. 576; ХФЦГИА, ф. 353, стб. 26, лл. 2—3.

с 1661 г. до начала XVIII в. Например, их насчитывалось: в 1665 г. около Суджи — 9 мельниц¹, в 1671 г. около Мирополья — 11 мельниц², в 1688 г. около Змиева — 13 мельниц³, в том же году в Харькове, Бабаях, Люботине, Дергачах, Хорошеве, Синолицовке, Залютино, Пересечном, Тишках и Липцах действовало 36 мельниц и около Изюма 17 мельниц⁴. Росло количество мельниц на территории Острогожского полка. В 1652 г. украинские поселенцы Острогожска построили мельницу на р. Тихая Сосна, в 1654 г. — в Усерде. В 1664—1669 гг. в Усерде было уже 4 мельницы, владельцы которых нам неизвестны, в 1671 г. работала казенная мельница в Ольшанске.

Всех мельниц насчитывалось в 1651—1700 гг. — 144 и в 1732 г. — 210. Но эти данные не отличаются полнотой. В Харьковском полку на 76 500 чел. населения насчитывалось 89 мельниц, а в Ахтырском полку на 79 700 чел. — 22 мельницы, т. е. населения больше, а мельниц в 4 раза меньше. В Сумском полку на 86 тыс. чел. — 35 мельниц. В Изюмском полку на 60 тыс. чел. — 64 мельницы⁵. Очевидно, это объясняется недостаточной полнотой сведений.

В материалах одних сотен показано количество мельниц и людей на них, в других сотнях записаны мельники с их детьми, а в Боромлянской, Богодуховской, Коломакской, Котелевской, Рублевской сотнях Ахтырского полка, например, мельники вообще не значатся. Между тем представляется невероятным отсутствие мельниц в этих многолюдных сотнях (по 4—5 тыс. чел. населения). Писцы во многих сотнях мельников отнесли в разряд «подданных» или «работников». Если предположить, что мельничное дело во всех полках было развито так же, как и в Харьковском, то на Слобожанщине в 1732 г. насчитывалось около 500 мельниц.

Сравнительно подробные сведения содержатся в «Экономических примечаниях» 1785 г. В них указывается следующее наличие мельниц в уездах: Харьковском — 126, Валковском — 102, Золочевском — 83, Волчанском — 61, Чугуевском — 61, Сумском — 72, Белопольском — 104, Миропольском — 87, Недригайловском — 92, Лебединском — 73, Суджанском — 114, Ахтырском — 86, Краснокутском — 81, Богодуховском — 48, Хотмыжском — 104, Изюмском — 48, Куянском — 63, Беловодском — 57 и Острогожском — 51, а всех 1513 мельниц, из них 1482 мукомольных водяных, 30 ветряных и 1 лесопильная

в Чугуеве¹. Автор «Топографического описания Харьковского наместничества» писал, что здесь на всех «больших и меньших реках много имеется мельничных плотин». Во всем наместничестве в то время насчитывалось 1537 водяных мельниц и 110 ветряных². Таким образом, за 150 лет произошел заметный рост мельничного производства.

Строителями мельниц в большинстве были наемные мастера³. На мельницах зажиточных казаков-крестьян, мещан и однодворцев мерочниками были в большинстве наемные люди и редко у кого — крепостные. Отдельные владельцы мельниц являлись ремесленниками, сами строили свою мельницу, сами были мерочниками. Определить численность крепостных и наемных мельников-мерочников по имеющимся сведениям невозможно.

Первоначально большая часть мельниц принадлежала зажиточным казакам и общинам. Из собранных сведений о владельцах 144 мельниц по 5 полкам в 1651—1700 гг. известно, что казаков, однодворцев и общин насчитывалось 63, старшин — 10, из духовенства — 7, подьячих — 1, казенных — 8 и неизвестных — 55 владельцев. Из неизвестных 55 владельцев, находившихся в окрестностях: Сум — 10, Змиева — 13, Изюма — 17 и Дергачей — 4. Большинство из этих владельцев, надо полагать, принадлежало к казакам.

С начала XVIII в. заметно увеличивается количество мельниц в старшинско-помещичьих владениях. В Харьковском полку в 1722 г. было мельниц во владениях: Данилова — 2, М. Абазы — 2, Л. Шидловского — 6, Я. Крапоткина — 8, А. Стахонова — 1, А. Дунина — 5 и Г. Мацены — 2 мельницы⁴. В это время были здесь мельницы и в имениях Квиток, Ковалевских, Донцов-Захаржевских и других старшин.

Из 210 мельниц, известных по переписи 1732 г. в 4 полках, принадлежало старшинам — 143, духовенству — 32, казакам — 25 и неизвестным владельцам — 10 мельниц. С каждым десятилетием количество мельниц увеличивалось в руках старшин-помещиков. В 1756 г. в Харьковском полку насчитывалось более 150 мельниц. Из них у старшин-помещиков — более 100, у духовенства — 15, у казаков и мещан — 30 мельниц⁵.

В 1785 г. 775 мельниц принадлежало помещикам, 34 — духовенству, 478 — находилось в совместном владении помещиков, войсковых обывателей, однодворцев и других крестьян, 52 мельницы — на городских землях без указания владельцев и только

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 49.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 726, лл. 71—73.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 166.

⁴ ХФЦГИА, ф. 28, д. 1, лл. 21, 29.

⁵ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 264—276; ХФЦГИА, ф. 31, д. 22, лл. 1—1552; ф. 27, д. 224, лл. 1—1646; ф. 30, д. 7, лл. 1—1658.

¹ ЦГАДА, ф. 1355, см. ед. хр. по уездам.

² Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 53.

³ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. IX, стр. 866.

⁴ ХФЦГИА, ф. 31, д. 12, лл. 169, 170.

⁵ Там же, д. 377, лл. 7, 8, 10, 20, 24, 27, 38, 39, 45, 48, 52—56.

47 было в собственности отдельных войсковых обывателей и однодворцев¹.

Таким образом, большинством мельниц безраздельно владели крепостники. Надо полагать, что значительная часть мельниц, находившаяся на городских землях и в совместном владении людей разных социальных групп, также являлась их достоянием.

Многие крепостники имели по 2—3 мельницы. Небольшая кучка местной аристократии, например: Ковалевские, Лесевицкие и Шидловские владели каждый по 6, Дунины — 7, Крапоткины — 8, Квитки — 17 мельницами². Корочанский украинский помещик К. Лохвицкий в конце XVIII в. имел 27 мельниц³.

Мельницы, представляя собой важный доходный промысел, очень рано стали объектом продажи и покупки, обмена и заклада, завещаний, дарений и других сделок⁴.

Мельницы давали большие доходы владельцам. Часть этих доходов поступала в казну. С полковых, казацких и старшинских мельниц оброки собирались периодически. Мельницы, принадлежавшие духовенству, также временно освобождались от оброков вместо выдачи «руги» (казенного содержания)⁵. Регулярно собирались налоги в казну с мельниц казенных, находившихся на откупе разных лиц и владельцев, не пользовавшихся льготами. Приведем выборочно некоторые типичные сведения.

В Сумах и в окрестностях города владельцы 10 мельниц должны были в 50-х годах XVII в. платить в год около 500 руб., т. е. в среднем по 50 руб. с каждой мельницы⁶. С Недригайловской оброчной мельницы, говорится в описании 1700 г., состоявшей из 2 амбаров, 6 колес на 4 камня и 10 толкачей, солдат В. Картулин вносил в казну 43 руб. 16 алтын 4 деньги⁷. С 27 мельниц в Чугуевском уезде в 1711 г. собрано от 2 алтын до 5 руб. 10 алтын⁸. Гильденштедт указывал на 2 казенных мельницы под Харьковом, за которые откупщик платил ежегодно 170 руб.⁹ Разные размеры мельничных налогов зависели от количества камней или поставов, ступ, от того, сколько времени в году в зависимости от наличия воды, работала мельница.

¹ ЦГАДА, ф. 1355, см. ед. хр. по уездам.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 206—276.

³ Т. В. Проскурников. Из истории Слободской Украины. Город Короча при первых царях из дома Романовых, стр. 7—9.

⁴ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. III, стр. 527—530; «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 247—248.

⁵ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1187, лл. 7—9.

⁶ В. Юркевич. Эмиграция на схід..., стр. 131.

⁷ «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 224.

⁸ ХФЦГИА, ф. 353, оп. 1, д. 68, лл. 1—3.

⁹ Гильденштедт. Путешествие..., стр. 28.

Однако общий доход казны от мельниц из-за отсутствия источников установить невозможно.

Основная доля мельничных доходов шла в пользу владельцев мельниц. По этому поводу приведем ряд частных, но типичных примеров. У помещика А. Дунина в Харькове и в окрестностях было 5 мельниц, состоявших из 6 амбаров, 7 камней, 7 просяных ступ с 29 толкачами и 2 сукновален. От этих мельниц Дунин получал, по сведениям 1722 г., в год ржи 43, пшеницы 32, гречихи 29, солода 4, пшена 15 четей, всего 123 чети, за валяние сукна получено в 1721 г. 2 руб. 17 алтын, 4 деньги в год¹. Из «Экономических примечаний» 1785 г. известны данные о доходах многих владельцев. В пригороде Сум мельница на 3 поставы помещика С. Кондратьева давала прибыли в год 200 руб. В Лебединском уезде на р. Ольшана мельница на 2 поставы попа Вишневого и войсковых обывателей — 150 руб. Мельница на 1 камень помещика Герасимова и войсковых обывателей — до 60 руб. Мельница на 2 поставы попады Джунковской — 35 руб. и такая же мельница войсковых обывателей — 60 руб. В с. Доброславовка, Ахтырского уезда, мельница на 2 поставы — хлеба 200 четей и другая на 4 поставы — хлеба 300 четей² и т. д.

Люди расплачивались за помол зерна на муку и за производство круп, пшена традиционным «мерчуком». Размер мерчука устанавливался владельцем мельницы. Однако, в общем он равнялся 0,1 помолы. Об этом есть указания во многих источниках³. В частности, в «Ответах на экономические вопросы» в 1767 г. указывается, что такой мерчук брался на всех мельницах края. Автор «Ответов» по Сумской провинции писал, что за помол муки и толчение проса на пшено «берут десятую часть натурою», а за обработку сукна по 0,25 коп. за аршин⁴.

О доходах, получаемых кучкой владельцев мельниц, дают относительное представление следующие сведения. В 1775 г. с урожая ржи и пшеницы осталось населению на продовольствие 320 тыс. четей. Только из этого зерна, которого на 700 тыс. чел. населения не хватало полностью, должно было остаться владельцам мельниц 32 тыс. четей. В 1800 г. «мерчук» составлял более 283 тыс. четей.

Рынок мукомольного промысла был весьма узкий и своеобразный. В течение XVII—XVIII вв. на местных мельницах хлеб перемалывали и просо толкли исключительно для внутренних нужд. Однако владельцы мельниц посредством этих промыс-

¹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 12, лл. 156—157.

² ХОГА, ф. 24, д. 11, л. 19; д. 8, л. 11; д. 1, л. 16.

³ ХФЦГИА, ф. 353, оп. 1, д. 26, л. 1.

⁴ «Труды ВЭО», ч. VIII, Спб., 1767, стр. 212—213.

лов втягивались в товарно-денежные отношения: за помол они получали деньги, много хлеба, который потом сбывали на рынке.

Украинские казаки на Поднепровье пользовались правом безбродно курить водку, варить мед и пиво и беспошлинно торговать ими. Переселенцы старались «черкаскую обыкность» сберець за собой на Слобожанщине. Между тем в России винокурение находилось в ведении казны. Правительство разрешало заниматься этим промыслом узкому кругу людей с обязательством поставлять вина в «государевы» кабаки; оно отдавало выкуривание и продажу вина на откуп разным лицам. Правительство пыталось сохранить этот порядок на Слобожанщине, в связи с чем между поселенцами и местными воеводами происходила борьба.

Острогожский воевода Д. Остафьев писал в Разрядный приказ в 1653 г., что он «в винной во многой вари унимал» украинцев и запечатал им винокурни «до указанного срока до рождества христового», когда разрешил курить водку для домашнего обихода. Но такие права давались не всем украинским слобожанам. Ольшанцы, например, таким правом не пользовались, а приезжали в Острогожск и здесь по согласованию с владельцами винокуреньки курили себе водку¹. Они обращались к правительству, как явствует из челобитной 1659 г.², с просьбой разрешить им винокурение «по черкаской обыкности», но получили отказ. Сумчане самовольно построили винокуреньку «завод», в 1656 г. воевода Афанасьев его разрушил³. Нередко люди прибегали к нелегальному выкуриванию водки. Цареворисовский воевода в донесении правительству в 1657 г. писал, что в городе многие люди продавали, следовательно, надо полагать, и выкуривали вино «безявочно»⁴.

Борьба украинских переселенцев за сохранение «черкаских обыкностей» на Слобожанщине завершилась в их пользу. Льготы на винокурение для домашних нужд и для продажи вместе с другими привилегиями были предоставлены слободско-украинским старшинам и казакам известными жалованными грамотами. Эти привилегии распространялись на украинских поселенцев в смежных с Слободскими полками русских уездах.

Свободное курение и продажа вина стали своего рода привилегией, посредством которой царское правительство привлекало украинцев на новые заселяемые земли. Политика «подачек» и «задабривания» не являлась исключением для Слобожанщины. Она проводилась на Левобережной Украине, в Эстонии, Латвии и в других местах. С завоеванием Россией Азова прави-

тельство в 1737 г. объявило здесь свободную торговлю вином¹. В 1756 г. указом Сената разрешалось беспошлинно заниматься винокурением в «дачах», отведенных под поселения в Славяно-сербии (район Донбасса)². По мере укрепления царской власти в данных местах льготы ограничивались, а затем упразднились.

Льготы на винокурение и продажу вина и другие привилегии на Слобожанщине русское правительство решило упразднить в 1737 г.³ Это мероприятие оказалось преждевременным, в 1743 г. правительству Елизаветы Петровны пришлось от него отказаться⁴.

Однако уже в 1750 г. последовал указ о запрещении курить и продавать водку «черкасам и казакам Малороссийских и Слободских полков, живущим в Великороссийских городах и уездах»⁵. В «Экстракте о изнеможении Слободских полков» 1761 г. указывалось, что в 1758 г. запрет расширился на г. Суджу и села Локню, Мартыновку и Ворожбу, на г. Мирополье и села Великую Рыбицу, Малую Рыбицу, Осевку и Пены, Сумского полка; на Олешню и Ямное, Ахтырского полка; на Волчанск, Нежеголь, Салтов, Хотомлю, Мартовое, Харьковского полка и Чугуевского уезда; на Печенеги, Тополи, Малиновку, Двучную, Изюмского полка; на Карачево, Слоново, Ливенки, Коровино, Бирюче, Осеред, Тростянку, Ольшанск, Кабанье, Урыв, Ендовищи, Талецк, Ливенск, Перлевку, Гвоздевку, Острогожского полка⁶.

Слобожане оказывали сопротивление ограничениям льгот, правительство отвечало репрессиями. Когда жители Волчанска, например, решили вопреки запрету продолжать курить водку, из Белгорода прибыла воинская команда в Волчанск и конфисковала 25 котлов с трубами⁷. В «Экстракте о изнеможении Слободских полков» указывалось, что в Торе, Райгороде, Маяке, Ямполье, Цареворисове, Спеваковке и Подгородне власти «в винном курении чинят запрещение»⁸.

При преобразовании Слободских полков право старшин и казаков на винокурение сохранялось, но при новых выгодах для казны. Казаки, переводимые в войсковые обыватели, облагались подушной податью. В городах и селах, преимущественно с русским населением, войсковые обыватели лишались права на винокурение и обязаны были платить подушную подать —

¹ ЦГАДА, Поместный приказ, стб. 131, лл. 18—20.

² Там же, Белгородский стол, стб. 370, лл. 135—136.

³ В. Юркевич. Еміграція на схід... стр. 132.

⁴ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 389, лл. 85—86.

¹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 72, л. 4.

² Там же, ф. 397, д. 112, лл. 337—360.

³ Там же, ф. 31, д. 75, л. 1.

⁴ ПСЗ, № 8823.

⁵ ХФЦГИА, ф. 31, д. 860, лл. 75—76.

⁶ «Сборник ХИФО», т. 11, X., 1899, стр. 237.

⁷ ХФЦГИА, ф. 31, д. 701, лл. 23—26, 47, 72—73.

⁸ «Сборник ХИФО», т. 11, стр. 341.

85 коп., а в поселениях с украинским населением войсковые обыватели имели право курить и продавать водку, уплачивая подушную подать 95 коп.¹, т. е. бывшие казаки стали платить за право на винокурение по 10 коп. с души.

Кроме того, было дано право курить водку: генералам в 6—9 котлах, бригадирам и армейским полковникам в 4—5 котлах, штаб-офицерам, полковникам Слободских полков, обозным и судьям в 3 котлах, обер-офицерам, есаулам, ротмистрам, полковым писарям, хорунжим и сотникам в 2 котлах, унтер-офицерам, капралам, канцеляристам и подпрапорным в 1 котле и войсковым обывателям на 50 чел. в 1 котле². Между прочим, установление этих «норм» для старшин имело формальное значение.

Привилегии на курение и продажу вина в крае сохранялись до начала XIX в. и затем были полностью ликвидированы. Бывший сотник Острогжского полка — помещик И. Острожский-Лохвицкий писал по поводу манифеста от 29 сентября 1810 г., запрещавшего льготное винокурение: «А из сего и вышло разумение, что защита границ предками нашими стала уже не нужна, да и погашение государственных доходов, весьма увеличившихся, было к тому поводом, чтоб сия государственная, к пользе нашей бывшая, хозяйственная часть помогла казне оплатою оных, что составило на сей первый случай миллионы,— думать так надо»³.

Состав владельцев винокуренных «заводов» представлен в большинстве суммарно в источниках второй половины XVII в. Известно, что в г. Сумах в 1656 г. жители общины построили «завод» для курения вина и варения меда и пива⁴, тогда же в г. Острогжске было много «поварен для винныя вари»⁵. В документах последующего времени отмечается, что имели винокурни острогжский подьячий⁶ и житель с. Кицовка под Харьковом⁷.

Приведенные сведения не исключают наличия в то время винокурен в хозяйстве старшин и духовенства. Однако сохранившиеся данные свидетельствуют, что винокуренный промысел в XVII в. в значительной степени был в руках казацких общин и зажиточных казацких элементов.

В материалах переписи 1722 г. указывается, что винные «заводы» были у помещиков и старшин: И. Абазы — 4 котла,

Л. Шидловского — 7 котлов, Я. Крапоткина — 10 котлов, Стахонова — 1 котел, Бирева — 2 котла, Дунина — 16 котлов и Г. Мезина — 2 котла¹. В описи имущества Змиевского монастыря 1707 г. указывается, что в его хозяйстве курили вино и варили пиво². В завещании священников с. Ольшана 1728 г. и с. Тарановка 1738 г. говорится, что они имели также винокуренные «заводы»³.

В ведомостях, присланных из округ в Харьковскую наместническую канцелярию в 1781 г., содержатся сведения о винокурении по всем городам и селам края. В Валковской округе 55 помещиков имели винокурни на 260 котлов: Шидловские — на 8, Куликовские — 15, Капнист — 20 котлов, а помещица Дунина — 86 котлов⁴. Монастыри Святогорский, Сеннянский и Ахтырский имели винокурни на 12 котлов (по 4 котла каждый), Змиевской на 14 котлов, а Куряжский вместе со своими крестьянами на 42 котла. Помещики Ф. Квитка с крепостными в с. Основа курили водку в 6 котлах, а П. Щербинин с крепостными в Артемовке — в 234 котлах и Херасков — в 120 котлах. В Ахтырке из 39 котлов принадлежало мещанам 30, войсковым обывателям 5, бурмистру и попу по 1 котлу⁵. Острогжские старшинские семьи имели также по несколько котлов, в 1767 г., например: Синельниковы — 9, Голубины — 6, Колесниковы — 6, Кореневы — 6, Тевяшовы — 40 котлов⁶ и т. д.

В упомянутых ведомостях совместное владение винокурнями отмечено в с. Шаровка, Краснокутской округи, на 6 котлов, в Валках на 7 котлов, в Богодухове на 9 котлов⁷. Винокурни войсковых обывателей большей частью находились в общинном владении и пользовании. В ведомостях Изюмской округи 1791 г., на вопрос «сами ли хозяева производят винокурение или отдают другим», указывается, что помещики сами вино курят, обывательские винокурни используются в большинстве всеми желающими жителями поочередно, а в сл. Бишкин «общество производит винокурение поочередно з согласия». Иногда община на определенных условиях отдавала винокурню во временное пользование отдельным предпринимателям. Лиманское «общество», например, отдавало «сию пропорцию лиманским жителям Якову Моспанову и Семену Никитенку с тем, что оные Моспанов и Никитенко... лиманскому обществу неимущим помоществуют»⁸.

Коснемся количества выкуриваемой водки. По известным све-

¹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 12, лл. 169—170.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 177—178.

³ «Сборник ХИФО», т. 16, стр. 4—5.

⁴ ХФЦГИА, ф. 632, д. 169, лл. 30, 60—63.

⁵ Там же, лл. 27, 31, 57, 68—72, 120, 92—93.

⁶ Там же, ф. 399, д. 252, лл. 79, 81—83.

⁷ Там же, ф. 632, д. 169, лл. 53, 57, 68—72.

⁸ Там же, д. 1737, л. 34.

¹ ПСЗ, № 12297.

² ХФЦГИА, ф. 399, д. 640, лл. 1—3.

³ «Киевская старина», 1886, ноябрь, стр. 486—487.

⁴ В. Юркевич. Еміграція на схід..., стр. 132.

⁵ ЦГАДА, Поместный стол, стб. 131, лл. 18—20.

⁶ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XIII, стр. 1314.

⁷ ХФЦГИА, ф. 353, д. 387, лл. 1—4.

днем в Харькове в 60-х годах XVII в. насчитывалось 501 винокурный котел, 73 шинка и 4 пивных¹. Однако эти данные вызывают сомнения. Количество мест продажи водки в городе, возможно, учтено в ярмарочные дни, когда этим продуктом торговали не только харьковчане, но и приезжие люди. Представляется преувеличенным также количество котлов. В 1781 г. населения в Харькове было в 2 раза больше и торговля значительно выросла, а в винокурнях насчитывалось только 64 котла².

Во всяком случае, всюду в городах и во многих селах были винокурни, в которых уже в XVII в. насчитывалось много сотен котлов. Более определенные сведения о количестве котлов и их распределении по владельцам сохранились со второй половины XVIII в.

В ведомостях с поименным указанием владельцев и мест нахождения винокурен, составленных в апреле 1767 г., в Острогожской провинции числилось 1400 винокурных котлов, из них было во владении старшин-помещиков и канцеляристов 500 и в руках войсковых обывателей 900 котлов³; в Изюмской провинции насчитывалось действующих 968 котлов и 288 котлов опечатанных. Из действовавших 682 котла принадлежало помещикам, 286 котлов находилось в руках войсковых обывателей⁴. В таких же ведомостях, составленных в правлении Харьковского наместничества в 1781 г., указывалось, что в округах Сумской, Лебединской, Белопольской, Миропольской, Недригайловской, Ахтырской, Краснокутской, Богодуховской, Хотмыжской, Харьковской, Валковской, Золочевской, Волчанской, Чугуевской и Изюмской насчитывалось 1643 винокурни на 4875 котлов. Из них было в руках войсковых обывателей 2300 котлов, помещиков — 2115 котлов, совместного владения помещиков и войсковых обывателей — 22 котла, помещичьих и монастырских крестьян — 441 котел⁵. Если учесть, что из винокурен крепостных крестьян большую часть пользы извлекали также помещики, то отсюда следует, что больше половины котлов, превышавшей установленную «пропорцию», находилось во владении небольшой кучки помещиков.

В конце XVIII и начале XIX в. захват помещиками винокурения в свои руки продолжался. В 1807 г. винокурных «заводов» было: в Харьковском уезде у помещиков — 108, у войсковых обывателей — 18, в Валковском: у помещиков — 34, у войсковых обывателей — 16, в Змиевском: у помещиков — 50, у войсковых

обывателей — 7, в Ахтырском: у помещиков — 109, у войсковых обывателей — 37¹. Такое приблизительно соотношение винокурен помещиков и войсковых обывателей было и в других уездах края.

Устройство и техническое оборудование винокурных «заводов» известно с XVII в. Владельцы одного котла нередко куренные устраивали в своих избах или сараях, предприятие на несколько котлов устраивалось в специально для того построенных помещениях с печами и разными принадлежностями. Главное оборудование состояло из котлов медных и чугунных емкостью от 15 ф. до нескольких пудов, из труб, патрубков и разной посуды.

По описи имущества острогожского подьячего Иващенко в его винокурне было 6 котлов, 2 кадки и 2 прикадки, 6 котельных кругов (крышек), 6 горшков винных, 6 конов, 3 черпака, трубы и патрубки, «котлик» маленький железный, 4 заслонки железные, одна воронка, один заступ и одна кадь бражная². В материалах по поводу хищения оборудования «винокурницы» в с. Кицовке отмечается, что главное оборудование «завода» состояло из медного котла, трубы и патрубка³.

В следственных материалах 1726 г. по делу владельца Глушковской суконной мануфактуры говорится, что «винница была плетневая; в ней стояло 9 кубов медных, из них у 4 по 6 и у 5 по 5 медных труб. Под теми трубами 7 трубниц деревянных, 2 казана железных заторных; 2 желоба для воды и 2 желоба для браги деревянных, 17 чанов заторных, 8 кадок приготовочных, 5 подставных кадочек под трубницами, 2 насадки, в которые «горелка» течет, 8 конов больших, которыми работу в кубы наливают, 5 черпаков, 2 бочки, что райку наливают»⁴.

Оборудование винокурного «завода» 1726 г. не отличалось от оборудования XVII в. По-видимому, технические изменения в этой отрасли произошли позже. Гильденштедт подробно описал оборудование и технологический процесс винокурных «заводов» на Слобожанщине. При том он отметил и недостатки: «Печи требуют очень много топлива, через щели между крышкой и шлемом и по концам трубок, вследствие слишком больших размеров их, улетучивается много спирта; форма и положение шлемов неудобны для забираяния паров. Устройство же холодильников очень хорошо и достойно подражания». Гильденштедт пишет, что такое оборудование и устройство винокурных «заводов» было везде, разве только, что эти «заводы» отличались

¹ Д. И. Багалеи и Д. П. Миллер. История города Харькова... т. I, стр. 227.

² ХФЦГИА, ф. 632, д. 169, л. 34.

³ Там же, ф. 399, д. 252, лл. 78—96.

⁴ Там же, ф. 378, д. 73, лл. 16—35.

⁵ Там же, ф. 632, д. 169, лл. 23—27, 29—36, 40—49, 53—57, 60—63, 65, 67—72, 76, 78—84, 86—89, 95, 98—101, 103—105, 111—112, 114, 116—121.

¹ ХФЦГИА, ф. 665, д. 1081, лл. 31, 64—68, 86—88, 119.

² Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XIII, стр. 1314.

³ ХФЦГИА, ф. 353, д. 387, лл. 1—4.

⁴ ЦГИА УССР, ф. 53, д. 579, лл. 5—31.

между собою размерами и в некоторых помещениях были устроены потолки под крышей, печи снабжены дымоходами и закрывались железными дверцами¹.

Сведения о рабочей силе на винокурнях сохранились случайные. Надо полагать, что войсковые обыватели, выкуривавшие водку для домашнего обихода и мелкой продажи, сами занимались этим делом. Более зажиточные из них, производившие водку более или менее регулярно на рынок, пользовались наемной рабочей силой. Помещики использовали на своих винокурнях крепостных и наемных, причем чаще всего крепостных.

Из письма бывшего бригадира Слободских полков Ф. Шидловского известно, что на его винокурне работали крепостные люди. В 1710 г. он послал в Воронеж 2 винокуров, умевших курить «пенную горелку» графу Ф. Апраксину². И. Острожский-Лохвицкий писал, что в октябре 1790 г. после некоторого перерыва он начал «курить вино, но с малою выгодною, за неимением хороших своих винокуров». Затем 2 ноября «приговорил на всю зиму винокуров» двух из Гороховатки и одного из Корочи «оптом за 180 рублей. Из сего времени пошло вино порядочно доброе»³.

Сохранились неполные сведения о работниках винокурен в нескольких уездах в ведомостях земских судов 1807 г.⁴.

Уезд	У помещиков			У войсковых обывателей		
	было винокурен	крепостных работников	наемных работников	было винокурен	своих работников	наемных работников
Харьковский . .	108	469	240	18	26	40
Ахтырский . . .	107	271	281	36	31	38
Богодуховский .	46	1214	202	—	—	—
Змиевской . . .	50	168	124	7	—	21
Всего . .	311	2122	847	51	57	99

Из таблицы явствует, что на 312 помещичьих винокурнях работало 2969 чел., из них было 61% крепостных крестьян, принадлежавших владельцам винокурен, а 39% — вольнонаемных.

В Богодуховском уезде из 46 помещиков 29 использовали своих крепостных. На винокурнях потомков ахтырских полковников работали крепостные: у Перекрестовых-Осиповых 224 чел., у Левицкого — 168 чел. Были помещики (4 семьи) — Кременецкие

¹ Гильденштедт. Путешествие..., стр. 71—72, 76—77.

² Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских..., стр. 27.

³ «Киевская старина», 1886, май, стр. 145.

⁴ ХФЦГИА, ф. 665, д. 1081, лл. 31, 45—46, 64—68, 68—80.

и др., которые использовали на винокурнях своих крепостных и вольнонаемных. 29 помещиков (Ольховские, Лисницкие, И. Каразин и др.) эксплуатировали на винокурнях только наемный труд.

В Ахтырском уезде из 102 помещиков — владельцев винокурен 29 использовали труд исключительно крепостных, среди них был небезызвестный князь Кантемир, 11 помещиков эксплуатировали крепостных и вольнонаемных людей, у 51 помещика курили водку только вольнонаемные работники, о рабочей силе 11 помещиков в документе не говорится.

На винокурнях войсковых обывателей работали сами хозяева и вольнонаемные люди. Чиновник Ахтырского земского суда назвал поименно 16 владельцев винокурен, которые сами своими силами (по 2 чел.) работали, на 18 винокурнях было от 1 до 4 наемных людей, о работниках 2 винокурен ничего не сказано.

Надо полагать, что в общем такой состав рабочей силы был и в других 7 уездах Слободско-Украинской губернии. Составитель ведомости на винокурни Валковского уезда писал: «рабочие люди на помещичьих заводах — их крестьяне и вольнонаемные», а на «заводах» войсковых обывателей были «одни вольнонаемные». Относительно численности этот же составитель отметил: «определять ж оным числа положить невозможно потому, что оные при каждом заводе употребляются попеременно и постольку человек где оных сколько надобность потребует». Работные люди, в частности, происходили из обедневших войсковых обывателей. Валковский городничий, например, говорил, что на винокуренные «заводы», как и на другие работы, нанимаются местные «казенные поселяне» до 84 чел. на зимние месяцы¹. Об условиях труда, к сожалению, материалы нам неизвестны.

Хлеба местного производства не хватало для удовлетворения нормальных потребностей всего населения края. Тем не менее его шло много на винокурение. Гильденштедт отмечал: «Здесь, как и во всей Малороссии, на винокурение идет огромное количество зернового хлеба»². В производстве водки одни винокуры обходились своим хлебом, другие прикупали, а третьи курили водку только из покупного хлеба. В ведомости Золочевской округи 1796 г. значится 21 помещик, занимавшийся винокурением: из них 11 курили водку из своего хлеба, 10 — из своего и покупного хлеба. Из 3 войсковых обывателей, записанных в эту ведомость, два — Д. Протопопов и А. Чапалик — гнали водку из своего и покупного хлеба, Я. Бужинский выгнал 150 ведер водки только из покупного хлеба. Помещики израсходовали на водку

¹ ХФЦГИА, ф. 665, д. 1081, лл. 109, 119.

² Гильденштедт. Путешествие..., стр. 36.

своего хлеба 5436 и покупного 2347 четей, войсковые обыватели (3 чел.) — своего 250 и покупного 265 четей¹.

О выкуривании водки из местного и привозного хлеба говорят другие источники. В «Описании слободско-украинских городов и местечек» 1767 г. говорилось, что в Хотомле, в Липцах, как и в других поселениях, на винокурнях используется хлеб не только местный, но из Белгородской губернии и разных мест Слобожанщины. На винокурни Острогожской округи хлеб закупался в Курском, Орловском и Воронежском наместничествах «с отдаленнейших уездов»². Автор «Топографического описания», касаясь земледелия слобожан, писал, что местного хлеба «для продовольствия войск», а также «и для винокурных заводов» не хватало. Поэтому «количество привозимого отвне на продажу по всему наместничеству хлеба полагается примерно до 100 000 четвертей»³.

Выкуривалось водки довольно много уже в XVII в., о чем можно судить по приведенным выше сведениям о котлах, винокурнях и шинках. Росло ее выкуривание в XVIII в. Ф. Шидловский в 1711 г. по подряду поставил для армии 400 бочек (160 тыс. ведер) водки. Часть этой водки подрядчик взял из своих винокурен, часть закупил у изюмских и харьковских жителей⁴.

В Миропольской округе в винокурнях 45 помещиков накурено водки в 1796 г. 103 439 ведер, из них в имениях М. Голицына — 25 тыс. ведер. Из всей выкуренной водки оставлено для домашнего обихода владельцев винокурен 14 950 ведер и продано 88 489 ведер. В Золочевской округе в том же году 21 помещик выкурил водки 23 757 ведер, из них Ковалевские — 9655 ведер⁵. Помещики и чиновники (38 чел.) в Острогожске и в соседних слободах Вознесенской, Песках и Лужниковке в 1800 г. выкурили 156 960 ведер водки, из которой оставлено для домашних нужд 6520 ведер, сдано в казну 23 900 ведер и продано 126 400 ведер⁶. В Богодуховском уезде в имениях 35 помещиков в 1814 г. выкурили 80 800 ведер водки⁷.

Более половины выкуриваемой водки продавалось и потреблялось на месте. Много ее вывозилось на Дон, в Москву и другие города центральной части страны, а также поставлялось в казну.

¹ ХФЦГИА, ф. 666, д. 540, лл. 4—7.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 197, 203; Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XVI, стр. 1948—1949.

³ Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 72.

⁴ Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских..., стр. 236—237.

⁵ ХФЦГИА, ф. 666, д. 540, лл. 4—7, 10—15.

⁶ ЦГАДА, ф. 1355. Воронежская губерния, Острогожский уезд, д. 128, лл. 1—3.

⁷ ХФЦГИА, ф. 637, д. 388, лл. 11—12.

Урожайность хлебов в разные годы была разная. Поэтому количество водки выкуривалось по годам неодинаково. Тем не менее данные по 4 уездам дают основание считать, что по всему краю, за исключением неурожайных лет, к концу XVIII в. выкуривалось водки более 1 млн. ведер в год. Примерно десятая часть производимой водки оставлялась для «домашнего обихода», основная же часть сбывалась на рынке.

В лесах Слобожанщины, особенно в ее северозападной части, в 50—60-х годах XVII в. многие люди продолжали заниматься бортными промыслами. В переписке хотмыжского воеводы 1652 г. сохранилась роспись бортным уходам и сведения о сборе меда с бортников уезда в казну¹. Хотмыжские дети боярские в челобитной царю писали, что путивльские севрюки А. Уколов, Д. Татарин «с товарищи» владеют «верховными бортными ухажьями» в лесах по р. Псел и ее верхним притокам². В оброчных книгах 1645—1654³ и 1690 гг., а также в сметной книге 1657 г.⁴ г. Каменного указывается на множество бортей в окружающих лесах. В межевой выписи от 20 октября 1657 г. на землю г. Сум говорится, что в окрестностях города около озера находились станы путивльских бортников черниговца К. Вишневого и Б. Малушина⁵. Сумчане в 1657 и 1662 гг. обращались с просьбой, чтобы их бортные «ухожей» были освобождены от «медвяного оброка»⁶. Борты были в усердских лесах, как явствует из документов по «изоброчению» их в 1653—1654 гг.⁷. В описании г. Суджи 1655 г. указывалось на наличие бортных уходов в лесах по р. Псел⁸.

Борты были нередким явлением во второй половине XVII в. Они сохранились кое-где еще в конце XVII и начале XVIII в. В грамоте Петра I от 1 сентября 1705 г. Сумскому полку говорилось, что старшины и казаки полка обратились с просьбой освободить от медового сбора украинских жителей сел Корыжа, Глушково, Худяковки, Панкратовки, Козыревки, Сухиновки, Кульбак, Комаровки, Вишневки, Васильевки и др., «в которых их братья черкасы живут, будто за владенье тех бортных ухажьев»⁹. Просьба сумчан указом 1 октября того же года была удовлетворена¹⁰. С этого времени упоминание о бортах в местных документах прекращается. Вместо отживавшего бортничества

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 348, лл. 35—37, 103—106.

² АМГ, т. III, 1901, стр. 516.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 366, лл. 112—114; стб. 364, лл. 163—169.

⁴ Описание документов и бумаг..., кн. 4, стр. 384—385.

⁵ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. III, стр. 335.

⁶ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 494, лл. 592—597; стб. 168, лл. 15—16.

⁷ Там же, стб. 366, лл. 1, 4.

⁸ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 49.

⁹ В. В. Гуров. Сборник судебных решений..., стр. 526.

¹⁰ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 166.

с середины XVII в. росло пасечничество, являвшееся более интенсивной формой пчеловодства.

Белгородские священники в челобитной царю в 1657 г. жаловались, что прибывшие украинские переселенцы на берега речки Харьковна «со пчелами деревья секут» и пасеки заводят¹. Церковники, прося царской помощи, пытались приостановить «кошунство» людей над бортничеством. Правительство, будучи заинтересовано в заселении края, не поддержало церковников в этом отношении и не вмешивалось в формы хозяйственной деятельности поселенцев вообще и в пчеловодство, в частности.

О пасечничестве имеются, хотя и разрозненные, но весьма многочисленные архивные сведения. В 50—60-х годах пасеки были в окрестностях Суджи, Сум, Каменного, Вольного, Хотмыжска, Харькова, по Донцу от Белгорода до устья р. Тор, в частности в окрестностях Салтова, Чугуева, Змиева, по речкам Жеребцу, Тору, Красной, Береке². Сведения о пасеках встречаются в документах последней четверти XVII и первой половины XVIII в. во все возрастающем количестве.

Основная часть пасек принадлежала зажиточным казакам, крестьянам и служилым людям низшего разряда. Харьковский воевода И. Офросимов в отписке царю в 1658 г., жалуясь на харьковчан, писал, что они «люди самовольные и непослушны» живут все «в лесах по хуторам и по пасекам своим»³, уклоняются от охраны города. По аналогичному поводу жаловался Ю. Наумов из Валуек в Москву в январе 1681 г. Он указывал, что на охране города остаются лишь пушкарки, затинщики и пешие стрельцы, «А пчельницы все живут по пчельникам с женами и детьми и с животиною»⁴. Следовательно, люди, имевшие пасеки, составляли значительную часть жителей города, иначе не было бы смысла писать об отдельных людях в Москву.

Около г. Суджи было 25 пасек местных жителей. Немало сведений о пасеках имеется в отрывке ведомости о татарском погроме 1680 г.: у казаков И. Лишинко в с. Лозовое, Л. Протасова в с. Липцы татары захватили в плен пасечников, у богодуховских мещан 326 ульев, в с. Павловка у казаков 450 ульев, а всего у жителей: в Богодуховском уезде разграблено 2043 улья, у валковских и огульчанских жителей — 661 улей и в Перекопе — 260 ульев с пчелами⁵.

В грамоте Петра I от 14 октября 1704 г. приведены сведения обследования районов рек Красной, Жеребца и Бахмута. По обеим сторонам р. Жеребец издавна были пасеки казака м. Маяк

И. Гутенко, цареборисовских жителей Т. Кривошея и Е. Бирюкова, жителя с. Радьковка Ф. Неронова. Кроме того, были пасечные места маякского жителя Г. Куницкого, цареборисовского жителя С. Бородавкина. По р. Красная — пасеки сеньковских жителей И. Константиненко, И. Степаненко, радьковского жителя П. Дяченко. В этой же грамоте приведена челобитная изюмских старшин и казаков 1700 г., в которой указывалось, что более 50 лет жители Цареборисова, Маяка и других городов и сел Изюмского полка «на речке Красной с верховья вниз до Кабаньева броду по обе стороны и по Дуванной и по Хариной долинам и по иным отвершкам, которые в ту речку впали, владеют пасеками» и разными угодьями¹.

Немало приходило казаков Левобережной Украины на Слобожанщину на пасечные промыслы. 29 сентября 1651 г. яблоновский воевода Б. Репнин и дьяк Карпов подали царю доклад, в котором сообщали, что пришли украинцы из Миргорода и других мест в Олешенский уезд и в лесах завели дегтярни и пасеки. В июле правительство потребовало от олешенского служилого человека Д. Коптева произвести перепись «пасек и дегтярен» пришлых людей, затем в августе последовал указ яблоновскому воеводе принять меры мирной ликвидации этих промыслов и возвращения людей на их родину.

В переписи по этому поводу указывается, что пасеки были: за Ворсклой, у Дедова озера, у И. Антюшенко «с товарищи» из Миргорода; по р. Мошна у Якова и Гавриила Ратченковых из Сенчи, а также у И. Копиенко «с товарищи» из Зенькова; на р. Хухра у В. Карпова из Миргорода, Ф. Козленко «с товарищи» из Куземина, К. Мищенко из Гадяча; около Ворсклы, против Скельских гор, у А. Буга из Куземина; за р. Ворсклиця у Ф. Клеменова из Борок. «А промыслы у тех литовских людей — пчелы сводят, и звери бьют, и рыбу ловят, — то их и промыслы»², — заключил составитель росписи.

Пасеки пришлых из Левобережья людей были в окрестностях Валок в 1652 г.³ Рассказывая об установлении границы между Слобожанщиной и Полтавщиной в 1682 г., летописец С. Величко говорил о существовании 42 пасек в коломакских лесах, принадлежавших полтавским жителям⁴. В «Смотренной книге Ахтырского полка 1686 г.» отмечалось, что в коломакском лесу были пасеки полтавских и будищанских жителей, по р. Мерло между Лихачевкой, Синолицовкой и Демянновкой были пасеки

¹ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 9.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 40, 47, 48; Описание документов и бумаг..., кн. 4, стр. 385, 387, 390.

³ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 15.

⁴ АМГ, т. III, стр. 301.

⁵ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 47—49, 90, 92, 93.

¹ «Записки ООИДР», т. I, 1844, стр. 356, 365—366; В. В. Гуров. Сборник судебных решений..., стр. 514—515.

² «Воссоединение Украины с Россией», т. III, № 63.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 256, л. 117; В. Юркевич. Еміграція на схід..., стр. 103.

⁴ Летопись Самуила Величко, т. II, стр. 521.

опошнянских жителей¹. К концу XVII в. пасеки приходящих людей исчезают, остаются они лишь в хозяйстве местного населения, являясь достоянием более зажиточных казаков, крестьян и мешан.

Пчел разводили также в большинстве имений украинских казацких старшин и русских помещиков. В документе о татарском погроме в 1680 г. сказано, что у харьковского полковника Г. Донца в его деревне на р. Уды грабители забрали пчел 30 ульев, а в грамоте Петра I указывается, что сеньковский сотник С. Осипов имел пасеку по р. Красная². В документах о тяжбе жителей Лебедина с гадячским полковником М. Васильевым за земли в 1681 г. упоминаются пасеки лебединского сотника Супруна. В жалобе ахтырчан на полковника И. Перекрестова 1692 г. говорилось, что последний взял себе из пасеки сотника Г. Яковлева 120 ульев с пчелами. В переписных документах Харьковского полка 1722 г. числились пасеки генерала Дашкова 70 ульев, полковника Шидловского 30 ульев, князя Крапоткина 160 ульев и ротмистра Дунина 60 ульев³. В ведомостях о землях Меревянской, Валковской, Салтовской и Перекопской сотен 1749 г. значатся пасеки сотенных старшин, как и многих казаков⁴.

Пасеками владело и духовенство. Н. Оглоблин, ссылаясь на «описную книгу» Змиевского монастыря 1702 г., указывал, что в ней описано 3 монастырских пасеки: 2 на р. Гомольша (на одной 100 и на другой 150 ульев) и третья на р. Ольшана (60 ульев). В ведомости о землях Мартовецкой сотни 1749 г. отмечена пасека местного попа А. Щербины⁵. В документах 1688 г. значились пасеки Киево-Печерского монастыря и причта Миропольской соборной церкви на р. Гнилица в Миропольском уезде⁶.

Были пасеки, принадлежавшие царскому дворцовому хозяйству. Они возникали преимущественно в результате конфискации пасек вместе с другим имуществом у разных лиц в казну, а также путем покупок. В челобитной чугуевцев в 1674 г. говорилось, например, что 13 сентября 1663 г. в грамоте белгородскому воеводе приказано купить пчел для царских пасек. Покупку поручалось произвести пасечнику А. Кураксину с 3 товарищами. «А велено тем пасечникам на великого государя пчел купить с великим раденьем, а деньги им на тое покупку велено давать из государева казны в Белгороде». В феврале 1668 г. А. Кураксин

прибыл в Москву и подал роспись на приобретенные пчелы, «роспись которых городов и кто именно великому государю бьют челом пчелами безденежно и у которых пчелы есть, а продажных сказали нет». В росписи указано, что 30 чел. чугуевцев (дети боярские, стрельцы и казаки) подарили царю 93 улья пчел¹. В 1669 г. чугуевец В. Поплевин с несколькими своими сослуживцами подарил царской пасеке 63 улья с пчелами². Однако в царском пасечничестве покупные и подаренные пасеки занимали незначительное место, в основном это были конфискованные пасеки³.

Пасеки дворцового хозяйства обычно существовали недолго. Чиновное руководство и принудительный труд пасечников не могли обеспечить им постоянное существование. В отличие от «государевых» пасек более устойчивым было помещичье пчеловодство, последнее хотя и составляло главную долю пчеловодства края, все же по своей организации и продуктивности уступало казацко-крестьянскому.

По сведениям, содержащимся в «Ответах на экономические вопросы» Вольного экономического общества, опубликованным в 1768 г., известно, что во второй половине XVIII в. пчеловодство в разных провинциях было развито не одинаково. В Сумской провинции в пасеках «имущественных» людей насчитывалось от 10 до 100 ульев; но 100 ульев редко кто имел. У помещиков пасек было «гораздо больше». В Ахтырской провинции «обыватели» имели пчел «довольно, а больше помещики». В Острогжской провинции у жителей пчел «довольного числа нет», т. е. их было мало. О причине этого узнаем из «Описания» соседней Изюмской провинции. «Что же принадлежит до размножения пчел, то у кого оныя имеются, и которые б умножить оныя были в состоянии и пробу делали, только не удается, и редкой год прибылью от них пользуются; а часто или от засухи, или от мокроты лета, или от стужи пчела искореняется». Составитель «Ответов» по Харьковской провинции констатировал, что здесь «не много стараются о разведении пчел, и разве из двадцати мужиков один имеет оныя»⁴.

Массовое заселение края, сокращение лесов, запашка большей части его площади объективно не только способствовали замене бортничества пасечничеством, но и сужали условия пасечничества. Кроме того, закрепощение и усиление гнета казацко-крестьянских масс ограничили их возможности заниматься пасечничеством. В «Ответах на экономические вопросы»

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 136, 138.

² «Записки ООИДР», т. I, стр. 366.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 91, 108, 165, 197.

⁴ Там же, стр. 291, 296, 299, 301, 306, 320.

⁵ Описание документов и бумаг, кн. 4, стр. 385—386; Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 177, 299.

⁶ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1538, лл. 1—55.

¹ «Сборник ХИФО», т. 16, стр. 599—616.

² «Киевская старина», 1888, май, стр. 37, 45, 46; Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 90—91.

³ Описание документов и бумаг..., кн. 4, стр. 479—484.

⁴ «Труды ВЭО», ч. VIII, 1768, стр. 94, 123, 153, 173, 210.

по Ахтырской провинции об этом говорилось, что всех «обывателей» привлечь «к размножению пчел» не возможно, т. к. «за пчелю весьма много труда ходить и смотреть»; летом приходится оставлять на пасеке одного человека «для смотрения», а здешние обыватели, «как люди не имущественные, не токмо чтоб кого стороннего нанять, но почти и себя с нуждою прокормить могут». Круг казачко-крестьянских пасечников к концу XVIII в. сузился. Пчеловодство стало более определенно достоянием помещиков и наиболее зажиточных крестьян и мещан.

Пасечниками являлись люди разного положения. На пасеках рядовых небогатых людей ухаживали за пчелой сами хозяева или члены их семьи, у более зажиточных владельцев-казаков, мещан, духовенства — наемные люди. В ведомостях о «татарском погроме» в 1680 г. в селах Мурафе и Крутице разорено 17 пасек, принадлежавших казакам, на которых захвачены в плен «все пасечники». В с. Лозовое на пасеке казака И. Лишинко взяли в плен пасечника Василия, в с. Липцы у казака Л. Протасова взяли пасечника Омелько¹ и т. д.

На царских пчельниках пасечниками были выборные из служилых людей, знавшие пчеловодство, кроме того, назначались посменно люди для охраны. Чугуевец А. Кураксин «с товарищи» 3 чел. назначались пасечниками на «государеву» пасеку². В «челобитной чугуевцев о службе» 1674 г. говорилось: «да из нас же холопей твоих выбрано в пасечники на твои государевы пасеки 10 чел.», а 5 чел. посменно должны караулить пасеки³. Численность пасечников и сторожей была различная, она зависела от количества и размеров пасек⁴.

Есть некоторые сведения о содержании пасечников. В переписке чугуевского воеводы с Разрядным приказом в 1672 г. указывается, что около царских пасек на р. Бабка и на Ограновом колодезе «дано на пашню земли тех пасек пасечником Андрюшке Кураксину с товарищи 10 человек» вместо денежного и хлебного жалованья по 15 четей на 1 чел. (22,5 дес.) «да на корм пчел, с чего в летнее время цвет имать, около государевых пасек на версту» (104 дес.). В тех случаях, когда пасечники не имели времени вести свое поместное хозяйство, им выдавалось денежное и хлебное жалованье. В переписной книге 1672 г. чугуевских царских пасек указывается, что их пасечникам выдавалось каждому жалованье деньгами по 3 руб., хлебом по 2 чети ржи и по 4 чети овса в год.

Устройство пасек, их хозяйство в основном оставалось таким,

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 90; т. II, стр. 96.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 438, лл. 217—219.

³ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 68.

⁴ Описание документов и бумаг..., кн. 4, стр. 479, 484. «Чтения МОИДР», 1885, кн. 2, стр. 41—44.

как и до середины XVII в. На пасеке около с. Липцы стояли «изба с сеньми», 2 чулана, 2 омшеника. На пасеке в Вольновском уезде между речками Коровы и Пожни также были «изба с сеньми, против избы клеть, 2 омшеника — где на зиму пчелу ставят, сарай, где на зиму порозжие ульи ставят». Эти постройки являлись типичными на всех пасеках, из них омшеников и сараев было больше или меньше, в зависимости от размеров пасеки¹.

Главную часть оборудования пасеки составляли ульи. В конце XVIII в. они оставались такими же, какими были в XVII в. Их подробное описание мы находим в «Ответах на экономические вопросы». Составители «Ответов» по всем провинциям отмечали, что ульи состояли из небольших осиновых, вербовых, ольховых колод. «Улья во употреблении очень малы, — говорится в «Ответах» по Изюмской провинции, — так что большие вышиною в аршин и малым чем больше и меньше, толщины шесть и семь вершков с небольшим; делаются с одною малою на боку скважиною, где только пчелам ходить, и нижняго дна не имеют, почему становятся несколько в землю: мед же вынимают, оборота низом кверху»².

Уход за пчелами, их эксплуатация были примитивными. С наступлением весны ульи с пчелами выставляли с омшеника на воздух и по мере надобности пчелу подкармливали медом из запасов, выдавая из расчета по 1 ф. на пчелиную семью. Пасеки устраивались на лесных полянах или на опушке леса вблизи лип и цветущих трав, близлежащая земля не вспахивалась. Пасечники наблюдали за работой пчел и защищали ульи от невзгод, следили за появлением молодых роев и устраивали их в ульи. Осенью, при переносе пчел в омшеники, проверяли каждую пчелиную семью, слабые семьи уничтожались, здоровые устраивались на зимовку.

О количестве собираемого меда за лето с пчелиной семьи сохранились довольно определенные сведения.

Из описей, опубликованных Н. Оглоблиным, известно количество меда, извлеченного из ульев при уничтожении осенью пчелиных семей, которые «впрок» не годились или были «худые».

В Вольновском уезде на пасеках между речками Коровы и Пожни из 56 ульев добыто меда 24 п. 4 ф.; «в Дерновской вершине» из 40 ульев — меда 5 п. 20 ф., около г. Вольного из 21 улья — меда 9 п.; на пасеке около Олешни из 33 ульев — меда 10 п. 30 ф.; на пасеке около с. Липцы в разные годы (1664—1672 гг.) из 107 ульев добывалось меда 46 п. 20 ф., из 99 ульев — 72 п. 20 ф., из 37 ульев — 14 п. 29 ф., из 59 ульев — 16 п., из 10 ульев — 4 п., из 17 ульев — 2 п., из 18 ульев — 6 п. 20 ф. меда,

¹ Описание документов и бумаг..., кн. 4, стр. 484.

² «Труды ВЭО», ч. VIII, стр. 122.

Следовательно, во всех случаях один улей давал менее одного пуда и в среднем 18,5 ф. Такое количество меда добывалось из ульев маломощных пчелиных семей, а нормальные рои, само собою разумеется, давали больше меда. Об этом можно судить хотя бы из следующих фактов. Хотмыжский приказный человек П. Барыков «побил за худобой» пчел 28 ульев на пасеке под городом и якобы добыл из них меду 4 п., но он этот мед не сдал в Белгород. По распоряжению белгородского воеводы Б. Репнина взыскано с П. Барыкова меду из расчета по 1 п. с улья — всего 28 п.¹ Надо полагать, что в основу этого расчета положен средний размер собираемого меда с нормального улья — 1 п.

Урожайность меда в пасаках оставалась неизменной во второй половине XVIII в. Она зависела в основном от состояния пчелиного роя и погоды в течение лета. В «Ответах на экономические вопросы» говорится, что в Харьковской провинции собиралось с улья меду 30, воску 3 ф., в Сумской — меду от 20 до 50, а воску 3—4 ф., в Ахтырской — меду от 40 до 80 ф.; в Изюмской меду собиралось при хорошей погоде — 40, при удовлетворительной — 30 и при плохой — 20 ф., воску от 5 до 10 ф. Пчеловодство в течение XVII—XVIII вв. было в значительной степени связано с рынком. Много меда и воска продавалось не только в местных городах, но и во многих городах «великороссийских», как отмечено в «Описании Слободско-Украинской губернии 1802 г.»².

Рыболовство В документах о пожалованьях и межевании земли и разных угодий, об откупах, а также в оброчных книгах часто упоминаются рыбные «ловли» и «плеса».

В описании Суджи 1665 г. указывается, что на р. Локня, при впадении в р. Суджа, были «рыбные ловли и волоковые плеса». Ловили рыбу на реках Ворскла и Псел, на Лебединском озере³. Рыболовные места находились на р. Балаклея, затоне Березком, колодезе Студенок, затоне Пичугин, колодезе Нетриус, р. Тор, на Торских озерах, на реках Бахмут, Черный Жеребец, Красная, Боровая. Много рыбных мест было на Донце и Осколе⁴. Острогжск, как известно, назывался еще Рыбным, или Рыбинском, по обилию рыбы в двух озерах, около которых построен город, и привоза множества рыбы на его рынок.

Реки и озера края находились в ведении казны. Правительство жаловало их старшинам-помещикам в поместье и в «вотчину», отдавало на оброки. В 1655 г. царь Алексей Михайлович

пожаловал патриарху Никону реки и озера в окрестностях Цареборисова. Рыбные промыслы на этих водоемах стали объектом борьбы претендентов. В 1657 г. некоторые рыбные ловли в этих местах захватили змиевские украинцы. В устье р. Богучар были откупные рыбные промыслы Дивногорского монастыря. В 1685 г., например, монастырь получил право посылать своих «старцев» и «трудников» в эту «откупную Богучарскую вотчину для рыбной ловли». Монастырь получал в 1686, 1689 гг. подтверждения на пользование этими промыслами¹. Затем эти промыслы в 1696 г. находились на оброке у острогжских «мужиков»².

«Битюцкие и серецкие» уходы, состоявшие из рыбных ловлей и бобровых гонов, долгое время находились в пользовании воронежских откупщиков. С 1 марта 1697 г. они были переданы на оброк острогжскому полковнику П. Буларту, который обязался платить в казну 202 руб. в год «серебряными деньгами». Рыбные «плеса» по р. Псел, в затонах и озерах были отданы правительством гадячскому полковнику М. Васильеву³.

Рыбные промыслы привлекали своими выгодами светских и духовных феодалов, зажиточных посадских людей, крестьян и казаков. Зажиточные казаки, служилые люди занимались рыбными промыслами на Донце, Осколе и в других реках края⁴, они отправлялись на ловлю рыбы в пределы низовьев Дона. Чугуевские пушкарки Вишняков, Тюрин, Семенов и др. в 1673 г. в челобитной к воеводе просили отпустить их на Дон ловить рыбу. С такой же просьбой обращались сын боярский Ф. Головин и гулящие люди Маркушка и Прошка Кувшинниковы⁵. От челобитчиков требовались поручные записи. Дети боярские Я. Пахомов и С. Крицын в 1681 г. получили разрешение, представив поручные записи от чугуевцев о том, что они возвратятся с промыслов в срок. По поручным записям многие чугуевцы на Дону ловили рыбу, занимались другими промыслами и торговлей⁶.

Рыба водилась в местных реках многих пород. В ведомости о городах Ахтырского полка 1725 г. говорится, что в местных больших и малых реках водится «щука, линь, карась, окунь, плотва да вюн, а протчих больших рыб в оных речках нет»⁷. Те же породы рыб были в реках Сумского полка, входивших

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 409, л. 50; стб. 1199, лл. 85—93; стб. 1515, лл. 800—807.

² Воронежские акты, т. I, 1851, стр. 47.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 112—113; т. I, стр. 105.

⁴ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 158, док. 2, 3, 20.

⁵ Там же, стб. 79, док. 40, л. 1; док. 22, л. 1.

⁶ Там же, стб. 119, док. 6, 28.

⁷ Там же, ф. 27, д. 8, т. 1, л. 5.

¹ Описание документов и бумаг..., кн. 4, стр. 484.

² «Труды ВЗО», ч. VIII, стр. 94, 122—124, 153, 179, 210—211; Описание Слободско-Украинской губернии 1802 г., стр. 10—11.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 47, 110, «Воссоединение Украины с Россией», т. III, стр. 139.

⁴ В. Юркевич. Еміграція на схід..., стр. 49.

в Днепровский водный бассейн, а также в реках и озерах системы р. Дона. Кроме того, в Дону, Донце, Осколе и в низовьях других притоков Дона были: сом, судак, сазан, головль, семга, вирозуб, чебак, осетр, белуга, стерлядь¹.

Рыболовные снасти состояли из неводов, бредней, острог, удочек, переметов и других простых средств. О некоторых из них говорится в жалобе лебединцев на гадячского полковника М. Васильева в 1681 г.² Все эти снасти перечисляются в описании 1781 г. рыболовства в Купянском, Острогжском, Богучарском и других уездах.

Где и кем делались снасти, в «описи» не указывается. Они, по всей вероятности, изготовлялись местными умельцами и часто самими рыболовами.

Много рядовых людей, занимавшихся рыбными промыслами, ловили рыбу в одиночку и совместными силами по 2—4 чел. Вентерами, вершами, переметами, острогами, удочками и другими мелкими снастями пользовались отдельные рыболовы. Неводом, бреднем, сетями, в зависимости от их размеров, ловили по несколько человек вместе супрягой.

Помещики и монастыри на рыбных промыслах использовали своих крепостных и наемных людей. Ловили рыбу крепостные люди М. Васильева на его лебединских промыслах. В 1685 г. Дивногорский монастырь посылал на откупные промыслы на р. Богучар своих «старцев» (монахов), «трудников» (зависимых рабочих людей)³ и «рабочников» (наемных людей).

Рыбные промыслы в реках и озерах края, за исключением Дона и низовьев Донца, имели местное значение. Такое состояние промыслов было в Сумском, Ахтырском и Харьковском полках в XVII в. Во второй половине XVIII в. реки частично обмелели, рыбы стало еще меньше. В «Ответах на экономические вопросы» по Сумской провинции, например, говорилось: «Рыбных промыслов в здешней провинции нет; а для собственного своего удовольствия обыватели в протекающих реках, речках, также и в прудах рыбу... ловят». Это было характерно и для Ахтырской и Харьковской провинций⁴.

Рыболовство в пределах Изюмского полка было более распространенным. Об этом можно предположить из «записки торским жильцам 1685 г.». В ней говорится, что торские жители везли рыбу на продажу из Торских озер в разные города: 9 мая А. Бражник 3 и С. Марков 7 возов, 10 мая С. Губов 2 воза; затем

¹ Воронежские акты, т. II, 1853, стр. 66; Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XV, стр. 1644, 1675, 1691, 1716, 1786, 1933, 1951, 1973, 2009, 2020.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 105.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1199, лл. 85—99; стб. 1515, лл. 800—807.

⁴ «Труды ВЭО», ч. VIII, стр. 94, 153, 211.

2, 3 и 4 июня А. Иванов 48, Т. Никонов 10, Тимофей и Павел Кушнарева 12, Андрей и Марко Бражники 7 возов. Всего эти «рыболовщики» вывезли 89 возов или около 3 тыс. п. Если этот вывоз принять за зимний улов, то все же он дает относительное представление о большом улове рыбы в крае. Улов в Изюмской провинции во второй половине XVIII в., по-видимому, сбывался только на местном рынке. В «Ответах на экономические вопросы» сказано об этом весьма определенно: «больших рыбных промыслов здесь нет, а по главным сей провинции рекам по Донцу, Сколу, Красной, Бурлучку, Балаклеякам и другим малым речкам к довольствию жителей рыбу ловят..., и никуда в другие места к продаже не посылают»¹.

В Острогжской провинции рыбные промыслы особенно были развиты на Дону. Здесь ловили «белую рыбу» (белугу, осетрина, судак) и продавали приезжим русским купцам. В «Ответах на экономические вопросы» об этом писалось, что местные жители ловят «белую рыбу» в Дону и в притоках, «но никогда оной не отвозят; а покупают у них проезжие российские купцы»².

Из приведенных сведений явствует, что местные рыбные промыслы являлись не только важным продовольственным подспорьем рыболовов. Многие из них ловили рыбу на местный рынок и на вывоз в русские города и на Левобережную Украину.

На Слобожанщине было довольно много различных диких животных, зверей и птиц. В XVII в. здесь были дикие лошади. В местных лесах водились до XIX в., кроме волков и лисиц, медведи³. Наряду с лосями, сайгаками, дикими козами и кабанами, живущими в настоящее время в заповедных лесах, водились зубры, а также множество зайцев, белок, куниц, хорьков, бобров, барсуков, выдр и даже соболей и горностаев. Также водилось много диких гусей, лебедей, уток, фазанов и других птиц⁴.

В отписке сумского воеводы Афанасьева в 1657 г. в Разрядный приказ говорилось, что в сумских лесах путивльцы «бьют куницы и лисицы и волки и медведи и лоси и вепри и всякая зверь и рыбу ловят». Из переписки чугуевского воеводы узнаем, что змиевской черкашенин Я. Почетовский в 1658 г. находился на «звериных» промыслах за Донцом, на ногайской стороне. Водо-

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 130—131; «Описание документов и бумаг...», кн. 4, стр. 382; «Труды ВЭО», ч. VIII, стр. 124.

² «Труды ВЭО», ч. VIII, стр. 179.

³ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 156, док. 11.

⁴ Там же, ф. 27, д. 8, лл. 5—6; Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 216—294; Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 99; Описание Слободско-Украинской губернии 1802 г., стр. 6.

лажский житель В. Чалый «с товарищи» в 1679 г. ловил зверей на р. Кошевая¹.

Местные естественные условия благоприятствовали занятиям слобожан охотными промыслами. До начала XVIII в. в юго-восточной части края еще существовали так называемые юрты, т. е. промысловые хозяйства, в которых охоте принадлежало важное место. Е. Терехов «с товарищи» в 1679 г. взяли на оброк угодья по рекам Битюг и Осеред, где занимался охотой и рыбной ловлей².

Охотничьи промыслы слобожан царский двор использовал в своих целях. В 1665 г. из Разрядного приказа направлена «память» чугуевскому воеводе с предложением вызвать всех охотников уезда на ловлю лосей и кабанов для царского двора³. Затем была создана чугуевским воеводой группа охотников, занимавшихся специально ловлей и содержанием до отправки в Москву зверей. Для пойманных зверей был устроен питомник около Изюмского брода — «зверинец»⁴.

К началу XVIII в. в связи с массовым заселением края, сокращением лесов количество диких животных и зверей резко уменьшилось, а некоторые виды, как дикие лошади и зубры, вовсе исчезли. Царские охотники и изюмский «зверинец» были упразднены.

Охота в XVIII в. стала предметом развлечения дворян, которые заводили охотничьих собак, птиц и использовали своих крепостных в качестве помощников и псарей. Рядовые слобожане лишь более зажиточные, имевшие оружие и разные снасти, проводжали между делом сезонно заниматься охотой.

Средства охоты в течение XVII—XVIII вв. оставались старинные, простые: применялись западни, сети, перевесища, капканы, гоны, посредством гончих собак и птиц, и самый совершенный способ был — стрельба.

Основная часть охотившихся людей продукты охоты потребляла в своем хозяйстве. Исключение составляли так называемые царские охотники и незначительное число охотников-профессионалов. Первые охотились для царского двора, вторые сбывали меха и другую добычу на рынке.

Добыча соли

На Слобожанщине около Торских озер (ныне Славянск) и у р. Бахмутка были соляные промыслы. Торские промыслы весьма давнего происхождения. Бахмутские — начались в конце

XVII в. Русские люди знали Торские соляные озера в XVI в.

В росписях «донецких сторож» и «местам, где стоять станичным головам на поле», составленным в 1571 г., значатся реки Тор и Бахмут. В «Книге Большому Чертежу» (1627 г.), начальное составление которой относится к концу XVI в., также отмечены Торские соляные озера. В ней записано: «В Большой Тор пала речка Торец, от Донца версты с 4, а на устье озера соленые»¹. Эти озера были вблизи посольской дороги между Россией и Крымом, по которой в 1633, 1634 и 1648 гг. проезжали русские, крымские и турецкие послы и люди для «размена»². В 1646 г. у Торского брода был острожок, в котором стояли русские сторожи³.

Надо полагать, что обитатели Святогорского монастыря, существовавшего до XVII в., добывали здесь соль. Русские казаки и украинцы, находившиеся в окрестностях строившегося Цареворисова и упсмянутого в наказе царя Бориса Годунова Б. Бельскому и С. Алферову в 1600 г., наряду с разными промыслами, возможно, занимались и вываркой соли⁴.

Прямое подтверждение существования соляных промыслов на Торе имеется в следственных показаниях рыльского пушкарского сына Васильева 27 мая 1622 г. Он заявил, что бежал из Рыльска в 1619 г. и вместе с другими казаками занимался охотой, бортничеством и солеварением на Торе в 1619 и 1620 гг. Белгородский «гуляющий» человек Сидоров в 1621 г. ушел на Тор соль варить, оттуда с донскими казаками отправился в Польшу воевать против турок. Возвратился он на Тор в 1622 г., но был арестован царскими властями. На допросе у белгородского воеводы показал, что многие белгородцы на Торе «соль варят»⁵.

С 40-х годов XVII в. сохранились сведения о челобитных русских и украинцев, в которых они обращались с просьбой отпустить их на Торские соляные промыслы.

Правительство по просьбам отдельных русских людей выдавало им разрешения так же, как и украинцам, но различало выварку соли для своего обихода и на продажу. В грамоте царя Алексея Михайловича корочанскому воеводе Н. Воейкову в 1647 г. указывалось: «и которые кораченцы, дети боярские, и казаки, и стрельцы, и пушкари учнут варить соль на Тору про себя, а не на продажу, и ты б с тое соли пошлин не имал»⁶.

Хотмыжский воевода просил чугуевского в 1647 г. разрешить жителям Хотмыжска приехать на Тор для вываривания соли. Из переписки хотмыжского (1647 г.) и белгородского (1648 г.) воевод с чугуевским видно, что на Торе были «для соленого варения

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 20; ХФЦГИА, ф. 353, стб. 37, док. 21; стб. 108, док. 32.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1692, лл. 121—138.

³ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 60, док. 10; стб. 55, л. 1.

⁴ Там же, стб. 68, док. 59, 124—127; стб. 73, док. 5; стб. 62, док. 4, 6—8.

¹ «Книга Большому Чертежу», стр. 15.

² АМГ, т. I, № 540, 575, 625; т. II, № 378.

³ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. V, стр. 117.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 10.

⁵ АМГ, т. I, № 151, 152.

⁶ «Чтения МОИДР», 1859, кн. II, стр. 47.

разных городов всякие люди белгородцы и чугуевцы и хотмыжане»¹.

Таким образом, начало солеварению на Торе положили русские служилые люди еще в XVI в. Они добывали соль в первой половине XVII в., в это время здесь было немало украинских солеваров из Чугуева, Валок, Полтавы.

С массовым заселением Слобожанщины Торские соляные промыслы стали заметно расти, сюда за солью приезжали люди из Острожжеска, Сум, Ахтырки, Харькова и других поселений, а также из городов Белгородской черты и с Левобережной Украины. Яблоновский воевода Г. Куракин в отписке 6 июля 1653 г. говорил, что «пришли де на Тор зарубежных черкас с 400 человек, без жен и без детей, не на житье, для соляного варенья, а изб де у них и крепостей у соляного варенья никаких нет, стоят обозом, а атаман де у них черкашенин Иван Лысый города Плтавы, а наваря де они соли пойдут к себе. А иные де черкасы приезжают для соляного ж варенья и живут на Тору недели по 2 и по 3»².

Торские солевары в 1681 г. обнаружили соляное озеро около р. Черный Жеребец и обратились с просьбой к чугуевскому воеводе Г. Косогову разрешить им начать здесь выварку соли. В августе того же года челобитчикам было разрешено отправиться из «соляного городка» на р. Жеребец для варки соли. В это время началось солеварение в Маяке. При разборе спора изюмских и донских казаков за земли по речкам Жеребцу, Красной, Хариной, Дуванной, Бахмутки и за бахмутскую соль в 1702—1704 гг. солевары И. Клушин и Т. Сазонов говорили расследовавшему дело Г. Скорихину, что они в 1681 г. с разрешения чугуевского и белгородского воевод жили на р. Жеребце куренями и варили соль. Маякские жители также показывали: «на реке Жеребце выше лесов из стари в дву местах соль варивали торские жители Иван Клушин, Иван Сазонов с товарищи» и что в 1681—1691 гг. там было около 70 колодцев, принадлежавших русским и украинским солеварам³.

По сведениям изюмчан, Бахмутские соляные промыслы были начаты изюмским сотником Л. Никифоровым в 1701 г.⁴ Донские казаки: «атаман Аким Филипьев и все войско» в 1703 и 1704 годах в своей жалобе на казаков Изюмского полка писали Петру I, что они «обыскали» соляные воды вблизи р. Бахмутки, выкопали колодец и стали варить соль еще в 1683 г. «и после де того на ту

речку Бахмут учили к ним приходить маячане и Торяне и Изюмцы и разных городов всяких чинов русские люди и черкасы»¹.

Правительство официально признало Бахмутские соляные промыслы за казаками Изюмского полка и отдало Бахмут в ведение полка, за исключением русских людей, подчиненных торскому приказному человеку. Признание Бахмутских промыслов за Изюмом официально мотивировалось тем, что Бахмут находится ближе к Изюму, чем к донским станицам. В действительности же правительство считало, что Изюмский полк, в отличие от донских казаков, находился в полном подчинении, и это должно было надежнее обеспечить выгоды казне. Между тем нет основания отрицать утверждения донских казаков, будто они начали солеварение в Бахмуте. Вероятно, донцы начали добычу соли в 1683 г., пользовались промыслами периодически. После одного из перерывов в 1700—1701 гг. начали здесь солеварение изюмчане.

В 1720 г. устроены солеварни около с. Слеваковка, в 14 верстах от Изюма, а немного позже — на озерах около р. Емельяновка. Однако Слеваковские соляные «заводы» в 1726 г. «за негодностью к соляной варке вовсе оставлены». Солеварни на р. Емельяновка в начале 30-х годов XVIII в. взяты в казну, названы «государевы соленые заводы». Сюда посланы солевары из Тора и Бахмута, а в качестве рабочей силы — белгородские однодворцы. Отпущены из казны деньги для оборудования колодцев. Вскоре выяснилось, что добыча соли здесь не оправдывает расходов, поэтому она была прекращена².

Более устойчивое солеварение оказалось на Торских и Бахмутских промыслах. Вначале солеварение отдельных лиц правительство всячески поощряло. В 1653 г. на Торе солевары временно освобождены от пошлин с добываемой соли, еще в 1704 г. по грамоте Петра I разрешалось казакам селиться в Бахмуте и беспешинно заниматься солеварением. С ростом постоянных жителей на промыслах правительство устроило укрепления и содержало военную охрану. Торские укрепления в 1663—1664 гг. были расширены³, а в 1676 г. заново отстроены⁴. В скором времени после открытия Бахмутских соляных промыслов здесь также построен острог, известный по описи 1704 г., и установлена военная охрана⁵. Остроги эти ремонтировали еще в 50—60-е годы

¹ «Записки ООИДР», т. I, стр. 363; А. Скальковский. Соляная промышленность в Новороссийском крае, 1715—1847 гг., «Журнал Министерства внутренних дел», 1849, ч. 25, стр. 66.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 178; Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. V, стр. 104—105.

³ ХФЦГИА, ф. 28, д. 5, л. 1; ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 366, лл. 2—3, 7, 8; стб. 769, лл. 339, 347, 418, 425—428.

⁴ «Записки ООИДР», т. I, стр. 352.

⁵ ХФЦГИА, ф. 31, д. 453, лл. 1—688, ф. 372, д. 33, лл. 2—3; «Записки ООИДР», т. I, стр. 364.

¹ ХФЦГИА, ф. 353, д. 13, лл. 49, 59; д. 20, л. 43.

² АМГ, т. II, № 522.

³ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 114, л. 14; «Записки ООИДР», т. I, 1844, стр. 363—365; т. IV, стр. 310—315.

⁴ Географический словарь Щекатова, т. I, стр. 167—168.

XVIII в. в ожидании нападения татар¹. Мероприятия правительства по охране соляных промыслов безусловно играли положительную роль.

Устройство и техническое оборудование соляных промыслов XVII и XVIII вв. было простое и изменялось весьма незначительно. Продолжительное время люди занимались солеварением на Торе сезонно. Они приезжали весной или летом, устраивались табором под открытым небом, в лучшем случае делали временные землянки и шалаши. Соль вываривали в привезенных железных котлах из рассола, который черпали деревянными ведрами из источников или вырытых колодцев на берегу соленого озера.

Более подробные сведения о солеварнях дошли до нас со времени устройства казенных заводов. По «описи» 1665 г. известно, что на Торских озерах стояло 3 казенных куреня для выварки соли, каждый из них по 46 сажень длины и по 3 сажени ширины. В куренях было по 40 печей, в них вмазано 40 котлов. Здесь стояло 3 амбара для сыпки соли. Из частных построек упоминается лишь 1 амбар, принадлежавший усердскому «черкашенину» А. Малышенко, в котором лежала «государева соль»². В описании г. Бахмута 1704 г. говорится, что здесь вблизи колодцев стояло 9 куреней, в них — 140 котлов или сковород, принадлежавших казакам Слободских полков и 30 — людям других мест, а также 9 кузниц и 1 кирпичный «завод»³.

В описи 1749 г. на Торских казенных варницах было 12 куреней или амбаров с солеварными печами, 2 амбара для сыпки соли, 2 ропных бассейна и около них рассолоподъемная машина с проложенными трубами, кузница и сарай для древесного угля⁴. Постройки были деревянные, крыты дранью, лубком или гонтом (тес) и некоторые соломою и камышом. Печи делались весьма примитивно до 30-х годов XVIII в., они поглощали массу топлива на выварку небольшого количества соли низкого качества.

Солеварные котлы-сковороды обыкновенно изготовлялись из плотного листового железа, вначале готовые привозились из Тулы, Ельца и других городов. Затем стали появляться кузнецы, которые чинили и делали новые сковороды на месте промыслов⁵. Сковороды делались разных размеров. В описи 1749 г. указывается, что на Бахмутских казенных солеварнях сковород годных 22 и негодных считалось 14, весивших 2204 п. 38 ф., т. е. в сред-

нем более 61 п. каждая. Кроме того, были «садочные малые ручные угольные сковороды», сделанные из листового железа¹.

С конца 30-х годов XVIII в. началось переоборудование казенных солеварен на Торских и Бахмутских промыслах. Сюда прибыли командированные Сенатом в качестве директора (1737—1746 гг.) советник Камор-коллегии Г. Юнкер и инженер-капитан Молчанов. Они построили на Торе по новому образцу 12 солеварных печей. В них было устроено лучше поддувало с кирпичной решеткой и поставлены железные затворы, вмазан котел и выведен наружу дымоход.

Весьма существенную новизну этого переустройства представляла «рассолоподъемная машина». Инженер Молчанов в объяснительной записке Сенату в 1746 г. писал: «де в старых заводах рассол наливали на сковороды сами» люди вручную ведрами, «а ныне де уже оной получать будут трубами готовой». «Новоманерные» варницы сделали солеварение более выгодным. Если при старом оборудовании на одной большой сковороде, говорится в предписании главной соляной конторы в Бахмут в 1750 г., в сутки вываривалось соли от 49 п. 6 ф. до 69 п., то при новом устройстве солеварной печи стали вываривать от 61 п. 24 ф., до 82 п. 3 ф. при одинаковой затрате топлива².

Во второй половине XVIII в. делались попытки дальнейшего улучшения оборудования солеварен. Началась замена деревянных (осиновых) рассолопроводных труб на чугунные и солеварных сковород больших на сковороды меньших размеров, перестраивались печи³. Правительство заботилось главным образом о снижении стоимости солеварения путем удешевления оборудования. Обследовавший промыслы в 1774 г. Гильденштедт писал, что новое оборудование солеварен обошлось в 4 раза дешевле старого, но потери солеварения стали «значительно превышать его кажущуюся выгоду». При новом оборудовании расходовалось больше топлива, хуже испарялась вода, быстрее изнашивались сковороды, соль загрязнялась копотью, людям приходилось трудиться в дыму. В переоборудованных варницах почти невозможно было работать зимой. Это новое устройство солеварения, заключал ученый, напоминает устройство, в каком «некогда варили соль простые казаки в нескольких сотнях сковород размером немного меньше теперешних; но то, что было простительно тогда, не может быть терпимо теперь»⁴.

При солеварнях были подсобные хозяйства и мастерские. В приемочно-передаточной ведомости бахмутских солеварен 1750 г. перечислены многочисленные кузнечные, слесарные, то-

¹ ХФЦГИА, ф. 397, д. 8, лл. 99, 101.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 43—44.

³ «Записки ООИДР», т. I, стр. 364; В. В. Гуров. Сборник судебных решений..., стр. 512.

⁴ ХФЦГИА, ф. 372, д. 2, л. 389.

⁵ ЦГИА УССР, ф. 94, д. 1, лл. 48—49.

¹ ХФЦГИА, ф. 372, д. 2, лл. 179—189.

² Там же, лл. 1143—1148; ф. 371, д. 44, лл. 136, 163.

³ Там же, д. 19, лл. 377—380; д. 41, л. 322; ф. 371, д. 55, л. 166.

⁴ Гильденштедт. Путешествие..., стр. 45—46.

карные, столярные и плотничьи инструменты, молот, приводившийся в движение водой, водяная и ветряная лесопильни, кирпичный «завод». Имелось транспортное хозяйство, в котором насчитывалось около 100 голов рабочих волов и лошадей, была кормовая база¹. Особое место занимало хозяйство по заготовке и доставке на промыслы дров, строевого леса и древесного угля. До середины XVIII в. топливо и лес заготавливали специально снаряжаемые работные люди. Во второй половине XVIII в. вследствие уменьшения лесов в окрестностях промыслов, казна закупала дрова, привозимые крестьянами издалека, собирала по 1 бревну с каждой повозки дров, привозимых людьми на промыслы, и сдавала сковороды с условием выварки соли на дровах «вольноварильщиков»². Древесный уголь, необходимый для кузниц солепромыслов, вначале выжигался работными людьми в Торских казенных лесах. Потом его стали закупать у подрядчиков³.

Недостаток топлива на промыслах побудил Сенат предложить администрации заняться поисками и употреблением каменного угля. В 1764 г. комендант Торских промыслов Шарапов рапортовал Сенату, что добыта первая партия угля и сделана проба выварки на нем соли, давшая положительные результаты⁴. Однако косность администрации и начавшийся общий упадок промыслов помешали сразу использовать богатое новое топливное средство.

К 80-м годам XVIII в. оборудование казенных соляных промыслов сократилось. Оставались 2 варницы, в них было 10 печей и 14 сковород, используемых изредка «вольноварильщиками».

Социальный состав людей, занимавшихся солеварными промыслами, не был одинаковым. В 1666 году жители Сум, Ахтырки, Колонтаева, Харькова, Чугуева, Змиева, Цареборисова, Острогжска, Усерда, Нового Оскола, Землянска и других мест на Торских озерах варили соль в 325 котлах, «а у тех котлов хозяев и работных людей 647 человек»⁵. В следственных материалах по поводу поборов маякского воеводы Б. Протасьева говорится, что варили соль русские люди и украинцы «разных чинов», в частности чугуевские дети боярские Ф. Степанов, Ф. Беляев, С. Губарев, стрелец Еремин, харьковчане Г. Михайлов, Ф. Безрученко, жители Змиева, Лохвицы и других городов и сел⁶. В числе 400 солеваров разных мест в 1653 г. были монахи

Лубенского Мгарского монастыря Ларион и Тимофей¹. В грамоте Петра I от 14 октября 1704 г. изюмскому полковнику Ф. Шидловскому говорилось, что в прежнее время у Торских озер «соль варивали приезжие всяких чинов люди русские и черкасы, наездом и стаивали у того промыслу обозом»². В «описных» книгах П. Языкова, сообщал Белгородский воевода И. Кольцов-Масальский в Москву 1 апреля 1703 года, числится «на новопоселенном месте на речке Бахмуте жителей русских, торских и маяцких и иных разных городов 36 человек, черкас Изюмского полку торских и маяцких жителей 112 человек, донских казаков 2 человека, в том числе один казак Черкасской станицы живет на речке Бахмуте в курени приказчиком у донского казака с разным наездом для варенья соли другой Дурновской станицы на Бахмут пришел для варенья соли»³.

Совершенно очевидно, что уже в раннее время занимались вываркой соли казацкие старшины, духовные лица, зажиточные казаки и мещане, пользовавшиеся наемными работниками. Было также много солеваров казаков, крестьян и мещан, варивших соль собственными силами и средствами, а также сообща для своего домашнего обихода.

Постепенно казна включалась в эксплуатацию соляных промыслов. Когда солеварение на Торе стало приобретать массовый характер, многие солевары поселились на постоянное жительство на промыслах. Правительство усилило свой контроль и устроило здесь таможенную по сбору пошлин. Вначале пошлины собирались таможенными головами и целовальниками. В 1679 г. на Торские промыслы был назначен стряпчий Л. Онучин, обещавший «в пошлинном сборе учинить прибыль перед прежним сбором» значительно большую⁴. Затем некоторые виды сборов были отданы на откуп.

Правительство, не довольствуясь доходами от пошлин с частной добычи и продажи соли, принялось за устройство казенного солеварения. В марте 1664 г. были построены на Торе казенные варницы на 100 котлов или сковород⁵. Казенное солеварение, как видим, значительно расширилось. Однако этот рост был кратковременный. По описи 1665 г., например, на казенных варницах уже насчитывалось 40 сковород, все они находились в плохом состоянии, 20 из них были вынуты из печи⁶. С 1679 г., как отмечалось в грамоте царя Федора Алексеевича, некоторое время они вовсе бездействовали. Перебои обуславливались та-

¹ ХФЦГИА, ф. 372, д. 2, лл. 177—187, 253, 261, 952, 1033.

² Там же, ф. 371, д. 29, лл. 82—141; д. 31, лл. 209—232; д. 57, лл. 238—264; д. 64, лл. 1—307; д. 67, лл. 57—114; ф. 372, д. 51, лл. 531—601; д. 65, лл. 57—114.

³ Там же, ф. 371, д. 30, л. 93.

⁴ Там же, д. 44, лл. 210—226; ф. 397, д. 68, лл. 431, 439.

⁵ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 998, лл. 140—141.

⁶ Там же, стб. 882, лл. 5—11, 17—42.

¹ АМГ, т. II, № 522.

² «Записки ООИДР», т. I, стр. 551—552.

³ В. В. Гуров. Сборник судебных решений..., стр. 500.

⁴ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 981, лл. 46—47.

⁵ Там же, стб. 998, л. 122.

⁶ Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации..., стр. 357.

тарскими набегами, нехваткой рабочей силы, плохим ведением чиновниками хозяйства и другими причинами.

Тем не менее с 1664 г. до начала XVIII в. на Торских озерах вываривали соль многие русские и украинцы для своего домашнего обихода, торговые люди и казна для продажи¹.

По указу 14 октября 1704 г. «на речке Бахмуте у всяких чинов людей соляные промыслы» взяты в казну², в 1715 г. то же сделано с Торскими промыслами. Между тем, в последующее время частное солеварение не прекращалось: маякские и торские казаки, например, за охрану промыслов беспошлинно вываривали соль для «себя». Вываривали соль на арендных условиях приезжие люди³ и слободско-украинские казаки. В то же время казенное солеварение приходило в упадок.

В 1719 г. правительство передало в эксплуатацию Бахмутские промыслы начальнику Бахмутского сторожевого батальона Чиркову, который в компании с ландратом Верейским взялся извлекать из промыслов ежегодно прибыли по 326 500 руб. Правительство обязало командира чугуевских казаков и старшин Слободских полков посылать компанейщикам на промыслы рабочих людей 415 чел. и казаков 300 чел. в год и обеспечить продажу вывариваемой соли в данном крае, не допуская привоза соли из других мест⁴.

Между тем рабочей силы не хватало, дорого обходилась добыча топлива, на местный рынок всячески просачивалась более дешевая донская соль, обязательства компанейщиков не выполнялись. Правительство решило забрать промыслы из рук Чиркова и отдать на откуп состоятельным лицам.

В 1732 г. Торские и Бахмутские соляные промыслы были отданы на откуп купцу В. Озерову с 10 «товарищи». В. Озеров взял промыслы на 10 лет, обязался платить в казну ежегодно по 50 тыс. руб. и половину чистой прибыли. Откупщики получили в свое распоряжение соляные источники, все казенные постройки и оборудование, рабочий скот, право рубить дрова в соседних казенных лесах, пользоваться пастбищами и сенокосами. Компании Озерова предоставлено монопольное право продажи соли на Слобожанщине. Правительство установило продажную цену на соль: в среднем за бахмутскую соль по 8 коп. и за торскую по 11 коп. за 1 п.⁵

Откупщики с начала своей деятельности на промыслах ощутили недостаток рабочей силы и топлива. Солеварение велось с

перебоями, образовались недоимки в выполнении обязательств перед казной. Правительству в 1737 г. вновь пришлось взять промыслы в свои руки. Был назначен директором Бахмутских и Торских промыслов адъютант Академии наук Г. Юнкер (1737—1746 гг.), который фактически занимался их перестройкой. Назначенному в 1743 г. коменданту промыслов правительство предложило сдавать отдельные сковороды посуточно в аренду так называемым «вольноварильщикам»¹, т. е. всем желающим выварить соль для себя и на продажу. Между прочим, в 1756 г. правительство вторично прибегло к сдаче промыслов на откуп купцам Рябову «с товарищи» на 6 лет. Фактически они занимались вываркой соли около двух лет, после чего вынуждены были отказаться, так как условия солеварения были невыгодные. В созданных условиях оказались более устойчивые частные промыслы, которыми занимались «вольноварильщики» до 80-х годов XVIII в. В 1765 году их было около 1 тыс.², в 1767 г. на Торских промыслах они выварили соли 830 сковород³, в следующем году на Бахмутских промыслах — 1116 сковород⁴.

Основная масса «вольноварильщиков» состояла из казаков, часть из мещан, однодворцев и крепостных крестьян. Например, из рапорта комаровского атамана 1771 г. известно, что О. Скрипченко и С. Христенко — жители с. Богородичное, Изюмской провинции, являлись крепостными Святогорского монастыря, что они на свои средства вываривали соль на Торских промыслах, возили ее на продажу в разные села и города. Из 57 бахмутских жителей, вываривавших соль, 4 назывались купцами.

«Вольноварильщики» разных городов и сел в зависимости от своей состоятельности вываривали разное количество соли. 15 сумчан выварили соли 24 сковороды, 47 краснопольцев — 72 сковороды, 16 харьковчан — 38 сковород, 53 ольшанца — 73 сковороды, 83 валковца — 136 сковород, 57 бахмутцев — 105 сковород и т. д. Соловьев, житель с. Юнаковка, производил варку в одном котле 20 суток. И Зарицкий, житель Белополя, — 15 суток, Л. Назаренко из сл. Бобрыка, Д. Крамаренко из с. Межирич и П. Ус, харьковчанин, — по 6 суток и т. д.

И. Соловьев и И. Зарицкий, по-видимому, являлись наиболее крупными торговцами. «Вольноварильщиков», арендовавших 1 сковороду от 2 до 10 суток, было около 5—10%. Основная их часть вываривала по 1 сковороде (30 п.). Были и такие, их было немного, которые вываривали соль вскладчину по 2—3 чел. в течение суток в 1 сковороде.

¹ ХФЦГИА, ф. 353, д. 153, л. 1.

² А. Скальковский. Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. II, Одесса, 1853, стр. 460.

³ ХФЦГИА, ф. 372, д. 28, лл. 166, 168, 170, 172, 174, 176, 178; д. 42, л. 147.

⁴ Там же, ф. 399, д. 510, лл. 92—120.

«Вольноварильщики» в большинстве являлись людьми, занимавшимися мелкотоварным соляным промыслом. Появление их в середине XVIII в. было не новым и не случайным. Сотни и тысячи украинцев и русских людей, становившихся на путь мелкотоварного производства, начинали эти промыслы в середине XVII в. Между мелкотоварными производителями, с одной стороны, крепостниками и казной, с другой, шла упорная борьба за обладание промыслами.

В «Экстракте о изменении Слободских полков» 1761 г., в других материалах указывается, что солеварением занимались некоторые украинские помещики¹, кое-когда в 50—60 гг. вываривалась соль казной². Тем не менее в середине XVIII в. крепостники и казна уступили промыслы «вольноварильщикам». Рабочая сила на солеварнях не была однородной. Многие крестьяне и казаки, приезжая на Торские и Бахмутские промыслы, объединялись в группы и сообща заготавливали дрова, вываривали соль, несли охрану на промыслах и в пути во время перевозки соли на рынок. Приезжали зажиточные торговые люди, которые привозили с собой наемных рабочих людей или нанимали их на месте.

Однако о рабочей силе частных солеварен сохранилось мало сведений. В одной воеводской отписке в Москву 1666 г. говорилось, что на Торских озерах варили соль хозяева с рабочими людьми (647 чел.) в 325 котлах³. В грамоте 14 октября 1704 г. Изюмскому полку указывалось, что на Бахмутских промыслах был донской казак из Черкасской станицы, являвшийся приказчиком на солеварне другого донского казака⁴.

«Вольноварильщики», арендовавшие посуточно сковороды, использовали труд обслуживавших казенных рабочих людей на 1 сковороду по 4 чел. и наемных людей⁵. Среди рабочих людей на казенных Торских и Бахмутских солеварнях были квалифицированные мастеровые и подсобные работники. К числу квалифицированных относились солевары, кузнецы, плотники, столяры, печники. К числу подсобных, а их насчитывалось особенно много, относились истопники, дроворубы, работники, наливавшие ропу в котлы, и др. Солевары набирались на месте. Кузнецы, плотники и другие специалисты выписывались из разных русских городов. Некоторые из них привлекались на работу по соглашению, большинство «прибиралось» по принуждению.

С устройством казенного солеварения на Торе, а позже и на Бахмуте, правительство обязало белгородского воеводу, кроме

вооруженной охраны, снаряжать туда посменно, ежемесячно русских служилых людей и слободско-украинских казаков в качестве рабочей силы.

В июне 1664 г. по нарядам из Белгорода, Валук, Чугуева и других городов прислано на Тор 215 чел.¹ Условия труда на промыслах были очень тяжелые, поэтому многие посылаемые сюда люди всячески уклонялись от работы: бежали по пути на промыслы или, не добыв положенного срока, уходили из промыслов. Весной 1665 г. белгородский воевода писал чугуевскому воеводе, что ему положено «на Торские озера для соленого варения посылать чугуевцев по 30 человек», но эти люди не пришли². Насильно принуждали слобожан перевозить соль из Тора в другие города³.

В документах последней четверти XVII в. нередко указывается, что из-за неявки по наряду работников «заводы» бездействовали⁴.

В поисках выхода из затруднений с рабочей силой правительство стало заселять Тор, соседние с ним городки и слободки украинскими переселенцами. Новоселам предоставлялось право беспошлинно варить соль «про себя»⁵ и другие льготы. Взамен этого правительство требовало от поселенцев поочередно нести сторожевую службу и работать на промыслах.

В указе 14 января 1732 г. предписывалось: «вместо прежде определенных» к промыслам «городов и слобод обывателей для возки дров и всяких работ» посылать из Изюмского, Острогжского и Харьковского полков посменно ежемесячно 600 чел. (по 200 чел. на полк), половину пеших и половину конных⁶. Эта разнарядка систематически не выполнялась.

По указу от 22 сентября 1733 г. возложена обязанность на все 5 полков высылать на Тор по 120 чел. Но и эта разнарядка не выполнялась. В письме бахмутской конторы сообщалось в Харьков, что в 1735 г. на промыслах работало людей Харьковского полка вместо 120 чел. конных и пеших в мае 57 чел., 9 июля 73 чел., им на смену пришло 47 чел. То же было в 1737 и в другие годы⁷.

В указе из «Канцелярии учреждения Слободских полков» в Харьков 12 сентября 1741 г. говорилось, что из всех полков не высылают положенного числа рабочих людей⁸. Число прибывавших работников постоянно сокращалось вследствие побегов.

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 998, л. 122.

² Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. V, стр. 117.

³ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 61, док. 24.

⁴ Там же, стб. 61, док. 24; стб. 73, док. 7.

⁵ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1319, лл. 138—148.

⁶ ХФЦГИА, ф. 31, д. 147, л. 73.

⁷ Там же, д. 84, л. 49; д. 96, лл. 45, 47, 50; д. 111, лл. 28—30.

⁸ Там же, д. 147, лл. 134—138; д. 121, лл. 2—3; д. 135, л. 90.

¹ «Сборник ХИФО», т. 11, 1899, стр. 326; ХФЦГИА, ф. 644, д. 230, л. 64.

² ХФЦГИА, ф. 371, д. 36, лл. 48, 60, 66, 147, 185—205, 261—265, 268—270.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 998, лл. 148—149.

⁴ ХФЦГИА, ф. 25, д. 7, л. 2.

⁵ Гильденштедт. Путешествие..., стр. 46.

Из присланных Харьковским полком людей, а их всегда было меньше 100 чел., бежало в 1737 г. в марте 13 чел., в августе 20 чел.; в 1740 г. в октябре — 67 чел., в 1742 г. в январе — 31 чел., июле — 28 чел., ноябре — 32 чел. Присылаемые рабочие люди, говорилось в указе 4 мая 1742 г., «указных» сроков не работают, «недождав термины всегда бегут». Ко времени написания данного указа на промыслах работало людей из полков: Изюмского 49, Харьковского 9, Ахтырского 84, Рыбинского 10 и Сумского 10 чел., итого 162 чел., из них конных 39 и пеших 123¹.

На вспомогательных работах продолжали использовать людей по нарядам: украинских и русских казаков и крестьян Слободжанщины, Белгородского, Воронежского, Курского, Путивль-ского уездов². Из платежных ведомостей известно, что на Торских промыслах работали крестьяне Белгородского уезда и солдаты Бахмутского батальона в среднем ежемесячно: в 1759 г. — 78, в 1760 г. — 67, в 1761 г. — 62, в 1762 г. — 51, в 1763 г. — 50 и в 1764 г. — 47 чел., из них было от 25 до 33% солдат³. Таким образом, соляные промыслы испытывали большие трудности в обеспечении рабочей силой. Казацко-крестьянские массы, не желая покорно трудиться в крепостном ярме, всячески уклонялись от работы на промыслах.

Условия труда солеваров и подсобных работников были очень тяжелыми. Они постоянно дышали тяжелыми удушливыми испарениями соляных варниц, окутывавших широко район промыслов. Рабочий день длился от 14 до 19 час. Материально-бытовое положение рабочих людей также было тяжелым.

В донесении яблоневского воеводы Г. Куракина в Москву от 6 июня 1653 года говорилось, что приезжающие черкасы на Торские соляные промыслы стоят «обозом»⁴. С ростом постоянного солеварения с 60-х годов XVII в. стали появляться избы и дворы зажиточных солеваров, торговцев, приказных людей, курени и землянки рабочих людей. В указе 14 октября 1704 г. говорится, что в Бахмуте было 49 дворов, 49 изб, 48 куреней и землянок⁵. В этих куренях, землянках и ютились в большой скученности рабочие люди. Почти не улучшилось бытовое положение солеваров и других работников промыслов до конца XVIII в.

Продовольственное снабжение рабочих людей было плохое. Прибывавшим на промыслы людям приходилось приносить или привозить с собой кое-какое продовольствие, а часть покупать у

местных жителей и торговцев. «Вольноварильщики», например, выдавали рабочим людям «поденно свои харчи».

В XVIII в. правительство стало заниматься созданием фуражной базы для волов и лошадей, занятых на промыслах. Из указа от 10 декабря 1739 г. известно, что слободские полки по нарядам заготавливали сено для скота¹.

Рабочие люди получали за свой труд плату. Сохранилось много платежных документов 40—70-х годов XVIII в.² По ведомостям 1742 г. и 1750 г. оплачено по нарядам поденно в зимнее время: погонщикам при рассолоподъемной «машине», дроворубам, плотникам, кожевникам, кирпичникам, истопникам солеварных печей по 4 коп.³ Таким работникам в мае и июне платили по 5 коп., ученикам плотницкого дела — по 2 коп., людям, работавшим со своими лошадьми, — по 10 коп.⁴ Солдатам Бахмутского батальона за заготовку дров и брусьев платили в зимние и летние месяцы по 1,5—2 коп.⁵.

В 1762 г. за постройку амбаров, покрытие крыш кузницы и солеварных построек, за стружку дерева на обручи и заготовку дров платили также зимой по 4 и летом по 5 коп., за постройку дома и кузницы, за починку рассолоподъемной «машин», за пиление досок и изготовление деревянных труб — в зимнее время по 5 коп.⁶.

Наиболее высокооплачиваемые были хорошие кузнецы и солевары. Первые в 50-х годах получали по 5—6,5 коп., в 70-х годах — по 7,5 коп. Солевары в 1751 г. получали зимой по 7 коп. и летом по 7,5 коп.⁷ Частные предприниматели солеварам платили больше, чем казна. У каждой скороды, писал Гильденштедт, посменно работало 4 чел., «они получают от казны по копейке с пуда добытой соли» или, вываривая за день 30 п., они получают от казны по 7,5 коп.; «у частных же лиц рабочие получают по 12,5 коп. за каждую варку с хозяйскими харчами»⁸.

Заработки солеваров, кузнецов и других мастеровых и рабочих людей обеспечивали им и их семьям жалкое существование. Только незначительная часть этих людей, занимавшаяся еще торговлей солью, жила зажиточно.

Размеры добычи соли на Торских и Бахмутских промыслах, особенно до середины XVIII в., определить трудно, вследствие отсутствия систематических сведений.

¹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 84, лл. 5, 49; д. 121, лл. 2—3, 123; д. 147, лл. 40, 95, 104.

² Там же, ф. 372, д. 7, лл. 673—678; д. 11, лл. 276—297, 518—524; д. 13, лл. 520—607; д. 19, лл. 443—483; д. 27, лл. 374—388, 567—569; ф. 371, д. 33, лл. 385, 390, 578.

³ Там же, ф. 372, д. 17, л. 119; д. 18, лл. 451, 452; д. 19, лл. 516—518.

⁴ АМГ, т. II, № 522.

⁵ ХФЦГИА, ф. 28, д. 7, л. 2.

¹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 111, лл. 28—30; ф. 372, д. 2, л. 1033.

² Там же, ф. 372, дд. 2, 4, 7, 12, 15, 27, 36, 41.

³ Там же, ф. 31, д. 147, л. 53; д. 2, лл. 1, 2, 4, 162—177.

⁴ Там же, д. 2, лл. 13, 17, 23, 28, 31—36, 39.

⁵ Там же, лл. 11, 14, 21, 26, 29, 37; д. 19, л. 516—519.

⁶ Там же, ф. 371, д. 34, лл. 444, 453, 460, 463, 471, 480, 491, 503.

⁷ Там же, ф. 372, д. 2, лл. 56, 462; д. 3, л. 1049.

⁸ Гильденштедт. Путешествие..., стр. 46.

Из заводских отписок в Москву известно, что в 1653 г. на Торских промыслах было 400 чел., в 1666 г. — 647 чел., последние вываривали соль в 325 котлах¹. В одной отписке говорится, что приезжающие люди находились на промыслах 2—3 недели, после чего, наварив соли, уезжали. Не будет преувеличением считать, что если соли вываривалось по 30 п. на подвод, а подвод было по 1 на человека, то в 1653 г. было выварено соли более 12 тыс. п., а в 1666 г. — около 120 тыс. п. В отдельные годы на Торе насчитывалось до 5—10 тыс. чел.² и, возможно, они вываривали соли от 150 тыс. до 300 тыс. п. Казенные варницы также во многие годы давали немало соли: в 1666 г. на них выварено 10 тыс. п.³

Приведенные сведения дают основание полагать, что в XVII в., несмотря на перебои, солеварение на Торе росло. Многие годы ее добывали десятки тысяч пудов, а в отдельные из них вываривали до 250—300 тыс. п.

С открытием Бахмутских промыслов выварка соли значительно увеличилась. Об этом свидетельствуют размеры собираемых налогов⁴.

Более систематические сведения о добыче соли на данных промыслах сохранились со второй половины XVIII в. В упомянутой справке сообщались суммарные данные, которые дают представление о средней годовой выварке соли (в тыс. п.)⁵.

На Бахмутских промыслах			На Торских промыслах		
Годы	Всего добыто соли	Добыто в среднем за год	Годы	Всего добыто соли	Добыто в среднем за год
1750—1757	2 295 930	286,9	1750—1758	537 352	67,2
1758—1762	809 491	202,3	1759—1761	157 039	39,4
1763—1775	1 417 831	109,0	1762—1775	560 603	43,0
1776—1782	271 865	38,7	1776—1782	71 744	10,3

В Бахмуте вываривалось соли вследствие лучшей концентрации рассола больше, чем на Торе, однако на тех и других промыслах солеварение явно и неудержимо падало. Одной из основных причин упадка солеварения являлось появление на

рынке Слобожанщины более дешевой маньчской, эльтонской и крымской соли.

Торская, а затем бахмутская соль потреблялась населением слободских полков, Левобережной Украины, Курско-Белгородского и Воронежского краев и Дона.

В 1666 г. 92 подводы из Чугуева и более 100 из других мест перевезли из Тора в Белгород соли 7211 п.¹ В сентябре—октябре 1684 г. и с мая по август 1685 г. 43 торских жителя вывезли из Тора в разные города 347 возов соли на продажу. Они являлись мелкими солепромышленниками, или так называемыми чумаками, которые сами вываривали и вывозили соль на продажу. Возможности их были неравными: 5 чел. вывезли по 1—2 воза, 13 чел. — по 3—5 возов, 20 чел. — по 6—10 возов. В частности, М. Черный и И. Собин вывезли по 14 возов, А. Долгой — 30 возов и Е. Афанасьев — 42 воза. Между прочим, оба последних торговца вывезли 72 телеги соли в Харьков².

В ведомостях на проданную соль из торских и бахмутских казенных магазинов в 1748 г. записаны поименно люди Сумского, Ахтырского, Харьковского, Изюмского, Острогожского и Полтавского полков, из Курского, Белгородского и Воронежского краев³.

По этим ведомостям числится 58 покупателей соли. Из них 38 названы «жителями» городов и сел, в быту они назывались «чумаками». Затем было 5 однодворцев, 4 посадских человека, 3 крепостных крестьянина и 3 профессиональных купца (2 чугуевских и 1 курский). Райгородский житель В. Веприченко закупил 115 п. соли, житель сл. Богуславской Удодненко и крепостной Белгородского монастыря М. Сорока — по 100 п., 10 чел. — от 51 до 95 п., 48 чел. — от 5 до 30 п. и 1 чел. — 4 п.

Ежегодно приезжали на промыслы сотни «вольноварильщиков», вываривавших соль преимущественно на продажу. По ведомостям соляной конторы в 1768 г. на Бахмутских промыслах вываривали соль жители 129 сел: 32 сел Сумской, 26 Ахтырской, 29 Харьковской, 16 Изюмской и 26 сел Острогожской провинций. Одни из них возили соль по месту своего жительства, другие — в разные места⁴.

Местные соляные промыслы снабжали солью войска, расположенные на Украинской линии и в других близлежащих местах⁵.

Торская и бахмутская соль на Слобожанщине и Левобережной Украине находилась вне конкуренции до середины XVIII в.

¹ АМГ, т. II, № 522; ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 998, лл. 140—141.

² А. Скальковский. Опыт статистического описания..., ч. II, стр. 457.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 998, л. 122; Дополнительный отдел, стб. 98, л. 9.

⁴ «Сборник РИО», т. 63, стр. 599; А. Скальковский. Опыт статистического описания..., ч. II, стр. 457—459, 461.

⁵ «Горный журнал», 1838, кн. VIII, стр. 253—254.

¹ «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 160; ХФЦГИА, ф. 353, стб. 33, док. 10.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 130—132.

³ ХФЦГИА, ф. 372, д. 2, стр. 208—224.

⁴ Там же, ф. 399, д. 510, лл. 92—118; ф. 371, д. 62, л. 27; ф. 372, д. 2, лл. 785—787.

⁵ Там же, ф. 31, д. 96, л. 27; ф. 371, д. 35, лл. 1—173; д. 39, лл. 14—117.

Однако к этому времени сильно сократились местные леса. Топливо вздорожало, поднялась цена на соль. При этих обстоятельствах стала поступать на Слобожанщину дешевая самосадочная соль из Эльтонского озера, Прикаспийского края, и Маныча, на Дону. Появилась также крымская самосадочная дешевая соль на Левобережной Украине и на Слобожанщине.

До 70-х годов XVIII в. правительство вело борьбу с контрабандным ввозом маньчской, эльтонской и крымской соли¹.

Дворяне Харьковского уезда жаловались в наказе 1767 г., что они вынуждены пользоваться только бахмутской солью, которая вследствие дороговизны дров обходится очень дорого: «А ныне по оскудению в тех местах лесов, за последовавшие дровам великою дороговизною, выварка той соли становитца гораздо выше указной цены, с немалым сему обществу отягощением». Они просили, чтобы правительство разрешило жителям Слободско-Украинской губернии, как и жителям Левобережной Украины и Дона, покупать соль эльтонскую, маньчскую и крымскую².

В 1763 г. из Главной соляной конторы последовал указ о прекращении казенной выварки соли и разрешении поставки маньчской и эльтонской соли на Слобожанщину³. Соль продолжали вываривать на Бахмутских и Торских промыслах только «вольноварильщики». Они еще в 1767 г. за 7 месяцев выварили 158 сковород, а в 1771 г. за 5 месяцев — 89 сковород⁴. Значительная часть «вольноварильщиков» бросала здесь невыгодную добычу и отправлялась за самосадочной маньчской и крымской солью. Правительство ослабило борьбу против контрабанды соли, а с 1773 г. разрешило всем желающим привозить крымскую соль на Слобожанщину⁵.

Привоз дешевой крымской соли в скором времени настолько вырос, что сделал Бахмутские и Торские соляные промыслы окончательно невыгодными и для «вольноварильщиков». Поэтому правительство в 1782 г. вовсе закрыло эти промыслы.

На Украине табак стали выращивать в XVI в., его занесли переселенцы и на Слобожанщину. В ходе преобразований при Петре I разрешено не только курение табака в России, но и с фискальных соображений на казенные средства в 1718 г. заведена табачная мануфактура в Ахтырке.

Выбор Ахтырки для открытия первой в стране табачной мануфактуры был не случайный. Казачко-крестьянские массы

¹ ХФЦГИА, ф. 372, д. 7, лл. 656—668; ф. 371, д. 3, лл. 6, 34, 132, 211, 237, 272, 279, 301, 310.

² «Сборник РИО», т. 68, стр. 266, 190.

³ ХФЦГИА, ф. 371, д. 36, лл. 47—49; ф. 399, д. 613, лл. 1—14.

⁴ Там же, ф. 372, д. 42, лл. 141—145; д. 28, лл. 166, 168, 170, 172—178.

⁵ Там же, ф. 399, д. 510, лл. 1—91; ф. 371, д. 64, лл. 376—418.

Ахтырского и Сумского полков, а также соседних полков Левобережной Украины занимались огородным табаководством. Эти традиции решено было использовать для обеспечения мануфактуры сырьем и рабочей силой.

По инициативе Петра I еще в 1716 г. в Голландии был нанят мастер табачных дел Жан Андрей Жизи. Он сделал пробу из местного табака в начале 1717 г. в Петербурге, получившую одобрительный отзыв царя. По указу¹ Петра I киевский губернатор Д. Голицын в начале 1718 г. предписал ахтырскому полковнику и бригадиру В. Осипову выбрать место и на казенный счет построить помещения, изготовить необходимое оборудование, организовать разведение табака². В том же году построена в Ахтырке казенная табачная мануфактура.

Мануфактура была построена на городской выгонной площади. Она состояла из 9 амбаров и навесов для хранения и предварительного приготовления табака; изб и светлиц, представлявших собою нечто вроде цехов по обработке и упаковке табака; устройства для выращивания табачной рассады; конторы и жилых помещений, обнесенных оградой. Все постройки сделаны из соснового, берестового, липового и дубового дерева, крытые камышом, соломой и гонтом³.

Техническое оборудование предприятия составляли следующие предметы: 2 пресса; 20 колес железных для вил рульного табака; 12 ножей железных с бляшками и шурупами для закрепления их в рукоятках, 6 сит опойковых, 3 подситка лычных, 2 сита волосяных, 6 ящиков деревянных, в которых сеяли картуз, 5 медных и железных воронок для засыпки в картуз табаку, весы с коромыслом и безмен, 14 столов деревянных, на которых «вили и крошили» табак, 4 формы деревянные для набивки картуза, 1 котел медный для варки черносливы, 1 молот и 3 молотка⁴.

Об одном из прессов даны подробные сведения при составлении описи на оборудование табачной мануфактуры, перевозимое в Петербург в 1766 г., подмастерье мануфактуры М. Пилевин сообщал, что в 1726 г. по царскому указу был выписан из Голландии «и оным целовался рульный табак на голландской манер». Пресс состоял из 38 деталей, весом 60 п. 8 ф. Из них стальной винт с железным колесом весил 9 п. 29 ф., верхняя цубовая колода с железной оковой и медным шрубом весом 14 п. 19 ф., а также 2 «столба чугунных с ушми» весом 16 п. 27 ф.⁵.

О сырьевой базе мануфактуры в начале ее существования

¹ О получении указа ахтырским судьей С. Поярским говорится в справке канцелярии Мануфактур-коллегии. ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 6, д. 992, л. 5.

² ХФЦГИА, ф. 27, д. 2, лл. 36—38, 47.

³ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 5, д. 20, лл. 2—6.

⁴ Там же, лл. 6—9.

⁵ ХФЦГИА, ф. 399, д. 106, лл. 15—16.

мало известно. В «плане» ее устройства предусматривалось поставлять на переработку табак, собираемый по десятичному налогу с населения Левобережных полков. Но неизвестно, поступал ли такой табак в Ахтырку. Известно другое, что около фабричного двора были «парники» по выращиванию табачной рассады, а также были табачные плантации до 50 дес.

В «Экстракте» 1743 г. о состоянии мануфактуры указывалось, что в 1719 г. засеяно немецкими семенами табака 33 дес., в 1720—1722 гг. сеялось по 46 дес.¹

В «Дневных заметках» Я. Маркович писал, что для табачного «завода» засеивали «великие левады на 50 десятин»². Последняя цифра приводится, должно быть, суммарно. Полевая площадь от 33 до 50 дес. сохранялась до 1736 г., затем она стала сокращаться, а в 40-х годах вовсе не упоминается. Сохранились некоторые сведения и об урожайности табака. По «ведомости» капитана Кологривова, ведавшего «заводом», в 1717—1722 гг. его собрали 18 919 п. 33 ф.³, в среднем в год 4730 п. В последующие годы по сведениям Марковича собирали до 7600 п.

Основную рабочую силу мануфактуры составляли крестьяне окружающих сел. Строили мануфактуру работные люди, присылаемые по нарядам из городов и сел Белгородской провинции и Слободских полков. По указу царя к мануфактуре с 1719 г. приписаны села и деревни бывшего полковника И. Перекрестова, в которых насчитывалось 944 крестьянских двора. Из них работало на мануфактуре поочередно: пеших 100 и конных 50 чел. ежедневно, на уборке табака в течение месяца — пеших 100 чел. и на возке в течение двух месяцев — 200 чел. От 3094 дворов Сумского полка поочередно непрерывно работало пеших 60 чел. Кроме того, на предприятии до 1727 г. постоянно было до 30 учеников табачного дела из завербованных людей. В качестве учеников были украинцы Г. Ткаченко, К. Гетманенко, И. Лучинский, П. Шелепинский, И. Трофименко; русские — И. Тюканов, С. Гриднев, А. Коптев и др.⁴

Руководство фабричными работами около 10 лет находилось в руках иностранцев. Первым табачным мастером был А. Жизи, вторым — К. Брон. В одном из указов говорится, что в Мануфактур-коллегии 30 августа 1725 г. подписан контракт с К. Бронном, по которому он должен был работать на Ахтырской табачной «фабрике» 5 лет. К. Брону дано 8 учеников: В. Крылов, И. Поповский, И. Посацкий, Г. Иванов, М. Пилевин, Ф. Суханов, Г. Иванов и В. Суханов⁵. Преемниками иностранного мастера

табачных дел при передаче «фабрики» в частные руки в 1727 г. стали бывшие ученики К. Брона П. Мануйленко и А. Дюканов¹.

Аппарат служащих на «фабрике» во время пребывания ее в ведении казны состоял из комиссара, канцеляриста и подканцеляриста, а также из 1 офицера и 3 солдат².

Оплата работным людям и служащим положена на год в таком размере: мастеру-иностранцу денег 110 руб., хлеба — пшеницы 9 и ржи 9 четей по цене: пшеница по 1 руб. и рожь по 50 коп. за четь. Мастерам русскому и украинцу по 20 руб., ученикам русским и украинцам 15 чел. (подмастерьям) по 10 руб. и 15 чел. (ученикам) по 5 руб. каждому, а хлеба всем, как и солдатам, ржи по 3 чети каждому. Работным людям из Перекрестовских сел пешим 160 чел. по 3,5 коп. (12 руб. 83 коп. в год) и конным 50 чел. по 8 коп. в день (29 руб. в год), дополнительно набираемым на уборку табака пешим 100 чел. по 3 коп. каждому (10 руб. 95 коп.), канцеляристу 20 руб.³

Обращает на себя внимание большая разница между оплатой иностранного мастера и отечественных мастеров, последние получали в 5 раз меньше первого, а ученики, подмастерья и пешие работные люди в 10 раз меньше.

Жалованье регулярно выдавалось только иностранному мастеру, работным людям, ученикам, подмастерьям и даже солдатам оно выплачивалось очень нерегулярно. Мастерские люди и ученики «фабрики», говорилось в указе Екатерины I, жаловались, что они не получали денежного содержания за 1724 г., а солдатам на сентябрьскую треть и хлебного жалованья не выдавалось с 1 января 1725 г.⁴

Организация производства была построена по типу мануфактурного предприятия. Разные группы крестьян трудились на обработке земли, на уборке и возке табака, огородники выращивали в «парнике» рассаду, другие ее рассаживали. Еще нагляднее было разделение труда на самой «фабрике». В «Дневных записках» Я. Марковича об этом говорится весьма отчетливо. На фабрике занято много работников, из которых одни «папуши разбирают по листку и из листков коренци вынимают; другие же листья в долгие трубки катают на железных прутьях; третьи же трубки в столбики скручивают, каковые рулями называют и кропят оные отваром чернослив с прибавкою соли, четвертые из тех столбиков в железном прессе выдавливают горький сок, последние же таковые столбики режут нарочно сделанными стальными сечками и в картузы кладут»⁵. Табак по технике обработки и

¹ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 5, д. 20, л. 8, оп. 3, д. 206, лл. 1—6; оп. 5, д. 8, л. 5; оп. 6, д. 992, л. 2.

² «Киевская старина», 1886, сентябрь, стр. 176.

³ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 6, д. 992, л. 5; оп. 5, д. 8, л. 1.

⁴ Там же, оп. 3, д. 205, лл. 1, 4.

⁵ ХФЦГИА, ф. 27, д. 18, л. 323.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 3, д. 205, л. 4.

² ХФЦГИА, ф. 27, д. 2, л. 27.

³ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 5, д. 8, л. 6; оп. 3, д. 205, лл. 4—5.

⁴ ХФЦГИА, ф. 27, д. 17, л. 891.

⁵ «Киевская старина», 1886, сентябрь, стр. 178.

качеству делился на рульный, картузный, папушный, крошенный и тертый.

Вопрос о сбыте табака Ахтырской «фабрики» решался весьма сложно. На Слобожанщине, как и на Левобережной Украине, люди разных сословий, занимавшиеся курением, беспрепятственно выращивали себе табак и простым домашним способом приготавливали его для курения и нюханья. Это весьма ограничивало спрос на фабричный табак на слободско-украинском рынке. Приходилось значительную часть табачного изделия вывозить в Петербург и Москву, а отсюда и в другие города. Из доношения комиссара табачной «фабрики» С. Павлова от 15 февраля 1724 г., «промемории» из Камор-коллегии и других материалов¹ явствует, что из урожая табака 1719—1722 гг. в 18 920 п. привезено в Петербург 2 тыс. п. и в Москву 16 п., затем в Москву еще привезено 1991 п. В конце 1723 г. началась переписка между канцеляриями Мануфактур-коллегии, Камор-коллегии и администрацией мануфактуры о перевозке всего запаса табака, скопившегося в 1724 г. до 20 тыс. п., в Москву. Предлагалось сэкономить расходы половину перевозку по зимнему пути, а половину из Орла по вешней воде. Для перевозки табака из Мануфактур-коллегии командирован в Ахтырку подканцелярист Д. Бунин. Оказалось сложным делом нанять сотни подвод для перевозки табака в Москву. Подводчики требовали по 18 коп. с 1 п., с трудом удалось разыскать 110 подвод и к весне 1725 г. перевезти в Москву табака 2750 п.²

Рыночные условия для ахтырского табака сложились неблагоприятно и по другим обстоятельствам. Украинский табак был качеством хуже, но дешевле ахтырского и успешно конкурировал с последним не только на украинском рынке, но и в русских городах. Конкуренция украинского табака среди покупателей низших слоев населения росла. Экономисты Мануфактур-коллегии обратили внимание на этот факт еще в 1724 г. В «выписке» о табачной «фабрике» говорилось: «А которой табак родится на заводе ахтырском достоинством черкасского табака весьма превосходительнее и ценою становится дороже», но простой народ, не обращая внимания «на достоинство» покупает тот, «который дешевле и от того табаку Ахтырская фабрика несет большой урон». Составитель «выписки» вместо сегования по поводу создавшегося положения на казенной мануфактуре разумно предложил позаботиться об улучшении качества украинского табака, который бы не уступал «немецкому»³.

В документах нет сведений о том, насколько улучшился украинский табак в то время. Надо полагать, что коль скоро на «фабрике» были заведены табачные семена лучших сортов, то они,

конечно, попадали в руки местного населения. Между тем, известно из «доношения» Мануфактур-коллегии 1747 г., что табачные изделия Ахтырской «фабрики» продавались по 2 руб., а украинский табак — по 1 руб. 77 коп. за 1 п. Это в определенной степени и обуславливало залеживание фабричного табака на складах. При передаче мануфактуры Ахтырской полковой канцелярии в 1733 г. выяснилось, что в 1727 г. ахтырского фабричного табака в Москве лежало 5445 п. и в Ахтырке — 10 422 п. Кроме того, было много табака, который «от долголетнего лежания вовсе сопрел»: крошеного 3010 п. 12 ф., рульного 1000 п., в порошок 342 п. 30 ф., а также рульного табака, принадлежавшего бывшему иноземному мастеру А. Жизи, 800 п. и ломаного рульного — 29 п.⁴

Ахтырская табачная мануфактура содержалась на казенный счет с начала своего существования и до 1727 г., находясь в ведении Контор-коллегии, потом Мануфактур-коллегии. Их представителями на мануфактуре были «комиссары»². Предприятие работало весьма нерентабельно, приносило убытки, поэтому по указу от 15 ноября 1727 г. оно было передано в частные руки. В сообщении об этом говорилось, что по указу Верховного тайного совета «велено Ахтырской табачной завод опричь деревень отдать в вольное содержание охотникам, а буде охотников не будет и то строение продать».

В ответ на объявление 25 ноября 1727 г. в Сенат явился служащий одного из петербургских ведомств Ф. Молчин и изъявил желание «завести табашных мануфактур голландского манира своим коштом». По указу от 20 декабря Ф. Молчину передавались фабричные ученики, фабричное оборудование, а также табак свежий в папухах — 5 тыс. п. и постройки. За все это он должен был внести деньги в казну по установленной оценке в течение 3 лет. Ф. Молчин «за неимением капиталов», сдал мануфактуру «в собственность» своему «товарищу» петербургскому купцу И. Маслову. После смерти Маслова в 1732 г. «фабрика» вновь перешла в казну³.

В 1733 г. в связи с тем, что не было желающих взять «на свой кошт», в целях «отвращения убытка и для государственного плода», по указу от 20 апреля мануфактура была отдана в ведение Ахтырского полка «взяв с того полку за строение и инструмент в казну деньги по настоящей цене». Администрации мануфактуры давалось право продавать табак в Ахтырке и в «прочих» местах с уплатою пошли в казну⁴. Полковая канцелярия ведала мануфактурой до ее ликвидации.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 5, д. 8, лл. 27, 34—35, 61—62.

² Там же.

³ Там же, д. 205, лл. 1—7.

⁴ Там же, оп. 6, д. 992, лл. 6—7.

Табак продолжали сеять на мануфактурных плантациях до 1736 г., на всем протяжении этого времени предприятие выпускало незначительную продукцию. Часть ее расходилась на местном рынке, часть периодически вывозилась в столичные города. Из указа Сената 1734 г. известно, что в этом году, кажется, в последний раз, перевезено разных табачных изделий из Ахтырки в Петербург 1571 п.¹

С переходом мануфактуры в ведение полковой канцелярии производство ее стало заметно приходить в упадок. В основе упадка лежало отсутствие достаточного спроса на ее изделия на местном рынке. Спрос в столичных городах также оказался недостаточным. Тем более, что в 1727 г. разрешена была свободная продажа «черкасского» табака с уплатой незначительных пошлин. Ускоренному упадку мануфактуры с 1733 г. способствовало пренебрежительное отношение к ней старшин Ахтырского полка, ставших на путь использования ее оборудования для обработки своего личного табака.

Подмастерье мануфактуры В. Болдырев в «доношении» в Мануфактур-контору 1747 г. описал мрачную картину хозяйничания старшин. «Доношение» В. Болдырева не помогло «заводу» — он продолжал бездействовать и разрушаться. По поручению Екатерины II в 1766 г. Г. Теплов написал губернатору Слободско-Украинской губернии Е. Щербинину, чтобы уцелевший от «завода» железный пресс он отправил в Петербург, что и было сделано².

Изложенное дает основание утверждать, что крестьянские промыслы продолжали существовать до конца XVIII в. во всех отраслях промышленного производства. В швейной, кожевенной, скорняжной и других отраслях крестьянские промыслы во многих местах развились в ремесло. Добыча селитры и соли поднялась до уровня ранней ступени мануфактуры. В ткацком производстве выросли мануфактуры, среди которых была одна из крупнейших в стране — Глушковская посессионная суконная мануфактура.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 4, д. 343, л. 6.

² ХФЦГИА, ф. 399, д. 117, лл. 1, 13—16, 22—26, 106.

Глава VI

РОСТ ТОРГОВЛИ

Торговля, как и вся хозяйственная жизнь Слобожанщины, находилась в органической связи с формированием и развитием всероссийского рынка. Основой этого процесса являлся рост общественного разделения труда в крае, как и по всей России и Украине. Здесь росло земледелие, промыслы, ремесла и появлялись мануфактуры. Это обуславливало обмен продуктами разных отраслей хозяйства не только внутри края, но и с другими районами России и Украины. «Тот процесс специализации, — писал В. И. Ленин, — который отделяет один от другого различные виды обработки продуктов, создавая все большее и большее число отраслей промышленности, — проявляется и в земледелии, создавая специализирующиеся районы земледелия..., вызывая обмен не только между продуктами земледелия и промышленности, но и между различными продуктами сельского хозяйства»¹. Развивавшаяся торговля, как известно, в свою очередь способствовала развитию производительных сил и социально-экономическим преобразованиям общества. В феодальном обществе, в частности, по мере развития торговли, возникновения рынка и денежного обращения, возникал новый класс — класс буржуазии. Это находит свое подтверждение в социально-экономическом развитии Слобожанщины.

Торговая политика правительства

Украинские, как и русские люди, поселявшиеся на Слобожанщине, занимались по мере надобности и возможности куплей и продажей разных предметов с первых дней поселения. Правительство, понимая важное значение торговли для материального укрепления поселенцев, содействовало им в этом отношении.

Когда, например, группа украинцев в 1638 г. поселилась

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 16—17.

в Чугуеве и в Короче, немедленно из Разрядного приказа была отправлена царская грамота курскому воеводе об облегчении условий торговли переселенцам. «А которые черкасы,— говорилось в грамоте,— приедут в Куреск с Чугуева и из Корочи и ты бы тем черкасам в Курске хлебные всякие запасы и всякое съестное, и животину и на одежду платье деланное велел покупать по вольной цене беспошлинно, да и на Чугуеве с русскими со всяких людей с продажного хлеба и со всяких товаров таможенной пошлины иметь по нашему указу им не велено, и бирючим в торговые дни велеть прокликать не по один день, чтобы всякие торговые люди для всякого торгового промысла ездили на Чугуев и торговали с черкасы беспошлинно всякими товарами»¹. В возникавших городах и местечках появлялись торговые лавки, палатки. Обживавшие их жители добивались устройства постоянной и периодической торговли.

В начале 1657 г. поселенцы Ворожбы обратились с челобитной к правительству, они просили разрешить им построить на «заводнищом городище» острожек для убежища от нападения татар «и для торжишку, как бы нам меж собою торговать промыслишком прокормитца»².

В Острогжске, спустя 15 лет после его заселения украинцами, к 1667 г. торговля выросла настолько, что местный воевода счел своим долгом написать в Разрядный приказ о необходимости устроить под острогом торговую слободку³.

Сумчане, например, на третьем году постройки своего города, в 1658 г., обратились к правительству с просьбой, чтобы «быть ярмаркам на Сумине трижды в год, как и в государевых запорозских городах живут ярмарки»⁴. В 1659 г. с просьбой об открытии ярмарки и торгов обращались харьковчане, в разное время обращались по этому поводу жители многих других городов и местечек. Правительство разрешало строить торговые ряды, гостиные дворы, заводить торги и ярмарки.

В царской грамоте от 5 августа 1659 г. харьковскому воеводе И. Офросимову говорилось: «Били челом нам великому государю харьковские черкасы атаман Тимофей Лавринов с товарищи всем городом, чтоб... пожаловати б их велеть в Харьков, съезжаться на ярманку и торговать тутошним и разных городов приезжим всяким людям безпенно ежелеть о Успенъеве дни. И как к тебе ся наша... грамота придет и ты-б харьковским черкасам и разных городов приезжим людям всякими товары в Харькове на тот срок торговать велели да и в неделе по четвергам торговать»⁵. Такая же грамота дана в 1680 г. коломакскому

атаману Е. Михайлову. В ней говорилось: «да в том же новопостроенном городку Коломаку торговать им самим и с ними же в новопостроенном городе и по ярмаркам, приезжим людям торговать всякими товарами «безпошлинно»¹.

Правительство держало торговлю в центре внимания во всей стране с давнего времени. Оно взяло под свой контроль торговлю края с самого начала его заселения. Страна не только была опоясана границами, отделяющими ее от других стран, и на заставах строго контролировалась внешняя торговля, собирались пошлины, но и внутри ее существовали таможенные перегородки. По дорогам и рекам между областями стояли заставы, на которых находились казенные сборщики или откупщики, собиравшие торговые и проезжие пошлины. Торговые, как и неторговые, люди, желавшие отправиться на рынок за пределы своей округи, должны были получить на это разрешение от властей². Такое стеснительное положение в стране существовало до середины XVIII в., т. е. до отмены внутренних таможен.

Особенности жизни Слобожанщины, то, что она граничила с татарскими землями, заставляли правительство неоднократно поступаться своими фискальными выгодами и временно предоставлять права слобожанам беспошлинной торговли. Пожалование, как уже отмечалось, чугуевским поселенцам льгот на беспошлинную торговлю не было исключением. В царской грамоте карповскому воеводе А. Щепотеву в 1660 г. предписывалось устроить группу украинских переселенцев около татарского брода через р. Пена на Бакаевом шляху и разрешалось «им торговать с нынешнего 168 году беспошлинно 3 года»³. Одновременно такие же льготы были предоставлены украинцам, поселившимся в Ольшанске⁴, а в 1658 г. сумчанам⁵. Правительство жаловало украинских поселенцев льготами на торговлю основными средствами существования повсеместно. Лишь по отдельным предметам делались ограничения и даже запреты.

В грамоте из Разрядного приказа чугуевскому воеводе Ф. Пушкину в 1654 г., разрешавшей поселение группы украинцев, ставились условия, чтобы они «вина и табаку на продажу не держали»⁶. В наказе харьковскому воеводе В. Сухотину в 1660 г. говорилось об этом следующее: «а которые всяких чинов люди приедут в Харьков из польских, из украинских городов с торговыми промыслами и Василью тем торговым людям и харьковским черкасам меж себя всякими товары в Харькове

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 258.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1515, лл. 800—807; Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XII, стр. 1136—1137.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 36.

⁴ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 481, лл. 488—489.

⁵ Там же, Поместный стол, стб. 46, л. 16.

⁶ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 30, док. 4; АМГ, т. II, № 152.

¹ АМГ, т. II, № 152.

² ЦГАДА, Севский стол, стб. 161, л. 69.

³ Там же, Белгородский стол, стб. 593, лл. 440—442.

⁴ Там же, Поместный стол, стб. 46, лл. 12—16.

⁵ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 27.

велеть торговать до государева указа беспощинно, а вина курить, и пива варить, и меды ставить велеть харьковским черкасам с твоего ведома не повелику, смотря по людем и по тамошнему делу, и велеть им то вино, и пиво, и мед держати про себя, а продажного бы вина, и пива, и меду у них отнюдь ни у кого не было». При первом привозе тех людей с вином и табаком отсылат «назад в черкасские города и в уезды совсем вцеле..., а которые впредь в Харьков с продажным вином и с табаком приедут и у тех велеть бочки с вином рассекать и табак жечь и они б однолично вина и табаку в Харьков на продажу не привозили»¹.

Табак, как известно, в России, исключая Слобожанщину, не выращивался и его продажа находилась официально под запретом до 1688 г. Запрет привоза водки выражал стремление правительства сохранить в своих руках весьма доходную статью. Об этом совершенно ясно сказано в Глуховских статьях, данных царем гетману Д. Многогрешному в 1669 г. В статье 24-й говорится: «Малороссийских городов жители приезжают в Московское государство и в украинные города привозят вино и табак и продают всяким людем для своей користи и от того кабацким зборам чинится поруха и недобор; и чтоб учинить заказ крепкой под жестоким наказанием, чтобы вина и табаку... отнюдь не привозили и не продавали». Этот запрет был снят царским указом в 1688 г.

Льготы долгое время не распространялись на промыслы и продажу меда². По-видимому, это объяснялось тем, что борти были в казенных лесах, особых хозяйственных затрат не требовали и являлись весьма доходным промыслом, чем фискальные органы старались воспользоваться. С сокращением лесов, распашкой степи и заменой бортничества пасечничеством пчеловодство резко сократилось, «медвяный оброк» угрожал ему разорением. По челобитным старшин и казаков, как вытекает из «Экстракта о Слободских полках» 1734 г., правительство стало на путь ограничения, а затем, как видим в Сумском полку, и упразднения «медвяного оброка»³.

Льготы на торговлю, как и на другие промыслы, давались переселенцам на 3—5 и больше лет. По истечении льготных сроков устанавливались пошлинные сборы и другие повинности. Введение сборов нередко вызывало разные эксцессы и отказы от уплаты требуемых повинностей. Отказывались платить пошлины украинские жители городов Ольшанска в 1661 г., Острогожска в 1662 г.⁴ Правительство, подавляя сопротивление, установило сбор торговых пошлин с украинских поселенцев к 1665 г.

¹ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 33.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 366, лл. 1, 4.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 117—178.

⁴ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 463, лл. 364—366; стб. 1103, лл. 341—342.

Волна татарских набегов, готовившаяся война с Турцией, мятеж изменника гетмана И. Брюховецкого, пытавшегося отторгнуть Слобожанщину и Поднепровскую Украину от России, заставили царское правительство повременить с наступлением на казацкие привилегии. Царь Алексей Михайлович дал жалованные грамоты Ахтырскому, Сумскому и Харьковскому¹ полкам 5 мая 1669 г. и Острогожскому 10 сентября 1670 г.² В грамотах говорилось, что казакам Слободских полков за преданность России вместо « годового денежного жалованья » возвращаются оброки, « которые на них довелось взять с промыслов их с котлов с винных, и с пивных, и с шинков » по окладу в 1665 по 1669 гг. и впредь им разрешалось « промышленять безоброчно », т. е. заниматься промыслами и торговлей без оплаты оброков и пошлин. Из этих грамот выясняется, что правительству доводилось малую пользу извлекать из налогов на Слобожанщине в условиях XVII в. Сбор оброчных и пошлинных денег в 1665—1669 гг. был следующий:

Полк	Сколько надо было собрать по окладу	Было собрано	Осталось в недоимке
Сумской	6091 руб. с полтиной	1449 руб. с полтиной	4642 руб.
Харьковский	2225 руб. с полтиной	849 руб.	1376 руб. с полтиной
Ахтырский	2141 руб. 8 алтын 2 деньги	821 руб. с полтиной	1319 руб. 25 алтын
Острогожский	1622 руб. 8 алтын 2 деньги	457 руб. с полтиной	1164 руб. 25 алтын
Всего	12 080 руб. 15 алтын 10 деньги	3577 руб. 15 алтын 10 деньги	8503 руб.

Как видим, собрано в казну около 35% положенной суммы. Выполнение сбора платежей было несомненно очень низким. Многие люди объясняли неуплату денег своей бедностью, что, безусловно, отвечало действительности и им было трудно нести постоянно казацкую службу. Сложившиеся обстоятельства вынудили правительство осуществить перевод казацких полков

¹ ПСЗ, № 449; В. В. Гуров. Сборник судебных решений..., стр. 469—472.

² П. Головинский. Слободские казацкие полки, стр. 89—91.

с государственного денежного жалования на временные льготы. Такие льготы стали предоставляться и новоприбывавшим переселенцам. Поселившимся поднепровским украинцам в сл. Ямная, Вольновского уезда, в 70-х годах XVII в. разрешено торговать, содержать шинки «против черкас», проживающих «в русских и малороссийских городах»¹. В грамоте 17 февраля 1682 г. предлагалось харьковскому полковнику Г. Донцу, построившему Изюм и положившему начало образованию Изюмского полка, чтобы он призывал сюда на поселение неслужилых украинцев, «а льготы им давать во всяких податях по рассмотрению лет на 10 и на 15 смотря по имуществу людей; во льготные года в тех городах торговать им, черкасам, всякими товарами беспошлинно». Эти условия поселения новоприбывающих украинцев были подтверждены грамотой 19 февраля 1684 г.².

В первых 4 грамотах не говорилось, на какой срок давались льготы слободско-украинским казакам. В грамоте Изюмскому полку этот срок определялся 10—15 годами. Исключение составляли шинки, которыми разрешалось владеть беспошлинно и после окончания льготных лет. Следовательно, правительство с самого начала рассматривало Слободско-Украинские полки с их льготами как явление временное.

О предоставленных торговых льготах по грамотам 1669—1670 гг. правительство в скором времени «забыло», а местные органы власти их всячески нарушали, облагая казаков разными повинностями. В связи с походами русских войск в Крым роль Слободских полков возросла. Правительство в 1688 г. дало им новые грамоты, в которых подтверждались ранее пожалованные льготы. В скором времени, после крымских походов В. Голицына, из Слободжанщины стали поступать жалобы в Москву на нарушения льгот. На жалобы обратили внимание в 1695 г., в связи с азовскими походами полкам даны подтвердительные грамоты³. Во время подготовки к Северной войне и отправки Слободских полков на своем материальном обеспечении в Прибалтику Петр I 28 февраля 1700 г. дал новую грамоту Харьковскому, Ахтырскому, Сумскому, Изюмскому и Острогожскому полкам с подтверждением все тех же казацких промыслово-торговых льгот. Но и эта грамота стала нарушаться еще тогда,

когда Слободские полки воевали в Прибалтике. Старшины и казаки Острогожского полка жаловались правительству в 1701 г., что острогожский бурмистр С. Курбатов незаконно взыскивал десятую деньгу с их торгов и промыслов¹.

Во время правления Анны Ивановны от льгот почти ничего не осталось. Позже слободско-украинские старшины, пользуясь «благосклонностью» Елизаветы Петровны, в 1743 г. выпросили жалованную грамоту всем полкам, по которой восстанавливалось содержание «их при прежних их вольностях», а также право «всякими промыслами промыслять и всякими ж товарами торговать беспошлинно»². Это был последний жест царского «великодушия» в отношении слободско-украинского казачества. Спустя 23 года, как известно, Слободские полки были реорганизованы в Слободско-Украинскую губернию, на казаков распространилась подушная подать и другие поборы. Из былых льгот за казаками, переименованными в войсковые обыватели, осталось право гнать водку для своего употребления. Этим правом пользовались бывшие старшины, ставшие дворянами, и мизерная кучка зажиточных войсковых обывателей. В Калитвянском уезде, как малозаселенном, сохранено было право на беспошлинную торговлю в торговые и ярмарочные дни³.

В то время, когда правительство постепенно ограничивало казацкую торговлю, торговые сборы с помещичьих крестьян и городского населения росли. Старшины и казаки пытались добиться упразднения таможенных сборов, чтобы «торговым людям торговать беспошлинно», говорилось в челобитной харьковского полковника Г. Донца и старшин в 1675 г. Правительство пошло навстречу этим просьбам, упразднив здесь заставы и кружечные двory. Однако в 1685 г. из Разрядного приказа последовало распоряжение «вновь» построить кружечные двory в городах Сумского, Ахтырского, Харьковского и Острогожского полков с сохранением украинцам права «шинковать беспошлинно попрежнему»⁴. Казацкие старшины и другие зажиточные украинские элементы, не добившись выгод путем ликвидации пошлинных сборов, стали перестраиваться на использование самой пошлинной системы. Они прибрали к своим рукам сбор пошлин в казну, взяв его на откуп. По указу от 15 июня 1663 г. кабакам и кружечным дворам во всех городах,

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1017, лл. 11—12, 67—72, 173—180, 192—194, 229—230, 259—272, 289—293.

² Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 36; Записки о Слободских полках, X, 1812, стр. 26; В. В. Гуров. Сборник судебных решений..., стр. 473—474.

³ В. В. Гуров. Сборник судебных решений..., стр. 482—494; Н. Чижевский. Старозаимочные земли, стр. 11—113; ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1515, лл. 830—834; стб. 1320, лл. 81—118; стб. 1086, лл. 113—123.

¹ ПСЗ, № 1771; Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. III, стр. 44; В. В. Гуров. Сборник судебных решений..., стр. 494—497; Записки о Слободских полках, стр. 86; ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1692, лл. 139—148, 256—263; стб. 1675, л. 1.

² ПСЗ, № 8823; ХФЦГИА, ф. 31, д. 153, лл. 1—4.

³ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XVI, стр. 1845, 1849.

⁴ Там же, т. I, 1887, стр. 130—139.

в помещичьих и вотчинных селах и деревнях страны с 1 сентября «быть на откупу и на вере»¹, т. е. разрешалось отдавать на откуп.

Возможностями наживы старались воспользоваться как слободско-украинские феодалы и купцы, так и русские торговые люди и помещики. В 1668 г. Харьковская таможня была отдана на откуп на 2 года тульскому посадскому человеку С. Осташеву, «а откупу в государеву казну давати ему, Семену по 130 руб. по 21 алтыну по 3 деньги на год»². Были русские откупщики пошлинных сборов в Сумах, Маяке и в других городах.

Между украинскими и русскими откупщиками происходила грызня в некоторых городах за наживу на пошлинных сборах. Правительство сочло целесообразным устранить возникновение трений. По указу от 9 февраля 1684 г. Харьковскому полку говорилось: «велели» в городах Харьковского полка «торговать беспошлинно и для того в Харькове в таможе верным головам и целовальникам русским быть не велели, а велели тою Харьковскую таможню отдать им старшине и казакам полковые службы и таможенную пошлину с приезжих с русских людей и с черкас и со всяких их продажных товаров збирать им, черкасам, самим по уставной грамоте и те пошлинные деньги по прежнему окладу по 213 руб. по 2 алтына з деньгою на год платить им в Белгороде»³.

В 80-х годах XVII в. сумской полковник Г. Кондратьев со старшиной и казаками взял на откуп местные таможенные и кабацкие сборы. Изюмский полковник К. Донец со старшиной также взяли на откуп «без перекупки» сбор мостовщины, с бударной пристани и посаженщины на реках Донце и Изюме⁴. Суджанские сотники М. Алексеев и Т. Яковлев «с товарищи» в 1688 г. обращались с просьбой к правительству отдать им на откуп местный сбор мостовщины. К откупам денежных сборов стремились предприимчивые духовные лица. Суджанской соборной церкви протопоп Семен перехватил от старшин откуп на сбор пошлин с торговых людей на мосту и плотине на р. Копелька в 1695—1698 гг.⁵.

Ливенский житель А. Федяников в 1704 г. обратился к чугуевскому воеводе М. Ивашину с просьбой предоставить ему на откуп сбор пошлин на Чугуевской торговой конской площадке, которая до этого находилась на откупе у салтовского жителя. Площадка отдана на откуп просителю на 3 года с января

¹ ПСЗ, № 340.

² Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 61.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 146; ПСЗ, № 1668; ХФЦГИА, ф. 404, оп. 1, д. 159, л. 226.

⁴ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1224, лл. 65—66; стб. 411, лл. 51—52. 132—134, 141—142.

⁵ Там же, стб. 1651, лл. 224—228; стб. 1663, лл. 198—202.

1704 г. Откуп оформлялся на публичных торгах. Сделка подкреплена поручной записью, данной чугуевцами¹. Откупы на Слобожанщине продолжали практиковаться в течение всей первой половины XVIII в.

Размеры пошлин, собираемых приказными людьми так же, как и откупщиками, правительство пыталось регламентировать. В списке к указу о сборе с чугуевцев пошлин в 1689 г. определялись следующие суммы: за продажу лошадей с дворян, детей боярских, стрельцов, пушкарей и со всех других служащих с рубля по 6 денег; с тарханщиков, грамотчиков и торговых людей с рубля по 8 денег; за продажу шерсти: с барышников с рубля по 4 деньги, с купцов по 8 денег².

Конъюнктурный характер политики правительства по предоставлению торговых льгот казакам, сохранение таможенных перегородок между городами, взимание высоких пошлин с продажи разных предметов весьма тормозили развитие торговли в крае, как и во всей стране. Но препятствия этим не ограничивались, они умножались произволом представителей власти на местах. Острогожские украинские жители в начале 1681 г. жаловались правительству, говорилось в грамоте от 8 марта, что местный воевода поставил караул в устье р. Сосна, чтобы не пропускать в пределы страны татарских и других грабителей. Однако караулы по указанию воеводы не только препятствовали проникновению к городам и селениям грабителей. Они препятствовали проезду «черкас» вниз по Дону и разных людей в Острогожск и в другие города по торговым и промысловым делам. Если же кого пропускают, то «с них черкас или людей, которые приезжают к ним с Дону для промыслов, емлят деньги многие, и тем они воеводы от города и от торги многих отгоняют и от того де они черкасы оскудели и разорение им чинится большое». Правительство сочло целесообразным караул в устье р. Сосна передать в ведение острогожскому полковнику И. Сасову³. Эта мера не улучшила торговые связи, так как полковник был не менее алчным феодалом, чем воевода. Спустя короткое время, острогожский житель В. Брежнев в 1685 г. жаловался на полковника И. Сасова, что последний «по недружбе» не пропустил его будару на Дон и запечатал его лавку с солью. Брежнев далее просил, чтобы движением будар по Дону около Острогожска ведал воевода, а не полковник Сасов. Столкновения по поводу пропуска проезжающих на Дон продолжались между

¹ ХФЦГИА, ф. 353, оп. 1, д. 17, лл. 30—33.

² Там же, стб. 149, лл. 21—22.

³ Материалы для истории Острогожского Слободского казачьего полка 1681—1698 гг. См. Книгу рукописей, собранных Петром Заковинским 15 ноября 1862 г. ХФЦГИА, Библиотека, № 7297, стр. 1.

полковником И. Сасовым и воеводой С. Иевлевым¹. В 1685 г. острогожские казаки жаловались на местного воеводу Ф. Масло-ва, что он запрещал им свободную торговлю вином² и т. д.

То же происходило в других местах. Харьковский казак Ф. Селитренник в 1683 г. жаловался в Разрядный приказ на ахтырского полковника И. Перекрестова, забравшего его товары и отказавшегося платить за них деньги³. Укажем еще на челобитную жителей г. Тора 1690 г. Ссылаясь на жалованную грамоту, недавно им данную, они писали: «а в той вашей, великих государей, грамоте написано, чтоб с нас, холопей ваших, в городах на местах мостовщин и на перевозах перевозов и никаких статей имать не велено и на Торских озерах таможно сложить», приказного М. Мезенцева и откупщика Я. Чулкова из Тора выслать. Вместо высланных появились другие, которые увеличили поборы: «а ныне откупщик на Торских озерах Иван Володимеров, да верные головы чугуевец Абрам Марченков, да цареборисовский Тихон Широблюдин збирают в вашу в. г. казну в Соленом не против вашего в. г. указу по дважды и по трижды с воза проезжие деньги и з дров с воза по плахе с нас холопей ваших и бьют да чугуевский же голова и откупщик берут денежного сбора и в Маяцком и нас же холопей ваших и приезжих людей да он же откупщик Иван Володимеров в Маяцком берет с нас, холопей ваших, с будары посаженкину с саженья по гривне... да с нас же с торских жителей проезжие деньги берут в Изюме и в Чугуеве и в иных городах и в Харькове и в Змиеве с соленой продажи берут же и воеводы в разных украинских городах вашему в. г. указам и грамотам и боярским отпискам чинятца непослушны и проезды с нас емлют по прежнему... и от тово нам, холопом вашим, из городов приезду людям нет»⁴.

Естественно, что финансовая политика правительства, произвол власть имущих на местах вызывали у торговых людей сопротивление. В 1662 г. в Лебедине украинские торговые люди отказались продавать товары на медные деньги⁵, выпущенные, как известно, правительством царя Алексея Михайловича вместо и по цене серебряных. В этом отказе сказались поддержка слобожанами восставших москвичей против медных денег. Торговые люди старались обходить таможенные заставы. В 1679 г. острогожский голова писал своему начальству, что торговые люди самовольно проезжают на «дощенках» по Дону, уклоняясь

от уплаты пошлин¹. Ф. Шидловский сообщил 26 апреля 1710 г. из Изюма в Воронеж Ф. Апраксину, что люди из «гетманских городов» едут в Бахмут за солью и с солью домой «через степь минаючи города, где берут проезд»². При задержании уклоняющихся, нередко последние оказывали сопротивление служилым людям. В отписке урывского приказного человека в 1685 г. указывалось, что торговые и промысловые люди провозили через местные заставы лишние «неуказного числа» товары и чинили «насилия... над караульщиками»³. Борьба с уклонением от уплаты пошлин, в частности за соль, настолько была сложной, что Шидловский предлагал собирать пошлины только в Бахмуте.

Экономическое развитие страны, составной частью которого являлась торговля на Слобожанщине, преодолеvalo все препятствия. В городах и местечках росла численность лавок, торговых рядов, гостиных дворов и повседневная торговля в них, расширялась сеть недельных торгов и годовых ярмарок, росло участие края во внешней торговле страны.

Торговля развивалась с XVII в. наиболее заметно в полковых городах, как наиболее многолюдных. По сведениям о сборе налогов в Острогожске в 1696 г. насчитывалось 66 торговых точек, из них 56 лавок, 7 полулавок и 3 торговых места⁴.

С ростом торговли около городских стен образовалась торговая площадь, заставленная столами для продаваемых продуктов. По поводу возникновения этой площади говорилось в жалобе острожан Петру I в 1704 г. следующее: «и мы холопи твои для своих промыслов около города свои казачьи дворы сломали и всякое строение снесли в подгородную слободу на пески и на тех казачьих дворовых местах устроили мы, холопи твои, торговую площадь для своих промыслов для приезду, продажи и покупки торговым людям острожанам. И на том своем казачьем торговом месте построили мы, холопи твои, скамьи и столы для продажи всяких съестных припасов и вина... И в прошлом 1700 г. бывший острогожский бурмистр с посадскими людьми эти скамьи и столы срубил, а на их месте построил лавки, и нам и русским приезжим людям причиняет притеснения»⁵.

Такое поведение бурмистра было не случайным. Лавки были более определенные и выгодные налоговые единицы, чем столы и скамейки, их и строил бурмистр в соответствии с указаниями Петра I. Эти мероприятия не могли не ущемлять мелких торговцев, тем не менее эти сведения говорят о росте местной торговли.

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1164, лл. 236—240; стб. 1169, лл. 262—284.

² ХФЦГИА, Библиотека, № 7297, стр. 5—6.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1051, лл. 123—130.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 156.

⁵ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 465, лл. 290, 294—295.

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 889, лл. 213—224.

² Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских..., стр. 24.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 164, лл. 1018—1023.

⁴ Там же, Донской стол, кн. 144, лл. 243—252.

⁵ А. В. Вейнберг. Воронеж, стр. Д. И. Бага лей. Очерки из Русской истории, т. 2, стр. 50—74.

Торговые ряды с десятками лавок росли в Сумах, Ахтырке, Харькове и Изюме также во второй половине XVII в.

Росла торговля в местечках и в более крупных селах. В г. Судже, по описанию 1665 г., числилось только шинковых 20 дворов¹. В г. Мирополье, по описанию 1671 г., были торговые ряды в длину 50 и в ширину 25 сажений, в них насчитывалась 61 лавка². В с. Пены торговля выросла настолько заметно к концу 80-х годов XVII в., что местный приказный человек обратился в Разрядный приказ с предложением об устройстве здесь таможенного и кружечного двора. В некоторых местах были заминки и задержки в росте торговли. Хотмыжские служилые люди в 1685 г. били челом правительству «сб освобождении их от уплаты оброка за пустые лавочные места вследствие неимения в Хотмыжске торгога». В Чугуеве было еще хуже. В 1687 г. чугуевцы жаловались, что в городе «своих посадских людей нет, а торговые люди бывают наездом из других городов. Поэтому они просили освободить их от сбора десятинной деньги»³. Перебои в торговле происходили в других городах и местечках, особенно в юго-восточной части края, где татарские нападения происходили чаще. Однако с начала XVIII в. торговля и здесь стала расти. В 1711 г. в Чугуеве была ярмарочная площадь, торговые ряды и лавки: в скотном ряду — 9, в мясном ряду — 12 и в рыбном ряду — 6 лавок⁴.

По сведениям переписи 1732 г. только шинков числилось в полках: Сумском — 19, Ахтырском — 15, Харьковском — 29 и в Изюмском — 40 дворов. Надо полагать, что лавок бакалейных и галантерейных было больше. Сеть торговых лавок росла с каждым десятилетием во всех городах и местечках. В 1763 г. их насчитывалось 47, в Харькове в 1770 г. — 52⁵, в 1787 г. в Ахтырке — 64, в Сумах — 40, в Изюме — 24, в Белополье — 46, в Богодухове — 26, в Краснокутске — 22, в Чугуеве — 31, в Валках — 6, в Волчанске — 4 лавки и т. д.⁶.

Торговля в лавках велась постоянно разными продовольственными продуктами и промышленными изделиями. В маленьких лавчонках продавались местные продовольственные продукты, а также канаты, упряж, деревянные и другие изделия. В лавках более крупных торговцев ассортимент товаров был разнообразнее. Гильденштедт писал, что в володажских лавках «продается все необходимое в обыденной жизни, а также

шелковые и бумажные материи и пряности»¹. В Харькове, по сведениям 1787 г., в гостином дворе и в лавках было много товаров галантерейных, полотняных, бумажных, шерстяных и шелковых. Были изделия фарфоровые, медные, железные и др. Из продовольственных: разная рыба, икра, иностранные вина² и т. д.

Наряду с ежедневной торговлей в лавках и гостиных дворах происходили еженедельные торги, или базары. К началу XVIII в. в Харькове, Сумах, Ахтырке, Острогжске и Изюме было по 2 еженедельных торгога. В сотенных местечках, которых в 1734 г. насчитывалось 98, торги происходили раз в неделю. Проводились они и в крупных селах. Они проходили в установленные дни: в Харькове по понедельникам и пятницам, в Чугуеве — по воскресеньям и пятницам, в с. Глушково — по пятницам, в Глушце — по четвергам и т. д. В 80-х годах в крае насчитывалось около 2 тыс. торгов. Календарная роспись торгов была настолько частой, что житель любого поселения имел возможность побывать на базаре один и больше раза в неделю. О характере торгов дают нам представление описания современников.

Составители «Экономических примечаний» указывали, что в Сумах торги были два раза в неделю, — в понедельник и пятницу. На них торговали сукнами, шелковыми материями, молочными продуктами; для торговли, далее говорится, сюда «съезжаются из близлежащих селений с вином и с хлебом — разными деревенскими продуктами»³. В Острогжске в базарные дни также торговали «разными шелковыми и бумажными товарами и съестными припасами, а из уездов обыватели съезжаются с разными деревенскими продуктами»⁴.

В описании г. Змиева говорится, что на еженедельных торгах бывали жители «окрестных селений» с сельскими продуктами и разными изделиями. На них также были торговые люди ближайших городов с небольшим количеством мелких товаров. В. Зуев, побывав на воскресном базаре в с. Липцы, писал: «Улицы были уставлены привезенными на телегах съестными припасами, овощами и крымскою солью, у домог и по лавочкам находились бочонки и большие сулеи с горелкою и медом»⁵.

В ведомостях о ценах на продовольствие и фураж на харьковских торжках в 1732, 1743, 1744 и 1745 гг.⁶ значатся десятки

¹ Гильденштедт. Путешествие..., стр. 81.

² Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 118.

³ ХОГА, ф. 24, д. 11, л. 17—18.

⁴ ЦГАДА, ф. 1355. Экономические примечания, Воронежская губерния, Острогжский уезд, д. 121, л. 2.

⁵ В. Зуев. Путешественные записки..., стр. 184.

⁶ В. Н. Карзин. Сочинения, письма и бумаги, Х., 1911, стр. 606—607; К. П. Щелков. Харьков. Историко-статистический опыт. Х., 1880, стр. 15; ХФЦГИА, ф. 31, дд. 164, 173, 185.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 46.

² Там же, т. III, стр. 183—184.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 411, лл. 116—120; стб. 1187, лл. 159—165; стб. 1269, лл. 477—479.

⁴ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 68, лл. 3—4.

⁵ Там же, ф. 29, д. 65, лл. 21—34; ф. 399, д. 735, лл. 12—13.

⁶ Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 119—120, 139—168.

наименований продуктов. Продукты земледелия: рожь и ржаная мука, пшеница и пшеничная мука, ячмень и ячневый солод, гречиха и гречишная мука, просо и пшено, овес и горох, конопляное, льняное семя и постное масло, водка, пиво и мед. Продукты животноводства: кабаньи туши, кабанье сало, мясо, свечное сало, коровье масло. Продукты промысла: соль, рыба, пчелиный мед и воск. Из фуражных продуктов — сено. Из других сведений известно, что продавали и покупали также скот, шерсть, кожу, мясо, птицу, овощи, свежие и сушеные фрукты, табак, из промысловых предметов: деготь, смолу, поташ, селитру, стеклянные и керамические изделия, плотничко-столярные и бондарные изделия, кузнечно-слесарные, кожевенные и суконно-полотняные ткацкие изделия. Этот ассортимент внутренней торговли был неизменным в течение XVII—XVIII вв.

Слобожане непрерывно поддерживали экономические связи с Поднепровьем, украинские купцы, по сведениям документов, были в 1648 г. по торговым делам в уездах Брянском, Путивльском и в Хотмыжском. Большой наплыв украинских торговых и неторговых людей был в русских пограничных с Украиной городах в 1649 г. по случаю неурожая и голода на Украине. В этом году многие украинцы приезжали со своими товарами и закупали продовольствие в Путивльском, Белгородском и в других уездах¹. Приезд украинских торговых людей в русские города, особенно после воссоединения Украины с Россией, все больше рос.

Русские купцы в свою очередь ездили с разными товарами и продовольствием на Украину, закупая там разные изделия. Хотмыжский сын боярский С. Петин в 1649 г. привез соль из Литвы². Надо полагать, что эта соль была из украинской Галиции. В этом же году бобрицкий воевода К. Ушаков сообщал в Разрядный приказ о вывозе русскими купцами хлеба и меда на Украину. Вольновский воевода Ф. Арсеньев также писал, что через г. Вольный украинские купцы ездят в Россию и русские купцы на Украину³. Эти торговые связи велись, конечно, с разрешения правительства. В письме Б. Хмельницкого царю Алексею Михайловичу 22 апреля 1649 г. по этому поводу говорилось: «...и за великую милость твоему царскому величеству челом бьем, что ваше царское величество изволил по милости своей наши украинцы с своего государства запасами всякими признати и вольно купцом проезжать»⁴.

При таких обстоятельствах вполне естественным было нала-

живание торговых связей поселенцев с поднепровскими городами. Новопоселенные валковцы, например, обратились к правительству с просьбой разрешить украинцам с Полтавщины приезжать к ним для торговли продовольственными продуктами. Правительство в царском указе на имя воеводы Анисимова разрешило «литовским черкасам» привозить продовольствие на продажу в Валки¹. С разрешения правительства торговые люди Левобережной Украины постоянно приезжали с товарами на Слобожанщину и наоборот, слобожане ездили по торговым делам в города и села Левобережных полков. После воссоединения Украины с Россией торговые связи Слобожанщины с Левобережьем стали теснее, они регламентировались пошлинами, как и между всеми областями страны. Весьма распространенным продуктом вывоза отсюда на Левобережье являлась торская, а затем бахмутская соль.

В свою очередь, продукция слобожан поступала в глубь страны. Торской солью довольствовалось русское население многих городов и сел Курско-Белгородского и Воронежского краев. Слобожане поставляли в Москву для военных нужд государства тысячи пудов селитры. Отсюда на север везли поташ, смольчугу. Уже со второй половины XVII в. из Чугуева в Москву и в другие города стали поступать продукты земледелия².

Украинские слобожане с самого начала своего пребывания на новой родине теснейшими экономическими узами были связаны с братским русским народом. Украинские переселенцы, прибывавшие на Слобожанщину, получали хлеб и семена или деньги на их закупку, причем, покупали все необходимое прежде всего в Белгороде, Курске, Валуйках, Воронеже, Путивле и в других русских городах. В меру роста хозяйства слобожан связи эти росли все больше.

Лемехи для плугов, косы и серпы, топоры и другие железные изделия, а также железо для разных изделий, пушки и пищали, колокола — все это, за редким исключением, привозилось из Тулы, Москвы и других русских городов на Слобожанщину.

По поручению змиевцев в 1657 г. елецкий воевода закупил для них партию железа в Романове. Колонтаевцы закупили железо для своих нужд в 1659 г. в Туле. В 1674 г. из Белгорода в Москву прислано испорченных 5 медных пищалей и колокольного лома. В обмен на эту медь приобретены были вестовые колокола для Сум, Краснополя и Белополя³.

Из челобитных и поручных записей 70—80-х годов XVIII в. известно, что острогожские торговые люди возили хлеб и другие продукты на Дон и на Поволжье, а оттуда привозили рыбу,

¹ «Воссоединение Украины с Россией», т. II, № 3, 33, 46, 55, 63, 104, 130.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 877, лл. 162—165.

³ «Воссоединение Украины с Россией», т. II, № 51.

⁴ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 332, лл. 215—217, 221; «Воссоединение Украины с Россией», т. II, № 68.

¹ «Сборник ХИФО», т. 16, стр. 41.

² ХФЦГИА, ф. 353, оп. 2, д. 28, лл. 4—6.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 391, лл. 42—43; стб. 129, лл. 84—88.

соль, пригоняли лошадей¹. Воронежский посадский человек Замятьев ходатайствовал в 1688 г. о выдаче ему разрешения на поездку с глиняной посудой в Острогожск и Коротояк. Торговцы Л. Пономарев и М. Тулупков возили яблоки из Воронежа в Острогожск. В неурожайные годы на Слобожанщину из других мест торговцы привозили хлеб и т. д.

Путем торговли слобожане принимали участие в таком общем деле страны, как снабжение русской армии в военное время. В давнее время армии в походах обеспечивались казной продовольствием лишь частично. В значительной мере это обеспечение осуществлялось маркитанами, т. е. мелкими торговцами, следовавшими со своими товарами за войсками.

Во время азовских походов 1695—1696 гг. правительство специальными грамотами, объявленными в Сумском, Ахтырском, Харьковском, Изюмском и Острогожском полках, призывало украинцев везти съестные припасы на продажу в русскую армию под Азов².

В грамоте 14 марта 1696 г. острогожскому полковнику П. Буларту, например, предписывалось призывать «изо всех городов черкас, хто похочет со всякими съестными запасы и с питьем ехали на Дон в Черкаской и под Азов к русским войскам» и продавали бы их «без всякого опасения»³.

В связи с русско-турецкой войной 1735—1739 гг. правительство прибегало к старинному провиантмейстерскому способу снабжения войск — к призыву маркитанов. В указе 19 марта 1737 г. из канцелярии Слободских полков харьковскому полковнику Тевяшову и старшине говорилось, что в связи с предстоящей войной с Турцией весной весьма нужно «при каждом полку большое число маркитанов... Дабы по выступлении в поведенной поход, а паче за границу всякого чина люди и полковые служители могли от тех маркитанов чрез покупку всем безнедостаточно довольствоваться». Предлагалось полковнику оповестить население, чтоб желающие отправлялись с продовольствием для торговли как в свой Харьковский, так и в другие полки. Такие же указы были направлены во все Слободско-Украинские полки, как и в другие губернии страны. Неизвестно, как откликнулись слобожане на эти призывы, но можно предположить, что охотников для этой торговли, хотя было и немало, но не всегда достаточно, поэтому правительство призывало умножать число маркитанов при походных армиях⁴.

Отдельные лица брали подряды на поставку продуктов в

армию. Бывший харьковский и изюмский полковник Ф. Шидловский в 1711 г. с согласия адмирала Апраксина поставил в армию под Азов 400 бочек (16 тыс. ведер) водки. Между прочим, подряд, взятый Шидловским на поставку водки, был записан на изюмского жителя Е. Булгакова, который составил партию товара из водки винокуренных «заводов» самого Ф. Шидловского и водки, купленной у изюмских и харьковских жителей¹.

Слобожанщина издавна вовлекалась в заграничную торговлю России и Украины. Несмотря на то, что русскому и украинскому народам приходилось вести тяжелую борьбу против азовских и крымских татар, совершавших набеги, между ними существовали торговые связи, в которых принимали участие слобожане. В июле 1686 г. приказной человек В. Волоский получил «память» из Курска. В ней говорилось, что 14 июля курский воевода М. Голицын получил из Разрядного приказа грамоту, в которой указывалось, что торговые люди вывозят хлеб из окраинных русских и украинских городов в Азов и Крым, вследствие чего в окраинных городах людям хлеба не хватает, а в Азове и в Крыму его в изобилии. Воеводе крепости Орлова, как и других городов, предписывалось не пускать торговых людей с хлебом в Азов и Крым. «Чтоб впредь из украинских городов всяких чинов торговые люди в Крым и Азов ни с какими хлебными запасы не ездили и не продавали и ни начто не меняли и о том велено учинить в тех городах заказ крепкой под смертной казнию»².

В конце XVII в. возникли своеобразные торговые связи края с Англией. В 1700 г. в Чугуеве появился в продаже английский табак. Продавали табак выборные из местных людей «верные головы» на Чугуевском кружечном дворе. В документе указывается ежемесячная продажа табака от 10 до 13,5 ф. в месяц по цене за 1 ф. по 10 алтын, или по 30 коп. Всего продано, например, в 1703 г. 148 ф.³.

Продажа английского табака, между прочим, не увеличивалась и в последующие годы. Новый голова И. Чаплыгин с «товарищи» 22 мая 1705 г. писал воеводе, что 1 января он получил от бывшего головы М. Степанова «с товарищи» английского табака листового в бочках и фунтового в бумаге 18 п. 22,5 ф. С 1 января по 22 мая продано 15 ф., причем продан только фунтовой, «а листового табаку не покупают,— писал голова,— потому что в Чугуеве табак пьют немногие люди...» Далее Чаплыгин

¹ ЦГАДА, ф. 1142, Острогожская приказная изба, стб. 6, лл. 1—21, 46, 50, 56.

² Там же, Белгородский стбл, стб. 1415, лл. 184—185.

³ ХФЦГИА, Библиотека, № 7297, стр. 54.

⁴ Там же, ф. 31, д. 72, лл. 1, 19—20, 28, 31, 33.

¹ Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских..., стр. 71, 236—237.

² Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Воронеж, 1861, стр. 394—395.

³ ХФЦГИА, ф. 353, оп. 1, д. 10, лл. 24—27.

писал, что английский табак расходуется в малом количестве, поскольку покупатели больше приобретают местный, «черкасский» табак¹.

Значительные торговые связи были с Польшей. Ф. Шидловский писал Ф. Апраксину 21 июля 1710 г., что в целях обмундирования солдат драгунского полка, формировавшегося на Слобожанщине, он посылал «своих купцов» в Силезию за сукном. Они привезли сукна на плащи и на подбой яринку «и те сукна перед московским гораздо дешевле примут, мало не в полы». В 1710 г. Ф. Шидловский по распоряжению А. Меншикова получил из Сибирского приказа товаров на 6237 руб. 25 алтын: 4 «сорока» соболей на 1000 руб., камок камфорных 200 «косяков» по 8 руб., камок «меньшой руки» 259 «косяков» по 7 руб. 8 алт. 2 деньги, китайки 220 тюков по 8 руб. Эти товары змиевский сотник по указанию Меншикова на волах отвез «в Шлензк и в Гданск». За проданные товары были приобретены польские сукна и другие изделия, которые продавались на Слобожанщине².

Приведем еще один факт. Кандыба, сын конотопского сотника, в 1718 г. продал в Гданьске 300 волов за 6000 руб. Закупил там сукон «аглицких, материй дорогих, бавельниц, хусток, басама-нов, 2 золотых ланцюшка, перл урнянских 20 шнуров, 3 перстня, сосудов серебряных, несколько гривен золота и серебра в нитках, махров золотых, пуздр з водками гданскими и прочих фразок». Кандыба привозил эти товары в Харьков на крещенскую и на троицкую ярмарки³ и т. д.

Рост торговли на Слобожанщине, как и во всей стране, находился в тесной связи с развитием производительных сил и ростом общественного разделения труда. Этот процесс, начавшийся давно, продолжался и во второй половине XVIII в. Следует напомнить, что господствовавший крепостной строй сковывал деятельность народных масс. В «Экономических примечаниях» по Ахтырскому уезду говорится, что подданные помещицы в с. Доброславовке «торгу и других промыслов не имеют, а состоят на господской работе»⁴. То же самое говорится о помещичьих крестьянах других уездов. Войсковые обыватели и однодворцы находились относительно в лучших условиях по сравнению с помещичьими крестьянами, тем не менее, придавленные налогами и нуждой, они также слабо включались в торговлю. Объективный процесс развития производительных сил преодолевал препятствия. Многие жители Павловской округи, бывшей Острогжской провинции, говорилось в описании для Академии

наук в 1781 г., на своей земле сеют арбузы, дыни, огурцы и продают на Павловском рынке местным покупателям, а большую часть приезжим из отдаленных мест торговцам. Однодворцы и другие земледельцы сеют хлеб, косят сено, разводят скот, птицу для своих надобностей и излишки продают¹.

В описании г. Ольшаны 1767 г. указывалось: «Город занимает для своих нужд от других городов солью, рыбою и разными, кроме сермяжных, сукнами, тож шолковыми и бумажными материями, овечью волною и овчинами, а напротив того снабждает оныя от себя высиживаемым винокурным вином, медом, рогатым скотом, свиным салом, а по части овощми — яблоками и грушами и огородными овощми». То же самое говорилось в описании Хотомли, Липец и многих других селений. В процессе разделения общественного труда и роста специализации в руках многих мастеров совершенствовались изделия, улучшалось их качество, что также способствовало развитию торговых связей. Богодуховских кожевников юфть, красная козлиная кожа не имели себе равных среди таких же изделий других городов, «чем богодуховские жители изрядный торг имеют»² на местном рынке и в других губерниях. Такую же роль играли харьковские коцари, чугуевские скорняки, сумские каретники и т. д.

В развитии торговли весьма важная роль принадлежала ярмаркам. Судя по числу полковых городов и сотенных местечек в середине XVIII в. на Слобожанщине было свыше 120 годовых ярмарок. В сотенных местечках они длились по 2—3 и в полковых городах по 3—7 и больше дней.

Как уже отмечалось, в 1753 г. отменен внутренний таможенный сбор пошлин с провозимых товаров. Этот акт означал завершение процесса складывания всероссийского рынка. Вместе с тем создавались более благоприятные условия для дальнейшего роста внутренней торговли, что нашло свое выражение, в частности, в росте ярмарок во всей стране и, следовательно, на Слобожанщине. Во второй половине XVIII в. значительно выросло количество ярмарок и размеры торговли.

По ведомости 1779 г. в Харьковской провинции было 70 ярмарок: в казенных селениях Дергачах и Мерефе по 2, в Соколове и Перекопе по 3, в Харькове, Тарановке, Артемовке, Ольшане и Золочеве по 4, в Валках 5, в Хотомле и Волчьей по 8; в помещичьих селах в Писаревке и Ефремовке по 2, в Николаевке 3, в Снежковом Куте и Андреевке по 6, всех 70 ярмарок. В Сумской провинции в городах, местечках и в селах войсковых

¹ ХФЦГИА, ф. 353, оп. 1, д. 10, лл. 34—35.

² Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских..., стр. 72, 73, 119.

³ «Харьковский статистический листок», 1882, № 12.

⁴ ХОГА, ф. 24, д. 1, л. 17.

¹ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XVI, стр. 1917.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 197, 201, 204.

обывателей — в Белополье 2, Мирополье, Краснополье, Межриче, Недригайлове, Лебедине и Пенах по 3, в Сумах, Ворожбе, Нижней Сыроватке и Судже по 4; в помещичьих селах — в Хотене и Михайловке по 3, в Юнаковке 4, всех 46 ярмарок. В Ахтырской провинции в селениях войсковых обывателей в Мурафе и Колонтаеве по 3, в Ахтырке, Котельве, Краснокутске, Коломаке и Боромле по 4, в Богодухове 6, в помещичьих селах — в Тростянце 3, в Константиновке и Алексеевке по 4, всех 43 ярмарки. В Изюмской провинции в селениях войсковых обывателей — в Сенькове 2, в Савинцах и Змиеве по 3, в Изюме, Царьборисове, Андреевке, Лимане, Печенегах, Двуречной, Каменке, Ольховатке, Сватовой Лучке по 4, в Балаклее 5, в Купянске 6, всех 55¹. В четырех провинциях 214 ярмарок.

Данные ведомости о ярмарках неполные. В них не вошли существовавшие 5 ярмарок в Липцах, 1 чугуевская, в помещичьих селах Ахтырского, Вольновского и Хотмыжского уездов: Ракитной и Пушкарной по 3, в Борисовке, Грайвороне и Славгородке по 4, в Писаревке 6 и другие. В этих ведомостях не числятся ярмарки Острогожской провинции. Между тем их было там около 50. Из них на то время известны в городах и местечках в Богучаре и Белолуцке по 2, в Острогожске, Белогорье по 3, в помещичьем селе Белокуракино и в Беловодске по 4 ярмарки². Таким образом, по неполным сведениям, к 1801 г. насчитывалось около 300 ярмарок. В этих цифрах выражен наглядный рост ярмарочной торговли, начавшийся в середине XVII в. с момента открытия Харьковской, Сумской и Острогожской ярмарок.

В ведомости о ярмарках Слободско-Украинской губернии, составленной по материалам 1779 г. для Академии наук, указывается, что ярмарки по массе товаров и по сумме торгового оборота делились на большие, средние и малые³.

Большими ярмарками являлись 4 харьковских: крещенская, длившаяся 20 дней, троицкая — 15 дней, успешная — 20 дней, покровская — 17 дней; 2 сумских: сборная (федоровская), продолжавшаяся 20—30 дней, и введенская — 25 дней.

На эти 6 ярмарок съезжалось «с околичных мест» множество людей, они привозили на продажу «хлеб разного рода, птицу, мясо, сало», масло коровье и овечье, масло конопляное и льняное, мед, патоку, водку, фрукты и овощи, соль и другие продукты питания. Привозили шерсть, «сырую и выделанную овчину и другие кожи, деготь, древесный уголь, керамические и стек-

лянные изделия. В Харькове продавали и делаемые в оном городе ковры, называемые по черкасски коцы, попоны цветные и ковровые с овечьей шерсти», шубы, зимние и летние шапки, сукна, обувь и т. д. На харьковскую троицкую ярмарку пригоняли большое количество рогатого скота и овец.

Массу продовольствия, сырья и изделий покупали местные и приезжие люди для личного обихода. Много шерсти, овчин и кожи закупалось и отправлялось на русские предприятия. Скот в большом количестве скупали русские табунщики и гнали его на продажу в Москву.

В описании для Академии наук по Калитвянскому уезду указывалось, что в эту округу привозится много разных товаров, «а особливо во время ярманки, в разных селениях». Жители местной округи и донские казаки пригоняли на ярмарки особенно много рогатого скота, лошадей и овец. Покупали скот «по большей части великороссийские купцы и промышленники» и отгоняли его «в свои места». Здесь также велась большая торговля овечьей шерстью и овчиной¹. Шерстяные изделия (свиты), хлеб и водка вывозились на Дон. На Поднепровье вывозили харьковские коцы, ахтырские плахты, чугуевские седла, скорняжные изделия и другую продукцию.

На большие ярмарки привозили из разных русских городов и сел сукна, шелковую тафту, шелковые и бумажные платки, разные тики, гарусные чулки, валяные изделия. Из Москвы и Петербурга привозилось много книг, с уральских и тульских заводов доставлялось много железа, стали и меди, а также серебряные, оловянные, медные, хрустальные, каменные и другие изделия «российских фабрик» и ремесленников. Все это множество русских товаров, писал составитель ведомости, привозилось живущими в г. Харькове белгородскими и частично московскими и других городов купцами, «и покупаются на ярмарках здешними и околичными жителями и торгующими по здешним средним и малым ярмаркам, а некоторые покупаются купцами и развозятся в Донские станицы в крепость Дмитрия (Ростовна-Дону), в Азовскую и Новороссийскую губернии, в Малороссию»².

На эти ярмарки привозили много заграничных товаров. Английские сукна и байки, бреславские камлоты и стамеды; венгерские, ломберские и шленские ткани; бархат венецианский и флорентийский; парчи золотые и серебряные, шелковые материи; плис, полуплис, ситцы, полуситцы, муслинки, кисеи, золотом шитые, ординарные кисеи; валендорбское, голландское,

¹ ХФЦГИА, ф. 399, д. 1817, лл. 114—134; Материалы для истории колонизации и быта..., т. III, стр. 398—413.

² ЦГАДА, ф. 1355. Экономические примечания по Воронежской губернии. д. 121, л. 2; д. 2, лл. 1, 6.

³ ХФЦГИА, ф. 399, д. 1872, лл. 138, 149—151.

¹ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XVI, стр. 1845, 1849.

² ХФЦГИА, ф. 399, д. 1817, лл. 114—115, 122, 124, 129; Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 400, 402.

швабское полотно, батист, камлот, платки ситцевые; английские и немецкие шелковые и другие женские чулки; музыкальные инструменты, фарфоровая посуда, золотые и серебряные часы; готовальни, пряжки и разные галантерейные предметы; косы сенокосные, немецкие и французские ружья и другие товары.

Товары привозились в Харьков и Сумы из-за границы — Силезии, Гданьска и Лейпцига через Васильковскую заставу, Киев и Нежин по тракту через г. Ромны купцами-греками, жившими в Нежине, полтавскою компаниею и калужскими купцами; небольшая часть английских сукон и стамеда привозилась из Риги и Петербурга. Все эти товары продавались «на тех ярмарках в розницу здешним жителям, также и гуртом купцам, которые в Малороссии и в Слободской губернии торгуют, ездят всегда по средним и малым ярмаркам, а частью развозятся и покупающими у них гуртом же купцами в Азовскую и Новороссийскую губернии» и на Дон.

Бакалейные товары: виноградные ягоды (изюм), орехи, миндаль, рожки, маслины, черносливы, лимонный сок, турецкий табак, грецкое мыло и другие продукты привозили из Константинополя через Ростов, Таганрог, Кинбурн, Херсон и Станислав в Харьков и Сумы на многих десятках подвод. Эти товары на ярмарках покупались в розницу разными людьми, владельцами бакалейных лавок, приезжими купцами, отвозившими их в Белгород, Курск, Елец, в Москву и в другие города¹.

Множество товаров, привозимых из русских, украинских городов и из-за границы, оптовая торговля ими и относительно большие обороты составляли особенность больших ярмарок.

Средних ярмарок насчитывалось по данной ведомости 10: ахтырских 4, изюмских 4 и сумских 2. Они длились по 3—7 дней. К ним, несомненно, следует причислить 3 ярмарки острогожских, длившихся по 4—6 и 10 дней².

На эти ярмарки приезжали русские и украинские купцы из Курска, Белгорода, Воронежа, Тулы, Путивля, Полтавы, Нежина «и с протчих великороссийских и малороссийских мест».

В «Экономических примечаниях» по Острогожскому уезду указывается, что в Острогожск «купцы съезжаются из городов Воронежа, Курска, Харькова, Орла, Ельца, Тулы, Суздали... Москвы, они торгуют красными товарами, серебряной и оловянною посудю, железом и виноградными цареградскими напитками, а из близлежащих селений жители хлебом и протчими деревен-

скими продуктами»¹. В географическом описании Ахтырки 1769 г. отмечено, что купцы привозили сюда товары: «парчовые, шелковые, бумажные, суконные и прочие разные средним числом, а большею частью съезжаются с разных околичных сел обыватели для продажи лошадей, рогатого скота, с рыбою, солью и с хлебом, с стеклянною, железною и деревянною посудю»².

Такой ассортимент товаров был на ярмарках «второй степени» в Ахтырке, Изюме и в Сумах. Автор «Топографического описания», сравнивая большие ярмарки со средними, писал, что на первые приезжало довольно много купцов из России и заграницы, они в большинстве производили «куплю и продажу оптом, или мену товаров», на вторых «больше производится мелочная торговля, при довольно однакож количестве всякого звания товаров, как национальных, так и иностранных произведений». Здесь также продавалось множество скота, шерсти и других товаров³.

На малых ярмарках торговля носила в основном местный характер. В Валках, Перекопе, Снежковом Куте на ярмарки главным образом привозились товары из Харькова, Ахтырки и других «околичных мест — сукно, материя, полотно, серебряная, медная, оловянная и железная разная посуда, а по большей части, — говорилось в «Ведомости», — съезжаются здешние жители с хлебом, скотом, с медом, с горячим вином и другими напитками». В помещичьих селах Андреевке, Ефремовке и Николаевке на ярмарках продавались также сукна, шелковые, гарусные, парчовые, холстяные и пеньковые ткани, серебряная, оловянная, деревянная и глиняная посуда, колеса, бочки, ведра, рогатый скот, лошади, овцы, хлеб, птица, рыба и другие товары. В помещичье село Юнаковку на ярмарки «товары наибольшие привозятся из города Сум от живущих в Сумах великороссийских купцов — железо, медь, стеклянная посуда, а от промышленников рыба и соль, шубы и свиты, да с ближайшего комиссарского местечка Суджи привозится разного рода хлеб»⁴. Такими же товарами торговали на ярмарках на Ахтырщине, Изюмщине и в Острогожском крае. На ярмарки в Беловодске приезжали купцы из Харькова, Воронежа, Валук с сукнами, шелком, а также «мелочными щепетильными» товарами. Крестьяне вокруг лежащих сел привозили хлеб, деготь, колеса, сани, деревянную посуду и съестные припасы. Донские казаки пригоняли

¹ ЦГАДА, ф. 1355. Экономические примечания по Воронежской губернии, д. 121, л. 2.

² Материалы по истории колонизации и быта..., т. II, стр. 224.

³ Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 105—106.

⁴ ХФЦГИА, ф. 399, д. 1817, л. 122; Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 404—406.

¹ ХФЦГИА, ф. 399, д. 1807, лл. 114, 124; Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 399—400.

² Там же, д. 1872, л. 149; Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 232

табуны русских, донских, горских и калмыцких пород лошадей, крупный рогатый скот и овец¹.

Значение ярмарочной торговли люди умели ценить высоко уже давно. Автор «Топографического описания», например, писал, что торговля является душой городов, «город без торговли есть неодоушевленный истукан». Между тем, по его мнению, торговля ведется повседневно более или менее оживленно только в губернском городе Харькове, «но и то не в таком количестве, какового бы ожидать надлежало»².

Следует сказать еще об одной весьма существенной черте не только внутренней, но и внешней торговли. Она в какой-то степени носила меновой характер. В. Зуев, рассказывая о своих впечатлениях, оставленных воскресным базаром в Липцах 22 августа 1781 г., писал: «одно вино и соль покупают тут на наличные деньги, прочее все на промен, даже и с переводом; так, например, торгует кто горшок, цена ему известна, сколь бы он велик ни был, чтоб купить, надобно его насыпать дважды рожью; с оным пойдет он покупать молоко: молошник нальет его однажды, горшок возьмет себе, а молоко тому, кто покупает; с сим пойдет он за рыбою, за фруктами, или что угодно, променивает на то прибавляет, если что дороже, из носимого за собою запасу сколько договорится и добравшись до того, что ему нужно возвращаться домой»³.

Обмен практиковался не только в мелкой торговле, но и в крупных торговых сделках. Автор «Топографического описания», говоря о приезде русских и заграничных купцов на харьковские и сумские большие ярмарки, указывал, что «сии торговцы большей частью производят куплю и продажу оптом или мену товаров»⁴. К сожалению, нет статистических сведений об удельном весе меновой торговли, тем не менее приведенные сведения говорят, что эта старинная форма торговли в значительной степени сохранилась до XIX в.

Торговлей занимались на Слобожанщине люди разных сословий. В Мирополье в 1676 г., как известно, насчитывалась 61 лавка, из них принадлежали сумскому полковнику Г. Кондратьеву 2, местным атаману Д. Голубу, подьячему А. Афанасьеву, попам, дьякам и другим жителям по 1. Лавочники были почти все украинцы⁵. В Острогожске в 1696 г. было 67 торговых точек, из которых 12 принадлежали купцам гостинной сотни, 27 — посадским людям, 1 — приказному человеку и

1 монастырю, 3 — духовным лицам, 2 — пушкарям и 21 — людям неизвестного происхождения¹. Помимо того, здесь была площадь, с большим количеством торговых точек, принадлежащих украинским казакам.

По переписи 1732 г. известно, что в Харькове было 25 кабаков: 5 полковничьей семьи Квиток, 3 городничего Голуховича, 1 подпрапорного Смотрицкого, 1 атамана Шаловала, 6 духовных лиц Успенской и Михайловской церквей, 1 Покровского монастыря, 8 местных казаков. Такая же картина была и в других полковых городах: в Ахтырке из 11 лавок принадлежало 7 старшинам, 2 духовенству и 2 казакам, в Сумах из 15 принадлежало 9 старшинам, 3 духовенству, 2 казакам и 1 цехмистру².

Во второй половине XVIII в. количество лавок росло и соотношение владельцев менялось в пользу крестьян, мещан и мелких служащих. В 1763 г. в Острогожске насчитывалось 50 постоянно торгующих лавок. Из них принадлежало мещанам и казакам 20, старшинам-помещикам — 17, монастырю — 1 и русским посадским людям — 12 лавок³. В 1771 г. в этом городе насчитывалось 77 лавок: помещичьих 41, войсковых обывателей и разных горожан 36 лавок. В Сумах было 83 лавки, из них принадлежало помещикам 42, духовенству 16, канцеляристам 15 и войсковым обывателям 10 лавок. В Лебедине была 31 лавка: помещичьих 10, духовенства 12, войсковых обывателей 9 лавок. В 1770 г. в Харькове было 52 лавки: помещичьих — 30, духовных лиц — 9, канцеляристов — 6, войсковых обывателей — 6 и русского купца — 1 лавка⁴.

Небезынтересно отметить состав торговцев водкой. В 1766 г. в Харькове насчитывалось торговавших 99 кабаков. Из них принадлежало церквям 13, духовным лицам 8, старшинам Квиткам, Ковалевским, Шидловским и другим помещикам 26, остальные владельцы не названы. В 1779 г. здесь было 57 кабаков, из них принадлежало церквям 11, духовенству 8, военным и гражданским служащим (в большинстве дворяне) 19, «разночинцам» — 8, крепостным крестьянам 5 и иностранцам 6 кабаков⁵.

Всех лавок и кабаков насчитывалось 449, из них принадлежало старшинам-помещикам 185, духовенству 78, войсковым обывателям 81, канцеляристам 29, мещанам 13, крепостным крестьянам 5 и иностранцам 6 лавок. Владельцы 52 харьковских кабаков не названы, надо полагать, что они являлись войсковыми обывателями, мещанами и «разночинцами».

¹ ЦГАДА, ф. 1355, Экономические примечания, Воронежская губерния, Беловодский уезд, д. 2, л. 6.

² Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 104.

³ В. Зуев. Путешественные записки..., стр. 184—185.

⁴ Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 105.

⁵ «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 183—184.

¹ ЦГАДА, Донской стол, кн. 44, лл. 243—252.

² ХФЦГИА, ф. 31, д. 22; ф. 27, д. 224, лл. 122—123; ф. 30, д. 7, лл. 111—113.

³ Там же, ф. 29, д. 65, лл. 21—34.

⁴ Там же, ф. 399, д. 735, лл. 36—40, 132—134.

⁵ Д. И. Бага лей и Д. П. Миллер. История города Харькова..., т. 1, стр. 242—243.

Еще полнее представляется состав торгующих людей в ведомостях 5 провинций края 1773 г. В них насчитывается 1122 чел. Из них было старшин-помещиков, торговавших на крупные суммы,—18, старшин и войсковых обывателей, торговавших «красным товаром» на небольшую сумму,—73, войсковых обывателей, торговавших крестьянскими товарами,—971, русских, торговавших «красным товаром»,—25 и крестьянскими изделиями — 38 чел.¹.

Крупную магазинную торговлю в Харькове вели старшины, по сведениям 1773 г., бывшие сотники П. Маренков, И. Фесенко, А. Назаренко; в Ахтырке семейство Соляниковых, в Острожской Т. Лисаневич, в Сумах Ф. Данилов. В частности, последний в своей лавке имел сукна, парчи и других тканей на 6 тыс. руб. Все эти старшины, как и многие другие, занимавшиеся торговлей, владели землями и крестьянами. Острожский старшина Т. Лисаневич, например, торговал в 3 лавках и владел слободой, в которой насчитывалось крестьян украинцев 377 ревизских душ².

Однако больше вовлекалось в рыночную сферу само помещичье хозяйство. Яркую картину связей помещичьего имения с рынком представляют инструкция помещика Спичинского, данная приказчику Т. Остафьеву в 1751 г. по управлению селами Бабаи, Жихорь и д. Уды, переписка управляющего сел Бабаи и Должик Н. Торяника с помещиком П. Щербининым³ в 1785—1786 гг. и другие документы.

Из писем Н. Торяника видим, что из помещичьего хозяйства продавались не только излишки орехов, орехового масла, лошади, волю, но и покупались на зиму овцы, откармливались и весной продавались «с барышом». По ведомости доходов и расходов Бабаевской и Должанской экономий в 1790 г. поступило денег за вино 2202 руб. 15 коп., за селитру 1993 руб. 26 коп., за пиво 146 руб. 96 коп., за сено 235 руб., за дрова 1211 руб. 50 коп.⁴

Типичным представителем мелких украинских помещиков — казацких старшин, вовлекавшихся в товарно-денежные отношения, являлся И. Острожский-Лохвицкий, сын бывшего сотника Слоновской сотни, Острожского полка. В своих «Записках»⁵ он вымышленно считал себя потомком князей Острожских.

К сожалению, мы располагаем лишь частичными сведениями о всем владении этого помещика. Известно, что он давал под заклад 116 дес. земли соседнему помещику, что у него в Курске

был на «посылках» крепостной человек, но сколько было у него всей земли и крепостных душ, остается невыясненным.

Весьма характерной была деятельность И. Острожского-Лохвицкого в области винокурения. Личных средств для заведения торгового винокурения он не имел. В этом деле ему помог тесть Л. Гражданский, являвшийся управляющим имения князей Трубецких, он дал ему котел, трубы и кадки. В результате в 1775—1776 гг. был построен винокурный «завод».

Курил вино И. Острожский-Лохвицкий в основном на рынок; часть продавал в своем «шинку», устроенном в с. Слоновке. Кстати, он не довольствовался продажей только своего вина и закупал его у других помещиков с целью прибыльной перепродажи. В 1788 г. он писал: «Я за продажей своего еще искупил у одного помещика 127 ведер и заработал на оном барышей 43 рубля».

Большую часть производимого вина он сдавал по подрядам в казну, чем занимался не один, а в компании с другими предпринимателями. В Курской казенной палате он заключил контракт на поставку с начала 1787 г. впредь на «4 года вина в Новый Оскол, по 550 ведер всякий год, почему и принял к себе в сотоварищество из войсковых жителей (бывших казаков) Федора Панченкова и других под своим именем». С этого времени он курил вино в винокурнях Панченкова, Пивоварова и Науменко в 6 котлах.

Будучи заседателем в нижнем Ново-Оскольском суде, И. Острожский-Лохвицкий не преминул принять участие в воровстве сукна у калужского купца Чудина. Последний оказался крупной акулой и не без связей с начальством. В 1796 г. дело вылилось для мелкого предпринимателя и «дельца» разорительным следствием уголовного палаты. После чего, «не имея ни 5 руб. наличных денег», как он писал, «с великою нуждою исправля старые долги, исправил винокурение и починил плотину как должно». С наступлением осени «собрав своего хлеба четвертей 15 и искупив немного дров, начал курить... и пошла продажа в цене нарядной с хорошим баришом».

Спустя 2 с лишним месяца этого прибыльного винокурения Острожский-Лохвицкий очутился в Курской тюрьме, все по тому же делу калужского купца. Отсидев 2 года, возвратился домой и принялся вновь за винокурение. «Не имея хотя ни 50 руб.,— писал он,— но нужда есть преизрядный учитель», он продал пару лошадей за 50 руб., собрал своего хлеба около 30 четей и купил у помещиков Тевяшовых до 100 четей, остальное покупал на рынке, в ноябре начал курить вино.

Стремление к наживе поглощало все внимание этого помещика. Он систематически следил за движением цен на вино, хлеб и дрова. В 1787 г. в стране был неурожай. Ржаной хлеб сильно подорожал. Острожский-Лохвицкий, как и немало других

¹ ХФЦГИА, ф. 399, д. 1112, лл. 127—130; д. 735, лл. 142—143.

² Там же, д. 1112, лл. 80—84, 90—92, 96, 111; д. 735, лл. 148—151.

³ «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 256—258, 272—276.

⁴ Там же, стр. 274, 277—278.

⁵ «Киевская старина», 1886, февраль — май, октябрь — декабрь.

помещиков, придержал часть хлеба, не стал переводить его на вино, требующее дорогостоящих дров. В июне он продал тульским купцам рожь по 4 руб. за четь, т. е. в два раза дороже, чем он стоил в конце 1786 г. А позже, в июле — августе, платили за четь ржи по 5 руб. — 5 руб. 50 коп. «Тут, увидя я свой проступок в продаже хлеба, — писал он, — и вспомня довольно взятую мною поставку вина, зажал рот и вдался в мысли», т. е. задумался над тем, как добиться барышей. Понеся убытки на поставке водки в казну в связи с подорожанием хлеба, все же по истечении срока первого контракта, он в 1790 г. заключил новый — на 4 года. Это свидетельствует о том, что Острожский-Лохвицкий являлся одним из украинских помещиков, который вполне сознательно вовлекался в товарно-денежные отношения.

Вовлечение в торговлю слободско-украинских помещиков Шидловских, Квиток, Ковалевских, Крапоткиных, Спичинских, Щербининых, Острожских-Лохвицких и других не превращало их в купцов, но оно ослабляло и разрушало крепостнические устои их хозяйства.

Купечество в основном формировалось из крестьян. Оно выделялось из среды слобожан с начала заселения края. Эти люди долгое время именовались мещанами, казаками. Составитель описания г. Харькова 1767 г. по этому поводу писал: «как сей город населен малороссийским вольным народом, то в нем купечества», разделяемого на «гильдии против великороссийских городов не имеетца». В Сумах, далее говорилось, купечества нет, «а торгуют войсковые обывали того города»¹. В. Зуев в 1781 г. также отмечал малочисленность купцов здесь и объяснял, что каждый почти из местных купцов в городах «есть и обыватель, и пахарь, и купец, и садовник, и службу отправляющий житель»². Автор «Описания Слободско-Украинской губернии» 1802 г. указывал, что местных профессиональных купцов на Слобожанщине долгое время было мало. Гильдийские купцы здесь появились из России, «а следуя примеру оных из слободских поселян многие записались в гильдии»³.

В ведомости на владельцев винокурен в Ахтырке 1781 г. указано, что войсковые обыватели Я. Забашта, Даниил и Яков Водяницкие, М. Черненко, Михаил, Василий и Иван Дзюбины, занимаясь винокурением, продавали водку и записались в купечество⁴.

Рост ярмарочной торговли активизировал жизнь городов и всех слоев городского населения. Автор «Топографического

описания Харьковского наместничества» отметил, что многие городские мещане, «оставив коренные свои жилища, разъезжали по ярмаркам целый год». Некоторые из них переселялись на постоянное жительство в владельческие и казенные слободы, в которых происходили часто ярмарки¹.

Особенно много войсковых обывателей и помещичьих крестьян вовлекалось в торговлю через «извоз» или «чумачество». Извозным промыслом занимались люди по-разному. Одни из них нанимались на перевозку товаров, другие ездили за покупкой товаров в одно место и отвозили на продажу в другие. Еще в XVII в. некоторые жители городов и сел Слобожанщины отправлялись на Торские озера за солью, на Дон за рыбою и в другие места. Извозный промысел рос в XVIII в. В географическом описании городов и местечек в 1767—1773 гг. указывалось, что в Мерёфе многие жители ездили в Бахмут и Тор за солью и на Дон за рыбою для «перепродажи» в Харькове и в других городах и селах. Тем же промыслом занимались некоторые жители Ольшаны, как и многих других селений. Из описания городов и сел, напечатанного в 1781 г., известно, что в Беловодском уезде местные люди занимались по подрядам извозом, перевозя соль и другие грузы.

Помещичьи крестьяне, жители слобод Александровки, Белокуракиной и Таниюшевки, «те, кои имеют у себя рабочие волю, нагужа телеги две, а иной и три хлебом, отвозят оной для продажи в Черкасск, Ростовскую крепость и прочие места, где выгоднее хлеб продать могут, оттуда нанимаются уже под разные купеческие клады и отвозят оные в разные места, как-то: Ярославль, Нижний Новгород, Казань, Саратов и Царицын... а оттуда обратно подряжаются опять под клады в те места, кои по близости уже к дому его прилежат»².

В с. Белки, Ахтырского уезда, отмечается в документе 1799 г., войсковые «обыватели и отставные гусары имеют земли недостаточно», некоторые из них арендуют землю, а другие, имеющие волов, возят хлеб на Дон, «а там закупают красную рыбу и соль и продают в Белке и в ближних городах и селениях»³. В «Экономических примечаниях» 1785 г. указывается также, что многие ахтырчане войсковые обыватели «отъезжают в Донские станции в Черкасск и Азов закупают красную рыбу, соль, мелочные товары», ездят в Стародубский полк, «откуда вывозят деготь, оконичное и разных сортов простое стекло и продают» в Ахтырке⁴.

По неполным сведениям 1807 г. извозом было занято: в Харь-

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 212, 227.

² В. Зуев в Путешественные записки..., стр. 196—197.

³ Описание Слободско-Украинской губернии 1802 г., стр. 14.

⁴ Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 105.

¹ ХФЦГИА, ф. 632, д. 169, л. 92.

² «Киевская старина», 1887, июнь — июль, стр. 562—563.

³ «Сборник ХИФО», т. 19, 1913, стр. 438.

⁴ ХОГА, ф. 24, д. 1, л. 14.

ковском уезде войсковых обывателей 529 и помещичьих крестьян 80 чел., соответственно: в Валковском — 265 и 3, в Ахтырском — 563 и 36, в Богодуховском — 814 и 256, в Волчанском — 160 и 333, в Змиевском — 56 и 20, в Изюмском — 125 и 30, в Лебединском — 443, всех 2950 войсковых обывателей и 758 помещичьих крестьян¹. Многие крестьяне на извозных промыслах накапливали капиталы и вкладывали их в промышленные и торговые предприятия. Они составляли основную часть людей, пополнявших городские сословия.

По ведомости канцелярии правления Харьковского наместничества 1783 г. известно, что 2757 крестьян изъявили желание перейти в мещанство и купечество. Харьковские жители — 434 чел. просили перевести их в сословие мещан и 32 чел. в купечество. С аналогичными просьбами обратились в Богодухове — 641 и 34 чел., в Лебедине — 188 и 10 чел., в Изюме — 121 и 5 чел., в Валках — 112 и 6 чел., в Ахтырке — 51 и 12 чел., в Белополье — 42 и 5 чел., в Краснокутске — 21 и 4 чел. Жители Сум — 545 чел., Недригайлова — 104 чел. и Чугуева — 7 чел. просили перевести их в сословие мещан, а волчанцы 4 чел. просили записать их в купечество. 40 однодворцев (в Харькове 5, Ахтырке — 33, в Сумах и Лебедине по 1 чел.) ходатайствовали перевести их в купечество.

Генерал-губернатор В. Чертков сообщил Екатерине II об этих просьбах и высказался за их удовлетворение. Чертков мотивировал свое мнение тем, что с ростом купечества и мещанства увеличится численность горожан, и от их капиталов вырастут доходы казны, активизируется торговая и промышленная деятельность местного населения². Надо полагать, что ответ царицы по данному представлению губернатора был положительный, это явствует из сведений о росте купечества в крае. По неполным данным зарегистрированных купцов числилось в Харькове в 1732 г. — 64, в 1785 г. — 168, в 1801 г. — 406 чел.; в Сумах: в 1785 г. — 47 и в 1802 г. — 95 чел.; в Изюме: в 1785 г. — 34 и в 1802 г. — 80 чел., в Ахтырке: в 1787 г. — 17 и в 1802 г. — 22 чел., в Острогжске: в 1773 г. — 311 и в 1801 г. — 301 чел. В городах бывших Харьковского, Ахтырского, Изюмского и Сумского полков было всего купцов в 1782 г. 308, в 1783 г. 507 и в 1802 г. 934 чел.³

О величине капиталов местного купечества можно судить по следующим данным. В 1785 г. по Харьковскому наместничеству

¹ ХФЦГИА, ф. 665, д. 1081, лл. 32, 39, 44, 61, 84, 96, 119—120, 125.

² ЦГАДА, ф. Госархив, Разряд XVI, д. 1002, л. 5.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 204; «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 264; Описание Слободско-Украинской губернии 1802, стр. 16—17; Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XVI, стр. 1944—1945; ЦГАДА, ф. 1355, Воронежская губерния, Экономические примечания по Острогжскому уезду, дд. 55, 118, 121.

468 купцов объявили свои капиталы на общую сумму 113 072 руб.¹. В среднем, таким образом, приходилось на 1 купца по 241 руб. Объявление капитала влекло за собою уплату в казну с него ежегодно налога в размере 1%. Поэтому возможно, что купцы объявляли часть своих капиталов. Тем не менее приведенные данные свидетельствуют о появлении на Слобожанщине оформившегося купечества.

В сведениях о торговле содержится перечень товаров, цены на них, но нет указаний, сколько и на какую сумму товаров привозилось и продавалось в том или ином городе или на ярмарке. Поэтому нет возможности определить сумму годового товарооборота ярмарок и всей торговли края. Есть только некоторые частные указания.

В «Топографическом описании Харьковского наместничества» 1785 г., например, отмечалось, что в Харькове в течение года продавалось хлеба, жиров и других продовольственных товаров, а также железа на сумму до 165 тыс. руб., «красных» товаров до 250 тыс. руб.; металлических изделий, упряжи, обуви, деревянной посуды и других предметов до 40 тыс. руб., посуды хрустальной и других изделий до 30 тыс. руб., рыбы и икры до 165 тыс. руб. Покупалось рогатого скота и овец для отгона в Москву на сумму до 90 тыс. руб. На торгах и торжках по селам и деревням закупалось продуктов и продавалось в Харькове на 20 тыс. руб. Харьковские жители выкупили водки и продавали на месте на 15 тыс. руб.² Из этого перечня явствует, что продано товаров в течение года более чем на 800 тыс. руб. Д. И. Багалея полагал, что «обороты харьковских ярмарок до 1800 г. составляли: крещенской около 10 млн., успенской — 8 млн. и троицкой — 600 тыс. руб.»³. Данные «Топографического описания» не полные, Багалея — суммарные, тем не менее они в совокупности с изложенными дают основание полагать, что торговля в Харькове, а следовательно, и во всем крае, начавшаяся в середине XVII в., за 150 лет выросла в обширную сеть лавок, гостиных дворов, торговых рядов; выросли многочисленные еженедельные торги и годовые ярмарки, торговый оборот которых в год составлял десятки млн. рублей.

Торговля края, выросавшая на основе развития внутренних производительных сил и общественного разделения труда, способствовала дальнейшему развитию производительных сил края. Рынок Слобожанщины к концу XVIII в. являлся важной составной частью сложившегося всероссийского рынка.

¹ «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 265.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19134, стр. 34—37.

³ Д. И. Багалея. Очерки из русской истории, т. 2, стр. 10.

Глава VII

СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ОСНОВНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

Слободско-украинское дворянство На Слобожанщину пришли из Поднепровья семьи украинских казацких старшин и шляхты Кондратьевых, Лесевицких, Донцов-Захаржевских, Квиток, Ковалевских и др., составившие основную часть местного дворянства, принадле-

жавшего к господствующему классу страны. В течение многих десятилетий эти ряды пополнялись за счет казацкой верхушки.

До массового заселения Слобожанщины богатевшие украинские казаки становились русскими дворянами. Роман Гаврилов, например, известен в Путивле с 1621 г. в качестве мастера селитроварения. Его старший сын Алексей Романов занимался селитроварением до 1629 г. Младший сын Иван Романович Селитренников еще в 1631 г. вываривал селитру, затем за производство и поставку селитры в казну И. Селитренников был пожалован поместной землей и записан в дети боярские. После чего, по-видимому, он оставил селитроварение, перешел на дворянскую службу. В отписке путивльского воеводы Ю. Долгорукова от 24 февраля 1648 г. И. Селитренников именуется путивльским сыном боярским, доставившим в Посольский приказ письмо И. Вишневецкого. В 1653 г. дворянин И. Селитренников находился в числе 12 путивльцев в составе русского посольства, направлявшегося к Б. Хмельницкому¹.

Казак Андрей Голухович в 80-х годах XVII в. был избран таможенным головою в Харькове. Нажившись на присвоении казенных денег и на взятках, он в скором времени начал покупать земельные угодья², а затем стал харьковским городничим

и золочевским сотником. В XVIII в. Голуховичи являлись крупными феодалами.

Ряды старшин-помещиков пополнялись за счет зажиточных казаков, использовавших должности атаманов, есаулов и подпрапорных (знаменщиков). Подпрапорные были при полковом знамени и выполняли разные доверительные поручения. Они составляли значительный штат полков. По сведениям «Экстракта о Слободских полках» 1734 г., их насчитывалось в Сумском полку 48 чел., Ахтырском 53 чел., Харьковском 39 чел., Изюмском 26 чел. и Острогожском 14 чел.¹. На эту должность назначались обыкновенно сыновья старшин. Острогожский казак Г. Ямпольский писал в челобитной в 1749 г., что его отец служил в Нежинском полку ямпольским сотником, сам находился в придворных певчих, а после отставки стал запорожским казакком. После рассмотрения просьбы по царскому указу он был зачислен в подпрапорные. Ф. Воробцов, казак Острогожского полка, сын тростянецкого сотника, также был зачислен в подпрапорные². Став подпрапорными, получили должности полковой старшины молодые сыновья местной знати — Квиток, Ковалевских, Данилевских и др.

Благодаря этой должности выдвинулись в старшины и некоторые казаки. Корочанский казак Е. Лохвицкий в 1756 г. в челобитной о зачислении его в подпрапорные писал: «Состою я именованный в полку Острогожском в казачей службе без всякого пороку и подозрения», а ныне, писал проситель, «желаю служить в Острогожском полку подпрапорным». Просьба была удовлетворена, также как удовлетворены просьбы в 1755 г. острогожского жителя А. Куликовского, в 1750 г. жителя м. Бирюче И. Гамилевского, в 1760 г. жителя сл. Меловатка И. Онищенко, острогожских сотенного есаула М. Савельева, сотенного атамана В. Бреусова и др.³.

Подпрапорные получали больше земли и находились в привилегированном положении. Однако многие из них не удовлетворялись этим. Подпрапорный М. Косенков в 1757 г. писал воронежскому губернатору П. Салтыкову, что его дед и отец были казаками Острогожского полка. Он сам служил казаком «из собственного его имущества», не получая «подмоги», за что его назначили подпрапорным. М. Косенков просил зачислить его в сотники. Этот вопрос был решен положительно⁴. В 1767 г. он числился в списках дворян Острогожской провинции⁵. Зачисления

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 150—151.

² ХФЦГИА, ф. 29, д. 6, лл. 1—4; д. 7, лл. 1—4.

³ Там же, д. 31, лл. 1—2; д. 23, лл. 1—2; д. 10, лл. 1—4; д. 46, лл. 1, 4; д. 47, лл. 1—2; д. 51, лл. 1—2.

⁴ Там же, д. 34, лл. 1—2.

⁵ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 339.

¹ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 5; т. II, № 4; т. III, № 195.

² Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 106.

зажиточных казаков в подпрапорные, а затем на высшие ступени старшин происходили во всех полках.

В списке дворян Калитвянской и Беловодской округ 80-х годов XVIII в. указывается, что из слободских казаков вышли старшины, которые затем стали дворянами,—Д. Астрелин, О. Белоконев, И. и Д. Бутковы, М. Косенков, М. Краснопольский, И. Соколов¹. Между тем, в объяснительной записке старшин Ахтырского полка в 1749 г. положение подпрапорных сравнивалось с положением рядовых казаков. В ней говорится: «Что касается до подпрапорных, городских и сельских атаманов и других нижних чинов, то яко подпрапорные никакого старшинства, кроме одного только названия значковые товарищи не имеют и они по рассмотрении полковых канцелярий... старшин сотенных кто ту должность может снести определяется»². Это утверждение относилось только к тем подпрапорным, которым не удалось обогатиться и продвигнуться по службе.

И. Соколов, например, был зачислен из казаков Острогожского полка в подпрапорные, а затем стал дворянином Беловодской округи и имел в 80-х годах XVIII в. более 400 крепостных³. Дворянские семьи Куколевских, Татарчуковых, Синельниковых и др. в том же полку вышли из казаков⁴. Таких фактов можно привести много по всем полкам Слобожанщины.

Украинские феодалы долгое время назывались казацкими старшинами и шляхтичами. С преобразованием Слободских полков их уравнили в правах с русским дворянством. Этим формальным изменением предшествовали обращения украинских старшин с просьбами к правительству. В наказе острогожских дворян в 1767 г. говорилось: «А понеже... император Петр Великий изволил закон положить, что все происшедшие в обер-офицеры и их дети суть дворяне и надлежит им дать патенты на дворянство, рабски просим совершить наше благополучие всемиждивейшим пожалованием дворянского достоинства с наименованием потомственно нынешних старшин и таковых подпрапорных, коих деды служили в старшинских чинах, шляхтичами Слободской губернии». О том же писали сумские, изюмские и харьковские старшины⁵. Правительство Екатерины II удовлетворило просьбу старшин. На Слобожанщине были и русские помещики. Первоначально помещиками становились разбогатевшие русские служилые люди, затем их ряды пополнялись столичной дворянской знатью.

¹ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XVI, стр. 1860—1867.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 285—286.

³ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XVI, стр. 1856—1877.

⁴ ХФЦГИА, ф. 29, д. 36, лл. 1—16; Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 339—341.

⁵ «Сборник РИО», т. 68, стр. 280, 299—300, 309—310.

По сведениям Н. Попова, П. Васищев в 1642 г. числился чугуевским рядовым казаком, в 1658 г. он уже значился в рядах детей боярских и вместе с 2 «товарищами» владел с. Васищево, под Харьковом¹. В Острогожском полку из прибывших русских служилых дворян вышел род Тевяшовых, из «верстанных» приказных людей — Абрамовы и Останковы, из придворных гайдуков — Медякины, из солдат — Исаковы и Кузнецовы, из духовенства — Алферовы, Венецкие, Емельяновы, Морозовы и Ловлинские².

После снятия запрета местным воеводам и столичным дворянам приобретать земли в южных окраинных местностях с 80-х годов XVII в. здесь обосновываются воеводы И. Косоков, Ф. Осетров, при Петре I — Б. Шереметьев, А. Меншиков, М. Голицын, С. Юсупов, Я. Крапоткин, В. Корчмин и др. Появилась также группа иностранных и прибалтийских крепостников: фон Циглер, Кейт, Девиц, Дуглас, И. Гендриков, И. Сасов, П. Буларт и др.

В 1710—1711 гг. группа волохов эмигрировала из Турции в Россию. Из них такие феодалы, как Д. Кантемир, М. Куликовский, Ф. Кигич, Абаза, Спатария, К. Вотов, Бантыш, Е. Парутин, Н. и К. Зерулы, М. Мерескул, Брагин, А. Жиян, Н. Армаш, осели на Слобожанщине. Позже здесь появились волохи В. Танской, балканский славянин И. Хорват, грек Бонческул и др.

Количественный состав украинских, русских и иностранного происхождения помещиков постоянно менялся. Однако среди них неизменно преобладала группа украинских помещиков. Об этом свидетельствуют данные переписи 1732 г. и источники второй половины XVIII в.

По спискам дворян 1767 г. в Сумской, Ахтырской, Харьковской, Изюмской и Острогожской провинциях числилось помещиков на Слобожанщине из украинской казацкой старшины 298 фамилий (из них 257 семей имели крепостных), русских 32 фамилии и иностранного происхождения 29 фамилий³. По ведомостям 5 провинциальных канцелярий, составленным по материалам 1772 г., насчитывалось дворян из бывших старшин в провинциях: Изюмской 2853, Острогожской 2763, Ахтырской 1872, Сумской 1743 и Харьковской 1401 чел. Всех 10 632 чел. обою пола. Точно определить количество русских помещиков трудно, так как составители ведомостей их включили в состав военнослужащих, штатских служащих и отставных «разных чинов», которых значилось 8815 чел. обою пола, среди них, конечно, были также и украинцы. Следует отметить, что к господствующему

¹ «Киевская старина», 1888, май, стр. 24.

² Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XVI, стр. 1856—1877.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 328—341.

классу в определенной степени примыкало духовенство, которого насчитывалось по тем же ведомостям 8687 чел. обоего пола¹.

Формирование и укрепление экономического и политического положения господствующего класса на Слобожанщине было тесно связано с его политикой, направленной на сосредоточение в своих руках основных экономических ресурсов, а также на закрепощение казацких масс. Как было показано в предыдущих главах, старшины-помещики при содействии царского правительства прибрали к своим рукам большую часть земельных, водных и лесных богатств, мельниц, винокурен и селитроварен. К середине XVIII в. они фактически закрепостили более половины казацко-крестьянских масс края.

Прибывшие на Слобожанщину украинские переселенцы в официальных русских документах назывались «черкасы», с подразделением на «начальных» и «рядовых» людей или «пашенных» и «мещан». В списках жителей Усерда, Ольшанска 1650 г. и других городов числились дети боярские, стрельцы, станичники, пушкари, полковые казаки — русские и украинцы². Среди острогожских поселенцев 1652 г. названы поименно старшины и «рядовые черкасы», также были названы в списках 1655 г. поселенцы в Ахтырке, Харькове и Змиеве³. В «перечневой сметной росписи» 1665 г. и описаниях городов 60—80-х годов XVII в. основная масса украинских поселенцев в Харькове, Сумах, Лебедине и Боровле делилась на пашенных людей и на мещан. В Ахтырке, Колонтаеве, Цареборисове, Змиеве, Нежегольске, Валуйках, Салтове и Недригайлове они назывались «пашенными черкасами». И только в Судже по именному списку украинцы были поделены на казаков 62 чел. и их родственников 63 чел., мещан 105 чел. и их родственников 114 чел., пашенных мужиков 533 чел. и их детей и родственников 510 чел.⁴

Наименование рядовых украинских переселенцев пашенными людьми и мещанами соответствовало их социальному положению. В массе своей они действительно являлись крестьянами и лишь часть состояла в сословии мещан. Кроме того, русское правительство вначале стремилось превратить одних из них в казенноподданных (черносошных) крестьян, других — в служилых людей, а мещан — в городское посадское население. Однако украинские крестьяне и мещане, поселяясь вместе в городах и

селах, сохраняли и отстаивали казацкий строй, принесенный ими из Поднепровья. Он являлся удобной формой самозащиты от татарских нападений, в нем переселенцы видели условие утверждения казацкого сословия — свободных сельских и городских жителей.

Местные условия пограничья заставили царское правительство пойти на временные уступки украинским поселенцам, им разрешено было казацкое устройство. Деление слобожан на казаков (полковых казаков) и мещан (казаков городской службы) сохранялось до начала XVIII в. Об этом говорится в документах по поводу спора белопольских жителей с путивльскими помещиками за землю в 1682—1685 гг. «Черкас», ставших подданными помещика В. Вишневого, правительство велело «приписать к Белополюю и разобрать сумскому полковнику Кондрагеву в казаки и мещане, кто в какую службу пригодится»¹, учитывая их материальное положение.

До начала XVIII в. мещанами назывались городские казаки. С экономическим ростом городов повышалась роль ремесленников и торговых людей, за которыми по традиции, перенесенной из Украины, закрепилось название «мещане».

В течение второй половины XVII в. сохранялся широкий доступ в ряды как полковых, так и городских казаков. Записывались в казаки украинские крестьяне и свободные городские жители. Много сотен семей украинских поселенцев в селах Вержба, Коряж, Павловка, Терны по указам Разрядного приказа были отписаны на казацкую службу в Сумской полк. Ахтырский полковник И. Перекрестов в 1682 г. записал в свой полк «ольшанских черкас»².

Чугуевский воевода в 1667 г. писал белгородскому воеводе, что «печенежской слободы мещане переписались в казаки, а после переписи осталось мещан мало, да и то бедны»³. В 1700 г. по просьбе жителей с. Малиновка их записали в казаки Изюмского полка⁴. Спустя 2 года таким же образом записаны в казаки Изюмского полка жители слобод Ольховатка и Тополи⁵.

Острогожский воевода И. Иевлев жаловался царю Федору Алексеевичу в 1680 г., что полковник Острогожского полка И. Сасов записал казаками «городовой службы острогожцев верстанных детей боярских Федора Васильевича Колбу, его

¹ ХФЦГИА, ф. 399, оп. 2, д. 419, лл. 319—398.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 317, л. 309.

³ «Воссоединение Украины с Россией», т. III, № 187; ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 392, лл. 56—135, 143—192, 205—221.

⁴ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 545, лл. 24—26, 34—35, 40—41, 43, 57—58, 60—65, 81; Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 50—53.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 115.

² ЦГАДА, Поместный стол, стб. 107, лл. 194—197.

³ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. IV, стр. 108.

⁴ ЦГАДА, Разрядный приказ, Дополнительный отдел, стб. 163, лл. 266—277.

⁵ Там же, лл. 278—303; ХФЦГИА, ф. 28, д. 3, л. 4.

детей и товарищей, а всего 8 человек». Он записал также иноземца Ю. Грека, воронежских станичников, казенных плотников и кузнецов, царских звероловов, лесных сторожей, житных целовальников, воротников и бобылей¹. Известно, как правительство реагировало на данную челобитную, но по другим сведениям видно, что к концу XVII в. оно всячески старалось удержать тяглые группы населения в прежних разрядах. Когда острогожские посадские люди Е. Михайлов «с товарищи» в 1683 г. самовольно записались в местный полк, по указанию из Москвы был произведен «разбор» по этому делу, записавшихся в казаки наказали и возвратили «в тягло попрежнему посадских»².

До XVIII в. правительство разрешало записывать в городские казаки целые поселения крестьян и «мещан», но более осторожно относилось к набору людей в полковые казаки. Оно требовало, чтобы записывали в «компанейцы» людей семейных, зажиточных. В рассмотренном списке казаков Острогожского полка в 1676 г. составитель его писал: «В Острогожском де полку их полковые службы казаков ныне малоллюдно и от службы и от приходов воинских людей оскудели вконец. А в Острогожском де городе их же братья черкасы посадские и рядовые и бобыли заводные люди живут, а в полку казачей службы не служат. Да в иных де городах Острогожского полку таких же черкас и бобылей много ж, которые казачей службы не служат». Автор далее предлагал, чтобы правительство разрешило в городах Острогожского полка «таких казаков посадских людей и бобылей написать с нимиж в полковую казацкую службу и служить им снимиж полковую службу в равенстве». По поводу этого предложения Разрядный приказ решил послать грамоту белгородскому воеводе Г. Ромодановскому с предписанием «послать кого пригоже» в города Острогожского полка (в которых проводился «разбор» казаков) и «тех черкас разобрать вновь и полных семинистих (семейных сыновей казаков) от семей написать в полковую службу, а одиноких и скудных в городскую службу»³.

К концу XVII в. положение казачества резко ухудшилось: служебные обязанности возросли, военные походы участились. Многие обедневшие казаки стали отказываться от полковой службы, переходили на городскую службу, в состав городского — посадского тяглого населения, и даже уходили в подданные старшин-помещиков.

Правительство Петра I узаконило численный состав всех 5 полков в 1697 г.⁴. Указом от 21 января 1700 г. в разряд

¹ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, т. I, 1887, стр. 281—282.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1059, лл. 619—626.

³ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XVIII, стр. 726, 727.

⁴ ЦГАДА, Московский стол, стб. 761, лл. 17—20, 23—24, 180—215.

основного резерва выборных казаков записаны их сыновья, братья и племянники. Узаконен был также разряд казацких подпомощников.

Острогожский полковник Ф. Куколь в жалобе на воеводу и приказных людей в ноябре 1701 г. писал Петру I: «велено мне, холопу твоему, со всех моих полчан всего Острогожского полку с казаков выбрать в твою, великого государя, чисто полковую службу указное число самых добрых людей конных и оружных, и к войсковому делу годных, и к службе готовых»¹. Белгородский воевода Я. Долгорукий, осуществлявший указ Петра I по укомплектованию казаков Слободских полков, докладывал, что он отобрал «самых добрых» 3500 казаков².

Был установлен строгий учет полковых казаков. На них составлялись формулярные списки, где указывались фамилия, имя и отчество казака, год, месяц и день избрания на службу, из кого избран — из свойственников или из подпомощников, записывались рост и основные приметы, а также постоянное место жительства³.

Количество казаков-компанейцев, как и городских казаков, всех полков второй половины XVII в. установить невозможно. Имеющиеся сведения не полны. Так, например, в Острогожском полку в 1652 г. числилось на службе 967 казаков, а с женами и детьми их насчитывалось около 3 тыс. чел.⁴. По описанию городов Белгородской черты 1668 г. числилось казаков на службе в Острогожском полку 1523 чел., в Сумском 1265 чел., в Ахтырском 1416 чел. и в Харьковском 1123 чел., всех 5327 казаков⁵, с женами и детьми, надо полагать, было около 20 тыс. чел.

По сведениям «разбора» казаков Харьковского полка от 21 июня 1680 г. рядовых «прежних и новоприборных» казаков полковой и городской службы было в 14 городах (Харькове, Валках, Мерефе, Соколове, Змиеве, Ольшане, Золочеве, Печенегах, Салтове, Волчьих Водах, Булыкее, Андреевке, Бишкине и Лимане) 5055 чел.⁶.

Более определенные сведения о выборных казаках дошли до нас с первой половины XVIII в. По указу Петра I от 21 января 1700 г. количество компанейцев было определено следующее: в Острогожском полку 350 чел., в Сумском 1230 чел., в Ахтырском 820 чел., в Харьковском 850 чел., в Изюмском 250 чел., всех

¹ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, т. I, стр. 317—319.

² ЦГАДА, Разрядный приказ, Дополнительный отдел, стб. 163, лл. 223—235.

³ ХФЦГИА, ф. 31, д. 695, л. 12.

⁴ «Воссоединение Украины с Россией», т. III, № 187.

⁵ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 55.

⁶ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1017, д. 12, л. 38.

3500 чел.¹. По указу Анны Ивановны от 10 апреля 1733 г. установлена численность полковых казаков в Ахтырском полку 1000 и в остальных 4 полках по 800 чел., всего 4200 чел.². В 1743 г. указом Елизаветы Петровны состав выборных казаков 5 полков был установлен в 5 тыс. чел. В указе говорилось: «Быть тех конных выборных казаков из лутчих и пожиточных во всех полках пяти тысячам всегда и во всякой службе, готовности безотменно»³. Такой численный состав выборных казаков официально оставался неизменным до преобразования Слободских полков в 1765 г.

Выборных казаков с сыновьями и свойственниками числилось в Харьковском полку в 1732 г. 5871 чел., в 1763 г. — 11 571 чел., соответственно в Сумском — 3695 и 17 412 чел., в Ахтырском — 7373 и 13 203 чел., в Изюмском — 3550 и 7166 чел., в Острогжском — 3076 и 8879 чел. Всего в 5 полках — 23 565 и 58 231 чел. или обоего пола в 1732 г. — 47, тыс. и в 1763 г. — 116 тыс. чел.⁴.

Подпомощники Составной частью слободско-украинского казачества являлись подпомощники. В основе деления казачества на полковых и подпомощников лежало их имущественное неравенство. С самого начала в полковые казаки записывали наиболее зажиточных поселенцев. Постоянная сторожевая служба, частые походы отрывали казаков от хозяйства, многие из них были не в состоянии обеспечить себя, беднели и разорялись. Поэтому со временем устанавливается практика «подмоги» (помощи) полковым казакам. Такая практика существовала на Украине в условиях «гетманщины», она имела место и среди русских служилых людей. Воевода Г. Ромодановский писал в декабре 1658 г. чугуевскому воеводе, что чугуевские пушкарки, находившиеся на службе в Переяславе, направили одного из казаков в Чугуев для сбора денег, «которые деньги велено им взять с товарищей их им на подмогу». Он просил воеводу оказать содействие посланному пушкарю «взять подмоги по скольку с человека доведетца против иных городов», т. е. так же, как это делалось и в других городах⁵.

Такая практика существовала у слобожан и впоследствии была узаконена. В указе Петра I после установления численного состава казаков в полках говорилось: «а достальным казакам, на которых были положены денги; тем казаком помогать в

службе тем конным выборным казакам, а положить на них подмоги, изверстая и смотря по человеку, по их черкасскому обыкновению самим»¹. Следовательно, помощь выборным казакам в несении ими службы считалась «черкасским обыкновением», т. е. давню установившейся традицией.

Подпомощники закреплялись за казаками, как и за старшинами, поименной росписью. В 1700 г. они были расписаны старшинам в соответствии со служебным положением и «заслугами» по 6, 10 и 20 чел., а казакам «потомуже не ровно, но смотря по пожиткам почтеннейшим по 2, по 3, по 4, а хутшим по 5, по 6, по 7, по 8 человек подпомощников единому компанейцу разверстаны»².

При Анне Ивановне в 1733 г. проведены преобразования полков, при 5 полках было сформировано по 1 регулярной роте, которые составляли вновь созданный драгунский полк. Увеличились кадры старшин-офицеров и рядовых. Всем им были приписаны подпомощники: полковникам по 650, обозным и есаулам (первым) и поручикам по 300, капитанам по 350, есаулам (вторым) по 200, ротмистрам по 350, полковым писарям, хорунжим и сотникам по 150, старшим канцеляристам и унтер-офицерам по 100, младшим канцеляристам по 50 чел. Капралам и рядовым регулярных рот полковники по своему усмотрению приписывали подпомощников «с отменой от рядовых казаков»³. Например, записано драгунам Г. Опареву 4, М. Мироненкову 3, И. Дьякову 2, Г. Украинцу 1, И. Коломийченко 1, С. Божко 2, И. Харьковскому 7 чел.⁴.

Роспись подпомощников за старшинами-офицерами вызвала возмущение среди казаков и подпомощников. В результате комплектование прошло со значительным недобором. Из «Экстракта о Слободских полках» 1734 г. видно, что подпомощников у полковников вместо 650 чел. было у сумского 355, ахтырского 250; у обозных вместо 300 чел. было у сумского 55, у ахтырского 105, у изюмского 43, у острогжского 40; у судей у сумского 84, у ахтырского 100, у изюмского 35, у острогжского 55 и т. д. В 2—4 раза было меньше подпомощников и у старшин-офицеров других рангов. Всего старшинам приписано подпомощников 8307 чел.⁵.

Правительство Елизаветы Петровны, отменяя некоторые мероприятия «бионовщины», отменило и роспись подпомощников для старшин-офицеров. В указе от 22 ноября 1734 г. было сказано: «А определенных по представлениям... генерала

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 148—149.

² ПСЗ, № 6366.

³ Там же, № 8809; Воронежские акты, кн. I, Воронеж, 1851, стр. 14.

⁴ ХФЦГИА, ф. 27, д. 22; ф. 28, д. 57; ф. 31, д. 27; ф. 30, д. 7; ф. 31, д. 22; ф. 404, д. 95, лл. 72—75; д. 102, лл. 82—89, 92, 95, 99—106; д. 66, л. 173.

⁵ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 83.

¹ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. V, стр. 328.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 180.

³ ПСЗ, № 6366, 6430, 6610.

⁴ ХФЦГИА, ф. 31, д. 138, лл. 13—14.

⁵ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 158.

Шаховского новонабранного драгунского полку офицерам и рядовым, таж тех Слободских полков полковникам, полковой старшине и протчим чинам подпомощников, отобрав от них, приписать к сотням с казачьими подсоседками и подпомощники, для вспоможения конных выборных казаков попрежнему, дабы оные казаки подпомогою их были всегда конны и оружейны, и в походах запасами удовольствованы»¹.

С созданием артиллерии при полках подпомощники были приписаны к пушкарям. В ведомости о пушкарях, поданной около 1759 г. в канцелярию 2-й Харьковской сотни, числилось 5 пушкарей, их свойственников 29 чел. и подпомощников 89 чел. (с родственниками). Так, «у С. Вербецкого свойственники брат Игнат, отчим Н. Губенко с детьми Ильей и Дмитрием. Подпомощников за ним записано 7 чел., у которых детей и родственников мужского пола 24 чел.»² и т. д.

Состав подпомощников, как и казаков, постоянно изменялся. Сведения о их численности, хотя и не точные, сохранились с XVIII в. Первые указания имеются в отписке белгородского воеводы И. Кольцова-Масальского. Он писал в Москву в октябре 1706 г., что в Харьковском и Изюмском полках насчитывалось казаков-компанейцев 1289 чел., подпомощников неполковой службы 8016 и городовою службы 1125 чел.³ В Ахтырском полку в 1726 г. на 1222 выборных казака приходилось 5788 подпомощников⁴. Более полные сведения о подпомощниках мы имеем с последующего времени. В Харьковском полку их числилось в 1732 г. 11 773 и в 1763 г. 15 553 чел., соответственно в Сумском 13 918 и 24 602 чел., в Ахтырском 18 195 и 17 326 чел., в Изюмском 11 997 и 21 013 чел., в Острогожском 16 343 и 29 807 чел. Всего в 5 полках 72 226 и 108 301 чел. или обоего пола в 1732 г. 145 тыс. и в 1763 г. 218 тыс. чел.

Обязанности подпомощников определялись законодательными актами. По царскому указу 1700 г. подпомощники обязаны были старшинам заготовлять сено и дрова дома, быть в походах погонщиками на их подводах, выборным казакам они помогали провиантом, деньгами для покупок лошадей, оружия, амуниции, одежды и на другие нужды во время похода и несения службы. В указе Острогожскому полку, например, говорилось: «и тем казакам (подпомощникам) помогать в службе тем конным выборным казакам, а положить на них подмоги изверстав и смотря по человеку по их черкасскому обыкновению самим, чтоб те выборные казаки тою их подмогою были конны и

оружны и в походах запасами удовольствованы»¹. В «Экстракте о Слободских полках» 1734 г. подчеркивалось: «А определенные им (выборным казакам) подпомощники вспомогают в службе по своему черкасскому обыкновению деньгами для покупки лошадей, ружья, седел, платья и во время походов собирания между собою сами дают смотря по дальности походов и по своему рассмотрению без записок»².

Когда в 20-х годах XVIII в. отправляли отряд казаков Ахтырского полка в Гилянский поход, то, как указывается в документах, «оные казаки все исправны и на добрых конях и при добром ружье имеются, а именно в пишале, копях», снабжены боеприпасами на первое время. Подпомощники обеспечили казаков волами и лошадьми. Запасли на каждого казака сухарей по 5—6 мешков, пшеничной муки 2 мешка, пшена 1—2 мешка, сахару 1—2 мешка, 5 медных казанков и другие предметы³.

В ведомости, поданной в Харьковскую полковую канцелярию в 1759 г.⁴ о казаках-пушкарях, расписаны хозяйственные обязанности их подпомощников — «каким жеребем вспомогать». Пушкарю С. Вербецкому с отчимом и братьями должны обрабатывать, засеять и убрать по 1 чети земли подпомощники И. Чернолих, Я. Чечил, П. Ушкаренко, К. Макогонов, И. Старченко, Г. Кармазин; 2 чети — Г. Осмачка и С. Компанейченко и 0,5 чети — И. Кононенко⁵.

Подпомощники также играли роль резерва полкового казачества. Дворяне Харьковского уезда в «наказе» 1767 г. писали: «С начала учреждения Слободских полков в казачью службу навсегда набор происходил единственно только с казачьих подпомощников, а из состоящих за владельцами в подданстве черкас взять в казаки никогда не происходило»⁶. В этом утверждении правильно отмечается, что старшины-помещики старались не допускать крепостных крестьян в ряды казачества. Что же касается подпомощников, то здесь следует подчеркнуть, что основным контингентом пополнения выборных казаков являлись их дети и родственники. Однако в связи с частыми походами и нападениями татар немало казачьих семей беднело, а некоторые подпомощники богатели и избирались в полковые казаки. В формулярном списке Меревянской сотни 1764 г. указывается, что казаков набрано из свойственников 27 чел., из подпомощников 11 чел. В Золочевской сотне избрано

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 155.

² ХФЦГИА, ф. 31, д. 444, л. 193.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 180.

⁴ ХФЦГИА, ф. 27, д. 121, лл. 34—35, 51, 59, 67, 79, 88, 94, 107, 112, 118, 134, 147, 151, 161, 173, 183, 194, 209, 228, 236, 242.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 201; Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. I, стр. 328.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 157.

³ «Сборник РИО», т. 68, стр. 264.

⁴ Ведомость не датирована, находится среди документов в деле за 1759 г.

⁵ ХФЦГИА, ф. 31, д. 444, л. 193.

⁶ «Записки ООИДР», т. I, 1844, стр. 352.

40 казаков¹, из них свойственников 19, подпомощников 18 и однодворцев 3 чел.² В Пересечанской сотне в марте 1757 г. состоялись выборы полковых казаков. В сотне насчитывалось 536 свойственников и 502 подпомощника. Избрали 30 казаков: 16 из свойственников и 14 из подпомощников³ и т. д. Так происходило комплектование казаков во всех сотнях по мере необходимости.

Поэтому не только полковые казаки и их свойственники, но и подпомощники считались казаками. Такое правильное понимание этого вопроса находит свое подтверждение во многих документах. Жители с. Пены, Суджанского комиссарства, в борьбе против притязаний помещиков Переверзевых на их землю и свободу доказывали, что они были «в казаках, свойственниках и подпомощниках»⁴. С преобразованием полков подпомощники вместе с полковыми казаками были превращены в войсковых обывателей.

Подсоседки и захребетники На Слобожанщине существовала прослойка людей, называвшихся соседями, или подсоседками и захребетниками. Под таким названием они были известны и в России, и на Украине.

В грамоте царя Михаила Федоровича по поводу набора людей на станично-сторожевую службу в Валуйки 17 февраля 1625 г. говорилось: «Велено Федору Сухотину прибрати в станичную службу от отцов детей, и от братьи братью, и от дядей племянников, и сосед, и подсоседков, и всяких вольных людей»⁵.

Автор описания Черниговщины XVIII в. А. Шафонский писал: «Был в Малой России еще род посполитых людей или мужиков, которые суседи, или подсоседки назывались»⁶. О соседях и «подсоседниках», живших во дворах харьковчан, говорится в царской грамоте воеводе В. Сухотину в 1660 г. и в челобитной харьковчан 1659 г.⁷

В челобитной сумчан царю 1685 г. люди, живущие в их дворах, т. е. подсоседки, названы захребетниками. О захребетниках, проживавших в городах Харьковского, Сумского и Ахтырского полков, говорится в переписке курского воеводы и

в царских грамотах 1684 г.¹ Корочанский воевода И. Ржевский писал правительству в октябре 1650 г., что в Короче устроено служилых «черкас» 400 чел., а также их детей, братьев и захребетников 300 чел.² Были подсоседки и захребетники в Изюмском и Острогожском полках.

О подсоседках и захребетниках в документах иногда говорится как об отдельных, различных группах людей. В материалах о споре белопольских жителей с путивльскими помещиками за землю говорится, что «белопольцев новоприхожих и захребетников и свойственников и подсосудников» насчитывалось 132 чел. В с. Речка было 28 «черкас», «которые живут в казацких и мужицких домах в соседах», во дворе атамана Чернявского было 12 подсоседков, во дворах 11 пушкарей (русских и украинцев) жило захребетников 12 «черкас»³. Однако другие данные говорят о том, что подсоседки и захребетники представляли собою одну и ту же социальную группу людей.

В «Экстракте о Слободских полках» 1734 г. говорится, что в Харьковском полку «подсоседки собственных своих грунтов и никаких угодей не имеют, а живут во старшинских и казацких и подпомощничих домах при пасеках при скоцких и овчарных и винокурных заводах и при мельницах и пропитания имеют от своего зарабатывания». Далее автор, описывая Изюмский полк, отмечает: «А за подсоседками прежде сего во владении земель и никаких угодей не было и ныне нет для того, что оные за крайнюю своею скудностью прожить в чужих дворах и имеет пропитание работою»⁴.

Таковыми же неимуществами, жившими и работавшими во дворах зажиточных людей, являлись и захребетники. Б. Д. Греков приводит такой факт из жизни Тверского края: «Во дворе ключник Якушко Ивашков, сын его Гридка, захребетник его Дениско». Далее академик подчеркивает, что захребетник Дениско помогал Я. Ивашкову вести его хозяйство⁵. Причиной образования подсоседков, захребетников, как неимущих людей, были войны, татарские набеги, произвол феодалов и различные повинности. В грамоте из Разрядного приказа от 28 апреля 1682 г. воеводам на Слобожанщине указывалось: «А которые казаки, бездомовные люди, живут у старых домовных казаков в захребетники для работы»⁶.

Сведения о численности захребетников и подсоседков в Сумском, Ахтырском, Харьковском и Изюмском полках сохранились

¹ В сотне насчитывалось 71 чел., но происхождение 31 чел. не установлено вследствие порчи текста документа.

² ХФЦГИА, ф. 31, д. 695, лл. 12—13, 16—19.

³ Там же, д. 392, л. 59.

⁴ ЦГАДА, ф. Суджанского комиссарского правления, д. 4, лл. 6—7.

⁵ Воронежские акты, кн. I, стр. 118—119.

⁶ А. Шафонский. Черниговского наместничества топографическое описание 1786 г., К., 1851, стр. 86.

⁷ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 19, 29.

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1017, лл. 104—105; стб. 1036, лл. 360—380, 537—540.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 116, 117.

³ «Воссоединение Украины с Россией», т. II, № 187.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 154, 155.

⁵ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 579.

⁶ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 121.

в переписи 1732 г. В с. Будилки, Сумского полка, во дворе казака Т. Гриценко жили «сосед» А. Доронковский, 30 лет, с 4 сыновьями и «сосед» Л. Усенко, 20 лет, с 3 сыновьями. В с. Бережки, Лебединской сотни, во дворе подпомощника Ф. Харченко жил «сосед» С. Чередник, 30 лет, с 2 сыновьями¹. Таких записей в переписных материалах сделано много.

Подсоседков в 1732 г. было в Харьковском полку 580 (3,28%), в Сумском 3207 (18,2%), в Ахтырском 1631 (6,3%) и в Изюмском 7560 чел. (48,6%). Всего в 4 полках насчитывалось 12 978 подсоседков, или 6% от общего числа казаков, свойственников и подпомощников. В Острогожском полку, указывается в «Экстракте» 1734 г., подсоседков, подпомощников и «спольщиков» было 7296 чел. По ведомости 1763 г. подсоседки выделены только по Сумскому полку, их насчитывалось 7242 чел., или 17,3% от общего количества казаков, свойственников и подпомощников. Такое количественное различие подсоседков в разных полках объяснялось тем, что они нередко записывались вместе с казацкими подпомощниками.

Подсоседки и захребетники, как и наймиты, эксплуатировались на разных работах. Они были пасечниками, пастухами, использовались в земледелии, на дворовых работах, в торговом деле. В царской грамоте от 28 апреля 1682 г. слободско-украинским воеводам и полковникам говорилось: «а они бы домовные казаки тех своих захребетников и наймитов в заднепровские места отнюдь не пускали»².

В XVII в. правительство нередко вербовало подсоседков и захребетников на службу. В росписи захребетников, взятых на службу в Яблонове, насчитывалось 7929 чел. из 18 южных городов³. В предписании курского воеводы А. Шеина от 21 сентября 1684 г. цареворисовскому приказному человеку А. Данильеву указывалось переселить в Цареворисов из городов Сумского, Ахтырского и Харьковского полков украинцев, «которые в полковой службе не написаны, а живут в захребетниках з женами и детьми на вечное житие в Царев-Борисов». Подсоседкам и захребетникам, привлеченным к службе, давалось жалованье для обзаведения хозяйством, а также предоставлялись льготы на ряд лет. В этом же предписании говорилось, чтобы переселенным захребетникам в Цареворисов были даны льготы на 15 лет: на полковую службу и валовые работы их не посылать, податей и каких-либо других повинностей с них не требовать, а только обязать их нести службу внутри города, вместо годового жалованья разрешать «черкасам держать шинки, а рус-

ским людям... торговать безошлинно до указа»¹. Из царской грамоты 1653 г., направленной чугуевскому воеводе, известно, что в Чугуеве находились на службе бывшие «хребетники», они имели личные хозяйства².

Бывали случаи, когда отдельным подсоседкам удавалось стать в ряды имущественных служилых людей. Автор «Экстракта» 1734 г., описывая Изюмский полк, говорил по этому поводу: «А егда хто станет имуществен и такие определяются в службу полковую и тогда они землю пашут и протчим угодыям владеют в общем всех граждан владении»³. Однако основная часть подсоседков находилась на положении работников.

Немало подсоседков попадало в крепостную зависимость от своих хозяев. А. Шафонский писал: «Порядочные и достаточные [влиятельные и богатые] владельцы определяли им [подсоседкам] пахотные и другие земли, делая их настоящими земледельцами и хозяевами, привязывали к неподвижной и основательной жизни, и тогда уже они назывались грунтовыми мужики»⁴.

Дошедшие до нас разрозненные сведения говорят о том, что подсоседки существовали во всех Слободских полках. В основном они находились в казацких дворах и очень мало их было во владениях светских и духовных феодалов. Это объяснялось тем, что феодалы превращали подсоседков в «подданных».

Правительство рассматривало подсоседков как людей лично независимых и близких к казакам, поэтому, преобразуя Слободские полки в 1765 г., превратило их вместе с полковыми казаками и подпомощниками в податное сословие «войсковые обыватели», которых по официальным данным насчитывалось 154 808 чел. мужского пола⁵.

Казачество представляло собою, как известно, сословие свободных людей. Однако имущественное положение его с начала заселения Слобожанщины было неравным, что имело существенное значение. В. И. Ленин писал о сущности такого социально-экономического явления: «Несомненно, что возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса, но одной этой «дифференциацией» процесс отнюдь не исчерпывается»⁶.

По сведениям смотренной книги г. Острогожска 1653 г. поселенцев насчитывалось там 883 семьи, или 4269 чел. обоого

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 169. Аналогичный указ был адресован Цареворисовскому осадному А. Захарьеву; ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1017, д. 13, лл. 104—105.

² ХФЦГИА, ф. 353, д. 29, док. 8.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 155.

⁴ А. Шафонский. Черниговского наместничества описание..., стр. 86.

⁵ ПСЗ, № 12293.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 142.

¹ ХФЦГИА, ф. 30, д. 7, лл. 1566, 1598.

² Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 121.

³ АМГ, т. II, 1894, № 496.

пола. По подсчету И. Миклашевского у них было скота: 1787 лошадей, 756 волов, 865 коров, 146 телят, 1438 овец и коз и 763 свиньи. Рабочий скот имели 112 семей по 6 и более голов, 143 семьи по 4—6 голов, 297 семей по 2—3 головы, 276 семей по 1 голове и 55 семей вовсе не имели животных¹.

Из ведомости об ахтырских поселенцах, составленной в 1657 г., известно, что туда прибыло 446 семей, в которых насчитывалось 1574 чел. обоего пола. У них имелось крупного скота 1709 голов: лошадей 597, волов 626 и коров 486 голов; мелкого скота 2491 голова: овец 1468 и свиней 1023 головы. В среднем на семью приходилось крупного скота по 3 и мелкого по 5 голов. В то же время 33 семьи имели крупного скота по 11—35 голов, мелкого по 30—170 голов на каждую семью. Из них Климов имел 20 лошадей, 10 волов, 5 коров, 20 свиней, 150 овец и 30 ульев пчел и т. д. Можно с уверенностью сказать, что с таким хозяйством крестьянская семья не могла справиться своими силами, здесь нужна была значительная рабочая сила, превышавшая силы казацко-крестьянской семьи. Надо полагать, что Климов и ему подобные составляли старшинско-шляхетскую верхушку переселенцев, обладавших зависимой рабочей силой. Основная же масса ахтырчан владела таким же количеством скота, как и острогожские поселенцы. 23 семьи имели крупного скота по 2—3 головы и мелкого по 2—7 голов, 122 семьи — по 1 животному, 29 семей совсем не имели скота².

Имущественное неравенство среди казацко-крестьянского населения края было распространенным явлением и объектом использования власть имущими людьми. Острогожские украинские жители в челобитной 1658 г. писали царю, что среди них есть люди богатые и бедные и что этим воспользовался местный воевода И. Караулов. Воевода совместно с «заможными и богатыми черкасами» города «завели в Острогожском налоги — выклады на бедных людей». Челобитчики писали, что богатые «воеводам вклад (взятки) дают по полтине, и по рублю, и по 2, и по 3, и больше; и тем нас, бедных, упродают, и теснят тюрьмою, и за приставом напрасно». Когда воевода установит налоги «и те возможные люди те выклады на нас, бедных, доправливают, и мы займовоучи в кабалу, и животы свои, лошади и коровы, избываючи на безценнок, те выклады им платили... и мы от тех выкладов стали упроданы, животов своих избыли, пеши и скудны стали». Челобитчики заявляли, что если утеснения не прекратятся, то им «вконец погибнуть и разориться без остатку, что с нужи иные сбредут»³.

Имущественное неравенство казачества ясно показано в

¹ И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта..., стр. 177.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 23—33.

³ АМГ, т. II, № 1029.

ведомостях о «татарском погроме» в 1680 г., из которых сведения приводились раньше¹.

В Лебедине в 1681 г. насчитывалось 2045 украинцев, из них было «лутчих» казаков на полковой службе 403 чел., «да другой статьи», т. е. людей победнее, находившихся «у валового дела», 553 чел. и 1089 мешан².

Рост экономического неравенства казаков к концу XVII в. сделал необходимым разделение их на полковых казаков и подпомощников. Общая численность выборных казаков, свойственников и подпомощников представляется по материалам переписи 1732 г. и ведомостей полковых канцелярий 1763 г. следующей таблицей³.

Полк	Выборных казаков		Сыновей казаков и свойственников		Подпомощников	
	1732 г.	1763 г.	1732 г.	1763 г.	1732 г.	1763 г.
Харьковский . . .	700	850	5171	10 721	11 773	15 553
Сумской	853	1300	2842	16 112	13 918	24 602
Ахтырский	1167	1237	6206	11 966	18 195	17 326
Изюмский	450	700	3100	6 466	11 997	21 013
Острогожский . . .	420	779	2656	8 100	16 343	29 807
Всего	3590	4866	19 975	53 365	72 226	108 301

Выборные казаки вместе со свойственниками составляли в 1732 г. 24,6%, в 1763 г. 35%, подпомощников было в те годы соответственно 75,4 и 65%. Увеличение численности выборных казаков и свойственников и уменьшение подпомощников объясняется тем, что в 1755—1756 гг. произошла перегруппировка казаков в связи с комплектованием полков в 5 тыс. чел. и резерва 2500 чел.

В действительности же обнищание значительной части казачества углублялось. В ведомости о населении Ахтырского полка 1726 г. приводятся сведения о полковых казаках, подпомощниках и «самых скудных» людях (бобылях). Так, числилось казаков 1222, подпомощников 5502 и «самоскуднейших» 286 чел.⁴. Естественно, такие обедневшие люди были не только в Ахтырском полку, но и по всей Слобожанщине. К ним принадлежали и подсоседки.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 89.

² Там же, стр. 105.

³ ХФЦГИА, ф. 27, д. 22; ф. 28, д. 57; ф. 29, д. 72; ф. 30, д. 7; ф. 31, д. 22; ф. 404, д. 95.

⁴ Там же, ф. 27, д. 121, лл. 34—35, 51, 67, 79, 88, 94, 107, 112, 118—134, 147, 151, 161, 173, 183, 194, 209, 228, 236, 242.

Процесс обеднения казачества продолжался и в середине XVIII в. Многие казаки бросали службу и уходили в поисках средств существования. По ведомостям Ахтырской полковой канцелярии 1763 г. в имениях старшин и помещиков находилось «в бегах» 1958 казаков. Во время проверки личного состава того же полка в июле 1764 г. выяснилось, что из полка убежало 5891 чел., причем многим из них не удалось устроиться на новом месте, поэтому 1089 казаков вернулись обратно. То же самое происходило и в других полках. Достаточно сказать, что в Острогжском полку в 1763 г. и первой половине 1764 г. из «бегов» возвратились 5269 казаков¹.

Об обнищании казаков, их дифференциации мы узнаем из использованных более 100 ведомостей 15 сотен Харьковского полка о нарушении дисциплины. О положении полковых казаков поступили сведения только от Золочевской сотни. В ней из 61 казака считалось «имущественных» (богатых) 6, «средственных» (средних) 24 и «скудных» (бедных) 31 чел. О свойственниках и подпомощниках присланы ведомости их всех сотен. По ним числилось 7112 свойственников: «имущественных» 203 (2,7%), «средственных» 1714 (24,1%) и «скудных» 2826 (39,1%) чел.; 8081 подпомощник: «имущественных» 10 чел., «средственных» 774 (9,5%) и «самоскуднейших» 3449 (42,6%) чел.², об остальных людях сведения не сообщены.

В последние годы существования Слободских полков зажиточные казаки, занимаясь хозяйством и торговлей, не несли казацкой службы, а нанимали вместо себя людей и платили им по 7—10 руб. в год, а во время войны и за участие в походах — по 1 руб. в месяц. Богатые подпомощники, связанные с рынком, также уклонялись от своих обязанностей. Вместо работы в хозяйстве казака и обеспечения его продовольствием и фуражом и т. п. они по обоюдному соглашению давали казакам только деньги по 32—38 руб. в год³.

Обнищание казачества было использовано правительством, которое в 1765 г. нашло целесообразным заменить казацкий полковой строй губернским управлением.

Русские служилые люди, как известно, состояли из 2 групп — служилых людей «по отечеству» и «по прибору». В первую группу входило 3 разряда служилых чинов: 1) чины думные (бояре, окольничие, думные дворяне и думные дьяки); 2) чины московские (стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы); 3) чины городовые (дворяне выборные и дети боярские полковой и городской службы). Во вторую группу входили стрельцы, полевой (полко-

вой) и городской службы казаки, пушкари, затинщики, рейтары, солдаты, драгуны, казенные кузнецы и плотники.

Служилых людей «по отечеству» 1-го и 2-го разрядов на Слобожанщине было очень мало вплоть до 80-х годов XVII в. Это были главным образом воеводы и приказные люди, которые, как правило, находились на службе на одном месте 2 года и поместий или вотчин по месту службы не получали. Значительно больше в крае проживало служилых людей 3-го разряда — детей боярских, пользовавшихся дворянскими правами, и служилых людей второй группы. По официальным сведениям 1672 г. служилых людей было: в Судже 318, в Каменном 186, в Недригайлове 104, в Ольшане 215, в Вольном 208, в Хотмыжске 491, в Харькове 87, в Чугуеве 362, в Маяке 94, в Салтове 129, в Нежегольске 14, в Валуйках 356, в Верхососенске 310, в Усерде 327 и в Ольшанске 254 чел. Всего 3455 чел., из них детей боярских 2411 чел.⁴

Дети боярские, как уже отмечалось, появились на Слобожанщине в связи с установлением здесь сторожевой службы в XVI в. и строительством городов в 30—40-х годах XVII в. Их ряды в течение нескольких десятилетий пополнялись людьми, переводимыми из старых русских городов.

Острая потребность в служилых людях — детях боярских и др. — принуждала местных воевод нарушать указания правительства. Так, в 1660 г. харьковский воевода записал в Харькове и Змиеве в дети боярские чугуевских стрельцов и казаков⁵. В Ольшанске в 1655 г. записаны в дети боярские украинские и русские казаки, стрельцы и пушкари, казенные кузнецы, а также дети, братья и племянники этих служилых людей и «черка старого и нового выезда»⁶. Чугуевский сын боярский Н. Поликарпов, прося испомещения, в 1655 г. писал правительству, что «он наперед сего гуляющий был человек»⁴. Из приведенных сведений явствует, что ряды детей боярских на Слобожанщине не были замкнуты, в XVII в. в них постоянно вступали разные служилые люди низших разрядов.

Были здесь также служилые люди конного строя рейтары и драгуны, пешего строя солдаты, начавшие свое существование в России в 30-х годах XVII в.⁵ Рейтары и драгуны, составлявшие конные полки, набирались из разных людей⁶. По своему социальному происхождению и положению рейтары, драгуны и солдаты были тесно связаны с детьми боярскими. В документах нередко упоминается о рейтарах, драгунах и солдатах — выход-

¹ ПСЗ, № 522.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 414, лл. 357—359; стб. 699, лл. 299—306.

³ Там же, стб. 392, лл. 41—55.

⁴ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 27, док. 11.

⁵ Очерки истории СССР, XVII в., стр. 442—444.

⁶ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 599, лл. 108—114.

¹ ХФЦГИА, ф. 404, д. 102, лл. 21—23, 26, 69—74.

² Там же, ф. 31, д. 546, лл. 1—147.

³ ПСЗ, № 12239, 12293.

цах из детей боярских, а также указывается на детей боярских рейтарской, драгунской и солдатской службы. Так, в списке служилых людей г. Ольшанска 1658 г. говорится о детях боярских полковой и драгунской службы, а также о стрельцах и казаках, «записанных в драгуны»¹.

Стрельцы и пушкарки вначале присылались на Слобожанщину на временную службу из старых городов, потом их стали набирать из местных жителей. Казаков с самого начала принимали на службу в основном из местного населения или из донских и волжских казаков. Чугуевский воевода Г. Спешнев в 1652 г. просил у правительства разрешения набрать людей Чугуевского уезда в стрелецкую службу². Воронежский воевода Д. Остафьев просил разрешить ему взять на службу в Острогожск 150 стрельцов и 20 пушкарей. Он получил царскую грамоту от 8 октября 1653 г., в которой предлагалось: «А имел бы еси в стрелецкую и в пушкарскую службу вольных людей»³.

Казаки и стрельцы принадлежали к самому низшему разряду служилых людей и получали жалованье намного меньшее, чем другие группы служилых. Поэтому они стремились перейти на службу, занимаемую детьми боярскими. Если же такие переходы вызывали сокращение положенных комплектов в данном городе, правительство их запрещало. Группа жителей сел Бабаи и Жихорь просилась перевести их в дети боярские. Чугуевский воевода А. Иевлев сообщил царю, что бабаевцы и жихорцы скрыли свое прежнее пребывание на стрелецкой и казацкой службе в Чугуеве. Воевода писал, что в городе стрельцов и казаков мало, поэтому он просил возвратит стрельцов и казаков, «написанных» в стрельцы, на их прежнюю службу. Последовала царская грамота из Стрелецкого приказа об удовлетворении просьбы воеводы⁴.

Почти все служилые люди низших разрядов с трудом переносили тяжелые условия службы и выполнение различных повинностей. Хозяйство их в большинстве случаев являлось типично крестьянским, впоследствии оно стало называться однодворческим, т. е. поместным хозяйством, состоявшим из одного двора.

Русских служилых людей, ставших однодворцами, было относительно немного. По неполным данным З. Звездина, их насчитывалось в 1673 г. 4526 чел., в 1691 г. 10 646 чел. мужского пола, а обоюго пола около 20 тыс. чел.⁵. Известно, что в 1710 г. однодворцев было в Суджанском уезде 1340, в Миропольском

700, в Нежегольске 500, в Салтове 350, в Чугуеве 1050, в Остро-гожске 350 и в Ольшанске 1300 чел.¹. В 1777 г. их насчитывалось в Суджанском уезде 10 462, в Ольшанске 3414, в Славянске (Торе) 9320, в Бахмуте 1084 чел.². В докладе генерал-губернатора В. Черткова Екатерине II в 1783 г. сообщалось, что в Харьковском наместничестве числится однодворцев 37 898 чел.³, обоюго пола около 75 тыс. чел. По данным «Топографического описания», их было 76 319 чел.⁴. И хотя в обоих источниках не учтены данные об однодворцах, живших на территории бывшего Острогожского полка, эти документы свидетельствуют о том, что в массе население состояло из украинцев, русские в основных районах края составляли около десятой части всего населения.

До конца XVII в. дети боярские, рейтары, солдаты, пушкарки и другие служилые люди систематически использовались на разной службе и именовались своими служебными званиями, хозяйственное название детей боярских «однодворцы» применялось, как и сбор податей с них, редко. Освобождение от службы и обложение податью русских служилых людей на Слобожанщине началось по указу Петра I 30 октября 1699 г. В указе говорилось, что в Белгородском полку «вместо службы» собирать подать с копейщиков и рейтар по 1 руб. 50 коп., с их детей по 70 коп., с солдат, стрельцов, казаков и пушкарей по 1 руб. и с их детей по 50 коп., с крестьян по 50 коп. с двора. В указе 1 марта 1714 г. еще сохранялось служебное подразделение: «рейтары и солдаты и городской службы однодворцы». Но уже 22 января 1719 г. в указе о проведении переписи населения в стране однодворцами названы дети боярские и все служилые люди низших разрядов⁵. Однодворцы были обложены подушной податью по 70—80 коп., кроме того, те из них, которые не служили в ландмилицких полках, дополнительно платили «четырегривенную» подать⁶.

Эти изменения не облегчили тяжелого положения русских служилых людей, поэтому многие из них записывались на казацкую службу в Слободские полки. В «выметке» 1722 г. указывается, что в Харьковском полку находилось на казацкой службе 886 однодворцев, другая часть была на новом однодворческом положении, всего их насчитывалось 2666 чел. Во время переписи 1722 г. однодворцы Харьковского полка «показали, что пришли они в тот полк на житье в прошлых годах и того полку

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 410, л. 70.

² ХФЦГИА, ф. 353, стб. 31, док. 9.

³ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний, вып. VIII, стр. 728.

⁴ «Сборник ХИФО», т. 16, стр. 432.

⁵ «Исторические записки», т. 39, Изд-во АН СССР, 1952, стр. 182.

¹ ПСЗ, № 3350.

² Центральный военно-исторический архив, ф. ВУА, № 18666, л. 10; № 18803, л. 19; № 18727, лл. 2—3.

³ ЦГАДА, Разряд XXI, № 1002, л. 5.

⁴ Топографическое описание Харьковского наместничества, стр. 169.

⁵ ПСЗ, № 1710, 2783, 3287, 3873, 3901.

⁶ Там же, № 3994, 4131, 4191.

в уезде испоместились и поселились дворами, а другие имеют купленные дворы и земли... и по определению тех полковников служили они в том полку в казаках и в подпомощниках»¹, с преобразованием полков их перевели в разряд однодворцев.

Однодворцы, как и украинские казаки, переживали социальные изменения. Одни из них богатели, пользовались крепостным трудом, другие беднели и попадали в кабалу к помещикам.

Тяжелые условия службы, нищета заставляли однодворцев бросать службу и бежать. Их, как и беглых крепостных крестьян, разыскивали, наказывали и возвращали на прежнее место жительства. В указе 7 сентября 1743 г., например, говорилось, что бежавшие однодворцы, которые служили в ландмилицких полках на Украинской линии, разысканы в Белгородской и Воронежской губерниях и возвращены на место службы².

На Слобожанщине были небольшие другие группы крестьян. В конце XVIII в. здесь насчитывалось около 15 тыс. дворцовых и такое же количество экономических и приписных крестьян.

Основную массу крепостных крестьян составляли помещичьи «подданные». Распространенным способом закрепощения крестьян на Слобожанщине являлось привлечение феодалами на свои земли переселенцев. Формально крепостники делали это с разрешения правительства. Они принимали переселенцев, оказывая им материальное содействие для обзаведения хозяйством, давая им льготы на некоторое время.

Ахтырский полковник И. Перекрестов в 80-х годах XVII в. заселил переселенцами села Тростянец, Пархомовку, Люджу, Радомлю, Боромлю, Славгородок, Журавное и др. Как и другие феодалы, И. Перекрестов закабалял не только крестьян, приходивших из Поднепровья, но и казаков своего полка. По сведениям царской грамоты от 28 октября 1709 г., он владел с. Лутище, «а в том селе крестьянских и бобыльских 82 двора и из того числа 20 дворов перевел в то село насильно Иван Перекрестов из Ахтырского полка от полкового села Подолей из служилых казаков тому лет с 20, а достальные де пришли из-за Днепра... тому лет 25»³.

В жалобе ахтырских казаков в 1692 г. говорилось, что И. Перекрестов самовольно отдал казаков и крестьян с. Певни в «подданство» своему родственнику С. Бугаенко, который «ими владеет с семь и больши и всякие они на него, Семена, тяжкие работы работают денно и ночью и многие подати платят»⁴.

¹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 12, лл. 321—340, 360.

² ПСЗ, № 8801.

³ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. V, стр. 191—192; отд. III, стр. 106.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 164.

Стремление феодалов закабалить побольше крестьян часто приводило к столкновениям. Владелец с. Брянцевка, Вольновского уезда, И. Брянцев в 80-х годах XVII в. пытался закрепить группу украинских переселенцев. Они пожаловались правительству, за них «заступился» ахтырский полковник И. Перекрестов и в 1691 г. забрал этих людей в свое «подданство»¹.

В описании г. Мирополья 1671 г. указывается, что в с. Рыбича у «детей боярских 7 дворов, а за ними на их поместной земле поселились черкасы из разных городов 149 человек, а из тех черкас 42 человека сказали, что они в черкасских городах были в казаках»². Они обращались к правительству с просьбой «отписать» их в казаки Сумского полка.

В конце 60-х и в 70-е годы XVII в. на землях многих мелких путивльских помещиков поселилось несколько сот семей украинских переселенцев. В с. Кобылка у помещиков Андрея и Ивана Шекиных «живут пришлые люди черкасы повольно» 79 чел. В с. Глушково «за многими помещиками живут пришлые черкасы повольно» 98 чел., «многие из них призваны самими помещиками». В с. Корыж «за многими помещиками» 75 чел. В с. Теткино «за многими помещиками 55 черкас». В с. Глушец «за 8 помещиками 115 пришлых черкас». В д. Козыревка «за 3 помещиками 14 дворов черкас». В д. Солеевка «помещик А. Марков и другие, за ними черкас, призванных и пришлых, 12 человек». В д. Коровяковка «за многими помещиками черкас 23 человека». В д. Летучевка «много помещиков, за ними черкас» 3 чел. и русских 3 чел. В д. Вири 14 помещиков, «за ними 14 пришлых черкас»³.

Эти сведения говорят о том, что стремление к приобретению крепостных рабочих рук широко охватило как украинских старшин, так и русских помещиков. Они закрепощали крестьян всеми возможными способами, в том числе и таким, когда переселенцы оставались на помещичьих землях «повольно». В этом случае крестьяне имели право в любое время уйти к другому владельцу.

Однако даже добровольное поселение не спасало людей от закрепощения. Об этом свидетельствуют упомянутые раньше документы о споре жителей с помещиками в селах Криге (Корыж), Ворожбе и Павловке, а также поселенцев г. Лебедина, слобод Пристайлово, Червленого и Азака⁴.

Острогжский полковник П. Буларт, в 1697 г. взяв на откуп за 202 руб. Битюгский и Осередский «с упальми речками» ух-

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1461, лл. 313—325; стб. 1837, лл. 15—17, 62.

² «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 187.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 114—118, 184—192.

⁴ Там же, стр. 94—103, 123.

ды, получил право «для береженья тех оброчных угодий... поселить полку своего гулящих безпашенных людей черкас». Не сумев набрать больше 50 чел., Буларт решил использовать для работы в своем хозяйстве переселенцев под предлогом участия их в строительстве новых укреплений. Не гнушался полковник и силой заставлял поселенцев работать на себя. Жители сл. Битюг М. Григорьев, П. Голубьев, Е. Андреев и др. в челобитной царю писали, что в 1698 г. приезжал полковник П. Буларт «с полком своим многолюдством и ружьем и собрал нас, холопей твоих, и велел нам служить себе, чтоб мы были у него в подданстве, и мы к нему в подданство не пошли, и он нас учел многих людей бить и увечить смертным боем, и из слободы по лесам разослал и дворишки наши велел пожечь, и сена много пожег и скотинушку многую порезал». П. Буларту не удалось закрепить битюгских поселенцев, по царскому указу они были записаны в казаки¹.

Поселенцы с. Терны в 1657 г. жаловались правительству на притеснения путивльского помещика И. Сулешкина. Челобитчики просили записать их на казацкую службу. Сулешкин при расследовании «тяжбы» заверял, что терновцы, поселившись на его землях, записались «во крестьянство», но позже отказались ему повиноваться. Правительство предложило путивльскому воеводе Н. Зюзину решить вопрос: чтоб государству «в ратных людях учинить прибыль, а путивльцов в землях не оскудать». Воевода решил дело в пользу помещиков. Терновцы вновь пожаловались в Москву. Правительство предписало воеводе, чтобы И. Сулешкину, закрепостившему крестьян без царского указа, дать землю в другом месте, «а до черкас ему дела нет»². Таким образом, терновцы на этот раз избежали закрепощения.

Крепостники не останавливались ни перед чем, чтобы заполучить как можно больше «подданных». Когда украинский переселенец М. Иванов с семьей 17 чел. приехал в 1678 г. в Острогжск с намерением записаться в казаки, воевода И. Иевлев забрал насильно Ивановых в свой двор, запер в сарае и захватил их имущество. Издеваясь над этой семьей, он требовал расписки о «подданстве». Спустя некоторое время М. Иванов дважды обращался с челобитными на имя царя, протестуя против произвола воеводы, но ответа так и не получил³.

Этот случай не был единичным. Острогжский полковник И. Сасов в челобитной в 1680 г. писал, что И. Иевлев не только захватил семью Ивановых, «он же, воевода, подговорил с

Ольшаной черкашенина мельника в свое поместье мельницу строить и тово, государь, мельника... иным помещикам продал; да он же, воевода, у бабы черкаской дочь девку отнял насильно и сослал на поместье, отдал за своего человека замуж насильно ж; да он же, государь, воевода в Острогжском бобылям и бедным людям черкасам всякие налоги и утиски чинит и многих подговаривая и ссылая в поместья, и из поместья продавая иным помещикам»¹.

Коротоякский воевода Д. Сухотин в 1661 г. захватил группу украинцев, шедших из Острогжска на поселение в Землянск, и превратил их в своих «холопов»². Ольшанские помещики Уколовы в 1685 г. насильно закрепостили казака Острогжского полка Р. Трофимова с семьей³. Лебедянский воевода А. Пасынков закрепостил в 1689 г. местных жителей В. Гаврилова и В. Емельянова с их семьями⁴. В 1695 г. подьячий О. Протопопов путем обмана увез с собой в Москву харьковских жителей П. Сидякова и Г. Васильева⁵.

Подобных фактов закрепощения переселенцев украинскими и русскими помещиками можно привести множество.

Необходимо отметить, что во второй половине XVII в. закрепощались преимущественно переселенцы, но уже с конца века началось массовое закрепощение казаков.

Ковягинские казаки писали в Харьковскую полковую канцелярию в 1713 г.: «Прежде бывали в казацкой службе сотне перекопской и слуховалисмо богу и великому свету государю, всегда на его службе царской. А нонича прежде бывший господин наш полковник Лаврентий Шидловский, еще ли не хтелисмо з службы воинственной отставати, оставивша нас и в подданство себе нас подбил и завладел нами, в котором то уквивжении нашем не малом и обиде превеликой по бозе». Челобитчики просили нового полковника Куликовского освободить их от крепостничества, возвратит их в ряды казачества⁶.

Казаки с. Песочин, под Харьковом, жаловались в 90-х годах XVII в., что бывший полковой писарь О. Ющенко «завладел» ими. Они просили правительство восстановить их в правах казаков. Просьба песочинцев была удовлетворена⁷. Однако вскоре многие из них вновь очутились в крепостническом ярме.

¹ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XIV, стр. 1521.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 513, лл. 85—87.

³ Там же, стб. 1192, лл. 1—129.

⁴ Там же, стб. 1337, лл. 232—244.

⁵ Там же, стб. 1651, лл. 242—244, 298—300.

⁶ Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских..., стр. 218.

⁷ ЦГАДА, Московский стол, стб. 1033, лл. 64—96.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 122, 123.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1802, лл. 1—16.

³ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XIV, стр. 1516, 1526—1527.

Согласно переписи 1732 г. в Песочине насчитывалось крепостных около 150 чел. обоего пола¹.

Казаков с. Малиновка, около Чугуева, насильно закрепостил полковник Ф. Шидловский. Казаки Изюмского полка в 1719 г. обратились с просьбой к правительству Петра I возвратить малиновцев в казачество. Они писали, что в 1714 г. Ф. Шидловский «по неправому исканию своему, невольно от полку поступною, укрепил оной... полковой городок с казаками за себя в подданство и поступною от полка взял подлогом на имя племянника своего Григория Шидловского». По указу Петра I в том же 1719 г. малиновские жители были возвращены в Изюмский полк. Крепостники Шидловские, поддерживаемые старшинами, продолжали тязбу, пока в 1724 г. при содействии сотников М. Крушинского и А. Двигубского не закрепостили малиновцев. Однако малиновцы и на этот раз в 1726 г. добились освобождения².

Правительство ограждало интересы казаков в исключительных случаях, в основном оно содействовало помещикам в закреплении свободных людей и раздавало «в поместье» целые села вместе с крестьянами, о чем уже говорилось в предыдущих главах. При попустительстве правительства старшины-помещики закрепощали казаков, используя любые способы.

Составитель ведомости Золочевской сотни 1749 г. писал, что 20 лет назад Р. Квитка заселил с. Одноробовка (Романовка). В это село он «золочевской сотни казаков от казачей службы перезвал немалое число, которые перешедши в то село Одноробовку живут во укрывательстве от казачей службы». В то же время И. Квитка закабалил жителей с. Аксютовка, Изюмского полка³.

Помещики не упускали случая закабалить бедных людей, подававших в крепостную зависимость посредством закладных записей. Приведем пример, относящийся к Землянской сотне, Острогжского полка. Вдова местного украинца Матрена Исаева в закладной записи 11 марта 1694 г. писала: «занела есми я в Землянске у землянца, у Дмитрия Иванова Плотникова денег 6 руб. серебром на расплату долгов своих, а за те его деньги заложила я ему, Дмитрию, дочь свою девку Манку, впредь до срока до 203 году (1695 г.) 1 сентября, а заплатит мне, займщицы на тот вышеписанный срок те ево, Дмитреевы, вышеписанные деньги сполна, и ту свою вышеписанную дочь выкупить. А будет я, займщица Матрена, на тот вышеписанный срок, те ево, Дмитреевых денег, ему не заплачу и той своей вышеписанной закладной дочери у него, Дмитрия, не выкуплю, и ему Дмит-

рею тою моею вышеписанною закладною дочерью владеть вечно безповоротно и ся моя запись на ту мою вышеписанную дочь ему, Дмитрию и впредь в запись»¹. Неизвестно, выкупила ли в данном случае мать свою дочь, но можно вполне уверенно считать, что крепостники путем «заемных записей» закрепостили немало обедневших людей.

Много сирот, одиноких бедных людей попадали в так называемую служилую кабалу. Так, девушка Е. Федорова в Землянске дала на себя служилую кабалу Н. Плотникову. «Се аз Евдокия Федорова дочь 17-ти лет, вольная свободная девка, в нынешнем в 200-м году, февраля в 3 день, бю челом я в холопство землянцу, Никите Ивановичу Плотникову, и его служилую кабалу даю, государю своему Никите Ивановичю, с воли, а служить мне ему, государю своему, по ево, государя моего, живот»². Обездоленная девушка закабалила себя на всю жизнь своего господина. Такие закабаленные люди после смерти хозяина в большинстве случаев продолжали оставаться у наследников умершего.

Свободный человек, женившийся на крепостной крестьянке, становился зависимым от помещика своей жены, а свободная женщина, вышедшая замуж за крепостного, превращалась в крепостную. Этот феодальный порядок всецело распространялся и на Слобожанщину. Богодуховский воевода Ф. Чивкин насильно выдал замуж дочь местной мещанки-казачки А. Ивановой за своего крепостного В. Глазунова. Правда, на сей раз крепостника постигла неудача. Мать закрепощенной, поддержанная Богодуховской казацкой сотней, обратилась с жалобой к правительству. В результате дочь Ивановой была возвращена в свой казацкий дом³. Но такой исход дела являлся исключением. Женильба свободного человека на крепостной женщине часто сопровождалась «крепостной записью». Свободный харьковчанин Ф. Гриценко дал запись Р. Квитке 24 января 1725 г., в которой говорилось: «Служить и жить бы мне Федору, жене и детям моим в него Романа Григорьевича Квитки и в детей его вечно, за то, что понял я Федор себе за жену его Романа Григорьевича крепостную дворовую девку Палагею»⁴.

В порабощении крестьян помещикам всячески способствовало слободско-украинское духовенство, которое, в свою очередь, старалось приобрести побольше крепостных. Балаклейский протоиерей, зять балаклейского полковника Черниговца, в 60-х годах XVII в. поселил на пожалованной земле 20 переселенцев,

¹ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, вып. XV, стр. 1803.

² Там же, стр. 1802—1803.

³ ЦГАДА, Белгородский стол. стб. 1442, лл. 23—52.

⁴ ХФЦГИА, ф. 31, д. 748, лл. 85—89.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 212.

² ХФЦГИА, ф. 28, д. 27, лл. 1—2; ф. 29, д. 29, лл. 1—16; д. 35, лл. 1—26.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 292, 311.

сделав их своими «подданными»¹. Таким же образом приобрели себе крепостных валковские священники С. Ольховский — 8 дворов, И. Лукин — 4 двора², краснопавловский священник Симеон — 5 дворов³, белопольские священники поселили 54 семьи в д. Лежечь⁴.

Больше сведений имеется о крепостниках-церковниках в XVIII в. По ведомостям, хранящимся в делах Харьковской полковой канцелярии за 1722 г., явствует, что было «подданных» у харьковского попа Г. Александра 10 чел., у безлюдовского П. Богданова 7 чел., у волчанского А. Аврамяева 8 чел., у песочинского П. Цыбульченко 9 чел., у хорошевских — К. Дементьева 47 чел., Яковлева 6 чел., С. Тимофеева 10 чел., у ольшанского дьячка С. Протопопова 59 чел.⁵ Такие «пастыри», владельцы крепостных людей, были и в других Слободских полках. По переписи 1732 г. в 4 полках насчитывалось «попов и причетников» с их детьми 2164 чел. мужского пола, у них — 687 крепостных⁶.

Количество крепостных в руках духовенства продолжало расти до конца XVIII в. В ведомостях 1747 г. Харьковской полковой канцелярии представлены сведения по 12 селам и городам. По ним узнаем, что у 40 попов Харькова, Ольшан, Липец, Даниловки, Одринки, Мерёфы, Островерховки, Пересечной, Золочева, Валога, Перекопа, Водолага, Мерчика, по неполным данным, насчитывалось 204 крепостных⁷. Большинство попов в селах и местечках Харьковского полка, как и других полков, имели крепостных⁸.

Более крупными крепостниками являлись монастыри. Монахи, прибывшие из правобережного Лебединского монастыря в Ахтырку, привели с собою «также и подданных черкас несколько человек»⁹. Это был не единственный случай, но в общем монахам, пришедшим на Слобожанщину, не удалось привести много крепостных, тем усерднее «пастыри» принялись закабалить местных жителей. Из челобитной суджанцев царю Алексею Михайловичу известно, что «черный поп Иосиф» захватил под городом значительную площадь земли и живущих на ней крестьян объявил своими «подданными»¹⁰. Архимандрит Куряжского монастыря Иоасаф «с братьею» в 1686 г. в челобитной правительству писали, что в монастыре «братьи» 40 чел., а

«крестьян» за ними «ничего нет». В связи с тем, что вблизи монастыря есть села Синолицовка, Гавриловка, Песочин, Коротич, «а в тех сельцах и деревеньках живут черкасы и схожие люди с того боку Днепра и из иных городов вновь строятся», монахи просили пожаловать крестьян этих поселений с их землями и угодьями монастырю на его «строение и на пропитание».

В докладе по поводу челобитной, составленном в Разрядном приказе, указывалось, что в этих селах было 50 крестьянских дворов. Далее говорилось: «А Белгородского полку в черкасских городах за монастыри и за церковники новоприхожие черкасы приходя селятся собою и живут без крепостей повольно по их черкасской обыкности, а из Разряда на таких черкас крепостей не давано»¹. Видимо, автору доклада было известно, что жители названных селений уже находились в неофициальной зависимости от монастыря, поэтому он считал целесообразным эту зависимость узаконить. В записи вдовы харьковского полковника Ф. Донца от 28 октября 1707 г. указано, что земля с. Песочин была подарена Ф. Донцом монастырю, на которой поселились вольные украинские переселенцы².

Сумской Успенский монастырь с самого начала своего существования владел крепостными крестьянами. На пожалованной земле в 50-х годах XVII в. монахи поселили «прихожих черкас» 80 дворов. Сеннянский Новопечерский монастырь, являвшийся «филиалом» Киево-Печерской лавры, поселил 100 крестьянских дворов³. Монахи Аркадиевой пустыни, в Чугуевском уезде, также закрепили украинских переселенцев в 50-х годах XVII в., живших в сл. Троицкая. Имели крепостных Хорошевский, Сумской и Острогжский женские монастыри.

В 15 монастырях 4 полков (кроме Острогжского) по переписи 1732 г. насчитывалось 2688 ревизских душ, или около 5400 чел. обоего пола⁴. Количество крепостных в последующие десятилетия продолжало расти. В таблицах к «Генеральному межеванию» по сведениям 4-й ревизии 80-х годов XVIII в. насчитывалось на территории тех же полков экономических крестьян, т. е. отписанных в казну, 8306 чел. и остававшихся за монастырями 4472 чел.⁵ Из этих данных следует, что во время секуляризации здесь насчитывалось около 13 тыс. ревизских душ, или около 26 тыс. чел. обоего пола.

Приведенные сведения говорят о закреплении украинских

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. IV, стр. 19.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 302.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1398, лл. 128—134.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 118.

⁵ ХФЦГИА, ф. 31, д. 12, лл. 286—292, 307—309.

⁶ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 204—276.

⁷ ХФЦГИА, ф. 31, д. 209, лл. 5—111.

⁸ Там же, ф. 27, д. 214, лл. 20, 23, 34, 47, 53; д. 170, л. 11.

⁹ «Харьковский сборник», 1887, стр. 81.

¹⁰ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 598, лл. 19, 24—28, 337.

¹ Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 89—92.

² Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 127—128.

³ Там же, отд. I, стр. 170, 210.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 204—276.

⁵ ЦГАДА, ф. 1355, Харьковская губерния, лл. 7, 19, 27, 31, 43, 53, 70, 83, 97, 106, 112, 121, 132, 137.

слобожан. Вместе с тем, следует отметить, что закрепощались и русские жители края. Чугуевский казак В. Пашков вместе с женой, как явствует из царской грамоты 1651 г., был закрепощен воеводой Ф. Пушкиным¹. Чугуевский сын боярский Ф. Холик жаловался тому же воеводе в 1653 г., что курчанин П. Аненков зачисляет его «во крестьяне»². В «памяти» чугуевскому воеводе В. Хлопову говорилось о закрепощении местного рейтара Г. Огаркова с женою и детьми.

В Ахтырке некий Р. Маслов в 1679 г. закрепостил сына и дочь местного пушкаря³. Змиевской воевода Ф. Дурново в 80-х годах XVII в. «вымучил» у солдата Д. Мишкина с семьей «крепость» своему родственнику Т. Карпову⁴. Сын боярский С. Соколов жаловался царю на острогожского воеводу И. Иевлева, который в 1678 г. заключил его в тюрьму и пытался сделать своим крепостным⁵. С. Лунин с 4 сыновьями и с «товарищами» жил в с. Васишево «за чугуевскими детьми боярскими» П. Васищевым, М. Ливановым и С. Левиным⁶ и т. д.

Хотя прослойка русских крестьян и служилых людей низших разрядов, живших на Слобожанщине, была относительно небольшой, многие из них оказались закрепощенными местными феодалами. Например, в конфискованных в 1711 г. владениях Ф. Шидловского числилось русских крепостных людей 54 двора⁷, или около 270 чел.

По ведомостям 1750 г. сотенных канцелярий Харьковского полка русских крепостных крестьян числилось: у П. Апраксина в Салтове 154 чел., у И. Гендрикова там же 25 чел., у Б. Пасека и Матюшенко в Натальевке 132 чел., у И. Зыбина около Шебекино 52 чел., у Полтева в Левендаловке 25 чел., у Л. Сомова в Проходах 19 чел., у Д. Аботмосова и М. Семичева в Семичевке 25 чел., у С. Бирева и Г. Федорова в Люботине 19 чел. Затем у разных помещиков в Ковягах, Русских Тишках, Соколове, Мерчике, Непокрытом и в Кейтовке 37 чел. Всего насчитывалось крепостных около 1 тыс. чел. обою пола. По спискам дворян 1767 г. за помещиками насчитывалось крепостных русских крестьян в Харьковской провинции 705 чел., в Изюмской 321, в Острогожской 213, в Ахтырской 105 чел., в Сумской провинции в документах они почему-то не значатся⁸. Всего 1344 ревизских души, или около 3 тыс. чел. обою пола. По сведениям 4-й ревизи

зии в Харьковском наместничестве русских помещичьих крестьян было 10 426 чел., или обою пола около 20 тыс. чел.¹.

Слободско-украинские зависимые крестьяне, называвшиеся подданными людьми, пользовались правом уходить от своего владельца. По ходатайству старшин-помещиков, указом Екатерины II от 15 декабря 1763 г. это право было ограничено. Крестьянам разрешалось уходить лишь при условии, если помещик давал на то письменное разрешение. Однако, само собой разумеется, такого разрешения никто из помещиков крестьянам не давал. Между тем, некоторые крестьяне, пользуясь этим правом, со смертью помещика или при других обстоятельствах подделывали «отпускные билеты» и уходили от своего владельца. Были случаи, когда помещики за определенную мзду давали «отпускные билеты» беглым крестьянам, находившим временный приют у них. Помещики Сумской провинции в наказе, составленном для «Екатерининской комиссии» 1767 г., просили обязать дворян свои «отпускные билеты» заверять в местных органах власти и считать их действительными только заверенными².

В условиях роста крепостничества стремились пользоваться крепостным трудом не только светские и духовные феодалы, но и богатеющие казаки, однодворцы, купцы и даже помещичьи крестьяне и «прочие разночинцы».

В описании Ахтырского полка 1726 г. указывается на «соседей, которые в собственности купленные» старшинами и обывателями. т. е. казаками и мещанами. Таких купленных людей насчитывалось у разных лиц 402 чел. мужского пола. В 1-й и 2-й Ахтырских сотнях было 68 чел., в 1-й и 2-й Боромлянских — 73 чел., в 1-й и 2-й Котелевских — 41 чел., в Краснокутской и Колонтаевской — 69 чел., в Богодуховской и Кириковской — 70 чел., в Городнянской и Хухрянской — 11 чел., в Бельчанской и Рублевской — 30 чел., в Олешне, Сенной, Ясной и Рыгаловке — 40 чел.³ Нет оснований считать, что такие факты являлись исключением для Ахтырского полка, они, безусловно, имели место и в других полках.

Приобретение крепостных лицами недворянского происхождения вызвало законодательные меры правительства. 25 октября 1730 г. был издан указ о запрещении «боярским людям и монастырским слугам» покупать вотчины и продавать купленное ими недвижимое имущество⁴. Однако этот указ не всегда выполнялся.

¹ ХФЦГИА, ф. 353, стб. 25, док. 1—2.

² Там же, стб. 29, док. 6; стб. 60, док. 3.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 398, лл. 36—40.

⁴ Там же, стб. 1334, лл. 13—15.

⁵ Там же, стб. 889, лл. 322—331.

⁶ «Киевская старина», 1888, кн. IV, стр. 23.

⁷ Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских..., стр. 185.

⁸ ХФЦГИА, ф. 31, д. 233, лл. 47—54.

⁹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 328—341.

¹ ЦГАДА, Разряд XVI, д. 1000, л. 25.

² «Сборник РИО», т. 68, стр. 281—282.

³ ХФЦГИА, ф. 27, д. 121, лл. 34—35, 51, 67, 79, 88, 94, 107, 112, 118, 134, 147, 173, 183, 194, 209, 228, 236.

⁴ ПСЗ, № 533.

Острогжский посадский человек Д. Гулидов в 1696 г. купил у помещика д. Рогозенский Колодезь, Старооскольского уезда, дворового человека И. Неупокоева с женой и дочерью за 21 руб. «в вечное владение безповоротно и безвыкупно». Он купил у помещика с. Опочки того же уезда другую крепостную семью. Полковой писарь А. Кноп купил у солдата Е. Змеева крестьянина О. Невзорова с женой, сыном и дочерью за 50 руб., тот же писарь купил у другого владельца 2 крепостных «девок». Мещанин А. Самойлов купил у казака Ф. Карасева в сл. Талец крепостную «девку» М. Зайцову. Казак Ф. Былчеев купил на Ольшанском рынке у харьковского подпрапорного А. Кондратьева «кновокрещенного» калмыка за 3 руб.¹ и т. д.

По материалам переписи 1732 г. крепостных числилось за казаками в Сумском полку 146 чел., в Ахтырском 28 чел., в Харьковском 24 чел., в Изюмском 11 чел. Всего 209 ревизских душ².

Зажиточные казаки и другие «разночинные» люди продолжали и впредь владеть и приобретать крепостных. Это вызвало указ Елизаветы Петровны от 14 марта 1746 г. В нем говорилось: «Впредь купечеству, архиерейским и монастырским слугам и боярским людям и крестьянам и написанным к купечеству и в цех, также казакам и ямщикам и прочим разночинцам, состоящим в подушном окладе, людей и крестьян без земель и с землями покупать во всем государстве запретить и крепостей оным нигде не писать». В инструкции 1754 г. о межевании предлагалось межевщикам земли, приобретенные недворянами до 1730 г., отмежевать «на государя», тем самым имелось в виду отнять от таких владельцев и крепостных людей. Данная межевая инструкция не применялась на практике. Поэтому 6 февраля из Сената дан указ о том, чтобы все лица, не имеющие права владеть крестьянами, продали недвижимое имущество и, следовательно, крепостных в течение полугода. В случае невыполнения этого указа предусматривалась конфискация таких владений в казну³.

Мероприятия правительства, направленные на укрепление помещичьего землевладения и владельческих прав на крестьян, по-видимому, прекратили закрепощение крестьян недворянами, но закабаленные ранее люди оставались за ними до XIX в. По сведениям ревизии 1782 г. в Слободско-Украинской губернии числилось «подданных» в войсковых обывателей в Ахтырском уезде 31 чел., у однодворцев в разных уездах 1884 чел., всего 1915 чел., или обоего пола около 4 тыс. чел.⁴. Небольшое количество крепостных находилось во владении недворян до 40-х годов

XIX в., когда они были переведены в разряд государственных крестьян.

Основными владельцами крепостных на Слобожанщине являлись дворяне — слободско-украинские старшины-помещики, незначительная группа русских помещиков и помещиков иностранного происхождения.

Таким образом, процесс закрепощения с середины XVII до конца XVIII в. захватил более половины казацко-крестьянского населения Слобожанщины. По неполным сведениям переписи 1732 г. в 4 полках крепостных было во владении украинских старшин 40 223 чел., русских помещиков — 10 859 чел., духовенства — 3375 чел. и помещиков иностранного происхождения — 1127 чел.¹. Всего 55 584 ревизские души. Учитывая более поздние сведения, мы полагаем, что в Острогжском полку в это время было крепостных не менее 6 тыс. чел. Следовательно, во всех полках их насчитывалось 61 584 чел. мужского пола, или около 123 тыс. чел. обоего пола.

По дворянским спискам 1767 г., также не отличающимся полнотой, во всех 5 полках насчитывалось крепостных во владении украинских старшин-помещиков 62 991 чел., русских помещиков — 17 479 чел. и помещиков иностранного происхождения — 9278 чел. Кроме того, необходимо добавить количество крепостных, находившихся в руках монастырей и духовенства, 13 тыс. чел., в руках богатых казаков, однодворцев и купцов около 5 тыс. чел. Всего 102 748 ревизских душ, или обоего пола более 205 тыс. чел. По ведомостям губернской канцелярии 1773 г. крепостных обоего пола числилось в Харьковской провинции помещичьих 48 091 чел. и монастырских 2611 чел., соответственно в Сумской 77 549 и 4690 чел., в Ахтырской 31 323 и 1948 чел., в Изюмской 34 663 и 3501 чел., в Острогжской 19 549 чел. Всего 223 925 чел.². По ведомости 1786 г. в Харьковском наместничестве числилось помещичьих крестьян 196 336 чел. мужского пола, или 392 672 чел. обоего пола. Войсковых обывателей, однодворцев, дворянских, экономических и других «казенноподданных» насчитывалось 185 415 чел., или 370 830 чел. обоего пола³.

Наряду с крепостными, составлявшими основную рабочую силу в помещичьем хозяйстве, появлялась и постепенно росла наемная рабочая сила. В предыдущих главах при освещении вопросов земледелия и промышленного производства уже показано использование наемных людей в хозяйствах старшин-помещиков, духовенства, а также в хозяйстве зажиточных крестьян.

¹ ХФЦГИА, ф. 29, д. 96, лл. 1, 2—3, 10, 12, 18—19.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 265, 270, 274; ХФЦГИА, ф. 30, д. 7, лл. 1591, 1593, 1601—1604.

³ ПСЗ, № 9267, 10796.

⁴ ЦГАДА, ф. 1355, Слободско-Украинская губерния, д. 7.

¹ ХФЦГИА, ф. 27, д. 22; ф. 28, д. 57; ф. 30, д. 7; ф. 31, д. 22; ф. 29, д. 72, лл. 188—194.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 328—341; т. II, стр. 319—398.

³ ЦГАДА, Разряд XVI, д. 1000, л. 788.

Городское население

Слободско-украинские полковые города Харьков, Сумы, Острогожск, Ахтырка, Изюм, а также Богодухов, Лебедин, Суджа, Валки, Волчанск, Купянск и др., являвшиеся сотенными, а потом уездными городами, возникли, как известно, на базе поселений украинских переселенцев. В условиях опасности татарских нападений в течение первых 30—50 лет эти города играли роль военных укреплений. Вместе с тем, с самого начала в них, особенно в полковых центрах, развивалась типичная для городов ремесленная промышленность, торговля, формировалось городское население. Первыми горожанами являлись мещане, переселявшиеся из поднепровских городов, украинские казаки и русские служилые люди.

По спискам 1655 г. жителей числилось в городах Харькове около 2 тыс., в Ахтырке столько же, в Острогожске около 3 тыс.¹ По сведениям следующего года в Сумах насчитывалось около 2 тыс. чел. Среди этих жителей было немногим больше 10 семей атаманов, старшин и духовенства. Основная масса именовалась рядовыми «черкасами» (казаками). В списке острогожских жителей указывается, что было 919 рядовых казаков, из них 429 чел. «худых», т. е. бедных, и, кроме них, было 4 работника. Среди первых жителей городов имелись, конечно, ремесленники и торговцы, но они в документах названы вместе с казаками «черкасами».

В 1665 г. по городам составлены «перечневые сметные росписи». В этих документах показан состав населения более подробно². В Харькове насчитывалось 3045 чел., из них «пашенных людей»: детей боярских, отставных, недорослей 133 чел., «черкас» 992 чел. и мещан 1920 чел. В Сумах 2528 чел.: «пашенных черкас» 1093 чел. и мещан 1435 чел. В Ахтырке 659 чел., из них 3 чел. старшин и 656 чел. рядовых. В Острогожске — 545 чел., в том числе «пашенных черкас» 305, детей боярских 54, станичников 41, стрельцов 26, пушкарей 10, кузнецов 10, плотников 10, «черкас» и русских торговых людей 24 и захребетников 57 чел. В городах Лебедине, Боровле и Судже проживало 2165 чел., из них 448 мещан.

По этим, как и другим данным, числится много мещан. Это объясняется тем, что мещанами считались казаки городской службы. В Лебедине, например, по сведениям 1681 г. насчитывалось всех жителей 2061 чел., из них было «полковые службы лутчих 403 человека, да другие статьи, которые во 188 году у валового дела были, 553 человека. А затем в остатке в городе мещан 1089 человек». Кроме того, было 16 русских пушкарей³.

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 392, лл. 56—135, 143, 192, 205—214.

² Там же, стб. 545, лл. 24—26, 34—35, 40—41, 43, 57—58, 60.

³ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 105.

Как видим, в Лебедине большая половина жителей состояла из мещан.

В действительности мещан в городах в то время проживало очень мало. Их численность наиболее правдоподобно показана в описаниях городов 1668 г. В Харькове в числе 3 тыс. жителей мещан насчитывалось 50 чел., в Острогожске из 1200 чел. жителей было посадских, т. е. русских горожан 24 и украинских мещан 36 чел. В Богодухове в 1662 г. жило украинцев конных и пеших 1096 чел., «рядовых пахотных черкас» 1063 чел., мещан 33 чел. и подьячих «для письма» 5 чел. К концу XVII в. в полковых городах насчитывалось жителей по 3—4 тыс. чел., в сотенных местечках по 1500—2500 чел. В массе это были казаки-земледельцы. Горожане-ремесленники, торговцы и другие прослойки составляли менее 1% населения самих городов.

В формировавшемся городском населении основной производительной силой являлись ремесленники, о которых следует сказать особо.

Промышленное производство многих отраслей в условиях заселения края в основном начиналось в форме крестьянских промыслов, ремесло в первое время было редким явлением. Но, как известно, производительные силы края начинали развиваться на вековом опыте украинского и русского народов, поэтому ремесла здесь стали выделяться из крестьянских промыслов в скором времени после возникновения городов и сел.

По традиции Поднепровских украинских городов, ремесленники многих отраслей производства объединялись в цехи. Организация цехов в Харькове, например, санкционирована царской грамотой в 1671 г.¹ Право на организацию цехов правительство неоднократно подтверждало ремесленникам городов Слобожанщины. Это право на цеховое устройство подробно регламентировано в «Инструкции Слободской Украинской губернии комиссарам 1766 года»². Представление о цехах и количестве цеховых ремесленников в 1772 г. дает ведомость Слободско-Украинской губернской канцелярии³.

Провинция	Ткачей	Портных	Саложников	Щергобитов	Кузнецов	Плотников	Колесников	Бондарей	Котельщиков	Печников	Стекольщиков
Харьковская	227	184	242	29	90	26	68	42	24	83	22
Сумская	543	352	458	32	156	—	—	44	5	134	—
Ахтырская	597	290	347	18	104	46	26	31	2	88	2
Изюмская	739	315	385	3	154	—	—	—	—	24	—
Острогожская	781	489	538	38	155	—	107	98	80	133	—
Всего	2887	1630	1970	120	659	72	201	215	111	462	24

¹ «Харьковский сборник», 1887, стр. 193—194.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 309—311.

³ ХФЦГИА, ф. 399, д. 1112, лл. 131—132.

По этим сведениям еще были цеховые ремесленники: в Харькове 1 коновал, в Ахтырке 1 слесарь, 4 ювелира и 9 шапочников, в Сумах 87 калачников. Всех цеховых ремесленников насчитывалось 8453 чел. В среднем 1 ремесленник приходился на 100 чел. населения. По некоторым отраслям и в отдельных местностях это соотношение было еще меньше. В Сумской, Изюмской и Острогожской провинциях, например, вовсе не числились плотники. Между тем, совершенно понятно, что они здесь были. Отсутствие сведений о ремесленниках по некоторым отраслям производства объяснялось тем, что многие мастерские из них не были записаны в цехи. В приписке к данной ведомости сообщалось, что в Острогожском, Урывском и Меловатском комиссарствах «мастерские люди» отказались записываться в цехи, изъявив желание оставаться вместе с «войсковыми жителями» в хлебопашцах¹. Следовательно, ремесленников учесть по ведомостям цеховых людей невозможно, так как они записывались в число войсковых обывателей, мещан или владельческих «подданных». Тем не менее приведенные неполные данные свидетельствуют о значительном росте ремесла на Слобожанщине до 70-х годов XVIII в.

Промыслы и ремесла росли в последующие десятилетия. Достаточно указать, что цеховых ремесленников в Харькове насчитывалось в 1773 г. 304, в 1796 г. 556; соответственно — в Сумах 553—738, в Ахтырке 281—545, в Лебедине 274—1507 чел.² и т. д.

В ремесленное производство вовлекались войсковые обыватели, однодворцы, мещане и помещичьи крестьяне. В 1772 г. в Острогожской провинции насчитывалось цеховых ремесленников в Острогожске, в 6 комиссарских местечках и 22 селах³ 2396 чел. Из них в помещичьих селах было 348 ремесленников (31 кузнец, 74 сапожника, 13 бондарей, 5 шаповалов, 24 печника, 136 ткачей и 65 портных). В «Экономических примечаниях» по Острогожску цеховых ремесленников насчитывалось 213 чел.: войсковых обывателей 188, мещан 16, купцов третьей гильдии 5 и однодворцев 4 чел.⁴. Такой, в общем, состав ремесленников был во всем крае.

Ремесленники издавна втягивались в мелкотоварное производство. Этот процесс особенно заметно происходил со второй половины XVIII в. Группа белопольских ремесленников в 1796 г. обращалась с просьбой к властям за разрешением продавать

¹ ХФЦГИА, ф. 399, д. 735, л. 97; д. 1112, л. 131.

² Там же, ф. 63, д. 7408.

³ Там же, ф. 399, д. 735, лл. 80—81. По ведомости 1792 г., цеховых ремесленников числилось в Краснокутске 337, Богодухове 258, Белополье 464, Межириче 447 и Недригайлове 330 чел. ЦГАДА, Разряд XVI, № 1001, лл. 19—51.

⁴ ЦГАДА, ф. 1355, Экономические примечания, Воронежская губерния, Острогожский уезд, д. 116, л. 34.

на рынке свои изделия¹. Крестьяне-ремесленники Изюмской подгородной слободы Г. Бойко, Х. Бородаенко «с товарищи» в этом же году ходатайствовали перед бурмистром В. Веприцким разрешить им продавать на рынке обувь собственного производства².

Следует также отметить, что большинство ремесленников находилось в селах. Например, в 1772 г. в Острогожской провинции в городах Острогожске, Бирючем, Короче, Осиновой, Старой Белой, Калитве и Богучаре работали 995 чел., а в селах — 1401 чел.³. В с. Пересечное, Харьковской провинции, жило 45 ремесленников: 15 колесников, 14 ткачей, 5 сапожников, 4 кузнеца и др. В с. Гавриловка — 23 ремесленника: 19 колесников, 2 ткача, 1 сапожник и 1 портной. В некоторых селах было по 3—5 ремесленников, во многих поселениях они вовсе отсутствовали.

Заметные социальные сдвиги в городах произошли в первой половине XVIII в. Население городов значительно выросло. Основная масса по-прежнему состояла из казаков-земледельцев, вместе с тем увеличилось количество ремесленников, торговцев и других мещанских элементов. О численности и составе городского населения дает довольно подробное представление перепись 1732 г.

В Харькове насчитывалось 882 двора, 1193 дома и 3714 ревизских душ. Старшин и писарей 38 чел., их служителей и работников 33 чел., духовенства 116 чел., разных владельцев и их работников 95 чел., «подданных» 107 чел., мельников 13 чел., казаков 775 чел., их соседей 85 чел., подпомощников 1531 чел., цеховых ремесленников 492 чел. и шинкарей 122 чел., в богадельне инвалидов 9 чел., русских ландмилицких военнослужащих 157 чел., их работников 9 чел., торговцев 62 чел. и крепостных крестьян 4 чел., иностранцев торговых людей и служащих 21 чел.

В Сумах было 975 дворов, 1132 дома и 3818 ревизских душ. Старшин и писарей 52 чел., их служителей и работников 62 чел., духовенства 37 чел., учащихся 12 чел., разных владельцев и их работников 98 чел., шинкарей 26 чел., русских торговцев 14 чел., казаков 610 чел., их соседей 190 чел., подпомощников 2709 чел., инвалидов в богадельне 13 чел.

В Ахтырке насчитывалось 1286 дворов, 1550 домов и 4686 ревизских душ. Старшин и писарей 53 чел., их служителей и работников 43 чел., духовенства 64 чел., их подданных 46 и работников 12 чел., учащихся 9 чел., разных владельцев и их работников 193 чел., шинкарей 8 чел., мастеров, подмастерьев и работных людей на табачной мануфактуре 43 чел. (20 русских и 23 украинца), казаков 1251 чел., подпомощников 2827 чел.,

¹ ХФЦГИА, ф. 666, д. 383, л. 11; д. 323, лл. 5—6.

² Там же, д. 613, лл. 17—23.

³ Там же, ф. 399, д. 735, лл. 113—114.

их соседей 63 чел. и работников 70 чел., инвалидов в богадельне 4 чел.

В Изюме, который был на 30 лет моложе других полковых городов и находился на южной окраине Слобожанщины, насчитывалось 452 двора, 492 дома и 1565 ревизских душ. Старшин и писарей 22 чел., их слуг и работников 131 чел., духовенства 24 чел., их работников 175 чел., подпомощников 782 чел., мельников 3 чел., шинкарей 9 чел., инвалидов в богадельне 13 чел.

Приведенные данные представляются в таблице следующим образом:

Группа горожан	В Харькове	В Сумах	В Ахтырке	В Изюме	Всего в 4 городах
Старшины и духовенство	186	101	126	59	472
Военнослужащие	157	—	—	83	240
Казачи и крестьяне	2502	3504	4187	1044	11237
Слуги и работники	163	160	361	357	1041
Цеховые ремесленники	492	—	—	—	492
Шинкари и торговцы	205	40	8	9	262
Инвалиды и бездомные	9	13	4	13	39
Итого	3714	3818	4686	1565	13 783

Эти сведения довольно подробные, но не исчерпывающие. Отсутствуют данные по Острогскому полку. Сведения о ремесленных и торговых людях по Харькову более или менее удовлетворительные, по Сумам, Ахтырке и Изюму они вовсе не показаны, из торговцев указаны преимущественно те, кто торговал водкой. Между тем, надо полагать, что в этих городах было значительное количество ремесленников и торговцев. Из ведомости об ахтырских ремесленниках 1731 г. известно, что здесь имелось 156 цеховых ремесленников, из них 63 чел. являлись «подданными» старшин и духовенства¹, остальные из казаков, их соседей и подпомощников. Все они, по-видимому, были записаны в те сословия, из которых происходили (казаки, их подпомощники, «подданные» крестьяне).

Несмотря на неполноту этих сведений, все же они дают нам относительно ясное представление о росте слободско-украинского городского населения.

По сведениям ведомостей Слободско-Украинской губернской канцелярии 1773 г.² население главных 5 городов края состояло из следующих групп:

Группа горожан	В Харькове	В Сумах	В Ахтырке	В Изюме	В Острогской	Всего
Военнослужащие	673	90	69	293	346	1471
Штатские служащие	198	44	96	58	210	606
Бывшие казацкие старшины	64	53	49	41	72	279
Духовенство	215	235	256	37	169	912
Войсковые обыватели	7354	8221	9831	3354	7193	35 953
Однودворцы	162	—	—	—	274	436
Торговые люди	213	36	11	20	311	591
Помещичьи крестьяне	1084	1137	687	797	429	4134
Иностранцы	100	29	7	—	123	259
Цыгане	76	—	9	—	—	85
Итого	10 139	9845	11 015	4 600	9 127	44 726

Как известно, в губернии в это время проживало 655 502 чел., следовательно, горожане составляли 6,8%. Однако мы видим, что из 44 726 горожан войсковых обывателей, однودворцев и владельческих крестьян, т. е. земледельцев было 40 523 чел. Впрочем, в это число составители ведомостей включили ремесленников, торговцев и др. мещан. По другим ведомостям того же года в Острогской, например, числился 291 ремесленник (хозяева и подмастерья), в Харькове — около 250, в Сумах — около 300, в Ахтырке — 215, в Изюме — 30 чел.¹, всего 1086 чел., с женами и детьми более 3 тыс. чел. Если считать, что было столько же торговцев, то не будет преувеличением, что торгово-промышленное население названных городов составляло около 6 тыс. чел. Но и при таких данных преобладающую часть городского населения составляли земледельцы.

В последней четверти XVIII в. население городов, в частности торгово-промышленное, продолжало расти. Это наглядно подтверждается таблицей² (см. следующую страницу).

Только в Сумах временно сократилось население, по-видимому, в связи с переходом части жителей в соседние развивавшиеся города Лебедин и Белополюе.

В это время росло население в разных уездных городах: в Лебедине в 1785 г. жителей мужского пола насчитывалось 4046 чел., из них мещан было 571 чел., спустя 18 лет соответ-

¹ ХФЦГИА, ф. 399, д. 735, лл. 74—75, 97—98, 113—114; д. 1112, лл. 131, 132.

² ЦГАДА, ф. 1355, Слободско-Украинская губерния, д. 7; И. Катаев. Обзор рукописных памятников по истории Слободской Украины. Спб., 1901, стр. 48—49; ХОГА, ф. 24, д. 1, л. 13.

¹ ХФЦГИА, ф. 27, д. 21, лл. 133—136.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 319, 337, 348, 367, 380—381.

Город	По „Экономическим примечаниям“ 1785 г.		По податному окладу 1803 г.	
	всего жителей мужского пола	ремесленников, торговцев и др. мещан	всего жителей мужского пола	ремесленников, торговцев и др. мещан
Харьков	4950	927	5850	1459
Сумы	6266	1405	4992	1191
Изюм	2198	158	2214	216
Ахтырка	5125	952	6512	1121
Острогожск ¹	—	—	5273	907

Глава VIII

КЛАССОВАЯ БОРЬБА

ственно 5187 и 1597 чел. В 1803 г. было соответственно в Богодухове 3959 и 382 чел., в Валках 4946 и 40 чел., в Змиеве 1230 и 38 чел., в Купянске 3347 и 48 чел., в Волчанске 1899 и 16 чел., в заштатных городах: Краснокутске 2585 и 365 чел., Недригайлове 2101 и 406 чел., Белополье 4443 и 651 чел., Чугуеве 4116 и 144 чел., Славянске 1599 и 271 чел., Бирючем 2149 и 134 чел.

В названных городах и уездах мужское население составляло 487 тыс. чел., из них в городах жило 57 800 чел. (11,9%). Более 75% городских жителей составляли войсковые обыватели, помещичьи крестьяне и однодворцы, т. е. крестьяне. Торгово-промышленные люди, записанные в мещане, в цеховые ремесленники и купечество, составляли 6978 чел., или 12,1% городского населения и 1,43% всего населения.

Национальный состав торгово-промышленного населения в городах был пестрый, но в основном преобладало слободско-украинское население из бывших казаков. По ведомости о населении г. Сум 1789 г. числилось мещан 1566 чел., из них было войсковых обывателей 485, освобожденных от крепостной зависимости слобожан 23, помещичьих оброчных крестьян 10, церковнослужителей 23 и 1 отставной солдат, пришедших из русских городов 11 и из Левобережной Украины 16 чел., иностранцев (поляков, волохов, турок и др.) 30 чел., из местных жителей было 7 купцов 3-й гильдии, наконец, числилось цеховых ремесленников 760 чел., которые состояли из местных слобожан².

Приблизительно такое же соотношение групп горожан было в Изюме, Краснокутске³ и в других городах.

Приведенные сведения не полные, тем не менее они в целом правильно показывают численность городского населения, соотношение разных социальных групп и рост торгово-промышленного населения городов края во второй половине XVIII в.

¹ ЦГАДА, ф. 1355, Экономические примечания, Воронежская губерния, Острогожский уезд, д. 118, л. 55 (данные относятся к 1801 г.).

² ХФЦГИА, ф. 215, д. 232, лл. 26—47.

³ Там же, лл. 19—23.

Говоря о классовой борьбе на селе, В. И. Ленин в работе «К деревенской бедноте» отмечал, что в период крепостного права в России вся масса крестьян боролась против своих угнетателей, класса феодалов, которых защищало и всячески поддерживало царское правительство. Однако попытки крестьянства освободиться от крепостнического ига терпели неудачу. Крестьяне не могли выступить организованно и сплоченно, отсутствовал рабочий класс, способный возглавить борьбу народных масс против эксплуататоров. «Крестьяне,— писал В. И. Ленин,— не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих...»¹.

Ленинская оценка характера и исторического значения крестьянских восстаний в России всецело относится и к крестьянско-казацкому движению на Слобожанщине, являвшемуся составной частью классовой борьбы трудящихся страны.

Трудовое и угнетенное население Слобожанщины, как известно, состояло из украинских полковых казаков, подпомощников и подсоседков, русских служилых людей низших разрядов (однодворцев), а также из украинских и русских крепостных крестьян, называвшихся «подданными» и «пашенными мужиками». В его ряды входили ремесленники и мелкий торговый люд, работные люди соляных, селитряных промыслов и других предприятий, бобыли, гулящие люди и иные социальные группы. Хотя и в разной степени, все они страдали от крепостного гнета. «Как будто они неразумные животные,— говорил Ф. Энгельс по поводу отношения крепостников и власть имущих к подневольным людям,— к ним применяют только одно воспитательное средство — кнут, грубую, не убеждающую, а устрашающую силу»².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 384.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 2, стр. 347.

Нищета и бесправие толкали народные массы на борьбу с крепостниками. Выступления слобожан против местных феодалов, проходившие в едином антикрепостническом потоке борьбы трудящихся всей страны, периодически выливались в совместные восстания русских и украинских крестьян.

Классовая борьба на Слобожанщине с середины XVII и до конца XVIII в. по своему характеру была крестьянской, антикрепостнической и проходила в разных формах. Обострялась она на почве образования феодального землевладения и усиления эксплуатации слобожан. Трудящиеся массы боролись против эксплуатации казацких старшин, духовенства, царских воевод и русских помещиков.

**Выступления
казацко-
крестьянских масс
в 50—60-х годах
XVII в.**

Святогорский монастырь, захватив много земель и угодий, всячески пытался закабалить маякских и торских поселенцев: брал с них разные оброки, принуждал обрабатывать повинности за пользование лесами, рыбными ловлями, пахотной землей, собирал плату с прохожих и проезжих за переправу через Донец и на Торские соляные промыслы. На-

селение Тора и Маяка повело борьбу против монахов. В 1663 г. Святогорский монастырь жаловался правительству, что торские, маякские и цареборисовские жители и промысловые люди самовольно пользуются монастырскими угодьями: «насильством и лес им посекали и пчельники и всякие угодья запустошили». Торские жители отобрали у монастыря переправу через Донец. Сложные пограничные условия не дали возможности царскому правительству пресечь это «самоуправство». Монастырь вынужден был уступить часть своих земель и угодий крестьянам и казакам¹. В 1661 г. монахи Дивногорского монастыря Тихон и Дионисий писали правительству, что коротоякские казаки захватили монастырские сенокосы². Воеводы Острогжска, Сум, Змиева и других городов жаловались на «непослушание» их «ратных людей» и украинских поселенцев. Харьковский воевода В. Селифонтов писал царю в 1656 г., что украинские жители Харькова отказываются работать на строительстве острога. Из документа видно, что неповиновение поселенцев было вызвано чрезмерными требованиями воеводы.

В ответ харьковчане резонно заявляли, что им строить острог «невмочь и всем де нам от такова острожного дела разбрестись розно, потому что де мы людишка бедные голодные еще пашни не распахали и хлебом не обзаводились и дворами не построились..., а как де мы хлебом озаводимся и дворами построимся,

и мы де против государева указу острог новой поставим»¹. Правительство сочло нецелесообразным принимать меры к неповиновующимся; строительство харьковского острога было осуществлено спустя 2 года. Однако разногласия между харьковчанами и воеводой на этом не прекратились. В 1658 г. сменивший Селифонтова воевода Офросимов писал царю: «А черкасы, государь, люди самовольные, ни в чем твоего, государева, указу не слушают»².

Из жалоб рядовых людей мы узнаем об отношении воевод, осуществлявших на местах крепостническую политику правительства, к народным массам, что порождало острые социальные конфликты.

Сумские жители в 1661 г. жаловались на своего воеводу У. Шамардина, что он причинял им «обиды, и налоги, и теснение, и грабеж, и раздавал сумским черкасам государево денежное жалование не по указу, с вычетом»³. Белгородский воевода А. Хилков сообщал в Разрядный приказ, что 21 апреля 1658 г. подали ему «челобитную Цареборисова города черкасы всем городом» на воеводу П. Коптева. Челобитчики писали, что Коптев «им, черкасам, чинит большие неправды, и теснения, и налоги, напрасно без вины бьет и мучит»⁴. В 1660 г. харьковчане жаловались в челобитной царю, что харьковский подьячий собирал с них непомерные налоги. В жалобе указывалось, что если кто-либо из бедных людей продает лошадь или избу, чтобы купить себе хлеб, то этих людей принуждают записывать сделки в приказной избе, «да с той продажи от лошадей и от хаты пошлины по гривне берет приказной избы подьячий Терентий Талаев твои государевы пошлины». В 1668 г. острогожские казаки писали царю, что местный воевода разными поборами препятствует торговле населения и, кроме того, заставляет казаков работать в его хозяйстве⁵.

Стрельцы и казаки городов Белополья, Олешни и Чугуева жаловались на местных воевод, не выплачивавших им положенного жалования за службу. Жалобы на тяжелое положение не приносили облегчения угнетенным, поэтому многие из них бежали со службы. В отписках воевод в 40—60-х годах XVII в. в Разрядный приказ говорится, что служилые люди убегали из Валок, Чугуева, Вольного, Усерда и других городов⁶.

Как мы уже отмечали, действия воевод отражали общую

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 22; ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 389, лл. 39—40.

² Материалы для истории г. Харькова в XVII веке, стр. 10—11.

³ АМГ, т. III, № 507.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 34.

⁵ К. Стецюк. Влияние повстанья Степана Разина на Украину. К., 1947, стр. 52—53.

⁶ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 158, лл. 769—773; стб. 190, лл. 489—495.

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. I, стр. 135.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 513, лл. 58—61.

политику царизма по отношению к народным массам. Между тем царские воеводы занимались личным произволом, что обостряло взаимоотношения между воеводами и населением, наносило ущерб интересам господствующего класса, поэтому правительство иногда одергивало «царевых слуг». Когда поступила жалоба из Цареборисова белгородскому воеводе А. Хилкову на местного воеводу П. Коптева, он обратил внимание на явные злоупотребления последнего и на единодушное требование жителей Цареборисова прислать им другого воеводу. А. Хилков, стремясь предупредить дальнейшее обострение противоречий, срочно сообщил об этом правительству, отстранил Коптева от службы и назначил цареборисовским воеводой А. Норова¹.

Но, как правило, правительство поддерживало все действия воевод. Об этом говорит столкновение сумчан с местным воеводой в 1661 г. С поступлением челобитной из Сум в Разрядный приказ было потребовано объяснение от сумского воеводы. У. Шамардин сумел «задобрить» и отвлечь часть сумчан от выступления против него. В объяснительной записке в Разрядный приказ он писал, что им недовольна лишь небольшая группа жителей ввиду подстрекательства одного «заводчика»: «Суминский черкашенин заводчик и бунтовщик Кондрашко Леонтьев с товарищи своими не со многими людьми учинили в Сумине чернеческую раду, прибрав к себе воров и пьяниц, и учинили приговор, кто их не станет слушать и тех...»². К сожалению, документ на этом обрывается.

Отрывочные сведения не дают нам полного представления о событии, однако есть основание полагать, что это классовое столкновение носило весьма острый характер. Воевода очернил инициаторов выступления, назвав их «ворами и пьяницами», которые собрали «чернеческую раду», т. е. собрание городской «черни» — низших слоев населения. Событию в Сумах власти придали весьма серьезное значение. Инициаторы «черной рады» были арестованы, «заводчик» К. Леонтьев умер от пыток³.

Жестокие расправы царских властей не могли запугать народные массы и заставить их прекратить борьбу с крепостниками. Выступая против «утиснений» воевод, слобожане не затрагивали вопроса об отторжении края от Русского государства. Они отстаивали единство с братским русским народом, это особенно ярко проявилось во время мятежей гетманов Выговского в 1658 г. и Брюховецкого в 1668 г. на Украине.

Восстание Выговского нашло сочувствие лишь у немногих слобожан. Брюховецкий, стараясь привлечь население Слобожан-

щины на свою сторону, распространял слух, будто царь хочет отдать украинцев польским панам. В результате в мятеж были вовлечены жители Ольшан, Тернов, Недригайлова, Краснокутска, Валок, Печенег, Змиева, Тора, Маяка и около 20 чел. в Харьковке. Основная масса слобожан осталась верной единству с русским народом¹.

На Слобожанщине происходило брожение среди казацко-крестьянских масс под влиянием восстания в Москве в июле 1662 г. С целью устрашения населения в церквях и на площадях городов и сел края, как это было в Недригайлове и Каменном², зачитывался царский указ о расправе над участниками восстания в Москве. Однако правительству не удалось запугать население, помешать росту народных выступлений на Слободской Украине, что нашло свое подтверждение в участии слобожан в крестьянской войне под предводительством Степана Разина.

Выступление донских казаков во главе с С. Разиным послужило сигналом к восстанию крестьянских масс во многих местах страны. В то же время С. Разин посылал своих атаманов и грамоты по городам и селам, сыгравших большую роль в развертывании борьбы народных масс против крепостников. Грамоты С. Разина и его атаманы с отрядами повстанцев вскоре появились и на Слобожанщине.

По отпискам коротоякского, белгородского и воронежского воевод в Разрядный приказ и из следственных материалов известно, что на рассвете 9 сентября 1670 г. один из отрядов восставших донских казаков прибыл в Острогжск. При содействии полковника Ивана Дзиковского и местных жителей донцы убили полкового подьячего И. Горелкова и воеводу В. Мезенцева.

Затем на казацком кругу было решено немедленно предпринять поход в Ольшанск и помочь местным жителям восстать против воеводы. В походе приняли участие русские и украинские острогжцы. Сотник Ф. Марков на следствии показывал, что их насчитывалось около 500 чел., с ними были полковой писарь «Марка Жуковцев, сотники Васька Григорьев, Якушка Чекмез да обозной Микитка Волненко»⁴. В то же время другая группа донских казаков направилась в Усерд. Вначале восста-

¹ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 50—59; отд. III, стр. 548, 580, 584; отд. IV, стр. 62, 108, 284, 287.

² ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 465, лл. 270—271.

³ Это событие глубоко освещено в книге Е. И. Стецюк «Народні рухи на Лівобережній і Слобідській Україні в 50—70-х роках XVII ст.», поэтому здесь целесообразно коснуться его в самых общих чертах.

⁴ «Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов», т. II, ч. II, М., Изд-во АН СССР, 1959, № 20, 29, 35.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 34.

² АМГ, т. III, № 507.

³ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 599, лл. 565—571, 654.

ние в Острогжском полку развертывалось успешно, и казалось, что здесь крепостникам будет нанесен сильный удар.

Правительство с опасением следило за этим районом с начала восстания С. Разина. 26 августа из Разрядного приказа последовало распоряжение белгородскому воеводе Г. Ромодановскому перевести Севский и Белгородский полки в район Коротояка и Острогжска. Одновременно были приняты срочные меры для укрепления этих полков. Ромодановский, занимаясь сбором Севского полка, 12 сентября получил в Судже сообщение о восстании в Острогжске. Он немедленно двинул туда полк, в котором насчитывалось 4491 чел., и уже 14 сентября был в Белгороде, где производил допрос участников восстания¹.

В Острогжске крепостникам удалось подавить восстание. Этому способствовали нерешительные действия И. Дзиковского и других руководителей восставших. После того как были убиты острогжский воевода и подьячий, он арестовал московского стрельца А. Горемыкина «с товарищи» и посадил в своем дворе «на чепь»². Но И. Дзиковский в то же время не принял мер в отношении старшин, враждебно относившихся к восстанию. Он допустил и другую ошибку. По его вызову 10 сентября восставшие возвратились из Ольшанска в Острогжск. На круге было решено утром следующего дня предпринять поход на Коротояк. После круга, не установив должной охраны, И. Дзиковский отпустил острогжцев по домам, а людей из других мест, примкнувших к восстанию, оставил в лагере за городом. Инициативная группа казаков (20 чел.) занялась распределением конфискованного имущества воеводы. Такой беспечностью и неорганизованностью восставших воспользовались их враги.

Протопоп Троицкой церкви А. Григорьев, сотник Г. Карabut вместе с попами, горожанами «всяких чинов», сговорившись между собою, 10 сентября разобрали мост через р. Сосна, лишив возможности восставших, находившихся в лагере, прийти на помощь повстанцам в городе, которые подверглись неожиданному нападению. Были схвачены атаман Ф. Колчев, есаул Ф. Агеев, полковник И. Дзиковский, писарь М. Жуковцев, крепостной крестьянин И. Казачок, обозный Н. Волненко, сотник Я. Чекмез и др. Воронежский воевода срочно прислал в Острогжск отряд в 400 чел. для предупреждения повторения восстания. Коротоякский воевода М. Ознобишин начал предварительный допрос повстанцев посредством пыток³.

Правительство, получив известие о подавлении восстания

в Острогжске, все же считало положение опасным. 17 сентября Разрядный приказ дал указание Ромодановскому немедленно следовать с Белгородским и Севским полками в Острогжск и Ольшанск, где произвести полное расследование причин восстания и связей восставших. По этому поводу царь Алексей Михайлович писал воеводе: «И которые люди к тому воровству по сыску будут причинны, и б тех велели пытать накрепко и огнем жечь, чтобы однолишно в том деле доискатца пущих воров и изменников». 22 сентября Ромодановский сообщил царю, что он идет с Севским и Белгородским полками из Яблонова под Острогжск и Воронеж, что в его полках насчитывается 11 тыс. чел. и что пополнение продолжает прибывать¹.

Наводнив войсками территорию Острогжского полка, Ромодановский стал чинить расправу над участниками восстания. Их пытали и допрашивали в Острогжске, Коротояке и Белгороде. Атамана Ф. Колчева, есаула Ф. Агеева, казака С. Иванова и крестьянина И. Казачка царские палачи продолжали пытать и казнили в Москве. Из отписки Ромодановского 6 октября в Разрядный приказ известно, что царь предписал ему И. Дзиковского «и его советников» по «сыску» казнить, «преж обсечь руки по локоть, а ноги по колено, а после казнить смертью, повесить, тотчас безо всякого мотчания». Это предписание было получено с опозданием на неделю. И. Дзиковский, М. Жуковцев, Я. Чекмез, В. Григорьев, Н. Волненко были расстреляны по приказу Ромодановского 29 сентября на площади в Острогжске.

Правительство поспешило наградить палачей и душеителей Острогжского восстания. В царском указе от 22 сентября предписано выдать попу А. Григорьеву «сукна самого доброго» 5 аршин и пару соболей в 6 руб., остальным попам — сукна полукармазинного по 5 аршин и по паре соболей в 3 руб., 2 сотникам — сукна кармазинного по 5 аршин и по паре соболей в 1 руб.² Особо был награжден бывший сотник и наказной полковник Г. Карabut. По указам от 6 и 10 октября ему отдана во владение мельница, принадлежавшая казенному И. Дзиковскому, «сукно кармазинное доброе да пара соболей добрых», кроме того, он был назначен полковником Острогжского полка. Сукном и соболями наградили сумского полковника Г. Кондратьева³.

Несмотря на подавление восстания в Острогжске и Ольшанске и прибытие значительного количества царских войск, что создало весьма неблагоприятную обстановку для разверты-

¹ «Крестьянская война под предводительством С. Разина...», т. II, ч. II, № 1, 12.

² Там же, № 9.

³ Там же, № 15, 16, 18, 19, 21, 22.

¹ «Крестьянская война под предводительством С. Разина...», т. II, ч. II, № 23, 28, 34.

² Там же, № 32.

³ Там же, № 50, 51; Дополнения к «Актам историческим», т. VI, № 12; ПСЗ, № 483.

вания восстания, борьба слобожан против крепостников не прекратилась. Чугуевские жители (русские и украинцы), ободренные сообщениями о волнениях в Харькове, при поддержке появившегося здесь отряда повстанцев, восстали. Сумской сотник Е. Васильев и ротмистр А. Побединский, посланные в разведку под Чугуев, докладывали, писал Ромодановский царю, что в «Чугуев въехали при них воровские казаки и приказного Семена Милкова взяли, а казаков, которых они, полковники, в Чугуев наперед себя послали, разбили. И чугуевские де, государь, жители все замешались и за присыльными казаками их полков гоняли». Позже, по донесению самого С. Милкова, Ромодановский в отписке в Москву дополнительно сообщал, что многие «чугуевцы пошли с ними ж, донскими казаками, воровать, и его де Семена Милкова, воровские казаки били и разграбили и покинули чуть жива».

Вскоре произошли выступления и в других городах. «Да и иные де города,— писал Ромодановский,— Змиев и Болыклея и Мерефа, своровали, тебе, великому государю, изменили и воевод ис тех городов выслали»¹.

В развертывании движения продолжал играть большую роль атаман восставших донских казаков А. Хромой. Из своего штаба, находившегося в Змиеве, он посылал повстанцев и «прелестные письма» в различные города Слобожанщины и Левобережной Украины, призывая угнетенный народ к восстанию. Крестьянское движение начало распространяться на Полтавщину. Стало известно, что атаман А. Хромой собирается со своим повстанческим отрядом идти через Валки, Мурафу, Колонтаев в Опошню, где жила его семья. Около 20 октября 1670 г. Ромодановский сообщал царю: «А вору де Алешке Хромому з войском на сих днях итить через Валки ж и Мурахву на Колонтаев и в Опошню для того, что де он, Алешка, бывал житель опошненской, и жена ево ныне в Опошне, и чтоб де ему, идучи черкасскими городами, собрать войска и итить войною под твои, великого государя, украинные города»².

Оценивая создавшееся положение, Ромодановский писал царю: «А октября, государь, в 17 день по отпискам из городов воевод и приказных людей и по вестям, что воровские де казаки своим воровским собранием почели расширятьца и в украинских городах жители приставают к ним многие безпрестанно». Поэтому, продолжал Ромодановский, «в прибавку» ранее посланным людям он направил копейщиков и рейтар полковника Г. Косогова и второй отряд запорожских казаков во главе с братом

гетмана В. Многогрешным, в Белгород посланы рейтарский полк с полковником П. Стромичевским и 2 сотни рыльских и путивльских казаков. В Коротояке расположен Яблоновский солдатский полк и в Острогожске — полк харьковского наказного полковника И. Лашенко и 100 чел. комарицких драгун. Возглавив отряд детей боярских и дворян Севского и Белгородского полков и служилых людей других городов в составе 8390 чел., Ромодановский направил его против повстанцев под Чугуев¹.

С 1 ноября 1670 г. началось решающее наступление царского войска против главных сил восставших под Змиевом и Маяком. Ввиду численного преимущества карателей повстанцы вынуждены были отступить: пешие в бударах и лодках вниз по Донцу, конные — по берегу Донца на Дон. Царские отряды преградили путь отступавшим у устьев речек Жеребца и Бахмута. Карательная экспедиция в составе полков Г. Косогова, М. Гопты, Г. Кондратьева и В. Многогрешного 5 ноября на Донце в «Репинском юрте» окружила 540 повстанцев во главе с атаманом Чертомлыком. Отряд был разбит, более 100 чел. захвачено в плен. Каратели взяли «знамя товтяное большое шахматное, прапоркумашной», пушку и бочку пороху, а также уничтожили 20 казачьих будар, 42 больших и 32 малых лодки².

В это время антикрепостническое движение на Слобожанщине, как и во всей стране, пошло на спад. Крепостники по-варварски расправлялись с русскими и украинцами, принимавшими участие в восстании. После страшных пыток были казнены сотни людей.

Ромодановский 30 января 1671 г. докладывал в Разрядный приказ, что казнен 241 чел.³ Надо учесть, что много сотен, а возможно, и тысяч повстанцев погибло в боях под Коротояком, в «Репинском юрте» и в других местах. Жены и дети многих казненных повстанцев были отправлены в ссылку. Жену И. Дзиковского Евдокию, которая передала записку на Дон повстанцам, чтобы они пришли и освободили мужа с товарищами из заключения, 22 октября казнили, а ее четверых детей (старшему сыну было 17 лет) сослали в Сибирь⁴.

Поддав восстание слобожан, воевода Ромодановский по указанию правительства провел ряд мер с целью укрепления власти крепостников. Дворяне и дети боярские, мобилизованные для подавления восстания, по указу 10 декабря 1670 г. были задержаны на военной службе. В целях «бережения и осторожности от приходу з Дону впрעדь воровских и воинских людей

¹ «Крестьянская война под предводительством С. Разина...», т. II, ч. II, № 59; ХФЦГИА, ф. 53, стб. 76, лл. 19—20.

² «Крестьянская война под предводительством С. Разина...», т. II, ч. II, № 67.

¹ «Крестьянская война под предводительством С. Разина...», т. II, ч. II, № 66.

² Там же, № 68, 70.

³ Там же, № 78.

⁴ Там же, № 48.

и для шатости тех городов жителей велели мы, холопы твои,— писал Г. Ромодановский царю,— стоять по городам»: Г. Косогову в Нежегольске, М. Гопту в Чугуеве, К. Любекову в Коротояке, Г. Кондратьеву в Харькове, части Севского и Белгородского полков в Новом Осколе¹. Был установлен тщательный учет населения и наблюдение за его поведением. Так, например, в Чугуевском уезде местный воевода С. Милков добился создания вспомогательных выборных органов управления. Население должно было избирать «закащиков», или десятников. Им вменялось в обязанность ездить по воскресным дням по селам уезда, задерживать приезжих и пришлых людей и приводить в Чугуевскую приказную избу для выяснения личности. Десятники должны были не допускать поселения пришлых людей без царского разрешения².

Движение крестьянских масс в конце XVII — начале XVIII в.

Подавление крестьянского восстания под предводительством С. Разина, составной частью которого явились антикрепостнические выступления на Слобожанщине, не принесло спокойствия господствующему классу. Став победителями, крепостники прилагали все усилия, чтобы закабалить новые массы крестьян. Но как ни старались феодалы держать в покорности трудовой народ, им не удавалось прекратить протесты против угнетения.

Украинские и русские жители Тора «человек тысяча и больше» 30 ноября 1677 г. восстали против местного воеводы Р. Маслова. По приказу белгородского воеводы Г. Ромодановского чугуевский воевода прибыл с войском под Тор и пригрозил восставшим расправой, если они не подчинятся своему воеводе. 6 декабря Р. Маслов писал в Белгород, что 4 организатора выступления бежали из города, «а торских де озер жители, по указу государя, у него, Родиона, во всяком послушании»³. Надо полагать, торские жители добивались замены воеводы выборным начальником, который бы считался с их интересами. Такие попытки делались и в других городах.

В 1698 г. битюгский приказной человек И. Барсуков в челобитной царю писал, что местные украинцы не подчиняются ему и склоняют на свою сторону русских жителей. Неповинующиеся избрали атаманом Ф. Зиньковского, беглого казака из Зинькова, Гадячского полка. Они отказываются платить оброк 101 руб. за пользование угодьями⁴.

В то же время жители сл. Битюг жаловались царю на при-

теснения острогожского полковника П. Буларта. В 1678 г. жители Печенег жаловались на своего приказного человека Д. Уколова. Челобитчики просили передать их в ведение чугуевского воеводы¹. Подобных фактов можно было бы привести много.

Угнетенное население Слобожанщины, русское и украинское, не прекращало борьбы и против русских воевод, приказных людей, и против украинских казацких старшин.

В 80—90-х годах XVII в. происходили острые классовые столкновения в Ахтырке и во многих селах полка. Население не повиновалось полковнику И. Перекрестову. Власти прислали из Курска «сыщика» для расследования причин волнений. Жители с. Белок «Гаврилка Мельниченко с товарищи учинились против твоей в. г. грамоты», жаловался царю «сыщик». Для подавления волнений в Богодухове 2 июля 1679 г. прибыл в Ахтырку генерал Г. Косогов. Ахтырские казаки окружили полковничий двор, где остановился Г. Косогов, произошла стычка между охраной генерала и ахтырчанами, в которой генерал был ранен². С большими усилиями белгородскому воеводе удалось подчинить ахтырчан И. Перекрестову. Последний продолжал произвол в отношении населения. Волнения продолжались до 1704 г.

Волнения в одних местах прекращались, в других вспыхивали. Жители сел Ольховатки и Тополей в 1686 г. выступили против переписи населения. Жители поселений на реках Битюге и Осереде в том же году отказались работать на «государевой десятинной пашне»³ и т. д.

Из царской грамоты известно, что в июле 1688 г. в с. Ендовищи, Острогожского полка, более 20 семей местных казаков разгромили имение сотника И. Хорунженко, забрали его имущество, скосили озимый хлеб, потравили яровой посев, описали пасеку и объявили собственностью казацкого «мира». Сотнику Хорунженко казаки объявили, что он лишен права быть сотником⁴. Подробных сведений об этом событии не сохранилось. В 1689 г. появилась челобитная ендовищан. Они писали, что сотник их «разоряет и собирает с них деньги по три и по два рубля, и по полтине с человека, и те частые поборы собирает без в. г. указу и без мирского приговора и теми поборами он, сотник, корыстуетса сам; да он же промежком и нападками своими чинит им налоги и обиды многие, и заставляет их насильно у себя на дворе, на винницах, и на мельнице, и на поле, и в лесу работать всякую работу; и животы их грабят... и сады

¹ «Крестьянская война под предводительством С. Разина...», т. II, ч. II, № 71, 72.

² ХФЦГИА, ф. 353, стб. 76, лл. 19—20, 36—40.

³ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. V, стр. 127—128.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 136—138.

¹ ЦГАДА, Белгородский стол, стб. 1720, лл. 59—74, 85—90; стб. 889, лл. 154—173.

² Там же, стб. 898, лл. 1—35.

³ ХФЦГИА, ф. 28, д. 1, лл. 9—18.

⁴ «Воронежские акты», кн. 1, Воронеж, 1851, стр. 20—23.

у многих отнимал силою, и детей и братьев имел себе в холопство, и бил их, и от тех его побоев иные их братья и помирали, и как он, Иван, ездит к Москве и в иные города к друзьям для своих дел и прихотей и с женой и с детьми, и с них, челобитчиков, насильно берет подводы, и берут у них силою их животы и скотину, и посылает в иные города, иную их скотину травит собаками и на награбленные и на отнятые их всякие животы, и на земляные угодья, и на сенные покосы, и на леса у них берет утеснениям своим письменные крепости: а их дачи и леса отмежевал себе; а в которых мирских их мельницах были дробленные жеребья, и те жеребья поотнимал; а от тех его, сотниковых, многих налогов, и разных нападок, и примешок, и всякого разорения все они оскудели и обеднели, а иные из них разбрелись по иным городам»¹.

В этой челобитной настолько подробно сказано об угнетенном положении ендовищан под властью их сотника, что нет надобности объяснять причину разгрома его имения.

Жители г. Тора в своей челобитной 1690 г. писали: «бьют челом холопы ваши, торские жители, русские люди и черкасы, всем городом служим мы, холопы ваши, вам, в. г. полковую и городовую службу многое время...». Далее челобитчики указывали, что они постепенно лишаются предоставленных правительством льгот: за соляные промыслы откупщики собирают поборы, значительно превышающие официально установленные размеры; за проезд торян с солью взимают пошлины в Изюме, Чугуеве, Змиеве, Харькове и в других городах. От «утеснений» и «поборов», говорилось далее в челобитной, многие люди разорились и вынуждены бежать из Тора, в результате «осталось в Соленом жителей русских и черкас 50 человек»².

В это же время Куряжский монастырь жаловался властям, что харьковчане «в тех их монастырских урочищах позанимали себе займища, и монастырю учинили тесноту великую, владеют полем и всякими угодьями и под монастырем лес рубят». Правительство и казацкие старшины не могли мириться с тем, чтобы крестьяне и казаки ограничивали владения монастыря, поэтому харьковский полковник Г. Донец силой «защитил» монастырскую собственность от народа³.

В царской грамоте 1708 г. говорится о движении казаков и крестьян Белополья и соседних селений в 1696—1706 гг. Казаки сел Глушца, Коряжа, Глушково, Теткино и Кобылок подали белгородскому воеводе жалобу на путивльских помещиков. Челобитчики писали, что все они служили казаками в Сумском

полку, но помещики записали их в число своих крестьян и принуждают к барщине. Однако из Разрядного приказа последовало распоряжение местному воеводе заставить крестьян повиноваться помещикам, каждого 21-го из неповинующихся наказать плетью, а всех остальных батогами. Путивльский воевода Клокачов поспешил выполнить приказ: он отправился с войском по селам Белопольщины, жестоко расправляясь с населением. Во многих селах казаки и крестьяне оказали карателям вооруженное сопротивление, с обеих сторон были раненые и убитые. Об этих событиях вскоре стало известно в Москве. Правительство Петра I, избегая обострения классовых противоречий во время войны с Турцией, решило приписать казаков к Сумскому полку¹.

Как известно, в ходе преобразований, происходивших в России в первой четверти XVIII в., повышались налоги, увеличивалась мобилизация людей в армию и на строительство каналов, укреплений и других сооружений, росла приписка крестьян к строившимся «заводам», шло дальнейшее закрепощение населения. Все это в полной мере относилось и к Слободской Украине.

Распространенной формой протеста против крепостнического гнета на Слобожанщине продолжали быть побегии. О побегах слободских казаков говорилось в одной из грамот Петра I в 1705 г. об уходе изюмчан на Дон². Весьма красноречиво по этому поводу писал бригадир Слободских полков Ф. Шидловский адмиралу Ф. Апраксину 26 апреля 1710 г.: «Особливо вашему сиятельству доношу о непорядке нашем украинском, полков наших людей; одни от великой скудности чрез зиму ели желудь, а ныне мало кто сеял, а паче имеючи страх от губерний: сатана им надул в уши, что будто им от них турбации будут, сильный страх взяли, идут в рознь одни в гетманщину, другие на Самар, а больше того в новостроющиеся близ полков наших слободы явно повелевают им идти и держать их не велят. Пишет из Ахтырки бригадир, так идут, что и держать не может и некоторые де местечки и пусты стали»³.

В начале XVIII в. в России, вспыхнул ряд восстаний: в Астрахани в 1705—1706 гг., на Дону в 1707—1708 гг. под руководством К. Булавина и в других местах. Наиболее крупным было Булавинское восстание, в котором приняло участие много слобожан.

Призывы К. Булавина к восстанию против «недобрых начальных людей», по существу против крепостников и крепост-

Участие слобожан в восстании Кондратия Булавина

¹ П. Головинский. Слободские казацкие полки, стр. 156—157.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 155—158.

³ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. I, стр. 74—75.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 184—192.

² ХФЦГИА, ф. 28, д. 10, лл. 1—2.

³ Материалы для очерка служебной деятельности Шидловских..., стр. 24—25.

нического гнета, встречали сочувствие у казацко-крестьянских масс. Однако донские казацкие старшины, поддержанные старшинами Слобожанщины и Левобережной Украины, с самого начала отнеслись к восстанию враждебно. В 1707 г. К. Булавин был вынужден с отрядом повстанцев временно перейти на Запорожье, где его радушно встретили неимущие казаки.

Весной 1708 г. донские казаки вместе с запорожскими казаками возобновили борьбу против старшин на Дону. Восставшим удалось нанести поражение главным силам казацких старшин и 1 мая овладеть Черкасском. К. Булавин, стремясь активизировать и расширить движение народных масс против крепостничества, повел повстанческий отряд под Азов. Отряды под руководством атаманов Некрасова и Павлова он направил на Поволжье, а отряды Семена Драного, Беспалого и Николая Голого послал на Дон и Донец¹.

Атаман Голый, продвигаясь с отрядом на Слобожанщину, распространял здесь «прелестные письма». В них сообщалось, что повстанцы идут против бояр и призывают всех угнетенных к восстанию. В одном из таких воззваний говорилось: «А нам до черни дела нет. Нам дело до бояр и которые неправду делают. А вы, голотьба и все, идите изо всех городов, конные и пешие, нагие и босые, идите не опасайтесь: будут вам кони и ружье, и платье, и денежное жалованье»².

Царским войскам не сразу удалось ликвидировать восстание. В ночь на 8 июня 1708 г. отряд повстанцев под руководством атаманов Драного, Чалого и Беспалого напал у р. Уразовая на Сумской полк: около половины полка было уничтожено, убили и полковника А. Кондратьева³. Атаман Драной, воодушевленный успехом, в конце июня начал со своим отрядом поход на Слобожанщину в район Тора, Маяка и Бахмута и занял без боя эти города. Многие местные жители примкнули к восставшим. Правительство направило против повстанцев полки Шидловского и Кропотова, которые 1 июля в урочище Красной Луки нанесли поражение отряду повстанцев, в этом бою погиб атаман С. Драной⁴.

Со смертью руководителя восстания К. Булавина 6 июля 1708 г. движение не прекратилось, в некоторых местах оно даже расширилось. На Слобожанщине события ограничились волнениями. Слободские казацкие полки, прибранные к рукам старшинами, царские регулярные войска, расположенные здесь, не допустили превращения этих волнений в восстание. Атаману

Н. Голому 3 октября 1708 г. удалось разгромить карательный отряд полковника Бильса, сопровождавший караван с продовольствием для Азовского гарнизона¹. В середине октября Н. Голый с отрядом в 4 тыс. чел. прибыл в Донецк. Здесь его принял атаман Микула Колычев и казаки-«единомышленники»². Царские войска 3 ноября разбили отряд повстанцев, которые потеряли убитыми более 3 тыс. чел. В Донецке было убито жителей 100 чел. и повешено 150 чел. На этом кровавая расправа карателей над участниками выступлений не прекратилась. Они произвели массовые казни и полностью разрушили те селения, жители которых сочувствовали восставшим³.

После подавления Булавинского восстания классовая борьба в стране продолжалась в нарастающей силе в ответ на усиление в середине XVIII в. крепостнического гнета.

Самой распространенной формой борьбы народных масс против угнетателей была подача жалоб и просьб, т. е. пассивная форма протеста. Жители с. Малиновка неоднократно жаловались правительству на то, что бывший изюмский полковник Ф. Шидловский захватил казацкую землю и закрепостил их⁴. С такой же жалобой обращались жители с. Верещаковка на Г. Квитку⁵, жители слобод Белокуракиной, Александровки и Танюшевки — на князя А. Куракина. Жители с. Островец жаловались на захват земли помещицей Бульской, жители сел Мохначей, Райгорода — на местных помещиков и монастырь⁶.

Таких фактов, относящихся к XVIII в., сохранилось в архивных материалах множество. В отдельных случаях власти, считая целесообразным предупредить обострение конфликта, удовлетворяли просьбу жалобщиков. Например, по жалобе островеццев Сенат решил: возратить им землю и взыскать с помещицы Бульской убытки крестьян по тяжбе⁷. По жалобе жителей сл. Пены последовал из Сената указ от 18 сентября 1767 г., который подтверждал их принадлежность к войсковым обывателям и предлагал Суджанскому комиссарскому правлению произвести размежевание земель войсковых обывателей сл. Пены и помещиков Переверзевых⁸.

¹ «Булавинское восстание...», стр. 318—319, 336.

² Там же, стр. 338.

³ Там же, стр. 340, 344.

⁴ ХФЦГИА, ф. 28, д. 27, лл. 1—2.

⁵ Там же, ф. 31, д. 632, лл. 22, 25—26.

⁶ Там же, ф. 28, д. 41, лл. 1—9; д. 46, лл. 1—50.

⁷ Историко-статистическое описание Харьковской епархии, отд. II, стр. 93—94.

⁸ ЦГАДА, ф. Суджанского комиссарского правления, д. 4, лл. 2—4, 6—9.

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 7, вып. 2, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1946, стр. 703.

² Там же, т. 8, вып. 2, № 2715; т. 9, вып. 2, № 3100.

³ Там же, т. 7, вып. 2, стр. 703—706; «Булавинское восстание 1707—1708 гг. Сборник документов». М., 1935, стр. 261—263.

⁴ Письма и бумаги..., т. 7, вып. 2, стр. 676—678.

Основную часть жалоб власти решали в пользу крепостников, наказывая крестьян за подачу жалоб. Жители Белокуракинской, Александровки и Тянушевки в своем «покорном доношении» в 1766 г. писали, что они в 1744—1754 гг. поселены Заваркиным, бывшим поверенным князя А. Куракина, на реках Белой, Айдаре и Лазной в подданстве князя, а «ныне мы,—говорилось в жалобе,—именованные за показанным господином А. Б. Куракиным в подданстве быть не желаем, в рассуждении на нас налагаемые тяжкие работы и несносные расходы сборов». Они просили записать их в подданство казны. По постановлению Слободско-Украинской губернской канцелярии подателей жалобы Я. Лобаченко и К. Ломовченко наказали плетьюми¹. Как явствует из «Экономических примечаний к генеральному межеванию 1785 г.», эти села оставались во владении Куракиных.

Старшины Ахтырского полка в объяснительной записке на жалобу, поданную на них казаками разных сотен в 1749 г., предложили правительству законодательным актом запретить «казакам, их свойственникам и подпомощникам» подавать жалобы на старшин². Это пожелание, отражавшее интересы всего дворянства, было осуществлено Екатериной II в 1767 г.³ Запрет и жестокие физические наказания челоубитчиков резко сократили, но не приостановили подачу жалоб крестьян на помещиков.

Борьба угнетенных масс против крепостничества проявлялась и в форме побегов. Убегали казаки, их свойственники и подпомощники, а после преобразования полков и войсковые обыватели, убегали однодворцы и помещичьи крестьяне. Беглые слобожане направлялись на Дон, Поволжье и в Новороссийские степи. Значительная часть беглых, особенно крепостные, перемещалась внутри Слобожанщины. Казаки переходили из одного полка в другой, крепостные крестьяне уходили от одного помещика к другому. Люди убегали в одиночку, семьями и даже большими группами.

Бегство угнетенных стало заметно расти с начала XVIII в. Многочисленные побегии слободских казаков побудили Петра I издать в 1705 г. первую по этому поводу грамоту. В грамоте Изюмскому полку запрещалось бегство казаков. За побег царь грозил смертной казнью, однако бегство не прекращалось⁴.

В связи с ростом бегства русских людей в 1721 г. Петр I издал указ о розыске и возврате их на прежнее место жительства. Только в Харькове в 1722 г. было выявлено и возвращено

на прежние места 189 чел. Розыск, наказание и возврат беглых людей не могли предотвратить новые случаи побегов¹.

Побеги крестьян нередко сопровождались вооруженными столкновениями с крепостниками. Атаман Я. Пилипенко сообщал в Ахтырскую полковую канцелярию, что зимой 1731 г. и весной 1732 г. крестьяне «паче услыша попрежнему, что итить на берестовскую линейную работу... и от непрестанных их проездов и чрез отвозку последнего хлеба в охтырские магазейны оскудели вовсе и в крайнюю пришли нищету», а поэтому «тайно и явно в другие слободы шли». Помещик Надаржинский, узнав о побеге своих крепостных, приказал Пилипенко возвратить беглецов. Их удалось настичуть на Кириковском поле. Окружившись телегами, с вилами, косами, топорами, несколькими самодалами и саблями крестьяне стали защищаться. Среди них были П. Гиенко, П. Кузьменко, И. Павличенко, П. Герасименко, Л. Гуценко, И. Гашок. Пилипенко удалось отбить лишь одну семью П. Гиенко, «протчие же выше означения взять себе возвратить не дались»², ушли, неизвестно куда, докладывал он помещику.

Рост побегов во второй четверти XVIII в. заставил власти придумывать новые способы поимки беглых крестьян. Киевский губернатор М. Голицын 29 марта 1729 г. писал правительству: «В Малороссии и в Слободских полках для удержания и непронуска беглецов прежние форпосты и заставы умножить людьями, а где надлежит и вновь учредить» таковые³. Надо полагать, что после этого предложения было построено немало новых форпостов и застав. Но побегии продолжались. В «Экстракте о Слободских полках» 1734 г. указывается, что в Ахтырском полку много казацких дворов опустело. Такое же положение было в Харьковском⁴ и других полках.

Правительство организовывало розыск бежавших казаков и возвращение их на прежнее место жительства⁵.

С 50-х годов побегии казаков заметно увеличиваются⁶. Десятки архивных дел свидетельствуют о бегстве казаков, их свойственников и подпомощников всех полков и в 60-х годах⁷. После преобразования полков (в 1765 г.) убегали также гусары и войсковые обыватели⁸, однодворцы⁹.

Уходили крепостные от украинских старшин-помещиков Кви-

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 199; «Сборник РИО», т. 94, 1894, стр. 808.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 280—281.

³ «Сборник РИО», т. 94, стр. 409.

⁴ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 154.

⁵ ХФЦГИА, ф. 31, дд. 94, 106.

⁶ Там же, дд. 276, 281, 292, 319, 337, 359, 374, 417; ф. 397, кн. 6, д. 101; кн. 12, д. 33.

⁷ Там же, ф. 31, дд. 504, 557, 559, 599, 604, 613, 642, 702, 730; ф. 404, д. 65.

⁸ Там же, ф. 402, дд. 106, 201; ф. 399, дд. 128, 899.

⁹ Там же, ф. 31, дд. 339, 393, 552, 601, 794.

¹ ХФЦГИА, ф. 399, д. 205, лл. 30—32.

² Материалы для истории колонизации и быта..., т. I, стр. 283—286.

³ ПСЗ, № 12966; ХФЦГИА, ф. 399, д. 297, лл. 392—402; д. 177, лл. 287, 288.

⁴ ХФЦГИА, ф. 28, д. 10, лл. 1—2; ф. 31, д. 505, лл. 1—17.

ток, Ковалевских и Шидловских¹, Краснокутских, Кондратьевых, Алферовых и Литвиновых², от помещиков, выходцев из Молдавии, Кантемира, Куликовского и Кигича³, от помещика Прерадовича (выходца из Сербии)⁴, от русских дворян Анненковых, Аладьиных, Ложилиных, Времневых⁵. По ведомости Ахтырской провинциальной канцелярии только в 1765—1766 гг. бежали крестьяне от Лесевичих 76 чел., Боярского 9, Я. Ковалевского 8, К. Кобеляцкого 7, С. Веприцкого 4, Карпова 3, Ф. Максимовича 2, Зворыкина 3 чел. и т. д.⁶

Правительство, ведя постоянную борьбу против побегов крестьян, иногда «смягчало» свое отношение к беглецам, прибывавшим на незаселенные земли, разрешало выдачу паспортов, что способствовало заселению Новороссийского края, Саратовской, Оренбургской округ и др. 10 декабря 1763 г. был издан указ, разрешавший уход помещичьих, казенных крестьян и казаков на поселение в другие места по отпускным билетам владельцев и местных представителей власти⁷. Однако этот указ не имел существенного значения, так как помещики и атаманы казенных сел выдавали отпускные билеты в исключительных случаях. По указу от 24 декабря того же года слобожанам запрещалось переселяться в Саратовский край, в то время как переселение туда украинцев, живших в других местах России, всячески поощрялось⁸.

Спустя 3 года, действие этого запрета расширилось. 19 мая 1766 г. Слободско-Украинская губернская канцелярия сообщала подведомственным учреждениям, что по царскому указу помещичьим приказчикам и атаманам казенных сел запрещается выдавать разрешения и билеты на право ухода населения губернии на Дон, в Новороссийский край и на Украину⁹. В следующем году из этой же канцелярии последовал указ о запрете слобожанам переселяться в Оренбургскую округу¹⁰.

По указу Екатерины II в 1766 г. была разработана специальная инструкция для комиссаров Слободско-Украинской губернии. В одном из ее пунктов «О пресечении побегов» указывалось, что в каждом селении необходимо «учредить сотских и десятских, определяя всякому сотскому по сту, а десятскому по

десяти дворов; приказать, особливо в войсковых местечках, дабы каждой в своем ведомстве, буде приметит имеющих намерение бежать, то б немедленно о таких десятской сотскому, а сотской комиссару рапортовали»¹.

Эти мероприятия, однако, не давали господствующему классу желаемых результатов. Побегии продолжались, их количество росло, сопровождаясь иногда острыми классовыми столкновениями. О. Шелестенок, житель сл. Волчи Воды (Волчанск), в апреле 1766 г. «подговорил» всех жителей своей слободы и сл. Ефремовка, крестьян 50 дворов сл. Николаевка и 10 дворов сл. Козмодемьянская переселиться на Дон. Харьковская полковая канцелярия, узнав об этом, срочно направила своего адъютанта П. Руса с отрядом гусар в Волчанск. В инструкции, данной П. Русу, предписывалось: объявить населению царский указ о запрете перехода крестьян в другие места; разыскать и публично наказать тех, кто «подговаривал» крестьян к побегу на Дон; взыскать с крестьян причитающуюся подать, в противном случае забрать у них скот; взыскать с крестьян расходы на содержание присланной команды. 5 мая П. Рус рапортовал в губернскую канцелярию, что задание выполнено. О. Шелестенка и его товарищей Ф. Закитного, И. Ленченко, Я. Горошенского, С. Сергеевко и П. Николаенко за попытку организовать побег каратель «штрафовал плетью»².

Волчанцы и крестьяне других сел не примирились с решением Слободско-Украинской губернской канцелярии, отправили ходяков искать «правду» у белгородского губернатора. В «доношении» белгородского губернатора Нарышкина губернатору Слободско-Украинской губернии Щербинину 7 июля 1766 г. по поводу отказа крестьян повиноваться помещикам в слободах П. Камынина — Волчанске, Яблочной и Козмодемьянской, Д. Трубецкого — в Гордеевской (Зимовеньки), Бельнякской и Николаевке, А. Куракина — в Белокуракиной, Александровке и Танюшевке сообщалось, что по слободам распространяются «копии указа».

У крестьян Волчанска и других владений Камынина, пришедших в Белгород, «найдена фальшивая списанная, якобы с указа, копия». Допрошенные крестьяне заявили, что копию «письма» купили в сл. Бельнякская «и от себя» продали в сл. Губернаторовка «по равной цене» за 1 руб. 20 коп. Такие же копии были направлены в слободки Михайловку, Ивовку, Бекарюковку. Крестьяне ряда сел собрали деньги и послали на них ходяков в Харьков «для исходатайствования, чтоб им быть не в подданстве». Но ходяки возвратились ни с чем. Выяснив эти подробности, белгородский воевода приказал пришедших К. Дех-

¹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 998, л. 383; ф. 397, кн. 6, д. 8, л. 192; ф. 370, д. 105, л. 49.

² Там же, ф. 370, д. 111, л. 110; ф. 404, д. 63, л. 13; д. 73, л. 212.

³ Там же, ф. 404, д. 131, лл. 43, 143—144; ф. 31, д. 765, л. 49; ф. 381, д. 8, лл. 1, 2, 14, 24, 25.

⁴ Там же, ф. 397, кн. 49, д. 34, лл. 608—613.

⁵ Там же, ф. 404, д. 135, лл. 12—15; д. 159, л. 422; ф. 370, д. 257, лл. 1—34; д. 265, лл. 102—103.

⁶ Там же, ф. 399, д. 247, лл. 25, 27, 31, 38, 40, 50.

⁷ ПСЗ, № 11987.

⁸ Там же, № 12000.

⁹ ХФЦГИА, ф. 399, д. 205, лл. 60—61.

¹⁰ Там же, д. 400, лл. 1—12.

¹ Материалы для истории колонизации и быта..., т. II, стр. 299.

² ХФЦГИА, ф. 399, д. 205, лл. 2, 3—6, 9, 14.

тяренко, В. Пыка, Д. Марченко, Алексея и Якова Светличниковых, «яко тому злу зачинщики, дабы впредь на такие дела не отважились и в страх другим на публичном месте с барабанным боем бить кнутом», их товарищей Н. Мезекова, И. Черняка, С. Борисенко, Т. Передистова, А. Левченко, Ф. Горшенко приказано бить «плетьюми нещадно». Губернатор предупредил население: «А если и другие, видя уже сие наказание, своего злого намерения не прекратят», то с ними поступят «по всей строгости законов».

Нарышкин далее писал, что он подготовил 5 гусарских полков для подавления сопротивления крестьян, а также послал карательный отряд в села, в которых люди готовились к побегу. Каратели объявили населению приказ губернатора и наказали многих крестьян плетьюми. С. Сидоренко, житель сл. Беленькая, за переписывание и чтение крестьянам «указа» подлежал суровому наказанию, но в связи с тем, что ему было лишь 16 лет, каратели били его «розгами нещадно»¹.

Из имения помещика К. Кантемира в с. Криничное, Ахтырского полка, 30 апреля 1765 г. бежало 150 крестьян. «С всеми их семьями и пожитками собрались ночью порою, не уплатя доимочных за 764 и за нынешний годы окладных денег, своевольно ушли», говорилось в «доношении» Ахтырской полковой канцелярии в Белгородскую губернскую канцелярию. Крестьяне, объясняя причины, заставившие их бежать, писали в Белгород, что они выполняли все повинности, платили подушные подати и другие денежные поборы своевременно и без «недоимок». Однако, жаловались крестьяне, тяжелые поборы и требования с каждым годом увеличивались. «И за тою великою, положенною на них отягощенною работою, и за частыми разными многими денежными и хлебными сборами, також за малоимением в том селе Криничном пахотной земли и сенных покосов, от чего мы, именованные, пришли в немалую скудность, и за тем по неустерпимости своей за показанным господином, князем Кантемиром, в одном селе Криничном жить не желаем».

23 апреля 1765 г. криничане обратились к приказчику Кантемира А. Чернявскому с просьбой, чтобы тот дал им письменное разрешение на переселение в другое место. Приказчик в ответ на просьбу отобрал у крестьян много имущества и запретил куда-либо уходить. Поэтому, заявляли криничане, «по неустерпимости оставя все свое жилище и всякие пожитки и с того села. Криничного с женами и с детьми своими вышли». Организаторами побега были местные крестьяне В. Великий и Д. Мигаль.

Впоследствии один из беглецов М. Кабанченко на допросе заявил, что некоторые криничане намеревались идти в Бурлук,

¹ ХФЦГИА, ф. 399, д. 205, лл. 112—114.

Изюмского полка, другие — в Артельну, Белгородского уезда, он с своей семьей — в с. Алексеевка помещика Н. Трубецкого в Острогжском полку. Около Краснополя, на территории Сумского полка, беглецов настиг ахтырский полковой хорунжий Линецкий с отрядом казаков в 200 чел. Он предложил крестьянам возвратиться к своему помещику, на что получил единодушный отказ. По приказу Линецкого 3 казака открыли оружейный огонь по «ослушникам». Тогда крестьяне, по словам М. Кабанченко, «все вдруг с имеющими у них киями, кольем и остами бросились» на казаков «и били их кто кого чем попал». Преследователи вынуждены были отступить. Линецкий обратился к приказчику помещицы Юсуповой Суджанскому в с. Ракитное за помощью. Беглецы в свою очередь просили Юсупову принять их «в подданство». Пользуясь случаем, княгиня пообещала беглецам некоторые льготы и взяла их под защиту.

Ахтырская полковая канцелярия 16 мая обратилась в Белгородскую губернскую канцелярию с просьбой повлиять на княгиню Юсупову и вернуть крестьян помещику Кантемиру. На этом документ обрывается, и неизвестно, чем закончилось дело¹. Этот факт свидетельствует о массовом характере побегов крестьян и грызне крепостников между собою за рабочие руки.

Убежало много крестьян из с. Злодеевка (Сыроватка), принадлежавшего сотнику Сумского полка П. Кигичу. В «промемерии» Сумской провинциальной канцелярии в Белгородскую губернскую канцелярию 22 августа 1765 г. говорилось, что крепостные Кигича бежали в экономические слободы Пушкарную, Грайворон, Колотиловку, Вязовую, Борисовку и в сл. Петровская П. Шереметьева. Кигич обвинял крестьян в неуплате подушных податей, в хищении и порче имущества и в других преступлениях. Крестьяне К. Кошка, Г. Мищенко, А. Руденко, К. Артюшенко, Я. Мироненко и Я. Кулиниченко заявляли, что весной 1765 г. расплатились с помещиком и самовольно перешли в отписанную от монастыря в казну сл. Вязовая, затем перешли в сл. Илек, принадлежавшую князю Н. Шаховскому. Они писали в канцелярию Слободско-Украинской губернии, что во владении Кигича жили несколько лет, платили казенные подати исправно, но Кигич «сверх указанных податей» налагал на них ежегодно большие повинности в свою пользу, из-за чего они «пришли в крайнюю скудость и разорение, и так, что почти и дневного пропитания лишились было»².

Сумская полковая канцелярия 22 августа 1765 г. поручила своему канцеляристу Протопопову вернуть всех беглых крестьян Кигича в Злодеевку. Однако из этого ничего не вышло.

¹ ХФЦГИА, ф. 406, д. 410, лл. 1—3, 10—17.

² Там же, ф. 381, д. 8, лл. 1—2, 14, 40—41, 49.

В «доношении» Сумской провинциальной канцелярии в Белгородскую губернскую канцелярию 12 января 1766 г. говорилось: «И по резолюции оной канцелярии для высылки показанных подданных посылаемы были нарочны», но «за противностью» владельцев беглецы не возвращены. Тогда из Сум был послан подпрапорный Подольский с «нарочными» людьми по селам: в Грайвороне «за отлучкою управляющего Мухина не выдали беглецов», в д. Коровина «по укрывательству тамошнего смотрителя живущих тамо подданных не выслано», в сл. Пушкарная управитель А. Козакеев на требование Подольского выдать беглых людей «учинясь противен, объявляя разные противные отговорки с конечным объявлением, что тех подданных не вышлет»¹.

Ярким примером гзызни помещиков из-за рабочей силы является уход 16 крестьян из с. Буды (около Вольного) помещика Г. Мартынова в сл. Мощанская (под Олешней) помещицы Надаржинской в 1772 г. По решению Слободско-Украинской губернской канцелярии из Вольного в сл. Мощанская был направлен прапорщик Кужелев с отрядом служилых людей для возвращения беглых крестьян помещику. Его отряд в Мощанской встретил атаман Попов, «собравшись многолюдственно, с дубьем, кольями и косами», Кужелеву с трудом удалось бежать, захватив 2 крестьян, в Олешню. Когда отряд в 60 чел. сопровождал этих беглецов в Вольный, атаман Попов, «набежав на пути с подданными человек до трехсот с нарядным делом, с ружьем и дрекольем тех взятых черкас беглых отбили».

Губернская канцелярия постановила привлечь к ответственности Т. Надаржинскую и ее управляющего Попова. Прибывший для расследования дела в Мощанскую вахмистр Кравцов беглых крестьян не нашел, они, якобы, ушли на новое неизвестное место. Но, как впоследствии выяснилось, Надаржинская, стремясь сохранить рабочую силу в своих руках, скрывает беглых крестьян во владении княгини Юсуповой в лесу под с. Ракитное².

Острым столкновением сопровождалось бегство крестьян в 1765 г. от ахтырского полковника Боярского³. Бывший ахтырский полковой судья И. Карпов 26 июля 1773 г. жаловался в Белгородскую губернскую канцелярию, что из его с. Костевка, Вольновского уезда, в ночь на 29 апреля бежали «безвесно» куда крестьяне Д. Сукрута, Г. Иванченко, К. Гальченко и др. Затем помещик узнал, что его беглые крестьяне устроились у помещиков в с. Безгиновка, Новооскольского уезда, в с. Долбино, Белгородского уезда. При попытке Карпова вернуть беглецов собственными усилиями, в Безгиновке его крестьян

укрыли, а в Долбино не допустили даже осмотреть дворы беглецов¹.

В с. Веселое, Сумского уезда, 8 семей (24 чел.) крестьян местного сотника Ямпольского стали готовиться к побегу. Их организатором был И. Близинок. Заметив это, Ямпольский забрал у них весь скот и приказал слугам зорко за ними следить. Крестьяне обратились за помощью к жителям соседних сел. 20 апреля 1765 г. группа крестьян из сел Поповки, Видневки и Чернетчины — В. Дьяченко, С. Шевченко, К. Вороненко, П. Кузьменко и др., вооруженные косами и кольями, напали на усадьбу Ямпольского в Веселом и разгромили ее.

Крестьяне отобрали у помещика свой скот, взяли из его амбаров 43 чети зерна и уехали. Жители соседних сел проводили беглых, охраняя от возможной погони, на протяжении 20 верст от Веселого. Беглецы остановились в имении сумского полкового обозного Савинова. На основании жалобы Ямпольского дольковая канцелярия предложила Савинову вернуть беглых крестьян их владельцу, на что тот ответил отказом².

Таким образом, побеги крестьян на Слобожанщине из отдельных уходов во второй половине XVII в. выросли в массовые побеги в 60-х годах XVIII в., нередко превращаясь в вооруженные схватки с крепостниками.

Участилось также открытое неповиновение крестьян своим помещикам, казаков старшинам, жители разных селений отказывались выполнять казенные повинности. Еще при Петре I, в 1704 г., жители Маяка отказывались платить рублевый сбор. Жители Сенного в 1731 г. отказались подчиниться есаулу Шарому. Количество таких отказов росло с каждым десятилетием³. Волна отказов казаков, их свойственников и подпомощников повиноваться старшинам прокатилась по Ахтырскому полку в 1763—1764 гг. Крестьяне ряда сел отказались подчиниться своим помещикам и записались на Украинскую линию и в пикинерские полки. В этом движении немалую роль сыграл своими призывами к неповиновению ахтырский житель Яготинец, который за это по указу Сената в 1767 г. был сослан в Нерчинск на каторгу⁴.

Подобные случаи происходили и в других полках. Изюмские казаки в 1764 г. не приняли назначенного им полковника Краснокутского. Острогожские казаки отказались подчиниться новому сотнику Бедряге. Управляющий имением графа П. Девиера

¹ ХФЦГИА, ф. 406, д. 280, лл. 1. 4.

² Там же, ф. 381, д. 2, лл. 1—2, 13; ф. 379, д. 472, лл. 14—17; ф. 399, д. 618, лл. 1—12.

³ Там же, ф. 353, д. 23, л. 1; ф. 27, д. 20, лл. 1—2; д. 21, лл. 76—80.

⁴ Там же, ф. 404, д. 64, лл. 84—87; д. 66, л. 68; д. 159, лл. 509—511; ф. 399, д. 489, л. 8.

¹ ХФЦГИА, ф. 381, д. 8, лл. 24—25, 53.

² Там же, ф. 374, д. 231, лл. 1—2, 8, 20.

³ Там же, ф. 26, д. 221, лл. 1—63.

23 июля 1766 г. жаловался на неповиновение крестьян¹. Он писал в канцелярию Слободско-Украинской губернии, что в сл. Петровская, Корочанского уезда, «подданные черкасы неведомо с какого умысла или чьего наущения учинясь сильные и противны как его, приказчика, так и никого не слушают и господской работы делать тож и казенных податей платить не хотят и так возбуждая, что неточию означенному приказчику там быть, но для досмотру той слободы и прочим ехать туда весьма опасно»².

В связи с реформой Слободско-Украинских полков казаки, как известно, были переведены на положение войсковых обывателей и обложены подушной податью. Это вызвало недовольство среди казаков-крестьян, произошли новые выступления.

21 декабря 1765 г. жителям г. Изюма был прочитан указ Екатерины II о том, что они переводятся из казаков в войсковые обыватели и облагаются подушной податью по 95 коп. на душу. Изюмчане согласились одновременно внести по 95 коп., но отказались от ежегодного взноса подушной подати и не избрали постоянных «раскладчиков» для сбора подати. Жители сл. Андреевка поступили смелее. Они «не токмо оных раскладчиков, но и 95 копеечного окладу по многому де от него увещаванию принести не пожелали». Жители местечка Соколова «раскладчиков выбрать не хотели, а потом выбранные к присяге не пришли и тем учинили немалую остановку»³.

По распоряжению губернатора Щербинина 2 января 1766 г. в Андреевку прибыло 2 эскадрона войск. Жители села держались дружно — «все единогласно объявили себя зачинщиками». Карателям пришлось арестовать только часть людей — 213 чел. были закованы в колоды и отправлены в изюмскую тюрьму⁴.

Жестокая расправа с войсковыми обывателями в Андреевке не запугала слобожан. Так, 7 января 1766 г. жители Балаклеи отказались избирать «раскладчиков» и платить подати. 9 января против подушной подати выступили жители сел Огульцов, Одринки, Черемушного, 15 января — жители Левковки⁵. Протесты против обложения подушной податью казаков и введения новых порядков были и во многих других местах края. Хотя самодержавно-крепостнические силы брали верх, тем не менее такие выступления продолжались. Они свидетельствовали о том, что слободско-украинское казачество не шло покорно в крепостническое ярмо, а боролось всеми способами против каждого мероприятия крепостников.

Распространенной формой антикрепостнической борьбы на

Слобожанщине являлась порубка помещичьих лесов. Классовые столкновения в такой форме имели место уже в XVII в., но тогда они происходили редко, так как леса находились в общинном владении. С ростом селитроварения, винокурения и других промыслов значение лесов выросло. С конца XVII и в первой половине XVIII в. помещики разными путями захватили массу лесных угодий в свои руки. Крестьяне, испытывая острую нужду и в строевом лесе, и в дровах, нередко собирались целыми селами и рубили помещичьи леса. Такие порубки происходили в Валковских, Огульчанских и в других лесах в 40—50-х годах XVIII в.¹.

По неполным сведениям, в 1761—1765 гг. произошло 26 порубок леса: в Валках и Шляховой, принадлежавших помещикам Капнистам и Куликовским², в Золочеве и Люботине у помещицы Спичинской³, под Ахтыркой у Михлашевских⁴, в Харькове и Литовке у Надаржинской, в Рублевке у сотника ахтырского полка Быковского, под Сумами у разных старшин. В 1763 г. Дивногорский монастырь жаловался Острогожской полковой канцелярии, что казаки самовольно рубят его лес⁵. В следующем году в Высшей Сыроватке рубили лес у сумского писаря Коссовцева, в Лебедине у полкового обозного Красовского, в Змиеве у помещицы Бонческул⁶, в Андреевке у сотника Мейера, в Ворожбе у казацких старшин⁷ и т. д.

Часть угнетенных людей, не желая мириться со своим подневольным положением, избрала своеобразную форму борьбы, названную гайдамачтиной. Гайдамаки составляли небольшие подвижные отряды, скрывавшиеся в лесах и степях. Они нападали на помещичьи дворы и дома, преимущественно внезапно и в ночное время. Гайдамацкое движение возникло на Правобережной Украине, затем распространилось на Левобережье и Слобожанщину.

Известные сведения о появлении гайдамаков в Слободских полках относятся к 1756 и 1758 гг., нападавших на старшинско-помещичьи усадьбы⁸. Это движение широко развернулось в 60—70-х годах XVIII в. Летом 1761 г. неизвестные люди внезапно напали на двор казацкого старшины Обозного в с. Савиново, Сумского полка, и разгромили его. В 1763 г. гайдамаки

¹ ХФЦГИА, ф. 31, д. 249, лл. 1, 17; д. 250, л. 1; д. 28, лл. 1—47.

² Там же, д. 542, лл. 1—6; д. 543, лл. 1—6, д. 668, лл. 1—91; ф. 404, д. 108, лл. 518—519.

³ Там же, ф. 31, д. 673, лл. 1—61; д. 687, лл. 1—10, д. 719, лл. 1—24; ф. 404, д. 72, лл. 155—180; д. 69, лл. 17—22, 110, —113; д. 157, л. 17.

⁴ Там же, ф. 404, д. 28, лл. 73—83; д. 56, лл. 3—19; ф. 406, д. 199, лл. 1—8.

⁵ Там же, ф. 27, д. 106, лл. 1—7; ф. 404, д. 72, лл. 151—153; д. 42, л. 12, д. 63, лл. 122—128; ф. 29, д. 64, лл. 1—2.

⁶ Там же, ф. 404, д. 93, лл. 148—150; д. 108, лл. 522—528.

⁷ Там же, д. 108, лл. 518—519; д. 137, лл. 13—18.

⁸ Там же, ф. 31, д. 373, лл. 38—42; д. 414, лл. 1—68.

¹ ХФЦГИА, ф. 404, д. 149, лл. 166—171; д. 29, лл. 88—91.

² Там же, ф. 399, д. 205, л. 57.

³ Там же, д. 50, лл. 2, 24—27.

⁴ Там же, лл. 28, 32, 34.

⁵ Там же, лл. 2, 4; д. 205, л. 1.

произвели нападение на дом ахтырского полковника Боярского¹. В 1764—1766 гг. гайдамацкие отряды действовали в районах Валок, Водолаг, Снежкового Кута, Мерчика, Змиева, Тарановки, Алексеевки, Бахмута и др.². В 1769 г. гайдамаки были в Гомольше, в 1770—1771 гг. — в Сватовой Лучке, Змиеве, Торе, Валках, Ольшане, Мерефе, Березовой Луке и т. д.³.

В переписке по поводу нападения гайдамаков на дом сотника А. Бедряги в д. Лазуновка, в 7 верстах от Змиева, говорится, что налет произошел в ночь на 16 июля 1770 г. во время отсутствия сотника. Гайдамаки забрали много одежды, металлической посуды, седел и других хозяйственных предметов. Несколко при иных обстоятельствах было совершено нападение в сл. Юрьевка на усадьбу сотника Сошальского 13 августа 1770 г. Сошальский, получив от Сватолуцкого комиссарства предписание, выехал со своими вооруженными людьми в окрестности слободы на розыски появившихся гайдамаков. В урочище Ровчаковой Балки на отряд напали гайдамаки. Убив сотника, они зашли в его дом, забрали все имущество и скрылись⁴.

Гайдамацкие отряды на Слобожанщине состояли из слобожан и людей, пришедших из Запорожья, Полтавщины и других мест. Согласно «доношению» управляющего помещика Р. Шидловского от 14 июля 1762 г. в нападении гайдамаков на усадьбу в с. Мерчик в августе 1759 г. принимали участие его беглые крепостные Степан и Григорий и люди из Левобережных полков⁵. В 1766 г. жители м. Лимана Д. Босяк и его сын Корней «условились» с М. Педенко, послушником Змиевского монастыря Максимом и гусаром Изюмского полка И. Рябчинским уйти в гайдамаки. На следствии выяснилось, что они шли в монастырский лес, где собрался отряд в 40 чел. из крестьян соседних сел. Вот список гайдамаков, схваченных властями в Острогской провинции в 70-х годах: А. Поляков, беглый луганский пикинер, Г. Кривой, запорожский казак, Жерновой «с 24 товарищами», беглый крестьянин торского помещика Адаменко, А. Кушка, беглый крестьянин помещика Сошальского, Е. Самойленко, крепостной Святогорского монастыря⁶.

Приведенные сведения показывают, что гайдамаки на Слобожанщине в основном состояли из местных людей. Гайдаматчина представляла собой своего рода партизанскую форму

¹ ХФЦГИА, ф. 30, д. 61, лл. 1—17; ф. 404, д. 42, л. 12.

² Там же, ф. 31, д. 639, лл. 1—86; д. 700, лл. 1—67; ф. 402, д. 53, лл. 27—29, 313, 319, 337, 399—400, 473—480; д. 60, л. 173.

³ Там же, ф. 399, д. 520, л. 89; ф. 378, д. 19, лл. 70—110; ф. 379, д. 1046, л. 11; ф. 399, д. 664, лл. 38, 50—52; д. 798, лл. 1—30; д. 817, лл. 1, 10—12, 164; д. 818, лл. 5, 46—47; д. 1653, лл. 1—84; д. 721, т. I, лл. 1—204, т. II, лл. 1—160.

⁴ Там же, ф. 370, д. 199, лл. 158—160, 249—253.

⁵ Там же, ф. 31, д. 591, лл. 2—10.

⁶ Там же, ф. 378, д. 19, лл. 11—16; ф. 399, д. 659, лл. 1—20; д. 746, лл. 1—39; д. 897, лл. 153—162; д. 994, л. 39; д. 1342, лл. 1—87.

борьбы угнетенных против угнетателей, вместе с тем гайдамацкое движение способствовало активизации выступлений крестьян против крепостничества в третьей четверти XVIII в.

Крестьяне все чаще открыто громили помещичьи усадьбы. Еще в 1726 г. изюмские казаки напали и разорили лысогоровское имение графа П. Шереметьева. Изюмчане объясняли свой поступок тем, что Шереметьев присвоил принадлежавшую им землю по подложным купчим¹. В 1750 г. жители с. Бакировка, Ахтырского полка, выступили против помещиков Надаржинских. В 1762 г. крестьяне с. Мерчик, Харьковского полка, разорили имение помещика Р. Шидловского. В 1763 г. казаки с. Сырватка захватили скот, принадлежавший помещикам Кондратьевым. В том же году жители с. Поречное отобрали у старшины В. Давыдова участок леса и сенокоса. В 1764 г. крестьяне сл. Мошенка, Сумского полка, самовольно распахали землю сотника Ямпольского².

Открытые выступления крестьян против помещиков, судя по документам, особенно участились с 1766 г.³, что было связано с усилением в то время гайдамацкого движения. О создавшемся тогда положении красноречиво свидетельствует рапорт управляющего Макарова графу И. Гендрикову в июне 1766 г.: «По Валуйскому уезду ни одной слободы в спокойствии не состоит». Крестьяне «забунтовали» в селах Никитовке Н. Трубецкого, Белокуракиной, Танюшевке и Александровке А. Куракина, в Погромце П. Девиера, в Голофеевке Л. Головина, в Новомихайловке П. Арапова и в Прищевке И. Гендрикова⁴. То же происходило во многих других местах Слобожанщины. Майор Уткин, например, 22 августа 1766 г. писал в Слободско-Украинскую губернскую канцелярию, что ему дан приказ вместе с обер-офицером и 4 рядовыми Острогжского гусарского полка отправиться в помещичьи слободы Михайловку, Павловского уезда, Воронцовку и Александровку, Добренского уезда, Бутурлиновку, Козловского уезда, и привести крестьян к «послушанию».

Губернаторы Слободско-Украинской, Белгородской и Воронежской губерний мобилизовали Сумской, Ахтырский, Харьковский, Изюмский и Острогжский гусарские полки, служащих губернских и провинциальных учреждений⁵. Была вооружена зажиточная часть войсковых обывателей, организовано наблюдение за населением и передвижением гайдамацких отрядов, срочно направлялись воинские команды на места волнений.

¹ ХФЦГИА, ф. 28, д. 34, лл. 1—47.

² Там же, ф. 27, д. 55, лл. 1—25; ф. 36, д. 591, лл. 1—73; ф. 404, д. 157, л. 25; ф. 30, д. 76, лл. 1—15; д. 70, лл. 1—15.

³ Там же, ф. 399, д. 84, лл. 1—69.

⁴ Там же, д. 205, лл. 62—65.

⁵ Там же, лл. 80, 85, 134—135, 137, 139; д. 514, лл. 1—109.

Крестьяне оказывали стойкое сопротивление карателям. Руководитель карательных отрядов сообщал в Слободско-Украинскую губернскую канцелярию 12 октября 1766 г.: «Сего числа получен мною от сержанта Коробицына, посланного в слободу Пены ради усмирения помещикам Кигичам в должное повиновение отданных в подданство людей, рапорт, доставляющий сведение, что оные подданные черкасы не токмо на то повиновение не поступают, но еще имеют многолюдное собрание»¹.

С большим трудом крепостникам удалось подавить выступления крестьян в сл. Пены, в сл. Михайловка и в остальных селах².

Участие слобожан в крестьянской войне под предводительством Емельяна Пугачева

Обострение антикрепостнической борьбы на Слобожанщине в 60 — начале 70-х годов XVIII в. являлось составной частью классовой борьбы во всей стране, вылившейся в крестьянскую войну 1773—1775 гг. под предводительством

Е. Пугачева. Она началась в южном Приуралье и вскоре распространилась на Поволжье и другие районы, достигнув Слобожанщины и Левобережной Украины. Проникнутые общим желанием уничтожить феодально-крепостнический гнет, русские и украинские крестьяне, народности Приуралья и Поволжья совместно поднялись на борьбу против крепостников и крепостничества.

Зная о тяжелом положении народных масс, Е. Пугачев с первых же дней своего выступления обратился ко всем угнетенным с манифестом. Он призывал изгонять и уничтожать крепостников, обещая крестьянам различные льготы. Экземпляры манифеста распространялись и на Слобожанщине. Здесь действовали посланцы Е. Пугачева, призывая трудовой народ к восстанию.

Письма и призывы Е. Пугачева, рассказы участников восстания о событиях на Урале и Поволжье, о самом руководителе восстания вызвали волнения крестьян и городской бедноты. Слобожане всячески помогали людям, называвшим себя посланцами Пугачева³.

Крестьянское движение на Слобожанщине в связи с восстанием под руководством Пугачева особенно широко развернулось начиная с лета 1774 г., в то время, когда главные силы повстанцев перенесли свои действия с Урала на Поволжье, активизировалась борьба крестьян Пензенской и Тамбовской губерний. Отсюда движение распространилось на Воронежскую губернию

¹ ХФЦГИА, ф. 401, д. 256, л. 7.

² Там же, ф. 399, д. 205, лл. 123—124, 134—135.

³ Там же, д. 904, лл. 40—41; д. 776, лл. 263—268; д. 905, лл. 38, 39, 44.

и Острогожскую провинцию. Больше, чем в предыдущие годы, появилось на Слобожанщине гайдамацких отрядов, нападавших на помещичьи усадьбы¹. Происходили волнения в селах Груни, Васильевке и Екатериновке, Лебединского комиссарства. Крестьяне Печенег и Мартовой произвели массовую порубку леса, принадлежавшего харьковскому Покровскому монастырю², и т. д.

Обстановка предвещала массовое восстание. Напуганные крепостники срочно приняли ряд мер. По указу Екатерины II в начале августа 1774 г. на Слобожанщине была проведена мобилизация всех отставных унтер-офицеров, капралов и подпрапорных, а также помещичьих взрослых сыновей «с ружьями и саблями». В первую очередь мобилизацию провели в Острогожской и Изюмской провинциях, т. е. на территории, граничащей с районами восстания. Все мобилизованные 8 августа прибыли в Острогожск и Изюм³. Были взяты на учет и приведены в боевую готовность «унтер-офицеры и прочие нижние чины» в Ахтырской, Харьковской и Сумской провинциях, перераспределено вооружение крепостей. Так, например, часть пушек из Острогожска перевезли в Урыв⁴. Установлено было тщательное наблюдение за настроениями крестьян и появлением повстанческих отрядов.

В этих условиях крестьянским массам Слобожанщины трудно было подняться на восстание, поэтому протест против угнетателей ограничился мелкими локальными выступлениями в разных местах и переходом небольших групп слобожан в армию Е. Пугачева. Из решения Слободско-Украинской губернской канцелярии от 9 января 1775 г. мы узнаем об участии украинских крестьян в восстании Е. Пугачева. Среди захваченных в плен под Царицыном повстанцев были украинцы, из которых на следствии 19 чел. назвали себя слобожанцами. Их отправили на родину для завершения следствия, из них по дороге бежало 2, умерло 10 и доставлено в Острогожск 7 чел.: С. А. Кунденко — крепостной из с. Закобылино, Сумской провинции, Р. И. Солошенко и А. А. Полтавченко — крепостные из сл. Алексеевка, Острогожской провинции, К. К. Гаркавенко — крепостной из с. Снежков Кут, Валковского комиссарства, И. П. Чигиринченко и К. Е. Черевяченко — крепостные из сл. Мотовка, Ольшанского комиссарства, Д. Г. Криворученко — крепостной из Сосницы (Черниговщина). В местных комиссарствах они были жестоко наказаны батогами и возвращены помещикам⁵.

В марте 1775 г. Саратовская воеводская канцелярия выслала

¹ ХФЦГИА, ф. 399, д. 905, л. 147; д. 1383, лл. 45—46.

² Там же, д. 776, лл. 961, 993, 1061.

³ Там же, ф. 379, д. 1736, лл. 8—9; ф. 399, д. 905, л. 29.

⁴ Там же, ф. 379, д. 1736, лл. 17, 18, 25; ф. 399, д. 905, л. 147.

⁵ Там же, ф. 399, д. 1016, лл. 20—23, 26, 38—39, 41—42.

по этапу в Харьков слобожан, участников восстания Пугачева: С. Федорова, С. Подлесного из с. Межиричи, Сумской провинции, К. Аленченко, А. Шланцова и А. Шаповаленко из слобод Острогожской провинции, И. Ткача из с. Огульцы, Харьковской провинции, и В. Тищева из с. Журавка, Прилуцкого полка. По «именному соизволению» царицы всех их, за исключением С. Федорова, В. Тищева и А. Шаповаленко, «нешадно» наказать «под виселицею плетьми» и разослать «в прежние жительства». В июне прислан из Ростова-на-Дону в Харьков список для розыска участников восстания, в котором значились: К. Никифоров из сл. Калитва и Н. Петров из сл. Михайловка, Острогожской провинции; М. Коваленко из сл. Соколов, Мерефянского комиссарства¹.

Губернатор Щербинин вместе с украинскими и русскими помещиками, опираясь на армию, сделал все для предупреждения общего восстания на Слобожанщине, однако приведенные факты свидетельствуют о том, что крестьяне края активно участвовали в крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева.

Выступления крестьян в последней четверти XVIII в.

Классовая борьба в крае, как и во всей стране, продолжала обостряться. Крестьяне, вопреки запретам, жаловались правительству на помещиков и чиновников. Подача жалоб не приносила пользы крестьянам, поэтому им приходилось все чаще обращаться к другим средствам борьбы, среди которых значительное место продолжали занимать побег.

Побег крестьян в последней четверти XVIII в., как и прежде, были одиночными и групповыми. В это время убежали крестьяне помещиков Квиток из Криничного, Попова, Лукашева и Загрядского из Чугуева, Шидловских из Петропавловки² и др. В 1777 г. группы крестьян бежали из с. Бугаевка, Валковского комиссарства, и с. Боровенки помещика Романова³. При отписании сел Злодеевка и Угроед от помещика Кигича в казну в 1785 г. выяснилось, что в бегах из этих сел находится 213 ревизских душ. Убежали крестьяне из экономий Кондратьевых в Сумской провинции⁴. По неполным сведениям, в 1775—1780 гг. бежали крестьяне от 17 и в 1795—1800 гг. — от 25 помещиков⁵.

¹ ХФЦГИА, ф. 399, д. 1016, лл. 50, 62, 63, 66, 67.

² Там же, ф. 403, д. 28, л. 683; ф. 370, д. 342, лл. 1—35; д. 336, лл. 1—15; д. 368, лл. 1—7; ф. 665, д. 1116, лл. 58—60.

³ Там же, ф. 414, д. 4, лл. 2, 3, 6, 7, 13, 14; ф. 381, д. 64, лл. 1—2.

⁴ Там же, ф. 666, д. 55, лл. 2—7, 84—88; ф. 760, д. 1072, л. 1.

⁵ Там же, ф. 403, д. 80, л. 180; д. 65, л. 60; д. 61, лл. 36—39; д. 52, лл. 190—191; ф. 370, д. 342, лл. 1—35; д. 336, лл. 1—15; д. 368, лл. 1—7; д. 398, лл. 1—11; д. 408, л. 1; ф. 381, д. 64, лл. 1—2; ф. 414, д. 4, лл. 2, 3; ф. 399, д. 1739, лл. 1—17; ф. 366, д. 109, лл. 5—7; д. 102, л. 24.

Помещик Т. Лисаневич сообщал властям 23 мая 1790 г., что 11 мая его крепостные сл. Саприна, Калитвянского уезда, атаман В. Шевченко, Т. Левченко, К. Задорожный, «сговорясь с прочими подданными со всеми их семействами, женами и детьми и имуществом и со скотом, всего 42 семьи, ночным временем бежали». За ними была снаряжена погоня, «но за имеющимися у них разными орудиями, взять было оных беглецов не можно». Однако не всем им удалось далеко убежать. Около 20 семей было задержано и возвращено помещику¹.

В ночь с 6 на 7 июня 1790 г. из этой же слободы бежали крепостные И. Косик, Я. Мусей, А. Войтенко «с товарищи», с семьями и всем своим имуществом, «собравшись с ружьями, пистолетами и кольями, всего человек до трехсот»². И на этот раз погоне удалось переловить и возвратить Лисаневичу лишь часть беглецов.

Между помещиками продолжались столкновения из-за рабочей силы. Об этом красноречиво говорят документы по делу о бегстве крестьян помещика Бугаевского из д. Бугаевка. Сначала из Бугаевки бежало несколько семей со своими «пожитками». В ночь на 14 июля 1780 г. часть жителей этой деревни «взбунтовалась» и начала готовиться к побегу. Атаман попытался удержать их. В скором времени в Бугаевку приехали крестьяне из соседнего имения Куликовского. Они связали атамана и дворовых людей, которые препятствовали сбору крестьян к побегу, «а потом, взяв тех моих, — писал Бугаевский, — подданных со всеми их семействами и пожитками» и скотом даже тех, кто не уходил, повели на поселение в «дачу» Куликовского на р. Бритай, в Азовской губернии.

Слободско-Украинская канцелярия по предписанию Сената послала воинскую команду в слободу помещика Куликовского Михайловку, Азовской губернии, для возврата крестьян. Прибывшему в сл. Михайловка Бугаевскому приказчик Куликовского Г. Сабов заявил, что крестьяне, выведенные из Бугаевки, якобы бежали. Бугаевский забрал остававшийся скот, повозки и другое имущество беглых и отправился домой. На обратном пути, около сл. Шаховка, на них напал помещик Шахов со своими людьми, вооруженными кольями, цепами, косами и ружьями, и захватил весь скот и обоз с имуществом³. Надо полагать, что в нападении приняли участие беглые крестьяне, хозяева этого имущества, которых использовал в своих интересах помещик Шахов.

По-иному развернулись события в с. Пены. Бывшие казаки Сумского полка десятилетиями продолжали борьбу за освобождение

¹ ХФЦГИА, ф. 430, д. 197, лл. 1, 2, 5—7.

² Там же, д. 196, л. 1; д. 195, лл. 4—5.

³ Там же, ф. 417, д. 4, лл. 2—3, 6—7, 13—14.

дение от крепостников Кигичей. 13 октября 1776 г. поверенный Кигичей И. Плохинский сообщал слободско-украинскому губернатору Д. Норову, «что оные подданные... в послушание никак не приходят, а многие из них и вблизи лежащие Белгородской губернии, Обоянского, Карповского и Хотмыжского уездов в разные селения свои пожитки вывозят и скот выгоняют» и сами туда переходят.

Губернатор Норов 28 сентября предписал начальнику Слободского гарнизонного батальона послать в имение Кигичей воинскую команду. Карательный отряд в 60 солдат «со всем воинским прибором был отправлен в Пены «ко усмирению неповинующихся помещиком Кигичом подданных черкас».

14 декабря 1776 г. между карателями и жителями Пен произошла кровавая схватка. «При том усмирении,— рапортовал палач подполковник Тевяшов губернатору Норову,— пришлось убитых 17, раненых 15 человек жителей Пен»¹. Крестьяне Пен продолжали борьбу с Кигичами² и просили правительство записать их в войсковые обыватели.

С таким же требованием выступили жители сел Злодеевки (позже Высшая Сыроватка) и Угроед. Их вожаком стал отставной писарь, выходец из киевских казаков В. Басевский.

Борьба крестьян этих 3 сел затянулась на долгие годы. Сенат, наконец, вынужден был вынести решение: «Тех трех селений жителей, как они по делу действительно принадлежат казне, взять в казенное ведомство», утвержденное Екатериной II в марте 1784 г. Однако осуществление решения Сената затянулось, поэтому 11—12 октября того же года жители Пен, Злодеевки и Угроед разгромили дома помещиков Кигичей и заставили их покинуть села³.

13 октября в Угроеды прибыли 2-й Харьковский батальон и эскадрон Сумского конного полка. Между крестьянами и войском произошло столкновение, с обеих сторон были ранены. Каратели арестовали многих жителей села. Сотни крестьян, участвовавших в выступлении, были жестоко наказаны плетью. Руководителя крестьян бывшего писаря В. Басевского разжаловали и приговорили к каторге, но 29 октября 1787 г. он умер в харьковской тюрьме, в возрасте 40 лет⁴.

На Слобожанщине продолжали действовать гайдамацкие отряды. В 1776 г. произошел ряд нападений гайдамаков на помещичьи имения в Ахтырской и Харьковской провинциях,

в 1777 г. они нападали на хутор помещика Краснокутского в Дергачах, на имения помещиков Острогожской провинции и в других местах. Известно, что гайдамаки скрывались в купянских лесах в 1785 г. Тем не менее гайдамацкая форма борьбы крестьян против крепостничества постепенно затухала. В этом немало содействовали властям зажиточные крестьяне, а также крупные воинские команды, расквартированные во многих селах¹. Постоянными облавами и «прочесываниями» мест пребывания гайдамаков карателям удалось ликвидировать отряды крестьянских повстанцев.

Крестьяне, как и прежде, повсеместно рубили помещичьи леса: у Попова в Печенегах в 1776, 1789—1790 гг., у И. Гендрикова в Салтове в 1797 г., у Штеричевой под Острогожском и Павлинского в с. Новой-Белой в 1798—1799 гг., у Данилевского в с. Андреевке в 1797 г.² и т. д.

В Славянском уезде между шебелинскими казаками и помещиками фон Мейерами происходили столкновения из-за земли и леса. Сначала казаки жаловались властям на Мейеров, захвативших их общинную землю, лес и другие угодья. В 1786—1789 гг. шебелинцы судились с помещиками, однако приговор суда был в пользу крепостников. Казаки стали самовольно рубить лес для своих нужд. 14 марта 1793 г. 20 шебелинцев рубили лес в буераке, прогнав помещичьих слуг. 19 июня того же года шебелинцы потравили скотом 16 дес. посевов прося, принадлежавших Мейерам, и «целую неделю пахали землю». 1 июля казаки захватили часть скота Мейеров на спорной земле³ и т. д.

В 80-х годах XVIII в. завершилась секуляризация церковно-монастырских земель и передача крестьян в ведение казны на Слобожанщине. В связи с этим было немало случаев, когда крестьяне, находившиеся в частном владении у духовных лиц, стали добиваться передачи их в казенное ведомство.

В июле 1791 г. крестьяне Г. Кириченко «с товарищи» из д. Гнилица, Миропольского уезда, принадлежавшие миропольскому попу М. Шеховскому и другим духовным лицам, отказались повиноваться своим владельцам. По просьбе «духовных отцов» власти арестовали 32 крестьянина и продержали их несколько месяцев в тюрьме, где один из заключенных умер, остальных зверски избили и возвратили «по своим домам»⁴.

¹ ХФЦГИА, ф. 399, д. 1395, лл. 1—186; д. 1436, л. 30; д. 1612, т. I, лл. 1—196; т. II, лл. 197—294; д. 1653, лл. 1—84; д. 1535, лл. 1—190; ф. 632, д. 825, л. 22.

² Там же, ф. 665, д. 1116, лл. 212—215; д. 1183, л. 1; д. 40, лл. 1—2; д. 189, лл. 1—6; д. 561, лл. 1—9; д. 665, лл. 1—4; ф. 370, д. 337, лл. 1—8; ф. 454, д. 125, л. 1.

³ Там же, ф. 454, д. 125, лл. 10—113.

⁴ Там же, ф. 503, д. 1143, лл. 2, 6—7, 9, 27.

¹ ХФЦГИА, ф. 401, д. 2569, лл. 1, 4, 9, 11, 18, 19.

² ЦГАДА, ф. 2894, Суджанское комиссарское правление, оп. 1, д. 88.

³ ХФЦГИА, ф. 443, д. 30, лл. 50—51, 79—80, 90—103; д. 25, лл. 6—7; ф. 652, д. 205, лл. 7—11.

⁴ Там же, ф. 652, д. 205, лл. 13—15, 70—87; ф. 443, д. 30, лл. 104—105; д. 25, лл. 1—2; ф. 666, д. 60, лл. 9—10; «Сборник ХИФО», т. 5, стр. 207—271.

Все чаще и настойчивее крестьяне отказывались от выполнения крепостных повинностей: крестьяне сл. Слоновая в 1777—1778 гг. не ремонтировали плотину помещика Тевяшова; крепостные помещиков Зембулатова в Балаклее и Щербинина в с. Березовка в 1796—1797 гг. не хотели отбывать барщину; отказывались повиноваться помещикам и местным властям крестьяне с. Мостки, Кулянского уезда, крестьяне д. Штурмовая, Старобельского уезда¹. Жители сл. Алексеевка, Бахмутского уезда, в 1795 г. отказались работать на помещика А. Шахова².

Крестьяне дворцовых конюшенных слобод Курячевки, Морозовки, Алексеевки, Литвиновки, Городища, Колядовки, Баранниковки, Марковки, Никольской и Евсуга, Старобельского уезда, в 1797 г. запахали землю около 55 тыс. дес. и взяли под сенокос около 3412 дес. Казенная палата потребовала крестьян за самоуправство наказать и за пользование в течение года земель взыскать с них 3905 руб. 46 коп. Эта сумма составляла двойной годовой денежный оброк, получаемый казной за данную землю. Крестьяне заявили властям, что использовали землю по «простолюдству своему» и по «нужде». Запуганные угрозами, они вынуждены были согласиться выплатить требуемые деньги³.

Крестьяне с. Павловка, Сумского уезда, настойчиво отказывались работать на помещицу Кондратьеву. Подробности этого столкновения известны из судебного дела от 22 октября 1797 г. Сначала группа крестьян отказалась возить лес, закупленный помещицей, затем прекратила косить сено и убирать господский хлеб, «от чего в экономии оной Кондратьевой ощущается явный убыток». С помощью зажиточных крестьян соседних сел властям удалось подавить это выступление крепостных. Их вожаков А. Вернидуба, О. Зинченко, Н. Ищенко публично истязали плетью.

В начале 1797 г. в стране прокатилась широкая волна крестьянских выступлений. Жестоко подавляя антикрепостническое движение и в то же время опасаясь его роста, Павел I 5 апреля этого года издал манифест о «непринуждении крестьян работать в воскресные дни». Этот манифест практического значения не имел, между тем он послужил причиной новых столкновений между крестьянами и помещиками.

Так было в с. Хотень, Сумского уезда, когда писарь Осадченко в воскресенье 1 июня 1797 г. зачитал этот манифест местным крестьянам. В нем предписывалось дворянам: по воскресным дням крестьян на барщину не привлекать, 6 дней недели

должны делиться «по равному числу», т. е. 3 дня для крестьянского и 3 дня для помещичьего хозяйства¹. Выслуживаясь перед помещицей Кондратьевой, писарь от себя добавил, что «подданным должно работать господину всюю семьею, не исключая и десятилетних, три дня». Крестьяне запротестовали против объявленных требований и демонстративно вышли из церкви. Из них П. Сыченко, Е. Личманенко, Е. Гаевенко, К. Ларченко, М. Колодченко, И. Товстухенко заявили, что они вовсе отказываются подчиняться своей помещице. Власти арестовали инициаторов выступления. Слободско-Украинская губернская палата суда и расправы постановила: «Оных преступников на месте преступления наказать». Сыченко был приговорен к наказанию кнутом и ссылке в Иркутск. Прочих, говорилось в решении, «высечь нещадно плетьюми и отдать помещице». Вслед за хотенцами отказались повиноваться помещице Кондратьевой крестьяне с. Ястребное К. Пороскун, А. Рябцев, В. Гавриленко и др. Власти поступили так же, как и в предыдущем случае. Суд решил: Пороскуну дать 20 ударов кнутом, остальным — по 50 ударов плетью².

На почве неповиновения крестьян помещикам происходили частые столкновения в форме избиения помещиками и их слугами крестьян и, наоборот, — крестьяне избивали помещиков, их управляющих³.

На Слобожанщине, как и по всей стране, не прекращалась борьба рабочих людей против угнетателей. Работные люди, как известно, использовались на соляных, селитряных и других промыслах, на различных хозяйственных работах, на мануфактурах. По своему характеру движение рабочих людей, как и крестьян, являлось антикрепостническим. Формы борьбы также были в основном сходны с формами крестьянского движения. Это объяснялось тесными связями рабочих людей с крестьянством и общими крепостническими условиями труда. «Мануфактурный рабочий, — писал Ф. Энгельс, — живет почти всегда в деревне и находится в более или менее патриархальных отношениях со своим помещиком или работодателем»⁴.

Борьба рабочих людей была стихийной и неорганизованной. Основное требование приписных работников заключалось в стремлении вернуться в крестьянские хозяйства. Так, например, мастер Водолажского шелкового «завода» Н. Кучеренко писал

¹ ПСЗ, № 17910.

² ХФЦГИА, ф. 659, д. 148, лл. 3, 4, 10, 11; ф. 665, д. 78, лл. 69—73; д. 78, лл. 253—259.

³ Там же, ф. 665, д. 659, лл. 1—3; д. 274, лл. 1—3; д. 218, лл. 1—13; д. 652, лл. 1—3; д. 661, лл. 1—6.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 326.

¹ ХФЦГИА, ф. 413, д. 438, лл. 1—2, 37; ф. 399, д. 1646, лл. 1—20; ф. 659, д. 5, л. 8; ф. 665, д. 1185, л. 149; д. 1210, лл. 1, 6, 7.

² Там же, ф. 632, д. 730, лл. 1—5; д. 944, лл. 1—23.

³ Там же, ф. 665, д. 1254, лл. 1—18.

в июне 1798 г. слободско-украинскому губернатору: «По выбору меня в ученики состоящей в Водолагах шелковой завод 1774 году, где я и продолжал во все 24-летнее время в оном службу без отлучно,... я имею жену, а детей моих малолетних пропитать их нет моей возможности, будучи беспомощным и дохожу до крайней бедности; то сим вашего превосходительства осмеливаюсь утверждать о увольнении меня от шелкового завода»¹. Вместе с тем, в выступлениях рабочих людей, особенно мастеровых, проявлялись отличительные черты, заключавшиеся в требованиях своевременной выдачи платы за труд и повышения жалованья.

Формы борьбы преобладали пассивные: жалобы, просьбы и побег. Постоянные рабочие люди и мастеровые Глушковской суконной мануфактуры жаловались правительству в 1726 г. на задержку жалованья и просили выдать им заработанные деньги². Рабочие люди, особенно приписные, часто выражали свой протест против гнета побегими. В 30-х годах XVIII в. как известно, строилась Украинская линия. На ее строительстве работали по наряду казаки и помещичьи крестьяне Слободских и Левобережных полков. Люди трудились посменно по несколько месяцев. Условия труда были очень тяжелыми и приводили к разорению личного хозяйства работавших. Это толкало людей на побег со строительства крепостей³.

Бежали приписные рабочие люди с Торских и Бахмутских соляных промыслов. В переписке полковых канцелярий и Чугуевской воеводской избы содержатся сведения о том, что многие люди по наряду не являлись на место работы. В «памяти» чугуевскому воеводе 1671 г., например, указывалось, что чугуевцы, которые по наряду должны были работать на торских казенных солеварнях, не явились⁴. Из «промемории» бахмутской соляной конторы в 1733 г. в Харьковскую полковую канцелярию явствует, что Харьковский, Изюмский и Острогожский полки должны были прислать на работу в Бахмут на заготовку дров и выварку соли по 200 чел., явилось же из Острогожского 96, Изюмского — 104 и Харьковского 13 чел., всего 213 чел.⁵.

Многие люди, прибывавшие на работу, не отбыв срока, убежали. Документы указывают на такие побег во второй половине XVII и в первой половине XVIII в. Но особенно много сведений сохранилось со второй половины XVIII в.

В мае 1753 г. бежали с торских солеварен рабочие люди Н. Зубченко и Я. Тяглов из Вольновского уезда и 3 чел. из Пу-

тивльського уезда¹, в 1761 г. убежали А. Трофименко и И. Кучеренко². Из рапортов надзирателей торских и бахмутских солеварен известно, что в 1764 г. оставили работу люди, присланные из многих сел и слобод Путивльского, Белгородского, Нежегольского, Карповского, Валуйского, Хотмыжского и Салтовского уездов³. Бежало много рабочих людей, в частности, в 1769, 1770 и 1771 гг.⁴.

По реестру, составленному в 1768 г. управляющим селитряными «заводами» Милорадовича в Лимане и Андреевке Рошинским, числилось 19 беглых рабочих людей. В переписке по поводу их розыска указывалось, что они взяли деньги на свое содержание по 1—2 руб. и по договору должны были работать все лето, но ушли задолго до срока⁵.

В следственных материалах по делу владельца Глушковской мануфактуры И. Дубровского за 1726—1727 гг. отмечено, что после ареста последнего с мануфактуры бежало 68 чел.⁶ В ведомости за 1763 г. в числе беглых значится 1 русский мастеровой⁷. В 90-х годах побег с этой мануфактуры приобрели более широкий размах. Приписные крестьяне и мастеровые, возмущенные грубым отношением хозяина и его приказчиков, уходили целыми группами. 23 февраля 1794 г. управляющий мануфактурой Н. Доброскоков сообщал правителю Харьковского наместничества Ф. Кишенскому, что 17 февраля «бежали безвестно» из приписанного к мануфактуре с. Званое «подданные Иван Григорьев сын Решетков с женою, с детьми да с братом родным Кондратом с женою». Доброскокову было приказано «иметь крепкое смотрение ко удержанию фабричных людей от побегов». Несмотря на то, что в распоряжении управляющего был отряд в 20 казаков, в марте 1794 г. с «фабрики» вновь бежало 35 чел. В 1795—1797 гг. побег «от несносных притеснений» участились⁸.

Большинство беглых, особенно из приписных, возвращалось домой. Некоторые из них попадали в крепостную кабалу. И. Даниленко, например, бежав с соляных промыслов в 1769 г., перешел к помещику Левковичу. Наемные люди часто уходили к другому работодателю, который больше платил. Так, 19 рабочих бежало с селитроварен Милорадовича на селитроварни

¹ ХФЦГИА, ф. 665, д. 1025, т. II, л. 160.

² ЦГИА УССР, ф. 56, оп. 8, д. 1, л. 50; д. 2, л. 80.

³ ХФЦГИА, ф. 31, д. 20, лл. 13—18.

⁴ Там же, ф. 353, оп. 2, д. 74, лл. 14, 15, 25, 26.

⁵ Там же, ф. 31, д. 25, лл. 10, 13, 18—19, 25, 27, 31.

¹ ХФЦГИА, ф. 372, д. 4, лл. 440—443.

² Там же, д. 13, лл. 514—515; ф. 371, д. 33, л. 238.

³ Там же, ф. 371, д. 41, лл. 482—538.

⁴ Там же, д. 62, лл. 299—310; д. 70, лл. 493—496.

⁵ Там же, ф. 399, д. 473, лл. 6, 16—17.

⁶ ЦГИА УССР, ф. 53, д. 579, л. 50.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 3, д. 308, л. 46.

⁸ ХФЦГИА, ф. 632, д. 2392, лл. 2, 7; д. 2325, л. 13; ф. 1374, оп. 1, д. 334, л. 1.

Деева в Чугуеве (8 чел.), Зашаловского в Мартовой (4 чел.) и в Харькове (7 чел.)¹.

За беглыми работными людьми организовывались погони, пойманных жестоко наказывали. Например, в «промемории» торской соляной конторы говорилось: «Бежавших с торских соляных заводов с казенных работ Рыльского уезда, села Ивановского, Филиппа Бондарева, Семена Фоменко... за побег их при собрании всех рабочих людей учинить на страх другим, дабы смотря на то другим неповадно было, наказание»².

Борьба работных людей не ограничивалась пассивным сопротивлением, она выливалась в открытые столкновения с хозяевами, надсмотрщиками, охраной и воинскими командами³.

Крупным выступлением работных людей на Слобожанщине в XVIII в. явилось восстание на Глушковской мануфактуре в 1797—1798 гг. Волнения начались подачей жалоб в июле—октябре 1797 г. Ходатаем работных людей стал бывший писарь П. Слюсарев. В июле он написал первую жалобу в Суджанский уездный нижний земский суд. Подробно описав тяжелые условия жизни и работы крестьян и мастеровых мануфактуры, крепостнический произвол, которому они подвергались со стороны владельца и управляющего, П. Слюсарев просил произвести расследование «и обо всем учинить резолюцию». Требования работных людей были очень скромные: отменить установленные в 90-х годах непомерно большие подати и другие повинности и возобновить выплату жалованья. Однако суд даже не счел нужным принять эту жалобу на рассмотрение.

31 июля П. Слюсарев обратился с жалобой в Курское губернское правление, в которой просил «рассмотреть налоги и другие утеснения» управляющего, «влекущие в крайнее изнеможение и упадок» просителей, и «онные налоги яко излишние отставить и за полученный излишний... сбор их удовлетворить»⁴. Просьба снова осталась без последствий.

Тогда П. Слюсарев повторил жалобу, после чего 5 сентября на мануфактуру прибыл курский губернатор С. Бурнашев. Губернатор сам увидел те жуткие условия, в которых жили и работали мастеровые. Боясь усиления волнений, он уговорил работных людей, «чтоб безмятежно продолжали работу сукон... и ожидали в скорости и спокойно удовлетворения»⁵. Не дождавшись обещанного, П. Слюсарев 24 сентября явился к нему в Курск за ответом, губернатор издевательски заявил: «Всевоз-

укрыли, а в Долбино не допустили даже осмотреть дворы беглецов»¹.

В с. Веселое, Сумского уезда, 8 семей (24 чел.) крестьян местного сотника Ямпольского стали готовиться к побегу. Их организатором был И. Близнюк. Заметив это, Ямпольский забрал у них весь скот и приказал слугам зорко за ними следить. Крестьяне обратились за помощью к жителям соседних сел. 20 апреля 1765 г. группа крестьян из сел Поповки, Видневки и Чернетчины — В. Дьяченко, С. Шевченко, К. Вороненко, П. Кузьменко и др., вооруженные косами и кольями, напали на усадьбу Ямпольского в Веселом и разгромили ее.

Крестьяне отобрали у помещика свой скот, взяли из его амбаров 43 чети зерна и уехали. Жители соседних сел проводжали беглых, охраняя от возможной погони, на протяжении 20 верст от Веселого. Беглецы остановились в имении сумского полкового обозного Савинова. На основании жалобы Ямпольского полковая канцелярия предложила Савинову возвратит беглых крестьян их владельцу, на что тот ответил отказом².

Таким образом, побег крестьян на Слобожанщине из отдельных уходов во второй половине XVII в. выросли в массовые побег в 60-х годах XVIII в., нередко превращаясь в вооруженные схватки с крепостниками.

Участилось также открытое неповиновение крестьян своим помещикам, казаков старшинам, жители разных селений отказывались выполнять казенные повинности. Еще при Петре I, в 1704 г., жители Маяка отказывались платить рублевый сбор. Жители Сенного в 1731 г. отказались подчиниться есаулу Шарому. Количество таких отказов росло с каждым десятилетием³. Волна отказов казаков, их свойственников и подпомощников повиноваться старшинам прокатилась по Ахтырскому полку в 1763—1764 гг. Крестьяне ряда сел отказались подчиняться своим помещикам и записались на Украинскую линию и в пикинерские полки. В этом движении немалую роль сыграл своими призывами к неповиновению ахтырский житель Яготинец, который за это по указу Сената в 1767 г. был сослан в Нерчинск на каторгу⁴.

Подобные случаи происходили и в других полках. Изюмские казаки в 1764 г. не приняли назначенного им полковника Краснокутского. Острогосские казаки отказались подчиниться новому сотнику Бедряге. Управляющий именем графа П. Девьера

¹ ХФЦГИА, ф. 371, д. 62, лл. 301—302, ф. 399, д. 473, лл. 6, 16—17.

² Там же, ф. 372, д. 17, л. 165; ф. 371, д. 35, л. 1071.

³ Там же, ф. 372, д. 27, лл. 737—738; ф. 371, д. 37, лл. 20—70.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 14, д. 257, л. 16; ф. 1374, оп. 1, д. 334, л. 3.

⁵ Там же, ф. 1374, оп. 1, д. 334, л. 10.

¹ ХФЦГИА, ф. 406, д. 280, лл. 1, 4.

² Там же, ф. 381, д. 2, лл. 1—2, 13; ф. 379, д. 472, лл. 14—17; ф. 399, д. 618, лл. 1—12.

³ Там же, ф. 353, д. 23, л. 1; ф. 27, д. 20, лл. 1—2; д. 21, лл. 76—80.

⁴ Там же, ф. 404, д. 64, лл. 84—87; д. 66, л. 68; д. 159, лл. 509—511; ф. 399, д. 489, л. 8.

Деева в Чугуеве (8 чел.), Зашаловского в Мартовой (4 чел.) и в Харькове (7 чел.)¹.

За беглыми работными людьми организовывались погони, пойманных жестоко наказывали. Например, в «промемории» торской соляной конторы говорилось: «Бежавших с торских соляных заводов с казенных работ Рыльского уезду, села Ивановского, Филиппа Бондарева, Семена Фоменко... за побег их при собрании всех рабочих людей учинить на страх другим, дабы смотря на то другим неповадно было, наказание»².

Борьба рабочих людей не ограничивалась пассивным сопротивлением, она выливалась в открытые столкновения с хозяевами, надсмотрщиками, охраной и воинскими командами³.

Крупным выступлением рабочих людей на Слобожанщине в XVIII в. явилось восстание на Глушковской мануфактуре в 1797—1798 гг. Волнения начались подачей жалоб в июле—октябре 1797 г. Ходатаем рабочих людей стал бывший писарь П. Слюсарев. В июле он написал первую жалобу в Суджанский уездный нижний земский суд. Подробно описав тяжелые условия жизни и работы крестьян и мастеровых мануфактуры, крепостнический произвол, которому они подвергались со стороны владельца и управляющего, П. Слюсарев просил произвести расследование «и обо всем учинить резолюцию». Требования рабочих людей были очень скромные: отменить установленные в 90-х годах непомерно большие подати и другие повинности и возобновить выплату жалованья. Однако суд даже не счел нужным принять эту жалобу на рассмотрение.

31 июля П. Слюсарев обратился с жалобой в Курское губернское правление, в которой просил «рассмотреть налоги и другие утеснения» управляющего, «влекущие в крайнее изнеможение и упадок» просителей, и «оныя налоги яко излишние отставить и за полученный излишний... сбор их удовлетворить»⁴. Просьба снова осталась без последствий.

Тогда П. Слюсарев повторил жалобу, после чего 5 сентября на мануфактуру прибыл курский губернатор С. Бурнашев. Губернатор сам увидел те жуткие условия, в которых жили и работали мастеровые. Боясь усиления волнений, он уговорил рабочих людей, «чтоб безмятежно продолжали работу сукон... и ожидали в скорости и спокойно удовлетворения»⁵. Не дождавись обещанного, П. Слюсарев 24 сентября явился к нему в Курск за ответом, губернатор издевательски заявил: «Всевоз-

можно старался за удовлетворение вас за майора Доброскокова, но денег не мог сыскать»¹.

После этого глушковцы решили обратиться с просьбой к царю Павлу I. В Петербурге это письмо 15 октября попало к генерал-прокурору Куракину, который 3 ноября переслал его в Мануфактур-коллегию. Здесь долгое время занимались сбором сведений и объяснений от владелицы мануфактуры Потемкиной, курского и слободско-украинского губернаторов, но по существу дела ничего не предпринимали.

В Глушково тем временем начались волнения — отказ людей от работы, перебранка с управляющим и т. д. Владелица, узнав об этом, 10 октября сообщила Бурнашеву, что она в скором времени вышлет часть денег для выплаты заработка мастеровым. 16 октября Курское губернское правление отослало в Путивльский земский суд «указ о скором удовлетворении» просьбы глушковцев. По поручению суда в конце октября «указ» привез на мануфактуру поручик Е. Стремоухов.

Слушать «указ» собралось много рабочих людей, и когда они узнали, что денег опять не будет, в толпе поднялся шум. Стремоухов пытался грубыми окриками заставить их замолчать, но Слюсарев «ударил его и тем прервал объяснение»². Документы указывают, что Стремоухов грубым обращением подал к этому повод³. Произошедший инцидент свидетельствовал о переходе рабочих людей от просьб к более активной борьбе против эксплуататоров. Губернатор Бурнашев в одном из писем Куракину признал, что еще в сентябре он «нашел... умы мастеровых, угнетенных скудностью, готовые на всякую крайность»⁴.

Узнав об инциденте со Стремоуховым, губернатор 17 ноября направил на мануфактуру для расследования асессора Аксакова и обратился к Куракину с просьбой разрешить применение оружия в случае, если глушковцы окажут «ослушание». Генерал-прокурор такое разрешение дал. Таким образом, уже в ноябре губернатор получил полномочия на вооруженную расправу с работными людьми и крестьянами в Глушково.

Приехав на мануфактуру, асессор Аксаков увидел, что мастеровые управляющему Доброскокову не подчиняются, на работу выходят нерегулярно, на допрос к нему также никто не хотел идти. Докладывая губернатору обо всем этом, Аксаков писал о необходимости арестовать П. Слюсарева, что было не легко, так как мастеровые охраняли своего вожака.

17 ноября Потемкина прислала на мануфактуру 5 тыс. руб., составлявших лишь часть задолженности по заработной плате.

¹ ХФЦГИА, ф. 371, д. 62, лл. 301—302, ф. 399, д. 473, лл. 6, 16—17.

² Там же, ф. 372, д. 17, л. 165; ф. 371, д. 35, л. 1071.

³ Там же, ф. 372, д. 27, лл. 737—738; ф. 371, д. 37, лл. 20—70.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 14, д. 257, л. 16; ф. 1374, оп. 1, д. 334, л. 3.

⁵ Там же, ф. 1374, оп. 1, д. 334, л. 10.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 14, д. 257, л. 17.

² Там же, ф. 1374, оп. 1, д. 334, л. 10.

³ Там же, л. 17.

⁴ Там же, л. 15.

Этой подачкой рабочие люди не удовлетворились. Волнения продолжались. В декабре владелица назначила нового управляющего И. Креткина. Последний обратился в Путивльский земский суд с просьбой немедленно арестовать П. Слюсарева, как главного «зачинщика» «неповиновения» рабочих людей на мануфактуре.

Вечером 25 января 1798 г. П. Слюсарев был схвачен поверенным «фабрики» И. Ващекиным и с «нарочным» отправлен через Рыльск в Путивль. Не прошло и часа после ареста П. Слюсарева, как в Глушково раздался звук набата. Мастерские собрались во дворе мануфактуры, ворвались в дом управляющего, схватили и избили Креткина, а затем «взложи на него цепь, замкнули». То же самое они сделали с ненавистным мастером А. Семерейкиным. Восставшие пытались расправиться и с Ващекиным, но не нашли его. Узнав, куда отправили арестованного П. Слюсарева, мастера организовали погоню и в ту же ночь освободили своего руководителя.

Местный поп, придя на мануфактуру, пытался «увещевать» людей, чтобы не бунтовали, но рабочие люди его «с нечестью выслали вон, объявляя: и вы-де сообщники управителю и прочим, побываем и к вам в дом»¹.

Возвратившийся на мануфактуру П. Слюсарев стал во главе движения. Объявив себя управляющим предприятия, он объездил села, приписанные к мануфактуре, и призвал крестьян никому, кроме него, не подчиняться и, «вооружаясь, идти в Глушково». В результате он уже в первый день «присовокупил себе фабричных... более тысячи человек»². Несмотря на это, выступление глушковских рабочих людей было стихийным. В нем приняли участие преимущественно беднейшие прослойки «фабричных» и крестьян. В документах указывается, что восставшие «разоряют несочувствующих с ними людей дома..., пошли по селению ловить и бить несогласяющих... служителей и прочих». Не было единства и среди восставших, в конце января 1798 г. у них начался разлад. 27 января несколько человек ворвались в фабричное помещение, где содержался Креткин, и «разбив замок и сложа с шеи цепь, отвели в дом господский». Группа повстанцев во главе с П. Слюсаревым арестовала и вновь посадила Креткина, а затем «пошедши по селению, делали несогласующим побои»³.

Несмотря на раздоры среди глушковцев, восстание привело в ужас помещиков окрестных сел. Глушковские помещики Н. Бабарсов и П. Кочетов, «спасая жизнь свою, оставя свои дома и имущества», в панике бежали⁴.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 14, д. 257, лл. 3, 5, 10.

² Там же, л. 6.

³ Там же, лл. 6, 10, 11.

⁴ Там же, л. 7.

27 января губернатор Бурнашев приказал командиру расквартированного в Курске Черниговского кирасирского полка генералу фон Эссену отправить полк на подавление восстания в Глушково. Прибыв 29 января в Суджу и получив от путивльского и суджанского земских комиссаров сообщения о том, что в Глушково «буйство и дерзость умножаются», Бурнашев обратился за помощью к слободско-украинскому губернатору А. Теплову. В секретном письме 30 января он писал последнему, что «немалое количество крестьян... Глушковской суконной фабрики селений формально взбунтовали против начальства, буйство свое распространяя», и просил его оказать «через войско в Слободской губернии совоюкупную помощь»¹.

Теплов не заставил себя долго ждать. 31 января он направил к месту восстания 2 чугуевских казачьих полка в количестве 2200 чел. с 2 пушками. Маршрут движения обоих полков был разработан с таким расчетом, чтобы изолировать район восстания от Сумского и других уездов. Войска должны были никого не пропускать ни в ту, ни в другую сторону и задерживать «подозрительных». Одновременно Теплов дал указание сумскому земскому исправнику М. Лаврентьеву установить в селах уезда наблюдение и собирать сведения «о расположении сил крестьян к соблюдению общего спокойствия и тишины» и, если кто-либо будет замечен «в подговорах и возмущениях жителей, таковых немедленно... отсылать в Харьков с благонадежным присмотром»².

Между тем Бурнашев вместе с кирасирами Черниговского полка 31 января прибыл в с. Снагость, в 15 верстах от Глушково. Отсюда он разослал в «фабричные» села «увещевательные письма», призывая восставших выдать Слюсарева и других «зачинщиков» и прекратить сопротивление. В противном случае он грозил «зло сие истребить силою оружия..., поразить огнем и мечом преступников»³. С повинной к губернатору пришли только представители сел Кульбаки и Мужичы, остальные «взбунтовавшиеся» села либо заявили, что они «никого не послушают», либо ничего не ответили. Не было ответа и из Глушково.

Утром 1 февраля 1798 г. Бурнашев по заранее разработанному плану повел наступление на восставшие села. В Глушково в это время собралось до 3 тыс. чел. Почти 4 тыс. повстанцев было рассредоточено в остальных «фабричных» селах. Однако восставшие не сумели использовать свое численное превосходство, так как им недоставало элементарной организованности. У них не было выработано никакой не только наступательной, но и оборонительной тактики. При таких обстоятельствах полк

¹ ХФЦГИА, ф. 665, д. 408, л. 1.

² Там же, лл. 2, 11—12.

³ «Красный архив», 1938, № 6, стр. 212.

фон Эссена в 378 чел. буквально за несколько часов расправился с многочисленными толпами восставших.

Сначала кирасиры связали и передали земской полиции 163 чел. в с. Комаровка и д. Вишневка. В Глушково — центре восстания — произошло то же самое. После нескольких выстрелов, произведенных царскими войсками, восставшие начали разбегаться, и лишь отдельные люди оказывали сопротивление. Несколько смельчаков бросилось на генерала фон Эссена, намереваясь его убить, другие в это время пытались задушить управляющего Креткина. Стычки происходили и на территории мануфактуры: «в рабочих светлицах при сопротивлении и забрании под стражу людей многое число разных инструментов разломано»¹. В тот день в Глушково было арестовано 337 чел., остальные разбежались.

После расправы над глушковцами Бурнашев вновь разослал свое обращение по «фабричным» селениям с требованием прислать к нему «старейших» с повинной. Крестьяне многих сел, видя свое бессилие, повиновались. Не явились лишь представители сел Сухиновки, Веселого и Кобылок. Царские войска, медленно направленные в эти села, расправились с «ослушниками»: 222 чел. было арестовано, остальные скрылись.

Так закончилось восстание глушковских рабочих людей. 2 февраля Бурнашев сообщал губернатору Теплову: «Возмущение, происходившее на Глушковской фабрике и в прикосновенных к ней селениях, совершенно усмирено»². Тем не менее Теплов, опасаясь распространения беглыми глушковцами волнений на Слобожанщине, приказал земским исправникам Сумского, Ахтырского, Богодуховского и Харьковского уездов «немедленно учинить... изыскание о сыске бежавших и, если найдены будут, отправить без замедления по пересылке за крепким караулом к путивльскому и суджанскому земским комиссарам»³.

Затем была произведена жестокая расправа над работными людьми и крестьянами Глушковской мануфактуры. Руководителем расправы явился губернатор Бурнашев. По известным сведениям, арестовано 722 участника восстания, из них 47 чел., в том числе и П. Слюсарева, отправили в Курск, где почти месяц длилось следствие.

Суд крепостников вынес приговор: П. Слюсареву произвести 200 ударов кнутом, вырезать ноздри, поставить «знаки» и сослать на каторгу в Нерчинск, его жене — 30 ударов и сослать с мужем на каторгу, 6 чел. — по 70 ударов, вырезать ноздри и сослать на каторгу в Нерчинск, 18 чел. — по 30 ударов и сослать на Иркутскую казенную суконную мануфактуру, 2 чел. — по 30

ударов, 3 чел. — по 10 ударов кнутом, 16 чел. — наказание плетьюми с оставлением на Глушковской мануфактуре. Кроме того, были подвергнуты физическому наказанию 251 чел. с оставлением также на работе в Глушково¹. Участь остальных арестованных неизвестна.

13 марта 1798 г. после публичной экзекуции вожаки восстания были отправлены в Сибирь. Павел I не преминул высоко оценить палачей — Бурнашеву и фон Эссену дал ордена, а мероприятия Теплова удостоил «одобрения»².

Последующие страницы истории края, как и всей страны, свидетельствуют о том, что никакими кровавыми расправами крепостники не смогли сломить волю народа к свободе. Угнетенные массы не прекращали своей борьбы против крепостничества.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1374, оп. 1, д. 334, лл. 59, 62.

² Там же, л. 63; ХФЦГИА, ф. 665, д. 408, л. 43.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1, оп. 14, д. 257, л. 12.

² ХФЦГИА, ф. 665, д. 408, л. 34.

³ Там же, л. 27.

ВЫВОДЫ

В XVI в. массы русских и украинских крестьян начали переселяться в так называемое «дикое поле». Русские шли из Подмосковья, Владимира, Ярославля и других мест и заселяли Курско-Белгородский и Воронежский края. Украинцы приходили с Киевщины, Волыни, Подолии, Тернопольщины, Львовщины и оседали на Полтавщине. Заселение русскими и украинцами юго-восточных степей страны продолжалось в XVII—XVIII вв. Основной причиной перемещения масс крестьянства в «дикое поле» являлось усиление феодально-крепостнического гнета. В результате вслед за Курско-Белгородским и Воронежским краями были заселены Нижнее Поволжье, Дон, Слободская Украина, Новороссийский край. Заселение огромных пространств целинных земель имело исключительной важности экономическое, внутреннее и международное политическое значение для России. В этом историческом процессе большая роль принадлежала Слободской Украине.

В XVI в. на Слобожанщине появляются русские и украинские «уходники», сыгравшие важную роль в начале заселения и хозяйственного освоения края. В это время здесь устанавливается регулярная сторожевая служба Русского государства. В конце века русское правительство строит города Цареборисов, Валуйки и Старый Оскол, а в 30—40-х годах XVII в.— города Вольный, Хотмыжск, Усерд и др.

Поддерживая извечные братские связи, с середины XVI в. украинские казаки все чаще переходят на службу Русскому государству. В первой половине XVII в. переселяются значительные группы украинцев из Поднепровья в Россию, на Слобожанщину. Строится г. Чугуев. Созревают условия для массового заселения Слободской Украины.

С укреплением государственной власти в «диком поле» царское правительство стало полновластным хозяином всех

богатств края. С начала XVII в. здесь появляются крупные земельные владения поместного типа — «юрты», затем, особенно с 30-х годов, правительство стало раздавать земли в небольшом количестве на поместных правах служилым людям. Превращение поместий в вотчины до середины века в известных документах не отмечается, однако укрепление в ряде мест поместного землевладения путем межевания, несомненно, подготовляло почву для такого перехода в будущем.

Многие поселенцы и приходившие на сезонное время «уходники» занимались бортничеством, рыбной ловлей и охотой. Слобожане, а также люди, прибывавшие из Курско-Белгородского края и Левобережной Украины, налаживали солеварение на Торских озерах. В это время украинцы и русские положили начало селитроварению в крае. Налаживалась внутренняя торговля и торговые связи с различными городами России и Украины.

Уже первые поселенцы края делились на классы и сословия феодального общества, присущие России и Украине того времени. Однако в условиях «дикого поля» крупных помещичьих хозяйств имелось немного, крепостных крестьян было мало. Трудовое население в массе состояло из казаков и служилых людей разных низших разрядов. Оно эксплуатировалось на строительстве укреплений и на сторожевой службе, а также в личных хозяйствах воевод и приказных людей, что вызывало классовые столкновения.

Заселение Слобожанщины произошло во второй половине XVII в. Поток русских переселенцев был незначительным, вследствие политики царизма, препятствовавшей переселению сюда русских крестьян. Приход украинцев во второй половине этого столетия носил массовый характер, особенно после поражения, испытанного украинским народом в битве под Берестечком в годы освободительной войны, а также предательских выступлений гетманов Выговского, Брюховецкого, Дорошенко и разрушительных нашествий турецких орд.

Русское правительство, понимая огромное преимущество городов и сел с постоянным населением перед оборонительными сооружениями — валами, засеками, надолбами, а также перед временными отрядами станичников и сторож, всячески содействовало переселению украинцев на Слобожанщину. Правительство оказывало поселенцам материальную помощь для обзаведения хозяйством, оно разрешило украинцам селиться целыми селами и городами. В результате было образовано 5 больших округов (Харьковский, Сумской, Ахтырский, Изюмский и Острогожский полки) с казацким устройством.

Слобожане стали надежной защитой нового края и, следовательно, южной границы Русского государства от турецко-

татарской агрессии. Слобожанщина сыграла важную роль в заселении будущей Екатеринославщины и в создании предпосылок для завершения борьбы России за Северное Причерноморье. Наконец, население края, выросшее с 80 тыс. до 1 млн. чел. за 150 лет, явилось основной производительной силой, которая на бывшем «диком поле» сравнительно за короткое время создала значительное местное хозяйство.

История землевладения на Слобожанщине показывает, что до 80-х годов XVII в. здесь складывалось мелкопоместное, а по существу крестьянского типа землевладение массы украинских казаков и русских служилых людей. Казацко-крестьянское землевладение в то время занимало основную земельную площадь края. До последней четверти XVII в. здесь существовало несколько крупных монастырских владений. Постепенно выделялось небольших размеров землевладение казацких старшин и русских помещиков, которых поддерживало царское правительство.

Как известно, землевладение феодалов в XVII в. в основном начиналось с так называемых пожалований. Правительство жаловало феодалам не только незанятые земли, но и заселенные людьми. Часто пожалования представляли собой официальную экспроприацию казацко-крестьянских земель и передачу их крепостникам в поместье, а затем и в вотчину.

В XVIII в. наделение земель слободско-украинских помещиков становится редким явлением. В то же время правительство щедро раздавало им грамоты на земли, приобретенные у казаков-крестьян путем захватов и покупки. В результате из общей площади 5,5 млн. дес. земли больше половины перешло в руки крепостников, преимущественно помещиков-украинцев. Монастырское землевладение образовалось так же, как и светских феодалов. Оно составляло более 100 тыс. дес., в 80-х годах XVIII в. почти все эти земли были секуляризированы.

Вследствие роста помещичьего землевладения казацко-крестьянский земельный фонд в крае значительно сократился. Средний размер подушного землевладения крестьян также уменьшился. В то же время росла группа крестьян, владевших сотнями десятин земли. Со второй половины XVII в. земля с каждым десятилетием все более превращалась в предмет купли-продажи, что свидетельствовало о росте товарно-денежных отношений в стране, о вовлечении в рыночную сферу этим путем как помещиков, так и крестьян.

Слобожане, несмотря на трудности, связанные с татарскими нападениями, освоением «дикого поля», непрерывным несением сторожевой службы и частыми военными походами, а также усиливавшийся феодально-крепостнический гнет, создавали местное земледельческое хозяйство.

В обработке земли вначале господствовала переложная система, но уже во второй половине XVIII в. во многих хозяйствах существовало трехполье. Удобрение почвы навозом применялось только на огородах. Земледельческие орудия плуг, соха, борона, коса и серп оставались почти без изменений. Постепенно развивалось огородничество и садоводство. Основные культуры были те же, которые разводили на Украине и в России с давнего времени. Однако появляются и новые культуры: в середине XVII в. стали разводить дыни, арбузы и виноград; во второй половине XVIII в.— садить картофель и тутовые, или шелковичные, деревья. Наряду с земледелием население занималось животноводством. Слобожане разводили лошадей, коров, овец, коз, свиней в основном местных пород. С начала XVIII в. разводятся тонкорунные «шленские» и «шпанские» овцы, возникают помещичьи и казенные конные «заводы».

Земледельческое и животноводческое хозяйство помещиков, духовенства и казны было основано на крепостном труде, а казаков и крестьян — на личном труде.

С середины XVII в. за полтора столетия на Слобожанщине выросла разнообразная и значительная для того времени промышленность. Широкое распространение получило ткацко-полотняное и суконное производство, развившееся из крестьянских промыслов в ремесло, а затем в мануфактуру. В крае были развиты кожевенно-скорняжная, швейная, металлообрабатывающая, деревообрабатывающая, гончарно-керамическая, кирпичная, гутно-будная и другие отрасли промышленности.

Важное значение имело местное селитроварение. Оно началось в 20-х годах XVII в. и давало много сырья для производства пороха в стране. В начале XIX в. в Слободско-Украинской губернии находилось 40% селитроварен всей России.

Развивались также отрасли пищевой промышленности. В первую очередь это относится к мельничному промыслу и винокурению. По неполным сведениям, в 1785 г. в крае было 1513 мельниц, перерабатывавших на муку и крупу почти 1 млн. четей зерна, в то же время насчитывалось около 5 тыс. винокурных котлов, в которых выкуривалось более 1 млн. ведер водки. Население, используя местные лесные, степные и водные богатства, занималось охотой, рыболовством и пчеловодством.

Все отрасли промышленного производства начинались с крестьянских промыслов. На их основе выросли многочисленные ремесла. В некоторых отраслях появились предприятия мануфактурного типа. Первыми из них можно считать частные селитроварни и казенные солеварни. В первой четверти XVIII в. возникают казенная Ахтырская табачная и посессионная Глушковская суконная мануфактуры. Во второй половине этого века появляются помещичьи суконные мануфактуры в Салтове,

Буймере, Писаревке и Никитовке. Возникли также кирпичные, кожевенные, медно-расковочные и мыловаренные предприятия.

Солеварение, селитроварение, мельничное дело, пчеловодство, как и ткацкая, скорняжная, швейная и другие отрасли производства, начинались по инициативе крестьянско-казацких масс. Однако вскоре казна прибирает к своим рукам торские, а затем бахмутские солеварни, а старшины-помещики — большую часть мельниц, винокурен, селитроварен и стекольных предприятия. Но помещики и казна оказались не в состоянии обеспечить развитие данных отраслей промышленности на основе применения крепостного труда. Как в сельском хозяйстве пришли в упадок казенная десятинная пашня, арбузные огороды и виноградники в Чугуеве, шелководство в Водолаге, так и все промышленные предприятия в руках казны становились убыточными: пасеки приходили в запустение, селитроварни, солеварни и мельницы сдавались на оброк частным лицам. Ахтырская табачная «фабрика» была закрыта ввиду отсутствия желающих взять ее в аренду. Солеварни использовались арендаторами сковород до 80-х годов XVIII в., затем в связи с появлением на рынке дешевой крымской соли они оказались заброшенными. И только посессионная Глушковская суконная мануфактура просуществовала до XIX в. и превратилась в капиталистическую фабрику.

Более устойчивым было положение старшинско-помещичьих предприятий. Помещикам удалось удержать в своих руках до конца XVIII в. значительную часть винокурен, мельниц и селитроварен. В это время они даже открыли ряд суконных и других мануфактур. Однако заметно увеличивалось количество предприятий, владельцами которых становились разбогатевшие казаки и крестьяне.

Многие зажиточные казаки и крестьяне в XVII в. и особенно в XVIII в. занимались солеварением.

С конца XVII в. старшины-помещики все чаще прибегают к найму мастеров — селитроваров, мельников, стекловаров и др. На предприятиях купцов, зажиточных крестьян, казаков и мещан использовался в основном наемный труд.

Развитие производительных сил и общественного разделения труда на Слобожанщине, находившееся в тесной связи с общим экономическим развитием страны и формированием всероссийского рынка, обусловило рост местной торговли. В условиях опасности татарских набегов расширению торговых связей благоприятствовали льготы, предоставленные правительством слобожанам.

Формы торговли были такими же, как и на Поднепровье и в России (лавки, гостиные двory, однодневные еженедельные торги, ярмарки). Особенно большую роль играли ярмарки. На

Слобожанщине торги и ярмарки стали собираться с середины XVII в. Через 150 лет первых насчитывалось около 2 тыс., вторых — около 300. Торги происходили по 1—2 дня в неделю на протяжении года, ярмарки были по 2—4 раза в году, преимущественно осенью и зимой и длились от 2 дней до 4 недель.

Основная масса предметов торговли покупалась и продавалась местным населением. В лавках, на торгах и ярмарках торговали хлебом, жирами и другими продуктами питания, а также обувью, металлическими, деревянными, керамическими, ткацкими и прочими местными изделиями.

Хлеб, производимый слобожанами, частично шел на внутренний рынок. Его покупали малоимущие крестьяне, ремесленники и другие слои городского населения. Значительная его часть закупалась винокурами и казной для нужд армии. Небольшое количество пшеницы и пшеничной муки, проса, пшена и аниса вывозилось в соседние губернии. В конце XVIII в. начался вывоз пшеницы через Таганрог за границу. Водка долгое время продавалась на местном рынке и частично отправлялась на Дон. Затем ее стали поставлять военному ведомству и в города центральных районов России.

Крупный рогатый скот, овцы и лошади также являлись объектом внутренней торговли. Часть скота в XVIII в. слобожане продавали в Москву, Петербург и другие города.

Распространена была торговля продуктами пчеловодства, садоводства и табаководства.

До середины XVIII в. население края употребляло соль в основном местную — торскую и бахмутскую. Во второй половине и особенно в последней четверти века ее стали завозить из Крыма, Маныча и Эльтонских промыслов.

Из промышленных районов России купцы привозили ткани, кожи, железо и изделия из него, серебряную и медную посуду и т. п. Много товаров поступало и с Поднепровской Украины. Среди предметов торговли большую роль играли русские товары: железо и металлические изделия — косы, серпы, топоры, пилы, а также сукно, полотно, кожа и т. д.

Заграничные товары (дорогие ткани, хрустальные и серебряные изделия, виноградные вина, пряности), привозимые из Турции, Персии, Молдавии, Польши и других стран, представляли собой предметы роскоши, покупаемые узким кругом богатых людей.

Издавна по территории Слобожанщины проходили пути транзитной торговли. Русские и украинские купцы проезжали на Дон и в Крым. После ликвидации внутренних таможенных перегородок и присоединения Крыма к России во второй половине XVIII в. Слободская Украина начинает играть важную роль в экономических связях центральных русских областей с Крымом

и Новороссийским краем, а также Поднепровской Украины с Доном, Поволжьем, Приуральем и Кавказом.

Внутренняя торговля почти полностью находилась в руках слободско-украинских торговых людей. Торговля с русскими и украинскими городами осуществлялась русскими, украинскими и частично слободско-украинскими купцами. Торговые связи с западноевропейскими странами через Васильковскую таможенную (под Киевом) поддерживались украинскими купцами и нежинскими торговцами-греками, а через Ригу и Петербург — петербургскими и московскими купцами.

Торговля края к концу XVIII в. была важной составной частью сложившегося всероссийского рынка.

В неразрывной связи с экономическим развитием края происходили социальные изменения в составе населения. Ряды переселившихся на Слобожанщину украинских старшин-шляхтичей пополнялись разбогатевшими казаками и в результате насчитывали около 300 фамилий. Вместе с русскими помещиками (32 фамилии) и помещиками иностранного происхождения (29 фамилий) они составляли местный господствующий класс. Старшины-помещики с последней четверти XVII и до конца XVIII в. захватили разными способами большую часть земельных богатств и закрепили более половины казацко-крестьянского населения края.

Среди рядового населения в течение первых десятилетий преимущественное положение занимало слободско-украинское казачество, которое в XVII в. делилось в основном на казаков полковой и городской службы. В связи с ростом имущественного неравенства среди казачества с конца века оно стало подразделяться на выборных казаков, находившихся на полковой службе, и на казацких подпомощников. Казаков с их сыновьями и родственниками в Харьковском, Сумском, Ахтырском и Изюмском полках было в 1732 г. 23 565 чел. и в 1763 г. 58 231 чел., подпомощников — соответственно 72 226 чел. и 108 301 чел. Во дворах казаков жили подсоседки-захребетники, состоявшие преимущественно из разорившихся казаков, которых насчитывалось в 1732 г. в 4 полках 12 978 чел. Подпомощники оказывали материальную помощь казакам в несении службы и вместе с казацкими родственниками составляли резерв полковых казаков. Подсоседки за питание и жилье работали на своих хозяев. С преобразованием Слободских полков в 1765 г. казаки, подпомощники и подсоседки были превращены в податное сословие войсковых казенных обывателей, делившихся на привилегированных, плативших подушную подать по 95 коп. и имевших право курить водку, и на непривилегированных, которые платили по 85 коп. подушной подати и не имели права на курение водки.

В конце XVIII в. в крае проживало 75 тыс. однодворцев, состоявших из бывших детей боярских, стрельцов, пушкарей,

затинщиков и других русских служилых людей низших разрядов. Здесь также были небольшие группы приписных, дворцовых и экономических крестьян, которых насчитывалось около 30 тыс. чел.

Основная масса украинских и русских поселенцев на Слобожанщине в начальное время была свободной и составляла казачество. К концу XVIII в. большая половина слобожан попала в крепостную зависимость преимущественно от казацких старшин. В 1768 г., например, из 381 745 крестьян мужского пола помещикам принадлежало 196 336 чел.

Полковые города Харьков, Сумы, Острогжск, Ахтырка, Изюм, сотенные города Суджа, Лебедин, Богодухов, Купянск и др. в течение первых десятилетий служили военными опорными пунктами в борьбе против турецко-татарской агрессии. Одновременно в них развивались ремесла, торговля. Росло городское торгово-промышленное население, которое формировалось в основном за счет казаков и крестьян.

В 80-х годах XVIII в. городские жители составляли почти 12% населения края, однако среди них было 75% земледельцев. Торгово-промышленная прослойка горожан составляла около 1,5% всего населения Харьковского наместничества.

Захваты крестьянско-казацких земель, закрепощение и эксплуатация казаков-крестьян обуславливали классовые противоречия и антикрепостническую борьбу народных масс. Слободско-украинские казаки-крестьяне, однодворцы, работные люди и городские низы боролись против гнета воевод, старшин-помещиков, царских чиновников и других крепостников. Слобожане принимали активное участие в крестьянско-казацких восстаниях под предводительством С. Разина, К. Булавина и Е. Пугачева. Работные люди края, как и других районов России, вели непрерывающуюся борьбу с угнетателями.

Социально-экономическое развитие Слобожанщины, как и всей страны, в период феодально-крепостнического строя привело к его разложению и появлению капиталистического строя. В условиях капитализма в крае произошли значительные сдвиги в хозяйственной и общественной жизни.

Совершенно новые, грандиозные социально-экономические преобразования осуществлены в нашей стране в результате Великой Октябрьской социалистической революции. Рабочие, колхозное крестьянство и трудовая интеллигенция Украины в братском содружестве со всеми советскими народами под руководством Коммунистической партии успешно строят коммунистическое общество.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМГ — Акты Московского государства
 АЮ и ЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России
 ВУА — Военно-ученый архив
 вып. — выпуск
 д. — дело
 дд. — дела
 д. — деревня
 дес. — десятина
 док. — документ
 ед. хр. — единица хранения
 Записки ООИДР — Записки Одесского общества истории и древностей
 изд. — издание
 К. — Киев
 кв. — квадратный
 л. — лист
 лл. — листы
 м. — местечко
 оп. — опись
 отд. — отделение
 п. — пуд
 ПСЗ — Полное собрание законов
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 с. — село
 Сборник РИО — Сборник Русского исторического общества
 Сборник ХИФО — Сборник Историко-филологического общества при Харьковском университете
 сл. — слобода
 Спб. — С.-Петербург
 стб. — столбец
 Труды ВЭО — Труды Вольного экономического общества
 ф. — фонд
 ф. — фунт
 Х. — Харьков
 х. — хутор
 ХОГА — Харьковский областной государственный архив
 ХФЦГИА — Харьковский филиал Центрального государственного исторического архива СССР
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР
 ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР
 ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде
 ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР
 ч. — часть
 четк. — четверик
 четь — четверть (мера веса и площади)
 Чтения МОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава I. НАСЕЛЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВО КРАЯ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.	29
Начало заселения края русскими. Приток украинского населения. Социальный состав населения. Возникновение казацко-крестьянского землевладения. Возникновение помещичьего землевладения. Отрицательное влияние татарских набегов. Складывание земледельческого хозяйства. Промыслы. Налаживание торговли.	
Глава II. МАССОВОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ СЛОБОЖАНЩИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.	88
Причины массового переселения украинцев с Поднепровья. Заселение городов и сел края украинцами и русскими.	
Глава III. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII И В XVIII в.	115
Образование казацко-крестьянского землевладения. Формы землевладения русских и украинских поселенцев. Изменения в казацко-крестьянском землевладении. Рост старшинско-помещичьего землевладения. Церковно-монастырское землевладение. Распределение земли между классами и сословиями в конце XVIII в.	
Глава IV. РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ЖИВОТНОВОДСТВА	181
Пашенное земледелие. Рабочая сила в сельском хозяйстве. Посевная площадь. Урожайность хлебов. Огородничество. Садоводство. Шелководство. Животноводство.	
Глава V. ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО	234
Ткачество: промыслы, ремесла и мануфактуры. Кожевенно-скорняжное производство. Швейное производство. Металлообработывающее производство. Деревообрабатывающее производство. Гончарно-керамическое и кирпичное производство. Стекольное производство. Добыча и обработка мельничного камня и кремня для кресал. Будные промыслы. Добыча селитры. Мельничное производство. Винокурение. Пчеловодство. Рыболовство. Охота. Добыча соли. Табачное производство.	

Глава VI. РОСТ ТОРГОВЛИ	33.
-----------------------------------	-----

Торговая политика правительства. Торговые лавки. Недельные торги. Ярмарки. Торговые люди. Размеры торговли.

Глава VII. СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ОСНОВНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ	366
---	-----

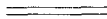
Слободско-украинское дворянство. Казаки-компанейцы. Подпомощники. Подсоседки и захребетники. Одинодворцы. Крепостные крестьяне. Городское население.

Глава VIII. КЛАССОВАЯ БОРЬБА	407
--	-----

Выступления казацко-крестьянских масс в 50—60-х годах XVII в. Слобожане в крестьянской войне 1670—1671 гг. Движение крестьянских масс в конце XVII — начале XVIII в. Участие слобожан в восстании Кондратия Булавина. Обострение классовой борьбы в середине XVIII в. Участие слобожан в крестьянской войне под предводительством Емельяна Пугачева. Выступления крестьян в последней четверти XVIII в. Движение рабочих людей.

Выводы	450
------------------	-----

Список сокращений	458
-----------------------------	-----

Слюсарский Антон Григорьевич
**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ СЛОБОЖАНЩИНЫ
XVII—XVIII вв.**

Редакторы Б. А. Фоменко, К. Ф. Дроздова
Переплет художника А. И. Ивахненко
Технический редактор М. И. Лиманова
Корректор И. В. Лапенко

Сдано в набор 28/XI 1963 г. Подписано к печати 30/XII 1963 г. Бумага 60 x 90¹/₁₆.
Бум. лист. 14,38. Печ. лист. 28,75. Усл.-печ. лист. 28,75. Уч.-изд. лист. 29,8 + 1 вклейка.
Изд. № 154. Тираж 2200. БЦ 12857, Зак № 4-1934. Цена 90 коп.

КАРТА СЛОБОДСКО- УКРАИНСКИХ ПОЛКОВ

Условные обозначения:

- ⊙ Полковые города
- Сотенные местечки
- Слободы и села
- ☆ Соляные промыслы
- Общая граница Слобожанщины
- Граница полков
- - - Белгородская черта
- ⊕ Новокрамская линия